

8 53(5к)
М 25

ЭК

А.Х.МАРГУЛАН

СОЧИНЕНИЯ

1

А. Х. МАРГУЛАН

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ ҒЫЛЫМ АКАДЕМИЯСЫ
Ш.Ш.УӘЛИХАҢОВ АТЫНДАҒЫ ТАРИХ ЖӘНЕ ЭТНОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ
Ә.Х.МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ
АКАДЕМИК ӘЛКЕЙ МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚОР

Ә.Х.МАРҒҰЛАН

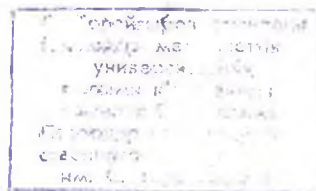
ШЫҒАРМАЛАР

1

ТОМ

ОРТАЛЫҚ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ
БЕҒАЗЫ - ДӘНДІБАЙ
МӘДЕНИЕТІ

460 953

«АТАМУРА»

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ - АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ЭТНОЛОГИИ ИМ. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА 43
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А. Х. МАРГУЛАНА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД ИМ. АКАДЕМИКА АЛЬКЕЯ МАРГУЛАНА

А. Х. МАРГУЛАН

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ

1

БЕГАЗЫ-ДАНДЫБАЕВСКАЯ
КУЛЬТУРА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
КАЗАХСТАНА

АЛМАТЫ

1998

Главный редактор

Н.А. НАЗАРБАЕВ

Редакционная коллегия:

АКИШЕВ К.А., БАЙПАКОВ К.М. (зам. главного редактора),
БЕРДИБАЕВ Р.Б., ВАЛИХАНОВ Ш.Е., ИБРАЕВ Ш.И.,
КОЗЫБАЕВ М.К. (зам. главного редактора), КОШАНОВ А.К.,
МАРГУЛАН Д.А. (ответственный секретарь), ОРЫНБЕКОВ М.С.,
СЕЙДИМБЕК А., ТАСМАГАМБЕТОВ И.Н., НЫСАНБАЕВ А.Н., ЧОКИН Ш.Ч.

НАУЧНЫЙ КОНСУЛЬТАНТ ТОМА: АКИШЕВ К.А.

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ: КУРМАНКУЛОВ Ж.К., ТАЙМАГАМБЕТОВ Ж.К.

СОСТАВИТЕЛИ: МАРГУЛАН Д.А., МАРГУЛАН Д.

М 21 **Маргулан А.Х.** Сочинения. В 14 томах. Том 1. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана /составители Д.А. Маргулан, Д. Маргулан, — Алматы: Атамұра, 1998, — 400 стр., илл.

ISBN 5-7667-8456-2

ISBN 5-7667-8455-4

Первый том издания посвящен анализу памятников Центрального Казахстана эпох неолита и бронзы. Автором обобщены все исследованные им самобытные памятники бегазы-дандыбаевской культуры — кульминационного этапа эпохи бронзы Центрального Казахстана, развившейся на основе древнего горного дела и металлургии. Большое внимание уделяется проблемам периодизации памятников, исследованию вопросов ирригации и хозяйственного уклада, строительного, ювелирного, керамического и др. искусств. История бегазы-дандыбаевской культуры рассматривается в тесной связи с социальными процессами того времени. Книга богато иллюстрирована. Она рассчитана на научных работников — историков, археологов, этнографов, искусствоведов, преподавателей, студентов исторических факультетов вузов, а также на широкий круг читателей, интересующихся древней историей Казахстана.

М $\frac{0504000000-174}{418(05)-98}$ без объявл., 98

ББК 63.4 (5 каз)

ISBN 5-7667-8456-2

ISBN 5-7667-8455-4

© Атамұра, 1998

Дорогие читатели!

Год народного единства и национальной истории ознаменован выходом в свет первого тома Собрания сочинений академика А. Х. Маргулана, великого ученого, гражданина и гуманиста. Колоссальная эрудиция, неустанный творческий поиск, пронизательный ум, огромное трудолюбие и любовь к своему народу позволили ученому представить историю материальной и духовной культуры кочевников и их преемников казахов в энциклопедическом объеме. Наша история своими корнями уходит в глубь веков, в эпоху бронзы, когда на основе горного дела и металлургии возникла самобытная бегазы-дандыбаевская культура. Подвижническая работа великого казахского ученого и его последователей положила начало познанию цивилизации, существовавшей на территории Казахстана около 4 тысяч лет тому назад. Исследование этой неведомой прежде неотъемлемой части ранней истории мира поставило имя А. Х. Маргулана в один ряд с именами выдающихся археологов, открывших нам древние цивилизации Египта, Месопотамии, Китая, Индии. Открытие А. Х. Маргулана получило в наши дни развитие, и Казахстан стали называть колыбелью древнейших культур Евразии.

С обретением независимости все более отчетливо встает необходимость обращения к своим истокам, осознание своей истории, перед каждым встает вопрос, кто мы, живущие на древней земле Казахстана? Труды А. Х. Маргулана по истории архитектуры и земледелия, устного народного творчества и древнетюркской письменности, искусству кочевников Великой Степи помогают нам найти ответ на этот вопрос. Знание истории и культуры своего народа необходимо для формирования подрастающего поколения, тех, кто будет жить в III тысячелетии.

В трудах А. Х. Маргулана мы постигаем мировоззрение кочевника, жителя Великой Степи. Как и степь, он открыт миру, что предполагает способность к диалогу и восприятию культур других народов. Эта традиция уважения является основой современных отношений между народами, живущими в Казахстане. Развитие этой традиции необходимо для углубления интеграционных процессов на евразийском пространстве.

Нурсултан Назарбаев

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ИЗДАНИЮ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ АКАДЕМИКА А.Х. МАРГУЛАНА

На апрельском 1998 года Годичном общем собрании Министерства науки — Академии наук Республики Казахстан было принято решение об издании Собрания сочинений академика Алькея Хакановича Маргулана.

А.Х. Маргулан (1904—1985) — крупнейший казахский ученый-обществовед, основатель археологической и этнографической школ в Казахстане. Блестящий талант и необыкновенная эрудиция А.Х. Маргулана наряду с исключительной трудоспособностью позволили ему создать значительное количество научных работ по истории материальной и духовной культуры казахского народа.

Историческое значение трудов А.Х. Маргулана прежде всего в том, что в них предстает древняя история Казахстана, ученому принадлежит открытие бегазы-дандыбаевской культуры, существовавшей на территории Центрального Казахстана в эпоху бронзы. Эта самобытная культура сконцентрировала лучшие творения древних жителей Сарыарки. Возникновение ее связано с тем, что при зарождении культуры энеолита и бронзы Центральный Казахстан был крупнейшим центром металлургии. Исследования А.Х. Маргулана свидетельствуют о том, что бегазы-дандыбаевская культура возникла на основе андроновской и отличается от последней появлением совершенно новых элементов. Становление этой самобытной культуры происходило в предскифское время, хорошо прослеживается ее эволюция и переход в культуру ранних кочевников. Если Казахстан в историческом смысле понимается как страна кочевников, то зарождение ее происходит именно в эту эпоху, когда заканчивается предскифское время и появляются первые кочевники.

А.Х. Маргулан открыл и описал множество памятников металлургии, рудники Джекказган, Саяк, Алабуга, Урпек, Имантау, Коунрад, Шакпак, древние медеплавильные центры Джекказган, Суук-Булак, Атасу, Каркаралы. Им обнаружены остатки крупных гидротехнических сооружений, плотин, запруд, огражденных искусственных водоемов.

В эпоху бронзы произошло первое крупное общественное разделение труда, население занималось скотоводством, земледелием и металлургией, это находит отражение в строительном искусстве, керамике, обработке металлов. Здесь уместно вспомнить об азиатском способе производства, отличающемся от западного. История Востока, восточные цивилизации имели независимую природу, собственные источники развития, определяющие их специфику и самобытность. Восточные общества пронизаны особыми духовными взаимосвязями, имеющими своеобразный язык, код общения. Все слои населения в той или иной форме оказывались приверженцами тех ценностей и идеалов, которые существовали в данном обществе и постоянно воспроизводились имеющимся механизмом целостности.

Казахстан, как и все новые независимые государства с их пробуждающейся самобытностью и спецификой, стоит на пороге обретения своей действительной истории, имеющей независимые корни и происхождение.

В этом свете трудно переоценить значение научного наследия А.Х. Маргулана, адекватно отразившего в своих трудах имманентные формы духовности казахов, самобытность материальной культуры.

Плодотворно используя понятие цивилизации, А.Х. Маргулан в своих работах осуществляет новую методологию цивилизационного подхода.

Научное наследие А.Х. Маргулана, его вклад в историю материальной и духовной культуры казахского народа не получил всестороннего освещения. Отдельные труды, изданные при жизни ученого и после его смерти, стали библиографической редкостью.

Настоящее издание планируется в форме полного Собрания сочинений ученого. Труды будут выходить в следующем порядке:

- Том 1. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана**
- Том 2. История горного дела и металлургии в Казахстане**
- Том 3. Наскальные гравюры Сарыарки**
- Том 4. Каменные изваяния Сарыарки**
- Том 5. Архитектура Казахстана**
- Том 6. История оседлых поселений и орошаемого земледелия в Казахстане**
- Том 7. Казахское народное прикладное искусство**
- Том 8. Метеор над нивой востоковедения**
- Том 9. Эпикалық жыр шығарудағы ежелгі аңыздар**
- Том 10. Қазақ халқының орта ғасырлардағы ерлік жырлары**
- Том 11. Орта ғасырлардағы қазақ әдебиеті**
- Том 12. История культуры казахского народа**
- Том 13. Сал-серілер. Олардың қазақ мәдениетіне қосқан үлесі**
- Том 14. Сборник статей разных лет**

Труды академика А.Х. Маргулана написаны на русском и казахском языках. Редакционная коллегия приняла решение издавать их на языке оригинала. Возможно, некоторые работы будут издаваться на двух языках.

Географические и топонимические названия, существовавшие во время написания работ, будут сохранены.

Научный аппарат, данный автором, будет сохранен.

Научные комментарии, сопровождающие каждый том, большей своей частью взяты из архива ученого.

Заключение, данное автором к каждому труду, будет дано на трех языках — казахском, русском, английском.

В первый том «Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана», в отличие от первого издания 1979 года, включена глава «Истоки культуры бронзы Центрального Казахстана», написанная при жизни А.Х. Маргулана. Некоторые уточнения во второй части монографии сделаны в соответствии с рукописями автора и его замыслами. Монография дополнена новыми иллюстрациями.

ЖИЗНЬ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. Х. МАРГУЛАНА. ТВОРЧЕСКИЙ ОБРАЗ УЧЕНОГО

Алькей Хаканович Маргулан родился 11 мая 1904 года в Акпетинской волости (ныне Баянаульский район Павлодарской области). Отец будущего ученого Хакан – прямой потомок знаменитого Олжабай-батыра, объединившего совместно с Богенбай-батыром, Наурызбай-батыром, Кабанбай-батыром под знаменем Абылай-хана, отстаивших родину в войне с джунгарами. Олжабай-батыр был ближайшим сподвижником Абылай-хана, его знаменосцем. Подвиги Олжабая воспевал Бухар-жырау, его воины слушали наставления Каздауысты Казыбека. Олжабай-батыр жил во времена независимого Казахстана, известно, что в 1772 году Олжабай-батыр и Едиге-бий пишут письмо русской императрице Екатерине II с требованием вернуть северные казахские земли, Кулундинскую степь.

Зимовкой Олжабая были красивейшие окрестности озера Жасыбай, ныне называющиеся перевал Дулата в честь сына Олжабая, бывшего в свое время управителем Айдабулской волости. Летом племя Малгозы-Айдабол откочевывало на берег р. Шидерты. Отец Алькея Хакан и мама Нурила знали много народных сказок и легенд, дома звучали народные песни, стихи и песни Абая. Потомок Олжабая Алькей научился читать и писать в 5 лет, с юных лет знал наизусть эпосы «Кобланды», «Алпамыс», «Кер-оглы», «Козы-Корпеш и Баян-Сулу». В доме Хакана бывали Машхур-Жусуп Копеев, Жаяу Муса, Имантай Сатпаев и другие известные в степи люди.

Начальное образование Алькей получил в аульной школе. С 1915 года учился в трехклассной русской школе в Баянауле, в 15 лет едет учиться в гимназию в Екатеринбург, но учеба обрывается из-за гражданской войны. В 1919 году Алькей Хаканович поступает на учительские курсы в г. Павлодаре, живет в доме знаменитой певицы Майры, где впитывает напевы степи, кюи Таттимбета. После окончания курсов в 1920 г. возвращается в родной аул и работает учителем в Далбинской школе. В 1921 году поступает в Семипалатинский техникум, директором которого был выдающийся казахский просветитель Абиkey Зеинович Сатпаев. В 1939 году Алькей Хаканович женится на дочери А. З. Сатпаева Раушан Абиkeyевне.

В годы учебы в Семипалатинске Алькей Хаканович сотрудничает в редакциях журнала «Тан» и газеты «Қазақ тілі». Здесь он знакомится с Мухтаром Омархановичем Ауэзовым, дружба с которым связывает его на долгие годы. Духовное наследие великого Абая становится в этот период темой исследований А. Х. Маргулана. Вместе с М. О. Ауэзовым они едут на родину Абая, в горы Чингизтау, знакомятся с сыном Абая Турагулом и внуком Джабраилом, великолепно исполнявшим песни Абая. В эти же годы Алькей Хаканович знакомится с Магжаном Жумабаевым, крупнейшим казахским поэтом, их связывает сердечная дружба.

По совету М. О. Ауэзова в 1925 году Алькей Хаканович едет в Ленинград, где поступает на литературный факультет Восточного института, одновременно посещает лекции в Ленинградском университете и Институте истории искусств. А. Х. Маргулан писал: «В этих вузах мне посчастливилось слушать лекции самых выдающихся ученых нашей страны: академика В. В. Бартольда по исто-

рии и археологии Средней Азии, академика С. Ф. Ольденбурга по индийскому фольклору и искусству, академика И. Ю. Крачковского – по арабской филологии, Е. Э. Бертельса по персидской поэзии, С. Е. Малова по древнетюркским языкам, А. Н. Самойловича – по литературе народов Средней Азии, академиком Н. Я. Марра, И. И. Мещанинова, Л. В. Щербы по языкознанию, выдающихся востоковедов В. В. Струве, Б. Я. Владимирцова, Б. М. Эйхенбаума, С. И. Руденко, А. Ю. Якубовского, известного географа Г. Е. Грум-Гржимайло. Благодаря усилиям этих корифеев мы, студенты, уже на II курсе чувствовали себя учеными». Ему особенно были близки работы крупнейшего тюрколога Е. Э. Бертельса, арабоведа, знатока и переводчика Корана И. Ю. Крачковского, эпосоведа В. М. Жирмунского, академиком К. Розанова, Е. В. Тарле.

Успешно осваивая основы наук в Ленинграде, А. Х. Маргулан изучает первоисточники в богатейших архивах Ленинграда, увлекается сбором литературных и архивных материалов по истории и культуре казахского народа.

В эти годы он занимается и литературной деятельностью. В его переводе казахский читатель впервые знакомится с произведениями выдающихся русских и зарубежных писателей. В Ленинграде Алькей Хаканович знакомится с А. Затаевичем, приезжает вместе с ним на каникулы в родные края, где знаменитому музыковеду удалось записать много казахских народных песен.

В 1926–1927 гг. принимает участие в Казахстанской и Алтайской экспедициях Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик АН СССР под руководством академика А. Е. Ферсмана и профессора С. И. Руденко. Знание А. Х. Маргуланом быта и обычаев, нравов и культуры казахского народа оказало большую практическую помощь в работе антропологического отряда экспедиции. Результатом участия Алькея Хакановича в работе экспедиции явилась публикация им первых научных работ о племенах найман и адай.

В 1929 г. Алькей Хаканович заканчивает учебу в Восточном Институте, успешно защитив дипломную работу о творчестве Абая, затем он работает в Комитете нового алфавита при Наркомпросе КазССР. В 1931 г. А. Х. Маргулан поступает в аспирантуру Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) в Ленинграде. Здесь он вплотную занимается изучением восточных источников под руководством академика С. Ф. Ольденбурга и члена-корреспондента АН СССР А. Ю. Якубовского, специализируется по археологии и искусству Восточного Туркестана, принимает участие в ряде археологических экспедиций, возглавляемых известными археологами С. И. Руденко, М. П. Грязновым, А. А. Миллером, Н. И. Репниковым, пишет статьи о наследии Машхур-Жусупа Копеева, истории декабристов в Казахстане, казахской культуре и Алишере Навои, начинает исследование творчества Ч. Ч. Валиханова. В те же годы в ГАИМК учились А. П. Окладников, А. Н. Бернштам, С. П. Толстов, К. В. Сальников, И. И. Смирнов – будущий цвет советской науки.

Для своей кандидатской диссертации А. Х. Маргулан выбрал сложную малоизученную и в наше время представляющую огромный научный интерес проблему «Историческое значение ярлыков и пайдзе». По сути это была одна из первых попыток исследования письменных памятников кыпчакской этнокультурной общности. Справедливо считая кыпчакскую проблему ключевой в эт-

ногенезе казахского народа, Алькей Хаканович на протяжении всей жизни не упускал ее из поля зрения. Как известно, она тесно переплетена не только с этнической историей казахов, но и с историей тюркоязычных народов Средней Азии и Юго-Восточной Европы, поэтому исследования А. Х. Маргулана и ряда его учеников о кыпчаках проливают свет на историю многих народов Евразии. В 1943 г. им успешно защищена кандидатская диссертация. Высокую оценку работе дал известный востоковед Н. В. Кюннер.

С 1936 по 1938 гг. он является стажером, а затем и научным сотрудником Института истории материальной культуры АН СССР. Однако начинаются годы сталинских репрессий. Увлеченность молодого ученого проблемами национальной культуры не остается незамеченной, за этим следуют арест, изоляция в каземате Петропавловской крепости, затем в психиатрической клинике. Чудом уцелев, А. Х. Маргулан в дальнейшем неизменно находился под наблюдением органов, постоянно подвергался критике со стороны своих коллег. Так, партийный историк Б. Степанов в журнале «Большевик Казахстана» писал: «Доктор филологических наук Маргулан в своей книге «Эдыге в истории и преданиях» (1944 г.) наделяет Эдыге – этого злейшего врага русского народа – всеми лучшими чертами казахского народа, называет его истинным представителем народа». И далее Б. Степанов пишет: «В книге А. Маргулана «О характере и исторической обусловленности казахского эпоса» автор не дал партийного освещения тех задач, какие должны быть решены в этой книге. Извечная борьба за независимость, положенная в основу периодизации истории казахского эпоса, развитие производства, классовая борьба, чаяния и ожидания народных масс в борьбе против эксплуататоров – все это остается в тени». Подобные многочисленные пасквилы и доносы послужили причиной того, что А. Х. Маргулан целиком погрузился в археологические изыскания. Но и здесь возможность спокойно работать была иллюзией, о чем свидетельствует тот факт, что в волну репрессий 50-х гг. А. Х. Маргулан на несколько лет становится безработным.

В конце 1938 г. решением президиума АН СССР А. Х. Маргулан был направлен в Казахский филиал АН СССР. С тех пор он непрерывно работал в системе КазФАН СССР, позднее преобразованном в Академию наук Казахской ССР. В 1941–1946 гг. он заведует сектором истории, с 1946 по 1951 гг. – сектором археологии и отделом палеолита, с 1958 по 1976 гг. – отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР. С 1976 г. до конца жизни был старшим научным сотрудником отдела этнографии.

Основательное образование в сочетании с пылкостью ума и исключительным трудолюбием обеспечило ему право первооткрывателя во многих областях казахстанской науки: археологии, истории племен региона, истории культуры и искусства, этнографии и филологии казахского народа. С начала 40-х гг. А. Х. Маргулан наряду с изучением письменных памятников и исследованием духовной культуры и фольклора казахского народа одним из первых начинает заниматься поиском археологических памятников материальной культуры древних насельников Казахстана. По его инициативе был организован ряд археологических и этнографических экспедиций в самые глубинные районы казахских степей. А. Х. Маргулан прошел маршрутами караванных путей и кочевков казахов тысячи и тысячи километров, отыскал десятки архео-

логических памятников, всесторонне их исследовал и систематически описал. Он доказал, что Казахстан не был, как полагали до него многие исследователи, безжизненной пустыней, которую изредка пересекали кочевые пути номадов. Именно А. Х. Маргуланом были обнаружены и основательно изучены следы древней городской культуры Южного Казахстана в бассейнах рек Сырдарья, Талас и Чу. Он произвел предварительные археологические раскопки на Отраре, Таразе, Сайраме, Сыгнаке, Сарайчике. Одновременно собирал образцы казахских преданий, легенд и эпических сказаний.

Результатом этих исследований стала изданная в 1950 г. монография «Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана», в которой впервые были описаны крупнейшие центры городской цивилизации, дан их глубокий, научно обоснованный анализ.

А. Х. Маргулан впервые поставил вопрос о наличии в Казахстане и взаимодействии различных типов хозяйственно-культурной деятельности, показал необходимость их всестороннего изучения, поскольку в то время преобладало мнение о том, что в археологическом отношении Казахстан не представляет для науки интереса.

Результатом его исследований в области истории культуры казахского народа явилась защита в 1945 году докторской диссертации на тему «Эпические сказания казахского народа», в которой вопросы эпического жанра получили глубокое и всестороннее исследование. Высокую оценку работе дали академики В.А. Гордлевский и И.И. Мещанинов, члены-корреспонденты АН СССР В. М. Жирмунский и С. Е. Малов.

В 1946 г. Казахский филиал АН СССР преобразуется в Академию наук Казахской ССР, а А. Х. Маргулан, как видный ученый республики, избирается ее членом-корреспондентом, а в 1958 г. – действительным членом. В 1960 г. ему было присвоено звание профессора.

В послевоенное время по совету академика К. И. Сатпаева А. Х. Маргулан избирает объектом своих исследований Центральный Казахстан. Многолетние исследования позволили ученому сделать открытие в Центральном Казахстане в эпоху бронзы крупнейшего очага цивилизации и самобытной бегазы-дандыбаевской культуры. В течение трех десятилетий под руководством А. Х. Маргулана велись археологические изыскания памятников культуры племен эпохи бронзы и ранних кочевников. Эти исследования способствовали пересмотру ряда теорий об основных этапах генезиса номадизма, процесса эволюции хозяйства и культуры древнейших насельников региона, роли этнокультурных связей. В наше время, благодаря этим исследованиям, стало общепризнанным положение о том, что генетическим дериватом андроновской этнокультурной общности явилась сакская культурная общность, в пределах которой эволюционировало скотоводческое хозяйство древних насельников, а ключевым связующим звеном между ними явилась бегазы-дандыбаевская культура.

Результаты археологических исследований территории Центрального Казахстана были обобщены в фундаментальных монографиях: «Древняя культура Центрального Казахстана» (написана под руководством А. Х. Маргулана и при непосредственном его участии, в 1967 г. удостоена премии им. Ч. Ч. Валиханова), «Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана» и «История Казахской ССР» в пяти томах. Как один из ведущих авторов многотомной истории А. Х. Маргулан в 1982 г. был удостоен Государственной премии Казахской ССР.

Выход монографии А. Х. Маргулана «Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана» не вызвал резонанса в научной жизни республики. В цивилизованном мире открытие такого масштаба явилось бы сенсацией. У нас же не было ни одной научной конференции, посвященной этому вопросу! По существу этот труд открыл для научного сообщества тюркский мир как один из древнейших центров человеческой цивилизации, в основе которой были горное дело и металлургия.

А. Х. Маргулан всегда был многопланов в своих научных изысканиях, параллельно разрабатывал сразу несколько проблем, каждой из которых хватило бы для многолетнего изучения не одному десятку ученых. Со студенческих лет работая в архивах Ленинграда, Москвы, Омска и других городов, он по крупице собирал материалы о выдающемся казахском ученом Ч. Ч. Валиханове, его научные труды и всесторонне их исследовал. Результатом неустанной работы в этом направлении стало издание избранных трудов Ч. Ч. Валиханова в 1958 г.

В 1957–1967 гг. А. Х. Маргулан возглавил академическое издание собрания сочинений Ч. Ч. Валиханова в пяти томах. Этот огромный труд требовал от ученого колоссального напряжения и скрупулезного труда. А. Х. Маргуланом и его сотрудниками были выявлены десятки новых, прежде неопубликованных работ, рукописей, писем, записок. Необходимо было изучить наследие русских путешественников и ученых, современников Ч. Ч. Валиханова. Была проделана огромная работа по изучению всего рукописного наследия Ч. Ч. Валиханова, составлению комментариев, объяснению различных сюжетов, уточнению достоверности сообщений и т.д. Результатом источниковедческой работы явилось пятитомное собрание сочинений великого казахского ученого, вышедшее в 1961–1972 гг. Вступительная статья А. Х. Маргулана о жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова определила целое научное направление – чокановедение. К 150-летию юбилею со дня рождения ученого было подготовлено и выпущено под руководством А. Х. Маргулана второе издание. Алькей Хаканович планировал выпуск этого издания в шести томах, но осуществить этот замысел ему не удалось. Список источников для VI тома сочинений Ч. Валиханова хранится в архиве ученого.

Прослеживается некоторое сходство подходов к проблемам истории у этих двух выдающихся казахских ученых. И тот и другой получили прекрасное европейское образование, для обоих характерно глубокое постижение русской культуры и масштабный подход к проблемам истории, а также других гуманитарных наук. Своему любимцу Алькей Хаканович посвятил две монографии. «Чокан и Манас» вышла в 1971 г. В этой работе А. Х. Маргулан на основе сравнительного исследования различных вариантов киргизского эпоса «Манас» дает блестящий его анализ, а также показывает конкретный вклад Ч. Ч. Валиханова в его изучение. Монография «Метеор над нивой востоковедения» ждет еще своего выхода в свет.

Особое место в творчестве А. Х. Маргулана занимает архитектура Казахстана. Монография «Архитектура Казахстана», состоящая из четырех частей: «Древняя архитектура Казахстана», «Доисламская архитектура», «Архитектура средневекового Казахстана», «Архитектура позднего средневековья» оснащена огромным количеством иллюстраций и таблиц. Эта работа дает представление о совершенном чувстве композиции и гармонии, присущем нашим предкам. Работа ждет своего выхода в свет.

С точки зрения этнографии история материальной культуры кочевников и их преемников казахов представлена в фундаментальном труде «Казахское народное прикладное искусство», в котором системно представлены предметы быта казахов, одежда, жилище, предметы ювелирного искусства, их происхождение и эволюция. По существу это энциклопедия казахского прикладного искусства, оснащенная уникальным по полноте и сводным по характеру собранием шедевров народного художественного творчества. Этот фундаментальный труд в трех томах вышел уже после смерти ученого.

О своеобразии, глубине и насыщенности духовного мира наших предков свидетельствуют работы, посвященные легендам и эпическим сказаниям разных племен, истории письменности нашего народа. Поражает, с какой любовью и восхищением, как поэтически возвышенно писал он о культуре каждого из племен, образовавших казахский этнос. Сквозь время это урок и упрек трайбалистам нашего времени.

Возглавляя в течение многих лет Центрально-Казахстанскую археологическую экспедицию и отдел этнографии, А. Х. Маргулан способствовал развитию археологии и этнографии в Казахстане. Им подготовлено не одно поколение казахстанских ученых, этнографов, археологов, историков. Среди его учеников – видные археологи и этнографы, исследователи эпохи раннего железа – М. К. Кадырбаев и А. М. Оразбаев, древнетюркской эпохи Ф. Арсланова, кыпчакской этнической общности С. М. Ахинжанов, этнической истории казахов М. С. Муканов, семейно-брачных отношений у казахов Х. А. Арғынбаев и многие другие.

Неоднократно А. Х. Маргулан принимал участие в международных форумах и конгрессах.

За плодотворную научную деятельность он был награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и Дружбы народов. В 1962 г. ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки Казахской ССР.

Столь впечатляющая состоятельность, естественно, вызывает интерес к личности ученого. От природы мягкий и добрый человек, он никогда ни в большом, ни в малом не занимал предательских позиций. В целом жизнь его для постороннего глаза была на редкость однообразной. Преданность научной проблеме, видение в ее разрешении смысла жизни, всесторонняя образованность, гуманность, бескорыстие, несуетливость, достоинство, способность жертвовать собой были свойственны ему, составляли его человеческую суть. По существу это общие моменты, сближающие ученых-творцов. Специфика общественных, гуманитарных наук такова, что ученый-творец должен любить свой предмет и, если его предмет – история культуры, история народа, то ученый должен любить свою культуру, свою историю, свой народ, поскольку творчество в общественных науках не просто получение нового знания, но и понимание смысла бытия народа. Недаром, именно ученые-обществоведы подвергаются репрессиям, именно они открываются в своих пристрастиях, иначе сделать нечто значительное в науках об обществе невозможно. Такие ученые живут настоящими ценностями, и потому по-настоящему счастливы, хотя зачастую они не приняты обществом, не обласканы властями.

Избрав еще в юности свой путь в науке, Алькей Хаканович настолько был предан ему, что даже в минуты отдыха как бы был погружен в предмет своего исследования. Так, можно было наблюдать, как поздно вечером Алькей

Хаканович, устав, брал в руки домбру и наигрывал кюи, пел любимые им песни. И нам представлялось, что бескрайние степные просторы и древние города, бурлящая в них жизнь вставали перед взором ученого. Красота степи и древних городов, творения их жителей настолько восхищали его, что он как бы сам жил в ту эпоху. Алькей Хаканович не торопился с публикацией трудов, откладывал написанное, позднее вновь возвращаясь к нему. Огромную работоспособность до последних дней жизни можно, с одной стороны, объяснить методом работы, если утомляла работа в одной области исследований, он переходил к другой. К тому же скрупулезная работа с первоисточниками постоянно увлекала его в иные области исследований.

Когда читаешь рукописи А. Х. Маргулана, бросается в глаза большое количество эпитетов в превосходной степени. Ученый не скрывал своего восхищения творениями кочевников. Красота, раскрывавшаяся перед ним, любовь к родной земле, к своему народу были для него родником, из которого он черпал силы на протяжении всей жизни.

Крупнейший исследователь памятников Средней Азии, друг Алькея Хакановича проф. М. Е. Массон в юбилейном приветствии писал, что А. Х. Маргулан «не просто плодотворный исследователь, он принадлежит к той плеяде ученых-энтузиастов, вдохновение которых роднит науку с поэзией. Есть у него общее с деятельностью Чокана Валиханова, чьи произведения он пестовал при их издании. Оба прочно и навсегда вошли в науку».

А. Х. Маргулан прожил долгую жизнь и тем не менее поражает громада его научного наследия, диапазон предметных исследований ученого и временной охват истории. Академик Ш. Ч. Чокин в своей книге воспоминаний «Четыре времени жизни» пишет: «То, что он сделал для реставрации духовного наследия народа, выходит за рамки науки и имеет общечеловеческое значение».

А. Х. Маргулан ушел из этого мира 12 января 1985 года. Он относится к ученым-энциклопедистам, родившимся в дореволюционную эпоху. Сердцем он из той эпохи, поэтому ему так близок и дорог мир кочевника, со свойственным ему тотемным стилем мышления и трепетным отношением к духу предков, мир мифов и легенд, мир степных просторов, открытых Космосу, и юрты. Ученый с поэтическим видением, именно ему открылись веками копившиеся тайны нашего народа.

Академик А. Х. Маргулан оставил огромное научное наследие, по предварительным данным состоящее из 14 томов фундаментальных трудов. Только выпуск полного собрания сочинений позволит оценить титанический труд и понять осуществление грандиозного замысла.

Алькей Хаканович Маргулан пришел в этот мир с миссией, которую он достойно выполнил. Человек большого ума и сердца сквозь время приходит к нам сегодня своими трудами, которые сделали историю культуры казахов достоянием мирового сообщества.

МАРГУЛАН Данель Алькеевна,
вице-президент Международного фонда
имени академика А. Х. Маргулана

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Центральный Казахстан – громадное степное пространство, лежащее на севере от рр. Чу и Сырдарья, еще в древние времена поэтически названное Сарыарка. Сарыарка – обширное плоскогорье, окаймленное на юге Арало-Балхашской низиной, на западе – Каспийской равниной и Тургайской столовой страной, на севере – Западно-Сибирской низменностью и на востоке долиной Иртыша. По своим географическим условиям Центральный Казахстан представляет собой складчатую страну, изрезанную многочисленными реками и обширными водоемами. На фоне беспредельного степного моря возвышаются многочисленные горные цепи, создавая причудливую картину горно-степного пейзажа.

Территория Казахского нагорья была известна античным писателям, называвшим ее Аспазией, или Скифскими горами, из которых текли реки на юг, в Яксарт. По автору «Илиады», это была страна коневодов¹.

Древняя история Центрального Казахстана до нашего времени оставалась неизученной, в связи с чем возникло представление, что в малообитаемых северных степях Казахстана не было очагов культуры². Даже прекрасный знаток древней истории Средней Азии В. В. Бартольд считал, что «последней культурной местностью было пространство между берегом Сырдарьи и горами Каратау»³, а далее на север, по его мнению, лежала необитаемая степь. Эта ошибочная концепция была впервые опровергнута одним из ведущих исследователей древней истории Казахстана М. П. Грязновым⁴.

Результаты археологических исследований нашей экспедиции, раскопки большой серии памятников эпохи бронзы позволяют представить ясную картину исторического прошлого племен, населявших Центральный Казахстан в ту эпоху.

Культура бронзы находит свое яркое выражение в группах поселений, в культовых сооружениях и некрополях, в рудниках и оросительных сооружениях, в керамическом и каменотесном искусстве, а также в зачатках каменной скульптуры, в обработке металлических и костяных изделий. Все это в совокупности свидетельствует о том, что в Центральном Казахстане в эпоху бронзы и раннего железа, в период освоения меди, олова, свинца и других металлов, происходил бурный процесс развития и смены культур у многочисленных этнически родственными между собой степных племен. Необходимо отметить, что процесс этот был обусловлен природными пастбищными угодьями, сделавшими этот регион одним из крупных центров древней металлургии и древнего скотоводства.

Представленный труд является итогом многолетних археологических исследований в Центральном Казахстане. Перед нами стояла задача изучения основных проблем развития культуры предскифского времени в Казахстане, непосредственно перешедшей в культуру ранних кочевников, в связи с чем исследовался комп-

¹ Гомер. Илиада. М.-Л., 1935, с. 355.

² Руденко С. И. Скифская проблема и алтайские находки // Известия АН СССР. Серия «История и философия». 1944, с. 6.

³ Бартольд В. В. Соч. Т. III. М., 1965, с. 225; Т. V, с. 195.

⁴ Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. – СА, XVI. М., 1952, с. 129; Он же. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. – КСИИМК, вып. 61. М., 1956, с. 8.

лекс вопросов, позволяющих понять закономерности перехода от простых форм производства к более сложным. Мы надеемся, что наше открытие разрушит ошибочные представления и восполнит знания по древней истории.

В полевых исследованиях Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция опиралась на поддержку организаций Улутауского, Джезказганского, Жанаркинского, Шетского, Актогайского, Каркаралинского районов, музеев Джезказгана, Семипалатинска, Павлодара, Караганды, Целинограда. В работе экспедиции посезонно принимали участие археологи Л. Р. Кызласов, М. К. Кадырбаев, М. М. Оразбаев, Г. Н. Пацевич, Т. Н. Сенигова, А. Г. Максимова, Х. А. Алпысбаев, Г. В. Кушаев, художники П. В. Агапов, К. А. Власов, студенты Казахского государственного университета, Казахского педагогического института, Карагандинского педагогического института и другие. Автор выражает всем глубокую признательность и благодарность.

ВВЕДЕНИЕ

Богатые археологические памятники Центрального Казахстана давно привлекали к себе внимание путешественников¹. О них упоминают еще Ф. Скибин и М. Трошин, посланники Петра I к Тауке-хану, проехавшие от Тобольска до Туркестана через степи Северного и Центрального Казахстана².

Впервые о курганных сокровищах этих степей сообщил польский общественный деятель Юрий Крижанич (XVII в.). По его свидетельству, в это время здесь очень деятельно работали кладоискатели, которые раскапывали неизвестные гробницы древних народов, а добытые сокровища продавали в Тобольске³. Интересные данные по археологии и этнографии Центрального и Северо-Восточного Казахстана сумел собрать шведский ученый Ф. Страленберг (1676–1747 гг.). Сосланный в 1711 г. на поселение в Тобольск, он прожил здесь 12 лет, занимаясь географией, историей, археологией и этнографией местных народов. Он был превосходным рисовальщиком и успел воспроизвести на бумаге ряд археологических объектов, в том числе древние каменные сооружения, рудники, наскальные рисунки, надписи. «Это такая прекрасная древность, какую трудно найти в другом месте»⁴, — писал он о памятниках, расположенных между верховьями рек Ишим и Тобол (т.е. в Улутауской и Тургайской степях).

Огромный интерес к памятникам Центрального Казахстана проявлял Г. Ф. Миллер. Особенно его интересовали древние выработки, остатки плавильных печей, трейгердов, древние каменные сооружения, которые тогда находились еще в полной сохранности. Однако ханская власть препятствовала работам на этой территории. Миллер имел возможность путешествовать только по пограничным районам, расположенным по Горькой и Иртышской линиям.

Посещение территории Центрального Казахстана стало возможным только со второй половины XVIII в. С этого времени здесь побывали сотрудники второй академической экспедиции, в том числе И. П. Фальк, Х. Барданес, И. Г. Георги, П. С. Паллас, П. И. Рычков и другие, проявившие живой интерес к археологическим памятникам этого региона⁵. Об этих памятниках часто упоминают в своих записках офицеры-путешественники Волошанин, Н. Рычков, И. Андреев, Безносиков, работники Колыванского металлургического завода на Алтае Бурнашев, Снегирев, Поспелов и др. Наиболее интересные данные по археологии района в это время оставили Гавердовский, Г. Гене, Б. Ф. Герман, И. П. Шангин, Г. И. Спасский, Г. Н. Потанин, Х. Морен, Г. Розе, В. Ледебург, Гельмерсон и др.⁶.

Надо отметить, что работы ученых XVIII и первой половины XIX в. сводились к учету и фиксации памятников.

В первой половине XIX в. в Центральный Казахстан устремились десятки кладоискателей, которые хищнически грабили древние курганы и гробницы эпохи бронзы, уничтожая сотни уникальных памятников. Добытые предметы искусства из золота и серебра не передавались в музеи и по существу исчезали. О некоторых находках этого времени известно лишь от С. Б. Броневского, А. И. Бахирева и Дарто. Офицер С. Б. Броневский, человек образованный, писал, что им разрыто большое число каменных оградок и древних курганов, расположенных в горных долинах Каркаралинских и Кентских гор. Среди множества находок были уникальные образцы древнего искусства⁷. Он выбирал только металлические пред-

меты, керамикой пренебрегал, найденные вещи отправлял в Румянцевский музей. Чиновник Дарто также занимался «раскопками Каркаралинских курганов для извлечения древнего сокровища»⁸.

Особенно заядлым кладоискателем был секретарь Каркаралинского окружного приказа А. И. Бахирев. Судя по результатам этих раскопок, каркаралинские и баянаульские курганы в то время были еще целы. Множество бронзовых орудий, в том числе кельтов разных типов, вислообушных топоров, кайл, кинжалов и ножей, обнаруженных Дарто, Бахиревым, Фроловым, в 1868 г. было показано на выставке, устроенной в ауле по случаю приезда в степь Великого князя Владимира Александровича⁹. Наибольший интерес представляли бронзовые орудия, относящиеся к бегазы-дандыбаевскому времени. Экспонаты были сфотографированы профессором Петербургского университета Ф. К. Кесслером и преподавателем Омского кадетского корпуса Н. П. Буланже. Фотографии теперь хранятся в фонде Госархива Октябрьской революции и советского строительства в Ленинграде¹⁰.

Весьма ценный материал о культуре эпохи бронзы и ранних кочевников Центрального Казахстана собрал А. И. Шренк во время своего трехлетнего путешествия по этому краю. Его путь лежал от Петропавловска к низовьям р. Чу¹¹. Материалы А. И. Шренка теперь хранятся в Музее антропологии и этнографии (МАЭ) АН СССР (коллекция № 35). На обложке инвентарной книги написано: «По местонахождению предметы принадлежат Киргизской степи (т.е. Центральному Казахстану – А. М.), Алтайскому округу и Джунгарии». С. С. Черников их целиком относит к Восточному Казахстану. Однако пребывание А. И. Шренка на Верхнем Иртыше нигде не зафиксировано. Тогдашний генерал-губернатор Западной Сибири Горчаков разрешил ему проезд только до оз. Алакуль.

В коллекции А. И. Шренка значительно количество бронзовых орудий и предметов. Такое огромное количество металлических изделий не могло быть собрано только на поверхности земли; очевидно, производились археологические раскопки. И, несомненно, добрая половина их происходит из Центрального Казахстана, как написано на обложке инвентарной книги.

На основе трехлетних исследований на территории Центрального Казахстана А. И. Шренк написал ряд блестящих работ, из которых наиболее интересны для нас «Путешествие и исследования по Зооангарским Киргизским степям (1840–1843 гг.)», «Улутауская горная группа в своем топографо-географическом положении», «Заметки по топографии и этнографии»¹².

Прекрасные рисунки и чертежи хранятся в архиве А. И. Шренка.

Более подробные сведения об археологических памятниках Центрального Казахстана появляются во второй половине XIX и в начале XX в. благодаря усилиям ученых-краеведов. Среди ученых-энтузиастов того времени были такие выдающиеся деятели, как Н. М. Ядринцев¹³, Г. Н. Потанин¹⁴, С. Н. Гуляев¹⁵, В. В. Радлов¹⁶, Н. Я. Коншин¹⁷. Однако все они, за исключением В. В. Радлова, не могли проводить полноценные археологические раскопки. Их работы ограничивались учетом и фиксацией археологических памятников. Причем эффективным методом учета они считали рассылку инструкций и учетных листов казахским волостным управителям. Таким образом было собрано значительное количество данных о памятниках Каркаралинского, Баянаульского и других районов бывшей Семипалатинской области, которые получили частичное обобщение в трудах В. Никитина¹⁸ и И. А. Кастанье¹⁹.

Несмотря на усилия ученых-краеведов, памятники Центрального Казахстана долго оставались неизученными.

Археологическое изучение этого региона получило широкий размах только в советское время, когда начался рост экономики, культуры, науки. Первые археологические работы в Центральном Казахстане после Октябрьской революции провела Нуринская экспедиция ГАИМК, организованная в 1933 г. В ее составе работали известные археологи нашей страны П. С. Рыков (начальник экспедиции), М. И. Артамонов, М. П. Грязнов, Н. Арзютов, И. В. Сеницын и др. Важным достижением экспедиции было открытие знаменитого памятника Дандыбай в долине р. Шерубай-Нура, в 60 км к юго-западу от г. Караганды. Раскопка этого памятника неожиданно дала новые типы сооружений и керамики, не свойственные бронзовой культуре более раннего времени²⁰.

Неоценимый вклад в археологическое изучение Центрального Казахстана внесли геологи и представители естественных наук, в частности П. Л. Драверт, К. И. Сатпаев, В. А. Селевин, А. В. Мухля, А. Н. Формозов, Ю. А. Орлов, Г. Н. Щерба и др.²¹

Учетом и регистрацией археологических памятников этого района неумолимо занимались местные краеведы: Л. Ф. Семенов в Акмолинской и Карагандинской степях²², В. Е. Ясенецкая в Каркаралинском районе. Их коллекции хранятся в Карагандинском и отчасти в Целиноградском музеях²³.

Однако до 40-х гг. XX в. работы по археологическому изучению Центрального Казахстана носили спорадический характер, широкие и систематические археологические раскопки в этом регионе не производились, не было глубоких научных обобщений и систематизации материалов.

Новый этап обстоятельного и обширного изучения исторического прошлого Центрального Казахстана наступил после Великой Отечественной войны, когда наша страна оправилась от разрухи, и была создана Академия наук Казахской ССР. Необходимость широкого и планомерного исследования богатейших памятников Центрального Казахстана диктовалась тем, что в связи с развертыванием работ на новостройках и организацией крупных совхозов многие уникальные памятники района, особенно эпохи бронзы и раннего железа, находились под угрозой полного исчезновения. С этой целью была организована Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция (ЦКАЭ), постоянно работавшая в системе ИИАЭ АН КазССР. Свои полевые работы она проводила в контакте с местными научно-исследовательскими организациями, в частности с Джезказганским геолого-разведочным управлением.

ЦКАЭ работала более четверти века (1946–1974 гг.) с перерывом в 1953–1954 гг. Четкое планирование научно-исследовательских маршрутов дало возможность в короткий срок открыть и исследовать интересные памятники, изучить различные периоды древней истории Центрального Казахстана, начиная с эпохи неолита и кончая периодом раннего железа. Особенно большой материал собран по эпохе бронзы. Успехи экспедиции в немалой степени обусловлены правильной постановкой полевых исследований. Археологическим раскопкам предшествовали широкие рекогносцировки всех глубинных точек Центрального Казахстана. Разведки сопровождались инструментальными и глазомерными съемками.

В 1946 г. широкие поиски проводились по рекам Моинты, Сарысу и их водоразделам, охватывая широкое пространство от северных пределов пустыни

Бетпакдала до гор Улутау, верховьев рек Тургай, Джиланчик, долины рек Кенгир, Джезды, Байконур и Буланты²⁴.

На р. Сарысу обнаружены неолитические стоянки Борибас I, II, пещерная стоянка Теректыаулие с наскальными рисунками на потолках, изображающими диких лошадей, бизонов и барсов²⁵.

В Джезказгане исследовано погребение древнего человека дометаллической культуры. В предгорьях Улутау выявлен ряд обширных групп памятников эпохи бронзы (Жанайдар, Тогузбай-Коль, Айбас-Дарасы, Едыге (Коргантас), поселения Улутау, Жангабыл (Смырконг), составляющие западную границу распространения культуры бронзы в Центральном Казахстане. В долине р. Буланты обследованы обширные группы наскальных рисунков, открытых еще К. И. Сатпаевым. В верховьях Кара Кенгира выявлена интересная группа гуннских курганов²⁶.

В следующем году экспедиция продолжала широкую разведку в восточной Бетпакдале²⁷ в южных и юго-восточных районах Карагандинской области, по водоразделам рек Сарысу, Моинты, Нура и Токраун, включая районы Северного Прибалхашья, глубинные пункты Жанааркинского, Шетского, Актогайского и Каркаралинского районов.

В результате разведки в долинах основных водных артерий Центрального Казахстана (р. Сарысу, Нура, Ишим, Токраун и их многочисленных притоков) выявлено большое скопление памятников эпохи бронзы. Среди этих, теперь изученных памятников наиболее замечательны комплексы Кзыл-арай I, II, Бегазы, Бугулы I, II, III, Сангру I, II, III, Айбас-Дарасы, Аксу-Аюлы I, II, Балакулболды I, II, Аккойтас I, II, III, Ортау I, II, III, IV, V, VI и многие другие. Немало каменных некрополей открыто и вне речных долин, в межгорных впадинах и на равнинах (Беласар I, II, Егизек I, II, Караузек и др.).

Не меньшее значение имеет также изучение многочисленных поселений и жилищ древних скотоводов и металлургов Центрального Казахстана, о существовании которых прежде исследователи ничего не знали.

Особенно уникальны атасуская группа поселений (Атасу I, II, Дарат), поселения Бугулы I, II, Каркаралы I, II, III (Суук-Булак), Баянаульская группа (Тагибай-Булак, Каратомар, Ермектас, Шакпактас), группа поселений в долине рек Талды-Нура (Аккезен, Байбала, Шортанды-Булак, Сенкебай), Шерубай Нура (Кармыс, Аксу)²⁸, поселения Ахметаул, Кундызды в нижнем течении р. Нура.

Большой интерес представляет джезказганская группа поселений (Кресто, Златоуст, Милыкудук, Айнаколь, Соркудук), исследованная археологом Н. В.Валукинским²⁹.

В Каркаралинской степи наиболее значительны группы поселений Балакулболды, Бесоба в долине р. Акблек, в горах Кзыл-Арай, Кент, Бакты, Темирши (аул Караагаш), Кокшетау, Соранг (комплексы Аккойтас, Каракойтас), Коктас в долине р. Кусак; в Шетском районе – в долинах рек Талды-Нура, Шерубай-Нура, в горах Бугулы, в верховьях рек Жаксы, Сарысу (группа Укрек).

Обширные группы каменных некрополей Ортау расположены на равнинах у западного, восточного и северо-восточного подножий горного массива, в долине горной речки Жаман-Узен. Здесь сосредоточены памятники трех этапов: ранней, средней и поздней бронзы, но особенно интересны памятники переходного (III) и бегазы-дандыбаевского (IV) этапов. Они расположены в глущи

ких ущельях гор Ортау и представляют собой курганы-ограды, насыпи, обведенные крупными плитами, вкопанными на ребро. Характерно, что некоторые большие курганы-ограды соединены между собой дорожкой, вымощенной гранитными плитами. Памятники ранней и средней бронзы расположены ниже, на равнине, вдоль берегов р. Жаман-Узен, впадающей в р. Жаман-Сарысу. Обширный некрополь эпохи бронзы (Аиртау) находится в 60 км юго-западнее ст. Агадырь³⁰.

Надо отметить, что в каждой обширной группе некрополей имеются памятники разных этапов эпохи бронзы. Количество прямоугольных и квадратных оград из огромных плит гранита колеблется в пределах от 100 до 300. Это поистине города мертвых (Балакулболды, Беласар, Туркей, Укрек, Талды-Нура, Акблек, Темирши, Коктас, или Мын-Булак в долине р. Кусак и др.).

С эпохой неолита и бронзы связаны многочисленные группы наскальных рисунков, обнаруженные в отдельных частях Центрального Казахстана. Наиболее интересные из них находятся в пустыне Бетпакдала, на р. Сарысу, Шерубай-Нура, в районе Северного Прибалхашья и в горах Улутау³¹.

Знаки пиктографического письма обнаружены на гладкой поверхности прибрежного метаморфического сланца у г. Айгыр-Ушкан, в 9 км южнее совхоза «Кзылтау» Агадырского района Джезказганской области.

Наряду с разведками ЦКАЭ проводились раскопки ряда памятников, имеющих опорное значение для установления хронологии древностей Центрального Казахстана. В 1947 г. исследован малый плиточный мавзолей 4 Бегазы³². В 1948 г. при участии Л. Р. Кызласова вскрыты плиточные мавзолеи 2 и 3, кроме того, раскопано шесть оградок из ранней группы Бегазы³³.

В 1949 г. исследованы ранние (нуринского этапа) группы памятников эпохи бронзы в горах Акштатау и в долине р. Сокур, притока р. Шерубай-Нура.

Широкие археологические раскопки проводились в 1950–1952 гг. при участии сотрудников отдела археологии А. Х. Маргулана (начальник экспедиции), Г. И. Пацевича, К. А. Акишева, А. Г. Максимовой, Т. Н. Сениговой и художника П. В. Агапова. В 1951 г. изучены группы Былкылдак I, II, III, Карасай, Темирастау, Карабие, курган "37 воинов", расположенные у северо-западного и восточного подножий горы Корпетай, восточной стороной примыкающей к долине р. Нуртай. В 1952 г. экспедиция сосредоточила свои работы в долине р. Атасу и верховьях р. Шерубай-Нура, впервые ставших объектом научного исследования.

В долине р. Атасу исследована большая группа Айшрак, состоящая из двух подгрупп: более ранней (атасуский этап эпохи бронзы) и более поздней (переходный этап). В долине р. Шерубай-Нура произведены раскопки комплексов Аксу-Аюлы, Бугулы I, II, расположенных в 120 км южнее г. Караганды. В долине р. Бегазы, правого притока р. Токраун, полностью исследованы вся ранняя группа Бегазы и малые плиточные мавзолеи 5 и 6. Во всех шести группах в этом же году было изучено около 75 отдельных памятников.

В 1955 г. началось изучение замечательных групп памятников Сангру I, III, Айдарлы, Атасуского поселения I, менгиров, жертвенных мест эпохи бронзы и редких каменных изваяний в долинах рек Аксай, Дарат, Сартабан, Боксай – правых притоков р. Атасу³⁴.

Инструментально сняты планы поселений и крупных комплексов. В долине

р. Талды-Нура исследованы обширные группы Байбала, относящиеся к трем этапам эпохи бронзы: нуринскому, атасускому и переходному (курган-ограда с большим квадратным ящиком в центре). Изучены остатки жилища, облицованного крупными плитами гранита. В верховьях р. Нура, на территории совхоза «Бесоба» открыты медеплавильные центры эпохи бронзы (Жамантас и Комуттын-Карашоқысы), памятники переходного этапа типа курганов-оград, часто расположенные вместе или рядом с памятниками атасуского этапа. Наиболее крупные из них (Комуттын-Карашоқысы, Шлым, Мусуркеп-Жартас, Камкор, Молалы-Жал, Бесоба, Караоба, на территории совхоза «Инталы» Жетымшоқы, Актас и Ботагара) располагаются последовательно от истоков р. Нура до районного центра Ульяновского, в 60 км к юго-востоку от г. Караганды. В стороне от этой цепочки, в 30 км к юго-западу от пос. Ульяновского, расположен знаменитый рудник Алтын-тобе.

Спустя год экспедиция занималась изучением большой группы Жамбай-Карасу, предварительным исследованием поселений Бугулы I, II. Шурфовкой и пробными раскопками определили структуру жилищ и мощность культурного слоя³⁵.

Основная же работа состояла в раскопках большого кургана с оградой Бугулы III. Здесь вскрыты и исследованы мощные стены монументального сооружения, представляющего собой уникальный памятник архитектуры эпохи бронзы. В 1957 г. исследованы группы Ельшибек и Канаттас, предварительно обследован огромный комплекс Беласар, а также находящиеся рядом с ним у северного подножия горы Тайаткан в урочищах Маселе-Сай, Дюсен-Булак и Шодыр, две обширные группы памятников атасуского и переходного этапов³⁶.

В 1961 г. в Улутауской степи исследованы западные группы памятников эпохи бронзы, в том числе Улутауское поселение и группа поселений Каркаралы I, II, III (Суук-Булак), одновременно проведены разведки в восточной и юго-восточной частях Каркаралинской степи, включая долины гор Кент, Бокты, Темирши, Кокшетау, Соранг, Абралы, речные долины Талды, Тундук, Казангап и т.д. В долине р. Туркей, правого притока р. Казангап, была открыта одна из обширных групп памятников средней бронзы Центрального Казахстана, исследованы монументальные памятники из огромных гранитных плит, мощные ограды типа Беласар и Бегазы. Такие же памятники открыты в бассейне р. Кусак, в долине р. Мынбулак, возле древней выработки Коктас, в горах Кокшетау и Соранг, в долинах рек Аккойтас, Каракойтас, являющихся местом громадного скопления памятников разных времен. Еще одна мощная группа памятников разного времени типа Бегазы выявлена в северном предгорье Кызыл-Арай, в долине горной р. Сары-Улен. Среди них выделяются массивные ограды раннебегазинского времени, курганы ранних гуннов и тюркские ограды с каменными изваяниями. Исследование их откроет новую страницу истории Центрального Казахстана. В 1963 и 1967 гг. полностью исследованы комплекс Сангру I и монументальное архитектурное сооружение Бегазы I. В 1969 г. изучен самый крупный в Карагандинской степи комплекс Балакулболды, где представлены памятники разного времени. Из них наиболее интересны памятники раннебегазинского времени, характеризующие начало отпочкования от культуры средней бронзы (андрона) новых элементов, на основе которых впоследствии сформировался тип культуры Бегазы-Дандыбая. Исследование поселения эпохи бронзы Шортанды-Булак в последующие годы обогатило

науку. С целью выяснения закономерного перехода от поздней бронзы к раннему железу в 1971 г. обследована группа больших курганов раннескифского времени, расположенная в верховьях р. Токраун, в урочище Байштын-Карашокысы (Актогайский район Дзезказганской области). Внешне они очень сходны с курганами-оградами эпохи поздней бронзы, а именно: кольцевым обрамлением из вертикальных плит, врытых на ребро. К сожалению, курганы этой группы целиком разграблены. При тщательном исследовании в одном из курганов найдены две золотые накладки от ножен кинжала, случайно уцелевшие на краю усыпальницы. На каждой накладке имелись четыре рельефных изображения львов, сделанных весьма искусно. Хорошие результаты дали работы полевого сезона 1972 г. Была исследована самая западная группа памятников бегазы-дандыбаевского времени, открытая еще в 1946 г. Группа расположена у северо-западного подножия горы Улутау, на правой террасе горного ущелья Айбас-Дарасы. Кроме трех малых оградок здесь исследован курган-ограда, по структуре сходный с сооружениями Сангру I, III, Бугулы III. Наиболее интересны в нем образцы керамических сосудов и массивная золотая трубочка полуциркулярной формы с золотыми гвоздями для прикрепления к деревянной основе. В том же году экспедиция провела большую работу по выявлению и фиксации многочисленных наскальных рисунков, относящихся к неолиту, эпохе бронзы и раннему железу.

Таким образом, памятники эпохи поздней бронзы (бегазы-дандыбаевской культуры) распространены очень широко на огромном пространстве от гор Абралы (Аккойтас) и Чингисского хребта на востоке до гор Улутау (Айбас-Дарасы) на западе. Они встречаются узлами в Каркаралинской, Баянаульской степях, в бассейнах рек Нура, Сарысу, Ишим (Терсаккан) и т.д. Памятники завершающего этапа эпохи бронзы в Центральном Казахстане отличаются своей самобытностью, циклопическим характером жилых, поминальных и культовых сооружений, часто сделанных из массивных гранитных плит. Эти первые монументальные сооружения появились на кульминационном этапе развития бронзы (XII—X и X—VIII вв. до н.э.). Изучение комплексов древней строительной культуры раскрывает немало интересного в структуре первых каменных стен, конструкции кровли и приемах организации первых монументальных сооружений. Большие успехи достигнуты в изготовлении предметов бытового обихода, особенно керамических и металлических изделий, нередко доведенных до высокой формы искусства. Они вместе составляют лучшие достижения древних жителей Сарыарки.

В Центральном Казахстане открыты и исследованы крупные центры древней металлургии с остатками производственного процесса: добычи руды и получения из нее меди, цинка, свинца и золота. Результаты спектрального анализа показывают, что многие из этих элементов входили в состав полиметаллической руды того времени. Наличие древних рудников и крупных металлургических поселений типа Атасу, Бугулы, Шортанды-Булак, Каркаралы свидетельствует о том, что Центральный Казахстан был крупнейшим узлом зарождения культуры энеолита и бронзы, развивавшейся здесь в IV— начале I тысячелетия до н.э. Очень яркие производственные материалы дали обширные рудники Дзезказгана, Соранга, Шакпактаса, Меизека, Саяка, а также древние рудоплавильные центры Дзезказгана (Кресто, Милыкудук, Соркудук, Айнаколь), поселения Атасу, Каркаралы I, II, Суук-Булак, Баянаульские (Шакпактас, Таги-

бай-Булак), Карагандинские (Соранг, Зеленая балка-4) и др. Раскопки древних выработок и металлургических поселений дают ясное представление о способе добычи руды и выплавке из нее металла, а также свидетельствуют о том, что создателями первой металлической культуры были потомки степных неолитических охотников и первых скотоводов.

В сложении культуры бронзы в Центральном Казахстане эти меднорудные районы сыграли огромную роль. Широкая культурно-этническая база для мощного развития культуры бронзы в этом районе была подготовлена еще в позднем неолите. Обнаруживается генетическая связь между культурами неолита и бронзы в условиях прочной привязанности к степному ландшафту.

Потомками степных неолитических племен, создавших высокую культуру, были исконные степные племена, известные в греческой литературе как азиатские скифы, или урало-алтайцы (аргиппеи, аримаспы и др.). Антропологи установили прототипы урало-алтайских племен, формировавшихся в эпоху неолита и обитавших в Зауральской степи. Изучив черепа, найденные на территории Казахстана и Оренбургской области, Г. Ф. Дебец пришел к выводу, что это потомки ранних бронзовиков, живших в античное время³⁷.

В Центральном Казахстане сохранились следы четырех этапов культуры меди: энеолита, ранней, средней и поздней бронзы. Они глубоко связаны генетически, преемственностью традиций, в то же время отличаются формами погребальных сооружений и керамикой, свидетельствующими о постепенном изменении старых форм и создании новых, при устойчивости антропологических и этногенетических черт создателей этой культуры. Особый интерес представляет культурный слой, относящийся к эпохе ранней бронзы, обнаруженный геологами на р. Ишим около Акмолинска³⁸ на р. Нура ниже Темиртау³⁹ и в низовьях р. Шидерты в Прииртышской⁴⁰ равнине глубина залегания памятников ранней бронзы зависит от места расположения и от мощности пойменных отложений⁴¹.

«В основании современного пойменного покрова встречаются многочисленные остатки керамики и домашних животных *Egvus caballus*, *Ovies aries*, *Bos taurus*, *Canis sp.*»⁴², т.е. кости животных, которые часто обнаруживаются при раскопках поселений и могильников племен эпохи бронзы Центрального Казахстана. По данным К. В. Никифоровой, все указанные виды животных были одомашнены еще в неолите и в период энеолита стали основными видами домашнего скота.

Огромное количество памятников средней бронзы в районе, граничащем с пустыней Бетпақдала, свидетельствует о том, что на высшем этапе развития бронзовой культуры племена Центрального Казахстана стали осваивать южные районы региона. Отсюда вполне естественно, что памятники средней бронзы (андрона) получили наименование атасуских, от обилия ярких памятников, расположенных на р. Атасу и в южной части Центрального Казахстана. Наши материалы свидетельствуют о том, что конец поздней бронзы тесно связан с началом культуры раннескифского времени (VIII–VII вв. до н.э.). Старая терминология не отражает сущности дела и затрудняет правильное восприятие хода исторических событий. С целью привести хронологические периоды эпохи бронзы в соответствие с принципами исторической геологии мы применили более лаконичные, емкие

термины: “ранняя”, “средняя” и “поздняя” бронза, конкретно отражающие три основных этапа развития. Эта терминология необходима также для отражения последовательного развития бронзовой культуры Центрального и Северо-Восточного Казахстана на протяжении тысячелетий.

Справедливы идеи М. П. Грязнова⁴³, С. С. Черникова⁴⁴, В. М. Массона⁴⁵, Б. Г. Гафурова⁴⁶ и А. А. Формозова⁴⁷ о происхождении казахстанской бронзы на основе энеолита и о существовании с древнейших времен межплеменных контактов (в отличие от теории миграции племен) между югом и севером, западом и востоком. Они правильно объясняют, что истоки зарождения культуры бронзы находились в северной степи, где сохранились остатки древнейших рудников и древней металлургии.

Дальнейшие исследования древних памятников Центрального Казахстана дадут еще немало новых и ценных данных.

¹ *Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720-1727. Teil I. Berlin, 1962; Teil 2. Berlin, 1964; Teil 3. Berlin, 1966; Teil 4. Berlin, 1968; Радлов В. В. Сибирские древности, т. 1, вып. 1. Спб., 1888; ЛО ААН, ф. 21, оп. 1, д. 5; Gmelin I. G. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Göttingen, 1751; Silwers J. Briefe aus Sibirien. Spb., 1796.*

² *Ремезов С. Чертежная книга Сибири, составленная в 1701 г. (Чертеж Тобольской земли до Казачьей орды. Чертеж земли всей безводной и малопроездной каменной степи). Спб., 1882).*

³ «Сибирский вестник». Спб., 1922, ч. XVIII, с. 56.

⁴ *Strahlenberg. Nord - und Oslische Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730, S. 50*

⁵ *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 19-20).*

⁶ Там же, с. 17-26.

⁷ *Броневский С. Б. Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды. - «Отечественные записки», 1830, с. 41-43; Дело об открытии Каркаралинского и Кокчетавского окружных приказов, 1824. - ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 336; Дело о празднике «байга» между Каркаралинским и Кокчетавскими округами, 1826. - ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 412.*

⁸ *Красовский М. Область сибирских киргизов. Спб., 1868, с. 260.*

⁹ *Воинов В. Народный киргизский праздник по случаю прибытия в Сибирь великого князя Владимира Александровича. - «Современная летопись», 1868, № 24.*

¹⁰ Госархив Октябрьской революции и Советского строительства, ф. 635, Г-16909, К-322, 348.

¹¹ *Шренк А. И. Путешествие и исследования по Зоангарским Киргизским степям в 1840-1843 гг. Третье путешествие. 1842 г. - ААН СССР, ф. 317, оп. 1, д. 7, л. 54-59; 173-184, 204-236, 255, 256, 268-289).*

¹² ААН СССР, ф. 317, оп. 1, д. 18, 25).

¹³ *Ядринцев Н. М. Описание сибирских курганов и древностей. - «Труды МАО». 1883, т. IX, вып. 2, 3.*

¹⁴ *Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876-1877 гг. Ч. 1-2. Спб., 1881, ч. 4. Спб., 1883.*

¹⁵ *Гуляев С. Н. Заметки об Иртыше и странах, им орошаемых. - «Вестник РГО», 1851, ч. III, кн. 1, с. 1-88; Он же. Заметки о некоторых древностях, открываемых в Киргизской степи. - «Вестник РГО», 1853, кн. 3).*

¹⁶ *Радлов В. В. Сибирские древности. Из путевых записок по Сибири. Пер. с нем. А. А. Бобринского. Спб., 1896, с. 12, 14, 15, 18, 19).*

¹⁷ *Коншин Н. Я. О памятниках старины Семипалатинской области. - ЗСП РГО, вып. 1. Семипалатинск, 1905, с. 1-32 и др.*

¹⁸ *Никитин В. Памятники древности Каркаралинского уезда. - ЗАО. Новая серия, т. VII вып. 1/2. Спб., 1896; Он же. Краткое описание памятников древностей Семипалатинской области. - ИАК, 902, вып. 2, с. 103-111.*

¹⁹ *Кастанье И. А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1911.*

²⁰ *Рыков П. С. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда). - «Известия ГАИМК, вып. 110. Археологические работы Академии на новостройках», т. П. М.-Л., 1935; Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане, с. 129-162.*

²¹ *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 40, 44, 45.*

²² *Семенов Л. Ф. Материалы к характеристике памятников материальной культуры Акмолинского округа. - ВЦМК, 1930, № 1, с. 77-87; Он же. Находка каменного топора у реки Нура. - ТИИАЭ АН КазССР, 1956, т. 1. Ар-*

хеология, с. 263-264.

²³ Коллекции В. Е. Ясенецкой под шифром «Каркаралы» в фондах 62, 63, 65-68; Коллекции Л. Ф. Семенова в фондах 29, 61, 69-70, 71, 160.

²⁴ *Маргулан А. Х. Археологические разведки в Центральном Казахстане. (1946 г.) - «Известия АН КазССР. Серия историческая», 1948, вып. 4.*

²⁵ *Маргулан А. Х. Археологические разведки в Центральном Казахстане, с. 125-126; Он же. К изучению памятников района р. Сарысу и Улутуа. - «Вестник АН КазССР», 1948, № 2, с. 59, рис. 4.*

²⁶ *Маргулан А. Х. Археологические разведки в Центральном Казахстане, с. 123.*

²⁷ *Маргулан А. Х. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 года. - «Известия АН КазССР. Серия археологическая», 1949, вып. 2.*

²⁸ Основные итоги археологических работ на территории Казахстана в 1955 году. - «Известия АН КазССР. Серия истории, экономики, философии, права», 1956, вып. 3, с. 104-106; *Маргулан А. Х. Главнейшие памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана. - «Вестник АН КазССР», № 3, с. 28-32, рис. 2, 3; Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 200-203, рис. 100, 103, 105-106.*

²⁹ *Валукинский Н. В. Раскопки в урочище Милькудук в южной части рудника Джезказган. - «Известия АН КазССР. Серия археологическая», 1949, вып. 2, с. 122-125.*

³⁰ *Наковник Н. И. Охотники за камнями. Л., 1966, с. 72.*

³¹ *Маргулан А. Х. Археологические разведки в Центральном Казахстане. (1946 г.), с. 125-127.*

³² *Маргулан А. Х. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции (1947 г.), с. 13-18.*

³³ *Кызласов Л. Р., Маргулан А. Х. Плиточные ограды могильника Бегазы. - КСИИМК, 1950, вып. 32, с. 126-136.*

³⁴ Основные итоги археологических работ на территории Казахстана в 1955 г., с. 104-106.

³⁵ Основные итоги археологических работ на территории Казахстана в 1955 г., с. 105-106.

³⁶ *Оразбаев А. М. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана. - ТИИАЭ АН КазССР, 1959, т. 7, с. 59-74.*

³⁷ *Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М., 1948, с. 148.*

³⁸ *Анцимиров. Петрографический очерк восточной части Кокчетавского уезда Акмолинской области. - «Известия ЗСОРГО». Омск, 1887.*

³⁹ *Кассин Н. Г. Материалы по палеографии Казахстана. Алма-Ата, 1948, с. 20, 242.*

⁴⁰ *Никифорова К. В. Геоморфология и геологическое строение Прииртышской впадины. - ТИГН, вып. 14. Геологическая серия. М., 1953, М, 58.*

⁴¹ *Кассин Н. Г. О древних долинах Центрального Казахстана. - В кн.: Проблемы советской геологии, 1936, т. XI, № 1; Он же. Материалы по палеографии Казахстана, с. 20; Он же. О древних долинах Центрального Казахстана; Штрейс Н. А., Колотухина С. Е. Геологическое строение гор Ортау и Кус-Мурун. - ТИГН, вып. 101. Геологическая серия, 1943, № 23.*

⁴² *Никифорова К. В. Геоморфология и геологическое строение Прииртышской впадины.*

⁴³ *Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане; Он же. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников; Он же. История древних племен Верхней Оби. - МИА, 1956, с. 14-25.*

⁴⁴ *Черников С. С. Восточный Казахстан, с. 11, 108-110.*

⁴⁵ *Массон В. М. Племена степной бронзы на севере страны, с. 208-239.*

⁴⁶ *Гафуров Б. Г. Таджики. М., 1972, с. 25-26.*

⁴⁷ *Формозов А. А. К вопросу о происхождении андроновской культуры. - КСИИМК, 1951, вып. 39, с. 3-18.*

ЧАСТЬ I

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ НЕОЛИТА И АНДРОНОВСКОЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ

ГЛАВА 1

ИСТОКИ КУЛЬТУРЫ БРОНЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

В вопросе о происхождении бронзовой культуры в Евразийской степи существует центральная проблема, на какой основе могла сложиться та замечательная культура, памятники которой представлены в этой работе? Для решения этого вопроса необходимо обратиться к неолиту и энеолиту, предшествовавшим культуре бронзы в Центральном Казахстане. История формирования культуры бронзы без учета закономерностей развития неолита и энеолита не будет понятна.

По выявлению памятников неолитической культуры в Казахстане большие заслуги имеют выдающиеся ученые нашего времени К. И. Сатпаев¹, М. П. Русаков, Р. А. Борукаев, Г. Ц. Медоев, Г. Н. Щерба, А. Ж. Машанов, И. П. Новохатский, П. Л. Драверт, Б. М. Чудинов и многие другие. Неоценимы заслуги московских и ленинградских ученых — А. Л. Яншина, Ю. А. Орлова, А. Н. Формозова, В. Ф. Петрунь² и других, открывших ряд интересных стоянок эпохи неолита и энеолита в западном Казахстане, Тургайской степи, на рр. Сарысу и Блеуты. Результаты их открытий хорошо освещены в ряде интересных работ А. А. Формозова³. Большую работу по выявлению и изучению памятников неолитической культуры Казахстана за последние сорок лет провели и археологи, открывшие немало уникальных стоянок. Из них прежде всего надо отметить работы неумолимого исследователя стоянок Джекказгана Н. В. Валукинского⁴, М. П. Грязнова⁵, К. М. Поликарповича⁶, С. С. Черникова, А. А. Формозова, И. В. Синицына, Х. А. Алпысбаева, К. А. Акишева. Значительный вклад в изучение неолита Центрального Казахстана внесли молодые археологи А. Г. Медоев, М. Н. Клапчук, Л. А. Чалая.

Неолитические памятники Северо-Восточного Казахстана

Ряд блестящих открытий за последнее десятилетие было сделано молодыми археологами — А. Г. Медоевым в Каркаралинской и Прибалхашской степи⁷, М. Н. Клапчуком в районе Караганды в бассейне р. Сарысу и в Бетпакдале⁸, Л. А. Чалой в районе павлодарского Прииртышья⁹. Из материалов новейших исследований

следует, что накануне появления бронзы на широком степном пространстве от Иртыша до Тургайской степи развивалась мощная, единая макролитическая культура, основанная на охоте, рыболовстве и скотоводстве. Наличие мощных макролитических орудий типа мотыги (район реки Сарысу, Борибас, Тузды-Сай) говорит о том, что там было известно и мотыжное земледелие. Несколько позднее (IV тыс. до н. э.) на основе неолитической хозяйственной традиции постепенно зарождается новая металлическая культура, совершившая переворот в жизни древних неолитических племен Казахстана.

Как показывают исследования С. С. Черникова¹⁰ и Л. А. Чалой, значительная серия неолитических стоянок расположена в долине Иртыша, вдоль его берега от Усть-Нарыма до пос. Черныярского, где сделаны сборы Бондурой¹¹, а также между Иртышом, рр. Слеты, Ишим и Нура. Первые сборы неолитических орудий были сделаны Г. А. Поповым в 1925 г. на западном берегу озера Жалаулы, недалеко от места впадения в нее реки Шидерты, берущей начало в горах Нияз, около Караганды. Теперь по руслу этой реки в обратном направлении течет канал Иртыш-Караганда. На озере Жалаулы был найден наконечник стрелы из нефрита с прямым основанием длиной 6,7 см, шириной 1,5–2,3 см¹². В том же районе около поселка Павловка, в 90 км к северо-западу от г. Павлодара в 1937 г. собрана целая коллекция черешковых наконечников стрел удлиненной формы из светло-коричневой яшмы длиной 7,1 см при ширине 2,5 см. Все сборы поступили в Семипалатинский краеведческий музей.

В 1954 г. группа неолитических стоянок была открыта гидрогеологами Н. Н. Владимировым и С. М. Мухамеджановым. Среди находок стоянки на крутом склоне лога Кобенсай¹³ большое количество микропластинок — 30, часть которых составляют вкладыши; концевых скребков — 16, округлых — 2¹⁴, наконечников стрел с двусторонней обработкой, изготовленных из яшмы и окварцованных песчаников — 6 (из них два черешковые, три с выемкой в основании), призматический нуклеус и мелкие обломки неолитической керамики. Вторая стоянка на северном берегу о. Слеты-Тенгиз и третья на берегу р. Жанасу в

Кзылтуском районе Кокчетавской области. На всех стоянках собраны однотипные орудия из яшмы, кремня, кремневого мергеля.

Наиболее близкие точки происхождения этих пород расположены в 60–80 км южнее этих стоянок. Сходные типы орудий и материала, из которого они изготовлены, дают основание утверждать, что все три стоянки одновременны и авторы правильно датируют их концом неолита и ранним этапом эпохи бронзы (IV тыс. до н. э.), таким образом завывсив зарождение и развитие бронзы в Центральном и Северо-Восточном Казахстане на целое тысячелетие. Это логически верно. В самом деле историю ранней, средней и поздней бронзы связать только со вторым тысячелетием до н. э. неправомерно. Здесь необходимо учесть, что процесс развития первобытного общества протекал крайне медленно, даже сравнительно более развитое общество, как феодализм, имеет свою не менее полутора-двухтысячелетнюю историю. Эпоха бронзы развивалась очень медленно, неолит еще медленнее, и нет смысла говорить о более ранних этапах человеческой истории, выходящих далеко за рамки логического сравнения. Все это говорит о необходимости пересмотра периодизации эпохи бронзы, сделанной полвека назад финским ученым Тальгреном¹⁵. Настало время дать уточненную периодизацию эпохи бронзы, основанную на данных позднейших исследований и прежде всего на данных углеродного анализа.

Яркую характеристику широкого распространения культуры степного неолита дают материалы геологического исследования трассы канала Иртыш-Караганда (1963–1966). Вдоль трассы, идущей по степям Павлодарской, Целиноградской и Карагандинской областей, геологом Б. Ж. Аубекеровым открыто и обследовано немало погребенных стоянок и мастерских¹⁶, добрая половина которых относится к неолиту (V–IV тысячелетие). В культурных слоях стоянок Б. Аубекеровым собрано свыше 3000 орудий и отщепов, все они хранятся в геологическом институте АН КазССР им. К. И. Сатпаева.

Значительное количество неолитических стоянок на р. Слеты обнаружено геологом Р. А. Борукаевым во время его работы на месторождениях Бошакуль, Бестобе и Торткудук. Однако судьба его коллекции не известна.

По устному сообщению Р. А. Борукаева наиболее интересные группы памятников эпохи неолита расположены в среднем и нижнем течении

р. Слеты. К числу таких памятников относятся неолитические стоянки Самай-Катын и Кучук. Р. А. Борукаев показал мне свои сборы с этих стоянок, состоявшие из кремневых наконечников стрел и дротиков весьма тонкой работы, скребков и пластинок.

В 1953 г. В. Д. Солочинским в обнажениях ветровой эрозии выявлена стоянка на древней трассе р. Дамсы, правого притока р. Ишим. Им собран подъемный материал – нуклеусы, ножевидные пластинки, наконечники стрел, концевые скребки. Подобные сборы сделаны Д. И. Чекменевым в Ишимской степи около оз. Шоиндыколь. М. Ф. Никитиным в 50 км к западу от р. Терсаккан в пос. Бестобе¹⁷. Сборы поступили в Целиноградский областной краеведческий музей.

В 1961 г. М. Н. Клапчуком в долине Батпаксу выявлены и обследованы стоянки трех видов: эпохи эпилеолита, эпохи неолита и эпохи бронзы. Неолит представлен стоянкой № 6. Сделаны сборы, среди них массивные концевые скребки (3), ножевидные пластинки (2), различные сколы и отщепы.

С группой стоянок Батпаксу хронологически связана другая группа стоянок Шокай, расположенная в 3,5 км к юго-западу от ст. Шокай Карагандинской железной дороги. Группа открыта М. Н. Клапчуком в 1961 г., в ней четыре стоянки, носящие ярко неолитический характер. Собраны кремневые изделия, состоящие из 35 предметов, из них 13 обломков ножевидных пластинок¹⁸.

Неолитические памятники Баянаульской и Каркаралинской степей и Северного Прибалхашья

Немало неолитических стоянок открыто и исследовано в Баянаульской степи. Первооткрывателем их был профессор П. Л. Драверт. В 1929 г., проводя геологические исследования в горах Баянаул, он обнаружил три неолитические стоянки, одну на восточном берегу оз. Жасыбай, другую на оз. Сабындыколь, третью в 8 км от Баянаула по дороге в аул Кафар. Им собран значительный кремневый материал – нуклеусы, ножевидные пластинки, скребки, наконечники стрел, а также обломки глиняных сосудов ручной лепки¹⁹.

В Баянаульской степи в 1964–1965 гг. геологом В. С. Танцюра открыты 12 стоянок (Койтас 1–12), из которых наиболее интересны по обилию находок Койтас 1, Койтас 2, Койтас 4, Койтас 7 и Койтас 12. Все они расположены в северном пред-

гории Баянаульского хребта, вокруг известного урочища Койтас, недалеко друг от друга. Общий сбор – нуклеусов 70, ножевидных пластинок 121, скребков концевых 35, скребков на отщепках 33, обломков наконечников стрел 7, отщепов 1180 экземпляров²⁰.

Рис. 1. Наконечники стрел

Обширная серия неолитических стоянок была открыта А. Г. Медоевым в Каркаралинской степи и в степи Северного Прибалхашья. В. Е. Ясенецкой и Л. Ф. Семеновым в районе города Каркаралинска²¹, материалы хранятся в Карагандинском музее в коллекции «Каркаралы»²¹. В этих коллекциях хранится в основном смешанный материал, отражающий эпоху энеолита и бронзы²².

Неолитические стоянки, открытые А. Г. Медоевым, расположены значительными группами вокруг главного Каркаралинского хребта, в долинах рр. Жарлы, Казангап, Тундук, Кусак, Каршыгалы, Эспе, Токраун. В долине р. Жарлы им выявлены три группы стоянок: Жарлы I (стоянки 63, 65, 66), Жарлы II (стоянки 69, 70), Жарлы III (стоянки 71, 72 на берегу р. Коктал, притока р. Жарлы). В долине р. Казангап выявлено 9 стоянок, из которых наиболее значительные Казангап I (стоянка 67), Казангап II (стоянки 37, 36, 35), Казангап III (стоянки 18, 19, 20, 33, 34). С южных и юго-восточных отрогов Каркаралинских гор неолитические стоянки тянутся на юг, юго-восток и примыкают к северным берегам оз. Балхаш. Более обширными группами располагаются стоянки, открытые в долине р. Кусак и в водоразделе Токраун-Аягуз. Из них особенно многочисленны группы Кусак (стоянки 23, 24, 25), Кусак II (стоянки 28, 29, 26, 27, 17, 31, 30, 32), Кусак III (стоянка 42, стоянки Кошкарбай на р. Кусак 38, 39). Недалеко от них расположены стоянки р. Каршыгалы: Каршыгалы I (стоянки 43, 44, 45), Каршыгалы II (стоянки 21, 22), Каршыгалы III (стоянки 48,

51, 60). В 40–50 км на восток от берега р. Кусак расположена группа Эспе (стоянки 40, 41).

Неолитические стоянки лучше сохранились в малонаселенных местах: Токраун (стоянка 49), Караменде – левый приток р. Токраун (стоянка 62), Бегазы – левый приток р. Токраун (стоянка 55), Женишке I (стоянки 58, 59, 53, 54), Женишке II (стоянка 56), Данблан (стоянка 68), Акжарык – правый приток р. Тундук (стоянка 10). Только из этого перечня можно представить как густо была населена Каркаралинская степь в период неолита и энеолита (см. карты распространения неолитических стоянок).

Большое количество неолитических и эппалеолитических стоянок открыто А. Г. Медоевым в степях Северного и Северо-Восточного Прибалхашья, в районе правобережья р. Аягуз и вокруг Чингисского хребта²³. Им обследована территория, идущая от Агадыра на восток до Аягуза и Чингисского хребта. На этом пространстве выявлено около 200 неолитических стоянок, собрана большая коллекция кремневых изделий, которые хранятся в Институте геологических наук АН КазССР.

Из неолитических стоянок Северного и Северо-Восточного Прибалхашья наиболее интересные группы Конград, Караунгур, Тесиктас, Сусыз-Кара, Калмак-Эмиль, Аркалык. Все они расположены в районах богатейших месторождений медной руды. По характеру ландшафта и по скоплению памятников культуры двух исторических этапов – эпохи неолита и бронзы эти стоянки имеют большое сходство со стоянками Джекказгана, Караганды и Каркаралы.

В своих главных чертах неолитические стоянки Северного и Северо-Восточного Прибалхашья, включая и стоянки Каркаралинской степи, носят сугубо микролитический характер, больше встречаются позднейшие типы с преобладанием тонких ножевидных пластинок, мелких миниатюрных орудий типа трапеции, вкладышей, мелких резцов, проколов, миниатюрных наконечников стрел, мелких скребков и нуклеусов различных типов.

В 1960 г. А. Г. Медоевым открыто несколько десятков стоянок в водоразделе Токраун и Аягуз, где пролегали маршруты от рудника Саяк до Чингисского хребта и от правобережья реки Аягуз до Чубартауского района Семипалатинской области. В горах Музбель, Кызылтас, Алтынказык, у родника Каскабулак, Когульдур, Акирек изучено около 25 стоянок, собрано 400 ножевидных пластинок, 200 скребков, большинство на отщепках, 26 нуклеусов, 10 проколов, 7 нако-

нечников стрел, 4 резца, 2 трапеции, 2 миниатюрных диска с двухсторонней обработкой, всего около 2000 кремневых предметов.

Значительное количество неолитических стоянок открыто и исследовано А. Г. Медоевым и геологом С. В. Лопатиным в Северо-Западном Прибалхашье, в долинах рр. Моинты, Науалы, Жалаулы, озера Кокдомбак и на водоразделе Моинты-Сарысу. Это густо населенный район Карагандинской области с многочисленными рудниками, совхозами и новостройками. Неолитические стоянки этого района потревожены, не имеют первоначального вида, как в Бетпакдале и в пустынных и полупустынных районах Северо-Восточного Прибалхашья, где они сохранились превосходно. Характерную особенность стоянок составляет господство кремневых орудий.

В Северо-Западном Прибалхашье исследованы наземные стоянки в обнажениях ветровой эрозии и на местах дефляции.

Документальные данные полевых работ по стоянкам Северного и Северо-Восточного Прибалхашья сводятся к следующему*.

1. *Стоянка Караунгур* открыта А. Г. Медоевым в 1960 г. у родника, в 115 км от г. Балхаша на восток и в 35 км на север от береговой линии оз. Балхаш. Стоянка наземного типа площадью 50x50 м. На поверхности стоянки собрано около 4500 кремневых изделий, в их числе мелкие скребки на отщепках различных форм (225), наконечники стрел (12), ножевидные пластинки с ретушью (202), миниатюрные орудия типа трапеции, мелких резцов, проколов, в том числе ретушеры (20), нуклеусы призматического типа (52), нуклевидные формы (16), поперечные сколы с нуклеусов (7), заготовки, большинство которых с ретушью (900), отходы производства (300).

Основное сырье для изготовления орудий: кремень, яшмокарцит. Керамики нет. Стоянку Караунгур по ряду признаков А. Г. Медоев датирует ранним неолитом. В полукилометре от стоянки на северо-запад в горах Караунгур имеются наскальные рисунки, основная масса которых датируется неолитом.

2. *Стоянка Тесиктас I*. Группа Тесиктас была открыта в 1959 г. геологом Г. М. Козловским и в 1960 г. обследована А. Г. Медоевым.

Стоянка наземного типа с микролитическим инвентарем, расположена у родника в 4 км на северо-восток от стоянки Караунгур. Площадь стоянки 60x60 м. В коллекции сбора преоблада-

ют скребки на отщепках (26), ножевидные пластинки (24), нуклеусы (6), нуклевидные орудия (5), реже сколы нуклеусов, скобель – провертка; всего около 150 предметов. Керамики нет. Сырье – кремень, кварцит, яшмокарцит. Недалеко от стоянки в горах Тесиктас находятся наскальные изображения, значительная часть которых датируется неолитом.

3. *Стоянка Тесиктас II* расположена у пересохшего родника в 1 км на северо-запад от стоянки Тесиктас I, площадь 25x30 м. Сборы со стоянки включают скребки на отщепках (19), ножевидные пластинки с ретушью со спинки, реже с брюшка (25), ножевидные пластинки без ретуши (89), нуклеусы (5), отщепы небольших размеров (28).

4. *Группа стоянок Сусыз-Кара*. Под этим названием выявлены и изучены неолитические стоянки в восьми пунктах, которые расположены на небольшом расстоянии друг от друга, южнее и севернее стоянки Караунгур, все одновременные. Из них самые дальние от Караунгур находятся в 18–23 км, самые близкие в 4,5 км. Со всех стоянок Сусыз-Кара собрано 4700 кремневых изделий. Самый обильный материал собран на стоянках Сусыз-Кара 8, 11.

5. *Сусыз-Кара 8* расположена в юго-восточных отрогах горы Джиренсуат, в 9,5 км на юго-восток от стоянки Караунгур. Стоянка наземного типа с микролитическим инвентарем, площадь с культурными остатками 10000 м². Среди находок многочисленные ножевидные пластинки (58), скребки на отщепках (49), 2 экземпляра нуклеусов с вертикальным сколом, наконечник стрелы, отщепы, фрагменты орудий, нуклевидные формы (300), осколки, чешуйки (свыше 500). Керамики нет. Материал: кремень, кварцит, яшмокарцит.

6. *Сусыз-Кара 11*. Расположена у родника, в 23 км к юго-востоку от стоянки Караунгур. Стоянка наземного типа с микролитическим инвентарем и площадью около 14400 м². На стоянке собран обильный кремневый материал, преобладают скребки на отщепках, размеры малых 1x0,5 см, более крупных 6x4 см, всего 129 экземпляров; ножевидные пластинки с ретушью со спинки, реже с брюшка, в сечении в виде трапеции и треугольника (10), пластинки без ретуши (64), наконечники дротиков и стрел различных форм, нередко с выемкой в основании, лавролистные и другие (14), нуклеус плоский с негативами сколов в вертикальном направлении, нуклевидные

* Автор приносит глубокую благодарность А. Г. Медоеву за предоставление в его распоряжение своих рукописей и карт стоянок Северного Прибалхашья и Каркаралинской степи.

формы, фрагменты орудий, отщепы (большинство с ретушью) – всего 406 экземпляров, отходы производства свыше 3000 экземпляров. Керамики нет. Сырьем для изготовления орудий служили кремь, яшмокварцит.

7. *Стоянка Калмак-Эмель*. Расположена у родника, в 70,5 км на северо-восток от стоянки Караунгур и в 120 км к востоку от р. Токраун. Стоянка наземного типа с микролитическим инвентарем, площадью около 4200 м². На поверхности собрано около 500 предметов, ведущее место занимают скребки на отщепах малые размером 1х1 см, более крупные 3,5х4 см, всего 63 экземпляра; ножевидные пластинки 35 экземпляров, все с ретушью с брюшка, реже со спинки, треугольной или трапециевидной формой в сечении, минимальная длина 1 см, максимальная 4 см, всего 9 экземпляров; наконечники стрел (3) лавролистные, черешковые, нуклеусы призматические (2), фрагменты нуклеусов (8), отщепы, заготовки для скребков свыше 100, отходы производства свыше 300. Керамики нет. Сырье – кварцит, яшмокварцит.

8. *Стоянка Аркарлы* расположена в 110 км на север от рудника Саяк и в 128 км на северо-восток от стоянки Караунгур. Стоянка интересна тем, что обнаруживается наслоение культур разных времен (палеолит, неолит, бронза). Судя по типу нуклеусов и скребков, это – более древняя стоянка. Среди кремневого инвентаря преобладают скребки на отщепах (159), ножевидные пластинки с ретушью и без нее (125), нуклеусы с вертикальными негативами сколов (7), наконечники стрел (3), отщепы небольших размеров (свыше 100). Керамики нет. Материал – кремь, яшмокварцит. Несколько севернее стоянки у родника Акжыр, на плоскостях коренных пород находится множество наскальных рисунков, большинство которых синхронно с микролитической культурой северного Прибалхашья.

Помимо описанных, в северном Прибалхашье А. Г. Медоевым открыты еще два десятка неолитических стоянок, давших интересные материалы. Это – стоянки Туранга, Кзылжар, Ушозек, Ушкызыл, Ауганбай, Шайдан, Сарымсакты, Котан-Эмель, Калмакжаткан – Карашат, Акшокы, Ащиозек и др. С этих стоянок А. Г. Медоевым собрано около 11000 кремневых изделий, из них скребков 744, наконечников стрел и дротиков 50, ножевидных пластинок с ретушью 146, без ретуши 630, нуклеусов 135, нуклевидных предметов 55, мелких резцов, прокол 50, очень редко скобель (2), скребло (2), дисковидное грузило (1), отбойники 3, заготовок 900, мелких отщепов

1440, отходов производства 6,800.

В 1960 г. А. Г. Медоевым открыто несколько десятков стоянок в водоразделе Токраун и Аягуз, где пролегали маршруты от рудника Саяк до Чингисского хребта и от правобережья реки Аягуз до Чубартауского района Семипалатинской области. В горах Музбель, Кызылтас, Алтынказык, у родника Каскабулак, Когульдур, Акирек изучено около 25 стоянок, собрано 400 ножевидных пластинок, 200 скребков, большинство на отщепах, 26 нуклеусов, 10 прокол, 7 наконечников стрел, 4 резца, 2 трапеции, 2 миниатюрных диска с двухсторонней обработкой, всего около 2000 кремневых предметов.

Кроме того, здесь должны быть и погребенные стоянки. Ниже дается краткое описание неолитических стоянок Северо-Западного Прибалхашья и водораздела Моинты-Сарысу. Из стоянок этого района большего внимания заслуживают следующие.

1. *Стоянка Кокдомбак*. Расположена у родника, в 18 км к северу от озера Кокдомбак, в 60 км на северо-запад от г. Балхаш и в 35 км к юго-западу от гор Бектау-ата. Стоянка наземного типа с микролитическим инвентарем на площади около 5000 м². На стоянке собрано свыше 200 кремневых изделий, из них на первом месте наконечники дротиков и стрел (41), относительно множество которых говорит о значении охоты и о более ранней форме стоянки. Скребки на отщепах (40), очень редко ножевидные пластинки, много нуклевидных обломков и отщепов с ретушью и без нее, всего 125 экземпляров.

2. *Стоянка Жолдас*. Расположена у родника того же названия в 15,5 км к юго-западу от рудника Акшатау. Стоянка наземного типа с господствующей формой микролитической индустрии. На стоянке собрано 320 кремневых изделий, изготовленных из различных горных пород. Среди орудий преобладают скребки на отщепах (26), размеры которых варьируют от 1,5х1,5 см до 2,5х2,5 см, наконечники стрел (2) в фрагментах, нуклеусы призматического типа (2), ножевидные пластинки (14) с ретушью на краях со спинки и брюшка, треугольной и трапециевидной формой в сечении длиной от 0,5 см до 4,5 см, ножевидные пластинки того же типа, но без ретуши (95), много отщепов, заготовок для скребков, многие с ретушью.

3. *Стоянка Айнабулак*. Расположена у одноименного озера в 40 км на юго-восток от пос. Акшатау Шетского района Джезказганской области. Стоянка сильно потревожена и размыта.

Собрано около полутора десятка кремневых орудий, среди них скребки на отщепах, нуклеусы конусовидного и призматического типов, заготовки для нуклеусов, отщепы. Керамики нет. Все орудия изготовлены из кремнистых пород, характерных для этого района.

4. *Стоянка Егиндыбулак*. Расположена у родника того же названия в 42,5 км к юго-западу от пос. Акшатау и в 18 км к востоку от левого берега реки Моинты. Стоянка наземного типа с микролитической индустрией. Собрано около двух десятков кремневых орудий, в том числе скребки на отщепах (8), реже ножевидные пластинки с ретушью (2), наконечник стрелы, отщепы. Керамики нет.

5. *Стоянка Талдыбулак*. Расположена у родника того же названия, недалеко от левого берега р. Моинты, в 43 км на юго-запад от пос. Акшатау и в 18 км на юго-запад от стоянки Егиндыбулак. Стоянка сильно потревожена и размыта. Сборы незначительные.

6. *Стоянка Султан* расположена у родника, недалеко от древнего рудника Аксоранг, в 27,5 км на юго-запад от пос. Акшатау. Стоянка наземного типа с площадью культурного залегания 8000 м². Собрано около 200 кремневых изделий, в том числе скребки на отщепах различных форм (21) размерами от 1х1 см до 3х2,5 см, обломки ножевидных пластинок трапецевидного и треугольного сечения, длиной от 0,5 до 3,5 см, часть с ретушью (54), единичные экземпляры наконечников стрел, нуклеусов конусовидных (2) и призматических (2), много отщепов. Керамики нет. Из стоянок Моинты-Сарысуского водораздела надо отметить еще стоянки Кзылэспе, Беит, Сасыкбай, Караоба, Жаманшилик, открытых и исследованных А. Г. Медоевым.

Неолитические стоянки обнаружены в 1948 г. в низовьях р. Моинты, в 28 км к юго-востоку от ст. Науалы (Новалы) Балхашской ж. д.²⁴.

Собранный кремневый материал хранится в Джамбулском краеведческом музее²⁵. Интересная группа неолитических стоянок обследована С. В. Лопатиным в 1953 г. в долине р. Моинты и Северном Прибалхашье. Всего открыто шесть стоянок, из них пятое «поселение озерное» у северо-западного подножия горы Ушкызыл. Собрано около ста кремневых орудий – ножевидных пластинок, остроконечников, а также фрагмент сосуда грубой лепки²⁶.

Стоянка Акжал I открыта и обследована С. В. Лопатиным в 1953 г. в 20 км к югу от пос. Акшатау. Стоянка наземного типа с площадью культурного

слоя 2500 м² (50х50 м). С поверхности стоянки собрано несколько сот кремневых орудий и отщепов, среди них преобладают ножевидные пластинки, остроконечники, скребки. Значительное скопление отщепов и сколов кремня дает основание заключить, что изготовление каменных орудий производилось на месте²⁷.

Стоянка Акжал II. Стоянка наземного типа с господствующей формой микролитической культуры. Расположена у родника в районе пос. Акжал, разрушена строительными работами. Кремневые орудия типа ножей, скребков и треугольных остроконечников встречены на выбросах из ямы. В стоянке обнаружен слиток черной меди весом в 860 г²⁸, что свидетельствует о существовании двух слоев, поскольку находка характерна для эпохи энеолита Казахстана.

Стоянка Акжал III расположена в сухом логу, примыкающем к долине р. Жамши, недалеко от пос. Акжал, в 40 км южнее Акшатауского рудника. Стоянка наземного типа с микролитическим инвентарем. В сборе преобладают ножевидные пластинки и скребки, сходные с инвентарем стоянки № 1. Следы медных предметов не обнаружены²⁹. Керамики нет.

Стоянка Акжал IV расположена у родника в 20 км южнее пос. Акжал по дороге на старый рудник Кзылэспе. Собрано 20 кремневых орудий.

Стоянка Акжал V расположена у родника к юго-востоку от пос. Акжал в долине р. Жамши. Собраны кремневые орудия – нуклеусы, скребки, ножевидные пластинки, а также обломки сосудов лепной работы³⁰.

Интересно отметить, что рядом с этой стоянкой в 170 м северо-восточнее обнаружены неглубокие ямы, занимающие площадь протяженностью 700 м. Это остатки поселения эпохи бронзы, сохранившиеся в виде неглубоких ям, глубиной до 30–40 см. Ямы имеют овальную форму размером 5х7 и 7х14 м. Около ям встречены следы жертвоприношений, выступающие на поверхности в виде слоя угля и золы. В зольном слое масса пережженных костей крупных животных. В ямах (полуземлянках) прослежено значительное скопление кремневых орудий из красной яшмы и зеленоватого кремнистого сланца. Часть поселения уничтожена земляными работами³¹. Это – один из примеров того, что жилища первых рудокопов Центрального Казахстана нередко возникали на древних стоянках эпохи неолита и лучшее доказательство о существовании между племенами неолита и эпохи бронзы этнической связи и глубокой преемственности.

В Северном Прибалхашье в горах Тологай.

расположенных в 60 км на северо-запад от рудника Акшатау, геологом М. Г. Котовым прослежены неолитические стоянки, где обнаружен уникальный черешковый наконечник стрелы из халцедона³².

Значительное число неолитических стоянок в Баянаульской и Каркаралинской степях и Северном Прибалхашье, скопление кремневых орудий свидетельствуют о густой населенности этих мест в древности и долговременном пребывании человека.

Неолитические стоянки пустыни Бетпакадала

По наблюдениям геологов и нашим, особый интерес представляют неолитические стоянки, открытые в пустыне Бетпакадала, где для их возникновения было два фактора: богатая фауна и наличие большого запаса кремневых пород, составивших основу трудовой деятельности неолитического человека. Жители неолитической эпохи – это охотники и собиратели, одновременно занимавшиеся приручением и одомашниванием диких животных, о чем свидетельствуют наскальные рисунки того времени.

По наблюдениям известного исследователя пустыни Бетпакадала Д. И. Яковлева, весь район колодца Килыкожа, расположенного в северо-восточной части пустыни, состоит из сплошных выходов яшмокварцита³³, кремнистых сланцев³⁴, окремненных, ороговикованных пород³⁵ молочно-белого халцедона³⁶.

Характерную особенность кремневых пород Бетпакадалы представляет богатство их красок, зеленого, зеленовато-серого, лилового, вишневого, красного, темно-серого, нередко молочно-белого и прозрачного. Многоцветная гамма характерна для яшмы, змеевика и халцедона. Проф. Д. И. Яковлев пишет: «расцветки яшм очень разнообразны и представлены белыми, светло-серыми, зелеными, красными и лиловыми красками. При желании можно подобрать очень сложную гамму тонов»³⁷. Восхищенный красотой халцедона, сердолика и яшм, он обследовал основные залежи этих минералов в Северной Бетпакадале³⁸, в районах колодцев Садак-Куйген, Килыкожа, в горах Болаттау и Эргенекты-Пстан³⁹. Кремневые орудия, хранящиеся в Джекказганском и Карагандинском музеях, по минералогическому составу и цвету совпадают с яшмами, халцедонами, опалами и роговиками Северной Бетпакадалы и Присарысуйских гор. В свое время это было отмечено К. И. Сатпаевым. Горные

породы южных широт Центрального Казахстана – кремнистые кварциты, сланцы, халцедоны, яшмы, змеевики, очень древнего происхождения, до палеозоя⁴⁰ и весьма тверды. О твердых породах Сарыарки геолог Н. И. Наконник пишет: «Самый твердый после алмаза – сапфир. Весь склон горы Семиз-Бугу состоит только из этого минерала. М. П. Русаков был поражен фактом нахождения корунда в кварцитовых породах. Академик А. Е. Ферсман был восхищен при виде семибузгинского корунда: «Смотрите на этот прекрасный синий камень. Где вы видели что-нибудь подобное и при этом в родстве с кварцитом? Поистине – это жемчужина Казахстана»⁴¹. Исключительно большой интерес к этим твердым и разноцветным породам проявляли и неолитические племена степного Казахстана и, как свидетельство этого, все орудия труда и охоты были изготовлены из этих пород (яшмы, халцедона, опала, роговика, кварцита, а также благородного опала и горного хрусталя).

Кремневые орудия и нуклеусы из роговика, яшмы, халцедона были найдены В. А. Селевиным во многих местах пустыни Бетпакадала. В 1929 году он нашел их на выдувах долины р. Бокты-Карын, левого притока р. Сарысу⁴², в 1934 г. – в обнажениях глубокого обрыва (Чинг) Кендерлик и особенно в центральной Бетпакадале, недалеко от колодца Уванас⁴³ и по дороге Тюе-жол. С этих стоянок В. А. Селевиным собраны нуклеусы, каменные наконечники стрел, скребки, ножевидные пластинки, которые переданы им для обработки руководителю отдела археологии САГУ проф. М. Е. Массону⁴⁴. О своих находках В. А. Селевин писал: «Изделия из камня, относящиеся, по-видимому, к неолиту, известны из разных мест в песках по р. Сарысу и к северу от г. Туркестана. Нашей экспедиции в 1934 г. удалось обнаружить в пределах Бетпакадалы в районе колодца Уванас и ключей Кендерлик наконечники каменных стрел и мелкие осколки кремня. Экспедиция САГУ 1929 г. привезла аналогичные предметы каменной эпохи с западной окраины Бетпакадалы, из долины соленой речки Бокты-Карын»⁴⁵. С развитием полевых экспедиционных работ сведения о неолитической культуре долины р. Сарысу и пустыни Бетпакадала стали умножаться.

В 1936 г. главным геологом Джекказганского рудоуправления К. И. Сатпаевым на выдувах песков р. Сарысу и Жеты-Конур был открыт ряд стоянок позднего неолита и ранней бронзы и в большом количестве собраны кремневые орудия – отбойники, топоры, черенковые наконечники стрел из третичных опок. Находки сопровожда-

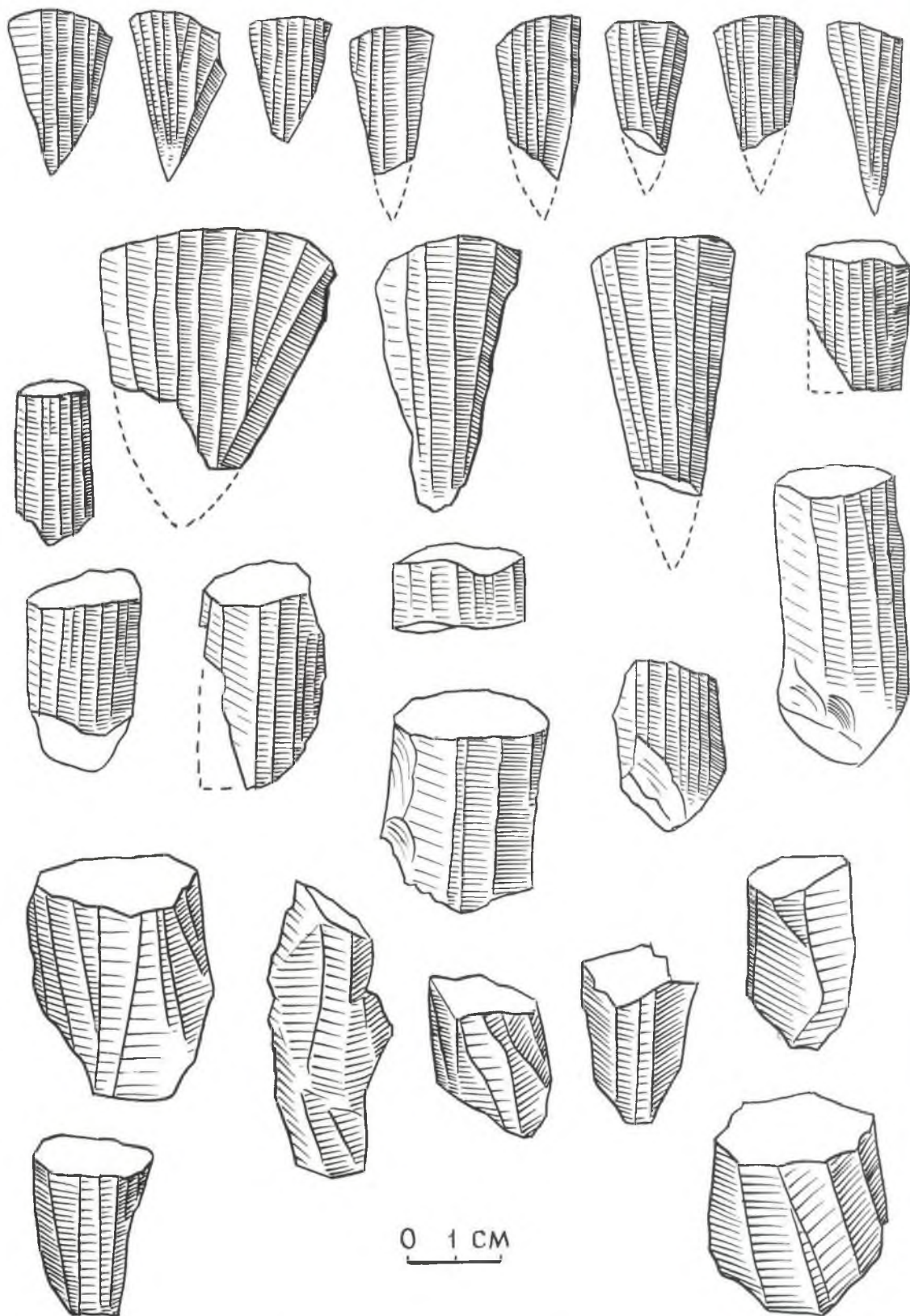

Рис. 2. Нуклеусы. Карагандинская группа стоянок эпохи неолита

лись обломками глиняной посуды. По наблюдению К. И. Сатпаева, кремневых орудий много встречено в пределах Голодной Степи (Бетпакдалы⁴⁷).

Значительные сборы неолитических орудий сделаны проф. А. В. Мухля в Центральной Бетпакдале, в 75 км северо-восточнее колодца Боры-Тескен, в районе метеостанции Когашик⁴⁷, а также около родников в районе Тосбулака. По его наблюдению неолитические охотники оставались в этой пустыне прежде всего там, где имеются источники воды, ключи, родники и открытые водоемы, совпадающие с современными такырами. Около современных колодцев скопления каменных орудий не встречаются⁴⁸. В коллекции А. В. Мухля собраны интересные экземпляры микролитических орудий, в том числе кремневые наконечники стрел миниатюрной формы, концевые скребки, ножевидные пластинки⁴⁹.

В Бетпакдале встречаются стоянки со следами кратковременного пребывания там человека. Это стоянки-мастерские по изготовлению кремневых орудий. Из них видно, что неолитические охотники в поисках богатой добычи и для заготовки кремневых орудий заходили в пустыню Бетпакдала.

Следы временных стоянок-мастерских обнаружены впервые нами в 1947 г. на берегу р. Жидели, в урочище Кипшакпай и Кокек, в 5 км на ЮЗ от большой караванной дороги, идущей с юга на север⁵⁰ и к юго-западу от урочища Кипшакпай. Одна из стоянок расположена у подножия холмов, внизу родник с пресной водой, он и сейчас служит местом отдыха для проезжающих через Бетпакдалу. Стоянка-мастерская выступает над поверхностью почвы в виде небольших бугорков высотой до 20–30 см, диаметром от 1,5 до 3 м. В ней обнаружено большое скопление кремневых отщепов, пластин и сколов, но мало готовых изделий. Найден наконечник стрелы листовидной формы из кремня беломолочного цвета, обработанный тонкой двусторонней ретушью, длиной 3,5 см, шириной 1,2 см. В этой же технике изготовлен второй кремневый наконечник стрелы с обломанными концами. Среди находок особое место занимают ножевидные пластинки (10) с ретушью по краям, изготовленные из опала и кремня серого и кремового цветов, размером 3–3,5, при ширине 1–1,2 см. Основную часть недоработанных изделий составляют округлые и сегментовидные скребки из полупрозрачного опала, ретушированные по краям, диаметром 2–2,5 см. Концевые скребки изготовлены из тонкой пластины с ретушью по одному концу. Для концевых скребков часто использованы

сломаные пластинки с затупленными краями. Основным сырьем для изготовления орудий служили кремль, халцедон, опал, яшма, опока, кварцит. Преобладают серые, кремовые, беломолочные цвета, сравнительно реже зеленые и сургучно-красные.

Река Жидели расположена в 180 км к югу от рудника Каражал на р. Атасу. В 1968 г. по нашим следам ее посетил М. Н. Клапчук, зафиксировавший три стоянки. Он пишет: «Множество неолитических находок встречено по берегам пустынной реки Жиделы»⁵¹. Он обнаружил еще две стоянки у родника Каипмергенныи-Карасу (у Клапчука неточно Каимберген), расположенного в 45 км к северу от р. Жидели.

Интересная стоянка-мастерская открыта нами в 1947 г. в горах Урда-Шагил в 20 км к северу от Сорбулака (Байкожа). Характер стоянки аналогичный со стоянкой у р. Жидели⁵². В 25 км к юго-западу от гор Урда-Шагил и 25 км на северо-запад от Сорбулака у родника Токум-Тыккан в 1951 г. Вильинциным открыта стоянка, где собраны нуклеусы (3), ножевые пластинки (10), скребки (9), пластины (4)⁵³.

Стоянки-мастерские обнаружены нами в Восточной Бетпакдале, у родника южнее мавзолея Исака⁵⁴. Сборы микролитических орудий в этом регионе сделаны еще В. А. Селевиным в 1936 г.⁵⁵, в 1955 г. проф. А. В. Мухля собрал кремневые орудия (скребки) между горами Жамбыл и Тосбулак⁵⁶. В Северо-Восточной Бетпакдале в урочище Тарлакат, в горах Майжарылган восточнее гор Жамбыл, ближе к Западному Прибалхашью, у колодца Азат сделаны сборы М. Н. Дублицкой. Эти сборы хранятся в Джамбулском областном краеведческом музее⁵⁷. Значительная группа неолитических стоянок открыта и исследована в 1967–1968 гг. и в Северо-Западной Бетпакдале⁵⁸, где много яшмокварцита и других твердых кремнистых пород, есть источники подземных вод, залегающих не очень глубоко, много такыров (дно высохших озер), заброшенных колодцев. Здесь на берегу высохшего озера располагались несколько групп стоянок: Айдарлы (1–2), Жаман-Айбат (1–2), Алатакыр (1–6), Коскудук (1–8), Шыбынды (1–3), Аккудук (1–4)⁵⁹. Все они расположены недалеко друг от друга, в части пустыни, примыкающей на западе и северо-западе к барханам Жеты-Конура. Некоторые из этих пустынных стоянок замечательны тем, что расположены в комплексе с памятниками более древнего периода, носящими на себе следы деятельности палеолитического человека, в виде крупных и гру-

рых орудий. Группа Айдарлы расположена в 150 км к юго-западу от рудника Каражал, в 36 км к югу от низовьев р. Коктас (от старой зимовки Ольке), у подножия горы Айдарлы, сложенной из яшмы и кварцита, занимает площадь в виде узкой полосы по юго-западному берегу такыра протяженностью около 1 км, шириной 20–30 м. Труд древнего человека представлен здесь громадным скоплением нуклеусов⁶⁰.

Группа стоянок Алатакыр расположена рядом с Айдарлы I, в 2–3 км к востоку от последней. Здесь выявлено до шести стоянок и все они находятся по краю такыров.

Группа Коскудук расположена в 12 км к востоку от такыров Айдарлы на древней караванной дороге, идущей с низовьев р. Чу в долину р. Коктас и на р. Сарысу. Это одно из местонахождений Каратауского палеолита в Северной Бетпакдале, которые вместе с Айдарлы II составляют единый комплекс. Рядом с местонахождением палеолита расположены неолитические стоянки Коскудук 6 и Коскудук 8. Они были осмотрены нами в 1947 г., а затем М. Н. Клапчуком в 1967 г. Поверхность их сплошь покрыта сколами и желваками яшмы, целые орудия встречаются крайне редко⁶¹.

Группа Шыбынды (у М. Н. Клапчука неточно Шабынды) расположена в 6 км к северу от группы Коскудук и в 36 км к югу от низовьев р. Коктас (старая зимовка и некрополь Ольке), на той же караванной дороге.

Подобно стоянкам на р. Жидели и Коскудук 6 и 8 группа Шыбынды представляет собой классический тип стоянок-мастерских. Общая площадь с культурными остатками составляет не менее трех квадратных километров⁶². Поверхность стоянок сплошь покрыта отходами производства (сколами и чешуйками), отщепами, нуклеусами и их обломками – результат многолетнего труда. Готовые орудия уносились с собой, на месте мастерских целые орудия не встречаются. Факт, составляющий специфику неолитической культуры Бетпакдалы.

Интересные группы неолитических стоянок были открыты (1964–1965 гг.) также в Западной Бетпакдале, в районе восточных дюн барханов Жеты-Конура. Здесь выявлены две стоянки Жаман-Айбат I и Жаман-Айбат II. Первая расположена в 11 км к юго-западу от одноименного хребта, на восточных дюнах бархана Талды-Конгур (или Кент-Конур). Вторая – в 8,5 км от северо-западного подножия хребта. На обеих стоянках собраны нуклеусы (3), ножевидные пластинки (в сечениях) (106), концевые скребки (15), скребки

на отщепях (44), трапеции (2), обломки наконечников стрел (4), наконечники копий (4), фрагменты керамики (2), отщепы (720).

Огромный интерес представляют дюнные поселения Жеты-Конур, расположенные в северо-западной части Бетпакдалы, в Жездинском районе Джезказганской области. Это своеобразный оазис в барханах, контрастно выделяющийся из окружающей пустыни не только своими физико-географическими особенностями, но и заметными следами древней культуры. В этом районе грунтовые и артезианские воды пополняются в осенне-зимний периоды, к тому же здесь нередко встречаются глубокие водоемы-озерки с пресной водой. Следствием обилия почвенных вод является чрезвычайно богатый и многообразный растительный покров. Все это служило основой для возникновения дюнных поселений и оседлой жизни.

Дюнные поселения Жеты-Конур впервые открыты в 1936 г. К. И. Сатпаевым. Затем эти дюнные поселения осмотрены многими учеными. Судя по наличию многочисленных остатков барханы Жеты-Конура в древности служили одним из главных мест обитания неолитических племен Центрального Казахстана. Нашей экспедиции удалось проникнуть вглубь барханов и обследовать ряд стоянок в массивах Жидели-Конур и Талды-Конур, замечательных по ряду проявлений древнейшей культуры.

По обилию кремневых материалов и мощности культурных остатков дюны Жеты-Конура составляют единую систему со стоянками бассейна р. Сарысу, Джезказгана и Караганды. В дюнах найдены как микролиты, характерные для Бетпакдалы, так и массивные орудия, характерные для северных степей, и, в частности, для долины р. Сарысу.

Первые сборы с дюнных стоянок Жеты-Конура сделаны в 1945 г. В. Г. Григорьевым, проводившим наблюдения в песках Жидели, Кзылент, Карабулак. Среди его сборов имеются нуклеусы, ножевидные пластинки длиной 3,5 см, шириной 1,2 см (9), скребки различной формы (12), наконечники стрел из кремня белого цвета с тонкой ретушью (2), ручное рубило, вкладыши (2), резцы (2), орудие с боковой выемкой, сверло, фрагменты лепной керамики (24) и др. Часть коллекции В. Г. Григорьева хранится в Карагандинском музее, часть в музее ИИАЭ АН КазССР⁶³.

Сolidные сборы с дюнов Жеты-Конура были сделаны в 1947 г. сотрудниками ЦКАЭ – среди этих сборов много отщепов и кремневых орудий

различной степени обработки. Среди орудий имеются ножевидные пластинки из опоки (10), длиной от 1,5 см до 3,5 см, шириной 1–1,2 см, с краевой ретушью (одна пластинка из полупрозрачного опала), скребки – 9, из них округлые, с обивкой по круглому краю, диаметром 4–5 см, толщиной 5 мм – 6, треугольной формы из кремня кремневого цвета, длиной 1,5 см, круглые с краевой ретушью, длиной 4 см, скребок с резцовым сколом; наконечники стрел с двухсторонней обработкой длиной 4 см, скребок с резцовым сколом; наконечники стрел с двухсторонней обработкой длиной 5 см – 2, ручные рубила из кремнистого сланца длиной 10 см, длиной 2,5 см – 2, вкладышевые лезвия, резцы, сверло, керамика ручной лепки без орнамента⁶⁴.

В 1957 г. А. А. Слудским открыта новая стоянка на Муюн-Кумах, расположенная к востоку от левого берега р. Сарысу. Здесь на восточных выдувах барханов, против колодца Табан-Кудук, находящегося в 48 км к югу от барханов Самена, им собраны нуклеусы, скребки, ножевидные пластинки, наконечники стрел, а на стоянке Жидели-Конур, помимо указанного состава орудий, подняты точильные камни, обломки сосудов ручной лепки. Сборы А. А. Слудского хранятся в музее АН КазССР⁶⁵.

Суровые природные условия Бетпакдалы позволяли охотникам эпохи неолита пребывать здесь короткое время. К тому же стоянки эти были местом остановок охотников в период осенней миграции животных с севера на юг. Возможно, перед суровой холодной зимой охотники уходили на юг к низовьям рр. Чу и Талас, в Семиречье. Об этом свидетельствуют однотипные каменные орудия, в большом количестве находимые по всей степи от р. Тамды и Джекказгана до берегов р. Чу. На р. Чу в 1948 г. была открыта стоянка, сходная со стоянками Джекказгана и Сарысу, где собран однотипный материал⁶⁶. Возможно, меридиональная циркуляция между севером и югом существовала у кочевников не только в эпоху бронзы, но и в эпоху неолита. Сборы свидетельствуют о том, что бетпакдалинские микролиты сделаны из опала, халцедона, яшмы и роговика, а сарысуские орудия из кварцита и алеврита.

По мнению М. Н. Клапчука бетпакдалинские микролиты составляют особую культуру, отличную от неолитической культуры северных степей. Однако различия здесь лишь в свойстве горных пород Бетпакдалы, дающих при обра-

ботке более мелкие отщепы, чем камни северных степей.

Неолитические стоянки бассейна р. Сарысу

Значительная серия стоянок дометаллической культуры открыта в бассейне р. Сарысу. Они расположены вдоль берегов р. Сарысу и в долинах ее притоков. Это группы Коктын-Коль, Тогускен, Кзылжар, Борибас, Сары-Узен, Каражар (Саргот), Талмас-ата, Тузды-Сай и наконец Бокты-Карын, открытая В. А. Селевиным еще в 1929 г. Стоянки Коктын-Коль впервые открыты Н. Харламовым в 1937 г. Расположены у южного подножия сопки Карашоки северных отрогов горы Ортау, на берегу озера Коктын-Коль Жанааркинского района Джекказганской области. Нами собраны сколы, отщепы, нуклеусы, ножевидные пластинки, скребки, резцы, топор из цветного камня. Некоторые орудия носят на себе более архаические черты⁶⁷.

Долина верхнего течения р. Сарысу густо населена и порой невозможно обнаружить стоянки эпохи неолита и бронзы по их внешним признакам, они либо давно разрушены, либо погребены в землю. Лишь в редких случаях при проведении земляных работ попадают следы неолитических стоянок в виде скоплений кремневых материалов и костей животных. Так, при строительстве железной дороги Караганда–Джекказган, строительстве станций Жарык, Жана-Арка, при проведении земляных работ на участках ст. Жарык и Жана-Арка вскрыты древние культурные слои, сделаны сборы местными учителями, однако из-за отсутствия археологического надзора все ценные находки не были зафиксированы и бесследно исчезли. Лучше сохранились неолитические стоянки в редконаселенных местах р. Сарысу, т. е. в районах ее среднего и нижнего течений, где сделан ряд открытий.

Наибольший интерес представляет группа неолитических стоянок Кудайменде, открытая М. Н. Клапчуком в 1967 г. Группа расположена на правом берегу р. Сарысу, при впадении в нее р. Кудайменде. В 20 км на северо-восток от стоянок расположен знаменитый Караагачский курган, исследованный в 1905 г. инженером А.А. Козыревым.

Стоянка Кудайменде выявлена в обнажениях ветровой эрозии, в месте выхода небольшого лога к реке. Здесь в прибрежной полосе на надпойменной террасе открыто до 20 стоянок и со-

бран обширный подъемный материал, состоящий из готовых орудий, заготовок и отбросов производства. Весь сбор хранится в фондах Карагандинского музея⁶⁸.

Группа стоянок Кзылжар наземного типа открыта и обследована М. Н. Клапчуком в 1962 г. В группе пять стоянок, все они расположены на левом берегу р. Сарысу в районе ст. Кзылжар Дзезказганской ж. д. На стоянках собрано значительное количество кремневых изделий, хранящихся в Карагандинском музее.

Стоянка Борибас наземного типа расположена в 18 км ниже ст. Кзылжар на обоих берегах р. Сарысу. Открыта и обследована нами в 1947 г.⁶⁹, вторично осмотрена М. Н. Клапчуком в 1962 г., который неверно называл ее «Кзылжар 20»⁷⁰, поскольку стоянку Борибас отделяют от группы Кзылжар песчаные барханы и значительное расстояние в 18–27 км. В группе Борибас две стоянки – Борибас I и Борибас II. Первая расположена на правом берегу, вторая на возвышенной террасе, составляющей древний берег р. Сарысу. Контур стоянки с культурными остатками вытянут с севера-запада на юго-восток площадью 1800 м². В 1947 г. на поверхности стоянки нами собрано несколько десятков каменных предметов, среди них нуклеус (I), ножевидные пластинки крупных размеров⁷¹, наконечники копий из опала и кремня⁷², массивные концевые скребки и отщепы. По крупной величине и архаически грубому облику они отнесены к самому раннему этапу неолита или эпипалеолиту (определение П. П. Ефименко). Тогда же исследованы остатки неолитического жилища в виде темного пятна круглой формы, обведенного кольцом из крупных камней, диаметром 5 м. Вне пятна прослежен каменный очаг, вокруг которого подобраны кремневые предметы.

В 1967 г. на стоянке Борибас был заложен шурф, показавший яму (углубление), в которой было обнаружено место древней плавки меди, которое характеризуется скоплением золы, угольков и обгоревших зубов животных. На дне ямы были четыре слитка меди и малахитовая руда. Вокруг ямы-очага собраны десятки каменных изделий, отходов производства и каменные мотыги⁷³. Эти данные позволяют более точно датировать стоянку Борибас и отнести ее к позднему неолиту и энеолиту.

На стоянке Борибас I встречена серия крупных дисковидных орудий, служивших грузилами для рыболовной сети⁷⁴ и орудия типа мотыги. Дисковидные орудия изготовлены из мелкозер-

нистого зеленоватого диабазы, грубо оббиты по круглому краю. Найдено три диска диаметром от 7 до 9 см. Такой же диск найден профессором А. Н. Формозовым на стоянке Тузды-Сай, на правом берегу р. Сарысу ниже Каражара⁷⁵. На стоянке нами найдены мотыги из диабазы подтреугольной формы с выемкой для привязывания рукоятки⁷⁶.

Стоянка-мастерская Борибас 2 расположена на левом берегу р. Сарысу, в полукилометре на юг от стоянки № 1, представляет собой бугорки каменной осыпи толщиной до 30–40 см, вокруг которых большое скопление отколов и отщепов. Возле каменных осей прослежены остатки древних очагов, сложенных из каменных блоков в виде круга. Некоторые из них хорошо сохранили первоначальную форму. Судя по большому скоплению производственных отходов и обломков орудий, здесь была стоянка с мастерской по заготовке каменных орудий.

В 1962 г. М. Н. Клапчуком собрано 134 предмета, из них нуклеусов 2, обломков ножевидных пластинок 4, скребков на отщепе 2, вкладышей 1 и 125 отщепов.

Группа стоянок Сары-Узен расположена в 10–12 км ниже ст. Кзылжар, при впадении р. Сары-Узен в р. Сарысу, обследована М. Н. Клапчуком в 1962 г. В обнажениях ветровой эрозии им открыто 8 стоянок, расположенных на левом берегу р. Сары-Узен вблизи ее устья. Помимо подъемного материала сборы сделаны с обнажения культурных слоев. Всего собрано около 600 предметов, наибольшее число находок – на стоянках 4 и 6.

На стоянке 4 собрано 266 предметов, среди них 5 нуклеусов, из которых три представляют окатанную гальку кварца со следами отщепов и два алевролита. Хорошо представлены скребки на отщепе (22), одна трапеция. Из общего числа находок готовые орудия составляют 9%, 10%. В числе заготовок имеются фрагменты микропластинок (27). Готовые орудия почти целиком изготовлены из яшмы Бетпакдалы, в отходах производства и отщепе преобладают кварцит и алевролит.

На стоянке 6 собрано 138 предметов, среди них нуклеус на гальке (1), микропластинки (8), скребки на отщепе (5), скребки на пластинке (1), вкладыш и обломок дротика. На остальных стоянках находок было сравнительно мало, с каждой стоянки примерно по 25–40 предметов⁷⁷. Все стоянки одновременны, поскольку характер предметов культуры совершенно сходен.

Группа стоянок Каражар. Неолитические сто-

янки наземного типа, расположенные в районе слияния р. Кенгир с Сарысу, известны давно. В 40-х годах XIX столетия, проезжая вниз по р. Сарысу, ими впервые заинтересовался А. И. Шренк, посвятивший ряд ярких страниц замечательному урочищу Каражар⁷⁸. В XIX в. Каражар – самое знаменитое место в долине р. Сарысу, о нем писали многие географы и офицеры генерального штаба⁷⁹. В середине XIX в. здесь стоял «Каражарский военный отряд», наблюдавший за событиями в Средней Азии. С древнейших времен Каражар был подступом к Бетпакдале, местом привала и отдыха для проходивших караванов. Обнаруженные стоянки в устье р. Кенгир необходимо называть Каражар, к сожалению М. Н. Клапчук называет их Сюргут, присоединяя к этому названию и другие стоянки, отстоящие от Каражара на 20–40 км – стоянки Талмас-ата и Тузды-Сай⁸⁰, открытые проф. А. Н. Формозовым. Географический термин Каражар известен со времени академика А. И. Шренка (1842 г.).

Стоянка Каражар I (у Клапчука Сюргут 2) расположена в 80 км на юг от Джезказгана, на правом берегу р. Сарысу, у устья р. Кенгир, на верхней террасе. Стоянка наземного типа обнаружена в 1946 г. нами и исследована М. Н. Клапчуком в 1963 г. в обнажениях ветровой эрозии. На стоянке готовых орудий мало, основная масса находок состояла только из различных обломков и сколов, среди которых преобладают отщепы. Сбор М. Н. Клапчука – 2 фрагмента пластинок и 16 отщепов.

Стоянка Каражар 2 (у М. Н. Клапчука Сюргут 4)⁸¹ расположена на левом берегу р. Сарысу, в 300 м ниже устья р. Кенгира. Стоянка наземного типа, бедна находками. Собран небольшой каменный материал – скребок из пластинки, скребок из отщепа, обломок дротика и чешуйки кремня.

Стоянка Каражар 3 (у М. Н. Клапчука Сюргут 5)⁸² расположена на левом берегу р. Сарысу, в 1,5 км на восток от устья р. Кенгир у выступа Каражар, состоящего из коренных пород серо-желтого кремня. Готовых орудий мало, собрано два десятка отщепов. Общее количество находок на всех стоянках Каражара 90 предметов, из них пластинок 4, скребков 4, дротиков грубой формы и в обломках 5, остальное – отходы производства. Сравнительно малое количество находок объясняется тем, что в прошлом Каражар посещали путешественники, которые также собирали подъемочный материал.

Стоянка Талмас-ата (у М. Н. Клапчука Сюр-

гут 1)⁸³ расположена на левом берегу р. Сарысу, в 100 км к югу от Джезказгана и в 18 км ниже Каражара. Выявлена нами в 1946 г. в обнажениях ветровой эрозии. В 1963 г. М. Н. Клапчуком собрано 94 предмета, готовых орудий мало, всего 2 кремневых наконечника стрел, скребок на отщепе, 8 нуклеусов, остальные – отщепы.

Стоянка Тузды-Сай (у М. Н. Клапчука Сюргут 3)⁸⁴ расположена на правом берегу р. Сарысу, при впадении в нее речки Тузды-Сай, в 30 км ниже Каражара. Стоянка наземного типа. Впервые открыта профессором А. Н. Формозовым в 1949 г. «На солонцах правого берега р. Сарысу, в 120 км к югу от Джезказгана», что по месту точно соответствует солонцам в устье Тузды-Сая (солонцовый лог). Это одна из интереснейших стоянок на р. Сарысу, обильная находками. Первый сбор сделан проф. А. Н. Формозовым⁸⁵, затем в 1957 г. зоологом А. А. Слудским⁸⁶ и в 1963 г. М. Н. Клапчуком⁸⁷. Каждый из них собрал изрядное количество кремневых изделий, но более обильный и ценный сбор принадлежит профессору А. Н. Формозову, коллекция которого хранится в Государственном историческом музее⁸⁸. Им собрано более 500 изделий из кремня и яшмы и среди них первое место по количеству занимают скребки округлые на отщепах (20), скребки концевые, пластинки с прямой выемкой и краевой ретушью, из них 2 с резцовыми сколами. М. Н. Клапчук собрал еще 94 предмета, среди них 2 нуклеуса, 3 пластинки, скребок на отщепах, пластинка с резцовым сколом (4), грубообитые дротики и др.⁸⁹. Общий сбор с этой стоянки составляет около 700 кремневых материалов, керамики нет.

Группа неолитических стоянок Кенжебай-Сай наземного типа. Расположена в 70 км к юго-западу от родника Каражал, между долинами рр. Сарысу и Коктас, протекающих по границе Северной Бетпакдалы. По обилию микролитов стоянки Кенжебай тяготеют к Бетпакдале. Впервые обнаружены в 1960 г. геологом В. С. Танцюра, затем Р. А. Зиновой (2 стоянки), Р. А. Терещенко (2 стоянки), А. С. Краюшкиным (1 стоянка) и в 1963 г. М. Н. Клапчуком (4 стоянки), всего открыто 9 стоянок, все на выдувах ветровой эрозии. Наиболее интересные результаты дали стоянки № 2 и 8.

Стоянка 2 находится на левом берегу среднего течения р. Кенжебай-Сай, в 3,5 км к востоку от большой дороги, идущей из долины р. Сарысу в Коктас. На стоянке собрано 115 кремневых

изделий, из них 2 нуклеуса, 22 пластинки, 12 скребков (4 из пластинок, 8 из отщепов), 2 проколки, 2 вкладыша, 2 трапеции и 1 скобель.

Стоянка 8 расположена на правом берегу р. Кенжебай-Сай в 11 км к востоку от вышеназванной дороги. На поверхности стоянки собрано 90 кремневых изделий, среди них 4 нуклеуса, 12 пластинок, 10 скребков (3 из пластинок, 7 из отщепов), 1 вкладыш и обломок наконечника стрелы из кремня.

На 9 стоянках всего собрано около 500 кремневых изделий и наиболее многочисленными являются скребки (56, из них 30 из отщепов, 26 из пластинок), ножевидные пластинки (34), нуклеусы (6), вкладыши (3), трапеции (2) и т. д. По сравнению с основными стоянками р. Сарысу, Джекказгана и Караганды, орудий бытового обихода мало, орудий охоты почти нет, что говорит о временном характере стоянок р. Кенжебай-Сай.

В долине р. Сарысу, площадь которой около 800 км, большинство памятников находится в погребенном состоянии, что связано с активностью процесса аллювиальных и делювиальных отложений⁹⁰. Из вновь открытых в этой долине неолитических стоянок необходимо отметить стоянку Басуйген⁹¹, расположенную на юго-восточном берегу одноименного озера, в 25 км к юго-западу от станции Кзылжар и стоянку Боруюйнак⁹² (I, II), находящуюся в 120 км на юго-восток от г. Джекказгана и в 55 км на северо-восток от Каражара. Эти стоянки исследованы в 1968 г. С помощью шурфа обнаружен культурный слой, где собран ряд оригинальных кремневых орудий.

В 1956 г. инженером М. И. Субботой открыта еще одна стоянка, собраны отщепы, наконечники стрел, ножевидные пластинки, концевой скребок, обломки неорнаментированной керамики и кости животных. Все эти результаты дают представление о том, какое значение имела долина р. Сарысу в Центральном Казахстане в период неолита и бронзы.

Карагандинская группа стоянок эпохи неолита и бронзы

Скопление древних памятников эпох неолита, бронзы и железа в окрестностях г. Караганды и самом городе свидетельствует о кипучей жизни и густой населенности района в древние времена. Город расположен в обширной котловине, окруженной с юга горами Соранг, с востока обширным плоскогорьем Итжон, с севера – гранит-

ными холмами Теректы. Между этими горами протекают многочисленные речки и притоки реки Нура: рр. Сокур, Букпа, Кокпекты, Байбори и Алтынсу.

Стоянка позднего неолита впервые была открыта в 1933 г. Нуринской экспедицией ГАИМК на левом берегу реки Шерубай-Нура, на территории совхоза «Гигант»⁹³, где собраны кремневые орудия, типичные для степного неолита. Среди находок было и бронзовое шило. Сборы хранятся в Гос. Эрмитаже⁹⁴. Другая энеолитическая стоянка находится на левом берегу Шерубай-Нура, в северо-западной части поселка Аксу-Аюлы.

Первые интересные находки с неолитических стоянок Караганды сделаны археологом К. М. Поликарповичем. Инженер И. Ф. Кушелев, открывший три стоянки (43, 44, 45) в северной части пос. Новая Тихоновка, собрал большое количество кремневых орудий, ныне хранящихся в Карагандинском музее и в одном из музеев г. Минска⁹⁵. С конца 50-х годов древней культурой окрестностей города Караганды стал заниматься молодой краевед М. Н. Клапчук, тогда еще окончивший университет. По его просьбе я имел возможность осмотреть его сборы и чертежи.

С М. Н. Клапчуком мы осмотрели все неолитические стоянки окрестностей г. Караганды, побывали в Новой Тихоновке, Майкудуке, Кировском заводе, посетили долины рек Сокур и Букпа, осмотрели раскопки Клапчука 1960–1961 гг. Все стоянки обнаружены на выдувах ветровой эрозии в виде круглых площадок, выступающих на поверхности и отличающихся от окружающего ландшафта уплотненной почвой и редким растительным покровом. Осматривая эти площадки, я был поражен их внешним сходством со стоянками старых казахских аулов (ескі жұрт).

Главную особенность Карагандинской группы неолитических стоянок составляет то, что они непременно расположены в местах болотистого ландшафта, около родников, ручьев и источников артезианской воды. Таких источников и ручьев, просачивающихся из гранитных трещин, много в Карагандинской, Целиноградской, Павлодарской и Кокчетавской областях. Они обычно расположены в верхней террасе обширных логов и межгорных впадин. Неолитические племена Центрального Казахстана избирали места с подобным ландшафтом.

За последние десятилетия вокруг г. Караганды выявлено и изучено до 35 неолитических и эне-

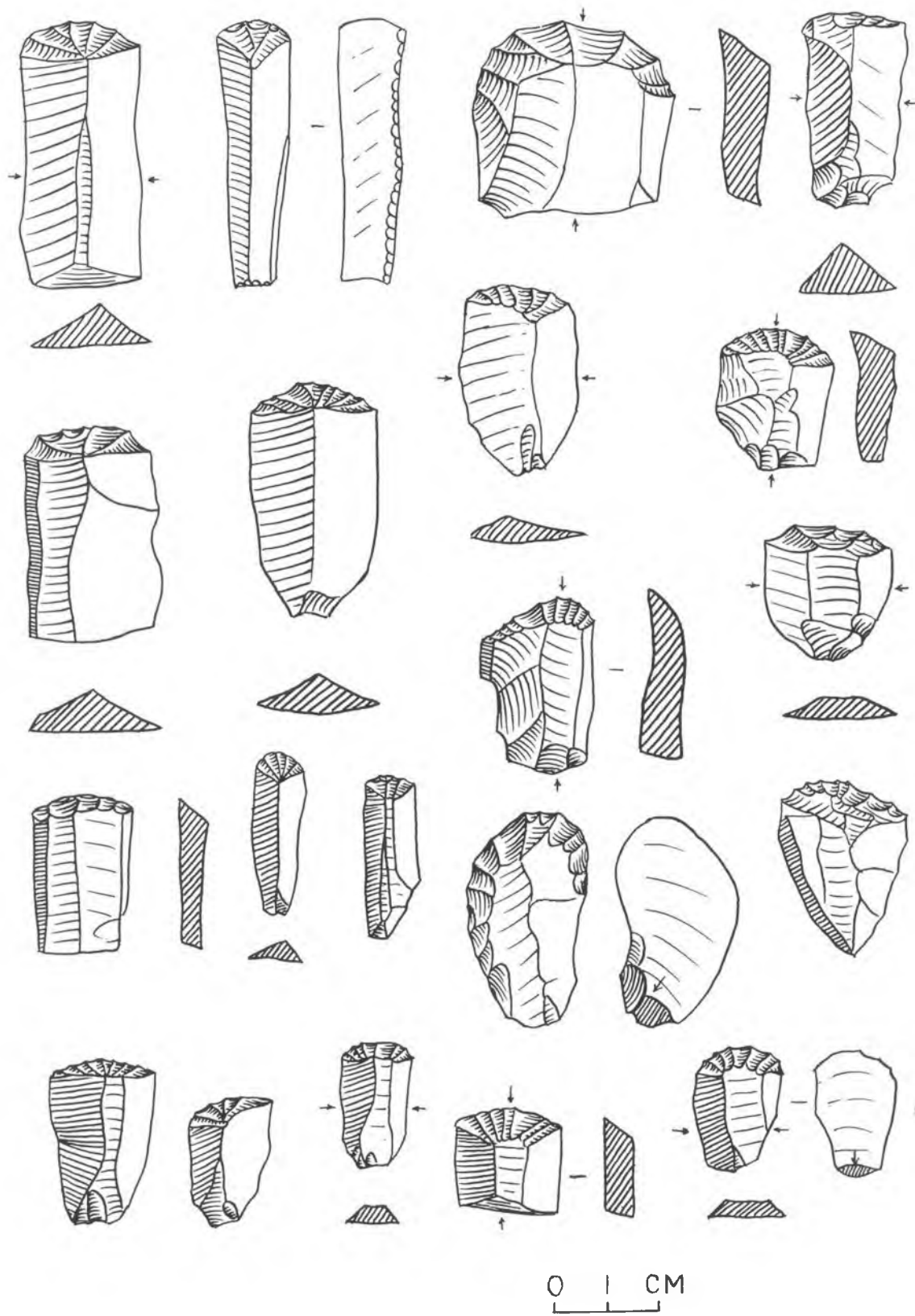

Рис. 3. Скрепки. Карагандинская группа стоянок эпохи неолита

олитических стоянок, из которых собрано 36 000 каменных изделий, ныне хранящихся в Карагандинском музее.

Основная масса неолитических стоянок сосредоточена в южной, юго-западной и восточной окрестностях города, между долинами рр. Сокур, Большой и Малой Букпа, распространяясь до северных и северо-западных склонов горы Соранг. В долине реки Б. Букпа установлено около десятка стоянок, в их числе стоянки 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10. Такое же количество стоянок выявлено в долине М. Букпа (стоянки 1, 14, 15, 16, 17, 18, 26, 37), три стоянки выявлены в долине р. Сокур (стоянки № 21, 22, 48), три стоянки на участке Майкудук (стоянки 27, 28, 29), две стоянки у подножья горы Соранг (41, 46) и пять стоянок на участке Новая Тихоновка (стоянки 34, 43, 44, 45, 54).

В этом обширном комплексе имеются также стоянки (поселения) с характерными признаками эпохи бронзы. К ним относятся стоянки 1, 13, верхний слой стоянки 15, стоянки 19, 20, 30, 33, 39, 41, 46, 49, 51. В ряде этих стоянок встречаются обломки глиняных сосудов ручной лепки с орнаментом, типичным для керамики эпохи бронзы, а также бронзовые предметы (верхний слой стоянки Караганда-15, Караганда-19, 20, 30, 46).

Судя по архаическому типу орудий, к раннему неолиту относятся стоянки Караганда-15 (нижний слой), Караганда-27, 37. Для последних характерны ножевидные пластинки и вкладыши с ретушью, не заходящей на брюшко и спинку. Особый интерес представляют стоянки-мастерские (14, 21). Стоянка Караганда-14 занимает площадь 200 кв. м и вся ее поверхность усеяна отходами производства – большое количество сколов, чешуек, пластинок с трехгранным сечением, заготовок для миниатюрных сердцевидных стрел и т. д., всего собрано около 1000 кремневых материалов, среди которых семь фрагментов наконечников стрел. Все орудия изготовлены из молочно-розового кремнистого туфа. На стоянке-мастерской Караганда-27 помимо всего описанного, встречен валун сине-зеленого окремненного песчаника, из которого изготавливались вкладыши на ножевидных пластинках с мелкой ретушью со стороны брюшка.

Из обширной серии неолитических стоянок наиболее интересны по мощности культурных отложений и обилию находок стоянка Караганда-15, исследованная в 1958–1963 гг. Она расположена в 18 км к югу от Караганды в долине между рр. М. Букпа и Сокур, на территории быв-

шего Спасского завода. Следует отметить, что основная масса Карагандинской группы стоянок сосредоточена в этой долине. Неолитических стоянок здесь насчитывается около 35 и вместе со стоянками эпохи бронзы число их доходит до 50.

Судя по огромному скоплению памятников двух периодов, мощным следам неолита и эпохи бронзы, район г. Караганды и Спасского завода был в древности одним из узловых центров Центрального Казахстана. Вместе с Джекказганом, Коунрадом, Саяком и др. рудниками, сохранившимися многочисленными отвалами в Каркаралинской, Баянаульской, Ишимской и Атасуской степях, Карагандинский узел составлял один из мощных комплексов культуры бронзы в Евразийской степи.

С точки зрения выяснения вопроса о генетической связи культуры бронзы со степным неолитом особое значение имеют материалы раскопки трехслойного поселения Караганда-15. В 1960 и 1961 гг. раскопки производились на площади около 140 кв. м (квадрат III–IV, а, б, в, г), в 1962 и 1963 гг. она расширена до 1,404 кв. м. Исследования показали три культурных слоя.

Верхний слой культуры эпохи бронзы занимает площадь около 1000 кв. м, мощностью до 30 см, ниже подстилает линза желтой супеси мощностью около 20 см⁹⁶. С глубины 0,4 м начинается гумусовый слой темно-серого суглинка, содержащий скопления кремневых орудий позднего неолита, в самом низу залегают слой раннего неолита мощностью около 30–40 см. Интересно отметить, что в верхнем дерновом слое (квадрат III–VI а, б, в) обнаружен контур полуземлянки в виде корытообразной ямы площадью около 135 кв. м. В северо-восточной половине жилища (квадрат V–VI, а) прослежены остатки очага, сложенного из песчаных плит. Вокруг очага обнаружено большое скопление костей животных, куски медных предметов и кремневые орудия, разбросанные по всей площади землянки и вокруг нее.

В квадрате I–IV (1–8) обнаружены следы дружного жилища, расположенного рядом с жилищем 1. Следы жилища 2 в виде корытообразного углубления со множеством ям от опорных столбов, расположенных в один ряд⁹⁷. Дно ям плотно закреплено галечником, который сохранился в своем первоначальном положении. Таким образом, установлен интересный факт о наложении на одной стоянке культуры двух периодов – эпохи бронзы, перекрывающей культуру нео-

лита. Этот факт значителен тем, что дает первое конкретное свидетельство генетической связи культуры бронзы с неолитом степного Казахстана. Характерно то обстоятельство, что между каменными орудиями, найденными в верхнем и нижнем слоях, много общего, что свидетельствует о генетическом родстве культуры бронзы с неолитом. Ясно видно, что андроновские племена Центрального Казахстана еще долго пользовались теми же кремневыми орудиями, которые были типичны для их неолитических предков.

Наиболее интересным по обилию находок оказался нижний культурный слой из темно-серого суглинка, очень плотный по структуре, толщина неравномерна, в разных участках площадки она колеблется от 0,8 м до 1,45 м⁹⁸. Последнее, несомненно, представляет собой яму для хранения каменных орудий, о чем говорит большое скопление кремневых изделий. Такие ямы – «склады» встречались неоднократно в стоянках Джекказгана. В квадрате VIII (6–8) прослежены остатки костра в виде круглой ямы глубиной около 0,4 м (диаметр не показан). На дне ямы сохранились следы обожженной красной глины. Здесь же встречено большое скопление обгорелых костей животных. М. Н. Клапчук, проводивший раскопки, считает это остатками древнего жилища⁹⁹.

Следует отметить, что ни одна стоянка из этой группы, за исключением Зеленой балки-4, не дала столь обильного материала, как Караганда-15. Один подъемный материал составляет около 1000 предметов, в культурном слое собрано около 3300 предметов. Этот факт свидетельствует о том, что человек здесь селился очень длительное время, в течение которого и мог образоваться такой мощный слой с огромным скоплением кремневых орудий и отходов производства. М. Н. Клапчук на основе своих наблюдений говорит о 4 культурных слоях. Однако, по характеру культурных отложений бесспорно определяются три слоя, из которых верхний – эпохи бронзы, средний – поздний неолит или энеолит, нижний – ранний неолит степного Казахстана. При этом нуклеусов, ножевидных пластинок, скребков, вкладышей в нижнем слое во много раз больше, чем в слое эпохи позднего неолита или бронзы (см. таблицу 1). Кроме того, в нижнем слое встречены крупные каменные бусины, характерные для культуры неолита Центрального Казахстана.

Как показано в таблице 1, в культурном слое стоянки Караганда-15 собрано огромное коли-

чество орудий труда, орудий охоты, множество костей животных, керамика отсутствует.

Материалы из культурных слоев Караганда-15

Сводная таблица 1

Предметы	Количество		Всего
	Верхний культ. слой	Нижний культ. слой	
Нуклеус	15	70	85
Ножевидные пластинки	166	672	738
Скребки концевые	12	43	55
Скребки из отщепов	55	279	334
Кремневые наконечники стрел	17	14	31
Кремневые наконечники дротиков	8	13	21
Скребла	3	30	33
Резцы	3	6	9
Проколки	1	2	3
Вкладыши	1	8	9
Трапеции	2	6	8
Каменные метательные шарики	–	2	2
Каменные бусинки	–	2	2
Отщепы	638	1346	1984
	921	2495	3416

Среди орудий численный перевес имеют ножевидные пластинки, вместе с обломками составляющие около 740 экземпляров. Они изготовлены из опала, яшмы и халцедона (в сечении имеют правильную форму треугольника или трапеции). Среди них немало длиной 6–8 см, шириной 1,5–2 см, есть и тонкие, миниатюрные, длиной 2–3 см, шириной 5–6 см (рис. 4).

В солидном количестве представлены скребки округлые и концевые (389). Они изготовлены очень умело из длинных и широких отщепов и пластинок, скребки с ретушью с одной или двух сторон и по круглому рабочему краю. По форме они многообразны, среди них имеются довольно крупные, преобладают округлые, плоские, подтреугольные, есть круглые с сечением в виде сегмента, высотой до 0,8 см, диаметром 3–3,5 см (рис. 5), реже встречаются выемчатые, фигурные, с клювовидным острием, выполнявшие одновременно две функции – скобление и резание (рис. 5). Суровый климат Центрального Казахстана заставлял древних людей обрабатывать большое количество шкур животных, использовавшихся в качестве покрова для тела. Необходимо отметить, что скребки, необходимые в большом количестве, имеют удобные для этой цели формы.

В Карагандинских стоянках найдено три круглых скребка. Они известны и по другим районам. В. А. Городцев считает, что это не ору-

дие бытового обихода, а предмет культа. Один экземпляр круглого скребка найден и в приаральских Каракумах.

Из общего числа концевые скребки из пластинок составляют незначительную долю (55). Встречаются две формы концевых скребков, достигающих в длину 4–6 см, при ширине 1–2,5 см; одни – из пластинок правильной формы, имеющих четкую симметрию, другие – неправильных очертаний, лишенных симметричного построения (рис. 4, 5).

Изрядным количеством и многообразием форм отличаются нуклеусы, среди которых встречаются уникальные. Их общее количество 85, все нуклеусы найдены только в культурном слое стоянки Караганда 15. Среди них преобладают конические, клиновидные, конусовидные, призматические, реже дисковидные с желвачной коркой и следами сколов крупных пластинок эллипсоидного или подпрямоугольного очертания. Несомненно, что многие широкие ножевидные

пластинки и концевидные скребки были сколоты с подобного типа нуклеусов (рис. 2, 6).

Из орудий бытового обихода 33 экземпляра массивных скребков, изготовленных из широких и крупных отщепов кварцита и кремня с крупной ретушью на одном или двух боковых краях (рис. 3).

Для тонкой работы применялись различные миниатюрные орудия типа трапеции (8), вкладышей (9), мелких резцов (9), проколов (3), режущего остря (рис. 7). Сделаны они из яшмы, халцедона и опала с тщательной обработкой и тонкой ретушью. Вкладыши – тонкое режущее орудие из пластинок с острыми краями с двух сторон в костяной или деревянной оправе (рис. 7). Резцы больше на пластинках (5), из них один тетраэдрической формы, один из обломков нуклеуса. С особой тщательностью обработаны проколки на ножевидных пластинках с заостренным концом длиной 5–6 см, шириной 4–8 мм. Описанные орудия не составляют особенность стоянки Караганда-15, они присущи неолитическим стоян-

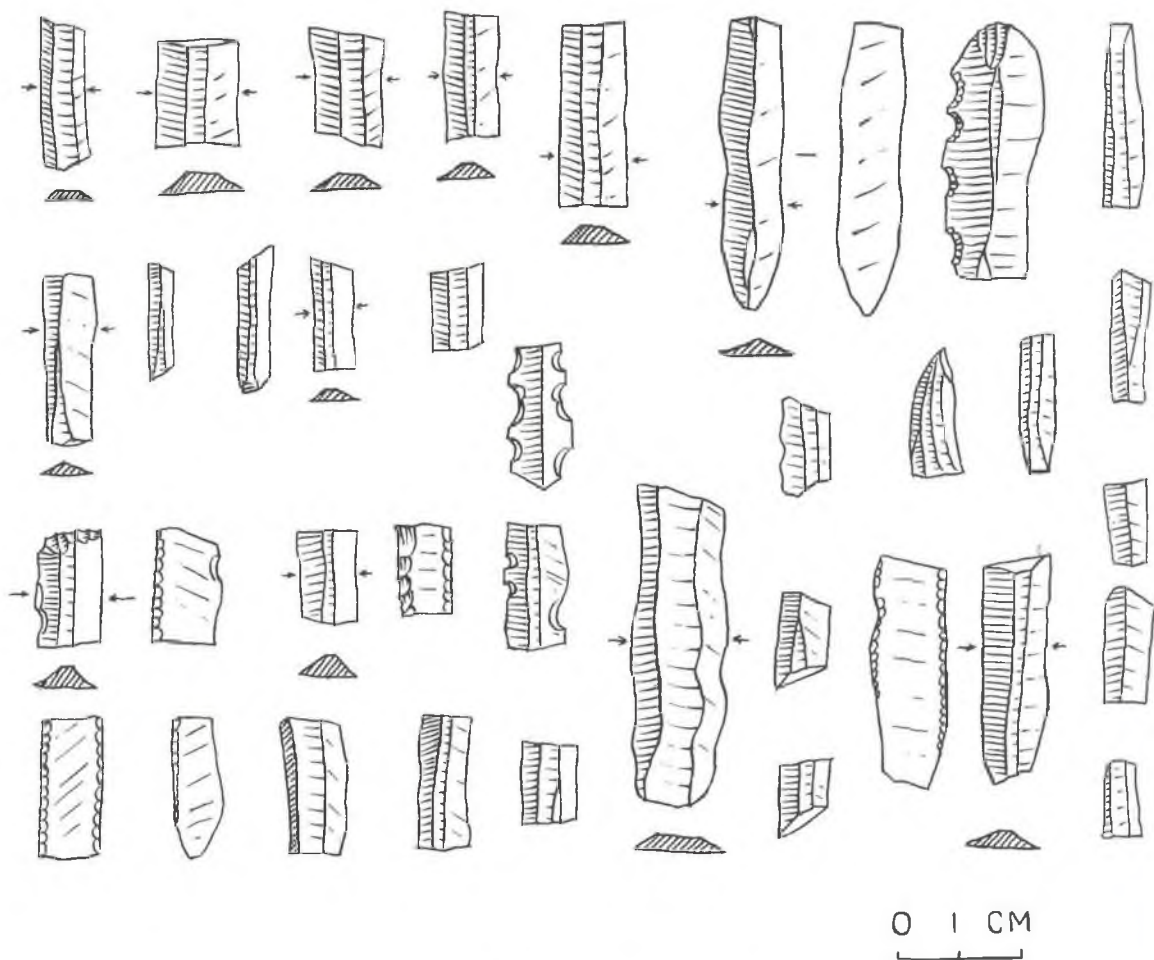

Рис. 4. Ножевидные пластинки

кам всей степи от Иртыша до Северного Прикаспия. На стоянках Караганда № 11, 19, 27, 29, 41, 46, а также Джезказгана, р. Сарысу, Бетпакадалы и Прибалхашья они обнаружены в большом количестве.

Из таблицы видно, что удельный вес трапеций выше, чем режущего острия и проколов. На всех стоянках группы Караганда их собрано около 20 экземпляров. Если к ним добавить трапеции, найденные на стоянках Джезказгана, р. Сарысу, Бетпакадалы и Северного Прибалхашья, то этот факт отрицает выводы А. А. Формозова об отсутствии трапеций на территории Казахстана. Более того, вопреки этому утверждению, самые интересные и уникальные образцы этого орудия найдены именно на этой территории (рис. 7).

Среди находок каменное полированное орудие, назначение которого точно установить еще не удалось. Одни считают, что это выпрямитель¹⁰⁸, другие определяют как утюжки-гладилки¹⁰⁹. Возможно правы и те, и другие (7).

Неолит – эпоха приручения диких животных, людям нужны были орудия для их укрощения. Арканы, хорошо запечатленные на скальных

рисунокх того времени, вили из волос и из сыромятной кожи. Люди были хорошо знакомы с обработкой шкур животных еще с эпохи палеолита. Готовые арканы и другие изделия из сыромятки они смягчали и выпрямляли при помощи этого полированного орудия. Гладилка из стоянки Караганда-15 имеет форму батона длиной 12 см, максимальная ширина 8 см. Образцы этого типа орудий встречались неоднократно; 2 неполных экземпляра найдены в культурном слое Улутауского поселения, четыре на стоянках Джезказгана № 3, 16, 77 (Джезказган IV) и на Айнаколе (Джезказган XIII)¹¹⁰ пять экземпляров хранятся в Актюбинском музее, один, найденный на стоянке Жар-Коль – в Кустанайском музее, один из Калбинского хребта описан С. С. Черниковым¹¹¹, один из стоянки на Аккум-Сазиге описан А. А. Формозовым¹¹². Такие гладилки изредка встречаются на стоянках южного Урала, один экземпляр найден в Минусинской степи¹¹³.

Техникой полировки тщательно обработан еще ряд орудий, в том числе топоры и тесла из глинистого сланца, метательные шарики из мер-

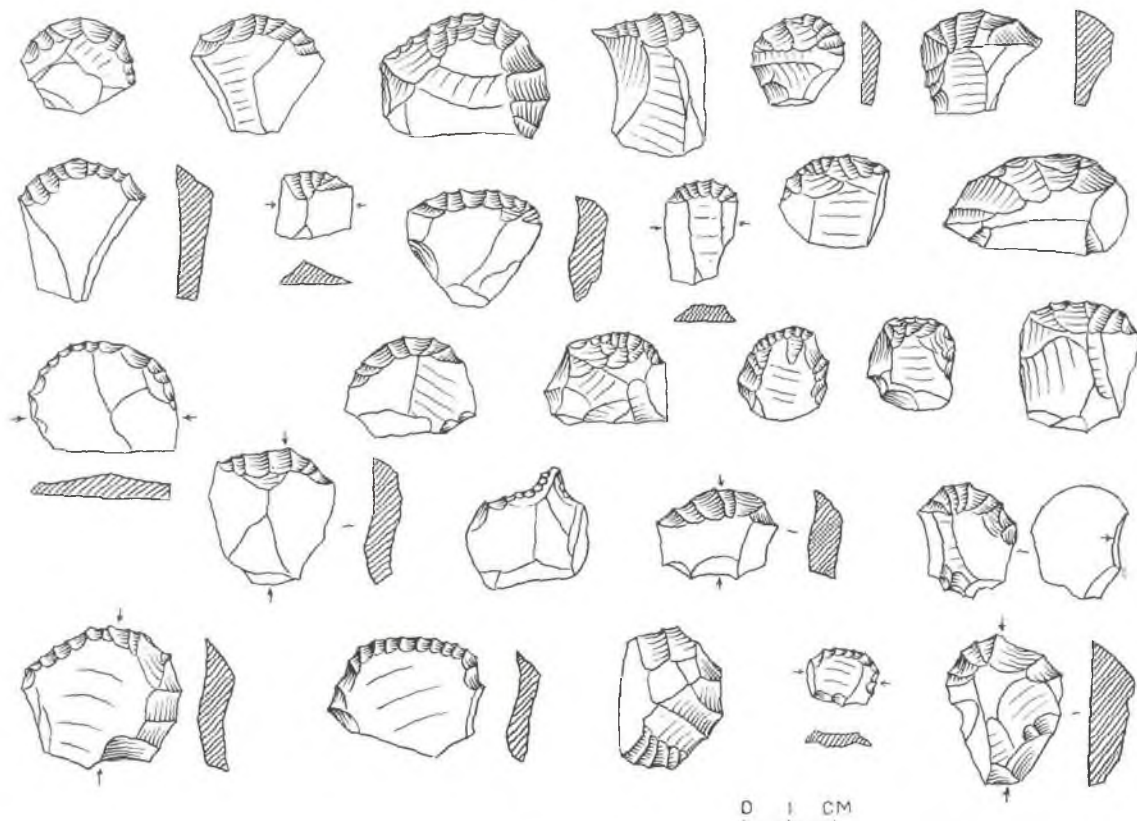

Рис. 5 Скребки. Караганда-15, 19, 46, 41, 29

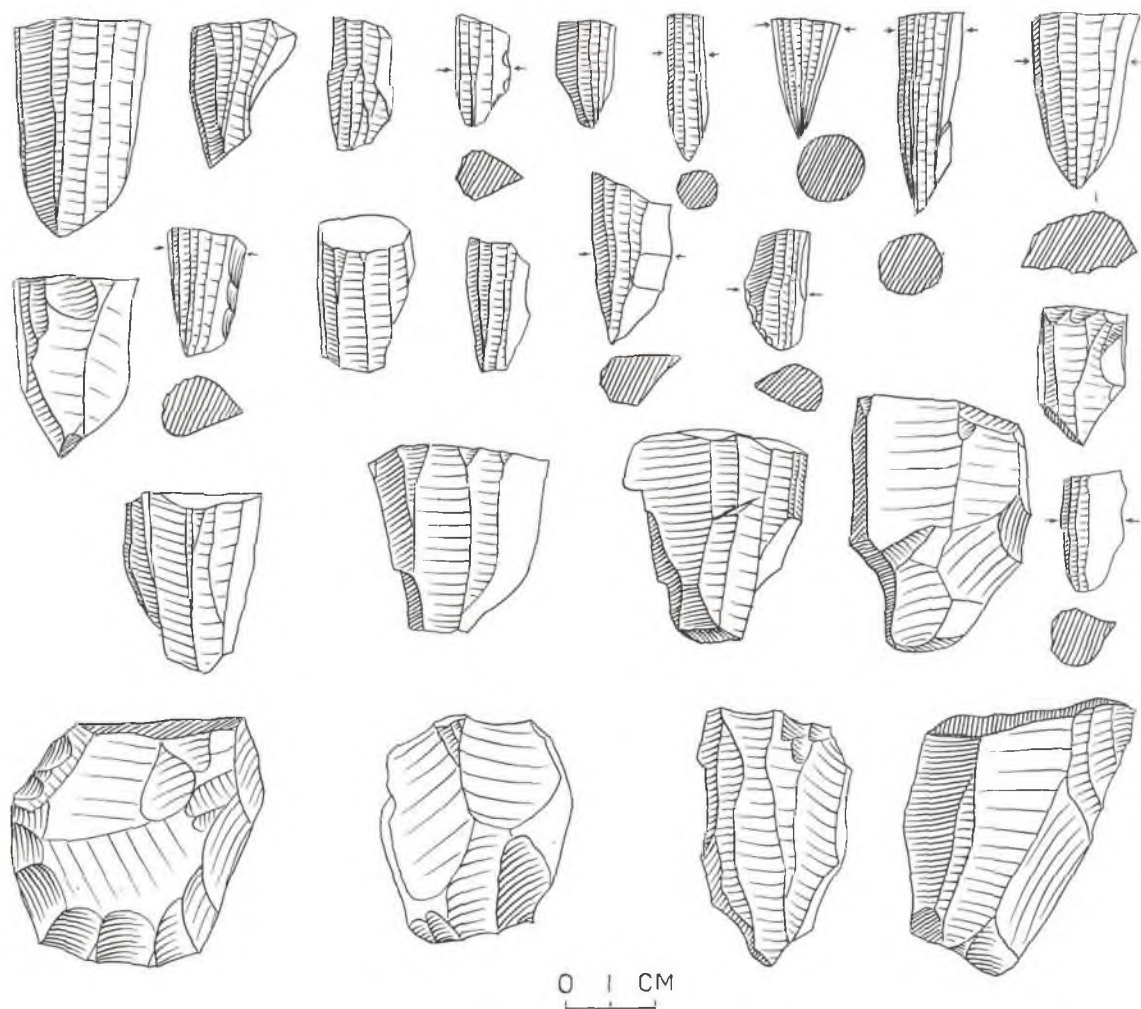

Рис. 6. Нуклеусы и скребки. Караганда-15, 16, 29, 37, 41.

геля или песчаника, а также украшения – каменные бусинки¹¹⁴. Орудия охоты представлены целой серией наконечников стрел (31) и дротиков (21) из яшмы, опала и кварцита, очень привлекательны по форме и многообразию. Среди них есть короткие и широкие листовидной формы с глубокой выемкой в основании, короткие узкие миниатюрной формы с выемкой с основания¹¹⁵, ромбовидные с длинным черешком¹¹⁶, листовидные с длинным черешком¹¹⁷, листовидные с коротким черешком¹¹⁸, треугольные с округлым основанием¹¹⁹, длинные, узкие долотовидной формы с сечением овальной формы¹²⁰, узкие продолговатые с тупым концом и сечением овальной формы¹²¹, некоторые наконечники в сечении имеют форму трапеции¹²². Большинство наконечников стрел обработано двухсторонней ретушью, есть и с односторонней. У некоторых наконечников, сделанных из пластинок, обработа-

ны только бока, спинки без ретуши и в сечении имеют форму ромба или трапеции.

Зеленая балка 4 – одна из интересных стоянок в группе Караганда, расположена в 6 км к юго-востоку от новой Караганды, на территории пригородного совхоза «Победа», возле родника. Местность характеризуется болотистым ландшафтом и изобилием подземных вод.

Зеленая балка исследована М. Н. Клапчуком в 1962 и 1963 гг.¹²³. Здесь на выдувах ветровой эрозии выявлены четыре стоянки. Наибольший интерес представляет стоянка Зеленая балка 4, относящаяся к позднему неолиту, где произведены раскопки на площади 25 м², на глубине 0,3–0,65 м обнаружен культурный слой, насыщенный находками. В культурном слое¹²⁴ и в обнажениях¹²⁵ собрано 1530 кремневых изделий; 98 нуклеусов, 755 ножевидных пластинок, 39 концевых скребков из пластинок, 228 скребков из отще-

пов, 25 обломков наконечников стрел, 17 дротиков, 15 скобелей, 8 вкладышей, 6 трапеций, 4 проколки, 21 мотыги, а также большое количество костей животных и фрагментов лепной керамики (22). В своих главных чертах орудия средних размеров, микролитических форм очень мало.

В 1960 г. раскопки производились на стоянках Караганда-18 и Караганда-27, в каждом случае на площади 4 м². В стоянке 18 на глубине 0,2–0,4 м обнаружен культурный слой толщиной около 0,2 м, где собрано 77 предметов, – из них 2 нуклеуса, 31 ножевидные пластинки, скребки, скребло и отщепы¹²⁶. На стоянке Караганда-27 на глубине 0,40 м найдено 50 предметов с преобладанием ножевидных пластинок и скребел, реже встречаются наконечники стрел на пластинках (рис. 8)¹²⁷. Обильный материал собран с обнажений стоянок Караганда-14 (свыше 1000 предметов), Караганда-16 (свыше 500 предметов), Караганда-29, Караганда-41. В составе находок те же орудия, что были найдены на других стоянках группы Караганда. Установлено, что для всех стоянок Караганды характерно присутствие каменных очагов с большим скоплением в них золы, угольков, а вокруг них скопление костей животных, камней и кремневых орудий.

Джезказганские погребения и стоянки эпохи неолита

Местность, где стоит Джезказган представляет холмистую степь с каменистой почвой, по которой протекают многочисленные реки и протоки. Самые значительные из них рр. Кенгир, Кара-Кенгир, Сары-Кенгир, Джезды (Улкен-Джезды и Бала-Джезды), Жиланды. В древности долины этих рек были местом средоточия племен.

Многолетними археологическими исследованиями установлено, что в Джезказгане прослеживаются пласты двух древнейших культур. Прежде всего здесь представлен обширный культурный комплекс эпохи неолита в виде многочисленных стоянок и скоплений в них кремневых орудий. По сравнению с соседними районами неолитические стоянки Джезказгана более обширны. Джезказган был одним из крупнейших узлов развития степного неолита, на основе позднего неолита стал центральным очагом зарождения и сложения культуры бронзы в Центральном Казахстане.

Для сложения и развития этих культур в районе Джезказгана были благоприятные условия, прежде всего богатая фауна. Здесь большими табунами паслись крупные млекопитающие –

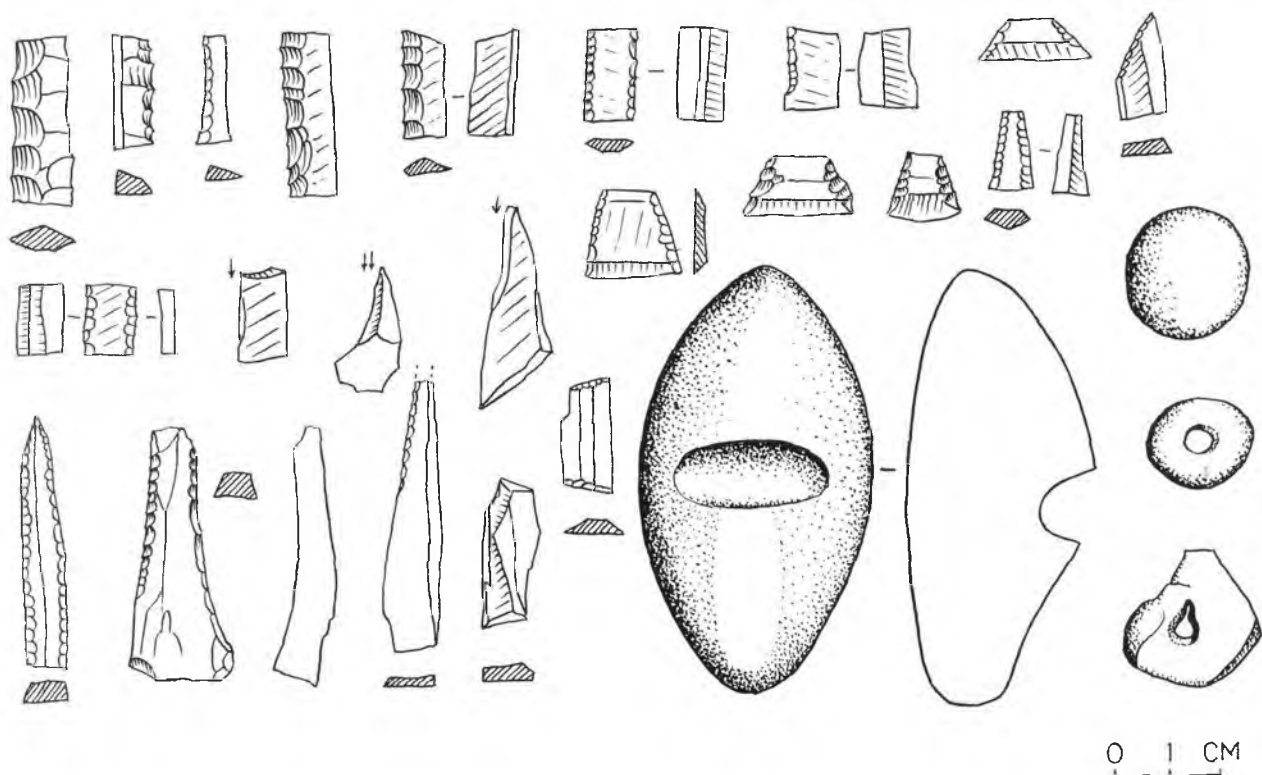

Рис. 7. Вкладыши, трапеции, проколки, острия, резцы, утюжок-гладилка, метательный шарик, каменные бусы Караганда 15, 27, 41

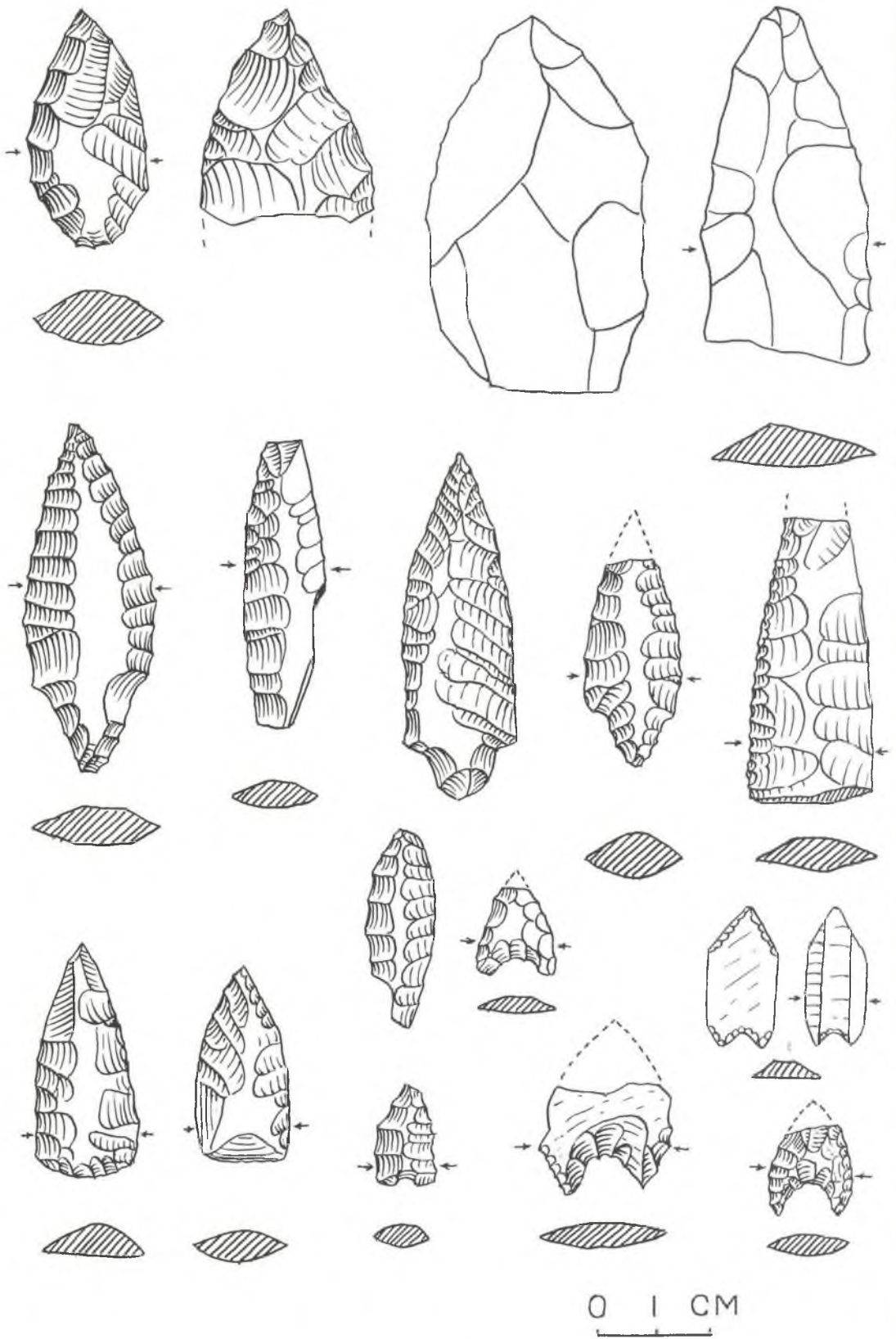

Рис. 8. Наконечники стрел. Караганда-15, 27, 20, 19, 11

лоси (буланы), куланы, олени, сайгаки, джейраны, архары, елики и другие. Обитание этих животных в данном районе отражено в географических названиях. Так скопление животных степные жители отразили в следующих названиях: в 120 км к западу от Джекказгана протекает река Буланты (Лосиная река), от слова булан – лось; в районе водораздела рр. Сарысу, Моинты и Нура расположены горы Бугулы (Оленьи горы), от слова бугу – олень; Аркарлы (Бараньи горы), Киикты (горы, где водятся антилопы), р. Кулан-отпес (кулан не пройдет). Многочисленные наскальные рисунки эпохи неолита свидетельствуют о том, что перечисленные животные большими стадами обитали на этой территории. Среди улутауских и джекказганских наскальных гравюр немало изображений диких лошадей, бизонов, туров, диких верблюдов, куланов, архаров, козлов, оленей и других диких животных, составлявших богатство охотничьей фауны. Кроме того, Улутауские и Джекказганские степи хранят огромное количество останков ископаемых животных, многие из которых исчезли не только в этих местах, но и с лица земли. Ископаемые животные экспонируются в Музее зоологии Академии наук Республики.

К благоприятным условиям описываемых мест необходимо отнести обилие кремня, кварцита и других горных пород, сырьем из которого делали охотничьи и другие орудия.

Огромная роль в жизни древних племен отводилась богатым пастбищам. Скотоводство, развивавшееся на протяжении многих веков, начиная от первой стадии одомашнивания диких животных до организации крупных общественных стад, возникло благодаря густой растительности в пойме рек. Необходимо к этому добавить изобилие рыбы в реках и пернатой фауны. Все это было определяющим фактором для существования в Джекказгане и в бассейне рр. Нура, Сарысу, Кенгир, Терсаккан, Блеуты, Буланты, у озер Тенгиз и Кургалджин многочисленных стоянок и поселений.

Изучение многочисленных археологических материалов свидетельствует, что в V–IV тысячелетии до н. э. здесь развивалась однотипная микролитическая культура, отличавшаяся от кельтеминарской рядом своеобразных черт и имевшая широкое распространение по всему Центральному Казахстану до Тургайской степи. Своей кульминации эта культура достигла в позднем неолите и энеолите (IV–III тысячелетие до н. э.), т. е. накануне появления первого металла (меди).

С появлением медных орудий микролиты не исчезают и еще долго соревнуются с бронзовыми орудиями.

В черте рудника Джекказгана обследованы многочисленные группы стоянок, несущих яркую микролитическую культуру, типичную для степного неолита. В комплексе этих стоянок часто встречаются погребения эпохи неолита. Об этом говорят неожиданные результаты, полученные при раскопках ряда курганов, исследованных в разных пунктах Джекказгана. Раскопками установлено, что это – самые древние погребения на территории Центрального Казахстана¹²⁸. Неолитические погребения Джекказгана группируются на отдельные комплексы и каждая группа курганов топографически связана с какой-нибудь определенной группой стоянок (см. карту на стр. 285).

Небольшая группа погребений эпохи неолита, состоящая из четырех каменных насыпей, обнаружена в 1946 г. сотрудниками геологического отдела Джекказганского медкомбината. Они расположены на высокой террасе горы Шом, на площади неолитических стоянок Джекказган V, два кургана в северо-западной и восточной части рудного участка Покровский, вблизи стоянок 50, 44 и 45 (курганы 13, 20а) и два кургана ближе к подножию террасы, вблизи стоянок 69 и 60, на участке Петрохолм¹²⁹. Одновременные им курганы встречены на участках Кресто-Север (Джекказган VII) и Кресто-Центр, вблизи группы стоянок 86, 118. Подобные курганы с каменной насыпью выявлены на восточных холмах рудника Джекказган в юго-западной части рудного отвода Анненский (группа стоянок 96, 111, курганы 98а), в юго-западной части границы Милыкудук возле стоянки 67 (группа курганов 95); группа погребений (136) синхронного типа, сложенная из цветного кварцита, обнаружена на кварцитовой горе, вблизи древней каменоломни 135; группа с каменным покровом находится на сопках южнее железнодорожного моста возле стоянок 37 и 88. Характерную черту этих курганов составляет то, что все они сложены из крупных каменных плит размером не менее 1,0x0,6 м³.

Таким образом, в окрестностях рудника Джекказган выявлено до 8 групп погребений людей эпохи неолита, главную особенность которых составляет их внешний вид. Они сложены очень аккуратно из тонких сланцевых плит в виде курганных насыпей диаметром 5–7 м, высотой от 0,5 до 0,8 м. Каменные покровы всех курганов

нов однотипны, все покрыты толстым слоем лишайника. Во всех раскопанных курганах погребальной ямы как таковой в традиционном понимании нет, костяк лежит в чуть выдолбленной корытообразной яме глубиной не более 15–20 см. В могилах сопровождающего инвентаря типа афанасьевского нет. Своеобразна форма погребального сооружения, которая сведена к ограждению пространства, где лежат останки покойника. К характерным особенностям погребального обряда относится и то, что в качестве ритуальных предметов в могилу положены некоторые каменные орудия и куски окисленной медной руды (малахит, азурит, халькопирит). Эти минералы, позднее ставшие ключом к открытию секрета плавки руды, в более раннее время для древних жителей имели только магическое значение.

Исследованиями охвачены две группы памятников: одна на горе Шом, другая на восточных холмах Джекказгана, т. е. одна на западе, другая на востоке Джекказгана. В обеих группах раскопаны четыре кургана одного типа, отражавшие один и тот же погребальный обряд. Исследования имеют свою историю. В 1946 г. на горе Шом была начата открытая разработка медной руды, которая охватывала весь западный и северо-западный район участка Петрохолма и Покровского, что угрожало уничтожением всего археологического комплекса Джекказган V, состоявшего из полутора десятка стоянок и четырех курганов. Из них курганы 1 и 2 были расположены на нижней террасе горы Шом, вблизи стоянок 69, 60, 75 и 73, курганы 13 и 20 севернее и северо-восточнее от них, вблизи стоянки 50 и недалеко от стоянок 44, 45. Все курганы имели каменные наброски из крупных обломков медистого песчаника или сланца. Курган 1 был исследован Н. В. Валукинским, 2-ЦКАЭ – руководимой автором этих строк, при участии археологов Г. И. Пацевича, Н. В. Валукинского и художника Ш. Кутходжина.

Исследования дали следующие результаты:

Курган 1 (по общему плану 103) расположен на площади между стоянками 69 и 60. Раскопки велись летом 1946 г. силами рабочих Джекказганского медькомбината. По своей конфигурации погребение представляло собой небольшой курган с каменной наброской диаметром около 6 м, высотой 0,6 м. Западный край кургана был слегка задет экскаватором при проведении открытого карьера на горе Шом. Курган сложен из тонких плит способом ступенчатой

кладки камней. Он исследован перед сносом. После снятия насыпи в центре кургана выявлена площадка с могильным пятном, огороженным узкими сланцевыми плитами, установленными на ребро. Плиты ограждения имели высоту 1,22 м, ширину 0,5–0,7 м, толщину 4 см. По плану ограда представляла собой продолговатое сооружение с четырьмя тупыми углами размером по длине 2,6 м, ширине 0,85 м.

Внутри ограды была обнаружена могильная яма необычного типа длиной 2,2 м, шириной 0,55 м, глубиной не более 15 см. Своей корытообразной формой она напоминала контур продолговатого домашнего очага. Яма выдолблена небрежно в щебенистом грунте примитивными орудиями, образцы которых были найдены в кургане 3. Яма была перекрыта тонкими сланцевыми плитами в несколько рядов, наиболее широкие плиты лежали в головной части и в ногах. В яме, огороженной вертикальными плитами, лежал совершенно истлевший костяк человека. Судя по тому, что плиты перекрытия лежали вплотную с костяком, он был раздавлен верхней из них. Сравнительно лучше сохранились кости стопы, лежавшие в восточном конце ямы в своем первоначальном положении, а также кисти рук около пятна черепа. По положению конечностей и по общему силуэту костяка нетрудно было установить, что он был ориентирован головой на запад и вытянут на спине. Следы скорченности не обнаружены. В западной половине ямы у изголовья в качестве ритуального предмета грудой лежали куски окисленной медной руды (рис. 3). Из-за отсутствия медной руды совершенно истлевшие кости сильно пропитаны медной окисью. Кроме того, в насыпи кургана и вокруг его подножия были найдены кремневые орудия, точно такие же были найдены в культурном слое стоянок Джекказган V. Другого сопровождающего инвентаря обнаружено не было. Все это свидетельствует об одновременности курганов № 1, 2 и 3 со стоянками Джекказгана V, и несомненно, что в этом кургане погребен один из обитателей стоянок № 69 и № 73.

Курган № 2 расположен юго-западнее кургана № 1 и по своим размерам и внешней форме аналогичен первому. Он также был сложен из тонких сланцевых плит, выходы которых находились рядом в 50–100 м. Эти плиты содержали значительную примесь медной руды. Курган с боков слабо потревожен геологами, проявившими интерес к его покровному материалу, камни были разбросаны по сторонам. Диаметр курга-

на 8 м, высота 0,7 м. В центре кургана выявлено плиточное ограждение, в которое заключена погребальная яма. Ограждение имело продолговатую форму с прямыми углами. Большинство плит лежало в сваленном виде, в первоначальном положении стояли только головные плиты. Размеры могильной ограды по длине 2,5 м, ширина 0,7 м, при глубине ямы около 20 см. Яма не имела четкого перекрытия (в других курганах она была наполнена тонкими плитами, положенными в определенном порядке). В яме обнаружен раздавленный, совершенно истлевший костяк. Лишь по уцелевшим фрагментам можно было сделать заключение, что в яме погребен человек большого роста, ориентированный головой на запад. В ногах находились куски окисленной медной руды, истлевшие кости сильно пропитаны медной окисью. При тщательном обследовании предметов материального производства обнаружено не было.

Курган 3 (рис. 9). Интересные результаты были достигнуты при раскопке кургана 3, произведенной в 1948 г. Он находился в группе памятников, расположенных на террасах восточ-

ных холмов Джекказгана, вблизи стоянок 96, 111, 135 (Джекказган XIV). В группе всего 4 небольших кургана, сложенные из камней, диаметром от 8 до 10 м, высотой 0,6–0,8 м. Сравнительно крупным размером выделяется курган 3, расположенный на высокой террасе (рис. 9). Его диаметр 10 м, высота 0,8 м. Сложен из крупных и средних обломков песчаных плит, уложенных в определенном порядке, очень близким к простейшей форме ступенчатой кладки. Курган покрыт толстым слоем лишайника и зарослями. Для выяснения формы погребального сооружения и обряда погребения был снят общий вид кургана, его план и разрез (рис. 9). Выяснилось, что курган № 3 сохранился в своем первоначальном положении, это позволило провести полную фиксацию формы сооружения и более точно установить пространство с могилой, огороженной тонкими сланцевыми плитами, вертикально врытыми в землю. В большинстве случаев плиты стояли в первоначальном положении. Оградка представляла собой простейшую форму сооружения в плане не имеющую четкого геометрического очертания с покосившимися боковыми стенка-

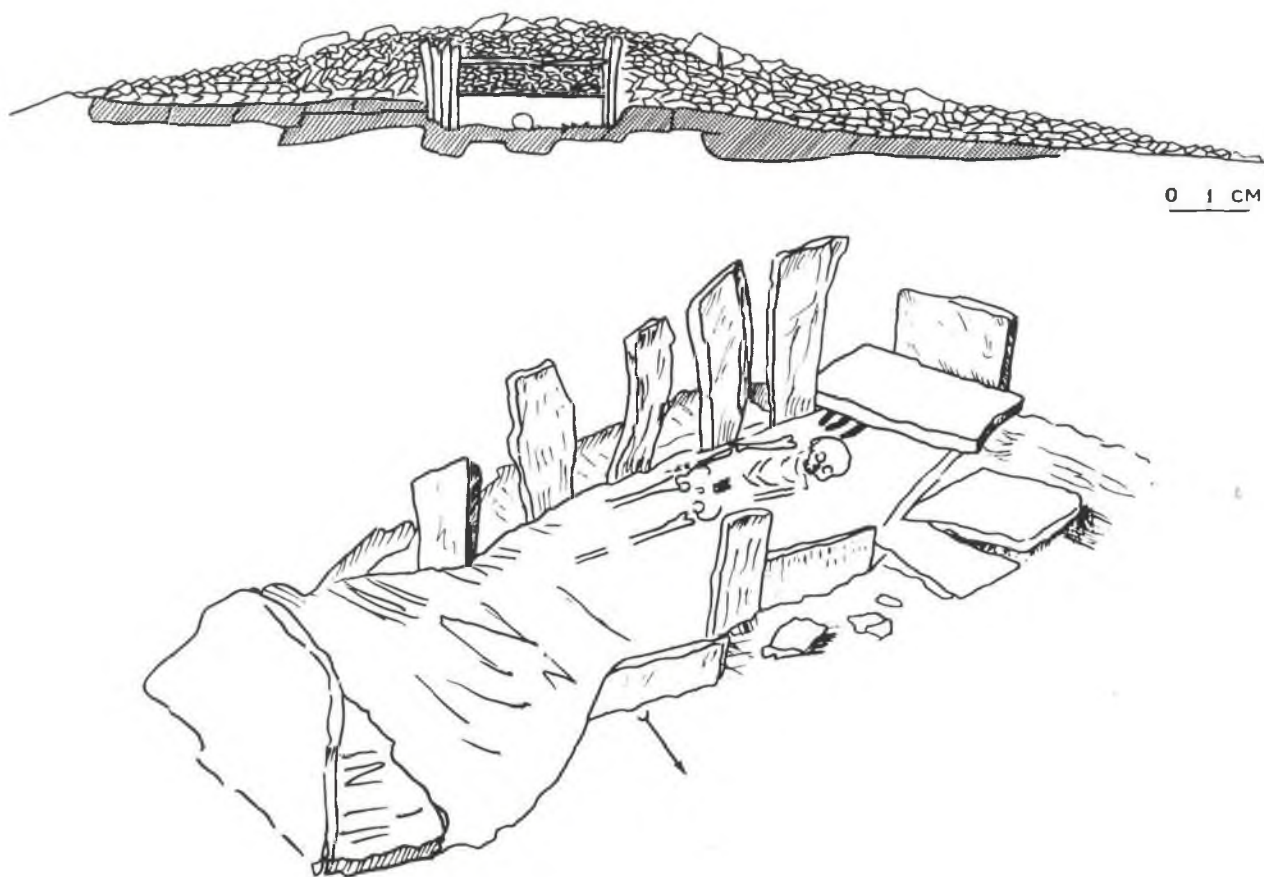

Рис. 9. Разрез кургана 3 и план погребения в нем

ми, ориентирована продольной осью с СЗ на ЮВ, длина 2,8 м, ширина в западной половине 1,64 м, в восточной – 0,9 м. Конфигурация западной половины близка к округлой форме, восточная часть с углами напоминает входной коридор в круглое помещение (рис.9). Несомненно, что форма погребального сооружения воспроизводит форму жилищ неолитических племен Центрального Казахстана, состоящих из круглого помещения и удлиненного коридора с угловыми завершениями.

В центре ограды корытообразная яма глубиной всего 0,25 м, длиной 1,8 м, при ширине 0,56 м. Яма перекрыта тонкими плитами, края которых опирались на боковые вертикально стоящие плиты. На дне ямы обнаружены истлевшие остатки человеческого скелета. Сравнительно лучше сохранились кисти рук и ступни ног, лежавшие в нетронutom виде. Из общего контура ясно видно, что человек лежал в вытянутой форме на спине с легким перевесом на левый бок, головой на северо-запад (в дневнике Н. В. Валукинского неточно «на север»); руки слегка согнуты в локтях, кисти обращены в сторону запада, чуть выступают за черту головы. Обращает на себя внимание деталь обряда, по которому тело покойника засыпано тонким слоем черной земли, снятой при рытье погребальной камеры с верхнего дернового слоя почвы. Толщина насыпного слоя 2–3 м. Против головы, в юго-западном углу ограды, выше края ямы, обнаружены три каменные лопатки разных форм. Четвертая, несколько меньшего размера, обнаружена в черноземной насыпи, пятая, найдена в насыпи у основания кургана (рис. 10). Погребальный обряд, сложившийся в доандроновское время несет черты анимизма – одухотворения живой природы. Следуя этому верованию, могильную яму засыпают землей, из почвенного слоя, где рядом с покойником складываются орудия, которыми была выкопана яма. Вполне вероятно, что три орудия, найденные у изголовья были личными предметами покойника, а найденные в насыпи – родственников, принесенные в жертву в память усопшего. С другой стороны, по-видимому, уже тогда существовало поверье, по которому нельзя было уносить с собой инструменты, которыми копали могилу.

Следует отметить, что орудия, найденные в кургане 3, не являются единственными в своем роде, такие же орудия (кайлы, кирки) встречались многократно в древних стоянках. В эпоху неолита и позднее они являлись основными ору-

диями, применявшимися при землеройных работах. Одно из них мотыговидное с выемкой посередине для привязывания деревянной рукояти, два других в виде четырехгранного лома с заостренным концом и два типа кирки. Все орудия рассчитаны на деревянные рукояти.

Кремневые орудия труда, найденные в погребениях и на стоянках Джекказгана, настолько похожи, что дает основание заключить об их происхождении в одно время. Курган 3 территориально и генетически связан с ближайшими стоянками 96 и 111, и составляет единый комплекс с ярко выраженной культурой позднего неолита.

В районе Джекказгана установлены две группы древнейших погребений, доселе неизвестных науке и по форме сооружений и обряду погребений. Они отличаются от афанасьевских погребений Южной Сибири и андроновских эпохи бронзы.

Исследования групп погребений эпохи позднего неолита обогатили наше представление о древнейшей культуре Центрального Казахстана и прояснили вопрос о происхождении культуры бронзы в Евразийской степи. Характерные черты древнейшего погребального обряда, существовавшего в Центральном Казахстане до металлической культуры: погребение на спине в вытянутом положении с небольшим уклоном на левый бок, руки чуть согнуты в локтях и приподняты к голове, скорченность отсутствует, около головы положены грубые каменные орудия, в изголовье и ногах непременно находят куски окисленной руды (малахит, лазурит), последние имели для древнего человека магическое значение.

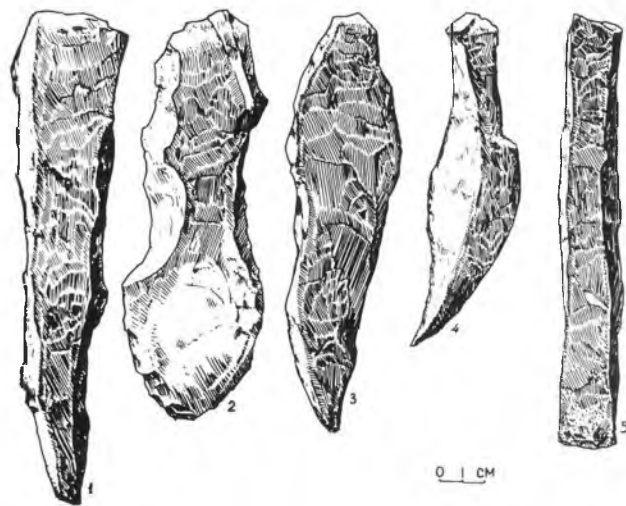

Рис. 10. Каменные орудия, найденные у головы погребенного. Курган 3

Отсутствие керамики и украшений, свидетельствует о раннем этапе появления этих курганов. Их внешний вид отдаленно напоминает афанасьевские погребения Алтая, но в описанных нами отсутствует богатый инвентарь, характерный для афанасьевских погребений Южной Сибири, это дает основание утверждать, что последние появились позднее, чем джезказганские. Некоторое внешнее сходство погребений, возможно, говорит о генетической связи афанасьевских памятников с неолитическими погребениями.

Особый интерес представляют приемы сложения стен из вертикальных каменных плит, врытых на ребро и организация плана первых каменных сооружений в продолговатой композиции со своеобразной конструкцией углов. Некоторые элементы первых примитивных сооружений впоследствии переходят к эпохе бронзы и традиционны при строительстве жилищ и каменных усыпальниц для насельников Центрального Казахстана, т. е. прослеживается историческая преемственность между культурами эпох позднего неолита и бронзы. Преемственность обнаруживается и при сопоставлении каменных орудий. Древние погребальные сооружения часто воспроизводят форму жилищ. Так, округлая конфигурация западной части и узкая, удлинённая восточная половина погребения из кургана 3, несомненно, воспроизводит округло-продолговатую форму наземного жилища, характерного для Центрального Казахстана эпохи неолита и энеолита, о чем свидетельствуют остатки жилищ ряда неолитических стоянок Джезказгана (стоянки 23, 40 А, Б). Характерную черту этих первобытных жилищ составляют каменные очаги, сложенные из крупных плит песчаника, и всегда в центре округлого помещения. От этих очагов сохранились следы в виде прокаленной ямы, нередко с плитами, здесь часто обнаруживается значительное скопление кремневых орудий и костей животных. Керамика встречается крайне редко. Следует заметить, что в планировке и расположении первобытных жилищ учтено направление ветра, господствующего в Центральном Казахстане, т. е. с запада и северо-запада. И не случайно, что вход в жилище в виде узкого коридора обращен на восток.

Следует отметить, что культурный слой стоянок и погребений Джезказгана однороден, в нем отражена ранняя история Джезказгана, эпоха перехода от неолита к меднокаменному веку (энеолиту).

В выявлении неолитических и энеолитических стоянок Джезказгана огромная заслуга неутомимого ученого Н. В. Валукинского.

Поисками древностей Джезказгана он занимался пять лет (1945–1949), ему удалось исходить все уголки этого района, обследовать большое число стоянок и поселений¹³⁰, собрать десятки тысяч древних предметов¹³¹, среди которых имеются уникальные. Все стоянки Джезказгана открыты в обнажениях древних террас, горных ущелий, в долинах и более всего на выдувах ветровой эрозии и в местах дефляции.

Основная масса выявленных стоянок сосредоточена вокруг рудных участков, в равнине между рр. Дезде¹³², Жиланды¹³³ и Кенгир¹³⁴, на рудных участках Милыкудук, Кресто, Петрохолм, Раймунд, Карпиенский, Никольский, Анненский, Акши, Айнаколь, Златоуст, Беловский. Вне этой территории стоянки эпохи неолита и бронзы в таком обилии не встречаются.

Неолитические стоянки Джезказгана предстают в виде обнаженных площадок, часто лишенных дернового покрова, нередко в виде плотных глинистых участков с редкой растительностью. Верхняя часть некоторых стоянок (6, 21, 23, 56) смыта потоками весенних вод, отчего обнажаются выходы культурного слоя в виде узкой линзы. В таких случаях повторные обследования обнаружат новые обильные находки без раскопок¹³⁵.

Стоянки Джезказгана относятся к разным хронологическим периодам. Наиболее древние относятся к раннему неолиту, а большая часть стоянок отражает культуру эпохи энеолита и бронзы. Поселения Милыкудук, Златоуст, Айнаколь, Соркудук имеют два, иногда три культурных слоя, верхний из них относится к раннему и позднему средневековью¹³⁶.

Для нас большой интерес представляли материалы стоянок эпохи неолита и переходного этапа от нового каменного века энеолита к бронзе, изучение которых позволило бы раскрыть закономерность перехода от камня к металлу.

Исследованиями установлены три ландшафтных типа стоянок. К первому относятся все неолитические стоянки Джезказгана. Их характерную черту составляет расположение на склонах холмов, террасах или у подножия мелкосопочников (стоянки А, 23, 44, 45, 50, 62, 69, 73, 82, 103, 118, 127). Культурные слои большинства стоянок содержат лишь кремневый инвентарь. Несомненно, что все террасовые стоянки относятся к более раннему периоду.

Вторая группа стоянок наиболее многочисленная, их всего обнаружено около 30. Они расположены у подножия холмов и большей частью в

небольших котловинах, у водных источников. Для этой группы характерны тонкие кремневые орудия, изготовленные очень тщательно, с большим умением. К ним относятся кремневые наконечники стрел и кремневые наконечники копий (рис. 11). В культурных слоях второй группы стоянок встречаются обломки керамики, мелкие ку-

сочки малахита, цветные кремнистые сланцы и кости животных. В своих главных чертах стоянки второй группы характеризуют культуру позднего неолита или переходного этапа от неолита к бронзе (энеолит).

Третья группа стоянок самая многочисленная. Стоянки этой группы расположены в речных до-

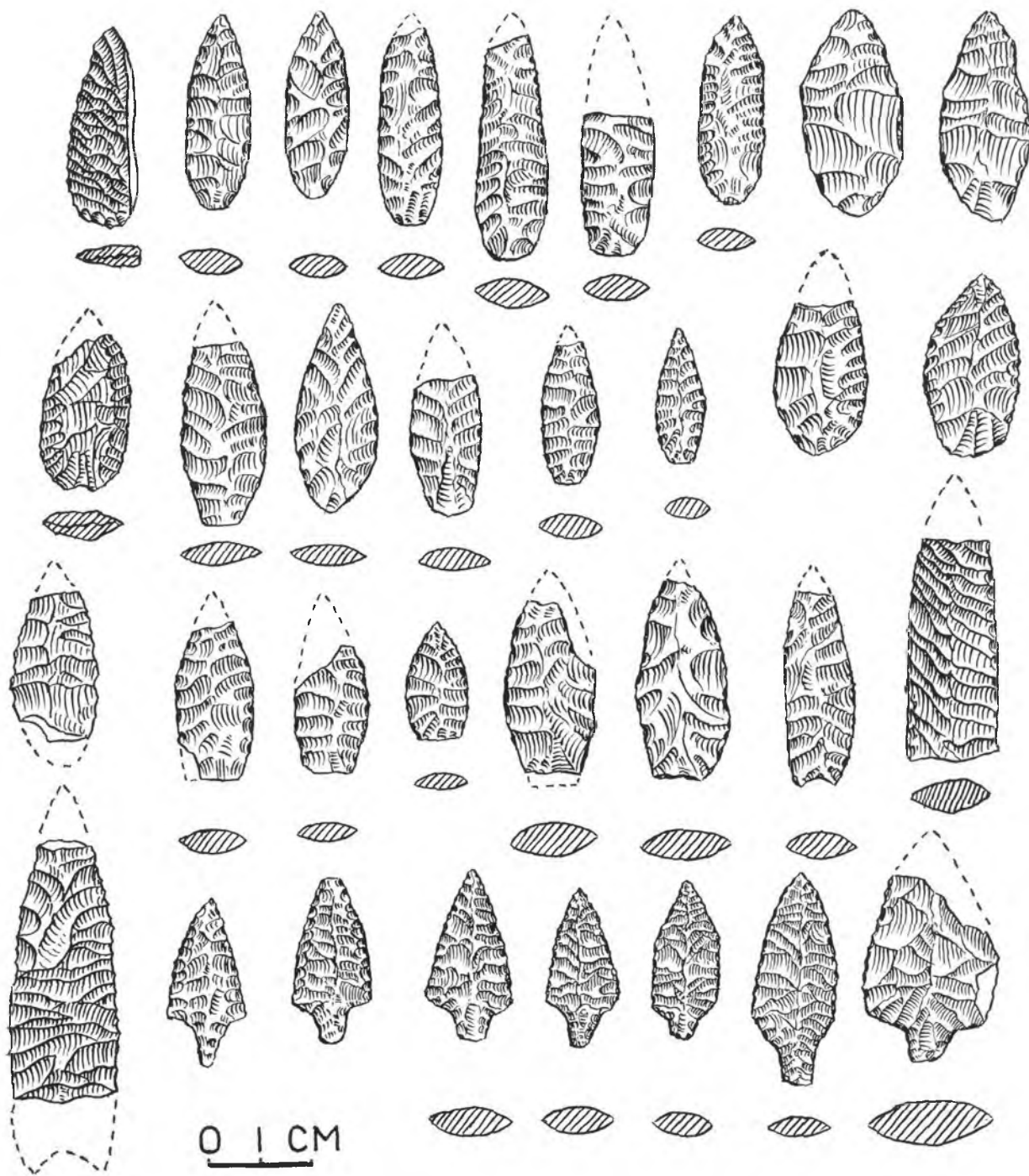

Рис. 11. Наконечники стрел. Дзезказганская группа стоянок

линах, вдоль протоков, у источников воды. История первоначального возникновения этой группы стоянок связана с богатыми месторождениями медной руды, добычей и выплавкой из этой руды металла. Характерную особенность этой группы стоянок составляют следы древних горных работ в виде отвалов, выработок, разносов и сплесков обогащенной медной руды, остатки жилищ древних металлургов и скотоводов в виде полуземлянок, остатки плотин, водоемов, колодцев.

Неолитические стоянки Джезказгана расположены группами от 3 до 12 на небольшом расстоянии друг от друга.

Групповое расположение стоянок связано с древним родовым бытом, ибо каждая такая группа стоянок представляет собой объединение в одном месте членов одной родовой группы или фратрии, входящей в более крупное объединение – союз племен, сложившийся в период позднего неолита и ранней бронзы. Основу группового расположения стоянок древнего Джезказгана составлял общий труд, когда охотиться группой было гораздо легче, чем в одиночку.

Стоянки Джезказгана отражают жизнь неолитических охотников и скотоводов, живших отдельными родовыми группами, но объединенных общим трудом и уже составлявших патриархально-родовые общины с господствующей ролью мужчины и разделением труда.

В районе Джезказгана выявлено 16 групп стоянок: Милыкудук (Джезказган IX), Кресто-Север (Джезказган VII), Кресто-Центр (Джезказган VIII), Петрохолм-Покровский (Джезказган V), Раймунд Западный или «Златоуст Южный» (Джезказган VI), Анненский (Джезказган XIV, XIII), Никольский (Джезказган XV), Айнаколь (Джезказган XIII), Акши (Джезказган IV), Спасский (Джезказган III), Соркудук (Джезказган I), Златоуст-Белов (Джезказган X), Коскудук (Джезказган XI), стоянки «Цветные горы» (Джезказган XII), Раймунд Восточный (Джезказган XVI)¹³⁷. Недалеко от них расположены стоянки Кипшакпай, Кулман, Кенгир I, II, III.

В нашем распоряжении были материалы пятилетних исследований, проведенных до разрушения памятников (1945–1949), изучение которых позволяет заключить, что многие стоянки Джезказгана несут ярко выраженный неолитический облик. Их культуру характеризуют огромные скопления кремневого инвентаря, следы наземного жилища с очагами, кости животных.

Одну из главных особенностей неолитических

стоянок Джезказгана составляет господство кремневых орудий и полное отсутствие керамики. Из этого можно заключить, что значительная группа стоянок Джезказгана относится еще к докерамическому неолиту. Мелкие фрагменты лепной керамики встречаются только в стоянках позднего неолита. В связи с этим Н. В. Валукинский допускал мысль, что в этих стоянках основная масса посуды состояла из шкур животных и не дошла до нас¹³⁸. Культуру неолитических стоянок Джезказгана характеризует не керамика, а большое скопление кремневых изделий, встречаемых нередко в виде кремневых складов¹³⁹.

Из неолитических стоянок Джезказгана наиболее крупные группы Кресто XII и Кресто VIII. Они впервые обследованы в 1917 г. Пазухиным и в 1945–1949 гг. Н. В. Валукинским. В них при проведении земляных работ обнаружено огромное скопление кремневых изделий, сборы которых составляют десятки килограммов. Количество кремневых материалов было так велико, что Н. В. Валукинский отобрал лишь самые существенные, остальные закопал на месте¹⁴⁰.

Обилие каменных орудий в ряде стоянок Джезказгана свидетельствует о длительном пребывании в одном месте неолитических охотников.

Группа стоянок Кресто – одна из наиболее ярких и ценных. Здесь две подгруппы: Кресто-Север (Джезказган VII), состоящий из стоянок 19, 21, 22, 23, 37, 50, 72 и Кресто-Центр (Джезказган VIII), включающий стоянки 1, 118, 127, 132. В двух подгруппах 15 стоянок. Все они выявлены в обнажениях верхней террасы межгорного ущелья на высоте 440 м над уровнем моря. Более древняя Кресто-Север (стоянки 19, 21, 22, 23), группа Кресто-Центр более поздняя, относится к эпохе энеолита и ранней бронзы.

Из ранних стоянок Кресто-Север наибольший интерес представляет стоянка 23, исследованная в 1946–1948 гг. Она расположена в узком горном проходе, на восточном берегу большого протока, идущего через весь Джезказган. Определить контур стоянки не трудно, она сильно обнажена ветровой эрозией, весной по ней проходит проток. В обрыве яра виден культурный слой в виде узкой линии. Площадь стоянки с культурным слоем выянута с юго-запада на северо-восток ее размер 300 м² (12х25). В юго-восточной половине стоянки прослежен слабый контур древнего жилища с очагом в центре. Очаг, сложенный из плит песчаника в виде круга диаметром 1 м, сохранился хорошо.

Возле очага встречено значительное количе-

ство костей крупных и мелких животных¹⁴¹. В культурном слое стоянки собрано 516 предметов, среди них немало орудий охоты и труда, заготовок (нуклеусы, отщепы, пластинки) и большое количество сколов и обломков. Ясно видно, что стоянка была долговременная и все каменные орудия производились на месте. Среди находок преобладают скребки различных форм (9), ножевидные пластинки (26), наконечники стрел, наконечники копий и дротиков (9), а также их обломков (3) (рис. 15). Имеются орудия достаточно тонкой работы, разнообразные режущие, сверлящие и колющие инструменты, ножи, резцы, острия, проколки. Нуклеусы представлены двумя типами – конусовидные и призматические, от них и отщеплялись удлиненные пластинки и заготовки орудий (рис. 12). Основным сырьем для изготовления кремневых изделий служил разноцветный кварцит, выходы которого находятся рядом, в районе Цветных гор, в черте г. Джезказгана. Орудия и отщепы из стоянки 23 по цвету точно совпадают с кварцитовыми валунами из района Цветных гор. В орудиях гос-

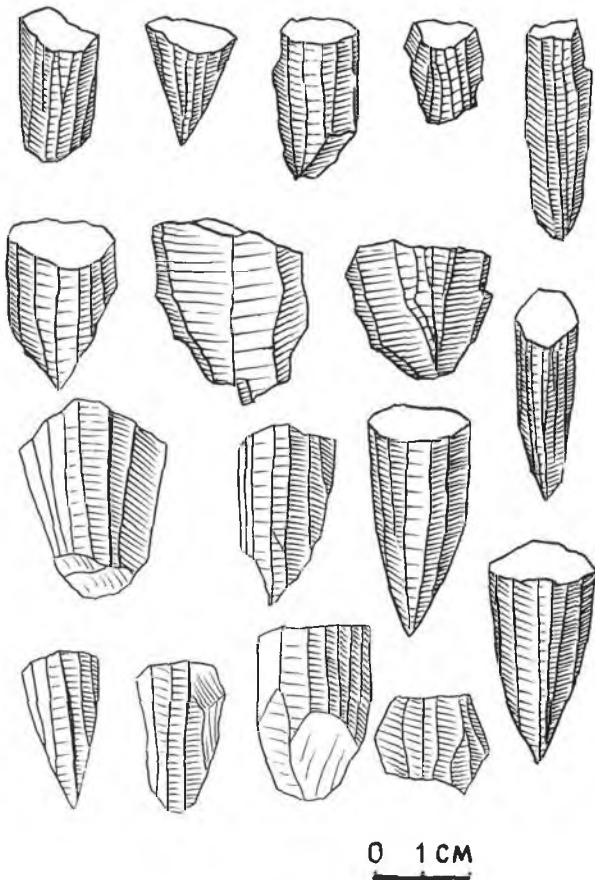

Рис. 12. Нуклеусы.

подствуют серо-сиреневый, вишневый и темно-сиреневый цвета.

Стоянка 36 выделяется из группы Джезказган VII обилием находок. Она была обнаружена в 1949 г. рабочими, строившими дорогу. В настоящее время по ней проходит большой тракт. На глубине 1,3 м они обнаружили яму-гнездо с большим обилием кремневых изделий. Работы были приостановлены. В результате обследования установлена неолитическая стоянка, существовавшая длительное время, о чем свидетельствует большое скопление кремневых орудий, отщепов и отходов. Собрано до 500 предметов, в том числе и кости животных. Из орудий – ножевидные пластинки (30), скребки разных форм (16), массивные скребла с тонкой ретушью (4), нуклеусы (2), резцы (3), наконечники копья с хорошей ретушью, наконечники стрел из желтого кремня (4), один из которых обработан тонкой чешуйчатой ретушью, полированное тесло, терка, рубило, ручные топоры, мотыги, остальные представлены в виде заготовок¹⁴².

Стоянка 21 из группы Джезказган VII, обследована в 1946–1948 гг. Расположена рядом со стоянкой № 23, к западу от рудного участка Карпиенского, недалеко от шахты 42. Стоянка обнаружена на выдувах ветровой эрозии, ее поверхность смыта потоками весенних вод, и в образовавшемся обрыве видны выходы культурного слоя. Площадь стоянки с каменным инвентарем представляет овальную форму, вытянутую с ЗЮЗ на ВСВ. По своим размерам это одна из крупных стоянок, занимает площадь 2700 м². Культуру стоянки характеризуют отходы производства в виде скопления отщепов и сколов и кости животных. Готовых орудий очень мало. Среди находок нуклеусы (3), скребки (6), рубящие и ножевидные орудия (скребло), окисленная медная руда и др. Совершенно сходные по типу и количеству находки в стоянках 37, 50, 72, относящихся к этой группе.

Стоянка Б из группы Джезказган VII относится к наиболее раннему периоду неолита, расположена к востоку от рудного отвода Крестосевер и западнее участка Карпиенского (группа VII). Здесь хорошо сохранились остатки дометаллической культуры в виде кремневых орудий (рис. 13, 14), костей животных, мелких фрагментов керамики и, порою, в виде пятен жилища и очагов.

В подгруппе Карпиенского всего пять стоянок (Б, 37, 50, 71, 72), из них самая древняя и самая богатая по находкам – это стоянка Б. Она еще

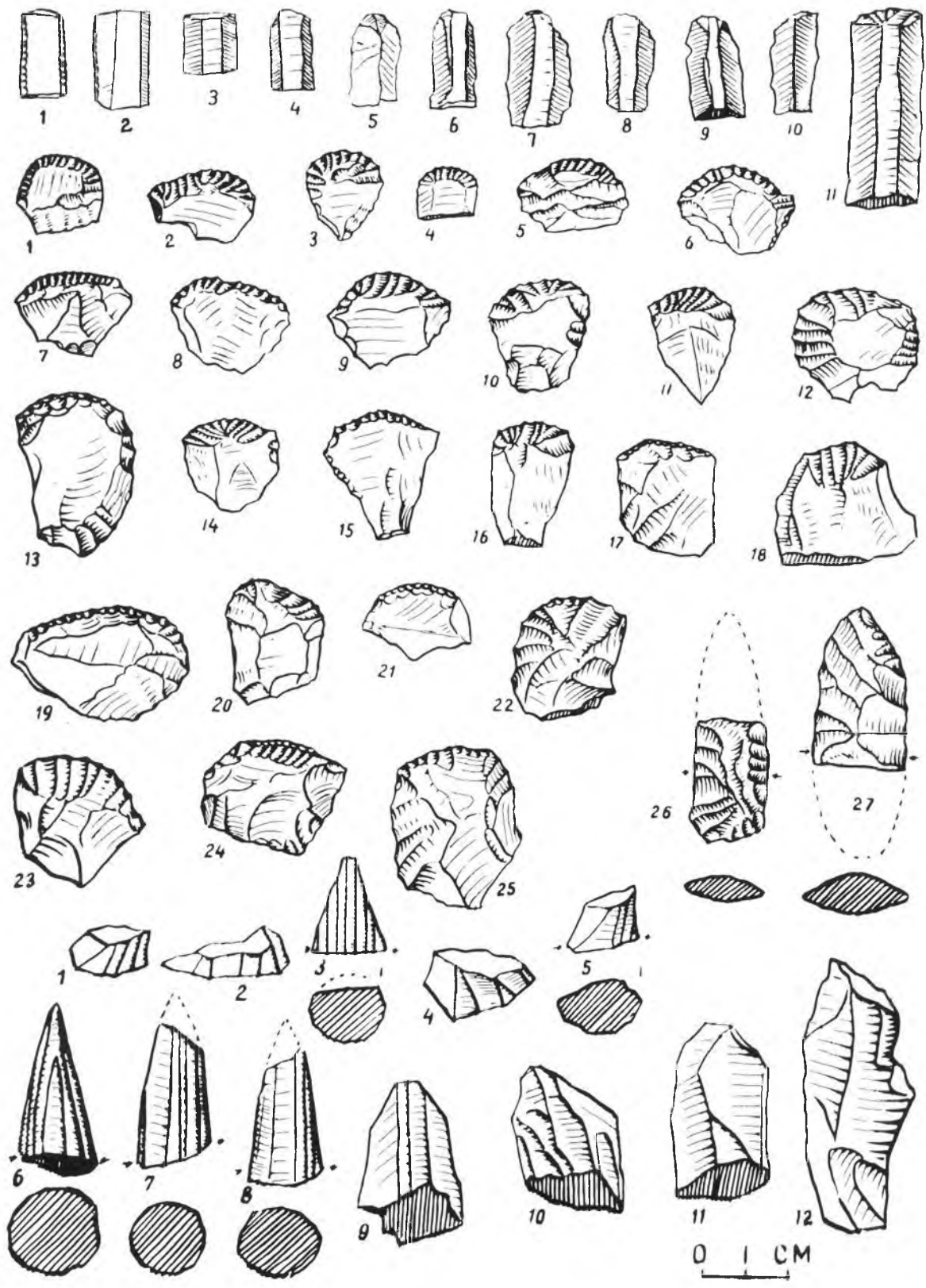

Рис. 13. Нуклеусы, ножевидные пластинки, скребки, наконечники стрел. Стоянка Б

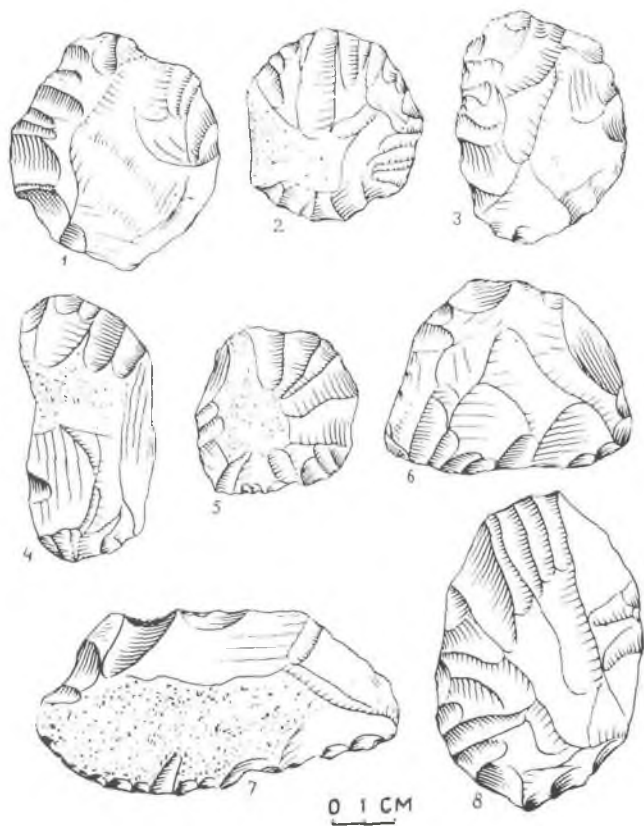

Рис. 14. Нуклевидные орудия. Стоянки В

янее характеризует культуру неолита Джезказгана. Контур стоянки хорошо виден по культурному слою, который вытянут с ССЗ на ЮЮВ, и занимает площадь размером 1000 м² (25x40 м). В северной половине площади сохранились следы жилища и очага в виде ям. Диаметр большой ямы, соответствующий диаметру древнего жилища, 8 м, диаметр очага 1–1,5 м, зольное пятно с вкраплениями костей животных сохранилось хорошо. Все находки собраны с поверхности и в культурном слое стоянки. Здесь также, как на стоянке «А», обнаружены остатки древней мастерской по обработке кремневых орудий, расположенные вне черты стоянки, на восточной ее стороне у большого протока, идущего по всему Джезказгану. На правом берегу протока в 20 м от стоянки выявлена большая груда отходов производства, свидетельствующая о том, что здесь проходило изготовление кремневых орудий. Остатки древних мастерских прослежены и на других стоянках. Несомненно, что они составляют специфику неолитических стоянок Джезказгана и говорят о том, что обработка кремневых изделий происходила не в самой стоянке, а возле нее и непременно около воды.

В стоянке много орудий с тонкой ретушью, большинство их сделано из кварцита, кремня, опала, яшмы.

В культурном слое и на поверхности стоянки Б собрано 905 кремневых изделий, из них 120—готовые орудия, остальные заготовки (нуклеусы, пластины, отщепы) и масса сколов и чешуек. Большая часть орудий обработана очень тщательно, нередко тонкой ретушью. Наиболее многочисленную группу составляют скребки (64) с краевой ретушью. Их основная масса сделана на коротких и удлинённых отщепах, на массивных и длинных пластинах (рис. 13). Наибольший процент занимают скребки круглые, реже концевые (20), меньше удлинённые, подтреугольные, сегментовидные, нуклеидные. Ножевидные пластинки представлены сравнительно мало (20). Они массивны, достигают длины 8 см, ширины 1–2 см. Характерно, что на неолитических стоянках Джезказгана в большом количестве встречаются прежде всего орудия бытового обихода, например, для обработки кости, дерева, кожи и для шитья. Часто встречаются орудия рубящие и режущие. Орудий охоты мало, всего лишь 2 наконечника стрел и 2 наконечника копий, из которых один из опала с коротким черенком, другой из кварцита. Из орудий бытового обихода обращают на себя внимание ручные топоры (3), массивные скребла для обработки дерева и кости (5), тесла, ножевидные (4) и рубящие орудия (5), применяемые при раскалывании трубчатых костей для извлечения костного мозга. Очень своеобразны орудия клювовидной формы (резцы), с боковой выемкой, дисковидной формы с грубой ретушью (3) и др.

В массе сравнительно крупных орудий выделяются своей миниатюрной формой вкладышевые лезвия (5), вставляемые в костяные оправы и применяемые в качестве режущего инструмента при обтачивании мелких поделок. Вкладыши сделаны из тонких кремневых пластинок с мелкой двухсторонней обработкой в виде лезвия. В науке существует теория, по которой вкладыши служили для обработки рыб и мелкой дичи. Однако, в Центральном Казахстане вкладыши встречаются больше всего в пустыне Бетпакдала. Кроме грызунов и змей, там нет ни рыб, ни дичи. Только в долинах северных степей они могли иметь подобное назначение.

В находке видное место занимают нуклеусы (28) из тонкозернистого пластичного кварцита и желтого кремня, происходящего из пределов северной Бетпакдалы. Они найдены в северной

половине стоянки в слое зольного пятна среди отщепов и костей животных. Встречены три образца нуклеусов: конические, призматические и нуклеусы со следами сколов в разных направлениях (рис. 13). К категории ценных находок можно отнести небольшой венчик лепного сосуда с гребенчатым орнаментом, характерным для керамики эпохи неолита. Венчик найден в зольном слое очага среди нуклеусов, отщепов и костей животных. По орнаменту он имеет сходство с венчиками лепных сосудов, найденных в стоянке Терсек-Карагай в Тургайской степи¹⁴², расположенной в близком соседстве со стоянками древнего Дзезказгана. В качестве ритуальных предметов в стоянке Б встречены куски амфиболы и малахита, имевшие магическое значение.

Таким образом, со всех стоянок группы Дзезказган VII, отчасти VIII собрано нуклеусов – 42, ножевидных пластинок – 95 (рис. 23), скребков из отщепов – 196, из пластинок – 18, наконечников стрел – 12, наконечников копий – 18, скребел – 13, рубил – 6, прокол – 3, сверл – 2,

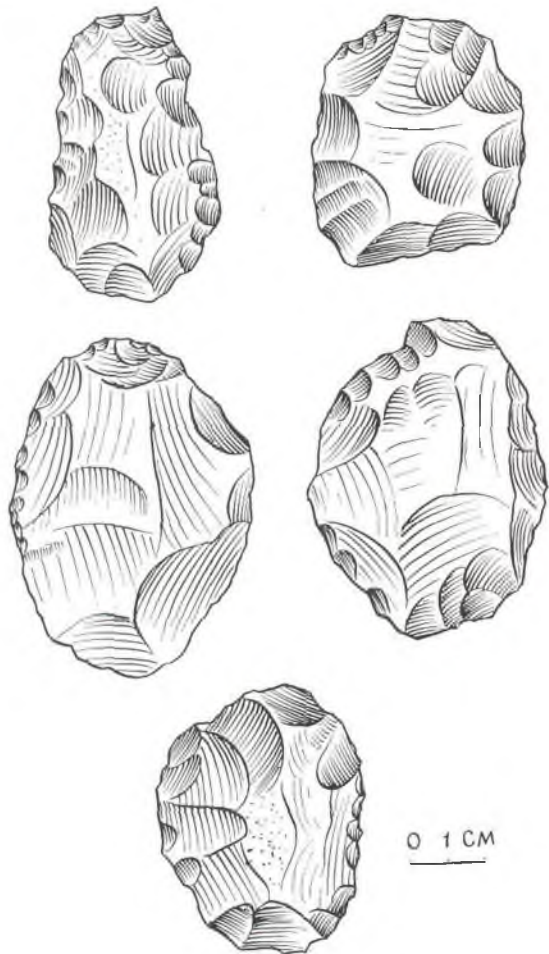

Рис. 15. Бифасы. Стоянка 23.

обломков крупных орудий, ручных топоров, мотыг, ножей, рубящих орудий и т.д. В комплексе встречены кости животных, окисленная медная руда, цветные камни (опал, кварцит, халцедон), множество отщепов – всего около 2000 предметов.

Яркий неолитический облик имеет стоянка «А» (Дзезказган X), исследованная в 1948 г. Она расположена несколько обособленно в долине большого горного протока, в 3 км к югу от Дзезказгана. Стоянка интересна тем, что находясь в стороне от населенных пунктов лучше сохранила свое первоначальное положение. Было заложено несколько шурфов, которые показали, что культурный слой стоянки «А» выражен слабо, следов жилищ типа землянок или полуземлянок не обнаружено.

Поверхность стоянки «А» слабо задернована, ее площадь равняется 600 м² (20x30 м). В северной половине площадки, обращенной к правому берегу протока, обнаружены две смежные ямы. Большой неожиданностью было обильное скопление нуклеусов и отщепов в первой яме, во второй – скопление кремневых орудий. (рис. 17). Подобные ямы В. В. Федоров квалифицировал как «кремневые склады»¹⁴³. Кремневые орудия разбросаны на всей поверхности стоянки, однако по сравнению с находками из ям их мало, всего около 50 предметов.

Вне стоянки у протока были обнаружены остатки древней мастерской, со скоплением отходов производства, чешуек, сколов, кварцевых валунов, нередко с корками загара. В куче встречено пять крупных валунов кремнистого сланца, куски малахита, кости животных. Все это свидетельствует о том, что первичная обработка кремня производилась на самой стоянке. Из материалов видно, что древний мастер имел желание сделать орудия без корки. Для этого с валунов сначала откалывались корки, а затем уже с очищенного валуна отбивались отщепы для изготовления орудий.

Обращает на себя внимание расположение мастерской вне стоянки, около воды. Для древнего мастера, как и во все времена, вода имела важное значение. Ему нужно было перед оббивкой камень погружать в воду или держать его в сыром грунте, чтобы кремний или кварцит стал более доступным для обработки.

Со всех участков стоянки и мастерской собрано около 600 кремневых предметов, в их числе 88 готовых орудий, 75 заготовок для орудий и 433 отходов производства. В находке много ору-

дий бытового обихода, в частности, для обработки кожи.

Наиболее многочисленными из кремневого инвентаря были нуклеусы (88), ножевидные пластинки (25), скребки из отщепов (18), скребки концевые. Последние очень многообразны по форме, среди них встречаются округлые, подтреугольные, удлинённые, клиновидные, плоские с пологой ретушью. За исключением концевых, все остальные скребки сделаны из отщепов с дугообразным или полуциркулярным рабочим краем. Есть еще скребковидные орудия, изготовленные на кремневых желваках (рис. 17). Скребки довольно массивные с высоким рабочим краем, фасеты нередко переходят на спинку. Из орудий для обработки кожи характерны массивные скребла (4), скобель или орудия с боковой выемкой (3), для обработки сухожилия, (резцы боковые, проколки (4), остроконечники (3). Из орудий тески и обработки дерева встречены топоры (4), ручные то-

порики с крупной оббивкой с одной и с двух сторон (3), долото, рубила со следами корки (3), осрия овальной формы (13). К орудиям охоты относятся кремневые наконечники стрел с тонкой ретушью (2) (Рис. 2), один из них с черешком, другой обработан с диагональными фасетами, наконечники копий и дротиков (9) в незаконченной форме и с грубой оббивкой с обеих сторон. Нуклеусы и отщепы находились в первой яме. Это был своеобразный склад, где хранился подготовленный материал, необходимый для изготовления орудий. Из этой массы особо отличаются 12 массивных нуклеусов конусовидного и призматического типа. Из них 4 из разноцветных кварцитов, 8 из желтого кремня, происходящих из южных пределов Дзезказгана (3), примыкающих к пустыне Бетпақдала. Из хозяйственных орудий доминирующее место занимают мотыги (4), топоры и клинки топоров (2), долото, нож и др. Горных орудий типа каменных отбойников, молотов,

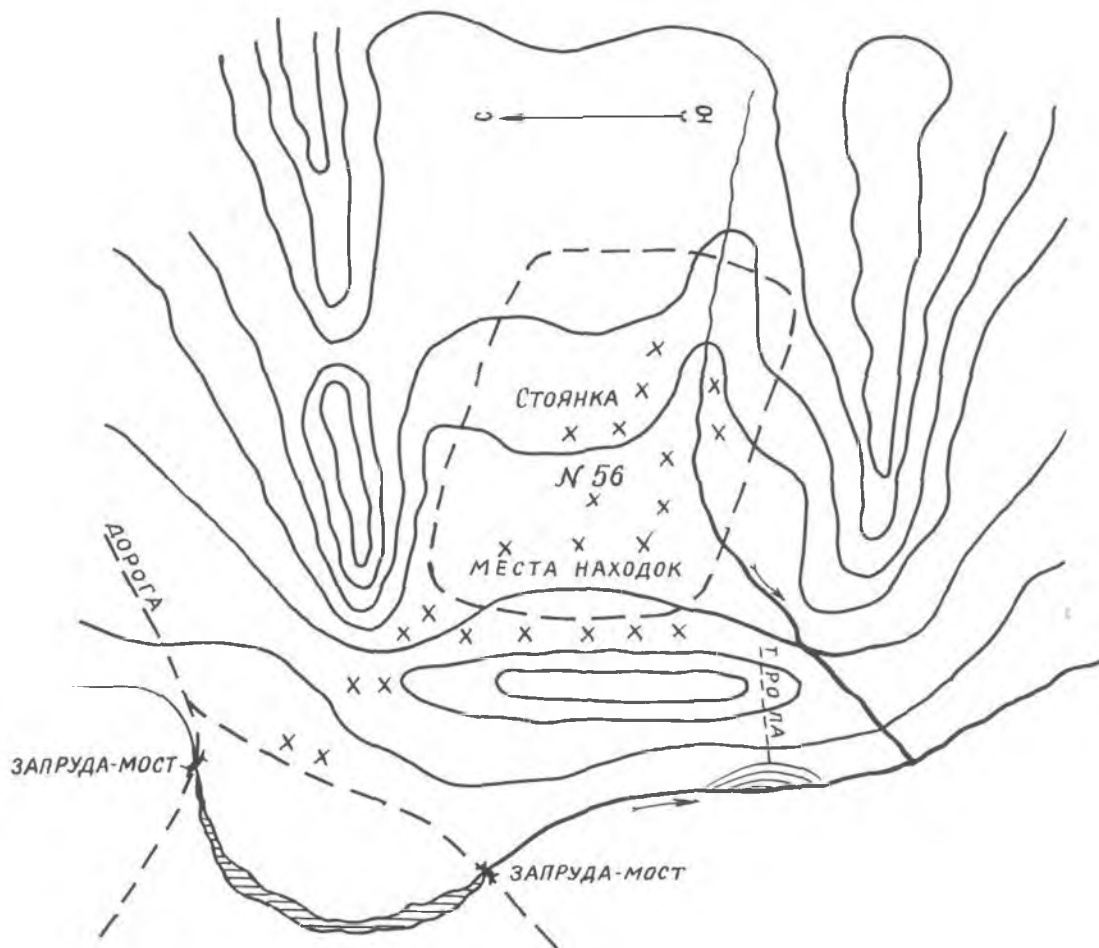

Рис. 16. Дзезказган IV. План стоянки 56

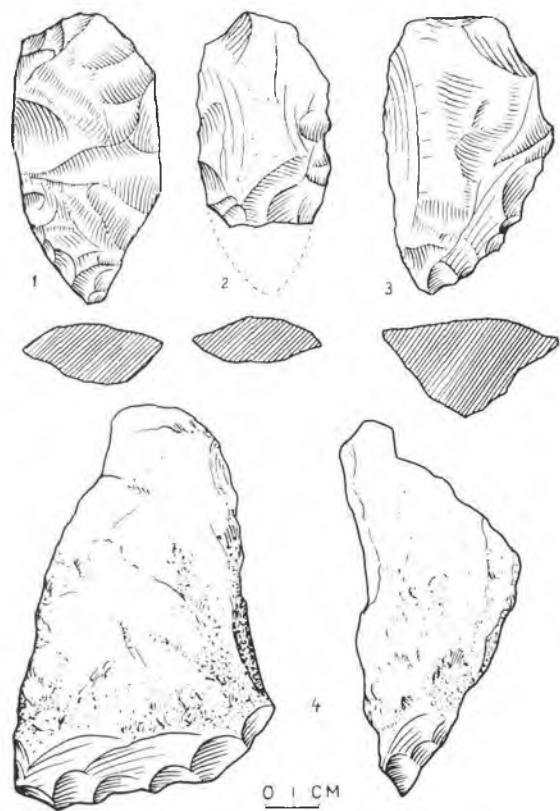

Рис. 17. 1—3—бифасы, 4 — чоппинговидное орудие.
Стоянка А

раздробленных орудий типа пестов и теречек, характерных для эпохи бронзы, на этих стоянках не обнаружено. Здесь нет следов добычи руды. Встречены лишь образцы малахита и азурита, имевшие только ритуальное значение. Материалы стоянки «А» четко характеризуют быт неолитических охотников, живших в Центральном Казахстане еще до появления металла в IX—V тыс. до н.э.

Джезказган IV (группа стоянок Акши)¹⁴⁴. Большая серия неолитических стоянок была открыта в 1948 г. гидрогеологом С. П. Калугиным при проведении разведочных шурфов и траншеи в районе низовьев р. Джезды. Топографическая работа проведена им вместе с Н. В. Валукинским в обширной долине р. Акши, являющейся левым весенним притоком р. Джезды. Группа расположена в 9 км к юго-западу от рудника Джезказган и в 1948—1949 гг. обследована Н. В. Валукинским. В группе насчитываются около 15 стоянок (61, 31, 53, 54, 55, 3, 81, 83, 84, 56, 57, 58, 52, 105) и все расположены вдоль речки с юга на север, на небольшом расстоянии друг от друга. Из этой серии лучше сохранилась стоянка 56 (рис. 16).

Она расположена в замкнутой котловине, окруженной со всех сторон небольшими холмами. В западной и северо-западной стороне стоянки на протоке сохранились остатки двух мощных плотин, относящихся к более позднему времени. Одна плотина даже превращена в мост на дороге идущей к Бетпакдале.

Площадка стоянок обнажена ветровой эрозией и очень бедна растительным покровом, когда вокруг в долине обильный травостой. С северо-востока на юго-запад площадь стоянки прорезана речкой с крутыми берегами и в яре хорошо видны обнажения культурного слоя в виде узкой линзы. Эти обнажения привлекли внимание разведчиков и служили хорошим ориентиром для открытия других стоянок. Площадка стоянки по контуру культурных залегающих 2000 м² (40x50 м). На поверхности стоянки собраны разные кремневые орудия и отщепы. В их числе нуклеусы (9), ножевидные пластинки (8), наконечники стрел из серо-желтого кремня (2), наконечники копий (2), скребки округлые из кварцита вишневого цвета (10), скребки концевые сиреневого и светло-серого цветов (5), скребло малой формы (1), рубящее орудие и др. Большая масса орудий встречается в южной и юго-западной половине стоянок, здесь же мелкие фрагменты керамики, кости животных (23), образцы окисленной медной руды, имеющие еще случайный характер. За чер-

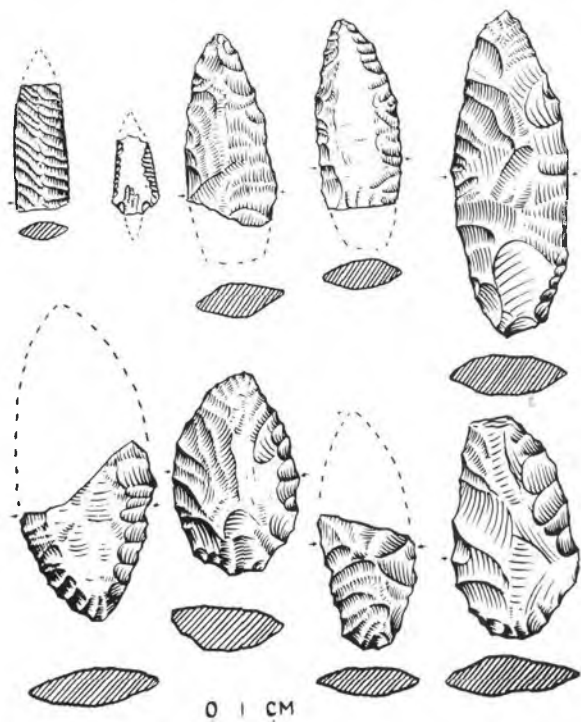

Рис. 18. Наконечники стрел. Стоянка А

той стоянки в ее западной части, встречено большое скопление отходов производства (сколы, чешуйки, валуны желтого и серого кварцита), свидетельствующие о том, что изготовление и обработка кремневых орудий происходили вне жилища.

Джезказган V. Значительное количество кварцевых орудий собрано также на стоянках 31, 83, 84, среди которых нуклеусы, гладилка (стоянка 31), а также окисленная медная руда, борит и шлак. Со всех стоянок группы Джезказган IV (Акши) собрано отщепов – 1825, кремневых орудий – 230, из них нуклеусов 12, ножевидных пластинок – 11, скребков концевых – 30, округлых – 66, наконечников стрел – 8, наконечников копий – 7, скребел – 14, резцов – 5, прокол – 3, сверл – 6, остроконечных рубящих орудий – 17, рубило – 1, ножей – 3, полированных орудий, тесел – 3, топор тила пик – 3, долото – 2, гладилка – 1, орудия грубой формы – 9, орудие с боковой выемкой – 1, образцов цветных камней – 4, образцов окисленной медной руды – 5, третичной опои – 2, костей животных – 42 и т.д.¹⁴⁵

Из неолитических памятников Джезказгана своим архаическим обликом выделяется группа Джезказган V (или Петрохолм)¹⁴⁶, расположенная на горе Шом. В группе всего до полутора десятка стоянок (43, 44, 45, 50, 60, 64, 69, 73, 75, 103, 124, 125, 126), все вместе занимают общую площадь в 6100 м². Группа расположена в северо-западной окрестности рудника Джезказган, на террасах невысокой горы Шом, выявлена в обнажениях ветровой эрозии и обследована в 1947–1948 гг. Все находки с этих стоянок собраны с культурного слоя¹⁴⁷.

Стоянка 44 расположена у северо-западной террасы горы Шом рядом со стоянкой 69, по правой стороне горной речки. Площадь стоянки с культурным слоем 350 м. Среди находок сравнительно больше орудий, чем на других стоянках этой группы. Характерно то, что здесь также встречены куски окисленной медной руды, кости животных и мелкие фрагменты боковины лепного сосуда без орнамента. Из орудий отметим наконечник стрелы с черешком из опала, скребки разных форм (8) (рис. 19), наконечники копий (2), резец, скребла (2), рубящие орудия овальной формы с грубой ретушью и множество обломков орудий и отщепов (504), всего 539 предметов¹⁴⁸.

Стоянка 45 выявлена на выдувах дефляции также у северо-западной террасы горы Шом, рядом со стоянками 44, 64, 69, недалеко от Шахты 4, на высоте 464 м над уровнем моря.

Это одна из наиболее крупных стоянок на горе Шом, площадью 1000 м² (40x25 м).

Большое скопление каменного инвентаря находилось у восточной половины площадки. В культурном слое обнажения собран значительный каменный материал, в том числе наконечники стрел из кварцита (2), наконечник копий из кварцита (3), скребки округлой формы из кварцита (3), скребла (3), тесло, остроконечник, нож, большое количество отщепов, кости животных. Керамики нет. Судя по характеру формы орудий, стоянка 45 более древняя, чем остальные в этой группе.

Стоянка 69 – одна из крупных, занимает центральное положение, расположена у горной речки, берущей начало на горе Шом. Размер площадки с культурным слоем 600 м² (40x15 м).

Среди находок орудий и керамики не было, обнаружены только отщепы.

Стоянка 73. Самые дальние из этой группы стоянки 43, 73, 124, 125, 126 расположены на южной террасе горы Шом, в 300 м на юг от основной группы Джезказган V. Из этой группы исследована стоянка 73.

Стоянка с каменным инвентарем имеет площадь 420 м² (15x28 м), продольная ось идет с запада на восток. Культуру стоянки характеризует большое скопление сколов, отщепов, чешуек и костей животных. Кремневых орудий сравнительно мало, среди находок наконечники стрел (2) из опала и кварцита с тонкой ретушью, из них один с черешком, скребки (8), остроконечники (2), остальные обломки (80) и отщепы.

Стоянка 103 расположена на северо-восточной террасе горы Шом, в 100 м на северо-восток от основной группы. Кремневый инвентарь разбросан на площади 540 м², здесь также преобладают отщепы, обломки орудий, среди них две ножевидные пластинки из готовых изделий один резец, керамики нет. Со всех стоянок группы Джезказган V (Петрохолм и Покровский) собрано 650 предметов, из них нуклеусов – 2, ножевидных пластинок – 5, скребков – 29 (рис. 19), наконечников стрел – 16, кремневых наконечников копий – 11, прокол – 3, резцов – 4, скребел – 3, остроконечников – 3, тесел – 1, отщепов – 584, керамики – 4, обломков образцов окисленной медной руды – 6, костей животных – 12, отбойников – 2. Кроме всего этого, на дне очага в стоянке 44 встречены мелкие медные шарики, свидетельствующие о начале выплавки медной руды.

Характерную особенность группы стоянок Петрохолм (Джезказган V) составляет то, что

кремневых орудий сравнительно мало, здесь наблюдается скопление сколов, чешуек, обломков орудий. По-видимому, здесь была мастерская по изготовлению кремневых орудий. Другую особенность этой группы стоянок характеризует то, что в ней прослеживаются первые попытки добычи руды, использование ее для хозяйственных целей. Об этом свидетельствуют мелкие ямы – подбои, расположенные рядом со стоянками.

Это первые карьеры по добыче руды, из которых извлечены куски окисленной медной руды. Представляют собой небольшие ямы, диаметром до 1 м и высотой не более 0,7–0,8 м. В них ясно прослеживается первый робкий опыт человека эпохи позднего неолита, его желание использовать медную руду Джезказгана в хозяйственных целях. Таких ям – подбоев обнаружено 5 и все они расположены на вершине горы Шом, возле стоянок. Отдельные куски медной руды встречены на стоянках. Анализ руды показал, что содержание меди в ней не велико. Окисленная руда с высоким содержанием меди и самородная медь находились внизу в районе Кресто, Златоуста, Никольского. Но люди эпохи позднего неолита еще не имели об этом представления и брали ее в местах, расположенных друг от друга близко к стоянкам. Вполне вероятно, что первоначально эти ямы представляли собой просто каменоломни, откуда добывались плиты для очагов. Очаги, обложенные плитами из окисленной медной руды, встречены неоднократно. Эти плиты при высокой температуре расплавились и давали отеки, что было великим открытием. Следы первой плавки медной руды обнаружены в культурном слое стоянки 44, в виде медного порошка.

Джезказган XV. Обширная и обильная находками группа стоянок. Расположена в 3 км к северо-востоку от рудника Джезказган на участке между рудными отводами Раймунд IV и Никольским, по северной дороге, идущей от рудника Джезказган в Кенгир. В группе 12 стоянок (144, 9, 60, 80, 82, 12, 11, 16, 77, 77, 78, 75, 76). Все они обнаружены на выдувах ветровой эрозии, обследованы в 1946–1948 гг.¹⁴⁹.

Топографическую особенность стоянок составляет расположение их по меридиану вдоль основного протока, идущего с севера на юг и через 15–18 км впадающего в р. Дезды.

Стоянки находятся в местах, защищенных от холодных ветров невысокими холмами. Топография долины представляет сложную сеть:

здесь большое скопление памятников разных времен. Среди них есть очень ранние, относящиеся к неолиту и эпохе бронзы, и очень поздние (средневековые). К поздним памятникам относятся две цепочки курганов, одна из которых состоит из четырех насыпей, вытянутых с юга на север, другая из 8 курганов – с запада на восток. Памятники позднего средневековья представлены фрагментами гончарных сосудов, изготовленных на круге. Они встречены вне площадок неолитических стоянок, около древних выработок и отвалов. Топографическая особенность долины состоит еще и в том, что памятники каждой эпохи расположены отдельно. Рядом со стоянками эпохи неолита находятся памятники энеолита и эпохи бронзы, выступающие на поверхности земли в виде остатков жилищ, водоемов, плотин и мест разработки медной руды. Впрочем такая топография характерна почти для всех группа стоянок Джезказгана. По характеру кремневых орудий все стоянки группы XV одновременны, по своей культуре отражают быт неолитических охотников, в то же время среди них есть стоянки с зачатками культуры меди (энеолит). Группу на севере замыкает стоянка 76, на юге – 60. Центральное положение занимают стоянки 16, 11, 12 (рис. 20). Общая площадь территории, занимаемой всей группой, около 3600 м².

Стоянка 76 более древняя с архаическими чертами орудий, расположена обособленно на крайнем северном конце группы. Выявлена на выдувах эрозии. Контур стоянки с культурными остатками один из крупных, занимает площадь с севера на юг 40 м, с запада на восток 30 м, размер общей площади 1200 м². С поверхности собрано около 200 изделий, и среди них большой удельный вес занимают орудия труда – скребки разных типов (2), орудия с боковой выемкой для обработки сухожилий, рубящие орудия из кварцита (4), скребла (2), скобели (1), проколки, режущие орудия, наконечники стрел из кварцита (3), наконечники копий (5), тесло, долото из кварцита (2), нуклеусы (5), кости животных, в том числе обломки трубчатой кости, заготовки для поделок, фрагменты лепного сосуда и множество различных сколов. Орудия охоты представлены наконечниками копий – 5, наконечниками стрел (3) с черешком и хорошей ретушью (рис. 11).

Стоянка 75 расположена юго-восточнее рудного отвода Раймунд IV, рядом со стоянкой 76, в 60 м южнее от нее, на правом берегу протока

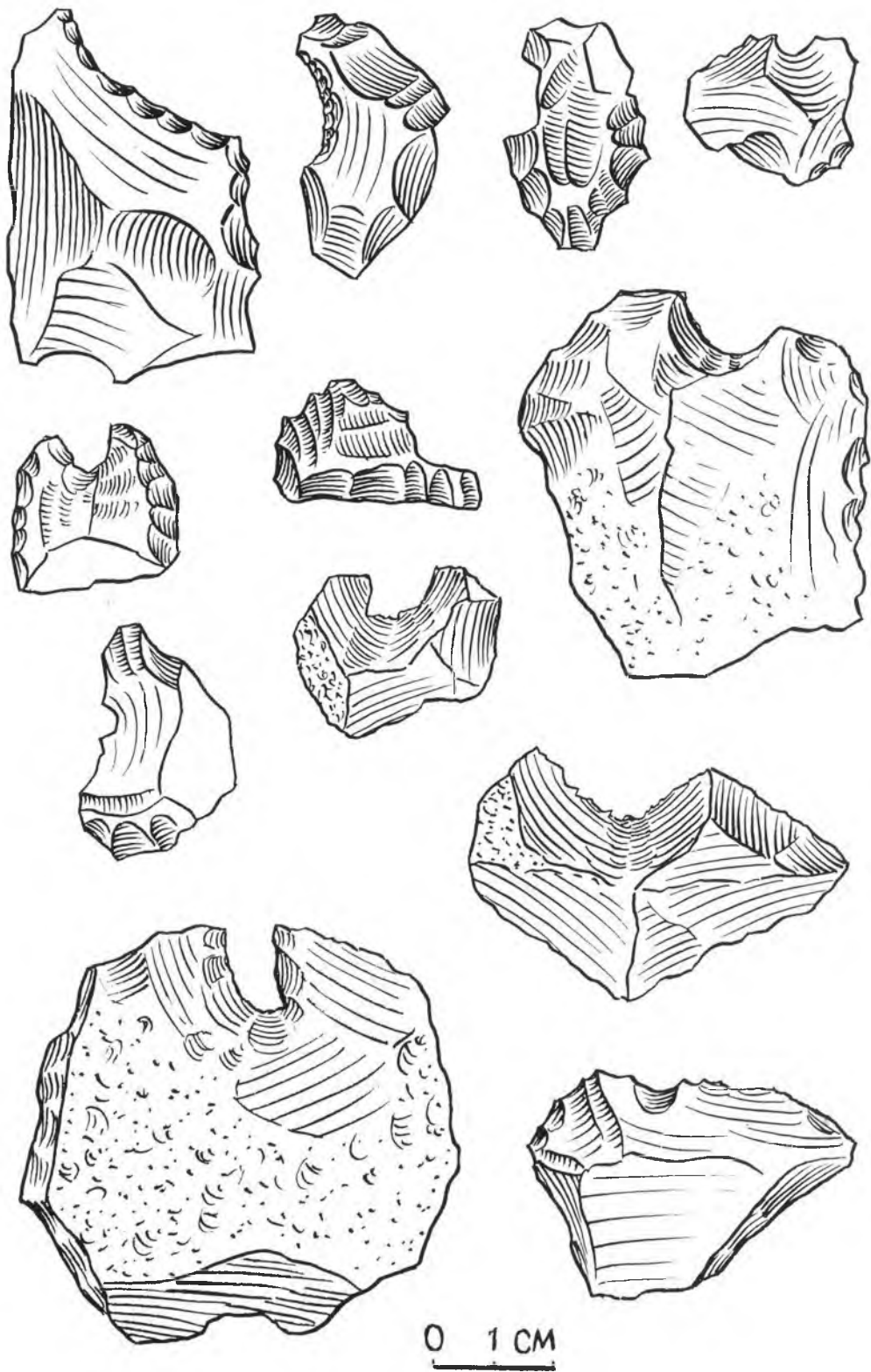

Рис. 19. Скребки. Джезказган XIV, Петрохолм, Милькудук

(рис. 20). Обнаружена на выдувах эрозии. Контур обнаженной площадки с культурным залеганием 600 м² (30x20 м). Находок было сравнительно мало, всего около сотни предметов. Среди них скребки (5), наконечники копий (2), наконечники стрел (3), из них один из черного кремнистого сланца, другой из зеленоватого роговика, проколка, остроконечники (2), один из черного кремнистого сланца, другой из кремня. Из других находок можно отметить нуклеусы (2), мелкие фрагменты лепного сосуда (2), кости животных (4), один обломок трубчатой кости, заготовленный для поделок. Обращает на себя внимание присутствие образца окисленной медной руды.

Стоянка 78 расположена в 150 м юго-восточнее стоянки 75, на левом берегу малого протока, между холмами (рис. 20). Площадь стоянки с культурными остатками около 540 м². В культурном слое встречено значительное скопление отщепов, и незаконченных орудий типа скребел, рубящих орудий (3), нуклеусов (2) и других. Сравнительно больше представлены скребки разных форм (9), орудия с боковой выемкой (3), скребела (2), обломки наконечников копий (2), тесло. О длительном существовании стоянки свидетельствуют присутствие нуклеусов, масса отходов производства, отщепов и кости животных.

Стоянка 77 расположена близко к стоянке 78 (рис. 20). По площади культурного залегания одна из крупных, размер 1200 м². На поверхности собран обильный кремневый материал, среди них господствуют грубые и незаконченные формы изделий, обломки наконечников копий с грубой ретушью. Хорошо представлены орудия бытового обихода. Из вполне законченных орудий следует отметить наконечники стрел (3), скребки округлые (5), рубящие орудия (7), орудия грубой формы (3), ручной топор, тесло, нуклеусы (2), гладилка, большое число отщепов, кости животных. Наряду с архаическим инвентарем на стоянке встречено одно горное орудие – отбойник. Он найден на поверхности площадки и надо полагать, что попал сюда совершенно случайно с карьера, расположенного близко к стоянке.

Стоянка 144 расположена обособленно от основной группы, в ее юго-западной части, в равнине между холмами и на месте слияния малого и большого протоков. Рядом со стоянкой на восточной стороне малого протока находятся две ямы, представляющие собой остатки водоемов эпохи бронзы и, очевидно, не связанные со стоянкой.

По характеру каменного инвентаря стоянка 144 выглядит архаично и относится к ранней поре неолита. Как все другие она обнаружена в обнажениях ветровой эрозии. Ее площадь с культурными остатками – 1250 м². На поверхности стоянки крайне мало орудий, всего три предмета – нож, проколка и мощное орудие с крупной ретушью. Культуру стоянки характеризует множество отщепов, встречен также образец окисленной медной руды, очевидно имевшей ритуальное значение.

Стоянка 60 расположена у подножия холмов в южном конце группы Джекказган XIV, недалеко от дороги, идущей от рудника в Никольский. Размер площадки по черте культурного залегания – 1080 м². Сбор состоит из грубых орудий и отщепов. Характер каменных изделий схож с находками из других стоянок этой группы. Преобладают крупные и массивные орудия с плоской ретушью. Среди находок имеются нуклеусы (3), скребки (4), наконечники стрел, наконечник копья, резец грубой формы, мелкие фрагменты лепного сосуда неолитической эпохи, кости животных. Непременным компонентом культурных остатков является присутствие окисленной медной руды.

Стоянка 9 расположена внутри изгиба большого протока, в юго-западном конце группы. Поверхность стоянки сильно обнажена дефляцией, и хорошо виден древний контур, площадь стоянки 1232 м². По обилию кремневого материала стоянка одна из мощных. На ее поверхности собрано около 200 предметов, среди которых преобладают скребки разных типов (14), наконечники стрел (3), наконечник копья, рубящие орудия, ножи (2), орудия с крупной ретушью, провертки (сверло), скребло, нуклеусы призматической формы (5), мелкие фрагменты керамики лепной работы, значительное число трубчатых костей крупных животных (7), заготовленных для поделок, масса сколов, образцы кварца и мергеля. Помимо традиционно неолитических орудий встречены предметы нового типа, отбойники из кварцита (2), точильный камень, образец окисленной медной руды. Весь комплекс материалов хорошо отражает процесс постепенного перехода от неолита к медно-каменному веку (энеолиту).

Стоянка 82 расположена в центре участка группы XV. против изгиба большого протока, с правой его стороны на невысокой террасе. Вместе со стоянками 16, 12 и 11 составляет наиболее древнюю часть группы Джекказган XV. Сто-

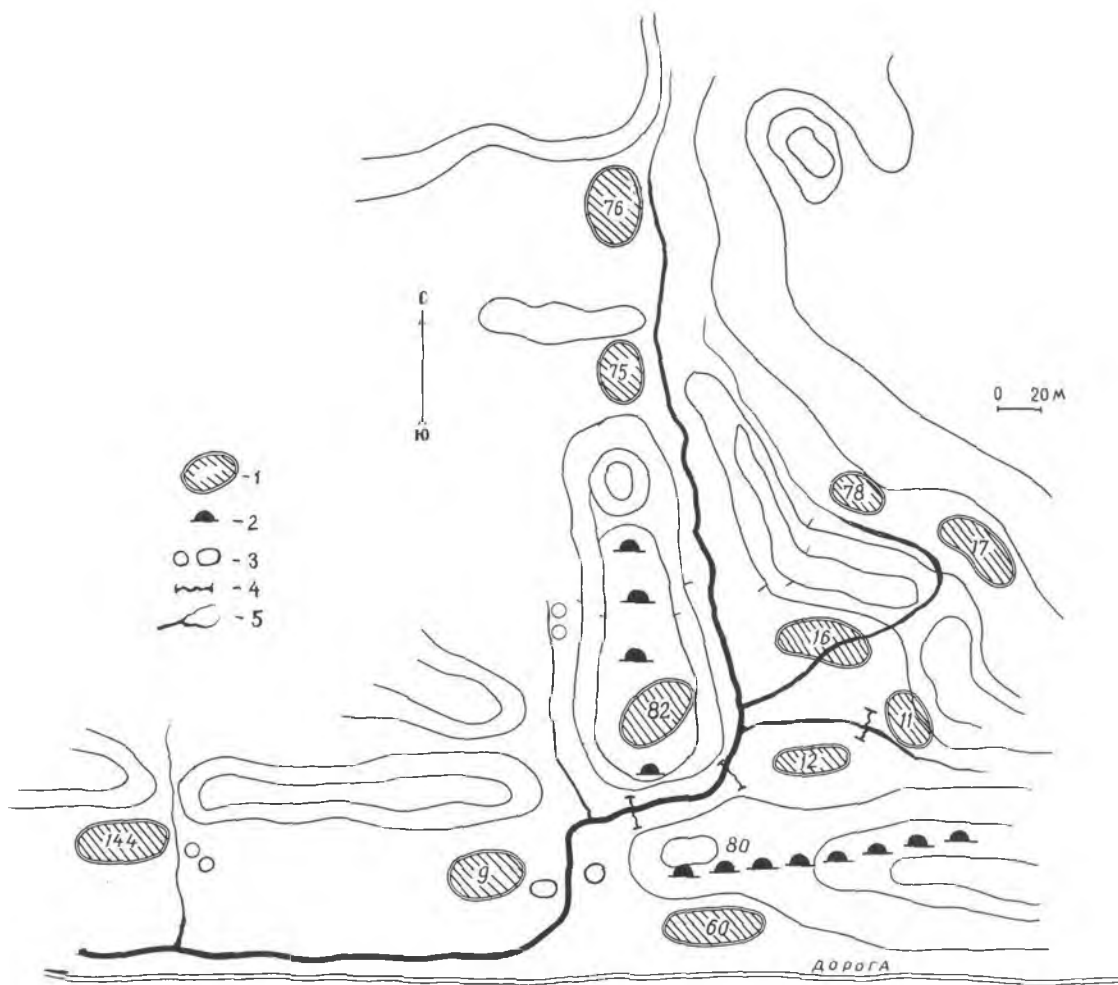

Рис. 20. План группы стоянок Дзезказган XV: 1—стоянки, 2—курган, 3—водоем, 4—запруды, 5—протоки

янка обнаружена в обнажениях ветровой эрозии с залеганием культурных остатков на глубине 800 м². Сборы с поверхности состоят исключительно из крупных орудий с плоской ретушью. Среди них есть скребки из кремня, проколка, ножевидная пластинка с притупленными краями, много сколов и отщепов. На площади прослежены остатки очага в виде черного пятна, вокруг него найдены кости животных и кусок окисленной медной руды.

Стоянка 16. Лучше других сохранила свое первоначальное положение, а потому весьма насыщена кремневым материалом. Она расположена на равнине, окруженной со всех сторон невысокими холмами, у слияния большого и малого протоков и вместе со стоянками 11, 12 и 82 занимает центральное положение по отношению ко всей группе Дзезказган XV. Поверхность стоянки лишена растительного покрова и силь-

но обнажена ветровой эрозией. Кроме того, по середине ее проходит малый проток, сильно обнажая ее культурные слои. Размер обнаженной поверхности с культурными залеганиями около 1000 м². В 1949 г. в результате обследования в культурном слое и с поверхности стоянки собран обильный кремневый материал, около 600 предметов. Среди них преобладают орудия бытового обихода для обработки кожи, дерева и кости, в том числе скребки округлые (46), скребки концевые (9), ложило-гладилка, скребла (10), массивные резцы (5), проколки (2), орудия типа пик (2), орудия грубой формы, долото (5), тесло, ножи (2), нуклеусы (40), ножевидные пластинки (8), множество сколов и отщепов (406), кости животных (25), фрагменты неолитической керамики (5), наконечники стрел (3), наконечники копий (4). В этой массе традиционно неолитических орудий два предмета нового типа

– точильный камень и отбойник из кварцевого валуна, возникшие несомненно в конце неолита и начале энеолита. Возможно, что эти предметы попали на поверхность стоянки случайно, так как рядом с неолитическими стоянками (группы XV) расположены многочисленные памятники эпохи бронзы, выступающие на поверхность в виде выработок и многочисленных ям, представляющих собой остатки жилищ, водоемов и мест дробления руды.

В центре стоянки 16 обнаружены остатки древнего очага в виде темного пятна, вокруг него большое скопление костей животных, нуклеусов и отщепов. Расположение очага посредине площадки дает основание заключить, что здесь было наземное жилище. Кремневые орудия в большом количестве найдены на стоянке 11 среди них нуклеусы – 5, ножевидные пластинки – 2, скребки – 16, наконечники копий – 5, орудия с крупной ретушью – 2 и др.

Подытоживая результаты обследования группы стоянок Джекказган XV (Раймунд-Никольский), можно сказать, что это – одна из самых интересных неолитических стоянок Джекказгана, материалы которой хорошо отражают историю последовательного перехода от неолита к бронзе. Со всех стоянок этой группы собрано свыше 2000 предметов, из них 230 орудий, 1825 отщепов, 42 кости животных, 10 мелких фрагментов лепной керамики, характерной для эпохи неолита, 4 образца цветных камней и два отбойника, свидетельствующие о появлении интереса к добыче руды. Среди орудий преобладают скребки (100), из них 24 концевых (рис. 22), и один выемчатый. Много нуклеусов (66), медных ножевидных пластин (16), наконечников стрел – 15, наконечников копий – 20. Хорошо представлены орудия для обработки кожи и сухожилия, гладилки – 2, резцы (5), скребла (18), рубящие орудия (17), проколки (6), сверла (6), орудия для обработки дерева и кости (тесло, долото, ножи и др.). Весь комплекс отражает быт и культуру неолитических охотников одного времени.

Джекказган VI. Расположен в северной части рудника Джекказган, недалеко от центра, между участками Златоуст-Южный Раймунд-Западный, у истока основного протока, идущего с севера на юг, в долине. С севера долина защищена невысокими холмами, на западе холмистая степь с шахтами 15 и 41. Стоянки обнаружены во время земляных работ и обследованы в 1948–1949 гг. В группе пять стоянок (49, 48, 47, 46 и 63). Все относятся к эпохе позднего неолита¹⁵⁰.

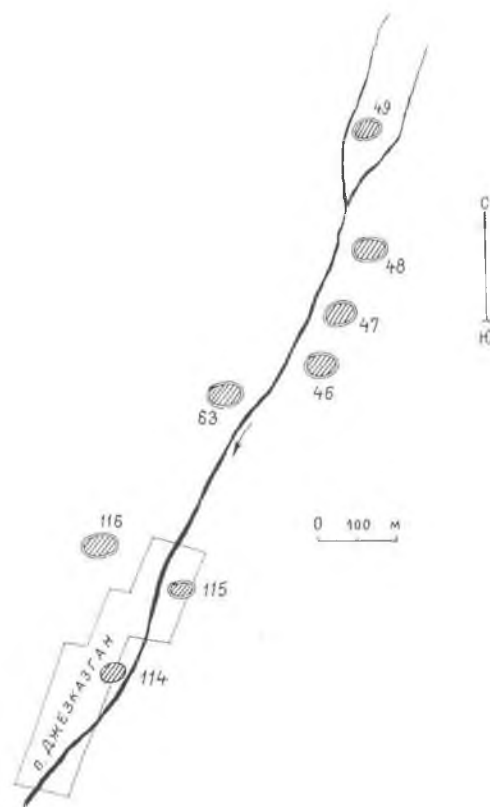

Рис. 21. План группы стоянок Джекказгана VI

Стоянки растянуты по меридиану вдоль долины на протяжении 2 км (рис. 21). Интервалы между отдельными стоянками максимум 400 м, минимум 240 м. Северную границу площадки замыкает стоянка 49, южную – 63. Судя по характеру кремневых изделий все пять стоянок одновременные, лучше сохранились стоянки 49 и 48, давшие обильный материал, особенно после проливных дождей в июле 1949 г.

Стоянка 49 расположена на северном конце группы, у подножия холмов, идущих с запада на восток, на правом берегу протока. Против стоянки на протоке сохранились следы древнего водоема в виде котлована диаметром 15 м, глубиной до 1,5 м. Площадь стоянки имеет контур в виде черных пятен размером 1000 м². Кремневый материал разбросан на всей поверхности стоянки, в виде скопления в восточной ее половине. Груда отходов производства в виде сколов и чешуек обнаружена вне стоянки на берегу протока. В культурных слоях и на поверхности стоянки собрано до сотни предметов, из них 30 орудий, нуклеусов, остальные отщепы и образцы окисленной медной руды. Из орудий имеются скребки из кварцита (3), остроконечники разных форм (3), наконечник стрелы из кварцита с

хорошей ретушью, ножевидная пластина (2), резец из кварцита, фрагменты лепных сосудов, кости животных.

Стоянка 48 расположена южнее стоянки 49, на левом берегу протока. Поверхность стоянки заросла кустарниковой растительностью, благодаря чему она хорошо сохранила свой древний контур, с площадью размером 450 м². Боковые части стоянки сильно обнажены. Кремневый материал разбросан на всей поверхности стоянки, более густо в южной ее половине. Здесь собрано более двухсот предметов, из них 42 орудия, 43 отщепа, 6 образцов окисленной медной руды, 4 фрагмента лепной керамики, 4 экземпляра костей животных, типы орудий, характерные для всех стоянок Дзезказгана эпохи

позднего неолита: скребки (8), рубящие орудия (4), ножевидные пластинки (6) (рис. 23), скребла (2.), наконечники копий (2), наконечники стрел листовидной формы с хорошей ретушью (2) оба из кварцита, один с выемкой в основании. Среди находок присутствуют отбойники из кварцита (2), образцы окисленной медной руды (6), свидетельствующие о зачатках добычи руды.

Стоянка 47 расположена южнее стоянки 48, на правом берегу протока, против влияния в него малого протока. Обнаружена на выдувах ветровой эрозии с контуром площадки около 300 м². Сборы сделаны в культурных слоях и на поверхности стоянки, всего собрано 103 предмета, из них 20 орудий, 4 фрагмента лепной керамики, 5 экземпляров костей животных, ос-

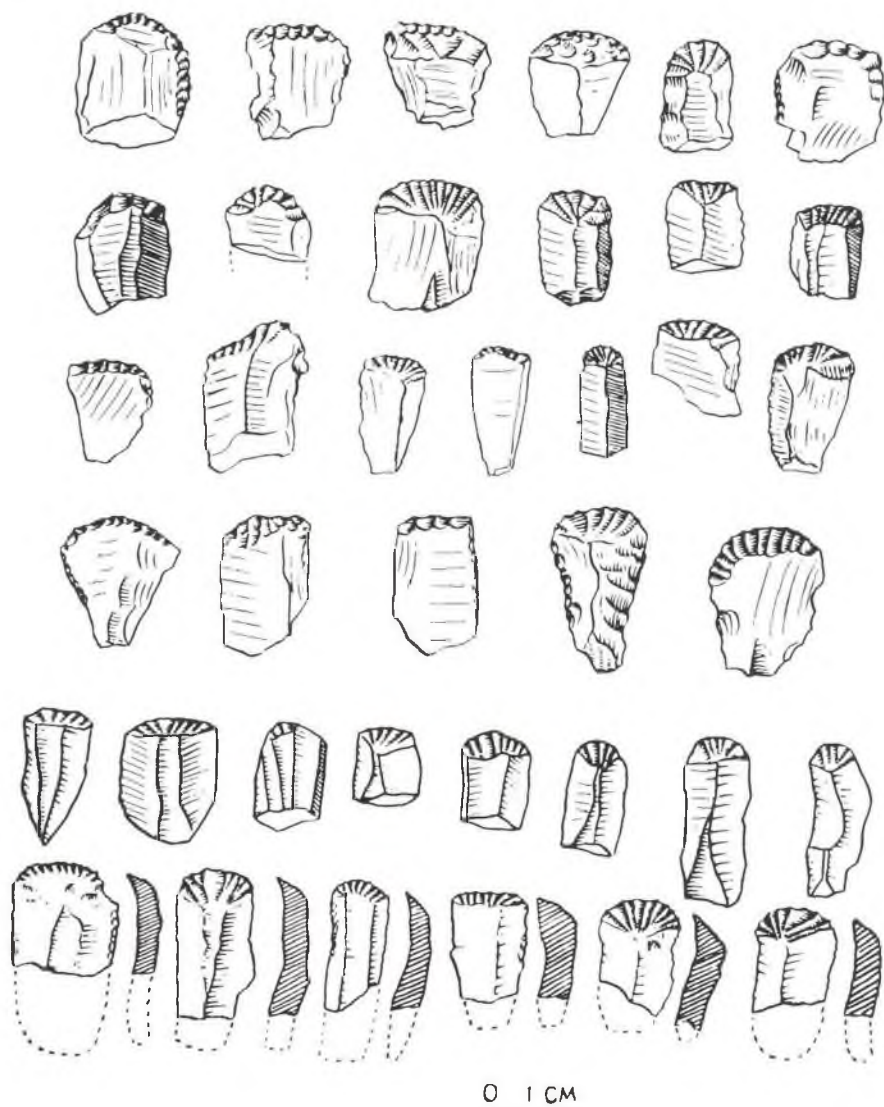

Рис. 22. Концевые скребки

тальные отщепы. Состав орудий сходен с предыдущей.

Стоянка 46 отличается тем, что ее культурный слой сильно размыт протоком весенних вод, благодаря этому значительная часть сборов поднята со дна протока. Стоянка 63 сохранилась очень плохо. В настоящее время она целиком занята под индивидуальный огород. С обеих стоянок собрано орудий до 10, нуклеусов 2, отщепов до 50 экземпляров.

Общие результаты исследования всей группы стоянок Джекказган VI сводятся к следующему: собрано 440 предметов, из них орудий бытового обихода 52, орудий охоты – 9, нуклеусы и по-

луфабрикаты – 27, отщепы – 324, фрагменты глиняных сосудов – 14, костей животных – 6, образцов окисленной медной руды – 10. Среди орудий преобладают скребки разных типов (15), остроконечники или рубящие орудия (14), ножевидные пластинки (3) (рис. 23), орудия грубой формы с крупной ретушью (8), ручной топор, мало скребел (2), и другие (рис. 24). Орудия охоты представлены кремневыми наконечниками стрел очень тонкой обработки (4), один из них с выемкой в основании (рис. 24), наконечники копий с тонкой ретушью (3). В составе находок имеются новые типы орудий и предметов. Это отбойники для раскалывания руды и пород, образцы окис-

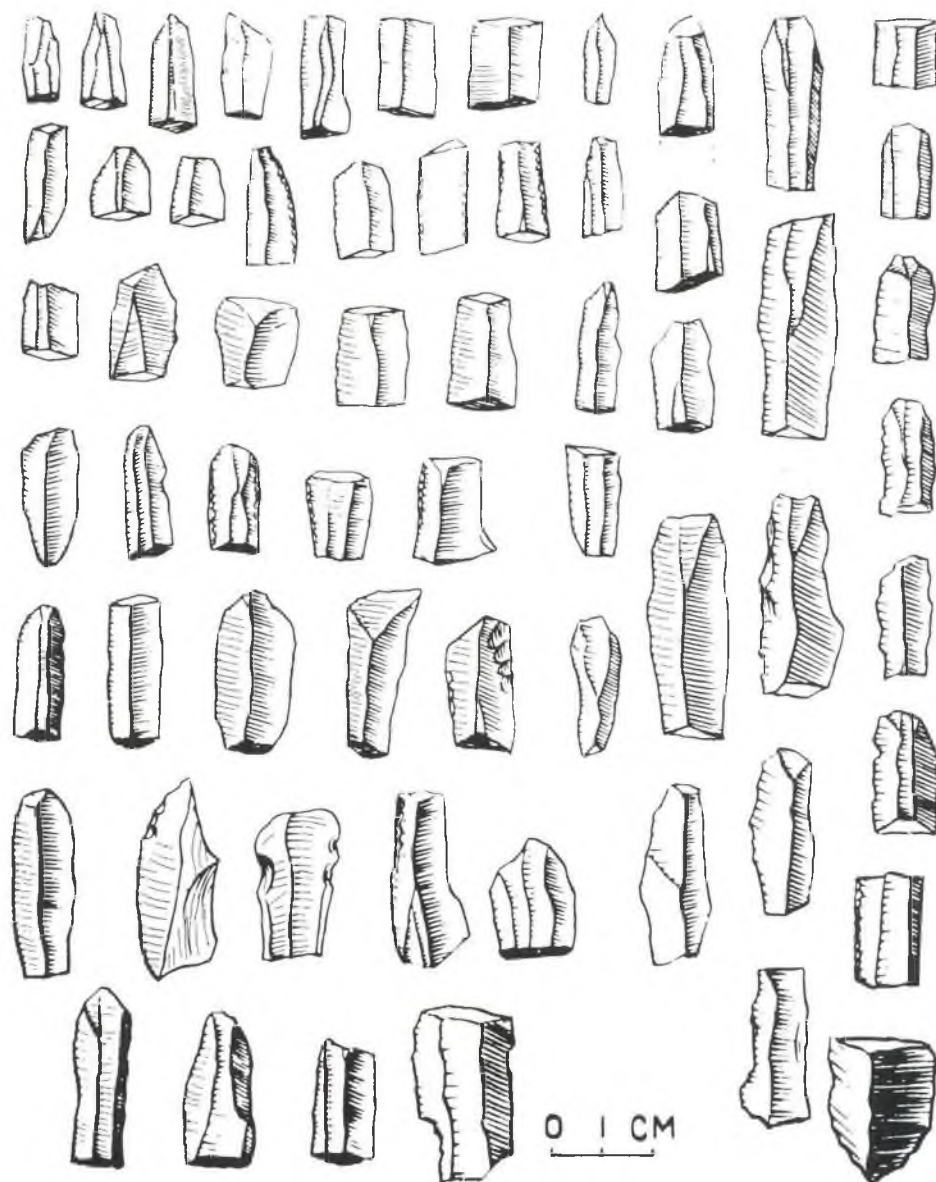

Рис. 23. Ножевидные пластинки (вкладыши). Джекказган VI, VII

ленной медной руды в количестве 10 обломков. Наличие этих предметов свидетельствует о том, что в позднем неолите люди уже были знакомы с джезказганской медной рудой. Группа стоянок Джезказган VI по культуре относится к переходному этапу от неолита к медному веку и дает интересный материал для освещения истории неолитической культуры и зарождения меди в Центральном Казахстане.

Джезказган IX (неолитические стоянки Милыкудук) расположен в обширном лого в южной окрестности Джезказгана, в 1,5–2 км от центра города. Здесь сохранились три группы памятников: эпохи неолита, эпохи бронзы и эпохи средневековья. Большая часть неолитических стоянок расположена обособленно в стороне от поселения Милыкудук, в 200 м к западу и юго-западу от основного массива памятников поздней эпохи. Последних отделяет речка, протекающая с севера на юг. Большая часть памятников неолита находится на правой стороне речки, поселение Милыкудук на левом ее берегу.

Основная масса неолитических стоянок обнаружена на солонцах правого берега. В группе всего 11 стоянок (4, 5, 38, 39, 40, 41, 66, 67, 70, 121, 129), из них три (5, 70, 129), обнаружены в нижнем слое поселения Милыкудук. Нижний культурный слой имел форму узкой линзы, содержавшей следы деятельности неолитического человека в виде орудий из кварцита, кремня, отщепов, костей животных и фрагментов лепной керамики. Нижний слой отделен от верхних наносным подстилающим грунтом толщиной до 10 см. По сравнению с верхними он беден находками, встречены только кремневые изделия, кости крупных и мелких животных. В одном месте (стоянка 5) следы очага с зольным слоем длиной в 2 м, с остатками кустарникового топлива и мелких кусочков шлака (энеолит).

Лучше других сохранилась стоянка 40. Она выявлена в обнажениях солонцов, в западном конце поселения Милыкудук, на левом берегу протока. Стоянка обследована в 1949 г. Ее площадь по контуру культурного залегания 300 м² (25x12 м). В культурном слое и на поверхности собраны кремневые изделия более позднего типа (энеолит, бронза), с более высокой техникой обработки. Среди находок нуклеусы (2), наконечники стрел из кварцита (5), скребки округлые и концевые (48), скребло, образцы окисленной медной руды, обломки костей животных, множество отщепов и сколов. Характер остальных стоянок совершенно сходный с описанным, все они

Рис. 24. Наконечники, вкладыши, скребки, рубиловидное орудие

одновременны, относятся к эпохе энеолита и бронзы. Основным датировочным материалом являются миниатюрные черешковые наконечники стрел из кремня, опала и горного хрусталя, обработанные очень тонко в изящной манере. На всех стоянках Милыкудук собрано около полутора тысяч предметов из них орудий до 150. Наиболее многочисленны скребки, они представлены в количестве 60 экземпляров, концевые – 8, скребок-резец – 1, остальные округлые на отщепах, все в основном из кварцита. Остальные находки: наконечники копий из бароилита (6), наконечники стрел (5) (рис. 25), из них два с черешком, один из горного хрусталя, пластинки (5), резцы (2), скребло (1), ножи (8), обломки орудий (6), клинья (3), пестики (3), нуклеусы (11), крупные орудия (2), обломок горного хрусталя, образец окисленной медной руды, фрагменты лепной керамики (2), кости животных.

Значительная часть орудий собрана в культурном слое стоянки 5 при проведении раскопок на основной площадке поселения. Здесь в западной половине стоянки встречено «гнездо» с громадным скоплением отщепов и нуклеусов. Такое же скопление кремневого инвентаря обнаружено в стоянках 70 и 129. Обилие кремневых мате-

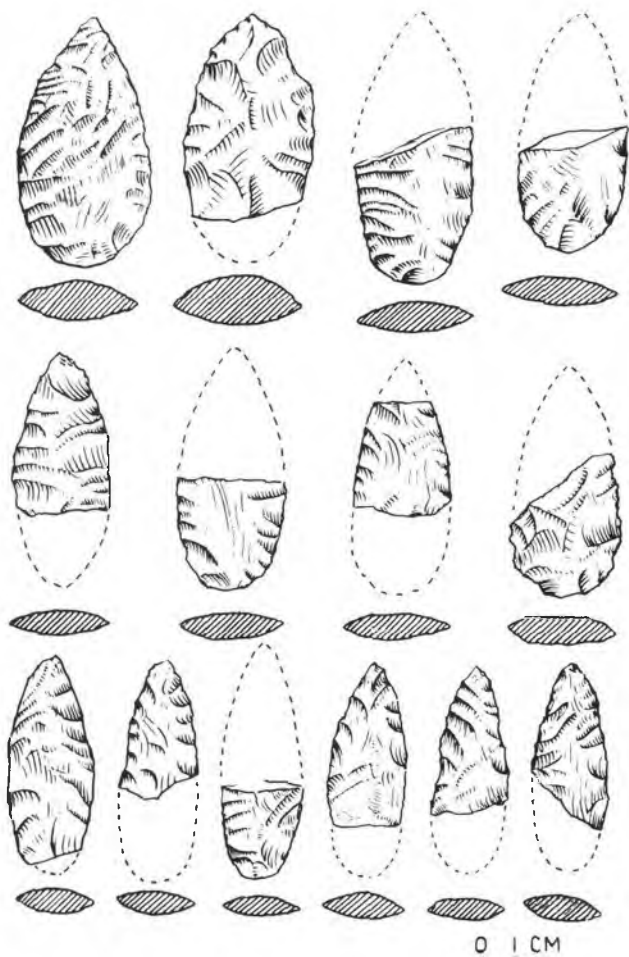

Рис. 25. Наконечники стрел. Милькудук

риалов была так велико, что «значительная часть находок зарыта на месте раскопок»¹⁵².

Джезказган XIII (группа стоянок Айнаколь). В группе всего три стоянки (35, 51, 81) по культуре все одновременны и относятся к эпохе позднего неолита и энеолиту. Группа расположена в 5 км на восток от рудника Джезказган I и в 1 км от рудного участка Никольский в котловине, окруженной плоскими холмами. Открыта в 1945 г. главным геологом Джезказгана А. В. Кузнецовым, проводившим широкое обследование и поиски древних мест плавки медной руды в окрестностях Джезказгана. Главным поисковым ориентиром для Кузнецова были древние выработки, отвалы и сплески, свидетельствовавшие о наличии переработки руды. А. В. Кузнецов был обоснованно уверен, что в районе Никольского должно быть и место плавки руды. Поиски дали положительные результаты, было открыто место древней плавки медной руды с большим скоплением производственного мусора, в том числе шлаков, облом-

ков тиглей и орудий труда. В 1946–1948 гг. Айнаколь обследован А. В. Кузнецовым и Н. В. Валукинским¹⁵³. Было заложено несколько шурфов, в результате выяснилось, что Айнаколь – это поселение древних металлургов, где сохранились следы двух культур: более ранней, нижний слой котловины, соответствующий эпохе бронзы, и поздней, относящейся к средневековью, следы которой сохранились на значительно большей площади, перекрывающей древний пласт. Культура средневековья хорошо датируется керамикой на гончарном круге.

Рядом с поселением древних металлургов в обнажениях ветровой эрозии открыты еще две стоянки (31, 51) эпохи неолита, насыщенные кремневым инвентарем. Третья (81) стоянка обнаружена в западной черте поселения. Контур стоянки 31 имеет подковообразную форму размером 100х120 м общей площадью 1200 м². О длительном существовании ее свидетельствует огромное скопление кремневых изделий, состоящих из нескольких тысяч каменных предметов. Н. В. Валукинский отобрал только целые ору-

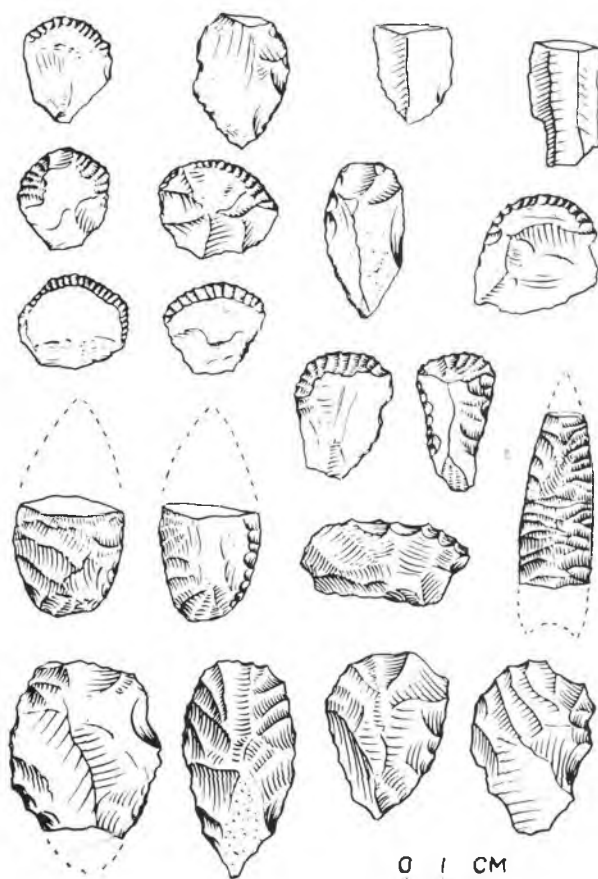

Рис. 26. Скребки, наконечники стрел. Айнаколь

дия из кварцита и наиболее ценные предметы, остальные закопал на месте из-за отсутствия помещения для хранения¹⁵⁴.

В культурном слое обнажений собрано 1224 заинвентаризованных каменных предмета, в том числе 254 орудия, 22 нуклеуса, 180 обломков орудий, 540 отщепов, 800 отходов производства, 45 кристаллов, значительное количество костей крупных и мелких животных, фрагменты лепных сосудов (14). Основная масса находок состоит из орудий бытового обихода, из них наиболее многочисленные скребки (38) (рис. 26), в том числе округлые на отщепах (32), концевые на пластинках (6), концевые двойные (2), скребки-резчики с ретушью с брюшка, образующей боковую выемку в основании орудия (2), нуклеусы трех типов – дисковидные, призматические с негативами пластинок, конусовидные. Широко представлены орудия для обработки кожи и костей животных. К ним относятся проколки (10), резцы (9), сверла (2), скребла (20), рубящие орудия (26), а также ручные топоры, клиновидные орудия и др. Среди находок много кристаллов, цветных горных пород (41), в том числе образцов цветного мергеля. Значительное присутствие этих минералов и образцов окисленной медной

руды на неолитических стоянках Джезказгана говорит о появлении интереса у древних людей к горным породам, знакомство с которыми (особенно окисленной медной рудой) привело человека к тому, что он научился выплавлять из нее металл.

Джезказган I¹⁵⁵ (группа неолитических стоянок Таскудук и Соркудук), расположен в 15 км к северу от рудника Джезказган I в долине протока. Впервые обследован сотрудниками геологического отдела Джезказганского медькомбината в 1945 г. и археологом Н. В. Валукинским в 1946–1948 гг. Снят топографический план стоянок Соркудук и Таскудук¹⁵⁶, проведены траншеи и раскопки. Выявлены остатки культуры разных времен, охватывающие неолит, энеолит, эпоху бронзы, раннее и позднее средневековье. Характер наслоения культур сходен с поселениями Милыкудук и Айнаколь. Поселение двуслойное. По словам Н. В. Валукинского «В нижнем слое имеются достаточно ясные следы древнего пребывания человека, оставившего орудия из кварцита, кремня и других крепких пород»¹⁵⁷.

Неолитические стоянки выявлены на выдувах ветровой дефляции, всего пять. Из них две (Таскудук 18 и 74) обнаружены в узком ущелье, окруженном невысокими холмами, две (Соркудук 29 и 30) в 1,5 км ниже Таскудука, на левом берегу протока и одна (Соркудук 7) на правом берегу выше поселения эпохи бронзы. На стоянке 18 прослежены остатки кострища в виде зольного пятна диаметром 1,5 м, толщиной 15–20 см. На стоянках собрано большое количество кремневых изделий. Среди них наконечники стрел из кремня, проколки, резцы, пилки, отбойники и др.¹⁵⁸, а также кости животных, обломки лепных сосудов, множество кристаллов – опал, халцедон, яшма, кварц и др.

Со всех групп неолитических стоянок Джезказгана собрано и внесено в инвентарную запись масса орудий труда: ножевидные пластинки (до 200), массивные скребки из отщепов (550), скребки концевые (100), кремневые наконечники стрел (72), среди них имеются экземпляры из черного хрусталя, роговика, халцедона, опала третичной эпохи; кремневые наконечники копий (90), дротики (около 30), проколки (34), скобели или орудия с боковой выемкой (до 25), сверла (18), резцы (36), скребла (80), «утюжки» – гладилки (4) и т. д. Очень широко представлены орудия для обработки дерева, кости и камня, обломки минералов, из которых изготовлялись мелкие орудия и наконечники (горный хрусталь, цветной

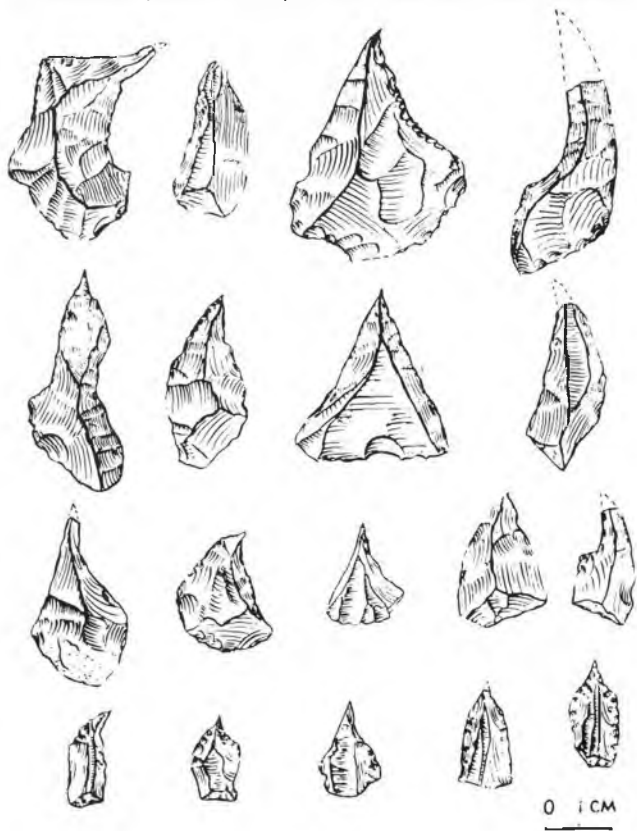

Рис. 27. Проколки. Айнаколь

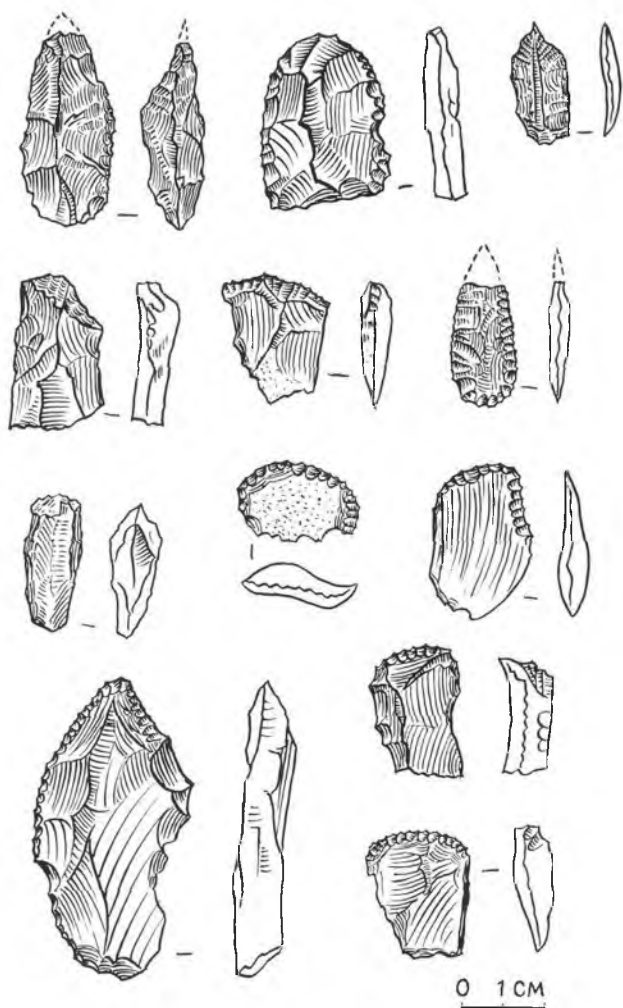

Рис. 28. Наконечники стрел, скребки, проколка. Соркудук

мергель, яшма, кварц, амфибола, халцедон, ро- говик). Собрано много образцов окисленной медной руды, костей животных, обломков лепных сосудов без орнамента (около 40). Перечисленные предметы характеризуют быт, хозяйство и культуру неолитических племен Центрального Казахстана, при переходе от первобытной охоты и собирательства к пастушескому скотоводству. Из материалов Джезказгана, Караганды и других районов Центрального Казахстана видно, что неолитические племена этого района имели уже вполне сложившуюся устойчивую форму каменных орудий. Для позднего неолита характерны миниатюрные орудия (микrolиты), предназначавшиеся для охоты. С бытовым обиходом, рыболовством, мотыжным земледелием и позднее скотоводством связано изготовление крупных орудий типа грузил, мотыг, топоришков, тесел, долот, которыми человек обрабатывал

дерево, кости и камень, изготовлял деревянную посуду, не дошедшую до нас, обрабатывал бревна для постройки жилища.

Специфику неолитических мастерских Джезказгана составляют оригинальные орудия с боковыми выемками и острыми концами, предназначенные для обработки сыромятной кожи, необходимой для изготовления из нее одежды, ремней и ременных лент, из которых изготовляли арканы и треноги – предметы для укрощения и одомашнивания диких животных.

С неолитом Джезказгана, р. Сарысу и Бетпакдалы в прямой связи находятся неолитические стоянки Улутауской степи (Тамды I и II), бассейнов рр. Блеуты и Буланты, р. Жиланшык с дюнными стоянками Аккум, Акколь, еще не исследованных, их роднит не только состав кремневого материала и однотипность орудий, но и территориальная близость.

Интересная серия неолитических памятников обнаружена в бассейне р. Блеуты, в долине ее правого притока Дюсембай¹⁵⁹, расположенной в 80 км к юго-западу от Джезказгана и в 50 км к западу и северо-западу от изгиба р. Сары-Су (Каражар). В этом районе у аула Тиек-Бас Ю. А. Орловым собрана коллекция кремневого инвентаря¹⁶⁰.

В 1963 г. здесь на участках интенсивной дефляции М. Н. Клапчуком было выявлено пять неолитических стоянок – Дюсембай I, II, III, IV, V.

Стоянка Дюсембай II расположена на левом берегу одноименной реки, в 33 км к югу от пос. Карсакапай на территории Карсакапайского совхоза Джездинского района Джезказганской области. На стоянке собрано 11 нуклеусов, 209 ножевидных пластинок и их обломков, 47 скребков из отщепов, 12 скребков из пластинок, 6 наконечников стрел, 2 дротика, 4 вкладыша, 2 трапеции, один резец и свыше тысячи отщепов.

Стоянка Дюсембай II расположена на противоположном берегу реки, здесь собрано до сотни предметов, в том числе нуклеусы, скребки из отщепов, скребки из пластинок, наконечники стрел, 11 фрагментов керамики и около 200 отходов производства.

Стоянка Дюсембай III самая интересная по обилию находок, расположена на правом берегу одноименной реки, в 32 км к югу от пос. Карсакапай. Собрано большое количество кремневых изделий и фрагменты керамики. Среди орудий – нуклеусы (14), ножевидные пластинки (158), округлые скребки (19), концевые скребки (6), наконечники стрел (27), дротики (6), фрагменты керамики (80) и 1074 сколов.

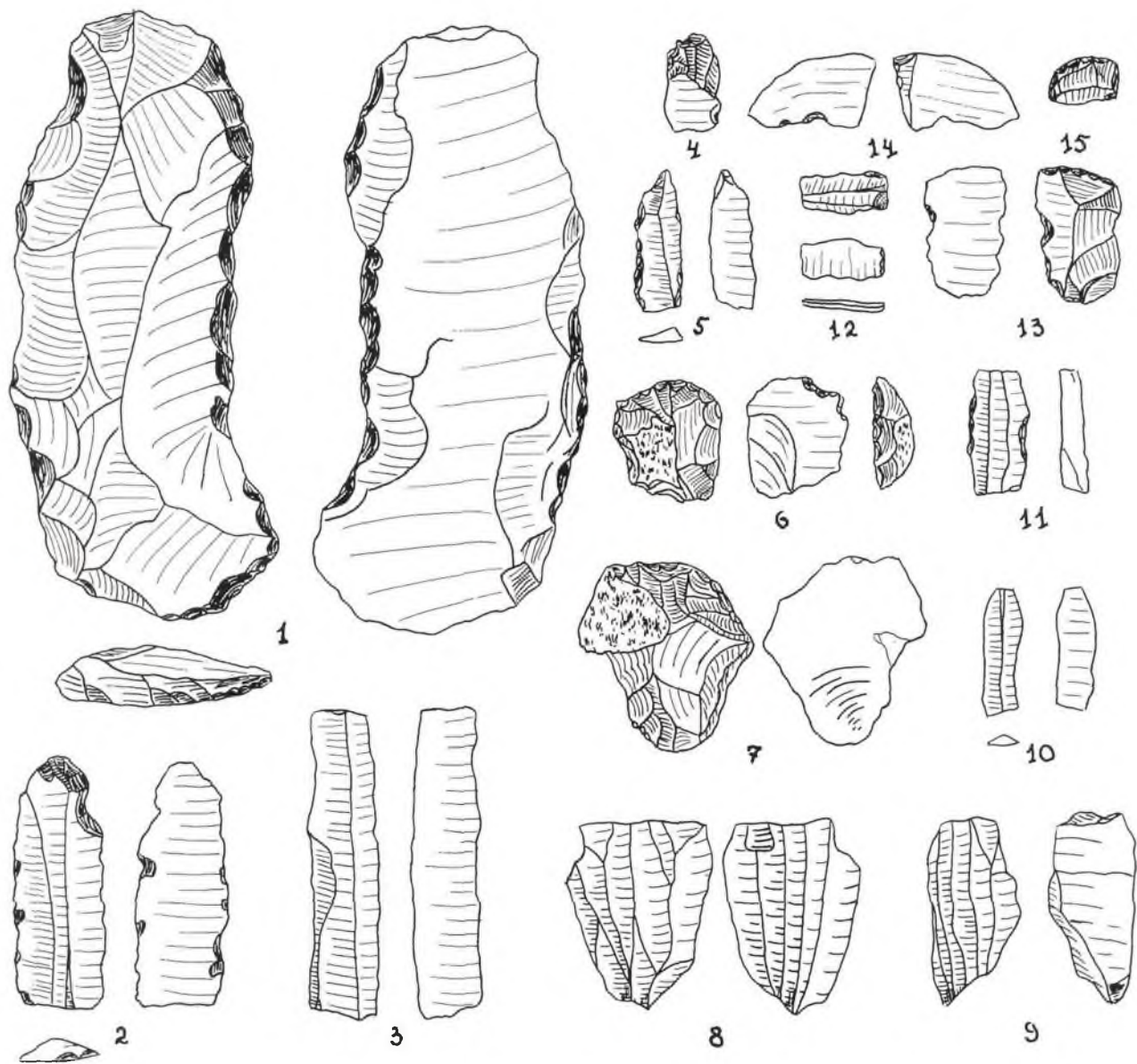

Рис. 29. Нуклеусы, ножевидные пластинки, скребки

Стоянка Дюсембай IV расположена на левом берегу реки, напротив стоянки III. Характер ландшафта и условия залегания культурных слоев на всех стоянках совершенно одинаковы. На поверхности собран подъемный материал: нуклеусы (2), ножевидные пластинки (173), скребки из отщепов (11), скребки концевые (4), наконечники стрел (11), вкладыши, костяная проколка, обломки лепной керамики (46) и 540 отходов производства. С пяти стоянок группы Дюсембай собрано около 4000 предметов, что говорит о продолжительном существовании стоянок долины р. Дюсембай (Блеуты).

Из вновь открытых памятников неолита весь-

ма интересна стоянка Нурман, открытая Ленинградским геологом В. Ф. Петрунь в 1952 г., в 22 км к северу от пос. Байконур, в верховьях р. Жидели у истока р. Буланты (Байконур). Стоянка выявлена на участке дефляции суглинков, лишенных дернового покрова. Площадь с культурными остатками представляет собой полосу в 400 м длины и 150 м ширины. Культурный слой обнаруживается по всей площадке в виде скопления огромного количества отходов каменной индустрии, залегающих на поверхности суглинков, и, частично, в мезозойской коре выветривания. На поверхности стоянок собрано около 200 предметов, из них 75 целых и сломанных орудий, ос-

тальные отщепы, все из кварцита, халцедона и других горных пород¹⁶¹.

В 1952 г. В. Ф. Петрунь в Улутаской степи открыты еще две неолитические стоянки, расположенные на территории совхоза им. Амангельды, Джезказганского района¹⁶². Это стоянки Тамды I и Тамды II, расположенные в нижнем течении одноименной реки, в 8 км выше ее впадения в р. Сары-Тургай. Более древняя стоянка Тамды I находится на водоразделе в 1,5 км от стоянки Тамды II. Особого внимания заслуживает ножевидная пластинка архаического облика длиной 12 см, шириной 5 см. (рис. 29)

Стоянка Тамды II расположена на верхней террасе, на небольшой скалистой площадке, защищенной от северного ветра. Кремневые изделия и обломки керамики встречены в почвенном слое, обнаженном ветровой эрозией и частично на каменистой поверхности площадки. Все сборы В. Ф. Петрунь со стоянок Нурман, Тамды I, II хранятся в МАЭ¹⁶³.

С неолитом Джезказгана территориально связаны и неолитические стоянки Тургайской степи, открытые в 1945 г. зоологической экспедицией МГУ во главе с профессором А. А. Формозовым на территории Наурзумского заповедника, у оз. Аксуат¹⁶⁴. На поверхности стоянки собран значительный подъемный материал – нуклеусы, ножевидные пластинки, наконечники стрел, концевые скребки, а также фрагменты лепной керамики с ямочным и гребенчатым орнаментом. Той же экспедицией открыта группа стоянок, расположенная в лесу Терсек-Карагай, в 80 км к западу от центра Наурзумского заповедника. Со стоянки собрано свыше 130 каменных орудий, в том числе нуклеусы, скребки, наконечники стрел, ножевидные пластинки, обломки керамики с точечным орнаментом. По характеру обе группы стоянок очень сходны с памятниками Джезказгана.

Усилиями ученых-геологов была открыта интересная серия стоянок эпохи позднего неолита, с ярко выраженной микролитической индустрией, в районе Северного Приаралья и Северного Прикаспия, относящаяся к эпохе энеолита или переходному этапу от неолита к бронзе. Так, стоянка Саксаульская была открыта в 1938 г. академиком А. Л. Яншиным и в 1944 г. исследована А. А. Формозовым¹⁶⁵.

Стоянка расположена в 8 км к северу от ст. Саксаульская, вблизи подземного источника воды и выхода кварцитовых пород. Стоянки эпохи позднего неолита открыты в 1946 г. А. Л. Яншиным в песках Сам и на севере плата Устюрт, у

колодца Молкудук. Со всех стоянок собран подъемный материал: ножевидные пластинки, скребки, вкладыши и мелкие фрагменты керамики ручной лепки.

Не менее интересны данные стоянок в долине р. Эмбы (Кокжиде, Бесбай, Жагабулак), обследованные в 1926–1927 гг. геологами И. Лариным и И. П. Герасимовым, а также нами в 1950 г. С Кокжиде имеются сборы В. И. Самодурова в виде концевых скребков, ножевидных пластинок и грубой керамики без орнамента. Из других памятников долины р. Эмбы замечательны стоянки Коктубек, Теректы-Сай, обследованные геологами. В бассейне р. Сагыз находятся дюнные стоянки Аккум, Борчакум, Кызкум, Аккудук. Коллекция с этих стоянок хранится в архиве Ленинградского отделения института археологии АН СССР¹⁶⁶.

Ряд дюнных стоянок открыт в песках Малые и Большие Барсуки¹⁶⁷. В 1944 г. геологом Д. П. Словягиным в 10 км к юго-западу от ст. Чоксу (Малые Барсуки) выявлена стоянка позднего неолита с кремневым инвентарем¹⁶⁸. В 1947 г. Б. А. Федоровым в 15 км к северу от пос. Агеспе стоянки Кзылжар¹⁶⁹, Кара-Сандык¹⁷⁰. В 1944 г. геологом С. Е. Максимовым в Северо-Восточном Приаралье обнаружена стоянка Жаман-Кылыч, ошибочно отнесенная к палеолиту¹⁷¹. Собран подъемный материал – орудия из кремня, кварцита и халцедона, в их числе ножевидные пластинки, концевые скребки и фрагменты сосудов грубой лепки.

По культуре и составу находок Приаральские стоянки позднего неолита весьма сходны с неолитическими памятниками Джезказгана, р. Сары-Су и Бетпакдалы. Их общность составляют не только микролиты, но и более крупные орудия типа каменных дротиков, изготовление которых вызвано необходимостью охоты на крупных млекопитающих – сайгаков, джейранов, архаров и куланов. Нужно отметить, что Приаральские пустынные стоянки являются южной частью степного неолита, главное средоточие которого находилось на севере, что связано с зарождением скотоводства на основе богатых пастбищ и обилия источников воды. Поэтому неолитическая индустрия сконцентрирована в долинах рр. Сары-Су, Кенгир, Нура, Ишим, Тургай, Иргиз, Блеуты и Байконур на основе общего хозяйства племен. В позднем неолите основу их существования составляли уже скотоводство и развитая охота, что определяло характер каменных орудий.

В долине р. Иргиз обследовано шесть стоянок – Аиркзыл¹⁷², близ г. Иргиза, Баскудук¹⁷³ возле аула Сорбулак, Жана-аул¹⁷⁴ севернее оз. Узунсор, Енбекши северо-западнее оз. Атасор¹⁷⁵ и на левом берегу Улу-Иргиз, выше слияния ее с р. Шет-Иргиз¹⁷⁶.

По материалам новейших археологических исследований ясно, что из всех неолитических стоянок Центрального Казахстана наиболее мощными являются стоянки Джекказгана, Караганды и бассейна р. Сарысу. Крупные очаги неолитической культуры установлены и в районе Северного Прибалхашья, в Каркаралинских и Баянаульских степях.

Достаточно сказать, что со всех стоянок Джекказгана собрано огромное количество (около 20 тысяч) однотипных каменных изделий. Все стоянки отличаются большим скоплением отходов производства (сколов, отщепов, чешуек), и в каждом случае наличием значительного количества нуклеусов. Этот факт свидетельствует во-первых, о том, что изготовление кремневых орудий происходило в каждой стоянке самостоятельно и стоянки были длительными. Ландшафт района Джекказгана благоприятствовал тому, что древние обитатели не испытывали недостатка в каменном сырье, оно находилось рядом в изобилии. Материал джекказганских орудий исключительно валунный, залежи которого находятся в черте г. Джекказгана, там сохранилась древняя каменоломня с громадным скоплением кварцитовых валунов, желваков, сколов и чешуек.

Группу орудий Джекказганских и Сарысуйских стоянок составляют макролиты – орудия для трудоемких работ, землеройных и рыболовных: кирки, кайлы, мотыги, каменные топоры, грузила дисквидной формы и др. В большом количестве они встречены на стоянках, частично и в погребениях.

На стоянках Джекказгана собрана целая коллекция наконечников стрел и дротиков, изготовленных из разных твердых пород (яшмы, опала, роговика, халцедона, древнего кварцита и даже кварца и горного хрусталя), использовавшихся при охоте на млекопитающих. Охотники, следуя за дикими животными в огромном количестве рассыпали их по всей степи от Джекказгана до р. Чу. И не случайно, что в долине р. Сарысу и в пустыне Бетпақдала можно встретить точно такие же стрелы, как в Джекказгане и Караганде.

На ранних стоянках Джекказгана крайне редко встречаются микролитические орудия типа вкладышей, трапеций, мелких резцов. Для миниатюрных орудий твердые породы (кремень,

яшма, халцедон, роговик и др.) добывались в Бетпақдале, находящейся в 150 км к юго-востоку от Джекказгана. Орудия из тонких ножевидных пластинок сопровождаемые керамикой, появляются несколько позднее, они больше характерны для позднего неолита и ранней бронзы Центрального Казахстана.

Вместе с тем в поздних неолитических стоянках Джекказгана прослеживается тенденция перехода от неолита к медно-каменному веку (энеолиту), характеризующаяся появлением новых типов орудий, примененных в горном деле при разработке месторождений медной руды – кайла, молоты отбойники и грубые ударные орудия.

Древние люди проявляли большой интерес к различным минералам (сапфир, топаз, змеевики, дымчатый хрусталь, азурит, малахит, амфиболы), часто встречаемым в древних стоянках Джекказгана. Впоследствии (IV тыс. до н.э.) появился интерес к самородной меди и окисленной медной руде. Самородная медь, малахит, азурит и халькопирит – основное сырье Джекказгана до наших дней. Домашние очаги неолитических стоянок Джекказгана часто сделаны из медистого песчаника, нередко из плит самородной меди. При высокой температуре огня они расплавлились, давая прозрачные отеки.

Этот эмпирический опыт имел огромные последствия для человечества, открывая перед ним перспективу безграничного развития. Человек, наблюдая над отеком расплавленной меди в домашнем очаге, научился плавить медную руду сначала на костре, а затем в специальных горнах или сыродутных печах, большое количество которых было обнаружено при раскопках стоянок Милыкудук, Айнаколь и Соркудук (см. ниже).

Огромный материал археологических открытий позволил выяснить вопрос о сложении культуры бронзы в Центральном Казахстане, об ее истоках в предшествующих этапах. Создателями этих культур были одни и те же степные племена. Сходство орудий труда, форм погребальных сооружений свидетельствуют о существовании глубокой преемственности между культурами этих эпох. Об этом свидетельствуют факты обнаружения поселений эпохи бронзы на месте древних стоянок эпохи неолита.

В неолитических стоянках Джекказгана единственным доказательством существования жилищ являются каменные очаги, вокруг которых нередко скопления кремневых изделий, костей животных. Вполне вероятно, что древние обитатели Джекказгана устраивали себе жилища типа чум, от кото-

рых не сохранилось сколько-нибудь заметных следов, кроме очагов.

В заключение следует отметить, что неолитические стоянки Центрального Казахстана отличаются от поселений эпохи бронзы отсутствием горных орудий и керамики, столь характерной для эпохи бронзы.

Связующим звеном традиций неолита с эпохой бронзы в Центральном Казахстане был энеолит, представлявший собой переходный этап от каменного века к бронзе (IV тысячелетие до н. э.). Энеолит являлся мощным продолжением степного неолита. И не случайно, что энеолитические стоянки широко распространены по всей степи от Семипалатинска до Аксуата и Терсек-Карагая¹⁷⁷.

Появление предметов из меди и новых мощных каменных орудий, необходимых при добыче и разработке медной руды и отсутствующих в раннем неолите, составляют главную черту энеолита Центрального Казахстана. С появлением меди некоторые типы кремневых орудий не исчезают, а сосуществуют с бронзовыми, долго соревнуясь с ними, тождество кремневых прототипов и бронзовых наконечников стрел Центрального Казахстана свидетельствует тому.

Археологические материалы свидетельствуют, что создателями первой металлической культуры были потомки степных неолитических охотников и первых скотоводов, оставивших свои мощные следы на широком степном пространстве.

Из материалов археологических исследований Центрального Казахстана видно, что первоначальное ядро культуры бронзы формировалось там, где находились богатые залежи окисленной медной руды, где в изобилии была легкоплавкая самородная медь, об этом говорит частое обнаружение обломков самородной меди, малахита и азурита на стоянках и в погребениях эпохи позднего неолита.

Несомненно, что еще в эпоху неолита на просторах Центрального Казахстана формировалась этнокультурная основа тех племен, которым позднее было суждено открыть новую металли-

ческую эру и создать высокую культуру. Это не пришельцы, как думают некоторые ученые, а исконные степные племена, потомками которых были азиатские скифы или урало-алтайцы. Весьма справедливы суждения ряда ученых, высказывавших мысли о том, что ярко выраженная общность племен эпохи бронзы является результатом культурно-этнической общности, складывавшейся на очень широкой территории еще в неолитическое время (IV тыс. до н. э.)¹⁷⁸.

По данным антропологов, монголоидный тип урало-алтайцев, сформировавшийся в эпоху неолита и обитавший в Зауральской степи, распространился до Онежского озера. Древнемонголоидный череп, синхронный ямочно-гребенчатой керамике был найден и в Прибалтике. Антропологи считают их проникшими из-за Урала¹⁷⁹. На основе изучения черепов, найденных на территории Казахстана и Оренбургской области, антрополог Г. Ф. Дебец установил потомков древних андроновцев, живших в античное время¹⁸⁰ или в эпоху племенных союзов. Все это так интересно, что требует дальнейшего исследования. Однако, приведенные факты мало интересуют некоторых ученых, увлеченных теорией иранского происхождения культуры бронзы северных степей. Это глубокое заблуждение, не имеющее под собой научной базы.

По нашему глубокому убеждению в культуре бронзы северных степей нет ничего южного, тем более иранского. Между северными степями и югом лежит огромная пустыня Бетлакдала. Следы первой связи севера с югом встречаются только в районах Семиречья и Тянь-Шаня, в низовьях Таласа и Чу. Такая связь могла установиться позднее через западное побережье озера Балхаш. Интересно отметить, что андроновская керамика, найденная в низовьях р. Или, по форме и орнаменту очень близка андроновской керамике Северного Прибалхашья и Каркаралинских степей. Для установления первой связи между югом и севером огромное значение имеет исследование памятников эпохи бронзы, расположенных в районе юго-западного побережья Балхаша и оазисов Чу-Илийских гор. Памятники этого региона служат своего рода мостом, связывающим север с югом.

¹Сатпаев К. И. Некоторые археологические данные о памятниках Джезказганского района КазССР. Архив отдела археологии. ИИАЭ АН КазССР, ф. 2, с. 56.

²Петрунь В. Ф. Неолит. находки в районе Байконура и р. Тамды. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1, Археология, Алма-Ата, 1956, с. 172–181.

³Формозов А. А. Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане. Вестник КФ АН СССР, 1945, № 2, с. 6–8; *Его же*: Новые точки кельтеминарской культуры в Казахстане. Вестник КФ АН СССР, 1946, № 46, № 5; *Его же*: Памятники древности Наурзумского заповедника. Вестник КФ АН СССР, 1946, № 4, с. 50–52; *Его же*: Древности Устюрта. Вестник АН КазССР, 1947, № 7; *Его же*: Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИ-ИМК, 1949, вып. 25, с. 49–58.

⁴Валукинский Н. В. Древние стоянки Джезказгана (отдельные листы рукописи). Архив МИИАЭ АН КазССР, № 171, лл. 26–47; № 176, лл. 40–44, 87–108, 122–132.

⁵Грязнов М. П. Материалы Нуринской экспедиции, 1935 г. Собрание ГЭ, ф. 377.

⁶Поликарпович К. М. Коллекция хранятся в Карагандинском музее. См. также Алпысбаев Х. Некоторые вопросы изучения каменного века в Казахстане. В кн. «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, с. 232.

⁷Медоев А. Г. Новые материалы по каменному веку северного Прибалхашья и хребта Чингис. Вестник АН КазССР, 1962, № 3, с. 86–88; *Его же*: Каменный век Сарыарка в свете новейших исследований. Изв. АН КазССР, серия общ. наук, 1964, № 6, с. 95–98.

⁸Клапчук М. Н. Материалы к археологии Центрального Казахстана (1958–1961). Архив МИИАЭ, д. 182; *Его же*: Отчет об археологических исследованиях в Центральном Казахстане (1962–1963). Там же, д. 220, за 1964–1965 гг., д. 264, за 1967, д. 248, за 1968, д. 261.

⁹Чалая Л. А. Озерные стоянки Павлодарской области. В кн. «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1972, с. 163–181.

¹⁰Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.–Л., 1960, с. 109.

¹¹Археологическая карта Казахстана, Алма-Ата, 1960, с. 95–96.

¹² Там же, с. 56.

¹³Акишев К. А., Владимиров Н. Н., Мухамеджанов С. М. Находки орудий труда древнего человека в Северо-Восточном Казахстане. Вестник АН КазССР, 1955, № 5, с. 61–65.

¹⁴ Там же, с. 63, рис. 1–21.

¹⁵Tallgren A. M. La pontide prescythique apres l'introduction des met aux. ESA II, 1926.

¹⁶Медоев А. Г. Стоянка-мастерская у озера Кудайколь. В кн. Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 128.

¹⁷ Археологическая карта Казахстана, с. 90.

¹⁸ Там же, с. 5.

¹⁹Драверт П. Л. Грот с писаницей на оз. Жасыбай в окрестностях Баян-аула. Изв. Зап. Сиб. Отд. РГО, т. УП. Омск, 1930, с. 231–234.

²⁰ Коллекция хранится в Карагандинском музее. См. Клапчук М. Н. Отчет о работе археологического кружка при Карагандинском областном краеведческом музее за 1964–1965 гг. Архив МИИАЭ, д. 264, с. 1–2.

²¹Семенов Л. Ф. Наша область. Материалы к истории Карагандинской области. Архив МИИАЭ, ф. 2, д. 26.

²² Фонды 28. 62–72. Часть коллекции Ясенецкой В. Е. хранится в Гос. ист. музее под шифром 80515.

²³Медоев А. Г. Новые материалы по каменному веку северного Прибалхашья и хребта Чингис. Вестник АН КазССР, 1962, № 3, с. 86–88; *Его же*: каменный век Сарыарка в свете новейших исследований. Изв. АН КазССР, серия общ. наук, 1964, № 6, с. 90–98. *Его же*: Топография стоянок каменного века в Северном Прибалхашье. Вестник АН КазССР, 1965, № 5; *Его же*: Наскальные изображения гор Тесиктас и Караунгур. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 12, 1961, с. 72–77.

²⁴ Археологическая карта Казахстана, с. 357.

²⁵ Там же, с. 400.

²⁶ Там же, с. 165; Лопатин С. В. Археологические памятники в Центральном Казахстане. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1, Археология, Алма-Ата, с. 265–266.

²⁷ Там же, с. 265.

²⁸ Там же, с. 265.

²⁹ Там же, с. 265.

³⁰ Там же, с. 265–266.

³¹ Там же, с. 268.

³² Археологическая карта Казахстана, с. 162.

³³Яковлев Д. И. Голодная степь Казахстана. М., 1941, с. 276, 302, 305.

³⁴ Там же, с. 321.

³⁵ Там же, с. 304.

³⁶ Там же, с. 290.

³⁷Яковлев Д. И. Голодная степь Казахстана. с. 290, 372; Штрейс Н. А. и Колотухина С. Е. Геологическое строение гор Ортау, с. 87–90.

³⁸Яковлев Д. И. Голодная степь, с. 372.

³⁹ Там же, с. 302–309.

⁴⁰ Там же, с. 95–96.

⁴¹Наковник Н. И. Охотники за камнями. Ленинград, 1966, с. 129–130.

⁴²Селевин В. А. Введение в естественно-историческое изучение Бетпақдала. Труды САГУ, серия XII, география, вып. 12–13; Ташкент, 1935, с. 3; Дублицкий Б. Н. Стоянки и находки предметов каменного века на территории Казахстана. Архив, М., ИИАЭ, д. 163, с. 17.

⁴³ Там же, с. 3.

⁴⁴ Там же, с. 3, прим. 2.

⁴⁵ Там же, с. 3.

⁴⁶Сатпаев К. И. Некоторые археологические данные о памятниках в пределах Джезказганского района КазССР. Архив отдела археологии АН КазССР, ф. 2, д. 56, л. 2.

⁴⁷ Мухля А. В. В пустыне Бетпақдала, с. 22–24.

⁴⁸ Там же, с. 23.

⁴⁹ Там же, с. 23, рис. 8.

⁵⁰Маргулан А. Х. Отчет о работе ЦКАЭ, 1947, Изв. АН КазССР, серия археологическая, вып. 2, Алма-Ата, 1950, с. 4–5.

⁵¹Клапчук М. Н. Отчет об археологических исследованиях в Центральном Казахстане в 1968 г. Архив МИИАЭ, д. 261, с. 5.

⁵²А. Х. Маргулан. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. Изв. АН КазССР, серия археологическая, вып. 3, Алма-Ата, 1951, с. 17.

⁵³ Археологическая карта Казахстана, с. 196.

⁵⁴ Архив ОА ф. 1, д. 10; Материалы Западно-Казахстанской археол. эксп. 1950, с. 1, д. 43, Материалы ЦКАЭ 1950 г.

⁵⁵ Археологическая карта Казахстана, с. 370.

- ⁵⁶ Там же, с. 370.
- ⁵⁷ Там же, с. 196, 197.
- ⁵⁸ *Клапчук М. Н.* Отчет об археологических исследованиях в Центральном Казахстане в 1967 г. Архив ОА, № 248. Карта; д. 261 (карта района).
- ⁵⁹ Указ. соч. д. 248, карта.
- ⁶⁰ Указ. соч., с. 3.
- ⁶¹ *Клапчук М. Н.* Отчет об археологических исследованиях в Центральном Казахстане. Архив ОА, д. 261, с. 5; д. 248, с. 3.
- ⁶² Там же, д. 248, с. 3.
- ⁶³ Архив МИИАЭ, д. 1, д. 1, 2.
- ⁶⁴ *Маргулан А. Х.* Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. Изв. АН КазССР, серия археологическая, вып. 3, Алма-Ата, 1951, с. 17.
- ⁶⁵ Археологическая карта Казахстана, с. 195, ф. 1187.
- ⁶⁶ Там же, с. 196.
- ⁶⁷ *Маргулан А. Х., Агеева Е. И.* Археологические работы и находки на территории Казахской ССР. Изв. АН КазССР, серия археологическая, вып. 1, Алма-Ата, 1948, с. 132.
- ⁶⁸ *Клапчук М. Н.* Отчет об археологических исследованиях в Центральном Казахстане в 1967 г. Архив МИИАЭ АН КазССР, д. 248, с. 3.
- ⁶⁹ *Маргулан А. Х.* Отчет о работе ЦКАЭ, 1947 г. Изв. АН КазССР, серия арх., вып. 2, с. 4; Вып. 3, с. 21.
- ⁷⁰ *Клапчук М. Н.* Отчет об археологических исследованиях на территории Центрального Казахстана. Архив МИИАЭ АН КазССР, ф. 220, с. 2–3.
- ⁷¹ *Маргулан А. Х.* Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. Изв. АН КазССР, серия археологическая, вып. 3, Алма-Ата, 1951, с. 18; рис. 10, 1, 3.
- ⁷² Там же, рис. 10, 2, 5.
- ⁷³ *Клапчук М. Н.* Отчет об археологических исследованиях в Центральном Казахстане. Архив МИИАЭ, ф. 248, с. 4.
- ⁷⁴ Там же, с. 23, рис. 14, 1–3.
- ⁷⁵ *Формозов А. А.* Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КС ИИМК, вып. 31, 1950, с. 145, рис. 51, 22.
- ⁷⁶ *Маргулан А. Х.* Указ. соч. с. 23, рис. 14, 6.
- ⁷⁷ *Клапчук М. Н.* Отчет об археол. исследованиях, с. 1–2.
- ⁷⁸ *Щренк А. И.* Путешествие и исследования по Зоонгарским киргизским степям в 1840–1843 гг. Третье путешествие 1842 г. Дневные записи 21–24 июля р. Кенгир-Каражар. Архив АН СССР, ф. 317, оп. 1, д. 7, с. 204–236.
- ⁷⁹ *Красовский М.* Область сибирских киргизов. ч. III, СПб, 1868, с. 262; *Лобанов.* Описание юго-западной части Голодной степи. Архив АН СССР, ф. 317, оп. 1, д. 47, л. 3.
- ⁸⁰ *Клапчук М. Н.* Отчет о работе по открытию и охране археол. памятников на территории Центр. Казахстана. 1963, Архив МИИАЭ, д. 220, с. 2.
- ⁸¹ Там же, с. 5.
- ⁸² Там же, с. 11.
- ⁸³ Там же, с. 15.
- ⁸⁴ *Клапчук М. Н.* Отчет за 1963 г. Архив ОА, № 220, с. 1.
- ⁸⁵ *Формозов А. А.* Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КСИИМК, 1950, вып. 31, с. 141–147.
- ⁸⁶ Археологическая карта Казахстана. с. 195.
- ⁸⁷ *Клапчук М. Н.* Отчет за 1963 г.
- ⁸⁸ Коллекция, шифр 80515
- ⁸⁹ *Клапчук М. Н.* Отчет за 1963 г.
- ⁹⁰ *Кассин Н. Г.* О древних долинах Центрального Казахстана. ПСГ, т. VI, № 1, 1936.
- ⁹¹ *Клапчук М. Н.* Отчет за 1968 г., Архив МИИАЭ, д. 261, с. 5.
- ⁹² Там же, с. 10.
- ⁹³ *Рыков П. С.* Работы в совхозе «Гигант» (Караганда). В кн. 1935, работы Академии на новостройках, т. II, М.–Л. 1935, с. 40–68.
- ⁹⁴ *Формозов А. А.* Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. КСИИМК, вып. 31, 1950, с. 147; Археологическая карта Казахстана, с. 153.
- ⁹⁵ Газета «Казахстанская правда», 1947, 10 августа.
- ⁹⁶ *Клапчук М. Н.* Материалы раскопок на стоянке Караганда-15. Архив МИИАЭ, № 183 (планы раскопок); № 185, табл. 9, 10 (план и разрез).
- ⁹⁷ *Клапчук М. Н.* Материалы к археологии Центрального Казахстана. Архив МИИАЭ, № 182, с. 18; № 185, табл. 9, 10; № 220 (фото следов от столбов).
- ⁹⁸ Там же, № 182, с. 9–13.
- ⁹⁹ Там же, с. II.
- ¹⁰⁰ *Клапчук М. Н.* Материалы к археологии Центр. Казахстана. Архив МИИАЭ, № 185, табл. 13, 7; табл. 28, 11, 15; табл. 36, 4.
- ¹⁰¹ *Городицов В. А.* Уртуйская микролитическая стоянка в бассейне Амура. Советская археология, 1936, № 1, с. 108.
- ¹⁰² *Формозов А. А.* Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, вып. 25, 1949, с. 53, рис. 16, 25.
- ¹⁰³ *Клапчук М. Н.* Материалы к археологии (Архив МИИАЭ, № 185), табл. 22, 13, 14.
- ¹⁰⁴ Там же, табл. 8, 20.
- ¹⁰⁵ Там же, табл. 21, 9.
- ¹⁰⁶ Там же, табл. 14, 8–9; табл. 20, 12, 14; табл. 26, 12, 13.
- ¹⁰⁷ *Формозов А. А.* Микролитические памятники Азиатской части СССР, СА, 1959, № 2, с. 47–59.
- ¹⁰⁸ *Клапчук М. Н.* Материалы к археологии, № 185, табл. 21, 1.
- ¹⁰⁹ *Формозов А. А.* К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, вып. 39, М., 1951, с. 16, рис. 6.
- ¹¹⁰ *Валукинский Н.* Дневник № 171, Л. 72 об; № 176, ЛЛ. 102.
- ¹¹¹ *Черников С. С.* Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949, табл. IX, рис. 1, 2.
- ¹¹² *Формозов А. А.* К вопросу о происхождении андроновской культуры. с. 17.
- ¹¹³ Там же, с. 17.
- ¹¹⁴ *Клапчук М. Н.* Материалы (Архив ОА, № 185), обл. 21, рис. 2, 4.
- ¹¹⁵ Там же, табл. 20, 15; табл. 26, 6, табл. 35, 1.
- ¹¹⁶ Там же, табл. 26, 5.
- ¹¹⁷ Там же, табл. 26, 4.
- ¹¹⁸ Там же, табл. 26, 1.
- ¹¹⁹ Там же, табл. 26, 2, 3.
- ¹²⁰ Там же, табл. 21, 7.
- ¹²¹ Там же, табл. 37, 7.
- ¹²² Там же, табл. 20, 13.
- ¹²³ *Клапчук М. Н.* Отчет об археологических исследованиях на территории Центрального Казахстана в 1962 г. Архив ОА, № 220, с. 6.
- ¹²⁴ Там же, с. 6.
- ¹²⁵ Его же. Отчет за 1963 г. Архив ОА, № 220, с. 2.
- ¹²⁶ Его же. Материалы ... Архив ОА, № 182, с. 19.
- ¹²⁷ Там же, с. 16–17.

- ¹²⁸ *Формозов А.А.* Доандроновское погребение в Казахстане. КСИИМК, 1956, вып. 63, с. 153-155.
- ¹²⁹ *Валукинский Н.В.* Дневник № 177, л. 67, 108.
- ¹³⁰ *Валукинский Н.В.* Дневник № 171, лл. 26-47; дневник № 176, лл. 13, 40-44, 78-80, 87-108, 122-132, 138-150, 154-164; дневник № 177, с. 43-45.
- ¹³¹ *Его же.* Дневник № 177, л. 97 г.
- ¹³² *Его же.* Дневник № 176, л. 74 г.
- ¹³³ *Его же.* Дневник № 176, с. 156; *Сатпаев К.И.* Избр. труды, т. 1, с. 98-105; *Сейфуллин С. Ш.* Геологические заметки, 1944, с. 136-138.
- ¹³⁴ *Валукинский Н.В.* Дневник № 176, л. 14-19.
- ¹³⁵ *Валукинский Н.В.* Дневник № 177, л. 65-98 об., № 171, л. 28, 29, 32.
- ¹³⁶ *Его же.* Дневник № 177, л. 98, об.; *Маргулан А.Х.* Джебказган — древний металлургический центр. В кн: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 3-42.
- ¹³⁷ *Валукинский Н.В.* Дневник № 176, с. 1-13.
- ¹³⁸ *Валукинский Н.В.* Дневник № 177, с. 82
- ¹³⁹ *Его же.* Дневник № 176, с. 160.
- ¹⁴⁰ *Его же.* Дневник № 177, с. 65.
- ¹⁴¹ *Валукинский Н.В.* Дневник № 171, л. 45-46.
- ¹⁴² *Валукинский Н.В.* Дневник № 170, Л., 132; 176, Л., 157, 160, 161
- ¹⁴³ *Его же.* 171, Л., 38, 39-39 об.
- ¹⁴⁴ *Валукинский Н.В.* Дневник № 171, Л., 42-44 об.
- ¹⁴⁵ *Формозов А.А.* К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, вып. 39, 1951, с. 12, рис. 4, 13-14.
- ¹⁴⁶ *Федоров В.В.* К вопросу о кремневых складах в неолитическое время. МИА, № 39. Палеолит и неолит. СССР. М.—Л., 1953, с. 286.
- ¹⁴⁷ Археологическая карта Казахстана, с. 150.
- ¹⁴⁸ *Валукинский Н.В.* Дневник № 171, Л., 72 об., Л., 42-43.
- ¹⁴⁹ Археологическая карта Казахстана, с. 150.
- ¹⁵⁰ *Валукинский Н.В.* Дневник № 177, Л., 67 об.
- ¹⁵¹ *Его же.* Дневник № 176, Л., 91, 94-94 об. 177, Л., 111.
- ¹⁵² *Его же.* Дневник 171, Л., 47, 177, Л., 111.
- ¹⁵³ *Его же.* Дневник № 177.
- ¹⁵⁴ *Его же.* Дневник № 171.
- ¹⁵⁵ Археологическая карта Казахстана, с. 149.

- ¹⁵⁶ Археологическая карта Казахстана, с. 151.
- ¹⁵⁷ См. план древних стоянок Джезказгана. *Валукинский Н. В.* Дневник № 173, л. 13.
- ¹⁵⁸ *Валукинский Н. В.* Дневник № 173, с. 1.
- ¹⁵⁹ *Его же.* Дневник № 177, л. 98, об. 99.
- ¹⁶⁰ *Валукинский Н. В.* Отчет о раскопках в Милы-кудук. Дневник, 176, л. *Маргулан А. Х.* Джезказган — древний металлургический центр. В кн. «Археологические исследования в Казахстане», Алма-Ата, 1973, с. 3—42.
- ¹⁶¹ *Валукинский Н. В.* Дневник № 176. лл. 97—104.
- ¹⁶² *Его же.* Дневник № 177, с. 81.
- ¹⁶³ МФЭ, коллекция № 6075.
- ¹⁶⁴ *Формозов А. А.* К вопросу о происхождении андроновской культуры КСИИМК, вып. 39, 1951, с. 16. рис. 6, 2-3.
- ¹⁶⁵ Археологическая карта Казахстана, с. 149.
- ¹⁶⁶ ЛОИА АН СССР, ф. 42, л. 72.
- ¹⁶⁷ *Формозов А. А.* Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК. 1949, вып. 25, с. 49-58;
- ¹⁶⁸ Там же, с. 60.
- ¹⁶⁹ Археологическая карта Казахстана, с. 190.
- ¹⁷⁰ *Максимов С. К.* Находки палеолита в районе Аральского моря, серия геолог. наук, Л. 1944. Ученые записки ЛГУ, № 70, вып. 11.
- ¹⁷¹ *Формозов А. А.* Кельтеминарская культура в Западном Казахстане, с. 49-58.
- ¹⁷² Археологическая карта Казахстана, с. 141.
- ¹⁷³ Там же, с. 141.
- ¹⁷⁴ Там же, с. 141.
- ¹⁷⁵ *Формозов А. А.* Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. с. 49-58.
- ¹⁷⁶ *Формозов А. А.* Энеолитические стоянки Кустанайской области, с. 64-75.
- ¹⁷⁷ *Клапчук М. Н.* Материалы к археологии Центрального Казахстана, с. 19.
- ¹⁷⁸ *Черников С. С.* Восточный Казахстан, с. 107.
- ¹⁷⁹ *Дебец Г. Ф., Трофимова Т. А., Чебоксаров Н. Н.* Проблемы заселения Европы по антропологическим данным. В сбор. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», М., 1951, с. 438.
- ¹⁸⁰ *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР. М., 1948, с. 148.

ГЛАВА 2

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ БЕГАЗЫ-ДАНДЫБАЕВСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Одной из узловых является проблема изучения поздних этапов культуры бронзы (XIII—XI и X—VIII вв. до н. э.) Центрального Казахстана¹.

Памятники ранней бронзы обстоятельно обследованы и описаны Акишевым К. А и Оразбаевым А. М.²

К памятникам нуринского этапа андроновской культуры Центрального Казахстана относятся Акштатау, Ботакара, Бугулы I, Байбала I, Косагал, Канаттас и др. Все они объединены традиционными чертами андроновской культуры: обрядом погребения, формой погребальных сооружений, формой и орнаментацией керамики.

Особенностями обряда погребения нуринского этапа является трупосожжение или скорченное положение погребенного на левом боку. В одном и том же комплексе могут иметь место и трупосожжение и скорченное положение погребенного (Бугулы I, Байбала I). В комплексе Канаттас погребенный был в сидячем положении.

Для памятников ранней бронзы характерны могильные сооружения в виде кольцевой ограды из вертикально врытых каменных плит без насыпи. В центре такой ограды каменный ящик, перекрытый двумя-тремя плитами гранита, ориентированный с юго-запада на северо-восток. Против лица погребенного стоят ритуальные горшки, часто баночной формы. Из украшений для этой эпохи характерны медные бусы, клыки хищных животных, раковины.

Как показывают накопленные материалы, на высшем этапе развития культуры средней бронзы на территории Центрального Казахстана появляются памятники переходного типа, формой и величиной отличающиеся от традиционных памятников андроновской культуры и в то же время еще хорошо сохраняющие древнеандроновские черты. Это прежде всего погребальные сооружения в виде больших курганов-оград и усы-

пальницы из огромных гранитных плит, врытых на ребро (Кзыл-Арай, Беласар, Казангап и др.). Крупные плиточные ограды типа Беласар являются прототипом бегазинских сооружений. Они отличаются от андроновских оградок гигантскими размерами, удвоенной и утроенной стенами в виде концентрического квадрата, а также наличием подпорок.

Для переходного периода весьма характерен тип низких шаровидных сосудов с плоским дном, сохраняющих в орнаменте принципы андроновской техники. Вместе с тем на этом переломном этапе форма и орнамент керамических сосудов претерпевают большие изменения, подготавливается почва для перехода к более совершенной форме керамического искусства. Появляются новые, ранее не известные орнаментальные мотивы. К ним относятся прежде всего заштрихованные ленты, опоясывающие большую часть тулова сосуда. Этот мотив, ставший господствующим в керамике бегазы-дандыбаевского времени, впервые обнаружен в группе Беласар (ограда 142, сосуды 3 и 4). Памятник еще сохраняет древнеандроновскую основу и в то же время дает материал о новообразовании.

Культура переходного этапа эпохи бронзы в Центральном Казахстане представлена большой серией памятников: Айшрак Б, Аксу-Аюлы II, Балакулболды II, III, IV, Беласар II, Байбала II, Ортау III, IV, Егизек I, II и т. д. Курганы-ограды переходного этапа встречаются на всей территории Центрального Казахстана: в долинах рек Нура, Шерубай-Нура, Талды-Нура, Аккойтас, Тундук, Жарлы, Акши, верховьях рек Сарысу (Жаман-Узен, Укрек), Токраун, Талды (в горах Кент и Бахты), Аппас (ур. Актерек, Борытас), Сары-Улен (северное предгорье Кзыл-Арай), Каршигалы, Казангап, Кусак, Даганда (в горах Кокшетау), Соранг, в горах Темирши, Бахты, Мыржык, Аркалык, Куу и т. д. Остановимся на их характеристике.

ПАМЯТНИКИ ПЕРЕХОДНОГО ЭТАПА ОТ АНДРОНА К ПОЗДНЕЙ БРОНЗЕ (XII—XI вв до н.э.)

Айшрак Б

Находится обособленно в северо-западной части большого комплекса с тем же названием, на возвышенном левом берегу р. Атасу, возле дороги, ведущей в пустыню Бетпакдала, в 95 км на северо-восток от рудника Каражал Жанаар-

кинского района Джезказганской области. В комплексе всего 102 оградки, сложенные из гранитных плит. Особую подгруппу составляют курганы-ограды, отличающиеся от основной массы безнасыпных оградок крупными размерами и формой в виде насыпного холма.

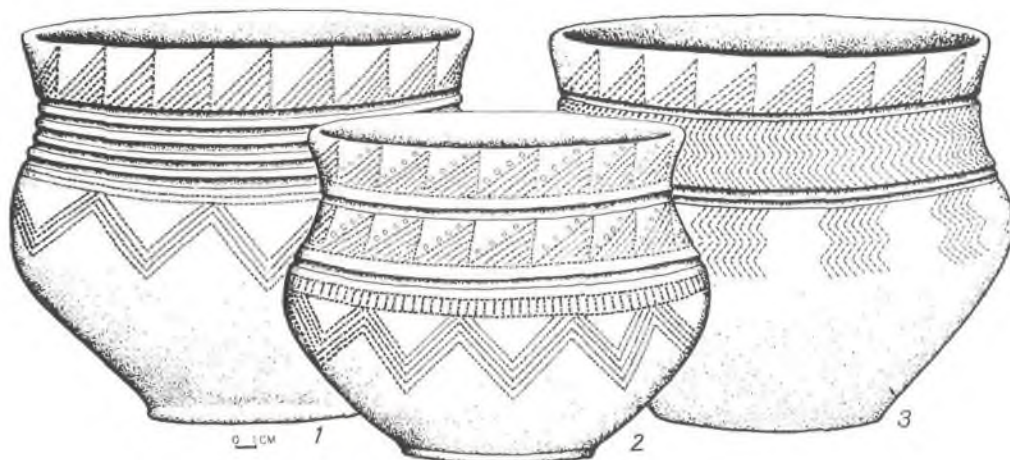

Рис. 30. Айшрак Б. Керамика из кургана-ограды 6(3) и II (1, 2)

В могильные Айшрак представлены памятники двух этапов бронзовой культуры: атасуского (средняя бронза) и переходного, являющегося преддверием бегазы-дандыбаевской культуры.

Из обширного комплекса памятников к переходному этапу относятся лишь девять курганов-оград. Все они разной величины и имеют каменные насыпи с кольцевой оградой из плит, врытых на ребро.

Курган-ограда 6 находится на северо-западном конце подгруппы и представляет собой курган полусферической формы с каменной насыпью и двойной кольцевой оградой. Диаметр кургана 14,6 м, высота 1 м. По основанию насыпи идет кольцевая ограда из плоских плит, врытых на ребро. По основанию вершины кургана сделана вторая кольцевая ограда из крупных обломков кварцита, положенных плашмя.

Внутри кольцевой ограды на глубине 1,6 м находится спаренный каменный ящик, ориентированный по линии ЗВ; размеры ящика 2,0х2,2 м. Интересно отметить, что южный ящик был пустой при всей хорошей сохранности памятника. В северном ящике, в северо-восточной его половине, на глубине 0,8 м находился полностью сохранившийся скелет женщины. Она была погребена в положении на спине с согнутыми коленями, кисти положены на таз².

По краниологическому определению В. В. Гинзбурга, скелет принадлежал пожилой женщине. Об этом говорит и захороненный с ней инвентарь. В юго-восточном углу ящика, у ног погребенной, стоял горшок и рядом с ним костяное пряслице и каменная терка. Пряслице в форме усеченного конуса изготовлено из круглой головки берцовой кости крупного животного. При разборе скелета под кистью правой руки (в области тазовой

кости) обнаружено второе пряслице круглой формы из речной гальки. Под ступней правой ноги лицевой стороной вниз лежала терка эллипсоидной формы. На лицевой стороне ее небольшое углубление, края закруглены и сверху имеют уплощенный вид. Около шейных позвонков погребенной собрано двадцать бусинок из цветного камня — змеевика. Две из них цилиндрической формы, остальные круглые, со сквозными отверстиями. Преобладают бусинки белого, напоминающего перламутр, а также изумрудного и бериллового цвета. Украшения из цветного камня не характерны для андроновской культуры Центрального Казахстана и Южной Сибири, а являются изобретением более позднего времени.

Кроме описанных предметов в оградке 6 найдены обломки трех сосудов с традиционным андроновским орнаментом (рис. 30).

Сосуд 1 встречен у восточной стенки ящика, против ступни погребенной, на глубине 85 см. Плоскодонный с шаровидным туловом и хорошо выраженной шейкой, он имел высокий венчик, несколько скругленный и отогнутый наружу. В тесте примесь дресвы в виде вкраплений кварцевых зернышек. В изломе сосуд черного цвета. Орнамент выполнен гребенчатым штампом в виде поясков: по венчику заштрихованные треугольники, по шейке и плечикам повторяющиеся елочки, которые в вертикальном положении как бы образуют зигзаги, — игра комбинации геометрических фигур. Пояски отделены друг от друга каннелюрами очень выразительного очертания.

Сосуд 2 — неполный, в виде обломков тонкостенного нарядного горшка, найден в северо-восточном углу ящика на глубине 90 см. Венчик высокий, прямой, слегка отогнутый наружу,

формован из хорошего теста с небольшими вкраплениями кварцевого песка. В изломе пепельно-серого цвета. Орнамент выполнен гребенчатым штампом и палочкой клиновидной формы, дающей размашистые оттиски. Сюжет — зигзаги (по венчику), ромбические фигуры, контуры которых образуют большие треугольники по тулову сосуда.

Сосуд 3 неполный, в виде крупного обломка тонкостенного сосуда, найден в западной части ящика на глубине 80 см. Он лежал венчиком вниз. Тесто хорошее, с примесью шамота и мелкозернистого песка. Внешняя поверхность темно-коричневая. Цвет в изломе пепельно-серый, по наружным краям желто-коричневый. Все три сосуда вылеплены в шаровидной форме, характерной для переходного этапа, но не андроновского времени.

Курган-ограда 7 расположен в северо-западном конце подгруппы. По структуре он сходен с предыдущим с той лишь разницей, что двойное кольцо вокруг насыпи сделано из крупных кварцевых блоков, положенных плашмя. Очевидно, кольцевое обрамление насыпи из белого кварца, создающее зрительный эффект, имело магическое значение. Характерно, что все курган-ограды этой подгруппы окольцованы белым кварцем. Диаметр 11 м, высота 0,65 м. Курган потревожен: на вершине имеется неглубокая воронка, очевидно, здесь брали камни для строительства. В глубине воронки видны верхние обнаженные края ящика. Тем не менее памятник сохранился в своем первоначальном виде.

Необычно устройство погребального сооружения. На двухметровой глубине были обнаружены двухэтажные ящики.

На глубине 1 м открылись массивные гранитные плиты, не тронутые грабителями. Оказалось, что эти плиты служили дном верхнего ящика и потолком (перекрытием) нижнего. Ящики ориентированы длинной осью по линии ЗВ. Верхний ящик, более крупный, имел подквадратную форму. Нижний в форме трапеции узкой стороной обращен к западу. В верхнем ящике человеческого скелета не было, он имел значение жертвенника. По продольной оси проходила перегородка, разделявшая его на две неравные части.

На дне большей части верхнего ящика на глубине 0,7—0,9 м обнаружено скопление золы толщиной в 15—18 см. Здесь же встречено значительное скопление костей домашних животных. В северной, малой части ящика обнаружен неполный скелет барана. Видимо, после погребения покойника в нижнем ящике совершался обряд жертвоприношения и поклонения огню. Скелет человека

найден в нижнем ящике, на глубине 0,7 м. Покойник лежал на спине с вытянутыми ногами, головой на запад-юго-запад. Возле скелета находились кости коровы, лошадиные зубы и лопатки, а также бронзовые бусы круглой и биконической формы, обломки бронзовой пронизки цилиндрической формы, орнаментированной поперечным рифлением.

На дне ящика собраны фрагменты сосуда с наlepным венчиком, который М. П. Грязнов называет воротничком и относит к послеандроновскому времени.

Курган-ограда 11 находится в южном конце подгруппы, возле дороги, ведущей из долины р. Атасу в Бетпакадалу, и представляет собой земляную насыпь высотой до 1 м.

В кургане три ограды из вкопанных на ребро гранитных плит, композиционно напоминающих трехлепестковую розетку. В каждой ограде обнаружено по одному ящику, и все они ориентированы длинной осью по линии ЗВ. Ящик западной ограды (1) обнаружен на глубине 0,8 м. Он имел форму трапеции. Ящик юго-восточной ограды (2) выявлен на глубине 0,9 м. На дне его в беспорядке лежали раздавленный череп и кости человека, обломки керамики, золотая булавочка на бронзовой основе с орнаментом. Ящик северо-восточной ограды (3) обнаружен на глубине 0,8 м. В нем найдены куски желтой охры, обломок второй золотой булавочки на бронзовой основе, обломки керамики и древесные угли, свидетельствующие об обряде трупосожжения. Интересно, что обгорелые человеческие кости лежали вместе с темно-фиолетовой массой органического происхождения. После расчистки пятна на дне ящика показались отпечатки ткани и следы жировых пятен. Надо полагать, что кремация покойника с его одеждой производилась здесь же, в ящике.

В курган-ограде 11 сохранились полностью три сосуда и один фрагментарно (рис. 30).

Сосуд 1 плоскодонный, с шаровидным туловом, венчик сравнительно высокий, слегка отогнутый наружу, шейка выражена достаточно четко. Сосуд 2 приземистый, плоскодонный с кольцом, венчик прямой, изгиб шейки выступает ясно. Крупным гребенчатым штампом нанесен орнамент в виде прямоугольных треугольников, заштрихованных крупной гребенкой: по шейке — канелюры тонкого профиля, по тулову — зигзаги в крупной манере. Сосуд 3 очень нарядный с кольцевым поддоном, сильно выступающими плечиками. Имеют общую форму с предыдущими. Орнамент выполнен из оттисков крупного гребен-

чатого штампа: по венчику — ряды заштрихованных треугольников, по горловине — каннелюры, которые чередуются с вертикальными оттисками гребенки в виде метопа, по плечикам — полуциркульные вдавления, по тулову — сложный меандр, оттиснутый гребенчатым щампом.

Среди находок имеются золотые украшения на бронзовой основе. В частности, в ограде 10 встречен обломок булавки длиной 14 см с одним заостренным концом. Стержнем предмета служит бронза, обтянутая тонким золотым листом. Этот предмет широко распространен по всему Центральному Казахстану и более характерен для культуры переходного этапа. В юго-восточной части курган-ограды 11 обнаружен фрагмент золотого рифленого украшения. Особый интерес представляет золотая булавка, сделанная ковкой на бронзовой основе. Булавка найдена рядом с черепом человека. Она имеет форму чайной ложки с круглой головкой и стержнем с заостренным концом. Вдоль стержня в трех местах нанесен рифленый орнамент, выполненный техникой тиснения. Золотое украшение не имеет аналогов в культуре бронзы других областей. Оно самобытно и характерно только для памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана. Нужно отметить, что многие из описанных предметов подгруппы Айшрак Б не встречаются в культуре андроновского времени; они типичны для переходного времени и ещё более характерны для бегазы-дандыбаевского круга памятников.

Егизек

Егизек был открыт в 1967 и предварительно исследован в 1968 г. Огромный некрополь состоит из двух подгрупп, сходных по структуре сооружений, обряду погребения и предметам культуры. Расположен он на равнине, окаймленной горами Кзылтау с юга, Алгабас с запада, Ортау с севера и Аба с востока, в 12 км к северу от центральной усадьбы совхоза «Кзылтау» Агадырского района Карагандинской области. В обеих подгруппах насчитывается 145 отдельных сооружений, в том числе один курган с «усами», три ограды с каменными изваяниями периода тюркского каганата, остальные целиком относятся к эпохе бронзы. Наиболее мощной является северная подгруппа, насчитывающая 105 оград.

В обеих подгруппах выборочно обследовано около 10 оград, из которых получен своеобразный керамический материал, показывающий, с одной стороны, сохранение андроновской тра-

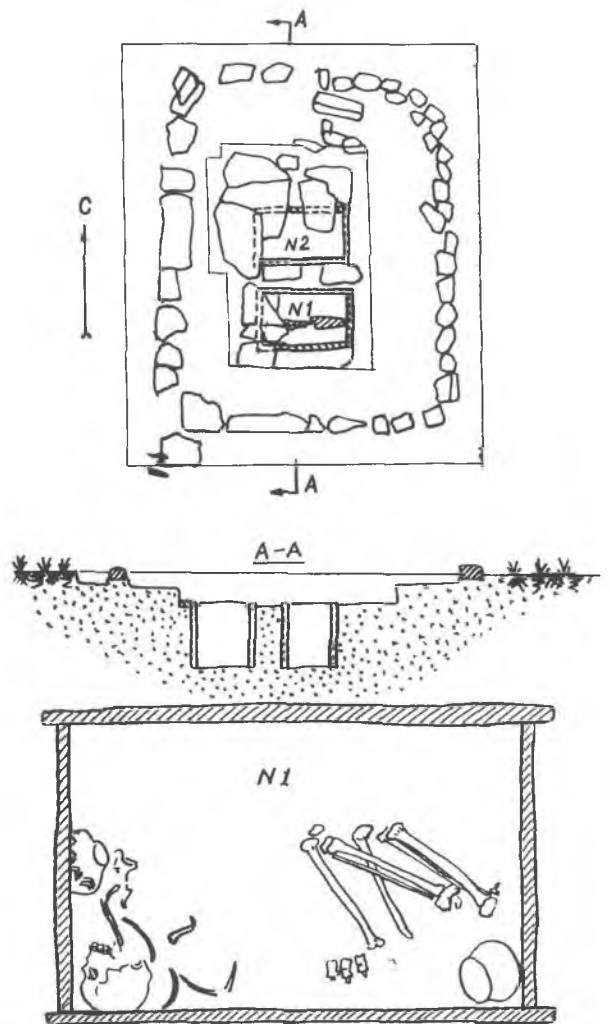

Рис. 31. Егизек I, ограда 23. План и разрез

диции, с другой — возникновение новых форм переходного типа, близких к бегазы-дандыбаевской керамике.

Ограда 23 находится в северо-западной части южной подгруппы (рис. 31).

В плане прямоугольное сооружение, выложенное из тонких плит и ориентированное длинной осью по линии СЮ. Размеры ограды 5,5х4,5 м. Внутри два каменных ящика, составленных из отесанных плит. Ящики сделаны очень тщательно, плиты плотно сомкнуты.

В южной половине ящика 1, на глубине 1 м, найден скелет взрослого человека, лежавший, по-видимому, на спине, с приподнятыми вверх коленями (рис. 31). У скелета стояли два горшка: один — в юго-восточном углу ящика, против человеческой ступни, другой — у западной стенки. Оба горшка целые, сходные по форме и орнаментации.

Рис.32. Егизек I, ограда 23. Керамические сосуды

Сосуд 3 типа миски с широким устьем обнаружен у западной стенки ящика 1. По форме приземистый, с раздутыми боками, кольцевым поддоном, изогнутой шейкой. Верхний край венчика уплощен и отогнут наружу. Формован из теста с примесью крупнозернистого песка. Поверхность светло-серая. Цвет в обжиге серый. Орнамент выполнен гребенчатым штампом, полукруглыми вдавлениями и рядами горизонтальных линий, которыми отделены пояски геометрических фигур верхней половины сосуда. Поясок по венчику составлен из заштрихованных треугольников, по шейке островерхие треугольники, обращенные вершинами друг к другу. По плечикам два ряда полукругов, ниже, по тулову, поясок из зигзагов, выполненных гребенкой. Донная часть отмечена заштрихованными треугольниками. Две каннелюры, проведенные по шейке между поясами геометрических фигур, усиливают общую композицию рисунка (рис. 32).

Сосуд 4 типа миски с широким дном найден в юго-восточном углу ящика 1. Он имеет низкую, объемную форму, изогнутую шейку с коническим поддоном. Верхний край венчика уплощен и отогнут наружу. В тесте примесь песка. Цвет в изломе желто-серый. Орнамент состоит из каннелюр по шейке, полукруглых вдавлений по плечикам и горизонтальных рядов ромбов по боковине. Рисунок нанесен крупными оттисками гребенчатого штампа (рис. 32).

Сосуд 5 в форме миски обнаружен в северном ящике. По профилю совершенно сходный с предыдущими: низкий, изящной раздутой формы, с кольцевым поддоном. Шейка очень выразительна, венчик сверху уплощен и отогнут наружу. В

тесте значительная примесь мелко толченого кварцевого песка. Внешняя поверхность розовато-коричневая, цвет в изломе желто-серый. Орнамент состоит из трех поясков: горизонтальных линий по шейке, двух рядов треугольных вдавлений и ряда зигзагов, сделанных оттисками гребенчатого штампа (рис. 32, 2).

Все сосуды типа мисок из ограды 23 по форме и орнаменту сходны. Главные их особенности — приземистость, раздутость боков, изящный профиль, выразительность рисунка, особенно горизонтальных линий, полукругов, зигзагов. По описанным признакам они аналогичны керамике Аксу-Аюлы II и Беласара, т. е. памятникам переходного этапа.

Ограда 2 группы II расположена в юго-западном конце северной подгруппы, возле дороги, ведущей от Агадыря в совхоз «Кзылтау». По плану это прямоугольное сооружение с закругленными углами, ориентировано длинной осью по линии СЮ, составлено горизонтальной кладкой из прямоугольных плит размером 4х3 м (рис. 33).

В центре циста. Характерно, что северная и южная стенки склепа сложены кладкой из сланцевых плит, а западная и восточная сооружены из плит, врытых на ребро. На дне камеры, на глубине 1 м прослежено пятно размером 0,7х0,4 м: следы обряда трупосожжения. В юго-западном и северо-западном углах стояли по одному горшку (рис. 34).

Сосуд 6 обнаружен в северо-западном углу, имеет форму миски с широким устьем, шаровидным туловом, коническим поддоном. Край венчика слегка уплощен и отогнут наружу. Формован из хорошего теста с примесью кварцевого

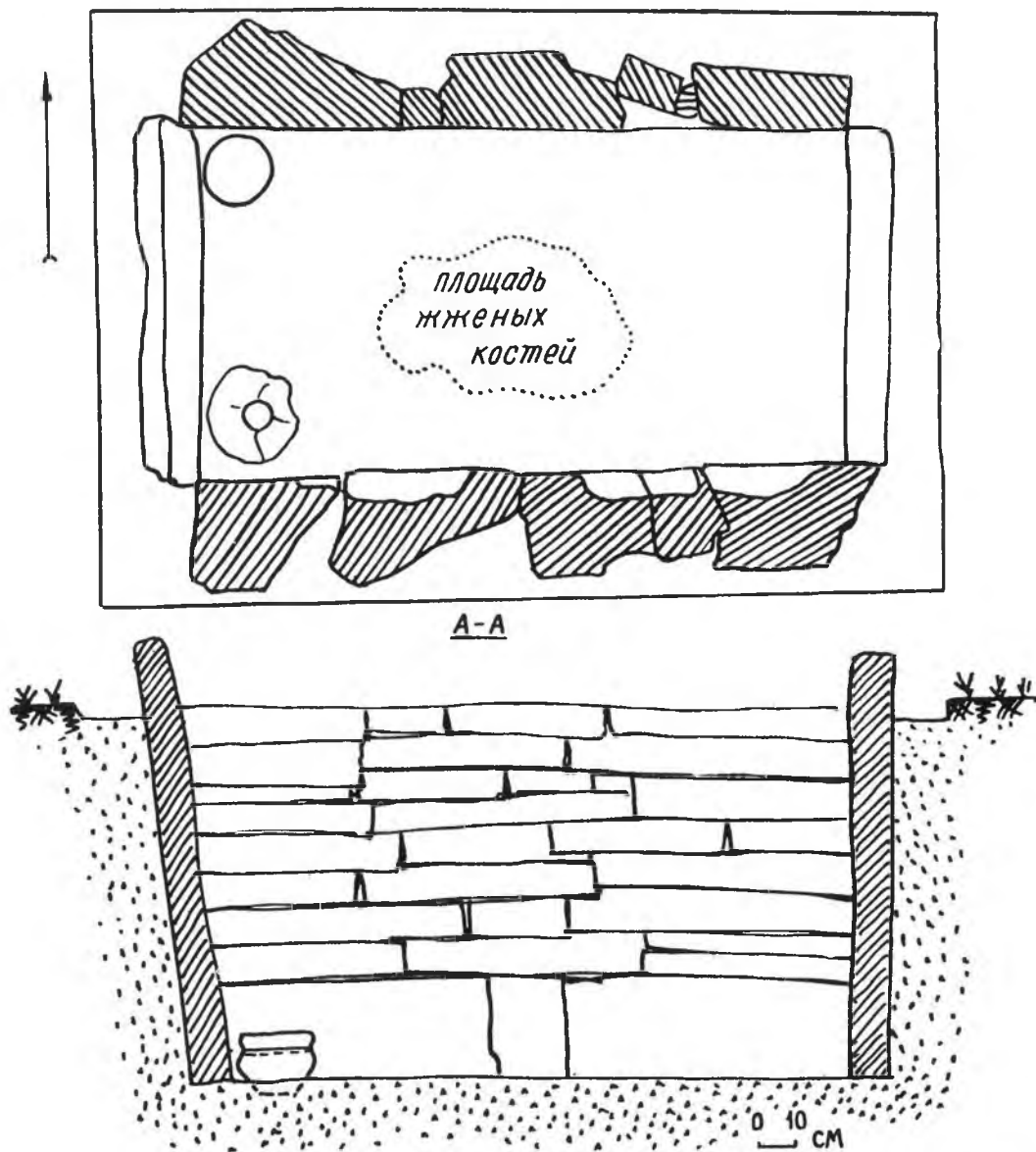

Рис. 33. Егизек II, ограда 2. План и разрез

песка. Поверхность розоватая с пятнами патины кремового цвета (от казеина). Цвет в изломе розовато-серый. На дне обнаружены органические остатки. Орнамент в виде крупных оттисков гребенчатого штампа: горизонтальные треугольники по шейке, желобки очень выразительного профиля, по венчику заштрихованные, по плечикам вдавления параболической формы, по тулову — поясok меандра (рис. 34, 1). Очень сходен с керамикой Аксу-Аюлы II, Ортау II.

Сосуд 7 в форме миски шаровидной формы обнаружен в юго-западном углу камеры. Тонкостенный, с широким устьем, налипным поддоном в виде кружка из глины. Венчик прямой, сверху

уплощенный и отогнутый наружу. В тесте примесь кварцевого песка. Поверхность светло-серая. Цвет в обжиге серый. Орнамент нанесен резной техникой. По венчику горизонтальные линии — каннелюры очень выразительного профиля, по шейке — вдавления параболической формы, по плечикам — зигзаги, выполненные гребенчатым штампом. Это единственный сосуд с налипным дном, близкий к уплощенной форме, встреченный в Егизеке II в серии керамики, носящей глубоко андроновские традиции (рис. 34, 2).

Сосуды с уплощенным или круглым дном появляются уже на переходном этапе, а в бегазинское время становятся ведущей формой и одним

Рис. 34. Егизек II, ограда 2. Керамические сосуды

из главных критериев датировки керамики поздней бронзы.

Ограда 15 (10) находится в юго-западной, обособленной части северной подгруппы, возле дороги. В плане это круг диаметром 8 м, составленный горизонтальной кладкой из бутового камня. Площадь круга засыпана небольшим слоем камней. Внутри круга — циста, выложенная из сланцевых плит и ориентированная длинной осью по линии ЗВ. На дне цисты следы обряда трупосожжения. В западных углах стояли два нетронутых горшка.

Сосуд 8 котлообразной формы с выпуклыми боками, кольцевым поддоном. Шейка выражена слабо. Верхний край венчика слегка уплощен и отогнут наружу. В тесте примесь мелкого песка. Цвет в изломе желто-серый. Рисунок выполнен гребенчатым штампом и размещен зонально. По венчику — косые заштрихованные треугольники, по шейке — сложные меандры, по тулову — меандр с треугольными фестонами. По всем признакам горшок типичен для керамики позднего андрона, однако вздутость боков приближает его к керамике переходного этапа.

Вообще по своему характеру егизековская керамика очень сходна с керамикой ортауской группы и вместе с ней составляет одно локаль-

ное звено культуры бронзы в Центральном Казахстане. Это вполне понятно, ибо егизековская группа расположена всего на 30 км южнее горы Ортау. Главную черту керамики этого района составляет неизменное участие штампа, дающего оттиски в виде параболы, полукругов или миниатюрных треугольных вдавлений. Эти элементы составляют непрменный компонент в общей композиции рисунка керамики района³.

Кружковые вдавления встречаются в керамике позднего андрона, но более характерны для переходного и более позднего этапов. Не случайно егизековская керамика по кружковому орнаменту аналогична памятникам переходного периода, в частности керамике Аксу-Аюлы⁴, Алексеевского и Садчиковского поселений⁵, Малой Красноярки, датируемой XIII—IX вв. до н. э.⁶, даже керамике Карасука⁷ и замараевской культуры⁸.

Все это — лучшее доказательство синхронности памятников егизековской группы с керамикой переходного этапа. В то же время комплекс Егизек сохраняет андроновскую традицию. Это видно в устройстве погребальных сооружений и в форме керамики. Однако сквозь эту устойчивую традицию просматривается появление новых элементов, не свойственных андрону. Об этом свидетельствует большая пестрота форм керамических изделий. Наряду с явно андроновскими горшками появляются изящные приземистые сосуды с шаровидным туловом и элегантной шейкой. На андроновской основе возникают новые бытовые сосуды. Это круглые чашки, миски, вылепленные по особому шаблону. Причем характерно, что древний мастер, создавая новый тип глиняной посуды, еще не оторвался от андроновской традиции, не пренебрег старыми навыками. Об этом более выразительно говорит зональное размещение орнамента по шейке, плечикам и тулову.

Беласар Б

Беласар — один из крупнейших памятников эпохи бронзы в Центральном Казахстане (рис. 35).

Этот огромный некрополь возник на высшем этапе развития бронзовой культуры в Центральном Казахстане, когда в связи с интенсивным развитием яйлажного скотоводства и горно-металлургических промыслов возникла необходимость осваивать новые пастбищные угодья. По месту расположения Беласар являлся своеобразным трамплином, исходным пунктом при переходе через пустыню на юг, в долины рек Чу и Сырдарьи. Он расположен на равнине, окруженной

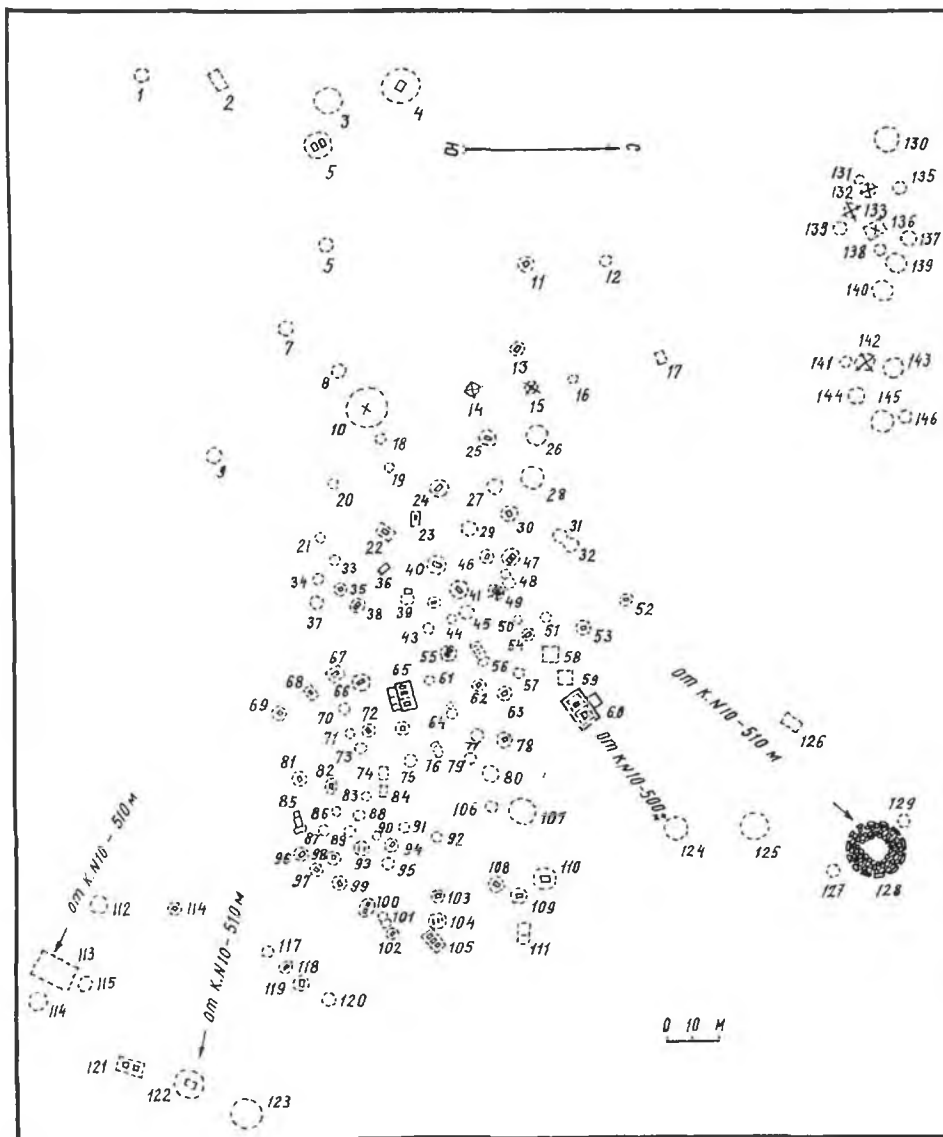

Рис. 35. План могильника Беласар

горами Тайаткан (с юга), Шунак (с запада), Арат-Ушкызыл (с севера), в 45 км к северо-западу от ст. Моинты и в 20 км к северо-западу от ст. Киик Карагандинской ж. д. Комплекс Беласар и соседние с ним памятники северных предгорьев Тайаткан и Шунак составляют южную границу распространения культуры бронзы Центрального Казахстана. Эта граница идет хорошо очерченной линией в широтном направлении от р. Моинты к западу до гор Мунглы и Кулы, в виде выступающих на поверхности земли каменных оград, расположенных в долинах пустынных рек Батпаксу (Сары-Булак), Шажагай, Атасу и Карасай (Коктас). Единичные памятники эпохи бронзы встречаются южнее, в северной Бетпакдале, в горах Койлыбай Булат, Ергенекты-Пстан, Мый-Кайнар,

Урдашагыл, Айбат, в барханах Жеты-Конур. Указанные районы знаменательны тем, что здесь встречаются древние выработки с кратковременными стоянками Коскудук, Мый-Кайнар, Шалкия, места заготовок кремневых орудий (р. Жидели), добычи цветных камней (Болаттау).

Комплекс Беласар раскинулся на площади 42 га на равнине, вблизи древнего родника, который и сейчас является местом летних стоянок чабанов. В нем насчитывается 150 отдельных сооружений в виде больших оград и курганов с кольцами из плит, врытых на ребро. Беласарский комплекс исследован нами в 1957 и 1968 гг. Тогда же снят генеральный план всего могильника.

В комплексе имеются памятники разных пери-

Рис. 36. Беласар. Типы оград

одов эпохи бронзы. Основную часть их составляют ограды атасуского этапа (средней бронзы). Характерно, что они находятся в самом центре комплекса, тогда как по периферии расположены памятники более позднего времени. Вместе с

тем по устройству могильных сооружений, по обряду, а также керамике беласарские памятники прочно сохраняют типичные черты андроновской культуры. Здесь еще господствуют безнасыпные ограды прямоугольной и овальной фор-

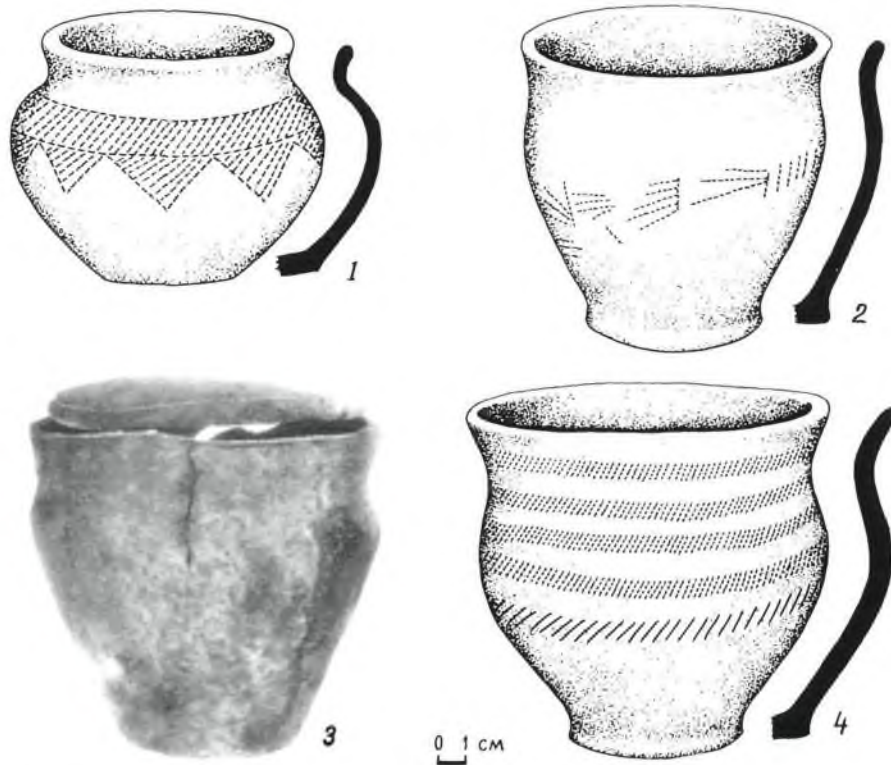

Рис. 37. Беласар. Керамика переходного этапа: 1, 4 — из ограды 6; 2 — из ограды 3(24); 3 — из ограды 60

мы, составленные из гранитных плит, врытых на ребро (рис. 36).

Среди них имеются вытянутые прямоугольные ограды с поперечными делениями, при помощи которых создавалась сложная сеть оградок. Кроме того, по бокам сделаны дополнительные пристройки, представляющие собой детские погребения.

Более поздние памятники, типичные для переходного этапа, расположены несколько в стороне и отличаются от подлинно андроновских крупными размерами. Основную массу памятников переходного этапа составляют большие четырехугольные ограды с четкими углами, зачастую сдвоенные или строенные в виде концентрических квадратов.

Характерной формой погребальных сооружений переходного этапа являются курганы-ограды, большой насыпной холм с кольцевым окружением из крупных плит, установленных на ребро. Раскопками двух курганов-оград установлено, что по инвентарю они сильно отличаются от традиционно андроновских. В огромном комплексе Беласар таких курганов-оград около десяти. Тип погребального сооружения совершенно другой, не свойственный памятникам средней бронзы. Подобно памятникам Аксу-Аюлы, Ортау III и Байбала, гробница представляет собой мо-

нументальное сооружение, сложенное из бутового камня способом горизонтальной кладки. В этих сооружениях уже видны зачатки более грандиозных построек типа Бугулы III, Бегазы и Санг-ру III. Эти новые формы сооружений постепенно вытесняют традиционные андроновские круги и овалы, которые к концу второго тысячелетия совершенно исчезают из строительной традиции.

Результаты исследования ранних и поздних памятников комплекса Беласар позволяют судить о длительном соревновании в одной и той же среде двух форм материальной культуры: старой и новой. Материалы показывают, что ближе к концу средней бронзы всё больше проявляется тенденция постепенного изменения структуры древних погребальных сооружений, ремесленных изделий и особенно керамики. Характерно, что в одной и той же ограде (5, 6) встречены сосуды типично андроновские и совершенно новые, доселе не известные в памятниках ранней и средней бронзы Центрального Казахстана (рис. 37).

Ограда 3 (24) подквадратно-округлой формы, без насыпи, расположена в западной части некрополя, в 35 м к северу от ограды 4. Составлена из крупных плит гранита, врытых на ребро. Размеры 4x4 м. Внутри ограды два спаренных ящика, ориентированных длинными осями по линии СВ — ЮЗ (рис. 38).

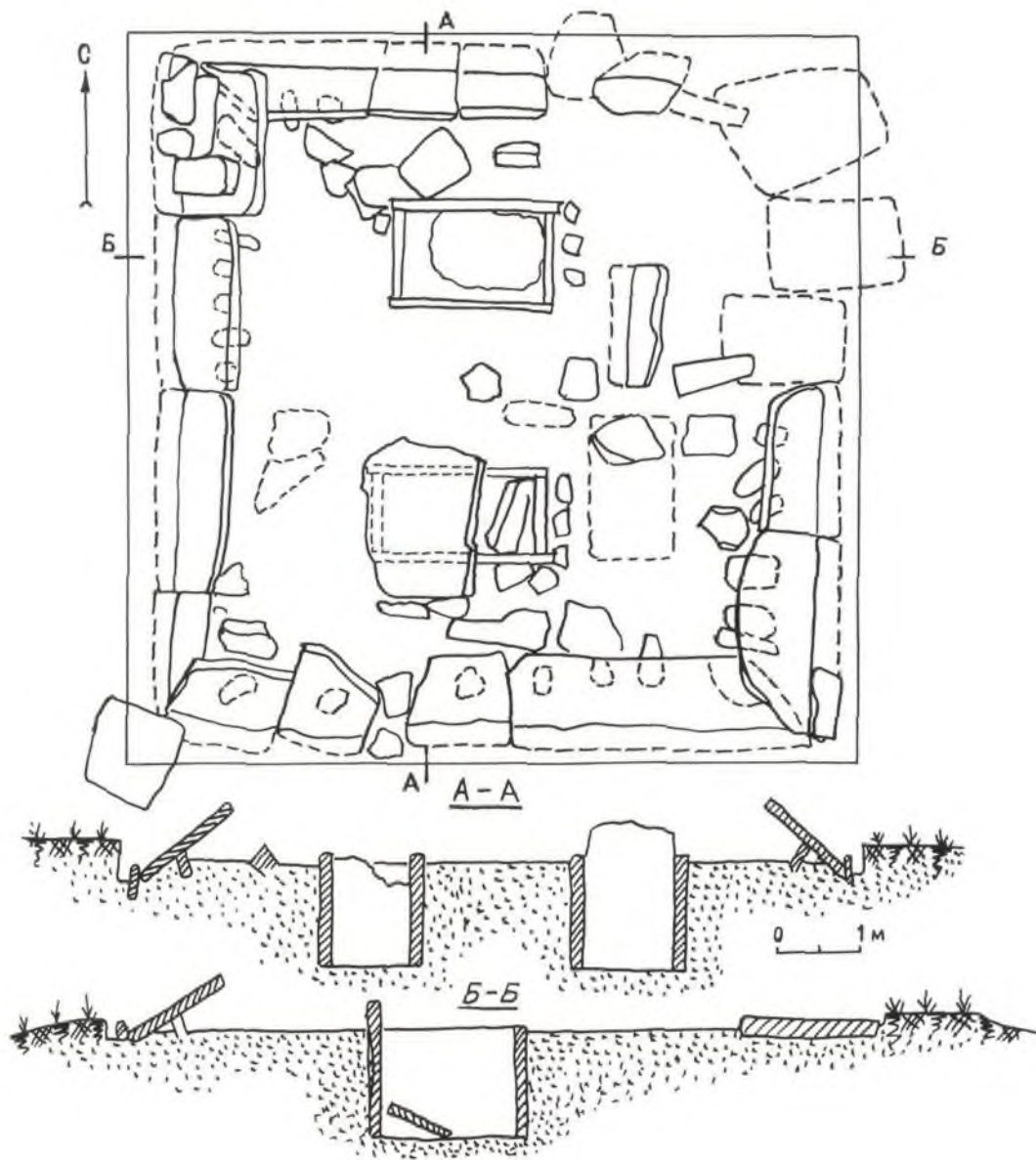

Рис. 38. Беласар. План и разрезы ограды 3 (по плану 24)

Ящики небольшие, размеры южного 1,25x0,7 м, северного 1,15x0,7 м, глубина 0,5 м. В южном ящике обнаружены кальцинированные кости ребенка. У северной стенки северного ящика находился целый глиняный сосуд, у западной — обломки сосуда.

Сосуд 1, по форме близкий к баночным, имеет кольцевой поддон, венчик прямой, уплощенный, слегка отогнутый наружу. В тесте примесь толченого камня. Поверхность светло-серая, без лощения. Цвет в обжиге темно-серый (рис. 37, 2). Орнамент — слабо выраженные оттиски гребенчатого штампа, нанесенные без особой строгости. Рисунок совершенно своеобразный и доселе неизвестный, отличающийся от традиционного

орнамента как композиционным построением, так и местом расположения: рисунок в виде расходящихся лучей опоясывает тулово ниже плечиков. Это явный отход от традиционного геометрического принципа, который приводит к коренному изменению формы керамического искусства средней бронзы. Мы не находим аналогов орнамента в известных памятниках эпохи бронзы.

Ограда 4 (17) расположена в северо-западном конце некрополя, в обособленной подгруппе, в 100 м от основного комплекса. Представляет собой двойной квадрат, составленный из крупных плит гранита, установленных на ребро (рис.39).

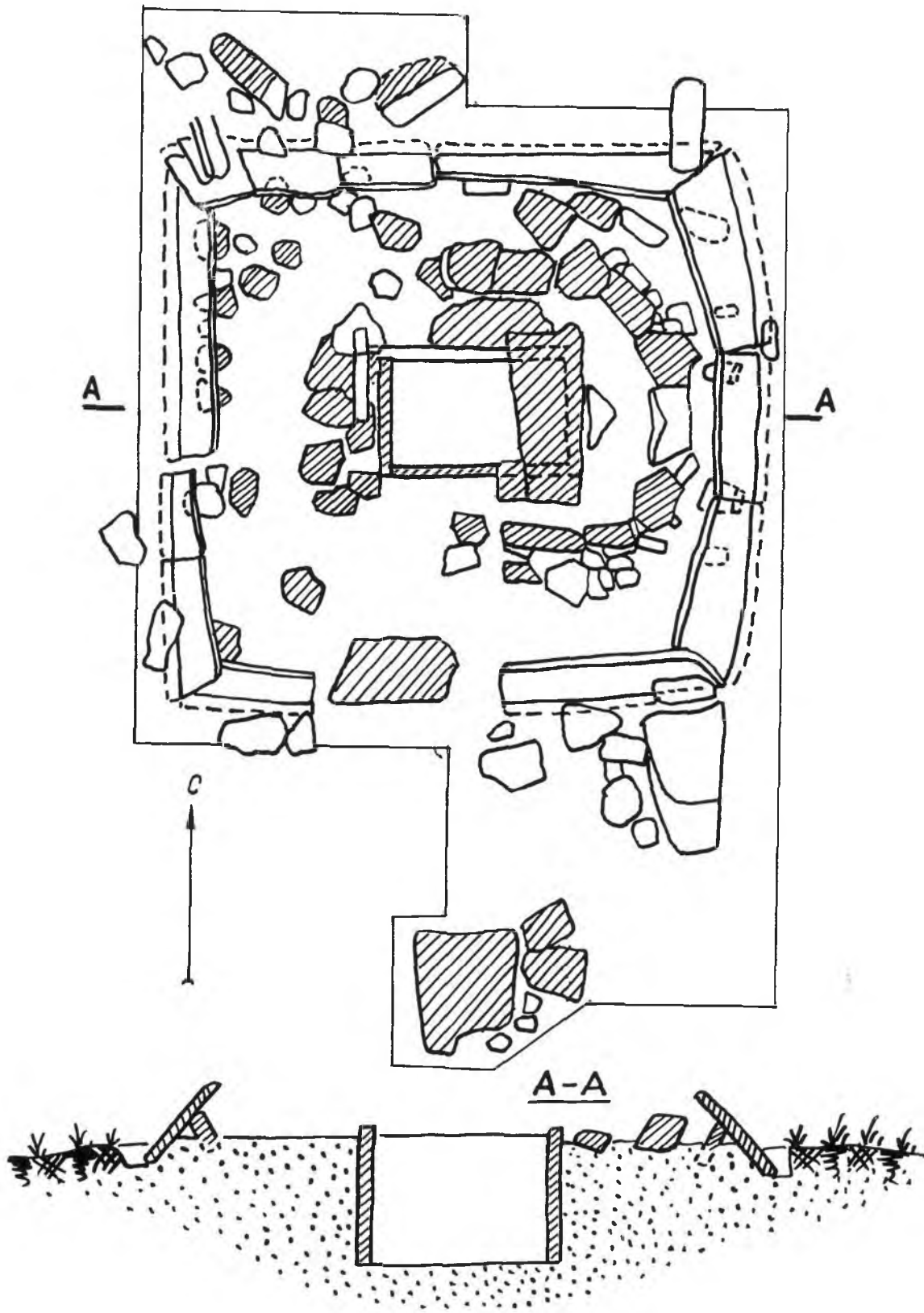

Рис. 39. Беласар. План и разрез ограды 4 (по плану 17)

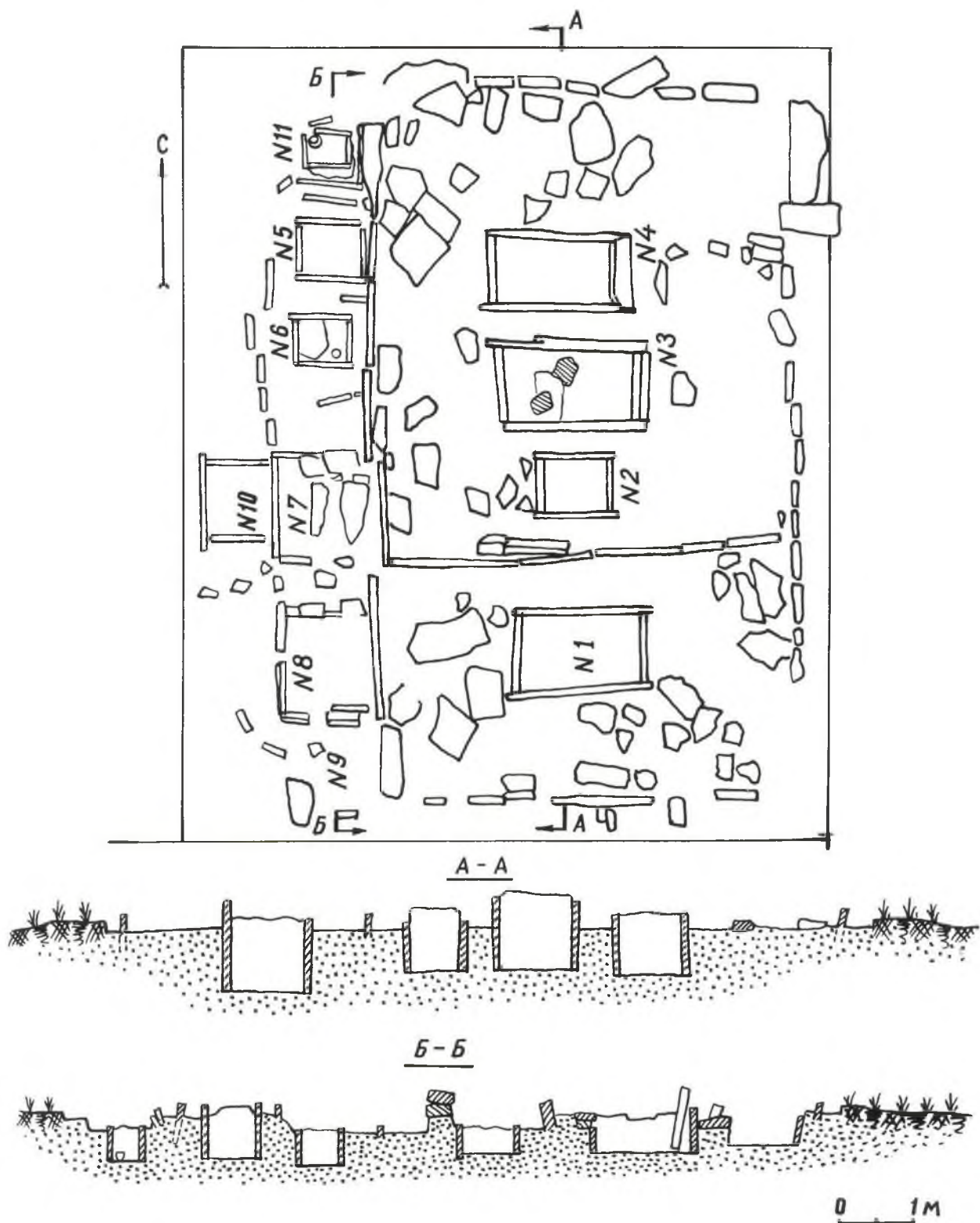

Рис. 40. Беласар. План и разрезы ограды 5 (по плану 65)

Это одна из крупных оград (8x1 м). Каждая плита подкреплена мощными подпорками из каменных блоков, врытых на ребро. Таких подпорок около 40. Внутренний квадрат сильно разрушен грабителями, о его очертании некоторое представление дает лишь его восточная половина. В центре ограды расположен большой каменный ящик, ориентированный длинной осью по линии ЗВ. Ящик перекрыт хорошо отесанными плитами со сравнительно глубокими пазами в двух концах, в которые вставлялись верхние края ящика. Инвентарь ограды расхищен.

Ограда 5 (65) расположена в центре некрополя, в 100 м к востоку от ограды 10. По устройству погребального сооружения, обряду и инвентарю ограда еще носит глубоко архаический характер, связанный с андроновской традицией. Об этом говорит и ее находение. В то же время архитектура сооружения и керамика имеют некоторые новые черты. По всем признакам ограда характеризует поздний этап средней бронзы.

В плане это вытянутый прямоугольник, разделенный посередине перегородкой, с боковыми пристройками (рис. 40). Вместе они составляют сложную сеть оград общей площадью 9,6x9 м. Основная ограда находится в восточной половине прямоугольной сетки. Ее размеры без пристроек 9,6x6,2 м. Ограда разделена перегородкой на две части: южную и северную. В южной части по центру ограды размещен каменный ящик (1) трапециевидной формы, ориентирован-

ный длинной осью по линии ЗВ. В северной, большей части, с юга на север расположены три каменных ящика: малый (2), средний (3) и северный (4). Кроме ящиков в большой ограде у жертвенных мест в виде выкладок округлых форм находились остатки трапезы. В западных пристройках находились исключительно погребения подростков и младенцев. Здесь всего семь каменных ящиков, из них 5, 6 и 11 ориентированы длинными осями по линии ЗВ; 7, 8, 9 и 10 — по линии СЮ. При полной зачистке установлено, что в ящиках 1, 2 и 3 (в большой ограде) и в ящике 7 западной пристройки произведен обряд трупосожжения. Кроме того, на дне ящика 6, на глубине 1,4 м, обнаружена тонкая сланцевая плита размером 3x5 см, под которой открылись остатки сильного костра в виде плотных слоев древесных углей толщиной 5–6 см. В западной половине дно ящика сильно прокалено. Это говорит о том, что кремация происходила в самом ящике. В ящиках 4, 5, 9, 10 и 11 кости не сохранились. О погребальном обряде ясное представление дает скелет подростка, обнаруженный в пристройке, в ящике 7 (рис. 41).

Скелет, полностью сохранившийся, лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на запад. У головы покойника стояли два глиняных сосуда: плошка — в юго-западном конце, против затылка, и горшок — в северо-западном конце, против лба. Горшок был закрыт. Крышкой служил обломок боковины большого сосуда, орнаментированного горизонтальными лини-

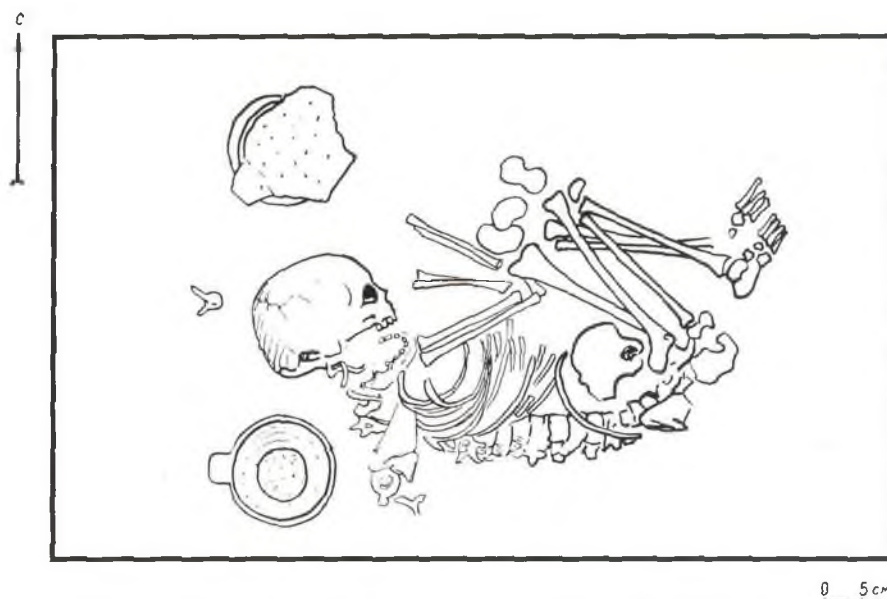

Рис. 41. Беласар. Ограда 5, ящик 7. Погребение в скорченном положении на левом боку

ями (по шейке) и гладким штампом из зигзагов.

Сосуд из детского погребения 7 плоскодонный, без орнамента, с уступом на плечиках, с несколько изогнутой шейкой. Край венчика округлен и слегка отогнут наружу. Формован из грубоватого теста с примесью песка, в обжиге черного цвета.

Особый интерес представляет глиняный сосудик, вылепленный в виде плошки или круглой чашки, расширяющейся кверху, с прямой непетельчатой ручкой сбоку (рис. 42).

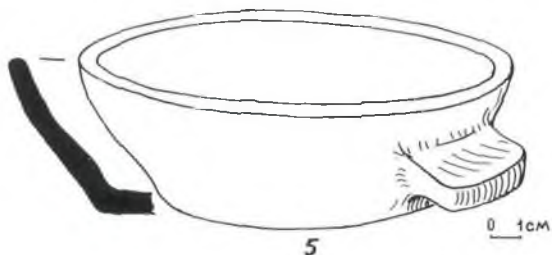

Рис. 42. Глиняная чаша с ручкой из ограды 5 (65)

Сосудик без орнамента, стенки прямые, толстые, дно плоское. Длина ручки 2,7 см, ширина 3,7 см. Изготовлен из плотной глины с примесью мелкого песка. Обжиг средний, в изломе темно-серого цвета. Сосудик такой формы пока единственный. Чашеобразные сосудики с ручкой встречаются в культуре бронзы, например, в срубной, но носят совершенно другой характер⁹.

Сосудики типа плошек часто встречаются в памятниках более позднего времени, особенно в гунно-сарматском кругу памятников¹⁰. Однако формы их иные¹¹.

Отмечается некоторое сходство сосуда из ограды 5 с плошкой из мрамора, найденная в памятниках Нижнего Поволжья, однако у последней — округлые стенки с отогнутым наружу венчиком и стилизованная ручка в виде животного¹².

Определенную близость наша плошка обнаруживает только с плоским ковшеобразным сосудиком с прямой ручкой, который хранится в Семипалатинском краеведческом музее¹³. По форме и размеру эти сосудики весьма сходны между собой и различаются лишь материалом, из которых изготовлены: плошка Беласара — из глины, семипалатинская — из рога лося. Небольшая разница имеется в размерах ручек. Плоские глиняные сосудики с прямыми ручками описаны также О. Мантелиусом, но относятся они к более позднему времени¹⁴.

По Б. А. Куфтину в детские погребения вместо второго кувшинчика клали маленькую кубышку с ручкой¹⁵. Кубышка относится к более по-

зднему времени и с нашей плошкой имеет возможно, генетическую связь. Тип плоского сосуда круглой формы с прямой или круглой ручкой под названием «сапты-аяк» (чаша с ручкой) долго бытовал у казахов и был принадлежностью пастуха. Из такого же сосуда кормили детей.

Ограда 5 (65) оказалась богатой находками. Здесь из разных ящиков извлечено 12 глиняных сосудов и много бронзовых украшений. Наибольшее количество находок приходится на детские погребения. В большинстве погребальных ящиков инвентарь находился в хаотическом состоянии. Судя по украшениям, в ящике 3 погребена женщина, а в ящике 4 — мужчина. Вполне вероятно, что они составляли семейное ядро. Не случайно в одной ограде со взрослыми погребены и дети.

Вернемся к характеристике керамического материала.

Сосуд 3 вылеплен в форме изящного тонкостенного сосуда типа кувшина. Фрагмент его встречен на дне ящика 3 вместе с бронзовыми браслетами. Плоскодонный, с шаровидным туловом, прямой и слабо выраженной шейкой, с венчиком, слегка отогнутым наружу, он формован из упругой глины с примесью мелкозернистого песка. Цвет в обжиге розовато-серый. Орнамент состоит из двух поясков — горизонтальных линий изящного профиля, идущих по венчику и ниже, и сочетания наклонных линий, рельефно прочерченных оттисками гладкого штампа палочки.

Сосуд 4 неполный, типа большого горшка. Найден в ящике 4, в котором погребен глава семьи, на глубине 0,7 м. Сосуд плоскодонный, толстостенный (толщина 1,1 см), отличается высокой, выразительной шейкой, выпуклым венчиком, отогнутым наружу. Изготовлен из теста с примесью песка. Цвет в обжиге светло-серый. Орнамент в виде двух широких каннелюр опоясывает шейку.

На дне этого же ящика встречен второй неполный сосуд (5), почти такой же, как предыдущий: плоскодонный, толстостенный, типа большого горшка, с венчиком, отогнутым наружу. Формован он из плотной глины с примесью кварцевого песка. Цвет в обжиге розовато-серый. Орнамент их трех широких каннелюр окружает венчик.

Кроме керамики в четвертом ящике обнаружено каменное рудодробильное орудие, имею-

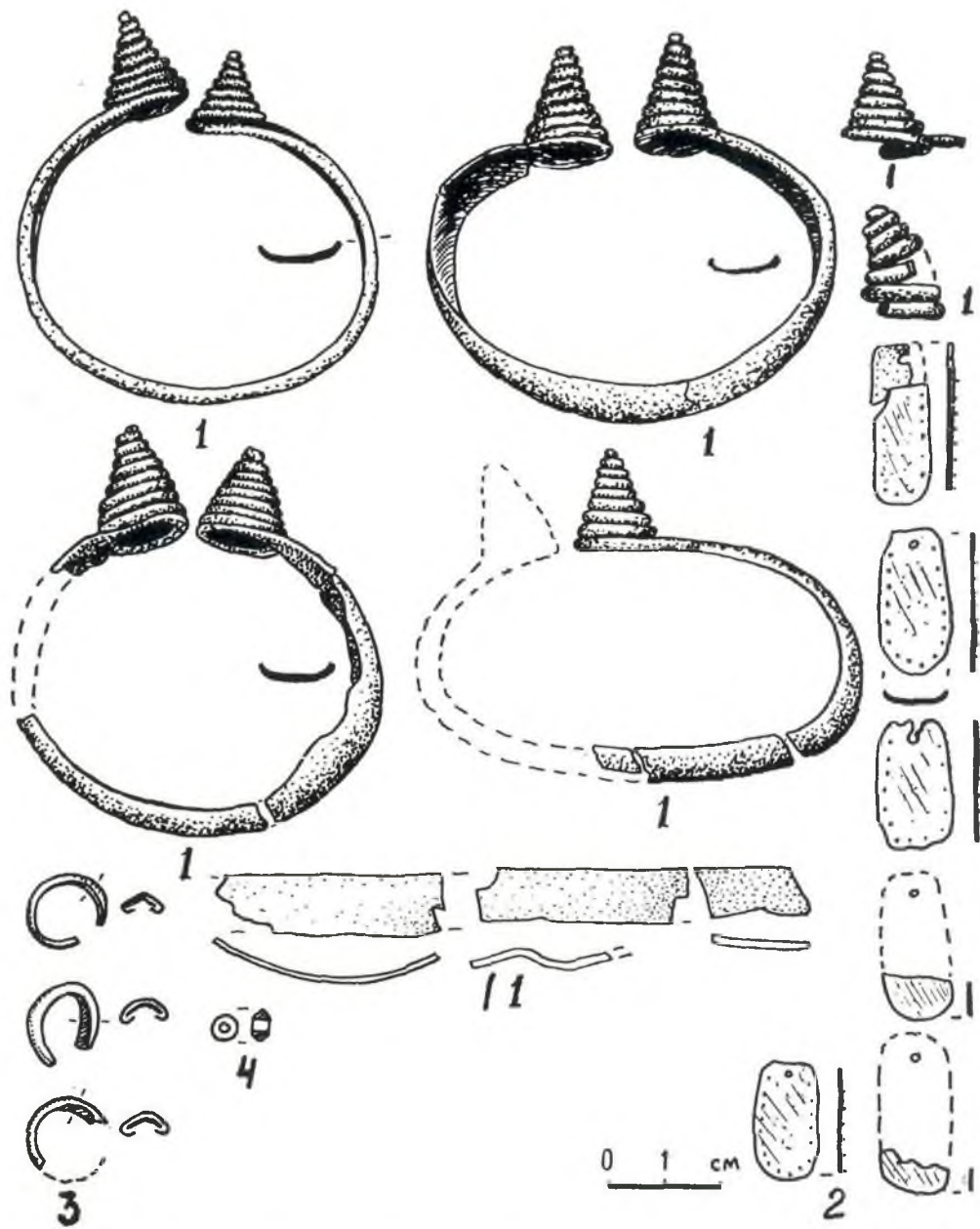

Рис. 43. Беласар. Находки из ограды 5 (65); 1 — бронзовые браслеты и их обломки; 2 — бронзовые нашивные бляшки; 3 — бронзовые серьги; 4 — бронзовые бусы

шее в сечении ромбовидную форму. Нахождение этого орудия в мужском погребении указывает на то, что человек имел отношение к рудному делу и выплавке металла.

Сосуд 6 раздавленный, обнаружен в детском ящике 6. Сильно пропитан копотью, толстостенный, без орнамента, типа котлообразного сосуда с кольцевым поддоном, шаровидным туловом. Венчик прямой, округленный и слегка отогнутый наружу. Шейка выражена слабо. Формован из грубого теста с примесью мелкого песка. Поверх-

ность черная с пятнами, цвет в изломе пепельно-серый. Нахождение большого котлообразного сосуда в детском погребении не типично для андроновской традиции.

Сосуд 7 в виде обломка венчика встречен в детском ящике 8 вместе с обугленными костями младенца. Фрагмент тонкостенного изящного сосуда с прямым венчиком без выраженной шейки. Сделан из хорошего теста с примесью мелкого песка. Поверхность желто-коричневая. Цвет в изломе светло-коричневый. Орнамент по венчи-

Рис. 44. Беласар. Вид кургана-ограды 6 (42)

ку сделан гладким штампом в виде косых, хорошо прочерченных линий. Сосуд 8 целый, без орнамента, найден в детском ящике 9 в юго-восточной части. Он баночной формы, небольшого размера. Венчик прямой, уплощенный, слегка отогнутый наружу, шейка выражена слабо. Формован из теста с примесью кварцевого песка. Поверхность сплошь покрыта патиной, цвет в изломе черный. Сосуд сохраняет традиционную форму андроновских, вместе с тем в нем уже прослеживается тенденция изменения профиля, в частности уплощение венчика и некоторое расширение тулова. Сосуд имеет стройную и волнистую линию профиля, зачатки шейки, в то время как у традиционно андроновских стенки строит о прямые, без изгиба шейки, завершаются выпуклым венчиком.

Сосуд 9 в виде фрагмента найден в северо-западном углу детского ящика 10. Плоскодонный, тонкостенный, типа изящного горшка с шаровидным туловом. Прямая шейка резко переходит в тулово. Приготовлен из теста с примесью кварцевого песка. Цвет в обжиге коричневый. Орнамент нанесен крупным гребенчатым штампом, характерным для переходного перио-

да, и состоит из двух поясков: сочетания горизонтальных линий и зигзагов (по шейке) и заштрихованных равнобедренных треугольников — черты будущей бегазинской керамики.

Сосуд 10 обнаружен в северо-западном углу детского ящика 11. Сосуд баночной формы, толстостенный, с кольцевым поддоном, хорошо выраженной шейкой, уплощенным венчиком, отогнутым наружу. В тесте примесь мелкого песка. Цвет в обжиге темно-бурый. Орнамент грубый, сделан наспех. По венчику — косые, треугольные вдавления, по плечикам — зигзаги, выполненные гладким штампом. Профиль сосуда несколько отличается от обычных андроновских.

Сосуд 11 встречен на дне детского ящика 11. Это крупный обломок (венчик с боковиной) кувшинообразного сосуда, с прямой, высокой шейкой, плавно переходящей в плечики. Край венчика несколько уплощен и отогнут наружу. Вылеплен ленточной техникой из теста с примесью мелкого песка. Поверхность лощеная, сильно патинизирована. Цвет в обжиге серый. Орнамент выполнен крупными оттисками гребенчатого штампа в виде косых заштрихованных треугольников, горизонтальных желобков и цепочки заштрихованных ромбиков.

Кроме керамики в ограде 5 (65) неплохо сохранились и изделия из металла (рис. 43).

Особый интерес представляют четыре массивных бронзовых браслета с конической спиралью, найденных в женском погребении: три — в восточной половине ящика 3, один — в юго-западном углу. Здесь же обнаружены три бронзовых колечка, обернутые листовым золотом, и бронзовая бусина биконической формы. Браслеты с конической спиралью найдены и в ограде 7. Они массивны, изготовлены ковкой в виде выпукло-вогнутой пластины с несомкнутыми концами. В каждом таком конусе имеется по девять винтообразных завитков, образующих волнистый ряд вокруг оси. Браслеты подобного типа широко распространены в памятниках атасуского этапа.

Аналогичные браслеты впервые были найдены В. И. Каменским на Малом Койтасе, затем М. П. Грязновым¹⁶ в Актюбинской области, Б. Н. Граковым в урочище Каратугай (на р. Ори), О. А. Кривцовой-Граковой в погребении близ Алексеевского поселения (верховье Тобола), а также Центрально-Казахстанской археологической экспедицией при раскопках комплексов Айшрак¹⁷, Сангру II (верховье р. Атасу)¹⁸, Беласар и др. Все браслеты эпохи бронзы из могильников Центрального Казахстана однотипны. Только в группе Сангру II обнаружены браслеты со сдвоенной пластинкой, что позволяло утроить коническую спираль. Очень сходны с ними браслеты из Актюбинских степей, Урал-Сая¹⁹, Каратугая²⁰ и верховьев Тобола²¹.

Весьма сходные, но более поздние варианты браслета с коническим завитком встречены в верховьях р. Чирчик, в погребениях у с. Искандер²² в Саратовской области²³ и в Томском могильнике времени большебереченской культуры (VII—VI вв. до н. э.)²⁴.

Отдаленные аналогии имеются также в алакульских памятниках Южного Урала²⁵, в памятниках кобанской культуры Северного Кавказа²⁶ и Крыма²⁷.

В Центральном Казахстане бронзовые браслеты с конической спиралью более типичны для атасуского этапа андроновской культуры. Наиболее ранние их прототипы найдены в группе Сангру II, относящейся к переходному этапу от ранней к средней бронзе.

Ограда 6 (42) находится в северо-западной подгруппе, в 60 м от основного комплекса. В плане это круг диаметром 7 м, выложенный горизонтальной кладкой из сланцевых плит высотой до 0,4 м (рис. 44).

Общая площадь 49 м². Внутри, у южной и северной стен круга, находились каменные выкладки, имевшие значение алтаря. В центре круга расположена циста, выложенная также из сланцевых плит четкого прямоугольного очертания. Кладка сделана очень тщательно, ровными рядами, как по линейке, с перевязкой швов, с напуском и постепенным сужением кверху. Благодаря этому циста в основании шире, в верхней части уже. Циста ориентирована продольной осью по линии ЗВ. Скелет человека не обнаружен. Возможно, здесь совершен символический обряд по умершему на чужбине воину. Следы ограбления не наблюдаются. Все обрядовые предметы находились на своем месте. В юго-западном углу цисты, на глубине 1,15 м, встречены четыре целых сосуда, рядом с ними кости барана.

Сосуд 1 найден у восточной стены ящика. Сосуд с кольцевым поддоном, хорошо выраженной шейкой, выпуклыми плечиками. Верхний край венчика уплощен и отогнут наружу. Тесто с примесью кварцевого песка. Поверхность розоватая с пятнами, в изломе красного цвета. Орнамент идет тремя поясками: по венчику — заштрихованные треугольники, по шейке — горизонтальные линии, по плечикам — рисунок елочкой и зигзагом выполнен очень тщательно. В технике нанесения орнамента применены два типа штампов — гребенка (для треугольников) и гладкий штамп палочкой.

Сосуд 2 обнаружен в северо-западном конце цисты. Сосуд типа тонкостенного горшка с кольцевым поддоном, изогнутой шейкой и некоторой выпуклостью плечиков. Венчик уплощенный, отогнутый наружу, с косыми насечками по верхнему плоскому краю. В тесте примесь песка. Поверхность темно-коричневая. Цвет в обжиге темно-серый. Орнамент выполнен крупным гребенчатым штампом. Рисунок — заштрихованные треугольники, опущенные вершинами вниз. Треугольные фигуры выполнены контрастно, выразительно, в крупной композиции, опоясывают шейку и часть плечиков. Между ними — миниатюрные треугольные вдавления и оттиски горизонтальной линии.

Сосуд 3, найденный в юго-западном углу цисты, тонкостенный, нарядный, с кольцевым поддоном, изогнутой шейкой и шаровидным туловом. Венчик уплощен и отогнут наружу. Формован из хорошего теста с примесью мелкого песка. Поверхность темная, цвет в обжиге черный.

Орнамент выполнен из узорных лент, заштрихованных наклонными оттисками гребенчатого штампа, которые четырьмя поясками окружают шейку и плечики; пятый, нижний, ряд, опоясывающий тулово, сделан гладким штампом, также в наклонной композиции. Это наиболее раннее появление заштрихованной ленты в орнаменте, в эпоху Бегазы — Дандыбая (поздней бронзы) она становится одним из ведущих элементов украшения керамики.

Сосуд 4 находился в северо-западном углу цисты. Сосуд в форме миски, тонкостенный, с шаровидным туловом, короткой, сильно изогнутой шейкой, резко переходящей в плечики.

Венчик уплощен и отогнут наружу. Дно уплощенное. Формован из плотного теста с примесью мелкого гранитного песка. Поверхность светло-коричневая, цвет в изломе розоватый. Орнамент выполнен крупным гребенчатым штампом в виде ленты, заштрихованной наклонными оттисками (верхний пояс), и заштрихованных треугольников вершинами вниз. Отличается большой выразительностью и четкостью рисунка.

Таким образом, керамика из ограда 6 (42) по форме и орнаменту сильно отличается от традиционной керамики андрона, по многообразному яркому материалу можно проследить постепенный отход древнеандроновской традиции и становление на ее основе новых форм бронзовой культуры в Центральном Казахстане.

Ограда 60 находится в юго-восточной части некрополя и сложена горизонтальной кладкой на глиняном растворе. Ограда представляет собой два вписанных друг в друга квадрата, ориентированных по сторонам света. Внутри ограды каменный ящик, ориентированный длинной осью с В на З. С южной стороны к основной ограде пристроен второй сдвоенный квадрат. Внутри второй ограды два ящика, устроенных параллельно, длинными осями по линии ЗВ.

Третья, малая ограда с одинарной стеной пристроена к восточной стене основного сооружения. Внутри малой ограды каменный ящик. Вся сложная сеть оград выполнена техникой цистовой кладки.

Однако форма углов у одной и той же ограды неодинакова. Одни углы строго прямые, другие — округлого очертания. Несомненно, андроновцы перенесли на надземное строение тип землянки с округлыми углами как некий укоренившийся столетиями норматив. При копке котлована андроновцы пользовались первобытными орудиями — каменными мотыгами, при помощи которых,

естественно, трудно получить прямые линии углов. Возможно, отсюда исходит традиция округлых стен, получивших своё развитие у кочевников. Элементы округлого очертания углов ограды в сочетании с прямыми мы наблюдаем и в беласарских надземных строениях (ограда 60), т. е. в беласарской группе наряду со старыми традициями, мы наблюдаем реализацию идеи прямых углов, как в памятниках Бегазы, Бугулы III и Сангру.

Особый интерес представляет обряд погребения. В ящике восточной ограды обнаружен нетронутый скелет человека, лежащий на спине с поджатыми ногами. В таком же положении находился скелет в кургане 6 в группе Айшрак Б. Этот факт свидетельствует о том, что скорченное положение погребенного перестает быть в обряде погребения традицией, как в классическом андроне.

У головы стоял глиняный горшок без орнамента, с крышкой, сделанной из крупного обломка боковины другого горшка (рис. 37.3). В северо-восточном углу ящика найдена донная часть другого горшка. Здесь также не прослеживается строгое соблюдение традиционного ритуала. Обычно в могилу клали два целых сосуда, помещая их у головы, в углах ящика.

Ограда 2 (10) расположена в юго-западном конце некрополя, в обособленной группе оградок. По форме это большой курган с насыпью и кольцевой оградой из плит, врытых на ребро. Диаметр кургана 20 м, высота 2 м, диаметр кольцевой ограды 16 м. В центре кольцевой ограды находилась каменная гробница квадратной формы, выложенная горизонтальной кладкой на глине (рис. 45).

Остатки каменной стены сохранились только в ее нижней части более отчетливо — в основании западной стены. Судя по уцелевшим остаткам, внутренняя сторона стен имела облицовку из плит, поставленных на ребро. Облицовочные плиты прослежены на западной и восточной сторонах помещения, некоторые стояли вертикально. Полностью уничтожены южная и северная стены, сквозь которые прошли грабительские траншеи. Сведены на нет все подпорки, часть их уцелела только на углах. Гробница продольной осью ориентирована по линии СЮ. Ее размеры 4,8х6 м, общая площадь 42,8 м². Внутри находились два каменных ящика (склепы), ориентированных длинными осями по линии ЗВ. Очень аккуратно сделан южный ящик: из отесанных плит с плотно пригнанными друг к другу гранями. Перекрытия ящиков из плит тщательно обработаны в округ-

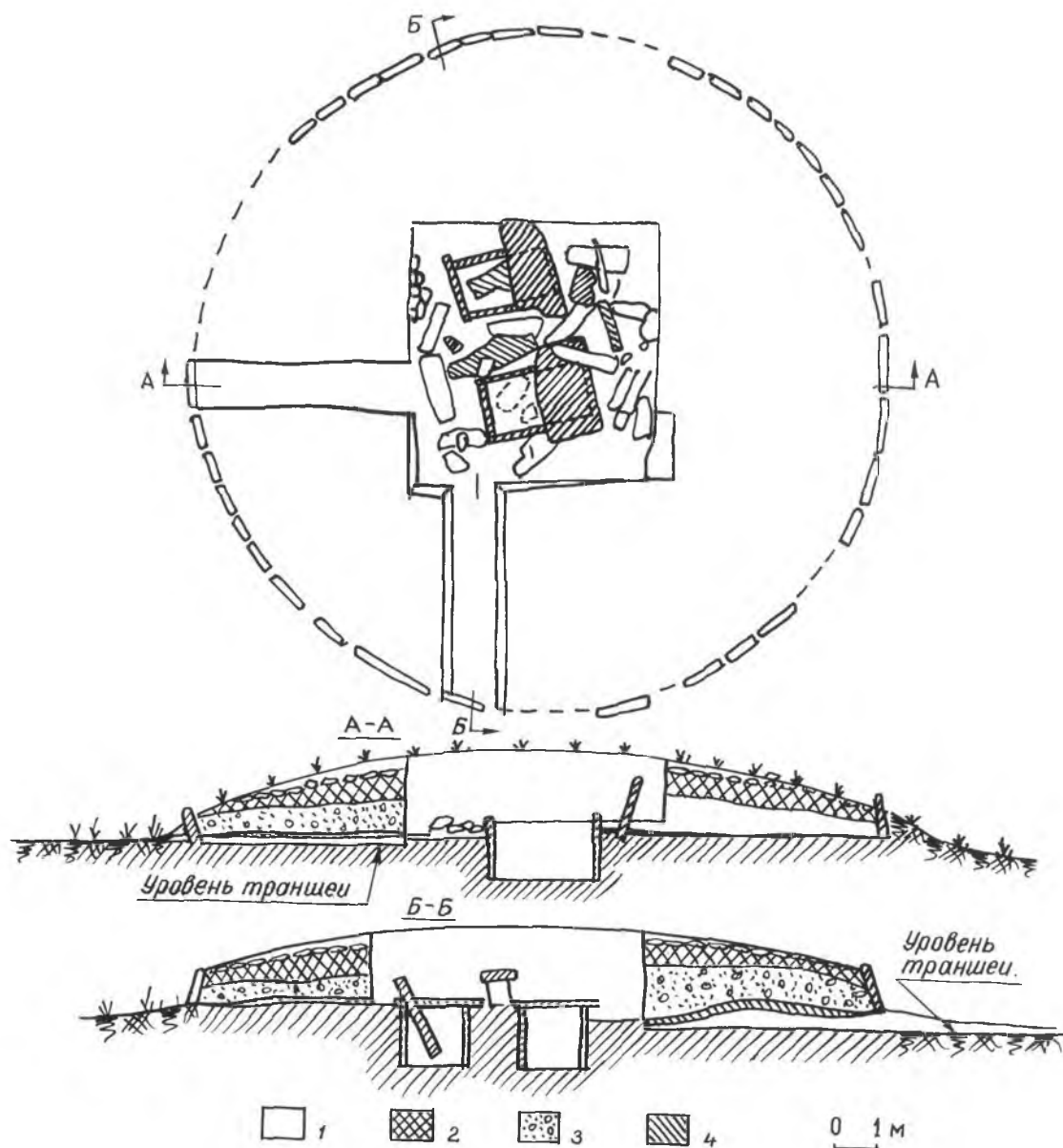

Рис. 45. Беласар. План и разрез курган-ограды 2 (10)

лой профилировке и имеют глубокие пазы для вставки на края ящиков. Судя по всему, в южном ящике погребена жена, в северном — муж. По грандиозности погребального сооружения можно сделать вывод, что это усыпальница предводителя рода.

Здесь же, у наружной ограды восточной стены, встречено впускное погребение, не связанное с курганом ни хронологически, ни по инвентарю. Обращает на себя внимание стратиграфия насыпного слоя. Первоначальная насыпь из чистого грунта с гравием и галькой сохранилась лишь в боковой части кургана. Скорее всего, ограбление совершено ближайшими потомками

погребенного, поскольку центр кургана, где был грабительский лаз, засыпан другим грунтом и поверх насыпи по всему кургану набросан мощный каменный слой.

По устройству погребальных сооружений и керамике беласарский курган-ограда 10 представляет собой ранний тип культуры Бегазы в Центральном Казахстане (XII—X вв. до н. э.). Судя по обилию мелких черепков, в ограду была положена большая серия глиняных сосудов, из них более или менее сохранились фрагменты лишь восьми сосудов.

Сосуд 1 (рис. 46, 2) обнаружен в северном ящике. Плоскодонный, тонкостенный, с высокой

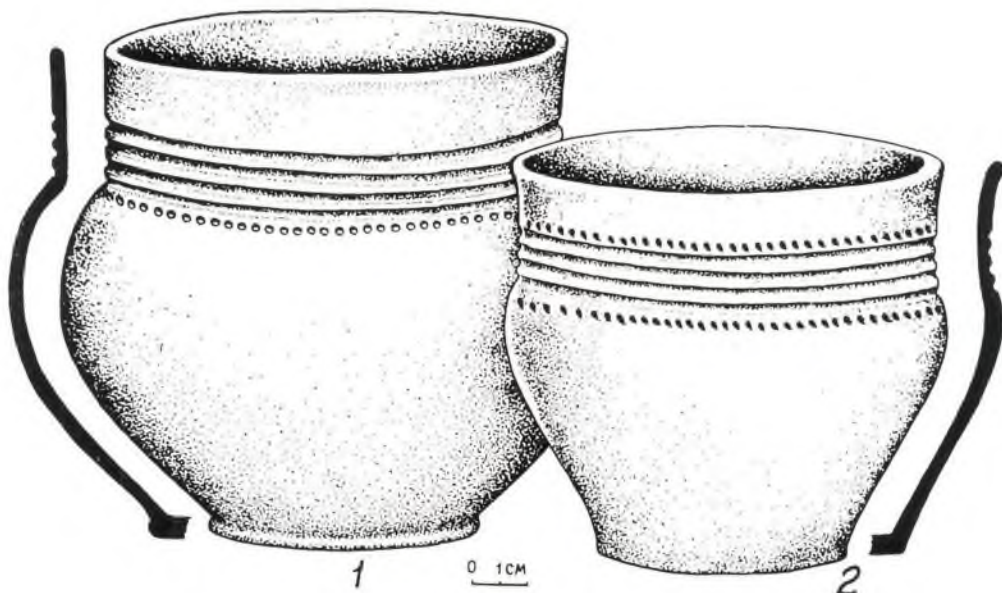

Рис. 46. Беласар. Керамика из кургана-ограды 2 (сосуды 1, 2)

прямой шейкой, плавно переходящей в выпуклое плечико. Тесто с примесью песка. Внешняя поверхность темно-коричневая со следами лощения. В изломе цвет желто-серый. Орнамент в виде четырех горизонтальных желобков, окружающих шейку, опоясан рядами вмятин по венчику и плечикам.

Сосуд 2 также из северного ящика. Это тонкостенный кувшин хорошего профиля с кольцевым поддоном, шаровидным туловом (рис. 46, 1). Венчик прямой, сверху уплощенный. Высокая прямая шейка резко отделена от плечиков. Формован способом выдавливания из кома глины со значительной примесью мелкозернистого песка. Внешняя поверхность темно-серая с пятнами. Цвет в обжиге черный. Орнамент в виде четырех горизонтальных линий и ямок-горошин. В форме и орнаменте проявляются большая сдержанность и скромность.

Сосуд 3 найден в насыпи на глубине 1,2 м. Тонкостенный, нарядный, с кольцевым поддоном, изогнутой шейкой и выпуклым плечиком. Венчик высокий, прямой, слегка отогнутый наружу с насечкой сверху. Формован из теста с примесью песка. Внешняя поверхность темно-серая с пятнами, внутренняя — желто-коричневая. Цвет в изломе черный. Орнамент выполнен крупным штампом, оставляющим отпечатки тупого конца палочки. Узоры по венчику из рядов треугольных фигур, обведенных круглыми ямками, по шейке — меандр, по плечикам — треугольные вдавления. Треугольные и меандровые фигуры выполнены очень выразительно. По форме и орнаменту он аналогичен сосуду 4 этой же ограды.

Сосуд 4 — один из наиболее оригинальных в серии сосудов, обнаруженных в насыпи, на глубине 1,3 м, тонкостенный, с шаровидным туловом и плоским дном. Шейка отличается большой выразительностью, венчик отогнут наружу. Формован из теста с примесью мелкого песка. Поверхность темно-серая с пятнами. Цвет в обжиге серовато-красный. Орнамент оригинальный, самобытный, не известный керамике эпохи бронзы. Выполнен в той же манере, что и орнамент предыдущего кувшина: крупными оттисками гребенчатого штампа с четырехугольным очертанием. Сюжет — заштрихованные треугольные фигуры, обведенные круглыми ямочками, красивые каннелюры и 7-образные зубчатые фигуры, которые чередуются с вертикальными зазубренными линиями. Орнамент сосуда аналогов не имеет. По технике штамповки крупным гребенчатым штампом имеет некоторое сходство с керамикой из Аксу-Аюлы II.

Сосуд 5 (рис. 47) — очень своеобразный, по форме напоминает древнегреческую амфору без ручек или две пиалы, соединенные устьем вместе. Узкое горло и конический поддон разработаны совершенно одинаково. По краю узкого горла сделан наклепной бортик, придающий сосуду особую нарядность и подчеркивающий его общую стройность. Формован из добротного теста с примесью мелкого песка. Поверхность желтовато-коричневая. Цвет в обжиге желто-оранжевый. Орнамент в виде каннелюр опоясывает шейку, тулово и поддон. Ваза не имеет аналогов в керамике эпохи бронзы.

Сосуд 6 без орнамента, встречен на дне се-

Рис. 47. Беласар. Кувшин из кургана-ограды 2

верного ящика. Он представляет собой чашку с круглым дном и выпуклыми боками. Венчик слегка вогнут. Тесто с небольшой примесью мелкодробленого кварца. Поверхность розовато-красная. В изломе цвет красный. Это первая чаша, встреченная в комплексе памятников переходного этапа. В керамике ранней и средней бронзы таких нет. Сосуд описываемого типа был распространен в бегазинское время в Центральном Казахстане и в карасукское время в Южной Сибири²⁹.

Появление глиняной чаши, имеющей удобную форму для питья, связано с употреблением молочных напитков и кумыса. Вполне естественно, что этот тип сосуда получил особенно широкое распространение в эпоху ранних кочевников³⁰.

Большое количество разнообразных керамических сосудов, положенных в усыпальницу племенного вождя, говорит о том, что они были преподнесены отдельными родовыми кланами в качестве жертвенных предметов.

Балакулболды II, III

Этот некрополь расположен на живописной равнине, у восточного подножия горы Балакулболды, в 60 км к северо-западу от главного Каркаралинского хребта, на территории совхоза «Восток» Каркаралинского района Карагандинской области. Впервые о нем упоминает В. П. Никитин³¹.

В комплексе насчитывается около 200 памятников, относящихся к различным периодам эпохи бронзы (рис. 48).

Преобладают памятники ранней и средней бронзы, представленные в виде круглых, прямо-

угольных и квадратных ограждений с выступающими на поверхность стенами. Несколько в стороне, южнее основного комплекса расположены особые типы памятников, выделенные нами в подгруппу Балакулболды II, III, IV.

Подгруппа Балакулболды III находится в самом конце, в 1–1,5 км южнее основного комплекса. В ней 12 оградок. По устройству погребальных сооружений и керамике она относится к раннебегазинскому времени. В 1969 г. подгруппа исследована полностью.

Ограда 1 находится на южном конце подгруппы II, на краю террасы небольшой степной речки, пересыхающей в летнее время. По плану это подквадратное сооружение, выложенное горизонтальной кладкой и ориентированное длинной осью с севера на юг. Длина ограды 5,6 м, ширина 5 м, высота 1,1 м. На углах стоят высокие менгиры («сторожевые камни»), врытые на ребро. Внутри ограды, в ее северной половине, находился каменный очаг (2x1,5 м), составленный горизонтальной кладкой из прямоугольных камней. Очаг ориентирован длинной осью по линии СЮ. По западной стороне очага, на расстоянии 0,5 м, стояли два менгира. Южная половина ограды представляет собой открытую площадку, где, вероятно, происходил обряд поклонения огню. Остатки жертвенного костра значительной толщины прослежены на дне очага и у основания менгиров. Остатков материального производства не обнаружено. Это типичный жертвенник эпохи поздней бронзы. При совершении обряда алтарем служили большой каменный очаг с костром и менгиры.

Ограда 2 расположена на южном конце подгруппы, в 130 м к северо-западу от жертвенника. В плане это концентрический квадрат, составленный из вертикальных плит, ориентированный линиями по сторонам света (рис. 49).

Сторона внешнего квадрата равна 4,2 м, внутреннего — 3 м. В западной половине внутреннего квадрата расположена земляная камера без облицовки, ориентированная длинной осью по линии ЮЗ–СВ. На дне ее лежал истлевший скелет человека в скорченном положении, на правом боку, головой на ЮЗ. Перед лицом погребенного стоял большой глиняной горшок. Под скелетом человека, около его конечностей, прослежен слой охры толщиной 9 см. Обряд погребения на правом боку в скорченном положении часто встречается в памятниках Центрального Казахстана и Верхней Оби. М. П. Грязнов относит его к карасукскому времени³².

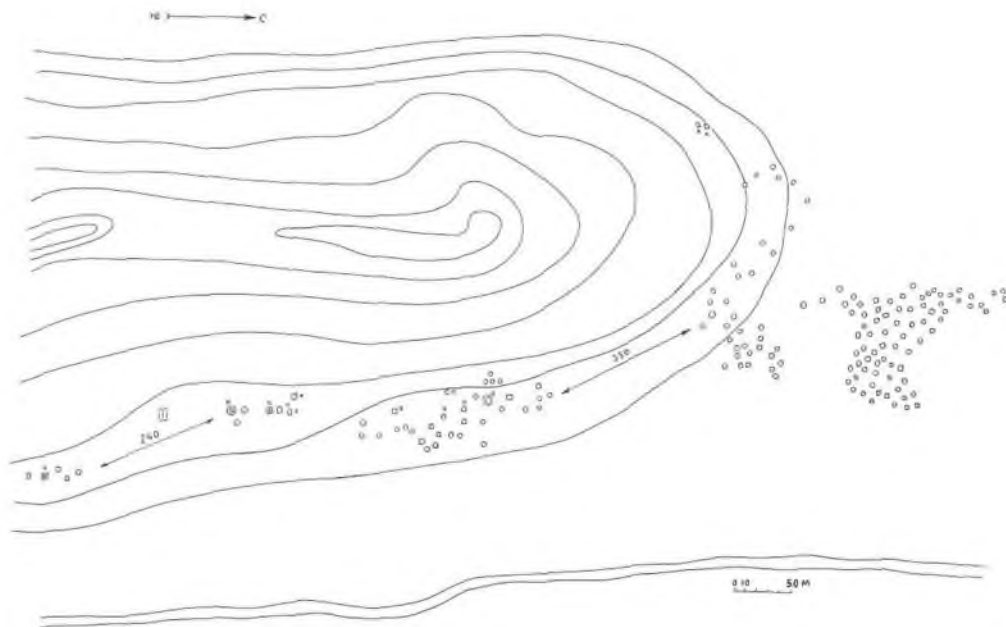

Рис. 48. План комплекса Балакулболды

Сосуд типа кувшина, находившийся в южном углу камеры, тонкостенный, нарядный, с уплощенным дном и шаровидным туловом. Прямая шейка резко переходит в плечики. Сосуд формован из хорошего теста с примесью мелкого песка. Поверхность кремово-желтая, цвет в обжиге желтовато-оранжевый. Орнамент выполнен крупными оттисками гребенчатого штампа, состоит из повторения меандра по венчику, каннелюр по шейке. Поле меандра заполнено кривой штриховкой (рис. 50).

Ограда 3 находится рядом с предыдущей, несколько севернее, и представляет сеть оград, из которых одна расположена ближе к центру, а две примыкают к ней с западной и восточной стороны (рис. 51).

Все три ограды составлены из хорошо отесанных плит гранита, врытых на ребро. Плиты для стенок взяты из древней каменоломни, которая находится рядом у восточного подножия горы Балакулболды. Центральная ограда ориентирована длинной осью по линии СЮ. Ее размеры 5х2,2 м, высота 1,4 м. Внутри два каменных ящика, ориентированных по линии ЗВ. Размеры западной пристройки 2,6х2,2 м, высота 1,4 м. Внутри — массивный каменный ящик, ориентированный длинной осью по линии ЗВ. Размеры восточной пристройки 1,6х1,6 м. Ориентировка каменного ящика та же. Ограды подкреплены значительным числом подпорок, которые сохранились в своей

первоначальной форме. Все три ограды оказались пустыми, лишь кое-где сохранились обломки разных сосудов.

Сосуд 1 обнаружен в юго-западном углу ящика 1 восточной пристройки. Имеет форму круглой чашки с прямой, слегка вогнутой стенкой. Поверхность желтовато-коричневая, обжиг в из-

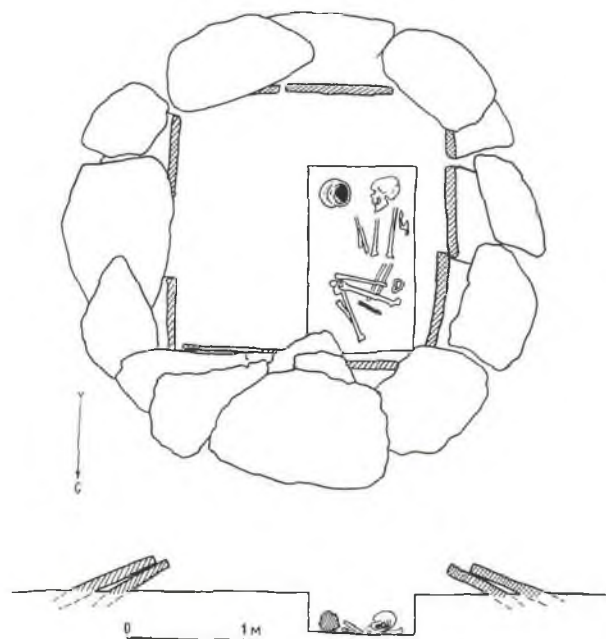

Рис. 49. Балакулболды III. План и разрез ограды 2 (9)

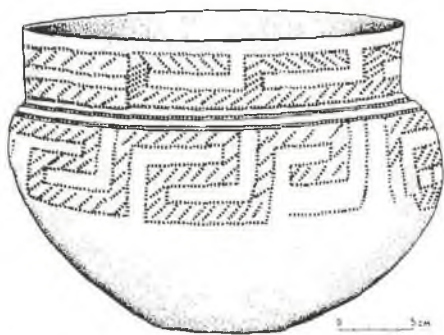

Рис. 50. Балакулболды III. Сосуд из ограды 2

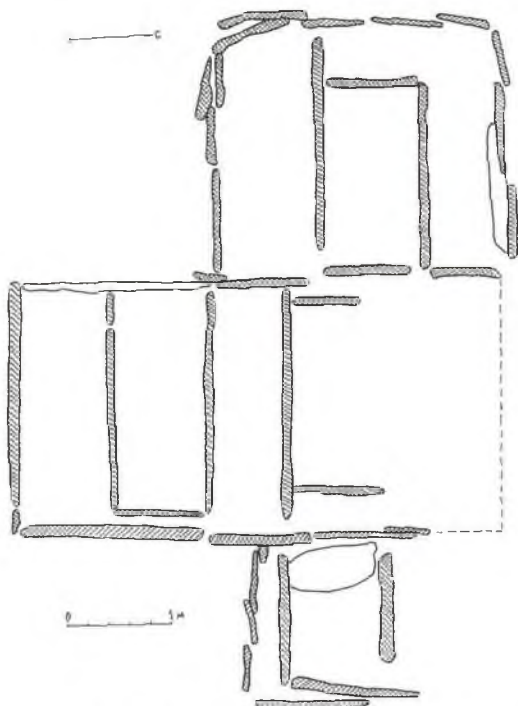

Рис. 51. Балакулболды III. План ограды 3

ломе желто-серый. Орнамент выполнен гладким штампом в виде косоугольной сетки, которой опоясана верхняя часть стенки (рис. 52, 1).

Сосуд имеет несомненное сходство с чашками, найденными в других памятниках Центрального Казахстана (Сангру, ограда 6; Беласар, ограда 10). Серия подобных чашек со слабо вогнутыми стенками изучена в памятниках Верхней Оби³³.

Сосуд 2 без орнамента, найден в северо-западном углу ящика 1 той же ограды. Сосуд острорезный, венчик отогнут наружу, шейка выражена слабо (рис. 52, 2). Плечо имеет острую грань с резким переходом ко дну. Поверхность желто-коричневая, цвет в изломе черный. Такие горшки широко распространены на всей степной

территории, от Иртыша до Волги. Наиболее характерные типы таких сосудов обнаружены в памятниках Центрального Казахстана (Бегазы, Айдарлы)³⁴, на Иртыше³⁵ и в Оренбургской области³⁶.

Сосуд 3 обнаружен у восточной стенки ящика 2 средней ограды. По форме он почти такой же, как сосуд 1, отличается лишь более коротким вогнутым венчиком. Поверхность желтовато-коричневая, цвет в изломе розовато-серый. Орнамент нанесен гладким штампом в технике косоугольных сеток, охватывает верхнюю половину стенки (рис. 52, 3).

Сосуд 4 без орнамента, поднят со дна ящика 2. Венчик отогнут наружу, шейка слабо выражена (рис. 52, 4). Поверхность желто-коричневая, обжиг в изломе розовато-серый. По профилю имеет аналогии с горшками без орнамента из памятников Айдарлы, Сангру, Бегазы и др. Горшок с точно таким же профилем обнаружен в ограде 5.

Ограда 7 находится в северной части подгруппы III, на севере примыкая к основному комплексу. В плане — квадрат, составлен из плит, установленных на ребро, с мощными подпорками. Размеры ограды 3,2х3,2 м, ящика 1,8х1,7 м. В юго-западном углу ящика, на плите, обнаружены крупные обломки глиняного сосуда котлообразной формы с плоским дном, отогнутым наружу венчиком и вздутыми боками. Сосуд формован из хорошего теста с примесью мелкого песка. Поверхность темно-серая. В изломе цвет темно-серый. Орнамент в виде налепного венчика с косыми насечками отделяет шейку от плечиков. Незамкнутые концы валика свисают вниз.

Аналогичные сосуды широко распространены на большом пространстве от Иртыша до Северного Кавказа. Единичные образцы встречаются в памятниках срубной культуры³⁷. Но основная масса таких сосудов извлечена из памятников эпохи бронзы Западного, Центрального и Восточного Казахстана. Сходные типы сосудов обнаружены в землянке 1 Алексеевского поселения³⁸, в поселениях Усть-Нарым, Малая Красноярка и Трушниковском³⁹.

Подгруппа Балакулболды II расположена на площади между подгруппами I и III. При глубоком сохранении древнеадроновских она содержит ряд новых, характерных для переходного этапа черт. В 1969 г. исследовано восемь оград.

Ограда 8 расположена в центре подгруппы, в 40 м к северо-востоку от ограды 7. По плану это квадрат, составленный из плит, установленных на ребро. Ориентирован линиями по сторонам све-

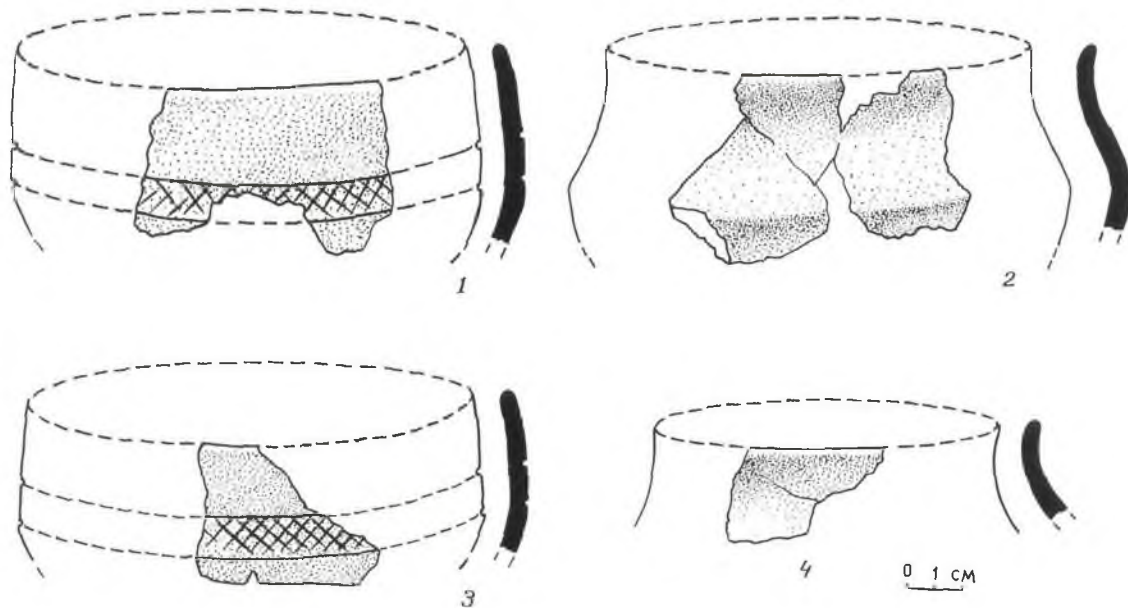

Рис. 52. Балакулболды III. Керамика

та. Размеры ограды 3х3 м, ящика 1,9х1,9 м, глубина 0,98 м. Подпорки сохранились в двух местах. Памятник ограблен.

Беспощадное ограбление этой серии памятников объясняется тем, что они содержали значительное число бронзовых орудий, в которых остро нуждалось население того времени. Это мы наблюдали при раскопках памятников Бегазы, Бугулы II, III, Аксу-Аюлы, Сангру I, III, группы Ортау, Беласар и др.

Ограда 9 находится в центре северной под-

группы. По форме представляет андроновский круг, но отличается гораздо более крупными размерами плит, составляющих ограду. Диаметр круга 4 м, высота плит 0,8 м. Внутри круга — каменный ящик прямо-угольной формы, ориентированный длинной осью по линии ЗВ. Ящик составлен из хорошо отесанных плит. Плиты внешней ограды также обработаны и плотно пригнаны друг к другу. Размеры ящика 1,7х0,7 м, глубина 0,8 м. В восточной половине ящика обнаружен скелет человека, погребенного в сидячем

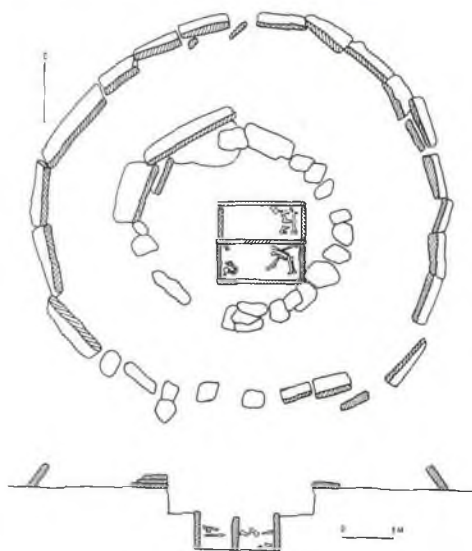

Рис. 53. Балакулболды II. План и разрез ограды 3(10)

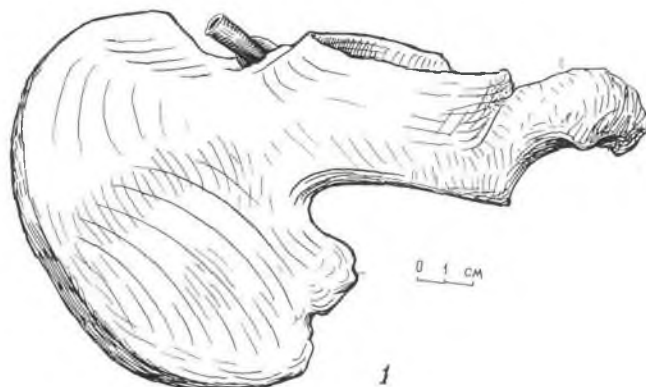

Рис. 54. Балакулболды II. Ограда 10. Бронзовый наконечник стрелы, вонзившийся в тазовую кость человека

Рис. 55. Кургan-ограда Байбала II

положении, спиной к восточной стенке ящика. Хорошо сохранившийся череп находился в области конечностей. Некоторые кости позвонков растащены грызунами.

Обряд погребения в сидячем положении впервые встречен в группе Бугулы II в кургане 8⁴⁰ и характерен для переходного этапа в период формирования новых традиций. В северо-восточном углу ящика, возле правой руки погребенного, стоял целый горшок. Сосуд баночной формы, андроновского типа, отличается выразительной шейкой и отогнутым наружу венчиком. В тесте незначительная примесь кварцевого песка. Поверхность черная, со следами лощения. В изломе цвет темно-серый. Орнамент выполнен гребенчатым штампом в виде заштрихованных треугольников, горизонтальных линий и вдавленных треугольного очертания, которые в нижней части завершаются фестонами. Несмотря на то, что сосуд найден в группе памятников, относящихся к переходному этапу, он сохраняет форму и орнамент андроновской керамики.

Ограда 10 (рис. 53) в виде концентрического круга без насыпи расположена в центре северной подгруппы. Внешний круг составлен из плит, врытых на ребро, внутренний выложен горизонтальной кладкой из прямоугольных плит. Диаметр большого круга 8 м, малого 3,8 м. Южные стороны кругов разрушены грабительским лазом. В центре малого круга, ближе к юго-восточной стороне, устроены два спаренных ящи-

ка одинаковой величины, ориентированных длинными осями по линии ЗВ. У восточных стен обоих ящиков находились груды человеческих костей, по которым трудно судить об обряде погребения. Возможно, нахождение их у восточных стен ящиков говорит о том, что человек был погребен в сидячем положении, как и в ограде 2. При разборе костей обнаружился интересный факт. В подвздошной кости (*os ilium*) человека торчал острый бронзовый наконечник стрелы втульчатой формы (рис. 54).

От сильного удара стрелы образовалась зияющая трещина в хрящевом соединении подвздошной и лобковой костей (*eminetia iliopectipca*), что и явилось причиной гибели человека. Подобная кость с вонзившимся бронзовым наконечником стрелы хранится в Павлодарском музее.

По материалам группы Балакулболды II можно проследить процесс перехода андроновской культуры на новую ступень развития. Отчетливо прослеживаются изменения в погребальном обряде, устройстве могильных сооружений, формах и орнаментации керамики. В памятниках этой группы обряд погребения усопших предстает в трех положениях: в скорченном, на спине с приподнятыми коленями (ограда II) или в положении сидя (ограда 9). Погребальные сооружения еще глубоко связаны с андроновской традицией, но отличаются более крупной величиной и массивностью каменных стен. По харак-

теру они аналогичны памятникам Беласара, Бегазы I, Кзыл-Арая и Акбастау. По культуре и другим признакам они типичны для переходного этапа. Одним из главных признаков переходного этапа являются спаренные и двухэтажные ящики, не свойственные классическому андрону. Они приходят на смену прежнему коллективному погребению, когда в одной ограде устанавливалось от четырех до десяти и даже более ящиков. Парные погребения говорят о выделении из большой патриархальной семьи малых. По форме и орнаменту особенно отличается керамика южной подгруппы, в которой нетрудно увидеть прототипы будущей бегазы-дандыбаевской керамики.

Байбала II

Расположена в долине правого берега р. Талды-Нура, в 12 км к северо-западу от аула Акбаур Шетского района Карагандинской области. На юге долина ограничена горами Котур-Кызылтау, на севере — невысокими холмами.

Долина р. Талды-Нура и горы Кызылтау весьма богаты памятниками эпохи бронзы⁴¹.

В горах находятся три рудника, в том числе знаменитый рудник Алабуга, в отвалах которого найдено характерное для эпохи средней и поздней бронзы орудие из оленьего рога. Недалеко от этого рудника, в горных ущельях Кызылтау, расположено несколько поселений эпохи бронзы, в том числе Аккезен, Шортанды-Булак, Байбала и Сенкебай. Последние два поселения расположены непосредственно в долине р. Талды-Нура, у северного подножия горы Котур-Кызылтау. В поселении Байбала на правом берегу р. Талды-Нура, хорошо сохранились контуры трех жилищ, остальные уничтожены землеройными работами. По устройству они полностью совпадают с жилищами атасуского и бугулинского поселений. Стены полуземлянок обложены крупными плитами гранита, врытыми на ребро, верхние края которых выступают из земли на 10—15 см. Внутренние и внешние стены жилища в плане квадратной формы, размерами 10х11 см, высота 1,2 м.

В 300 м на восток от поселения расположен огромный некрополь. Здесь имеются две группы погребальных сооружений, относящихся к двум этапам эпохи бронзы. Древнейшую составляют андроновские безнасыпные ограды круглой формы Байбала I. Несколько севернее и северо-восточнее от андроновских оград расположена группа Байбала II, состоящая из больших насып-

ных курганов, окруженных кольцевыми оградами из плит, вкопанных на ребро. (рис. 55). Помимо шаровидных курганов в группе Байбала II имеются насыпи квадратной формы, также обрамленные кольцевой оградой. Это, в основном, памятники предбегазинского времени, характеризующие культуру высшего этапа средней бронзы Центрального Казахстана. В группе Байбала II число однотипных курганов-оград с кольцевой оградой достигает 10, квадратных оград — 20.

Раскопан один большой курган с кольцевой оградой и насыпью из земли, смешанной с камнем. Его диаметр 28 м, высота насыпи 1,8 м, диаметр кольцевого окружения 20 м. Кольцевая ограда сохранилась в своей первоначальной форме. В ней насчитывается 54 плиты из гранита, врытые на ребро. Максимальные размеры плит 1,4х1,2 м, минимальные 75х75 см. Под насыпью на глубине 0,7 м обнаружены стены внутренней ограды, сложенной из бутового камня кладкой в два ряда. Толщина кладки 1,3 м, высота 1,2 м. Расстояние от кольца до внутренней стены 7 м, от шлейфа насыпи до кольца 4 м. Сооружение имело перекрытие из бревенчатой рамы, от которой сохранились лишь истлевшие остатки. Внутри нее находился большой каменный ящик, ориентированный длинной осью по линии ЗВ. Его размеры 2,3х1,55 м, глубина 1,6 м. Он перекрыт двумя плотно пригнанными друг к другу массивными плитами гранита. Плиты ящика и перекрытия хорошо обработаны, с четкими гранями. На дне ящика в беспорядке лежали человеческие кости, череп не обнаружен. По всему ящику разбросаны обломки двух горшков: тонкостенного и грубоватого толстостенного с орнаментом из ромбовидных углублений и гребенчатого штампа. Здесь же найден кусочек шлака.

Для датировки памятника большой интерес представляет структура кургана с кольцевой оградой. Это широко распространенный тип погребальных сооружений возник в Центральном Казахстане в промежутке между поздним андронмом и началом формирования бегазы-дандыбаевской культуры. Для них характерны циклопичность двойных оград, массивность каменных ящиков, мощный покров. По нашим наблюдениям, погребальные сооружения типа курганов-оград хронологически не ограничиваются пределами эпохи бронзы. Возникнув в конце средней бронзы, этот тип сооружений продолжает существовать и в раннескифское время, принимая еще более грандиозные размеры. Об этом свидетельствуют такие интересные памятники в Центральном Казахстане, как усыпальни-

цы «37 воинов», большие холмы с кольцевой оградой типа Байштын-Карашоқысы, Кызылтас (Актогайский район), Бесоба (Баянаульский район) и т. д. Все они относятся к ранне-скифскому времени. Однотипность таких некрополей,

как Аксу-Аюлы II, Ортау II, Байбала II, и их более поздних вариантов говорит о преемственной связи между памятниками эпохи бронзы и ранних кочевников Казахстана.

ПАМЯТНИКИ РАННЕБЕГАЗИНСКОГО ВРЕМЕНИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

В Центральном Казахстане особо надо выделить обширную группу памятников, знаменующую собой новый этап развития культуры бронзы, возникший в результате тех глубоких изменений, которые произошли в жизни древнеандроновских племен Центрального Казахстана в период наивысшего их развития, т. е. в конце второго тысячелетия до нашей эры. Эти памятники, имея черты преемственности с сооружениями прошлой эпохи, в то же время сильно отличаются от классических андроновских оград большим размером, формой и погребальным обрядом. Неизученность памятников эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана породила суждение, что в Казахстане не было завершающего этапа культуры бронзы, соответствующего карасукской культуре в Южной Сибири, андроновская культура непосредственно предшествовала местной культуре раннескифского времени. Этому мнению придерживались О. А. Кривцова-Гракова⁴², С. В. Киселев⁴³ и С. С. Черников⁴⁴.

После открытия и изучения ярких памятников эпохи поздней бронзы Бегазы, Сангру I, III, Бугулы III, Дандыбай, Ортау II и других комплексов закономерность в последовательности развития культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана стала очевидной. Многие кардинальные вопросы эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана нашли свое правильное освещение в работе М. П. Грязнова⁴⁵. Однако, некоторые ученые относят эти памятники к андроновской культуре. Так С. С. Черников пытается доказать, что андроновская культура непосредственно переходит в культуру ранних кочевников, без всякого промежуточного этапа, подготавливающего условия перехода к кочевому скотоводству. Он пишет: «Андроновская культура, когда-то яркая, самобытная и сильная, изживает себя, переходя в культуру ранних кочевников»⁴⁶.

Многообразие и разновременность памятников Центрального Казахстана, многие из которых не известны в других областях распространения памятников бронзовой культуры, позволяют уточнить периодизацию эпохи бронзы. Некоторые комплексы, например Ортау II, Аксу-

Аюлы II, Бесоба, Карашоқы, Беласар II и другие, нельзя отождествлять с алакульскими памятниками, ибо по характеру керамики, бронзовых изделий, и особенно типу погребальных сооружений, курганы с кольцевой оградой не могут относиться к алакульскому времени. Они – продукт культуры переходного этапа от позднего андрона к бегазы-дандыбаевскому времени. С. С. Черников настойчиво датирует их алакульским периодом, аргументируя это находками из сарыкольского кургана⁴⁷. Найденные в этом кургане сосуды он относит к федоровскому времени. Этот единичный факт не может быть решающим аргументом для хронологической классификации комплексов Ортау, Байбала, Аксу-Аюлы, Бесоба. Сосуд, найденный в кургане, не соответствует ему по времени, он более древний. Возможно, взятый из андроновских ящиков, сосуд хранился дома и оттуда попал в курган во время погребения.

Памятники позднего андрона более обширны и разнообразны. Они представлены круглыми, овальными, прямоугольными или квадратными оградами и их комбинациями и часто смыкаются, образуя сооружения с пристройками. Ограды сложены из массивных гранитных плит, врытых на ребро, в большинстве случаев они без насыпи, изредка с небольшой, не более 20–30 см. Такие ограды являются усыпальницами патриархально-семейных общин андроновских племен Центрального Казахстана. В каждой нередко имеется от 5 до 12 и более ящиков, в которых лежат останки членов одной большой семьи, обязательно скорченно, на левом боку. Ящики по форме разнообразны, но чаще в виде трапеции.

Для позднего андрона характерны также каменные ограды с двумя камерами, в которых погребены муж и жена. Они лежат также скорченно, лицом к другу, один скелет на левом боку, другой на правом. Это весьма устойчивый погребальный обряд, существовавший в период классического андрона. Совершенно иначе устроены большие курганы с кольцевой оградой из огромных гранитных плит, врытых на ребро. Это не родовые погребения патриархально-семейных об-

щин, а гробницы наиболее выдающихся членов патриархально-родового общества. Появление подобного типа захоронений с обширными внутренними сооружениями связано с теми изменениями, которые наметились в жизни племен Центрального Казахстана в результате возникновения у них имущественной дифференциации в период позднего андрона (XIII–XII вв. до н.э.), и знаменовали собой переход к следующему этапу. Памятники этого времени хорошо представлены в комплексах Аксу-Аюлы II, Бугулы III, Байбала II, Бесоба, Ортау II и т.д.

Надо сказать, что переходная культура, сохраняя андроновскую традицию в керамическом производстве (Айшрак II, Аксу-Аюлы II, III), в то же время содержала в себе элементы нового, которые проявляются наиболее ярко в культуре Бегазы. Эту трансформацию первым отметил один из известных исследователей эпохи бронзы С. В. Киселев. Он писал: «В Западной Сибири в позднеандоновское время замечается та же тенденция, что и в конце срубной культуры. Появляются крупные курганы, насыпавшиеся, очевидно, над выдающимися членами рода. Нам удалось исследовать такие курганы в местности Бесоба, под Каркаралинском. Они, несомненно, по своему значению аналогичны погребениям представителей племенной знати конца срубной культуры, вроде раскопанного П. С. Рыковым десятиметрового кургана в урочище «Три брата» близ Степного. Они предвосхищают пышные погребения племенной знати скифской архаики»⁴⁸.

В курганах с кольцевой оградой нет ничего присущего андроновской культуре. Это особые памятники, типичные только для Центрального Казахстана, знаменующие собой переход от позднего андрона к бегазы-дандыбаевскому времени. Они не укладываются в понятие «алакульский этап», к которому их пытаются отнести. Сама хронология «алакульского этапа» вызывает много сомнений. К. В. Сальников датирует его XI–IX вв. до н.э., С. С. Черников – XII–VIII или XI–IX вв. до н.э. Напрашивается вопрос, когда же существовала культура Карасука, Бегазы-Дандыбая? Такая периодизация совершенно не приемлема для хронологической классификации культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана, особенно послеандоновского времени.

Изучение большого числа многообразных и разновременных памятников эпохи бронзы позволило разделить ее на следующие основные этапы:

1) энеолит (медно-каменный период), вторая половина III тысячелетия;

2) ранний андрон (XVII–XV вв. до н.э.) – в Центральном Казахстане нуринский этап;

3) поздний андрон (XIV–XIII вв. до н.э.) – в Центральном Казахстане атасуский этап;

4) переходный этап от андрона к поздней бронзе (XII–XI вв. до н.э.);

5) бегазы-дандыбаевский этап (X–VIII вв. до н.э.).

Многолетние исследования памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана показывают, что культура бронзы развивалась в течение тысячелетий, постоянно претерпевая изменения. Начавшись в энеолите, она прошла через несколько исторических этапов и достигла своего расцвета в конце второго и начале первого тысячелетия до нашей эры. Хронологическая последовательность развития этой культуры хорошо прослеживается на памятниках, отличающихся друг от друга по типу сооружений и инвентарю раннего (группа Акшатау, Ботакара, Бугулы I и др.) и позднего андрона (Центральный и Северо-Восточный Казахстан). С андроновской культурой генетически связаны комплексы переходного этапа (Аксу-Аюлы II, Байбала II, Ортау II, Бесоба) и поздней бронзы (Бегазы, Дандыбай, Бугулы II, III, Сангру I, III и др.).

Следует отметить, что культура эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана развивалась в тесной взаимосвязи с родственными ей культурами Южного Зауралья (замараевская культура), Алтая и Енисея (карасукская культура). Археологические находки в виде керамики, бронзовых орудий и украшений говорят о большом сходстве бытовых предметов и орудий труда в этих областях, разделенных огромными степными пространствами, что подтверждает тесную культурную и экономическую связь между древними племенами. В обмене существенную роль играл казахстанский палеометалл (медь, олово, бронза, золото).

Но в памятниках культуры эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана много и своеобразных черт, отличающих ее от родственных культур, например от культуры Карасука на Енисее. Переход от андроновского этапа к поздней бронзе в Центральном Казахстане отмечен резким скачком в культуре⁴⁹.

Последовательный и преемственный переход от одной ступени к другой, от простой, примитивной формы производства к более сложной, в частности при изготовлении керамических и бронзовых изделий, составляет главную особенность бронзовой культуры Центрального Казахстана.

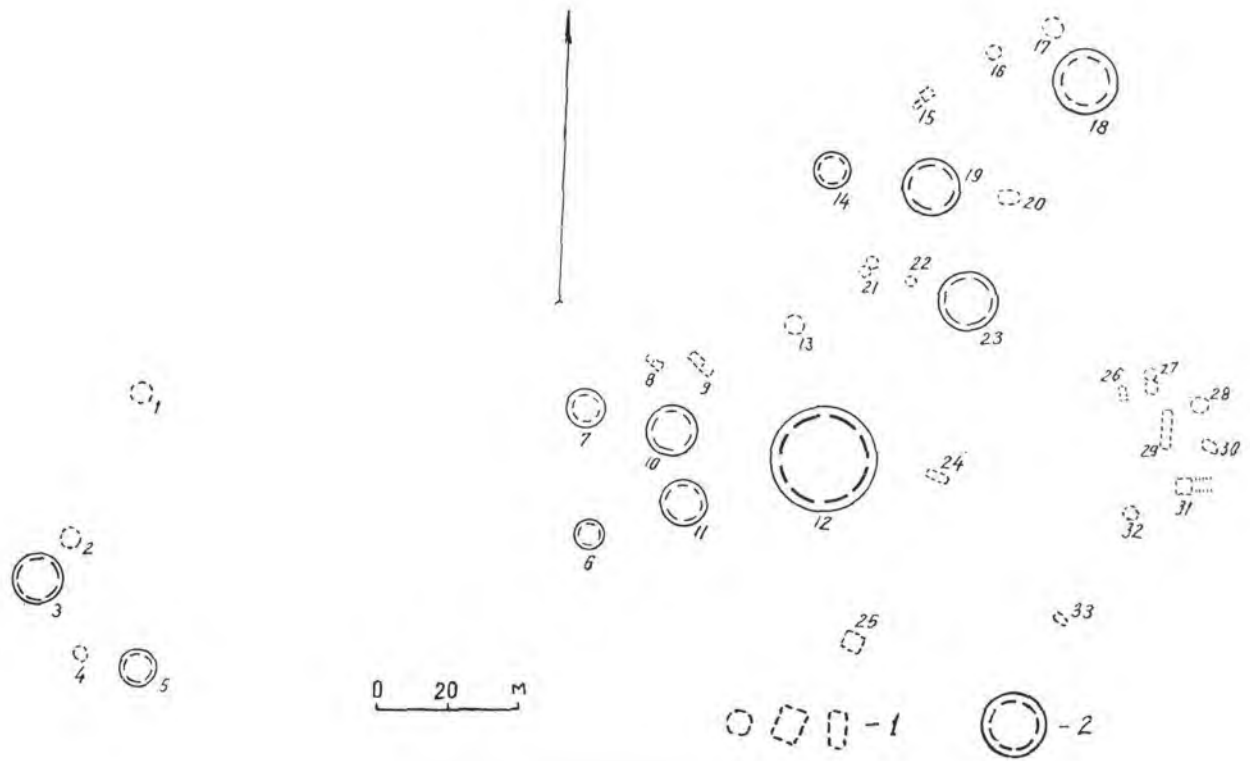

Рис. 56. План комплекса Аксу-Аюлы II

Культура поздней бронзы Центрального Казахстана отличается от карасукской грандиозностью своих сооружений и четкостью архитектурно-планировочной основы (Ортауское поселение, циклопические сооружения Аксу-Аюлы II, Бугулы III, Ортау II, Бегазы, Беласар II и др.). Ошибочны высказывания некоторых исследователей, что в надгробных памятниках бегазы-дандыбаевского времени нет четкости и аккуратности в реализации строительных приемов, характерных для алакульских сооружений. Напротив, строительная техника бегазинского времени более совершенна. Древним строителям удалось реализовать идею сложной конструкции на большом пространстве с помощью применения подпорок, утрамбовки, пирамидального перекрытия. Этих приемов в период андроновской культуры совсем не знали. Большое многообразие и грандиозность каменных сооружений, яркость и усложненность орнаментальных узоров керамического искусства, массивность бронзовых и золотых изделий являются типичными чертами культуры эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана. Многие из перечисленных черт материальной культуры не выявлены в других областях распространения бронзовой культуры, это позволяет сделать вывод, что Центральный Казахстан — этот древний металлургический центр — был глав-

ным очагом развития бронзовой культуры. Обратимся к материалам раскопок.

Аксу-Аюлы II

Комплекс Аксу-Аюлы II расположен в 3 км к северу от пос. Аксу-Аюлы, центра Шетского района, состоит из 36 сооружений, 24 из которых относятся к андроновскому периоду и 12 — к переходному (рис. 56). Первоначально группа Аксу-Аюлы представляла 12 однотипных курганов, отличающихся между собой только величиной. Курганы в основании насыпи имеют кольцевые ограды из крупных гранитных плит, врытых на ребро. В сезоне 1952 года раскопано три кургана.

Курган I размером 7x7 м в основании имеет двойную ограду квадратной формы, выложенную крупными плитами прямоугольной формы, врытых на ребро, методом горизонтальной кладки. Внутренняя ограда выступает над поверхностью на 0,25x0,3 см. В центре внутренней ограды находится большой гранитный ящик, ориентированный длинными сторонами с запада на восток, отличается от типичных андроновских ящиков крупными размерами (2,3x1,7 м).

Погребение разграблено, предметов материальной культуры не обнаружено.

Курган 2

Представляет земляную насыпь шаровидной формы (рис. 57). Его диаметр 17,5 м, на уровне первого штыка в центре кургана несколько выше от основания насыпи контур концентрической ограды квадратной формы, сложенный из крупных гранитных плит. Длина ограды с запада на восток 10 м, с севера на юг 9 м. Они ориентированы строго по сторонам света. Стены ограды сложены не одинаково. Северная и южная методом горизонтальной кладки из специально подобранных гранитных и порфириных блоков, имеющих форму параллелепипеда. Кладка выполнена строго по линейке техникой в один камень, создающей довольно прочную связь вертикальных швов и четкую линию стен. Западная и восточная стороны выложены из крупных гранитных плит, врытых на ребро.

Судя по сохранившимся остаткам, плиты выступали из грунта до 0,8 м. Большая часть их от-

бита и использована на различные нужды. Размеры плит: высота 0,8–2,05 м, ширина 0,68–1,2 м. В 14 м на северо-восток от кургана стоит каменное изваяние (подобно изваянию у кургана 3) с небольшим наклоном к югу. Плита прямоугольной формы, высотой 0,5 м, шириной 0,6 м.

Раскопками, произведенными послойно, по квадратным методом, вся курганная насыпь площадью 100 м³ была снесена.

На глубине 0,6 м появился контур второй внутренней ограды, сложенной горизонтальной кладкой из плит прямоугольной формы. Ограда имеет прямоугольную форму, ориентирована длинной стороной с юга на север, ее размеры 4,8 м x 3,6 м.

В центре ограды были обнаружены два каменных ящика, сложенные из вытесанных гранитных плит и ориентированные длинными сторонами с запада на восток. Плиты на западной стороне ящиков выступают над уровнем остальных сте-

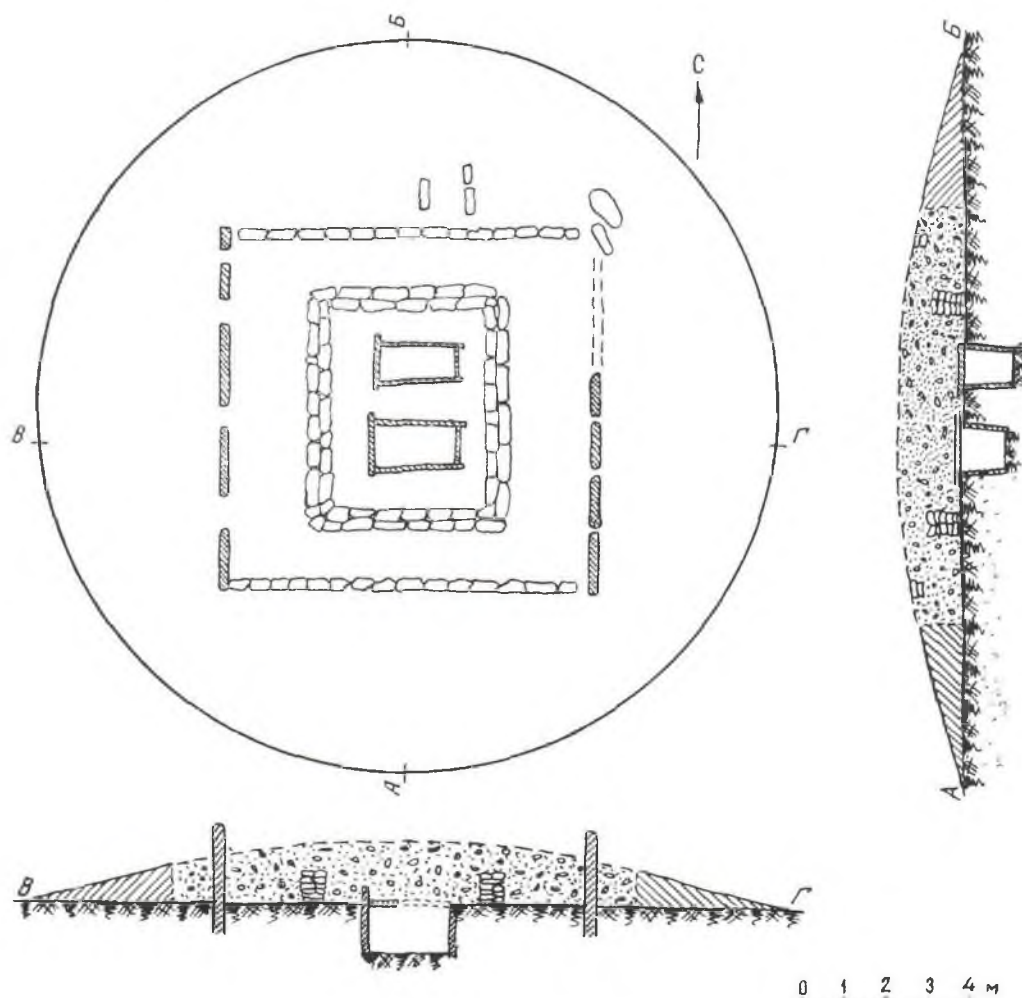

Рис. 57. Аксу-Аюлы II. План и разрезы кургана 2

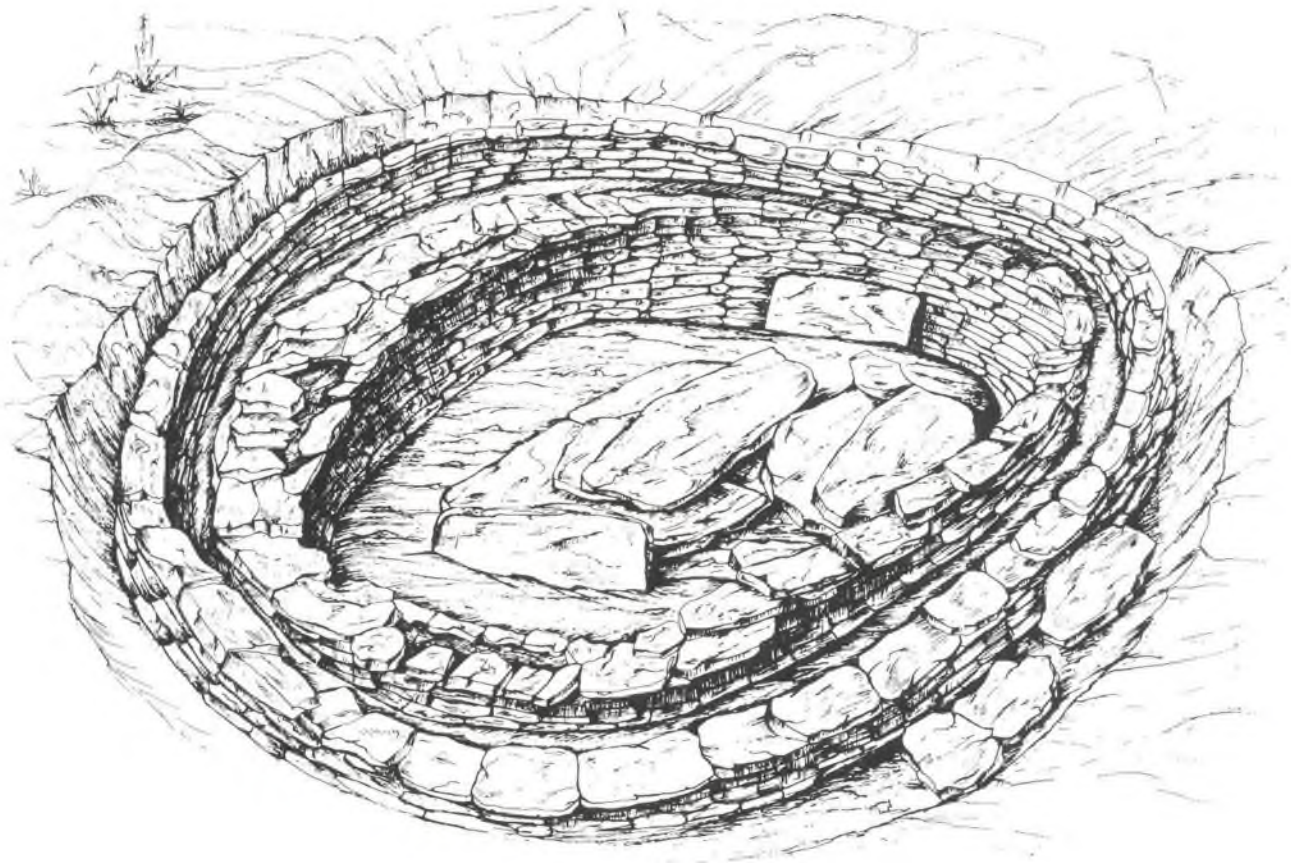

Рис. 58. Аксу-Аюлы II. Основание скального мавзолея III

нок на 0,3 м (северный ящик) и 0,45 м (южный ящик). Северный ящик значительно меньше по размерам, чем южный. Ящики перекрыты крупными плитами и казалось, что они не тронуты грабителями. Однако дальнейшее исследование показало, что это не так. Размеры северного ящика 1,6х0,78 м. В нем в верхних слоях, в беспорядке лежали большие фрагменты кальцинированных костей человека. Здесь же под крупными камнями был обнаружен раздавленный горшок прекрасной работы, изящный по форме и нарядный по орнаменту. Горшок имеет шаровидное тулово, чуть отогнутый наружу венчик и конический поддон. Эта форма характерна для керамики Бегазы-Дандыбая. Однако геометрический орнамент сосуда – традиция андроновской керамики. Орнамент нанесен мелким гребенчатым штампом и покрывает венчик из прямых заштрихованных треугольников, шейку из каннелюр и валиков и верхнюю часть тулова в виде меандра. Конический поддон также отделан каннелюрами и налепными валиками. Сосуд по форме является прообразом керамики Бегазы-Дандыбая.

Южный ящик больше северного. Длина его северной стены – 2,15 м, южной – 2,15 м, западной

– 1,05 м, восточной – 0,96 м. В западной части ящик был перекрыт гранитной плитой длиной 1,36 м, шириной 0,65 м, с отверстием подтреугольной формы. На дне ящика обнаружены небольшие кусочки древесного угля, обломки сожженных костей, а также фрагменты глиняного сосуда без орнамента, который по форме очень близок безорнаментной посуде комплекса Айдарлы и Бегазы (ограда 6). В западной части ящика, на глубине 0,65 м были подняты две каменные терки из порфира. Одна из них отесана по бокам и заглажена с внутренней стороны. Обе толщиной 6 см. Такие же терки найдены в ограде 3 могильника Былкылдак I, относящейся к эпохе поздней бронзы.

Курган 3 самый большой в комплексе (рис. 58, 59, 60). Это огромная насыпь сферической формы, диаметром 30 м, высотой 1,8 м. Вершина кургана несколько уплощена грабительским лазом и выветриванием. Насыпь опоясывает кольцевая ограда из огромных плит, врытых на ребро с некоторым наклоном внутрь, выше шлейфа на 3 м. Разбитые плиты в беспорядке лежат на поверхности насыпи у подножия кургана. Сохранилось всего 18 плит. Диаметр кольцевой ограды – 24,3 м.

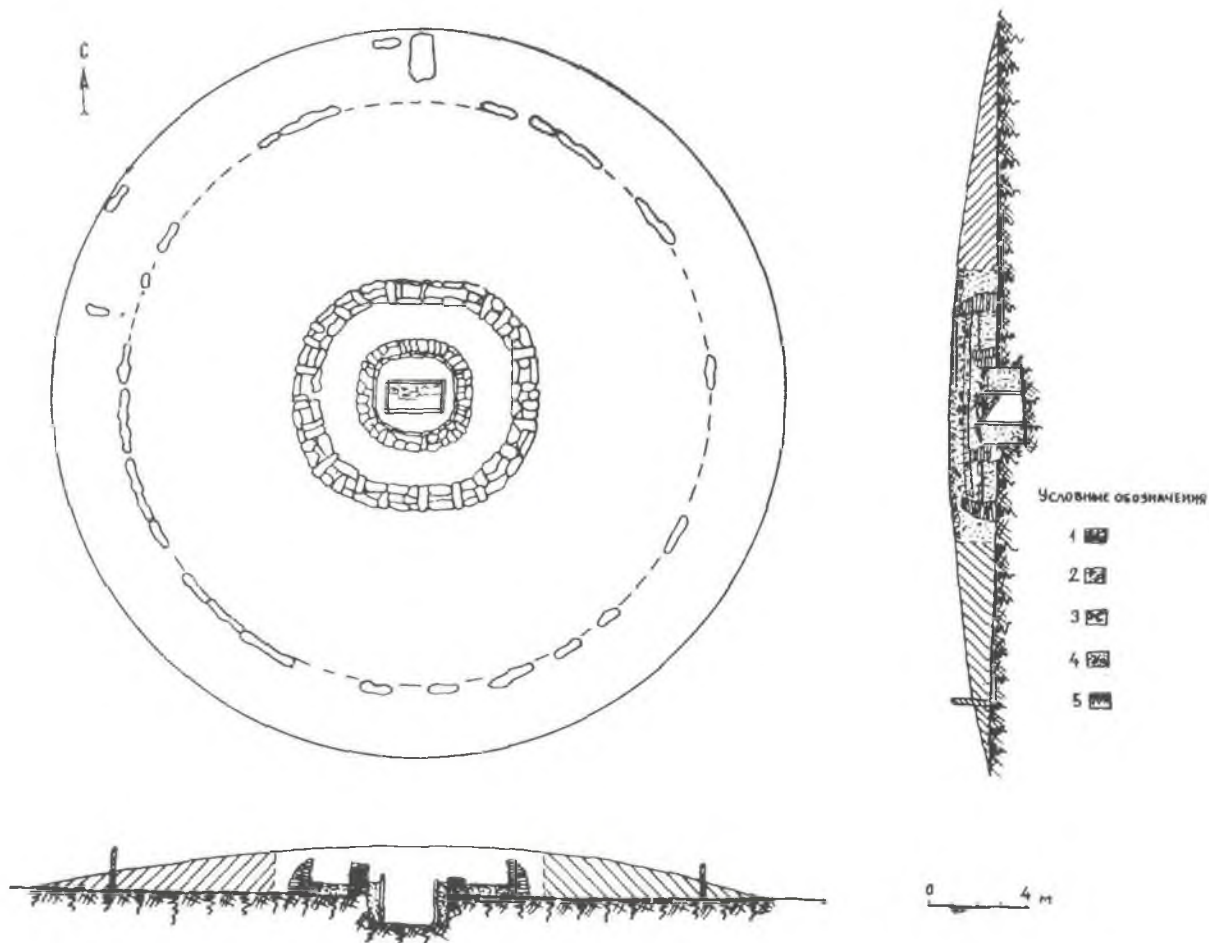

Рис. 59. Аксу-Аюлы II. План и разрез кургана 3 с кольцевой оградой: 1 — гумусовый слой, 2 — каменный завал, 3 — скопление угля, 4 — бутовка, 5 — материк

В 17 м от кургана, на северо-востоке, находится каменное изваяние антропоморфного типа, с неясными чертами человеческого лица, очень грубой работы, без деталей человеческой фигуры, лицом на юго-запад, т. е. к кургану. Высота изваяния — 1,20 м, ширина головы — 35 см, туловища — 66 см, у основания — 60 см. Перед изваянием врыта на ребро массивная каменная плита (менгир) длиной 1,2 м, шириной 69 см, толщиной 30 см. Около нее заложен раскоп размером 1,5х3 м, глубиной 60 см. Однако под плитой ничего не обнаружено. Чтобы определить конструкцию этого памятника, исследование проводилось по квадратной сетке. После расчистки, сразу под дерновым слоем, по всей площади раскопа были разбросаны каменные плиты. При разборке насыпи, на глубине 40 см, в центре обозначился контур массивного каменного сооружения, сложенного из гранитных и сланцевых плит размерами 0,4х0,6; 0,5х0,9; 0,8х1 м. Плиты для постройки здания были доставлены с гор Аюлы. На

глубине 45 см, в северной части раскопа, были собраны небольшие куски древесного угля. Вся площадь внутренней ограды покрывал слой золы, в центре он был толще, а по краям коридора, отделявшего внутреннюю ограду от наружной, сходил на нет. В гряде угля можно было различить куски обуглившегося дерева. Вероятнее всего, слой золы в 30 см образовался от сгоревшей во время пожара кровли. По его толщине можно судить о количестве использованного для перекрытия материала. Под зольным слоем, ближе к центру, был обнаружен большой каменный завал. Камни завала и плиты ящика были покрыты копотью, а ямки между плитами заполнены золой и углем. Очевидно, пожар произошел, когда деревянные части перекрытия еще не пришли в ветхость. Об этом говорит широкий пролом, сохранившийся в верхней части юго-западной стены и весь покрытый копотью. Вследствие этого разрушения юго-западная стена сооружения несколько ниже других уцелевших стен.

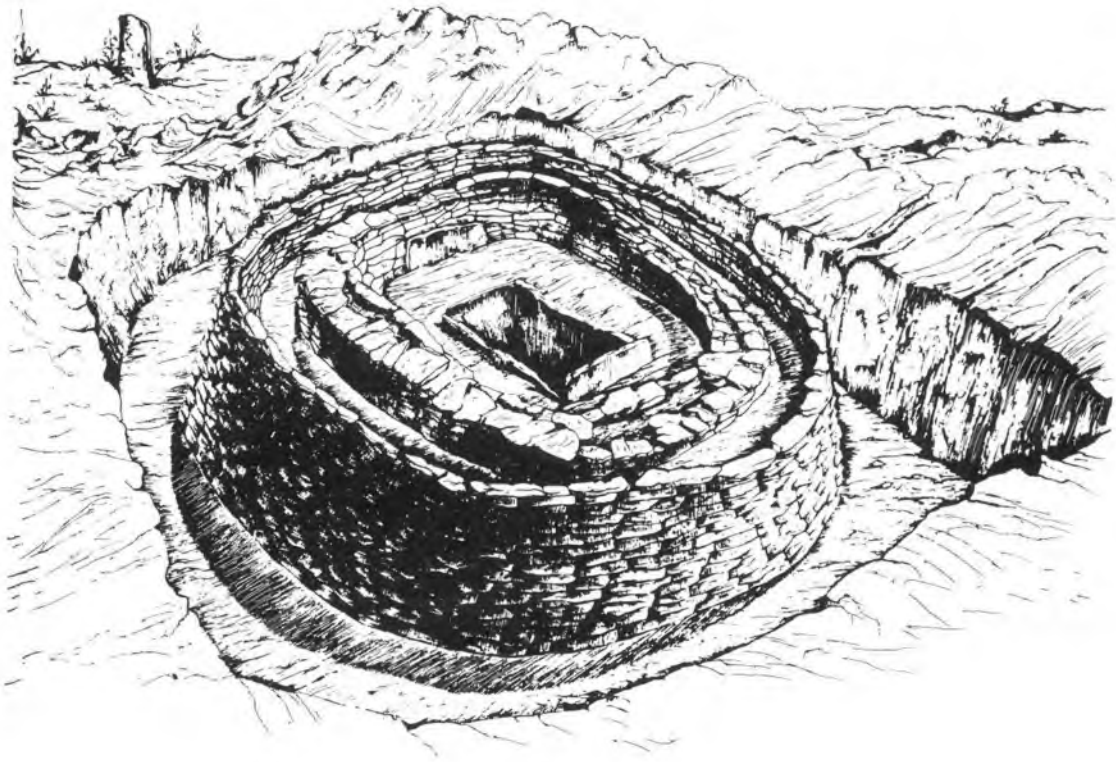

Рис. 60. Аксу-Аюлы II. Общий вид мавзолея 3

Гробница Аксу-Аюлы является мощной циклопической постройкой (рис. 60), которая была возведена в переходный этап эпохи бронзы (XII–

XI вв. до н.э.). Сооружение находилось в земле, под огромной насыпью диаметром 30 м, высотой 1,8 м. Благодаря такой защите стены пост-

Рис. 61. Аксу-Аюлы II, часть северной и северо-восточной стен

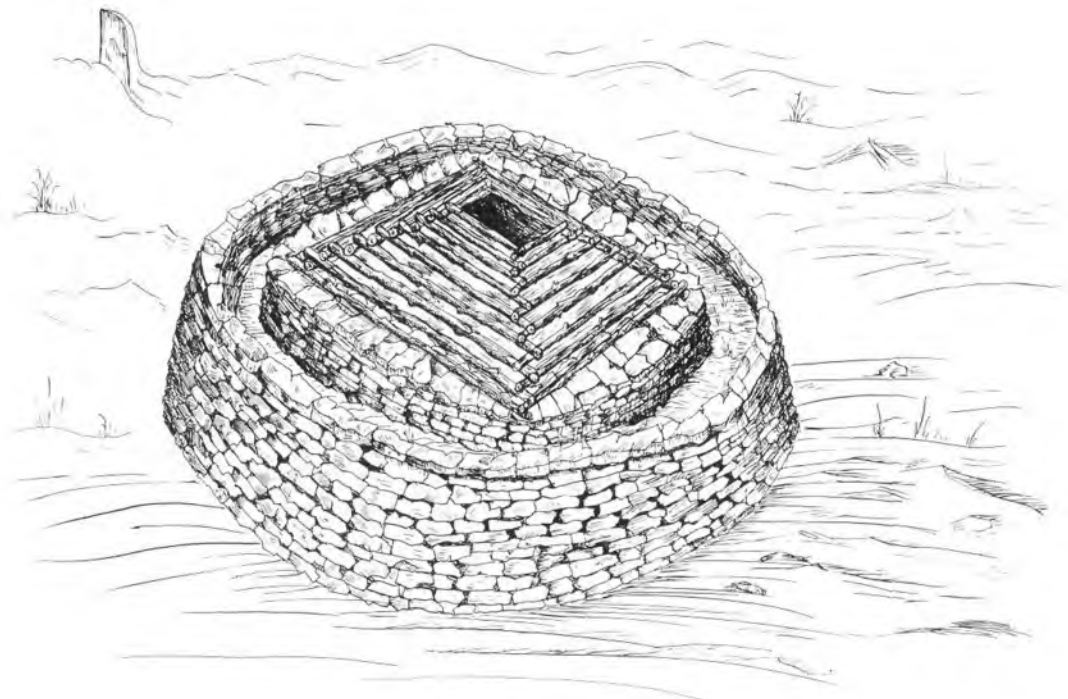

Рис. 62. Каменная гробница Аксу-Аюлы II (реконструкция перекрытия)

ройки хорошо сохранились и позволяют воссоздать ее своеобразную конструкцию (рис. 62).

В результате исследований выяснилось, что сооружение состояло из трех концентрических кольцевых оград, из которых первая (наружная), и самая большая, была сложена из крупных плит гранита, врытых на ребро. Она проходила по основанию насыпи, ее размер: диаметр – 24,5 м, высота вертикально стоящих плит 1,2–1,6 м. Причем плиты несколько наклонены внутрь площадки. Это характерный строительный прием, в основе которого лежит идея сокращения расстояния между пролетами при возведении перекрытия. В данном случае его не было, пространство между оградой, как бы являясь коридором шириной 11 м, оставалось открытым и было лишь засыпано землей. В этом сложном сооружении кровлю имела только внутренняя ограда, как и на Дандыбае II.

В центре насыпи, в 11 м от первой кольцевой ограды, находилась вторая, циклопическая ограда, имевшая в плане подковообразную форму, близкую к кругу. Она сложена техникой горизонтальной кладки из крупных, специально подобранных прямоугольных плит. Размер ограды (по внутреннему обмеру) с запада на восток – 7,9 м, с севера на юг – 7,6 м, сохранившаяся высота – 1,5 м. Ширина кладки у основания – 1,9 м и более. Она аналогична кладке позднейших казахских сооружений. Таким образом, Аксу-Аюлы –

одно из самых крупных сооружений эпохи поздней бронзы и уступает только Бегазы 1 и 2.

Третья малая ограда, вписанная во вторую, имеет в плане подпрямоугольную форму и закруглена на углах. Площадь ее достигает 15 м² (4,45х3,40). Как и вторая ограда, она вытянута с запада на восток и построена той же техникой, но лишь с той разницей, что в западную и восточную стены с внутренней стороны втиснуто по одной огромной плите, поставленной на ребро. Размер плит 0,5х1,8 м. Сверху на ней лежали еще 4–5 рядов камней. Плиты эти несли основную нагрузку от перекрытия здания. Таким образом, внутренняя ограда представляет собой помещение, окруженное двойными каменными стенами. В центре помещения обнаружен большой каменный ящик прямоугольной формы, характерный по величине и форме для периода поздней бронзы. Он находился в грунтовой яме площадью 2,5х1,45 м, глубиной 1,6 м. В типичных андроновских памятниках ящики такой величины не встречались. Он отстоял от стен внутренней ограды на 1–1,2 м, от второй – на 3,5–4 м. Обходной коридор – пространство между обеими стенами был шириной 1,8 м.

Ящик ориентирован продольной осью с запада на восток. Он плотно перекрыт двумя огромными гранитными плитами. Одна размером 1,85х1,2х0,14 м закрывала восточную половину

ящика, другая размером 1,46x1,36x0,2 м – западную. По бокам ящика, в центре сооружения, лежали огромные гранитные плиты, некогда стоявшие вертикально и служившие центральной опорой перекрытия. Вся площадка постройки утрамбована и покрыта смесью глины, гравия, песка и щебня слоем около 50 см. Эта бутовка опирается прямо в стенные опоры, выполняя по существу роль контрфорса. Подобным образом закреплено основание всего сооружения. Оно обеспечило устойчивость стен и опор, на которые ложилась тяжесть всего ступенчатого перекрытия.

Особую устойчивость наружным и внутренним стенам придавала забутовка пола обходного коридора. Вымосткой из гравия, щебня и глины был залит и пол погребальной камеры. Ящик на глубину 0,6 м был заполнен слоем мягкой лёссовой земли, под ним был слой золы с угольками. Стенки ящика сильно закопчены. Гробница была ограблена еще в древности, до пожара.

С точки зрения строительной техники большой интерес представляет возведение каменных стен с помощью горизонтальной кладки. Стены аксу-аюлинской гробницы являются одновременно и несущей (внутренняя ограда), и ограждающей конструкцией. Они отличаются от стен андроновских оград формой, величиной и техникой выполнения кладки. Исследуемый объект производит впечатление массивного циклопического сооружения. Для придания зданию прочности при кладке использовали большие каменные плиты размером от 40x35x5 см до 120x80x7 см. Они были прямоугольной и квадратной формы.

Вертикальный разрез стен показал, что крупные плиты находятся в нижних рядах кладки, а

более мелкие – в верхних, отчего стены внизу шириной до 1,2 м, вверху – 40 см. (рис. 59).

Весьма своеобразна техника кладки стен. Нижняя их часть состоит из плоских каменных плит, положенных в два ряда, прямо на грунт. Пространство между ними заполнено осколками камней. Вторая стена сооружена из сквозных тычков шириной во всю толщину стены. Тычки уложены через один-два ряда, а иногда чередуются с ложковыми камнями в одном и том же ряду, создавая полную перевязку. Следует отметить, что в верхнем ряду плиты лежали сквозными тычками.

Внутренние стены возведены из больших и среднего размера камней, прочно соединенных между собой глиной. Для заполнения пустот, возникших вследствие различной формы камней, использованы осколки камней, которые вместе с глинистой массой придают прочность кладке. Облицовкой служат камни или плиты, имеющие форму параллелепипеда. Перевязка закругленных углов осуществлена с помощью длинных каменных блоков, которые прочно сцепляют вертикальные швы.

Внизу стены вертикальны, а выше несколько наклонены внутрь помещения, как бы нависают. Это характерный прием строительной техники эпохи поздней бронзы, в котором заложена идея решения ложного свода посредством кладки с напуском, широко распространенной в позднейших сооружениях. Перекрытие здания не сохранилось. От него остались лишь обгоревшие обломки, которые позволили установить, что оно было деревянное, покрытое слоем из лозы, камыша и других местных растительных пород.

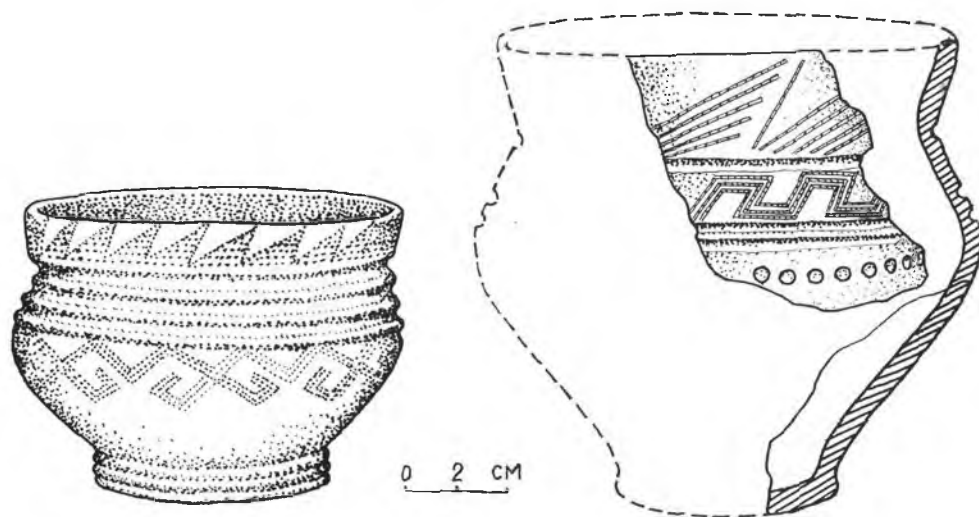

Рис. 63. Аксу-Аюлы II. Керамика из мавзолея 3

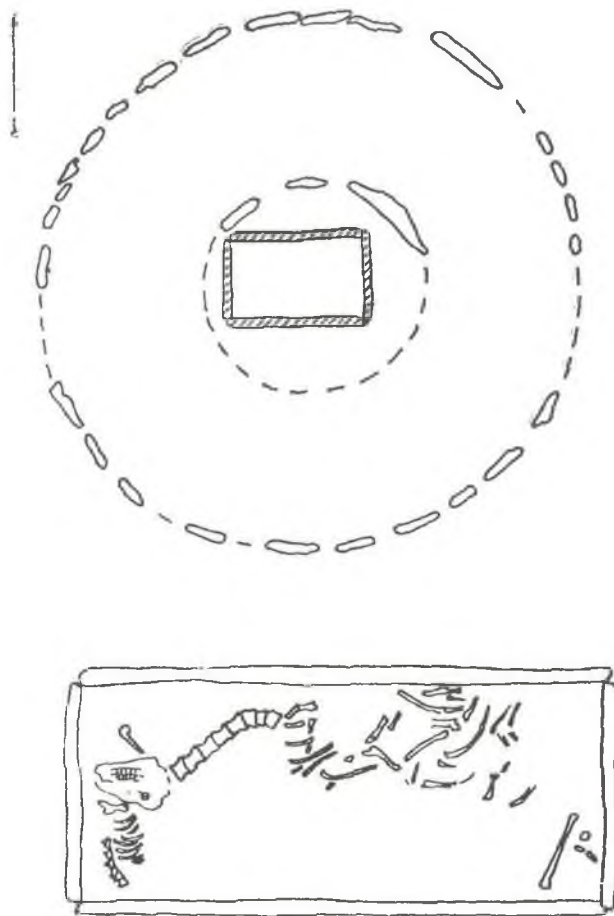

Рис. 64. Аксу-Аюлы II. План и погребение верблюжонка в ограде 4

Отпечатки этих материалов имеются на плоских плитах, которые закрывали каменный ящик.

Эти данные и вся конструкция стен, выполненная кладкой с напуском, не оставляют сомнения в том, что перекрытие гробницы Аксу-Аюлы возводилось на основе системы пирамидально-ступенчатой рамы из бревен. Такая кровля была изучена М. П. Грязновым в Дандыбае. По реконструкции М. П. Грязнова, основа крыши в Дандыбае 11 «представляла собой пирамидальный бревенчатый сруб с четырьмя звеньями, накрытый сверху бревенчатым же накатом из 12–14 бревен»⁵⁰.

Пирамидальной формы перекрытие строили путем укладки бревен каждого нового звена на 15–20 см ближе к центру сооружения, т. е. методом напуска, характерным для позднейшего ложного свода, примененным при постройке юртообразных каменных сооружений типа Уйтас и Дынг. С нашей точки зрения, бревенчатого наката ни в Дандыбае 11, ни в гробнице Аксу-Аюлы II не было, вместо бревен использовали лозу, ка-

мыш и траву, а сверху засыпали землей. Со временем здание разрушилось и было занесено землей, на его месте образовался огромный курган двухметровой высоты. Сооружение Аксу-Аюлы II находит себе аналогии в могильниках Ортау II, Беласар, Бесоба и Бегазы. Особенно много общего у гробницы Аксу-Аюлы с памятником Дандыбай 11. Различаются они лишь тем, что в Дандыбае сооружение не имеет кольцевой ограды у основания насыпи, к тому же оно менее массивно. Однако в керамике Аксу-Аюлы еще сильна традиция гончарного искусства андроновского времени, особенно в орнаменте. К сожалению, мы нашли только несколько фрагментов двух горшков.

Еще до вскрытия ящика в разных местах погребальной площадки были собраны фрагменты неорнаментированной керамики. В коридоре между стенами подобраны кости барана и лошади – вероятно, остатки трапезы строителей или после поминок. У южной стены ящика, на глубине 1,45 м, найдены фрагменты прекрасного кувшина очень изящной формы. Это обломки венчика, боковины и днища сосуда. Большой фрагмент этого же сосуда обнаружен снаружи ящика. Кувшин строго пропорционален (диаметр венчика – 18 см, тулова – 20 см, дна – 8 см, высота – 16 см), красиво орнаментирован и имеет конический поддон. Высокий венчик его слегка отогнут наружу, корпус несколько вытянут, но тулово близко к шаровидной форме. Орнамент покрывает венчик, шейку и верхнюю часть тулова. Венчик украшен заштрихованными косыми линиями, под прямым углом к которым проведена прямая линия, вместе они образуют условный треугольник, ниже располагаются каннелюры. Шейку сосуда опоясывает изящный меандр, далее повторяется линия каннелюр, на плечике имеется линия круглых ямок величиной с горошину (рис. 63). Таким образом, сюжет орнамента еще близок сюжетам андроновской керамики, но техника выполнения его уже новая. Это крупный гребенчатый штамп с поперечными зарубками, характерный для посуды эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана. Им выполнены все треугольные и меандровые сюжеты. Новым является и линия из круглых ямок, такой рисунок встречается только в керамике Бегазы, Сангру, Дандыбая 11⁵¹.

По типу сосуд очень близок дандыбаевскому⁵² сосуду 12 и бегазинскому второму из ограды 5. Все это говорит о том, что аксуаюлинская керамика, имея генетическую связь с анд-

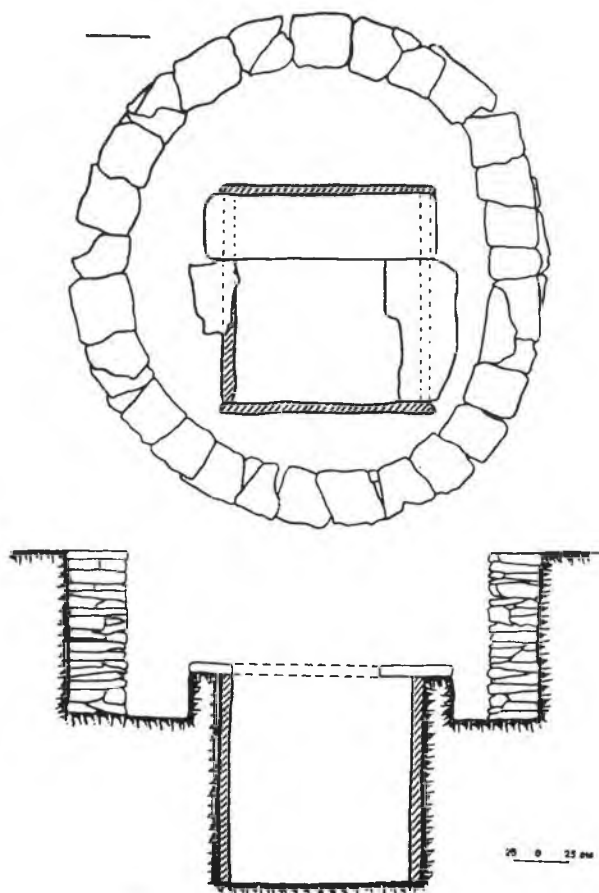

Рис. 65. Ортау II. План и разрез кургана 1

роновской, в то же время знаменует собой начало новой культуры, окончательно оформленной позднее в бегазинском этапе культуры бронзы Центрального Казахстана. На дне ящика обнаружен прекрасно сохранившийся костяк рослого человека, он был повернут, на запад, а лицо обращено вверх. Длина скелета – 1,88 м. Судя по костяку, это был мужчина среднего возраста атлетического телосложения. Руки вытянуты вдоль туловища, пальцы ног обращены на восток. Кости правой руки потревожены грызунами. На левой плечевой кости имеется нарост, образовавшийся, вероятно, в месте ранения.

Скелет лежал вдоль северной стенки ящика, южная половина ящика пустовала. Кроме отдельных фрагментов керамики, других предметов не найдено. Очевидно, это впускное погребение, о чем говорит очень хорошее состояние костяка. Но обряд погребения – вытянутое труположение на спине – был встречен еще в Дандыбае 11, 12, в Сангру I, 12, Айшраке и Бегазы, в плиточной ограде 5. В последней зафиксированы кости ног в вытянутом положении, пальцы ступней обращены

ны на восток. В группе Айшрак обнаружен скелет, лежащий вытянуто на спине. В Сангру I скелет был вытянут с северо-запада на юго-восток. Признаков скорченности проследить не удалось. Вместе с тем в ограде 3 этого же комплекса найден целый скорченный костяк, что характерно для андроновского времени. Смещение погребальных обрядов в одной и той же группе говорит о переломе, происшедшем при переходе от позднего андрона к бегазинскому этапу, когда древний патриархально-родовой обычай постепенно стал отмирать.

Ящик с погребениями животных. В группе Аксу-Аюлы II особый интерес представляет ящик с погребениями животных. Внешняя ограда не сохранилась. Остались лишь следы ям. Ящик прямоугольной формы, размером 2х0,7 м, ориентирован длинной осью с запада на восток. Он опущен глубоко в грунт и найден лишь благодаря чуть выступавшим краям. Ящик сложен из очень массивных, гладко отшлифованных гранитных плит, которые подверглись разрушению солонцевой почвой. Западная и восточная плиты выступают от краев ящика соответственно на 18 и 15 см. Между ними имелось перекрытие из крупных гранитных плит. При расчистке ящика, на глубине 58 см, у основания головной плиты обнаружены кости барана и целый костяк ягненка, а в центре ящика – целый, чуть согнутый костяк верблюжонка. Он лежал на левом боку, мордой на запад, лбом на юго-запад, спиной на юг, ногами на север. От черепа шли волнообразные шейные позвонки, четко выделялись два горба и длинный ряд позвонков спинного хребта, от которого расходились ребра и трубчатые кости ног. У головы верблюжонка обнаружена баранья лопатка. Спиной верблюжонок примыкал к южной стене ящика, а ногами упирался в северную. За исключением черепа и шейных позвонков, кости истлели, но скелет лежал нетронутым, его сфотографировали и зарисовали (рис.64). Вследствие солонцеватости грунта костяки ягненка и барана плохо сохранились. Костяк ягненка найден скорченным в юго-западном углу ящика. Он лежал также на левом боку, головой на юг, ногами на запад, хвост находился у головы верблюжонка.

После снятия костяков животных под ними обнаружены кости (рук, ног) ребенка и бронзовые бусы. Погребение молодых животных вместе с ребенком в памятниках эпохи бронзы встречено впервые. В андроновских захоронениях этот обряд также не зафиксирован. Он возник, видимо,

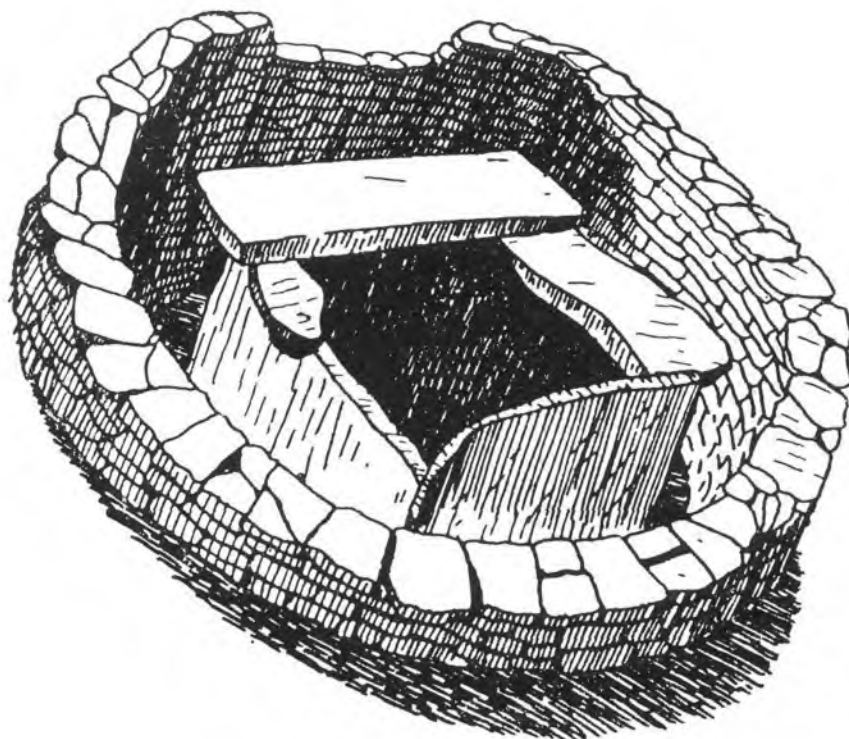

Рис. 66. Ортау II. Вид каменной гробницы из кургана 1

в эпоху поздней бронзы и более характерен для периода кочевых скотоводов. Погребение верблюжонка в комплексе Аксу-Аюлы свидетельствует о том, что в эпоху позднего андрона произошло одомашнивание верблюда. Об этом говорит целый ряд находок костей верблюда при раскопках кургана 2 и ограды 5 этого же комплекса.

Ограда 5 в плане представляет собой прямоугольное сооружение. Она сложена из вертикальных плит, врытых на ребро. На углах ее помещены более высокие плиты, как бы сторожевые камни. К ограде с южной стороны примыкает небольшая пристройка, напоминающая тамбур бегазинских оград. Она ориентирована по сторонам света. Ее площадь – 3,5х4,3 м. Погребальных камер и следов человеческого погребения в ней не обнаружено. На дне найдены лишь кости животных: лошади, верблюда и барана. Вероятно, ограда 5 была предназначена для погребения жертвенных животных, в том числе и верблюда. Кости верблюда встречены не только в памятниках Центрального Казахстана, но и при раскопке известного Алексеевского поселения⁵³ карасукского памятника в Южной Сибири⁵⁴.

Эти факты подтверждают, что в эпоху поздней бронзы верблюд у племен Центрального Казахстана становится одним из основных средств передвижения.

Ортау II

По форме устройства погребальных сооружений, отчасти и по керамике комплекс Ортау II тождествен группе Аксу-Аюлы II. Он состоит также из курганов с кольцевой оградой в основании. Но внутри ограды не две вписанные одна в другую стены, как в Аксу-Аюлы 3, а только одна, она ограждает большой каменный ящик, расположенный в центре сооружения. Таких оград в группе Ортау насчитывается 20. Они относятся не к позднему андрону, или атасусскому этапу андроновской культуры Центрального Казахстана, а, подобно Аксу-Аюлы II, являются памятниками переходного этапа от позднего андрона к раннему этапу бегазинской культуры.

Из этой группы нами исследовано три больших кургана, все они разграблены в древности. Дадим их краткую характеристику.

Курган I самый большой в этой группе, его диаметр – 36 м, диаметр кольцевой ограды – 28 м, высота – 3,2 м. Вертикальные плиты, составляющие ограду, сохранились гораздо лучше, чем в кургане 3 Аксу-Аюлы II (рис. 65).

Внутри ограды находилось каменное сооружение, имеющее в плане форму овала, вытянутого с запада на восток (рис. 66). Размер внутренней площади – 3,5х3 м, ширина кладки – 0,5 м, сохранившаяся высота – 1,5 м. Кладка стен выполнена так

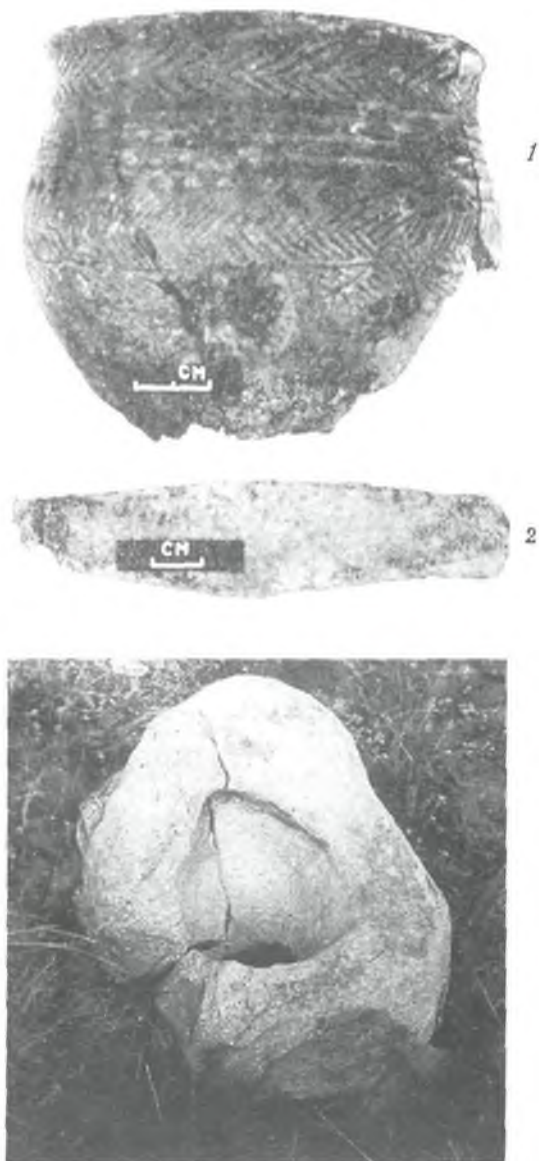

Рис. 67. Ортау II. Вещи из курганов эпохи бронзы: 1 — глиняный сосуд из кургана 3, 2 — бронзовый нож из кургана 2, 3 — каменная терка из кургана 3

же, как и в Аксу-Аюлы II, т. е. техникой сухой кладки из двух рядов камней, которые чередуются сквозными плитами, уложенными по всей ширине кладки тычком или торцами наружу.

Пустоты между рядами заполнены мелкими обломками камней и глиной, а в качестве подушки использован сухой раствор. Кладка в Ортау II отличается тем, что стены у основания и наверху — одинаковой толщины. Срез стены показал, что в нижнем ряду лежат более крупные плиты в один камень, а поверх них по системе в «полтора кирпича» сложены в два ряда прямоугольные плиты. В центре сооружения находился давно ограбленный большой каменный ящик, опущенный в зем-

ляную камеру на глубину 1,8 м. Ящик почти квадратной формы, площадью 1,5х1,8 м. Плиты, составляющие его стены, хорошо отшлифованы и плотно пригнаны одна к другой. Сооружение напоминает куб. На дне ящика никаких следов погребения человека и предметов материальной культуры не обнаружено.

Курган 2 расположен рядом с первым и аналогичен ему, лишь меньших размеров (рис. 68). Внутренняя ограда в плане овальной формы, вытянута с запада на восток, площадью 3,75х4,5 м; кладка стен мощная, шириной и высотой более одного метра. Большой каменный ящик расположен в центре ограды и ориентирован продольной осью с запада на восток, его размер — 1,5х2 м, высота — 1,2 м. Он опущен в грунт не на большую глубину, край ящика выступал над уровнем земли на 40 см. Боковые стороны ящика закреплены бутовкой из обломков мелких камней, гравия и щебня. Техника сооружения кургана такая же, как и в гробнице Аксу-Аюлы.

На дне ящика зафиксированы истлевшие остатки человеческого скелета, потревоженного грабителями. Определить положение костяка не удалось. В юго-западном конце ящика обнаружен довольно массивный литой однолезвийный бронзовый нож с черенком. По форме он отличается от обычных андроновских ножей казахстанского и южносибирского типа. Близкий аналог находим в серии ножей замараевского времени из Кокчетавской области⁵⁵ и карасукского времени в Бийской области, в дер. Волково, и в Кулундинской степи⁵⁶.

Других находок в кургане не было.

Курган 3. Он подобен описанным. Его диаметр — 31 м, диаметр кольцевой ограды — 20 м, диаметр внутреннего сооружения с запада на восток — 3,75 м, с юга на север — 3,5 м, толщина кладки — 50 см. Курган сильно разрушен, от стен внутренней ограды сохранились только нижние ряды. В центре находился большой каменный ящик объемом 2х1,8х1,8 м. При расчистке были найдены большая каменная терка и половина горшка (рис. 67). Терка сделана из крупного каменного обломка весом около 1,5 кг, размером 18х18 см. Вероятно, она была предназначена для растирания красок или дробления камней. Горшок, найденный в грунте, очень своеобразен. Он отличается стройностью и изяществом формы, затайливостью орнаментальных линий. Вместо традиционных треугольных сюжетов, характерных для андроновской керамики, в орнаменте ортауского горшка преобладают елочные мотивы, нане-

Рис. 69. Тип погребальных склепов раннебегазинского времени: верхний — из комплекса Байбала II, ограда 1, нижний — из комплекса Ортау II, ограда 1

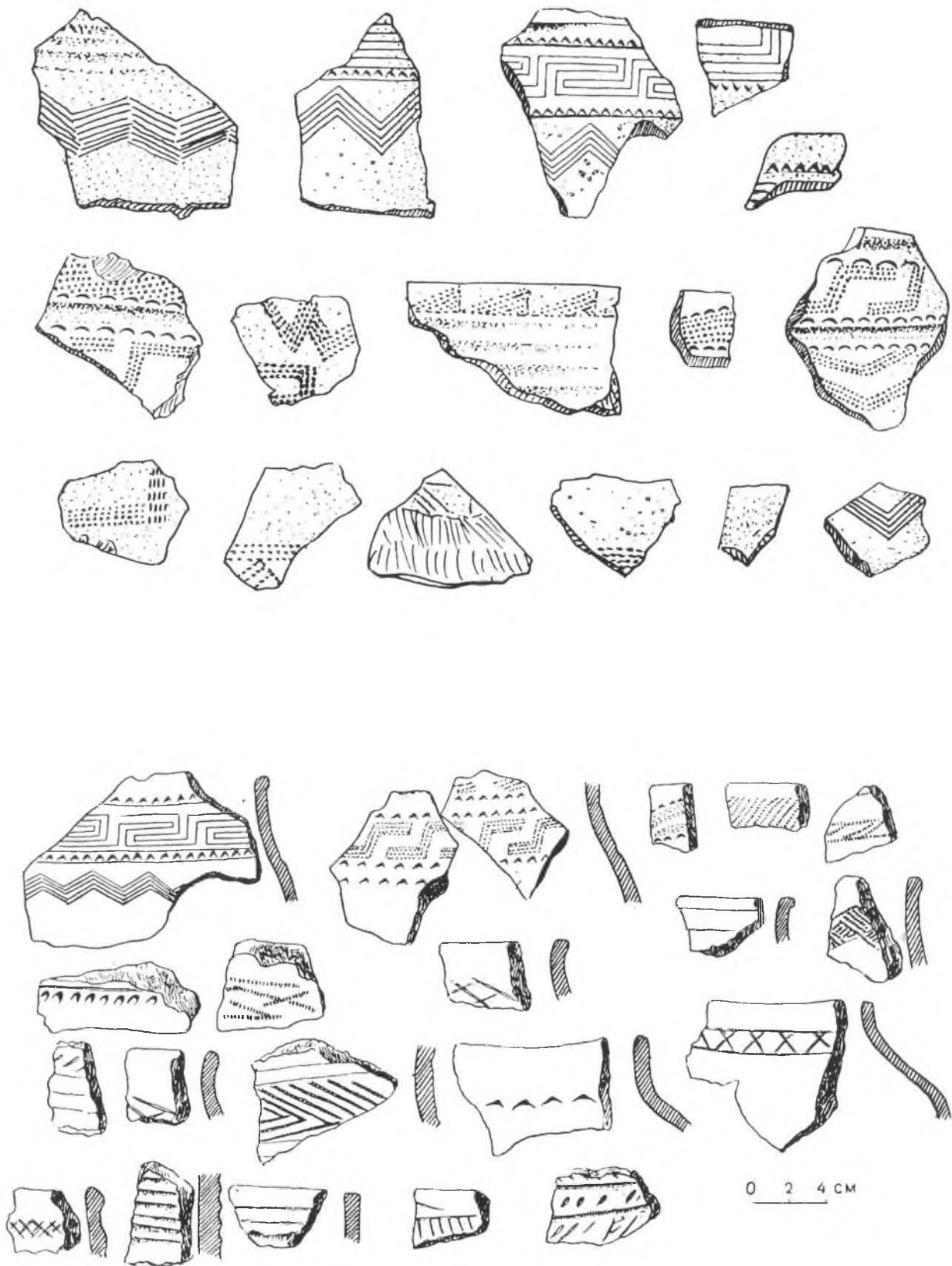

Рис. 70. Керамика из комплекса Ортау II

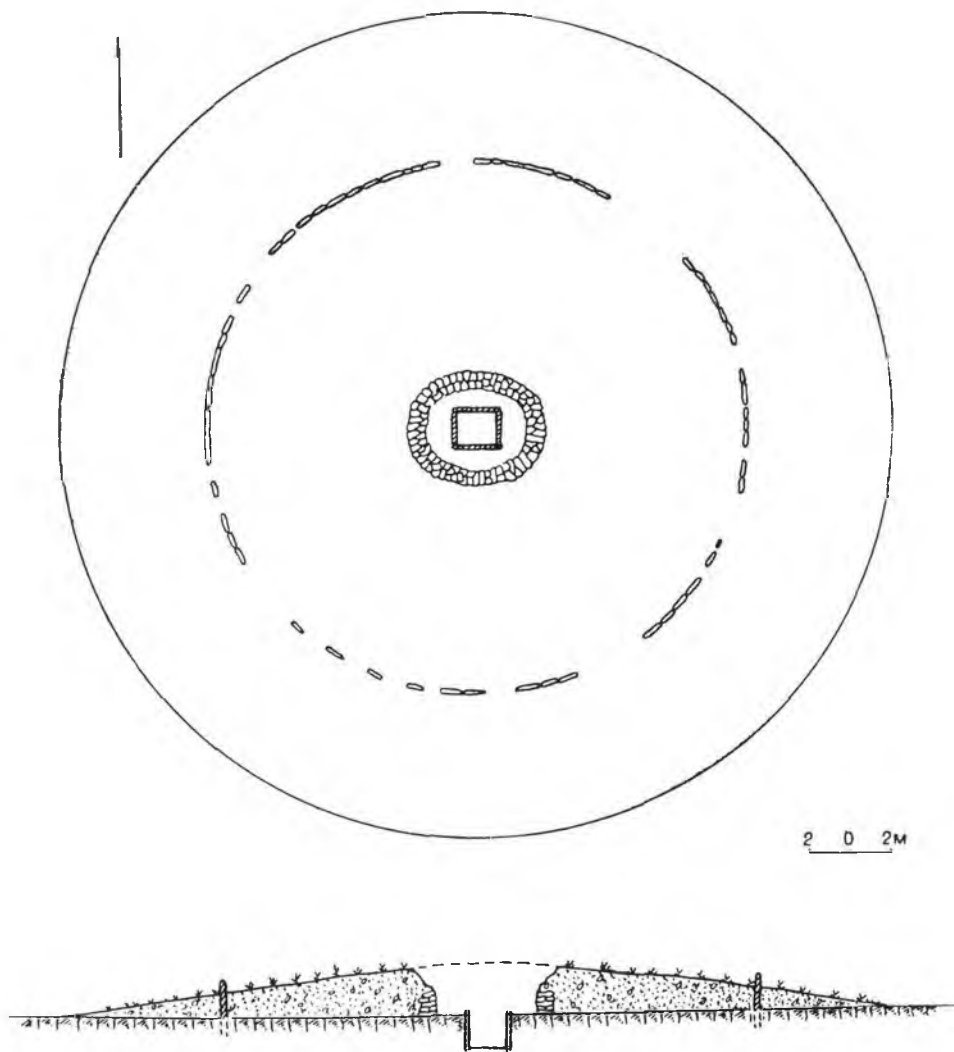

Рис. 68. Ортау II. План и разрез кургана 2

сенные крупным гребенчатым штампом с поперечными зарубками, характерные в эпоху поздней бронзы.

На основе изложенных материалов можно сделать заключение, что Ортауская группа курганов относится к переходному этапу от позднего андрона к бегазинской культуре.

Айдарлы

Из памятников эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана известный интерес представляет комплекс Айдарлы, обширный по количеству сооружений и разнообразный по их форме (рис. 71). Он расположен в широкой долине Аксай, на правом берегу р. Атасу, в 7 км на северо-запад от аула Айшрак. На другом берегу реки находится большая группа андроновских памятников Айшрак. В группе Айдарлы насчитывается до сотни памятников, относящихся к раз-

ному времени. Они разбросаны по всей долине большого лога Аксай, начиная от его истока до впадения в р. Атасу. Самой значительной группой здесь являются concentрические квадратные ограды с огромными каменными ящиками в грунте. Все ограды безнасыпные. От безнасыпных андроновских оград они отличаются большим размером и геометрической четкостью планов. Ограды составлены из вертикальных плит гранита, врытых на ребро. В некоторых оградах плит нет, они взяты для строительных нужд.

Ограда 1. В ней сохранился лишь большой каменный ящик, к тому же без восточной стенки. Он квадратной формы, ориентирован продольной осью с запада на восток, размером 1,6x2 м. Расчистка установила, что ограда разорена грабителями, условия почвы также не благоприятствовали сохранности памятника. В разных местах обнаружена порошкообразная мас-

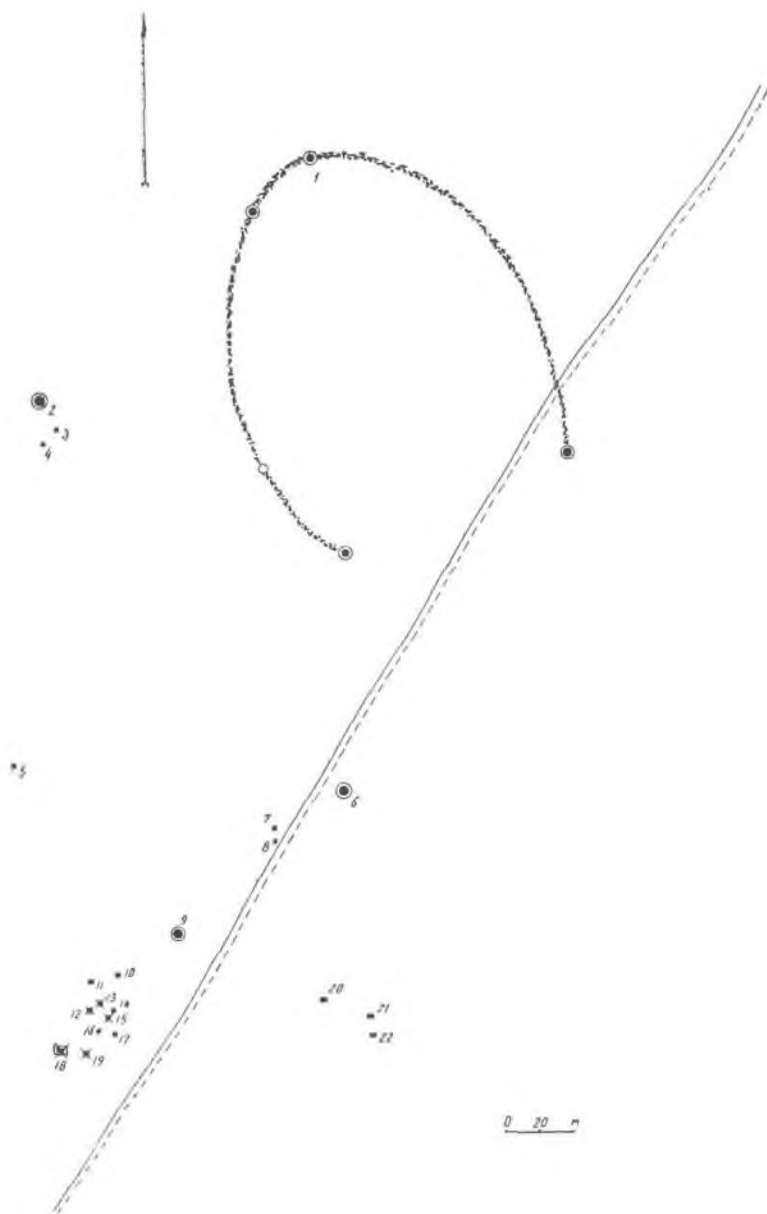

Рис. 71. План памятников Айдарлы на р. Атасу

са, т.е. кости в дисперсном состоянии. На дне ящика найдены крупные обломки трех сосудов. Один стоял у основания головной плиты, другой – в западном конце северной стены, третий – ближе к южной стенке. Все горшки вылеплены из грубого теста, без орнамента, плоскодонные, венчики прямые, с изгибом ближе к шейке, имеют вздутые бока и острые плечики, которые резко переходят в несколько суженный поддон (рис. 75). При всей грубости сосудов их силуэт производит неплохое впечатление. По форме они имеют аналоги в керамике поселений эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана и Южного Урала.

Ограда 2. Сохранился также только большой каменный ящик, вокруг которого остались ямы от вертикальных плит. Ящик сложен из целых гранитных плит размером 2,6х1,5 м и вытянут с запада на восток. Плиты перекрытия отсутствуют, найдены лишь отдельные их обломки. Ограду перекапывали неоднократно и только на стыке северного и западного углов обнаружен раздавленный горшок без орнамента, сходный по форме с горшками из ограды 1. Других предметов выявить не удалось. Погребение разграблено.

Ограда 3. Устройство ее сходно с описанными оградями. Но она сохранилась несколько лучше других. Ограда в форме квадрата с четко обо-

значенными сторонами, площадью 6,5x10 м, сложена из вертикальных плит, врытых на ребро (рис. 72). Внутри нее находился большой гранитный ящик такой же квадратной формы, размером 1,9x1,4 м, высотой 1,08 м. Плиты, перекрывавшие его, имели величину 1,5x2,09 м. Разборка ограды показала, что она полностью ограблена, большинство человеческих костей лежало не в ящике, а валялось рядом с ним. Череп не обнаружен, предметов обихода также не было.

Ограда 4 расположена в юго-восточной части комплекса Айдарлы. Она сравнительно большая, имеет прямоугольную форму, площадь – 4,6x5,3 м. Стороны ее составлены не из громадных вертикальных плит, как у других оград этой группы, а из сравнительно небольших каменных плит, уложенных горизонтально. Ограда ориентирована продольной осью с севера на юг. Сохранились ее западная стена, частично – южная и северная. В центре ограды выявлена грунтовая камера, выложенная с трех сторон плитообразными камнями, более крупные плиты положены с западной и северной сторон, с южной камней не было. На дне камеры, ближе к восточной стене, обнаружен истлевший костяк человека, лежавший на спине, вытянуто, головой на юг, ногами на север. От черепа сохранились лишь зубы, по которым можно судить, что это погребение пожилого человека. Камера, видимо, была рассчитана на двоих, но ее западная половина оказалась пустой. На дне ее обнаружены обломки грубой керамики.

Ограда 5 является типичным сооружением эпохи поздней бронзы (рис. 73). Она составлена из

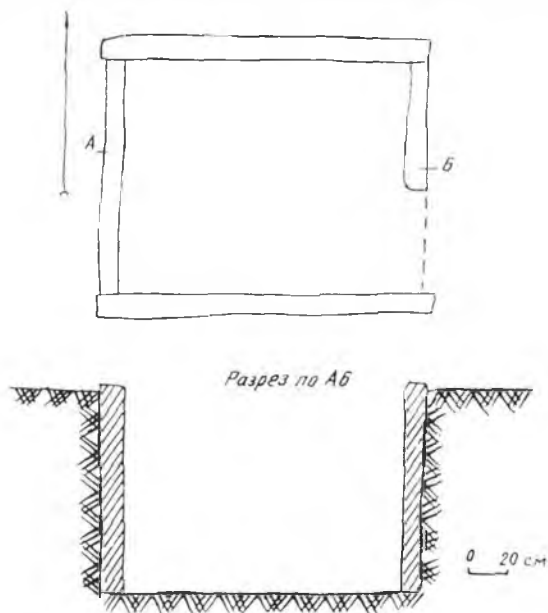

Рис. 72. Айдарлы. План и разрез ограды 3

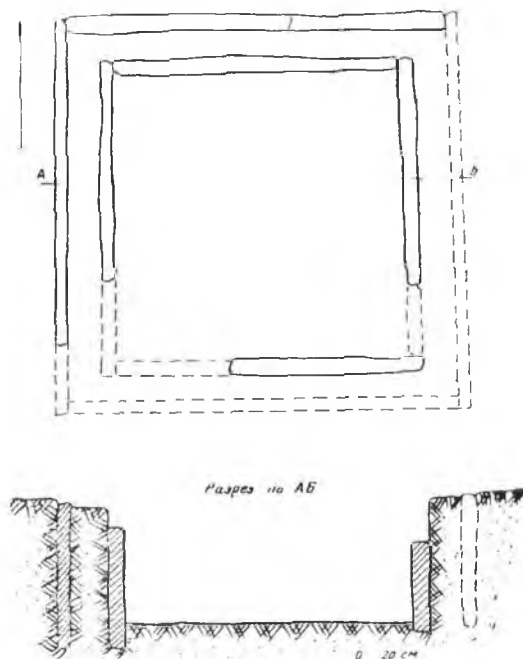

Рис. 73. Айдарлы. План и разрез ограды 5

вертикальных плит, врытых на ребро, в виде концентрической ограды квадратной формы, площадью 3,3x3,4 м, и ориентирована сторонами по сторонам света (рис. 74). Внутри нее выявлен большой каменный ящик величиной 2x2,3 м. Фрагменты керамики и человеческие кости были встречены в разных местах и на разной глубине – результат ограбления. На дне ящика, у северо-восточной стенки, сохранились кости ног человека. В разных местах ящика и вне его найдены фрагменты двух горшков. На некоторых из них имелся орнаментальный узор, выполненный крупным гребенчатым штампом.

Керамика из ограды 5 Айдарлы своей формой и орнаментацией сходна с керамикой Бегазы-Дандыбая и Сангру I.

Упрощенные грубые формы неорнаментированной керамики Айдарлы характерны для конца бронзы. Такие сосуды встречаются и в бегазинских памятниках (ограда 6 Бегазы), они были необходимы в обиходе.

В группе Айдарлы форма погребальных сооружений и обряд погребения очень сходны с дандыбаевскими, бегазинскими, сангрусскими и бугулинскими памятниками.

Кусмурун (Бугулы II)

В 1952 г. исследован обширный комплекс эпохи поздней бронзы Кусмурун (Бугулы II). Он расположен у северо-восточного подножья горы Бугулы, против одной из ее вершин Кусмурун,

Рис. 74. Айдарлы. Ограда 5

на берегу небольшой горной речки Шопы. Комплекс находится в 80 км к югу от г. Караганды.

Кусмурун (Бугулы II) – весьма обширный комплекс, состоящий из различных по типу и времени сооружений (рис. 76).

В нем сохранилось до 60 памятников, раньше их было больше, многие из них смыты весенними потоками. Как видно из плана, основная масса сооружений относится к эпохе поздней бронзы (XII–X вв. до н.э.), остальные – к эпохе ранних кочевников. Памятники можно разделить на следующие типы сооружений (рис. 76).

1. Небольшие четырехугольные каменные ограды из плит, врытых вертикально в землю. Размер оград – 4,5х3,5 м; 4х2,8 м; 3,2х2,8 м. Внутри них имеются большие ящики, сложенные из массивных гранитных плит, также врытых вертикально в землю, выступающих краями над древней поверхностью на 40–50 см. Размер ящиков – 2х1,5 м; 2х1,2 м; 2,2х2 м.

2. Массивные четырехугольные ящики, сложенные из врытых в землю вертикальных плит гранита, но без внешней ограды. Они таких же размеров, как и ящики предыдущего типа.

3. Большие четырехугольные ящики из гранитных плит, установленных на ребро, с одной сто-

роны, в большинстве – с южной или юго-западной. Размер ящиков – 3,6х1,6 м, пристройки – 1х0,8 м.

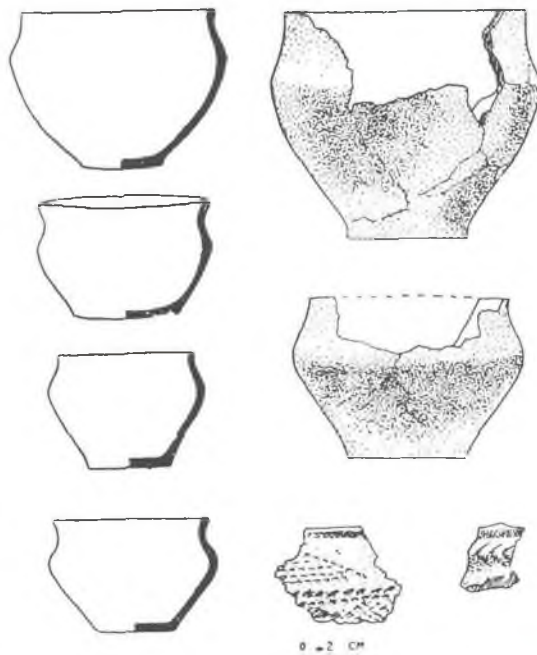

Рис. 75. Керамика эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана. Айдарлы, ограда 1

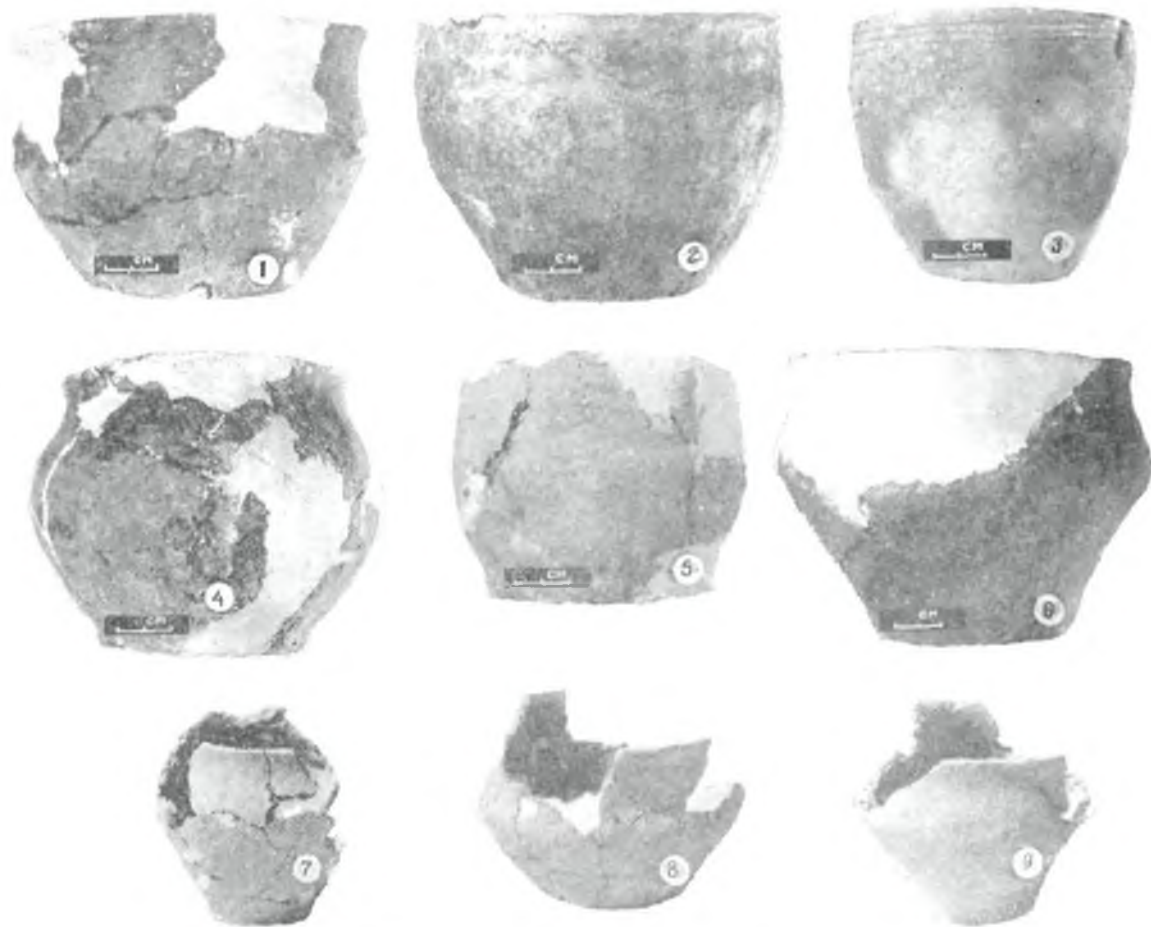

Рис. 77. Керамика Айдарлы. 1–3 – ограда 1, 4–9 – ограда 5

4. Большие четырехугольные ограды из массивных гранитных плит, поставленных на ребро. По углам имеются врытые вертикально камни высотой 1,45 м, а в юго-восточном углу – большая плита, имитирующая изваяния животного (бараний камень). Размер бараньего камня: высота – 1,7 м, ширина – от 30 до 50 см. Размер ограды – 8х7 м.

5. Невысокие курганы с кольцевыми выкладками из плит на насыпи, высотой от 0,4 до 1 м, диаметром от 5 до 12 м.

6. Округлые курганы, на вершине с кольцами из камней, положенных плашмя на насыпь.

7. Курганы с concentрическими квадратными оградками, внутри которых помещены большие каменные ящики. Ограды выложены плитами среднего размера, положенными плашмя. Диаметр кургана – 12–15 м, высота – 0,8–1 м.

8. Округлые курганы высотой 80–90 см, с кольцевыми оградками из камней, положенных плашмя у основания.

9. Невысокие курганы, в центре с квадратными

или прямоугольными оградками размером 7х6 м и пристройками прямоугольной формы, напоминающими входы бегазинских оград.

10. Плоская каменная насыпь округлой формы, по краю обрамленная камнями, положенными плашмя.

11. Плоские каменные выкладки с кольцевым обрамлением по краям. В центре их находится массивный ящик из крупных удлиненных блоков, поставленных на ребро. Размер ящика – 1,4х1,6 м, ограды – 3,7х4,8 м.

12. Каменная насыпь округлой формы, высотой 80 см, диаметром 10 м. В основании она выложена камнями. У восточной части расположен другой курган, также с каменной насыпью, но меньшего размера. От него к востоку дугообразно тянутся каменные дорожки («усы»).

В этом комплексе исследовано 12 объектов. В результате установлено, что большинство из них являются вариантами сооружений эпохи поздней бронзы, и только небольшая часть (плоские каменные выкладки и курганы «с усами») относится к эпохе ранних кочевников.

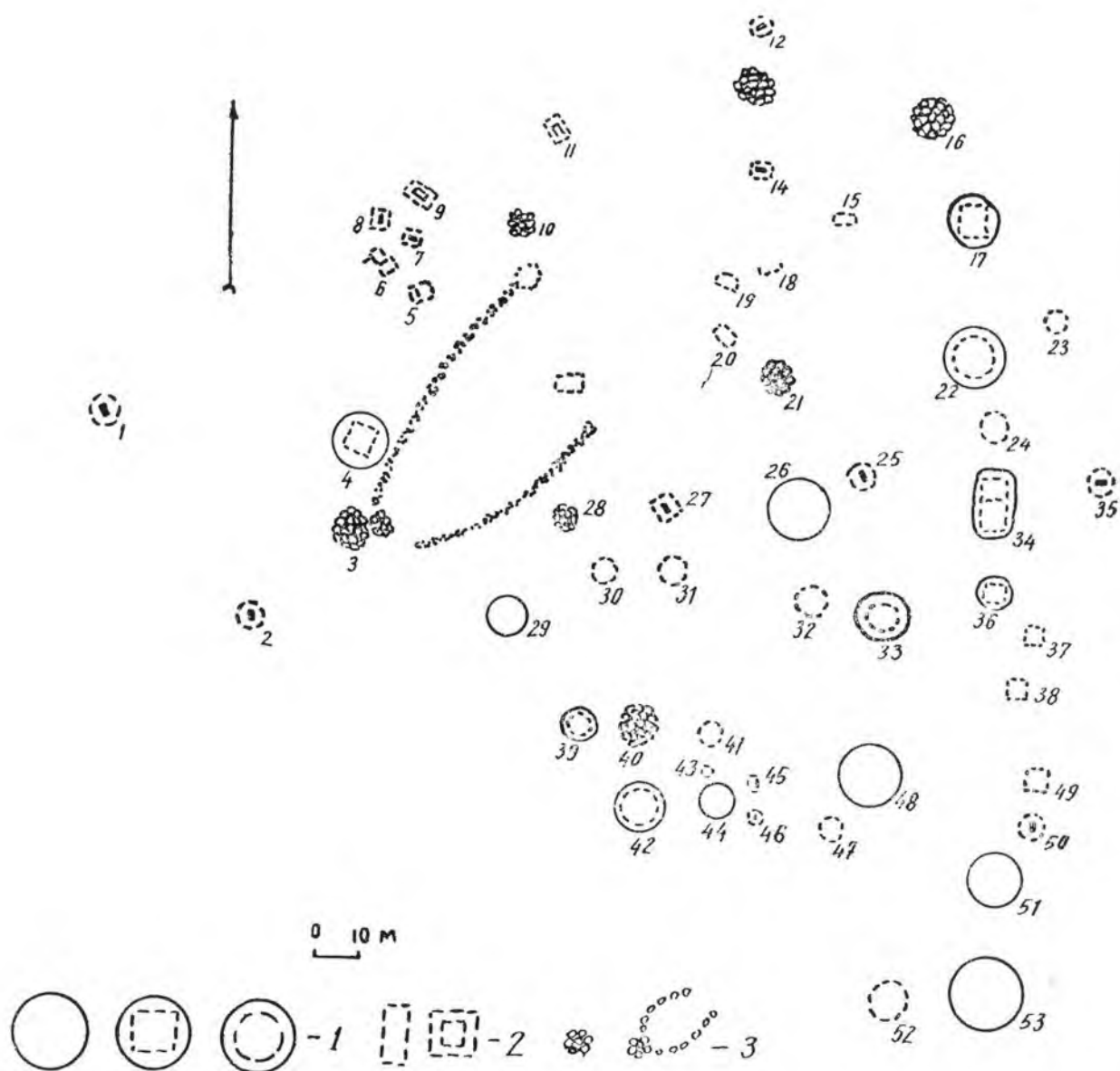

Рис. 76. План комплекса Бугулы II. 1 — курган, 2 — ограды, 3 — курган с «усами»

Ограда 1 имеет квадратную форму и сложена из плит, врытых вертикально. Площадь ограды — 2,9x2,9 м. В центре ее находится большой гранитный ящик квадратной формы, размером 1,75x1,85 м. Глубина ящика — 95 см, высота боковых плит — 90 см — 1 м. Против юго-восточного угла ящика, за оградой, стоит каменный столб высотой около 1 м, шириной 40 см. Он несколько наклонен к северо-востоку. Ограда ориентирована углами по сторонам света. При раскопке, на глубине 50 см, в середине ящика найден почти

целый горшок, украшенный геометрическим узором. Сосуд — ручной лепки имеет шаровидную форму, красиво изогнутый венчик и плоский поддон на изгибе. Между шейкой и венчиком сделан рельефный валик. Обжиг средний, излом темного цвета. Орнамент нанесен особым штампом в виде бараньего рога, покрывает всю поверхность сосуда (рис. 77). На той же глубине, в северо-западном углу обнаружен крупный обломок черепа. Остальные обломки черепа найдены на глубине 85 см в другой части ящика. При дальней-

Рис. 78. Бугулы II. Вид погребальных ящиков

шей расчистке, на глубине 70 см, в северо-западном углу обнаружен глиняный сосуд, стоявший дном вверх, шаровидной формы, плоскодонный, с прямым венчиком. По шейке проходит орнамент, выполненный своеобразным штампом в виде пересекающихся линий (рис. 77). Хаотичное расположение материала свидетельствует о том, что погребение давно ограблено. Других предметов материальной культуры не выявлено.

Ограда 3 расположена в северной части комплекса. Она сложена из крупных гранитных плит, врытых на ребро, и ориентирована длинными осями с запада на восток. Внутри нее стоял ящик. Его размер – 4х4 м. Он составлен из целых довольно больших гранитных плит, установленных вертикально, размером 1,82 м. Наиболее высокой и массивной плитой является восточная. По свежим изломам видно, что края плит отбиты недавно. Они выступают над поверхностью земли на 20–60 см. В результате разборки ограды поквратно-последовательным методом в северо-западном углу ящика, на глубине 50 см, были обнаружены обломки трубчатой кости барана и фрагменты красивого сосуда с дугообразной шейкой. Керамика довольно хорошего качества, светло-коричневого цвета, почти равномерного обжига. Орнамент состоял из удлиненных косых треугольников и меандра, выполненных мелким зубчатым штампом и ямками параболической трактовки. Каждый узор был отделен двумя параллельными линиями-полосами, сделанными зубчатым чеканом. Венчик украшали треугольники, обращенные вершинами вверх, шейку – узор, приближающийся по типу к меандру. Сосуд имел слегка отогнутый высокий венчик и округленные бока (тулово). Дальнейшая расчистка показала, что дно ящика было заполнено землей, перемешанной с галькой и мелкими обломками камня. Все было плотно сцементировано. Глубина ящика от края поверхности – 60 см, высота северной стены – 75 см, восточной – 1,5 см. Раскопка доведена до материкового грунта. Кроме керамики, других находок не было.

Ограда 5 представляет собой кольцевую выкладку из крупных каменных блоков и валунов, не имеющих определенной формы. Она концентрическая, размером с запада на восток – 5 м, с севера на юг – 3,7 м. В западном конце ее стояла большая плита (сторожевой камень), врытая на ребро. Раскопки проведены поквратно на всей площади выкладки.

В ограде обнаружена погребальная камера с прямоугольным ящиком, ориентированным продольной осью с запада на восток. При расчистке

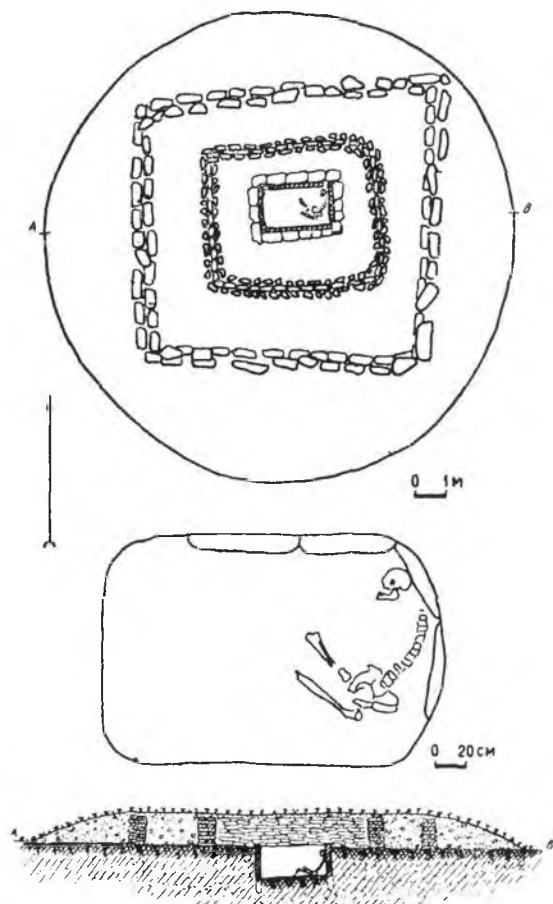

Рис. 79. Бугулы II. План и разрез кургана 8

ограды и ящика, на глубине 65 см, у южной стенки камеры выявлены кости человека. На этой же глубине, у северной стенки, собраны фрагменты плохо сохранившегося глиняного сосуда грубой лепки. Верхняя половина сосуда, от шейки до тулова, покрыта елочным орнаментом, нанесенным крупным гребенчатым штампом с поперечными зарубками (рис. 77). По форме и технике орнамента у сосуда много аналогов в керамике Дандыбая⁵⁷ и Бегазы, а также в карасукской керамике Южной Сибири⁵⁸.

Ограда 6 находится в северо-западном конце комплекса, в обособленной группе. В плане она представляет квадрат площадью 3,5х4 м и сложена из вертикально врытых гранитных плит, края которых выступают над поверхностью на 45–70 см. Внутри нее, на глубине 80 см каменный ящик размером 2х2,2 м. В ящике на разной глубине обнаружены фрагменты сосуда. Судя по ним, он имел слегка отогнутый венчик, плоский поддон, округлые бока и не был орнаментирован. Диаметр дна – 7,5 см. На дне сосуда имелся отпечаток сегментовидного знака (тамги).

Здесь же собраны крупные фрагменты другого, почти целого сосуда, изготовленного из глины светло-каштанового цвета с примесью дресвы и вкраплений кварцевого песка. Обжиг слабый, излом черного цвета, тесто рыхловатое. Высота сосуда – 12 см, диаметр венчика – 14 см, дна – 8 см. Он относится к типу плоскодонных сосудов с легким изгибом шейки, венчик почти прямой, вытянутый. Снаружи на дне концентрический кружок в виде солярного знака. Своеобразный орнамент сосуда в виде трех пересекающихся линий выполнен гребенчатым штампом (рис. 82,3).

Подобные узоры встречаются в керамике поздней бронзы Центрального и Северного Казахстана⁵⁹ особенно Бегазы и Дандыбая⁶⁰, а также обнаруживают некоторое сходство с керамикой карасукской культуры Енисея⁶¹.

Со дна ящика подняты фрагменты третьего сосуда, вылепленного из теста хорошего обжига, светло-каштанового цвета, имеющего в изломе коричневатый оттенок. Сосуд шаровидной формы, с прямым венчиком, легким изгибом шейки. Вздутые бока его резко переходят в плоский поддон. Орнамент в виде острых углов выполнен гладким штампом и покрывает всю верхнюю часть корпуса. Он нанесен в несколько рядов вокруг тулова и плечика. Этот орнамент напоминает ковровый узор, чрезвычайно оригинален по своему композиционному построению. Эта находка является ярким самобытным образцом гончарного искусства эпохи бронзы Центрального Казахстана (рис. 82). Подобный сосуд, с несколько иным рисунком был найден в Дандыбае⁶¹.

Вся керамика описанной ограды по типу и технике нанесения орнамента аналогична дандыбаевской и бегазинской.

На дне ящика обнаружены также обломки трубчатых костей человека, но по ним трудно судить об обряде погребения. Ящик давно ограблен, поэтому других находок не было.

Ограда 7 расположена в центре комплекса. Она представляет собой прямоугольную площадку, вытянутую с запада на восток, размером 2,9x3,5 м. В середине площадки находится большой каменный ящик прямоугольной формы, размером 1,8x1,25 м. Он сложен из четырех целых плит гранита, врытых на ребро. Верхние края плит выступают над поверхностью земли на 10–35 см. При расчистке ограды, в северо-западном углу ящика, на дне обнаружен несколько вытянутой формы глиняный сосуд. Сверху он прикрыт небольшой сланцевой плитой. Его высота – 12,5 см, диаметр венчика – 14,5 см, дна – 8,5 см. Сосуд сделан из хорошей глины с незначительной примесью дресвы, в изломе – обжиг черного цвета. На шейку сосуда нанесен орнамент в виде сплошных зигзагов, выполненных крупным гребенчатым штампом. Мотивы геометрических зигзагов часто встречаются в керамике культуры бронзы, особенно карасукского времени в Южной Сибири⁶³. Сосуд из группы Кусмурун с рельефным орнаментом в виде зигзагов (рис. 82,5) близок керамике Дандыбая⁶⁴ и керамике поздней бронзы из поселений Кокчетавской области⁶⁵.

На дне ящика обнаружены истлевшие и потревоженные кости скелета человека (конечности и

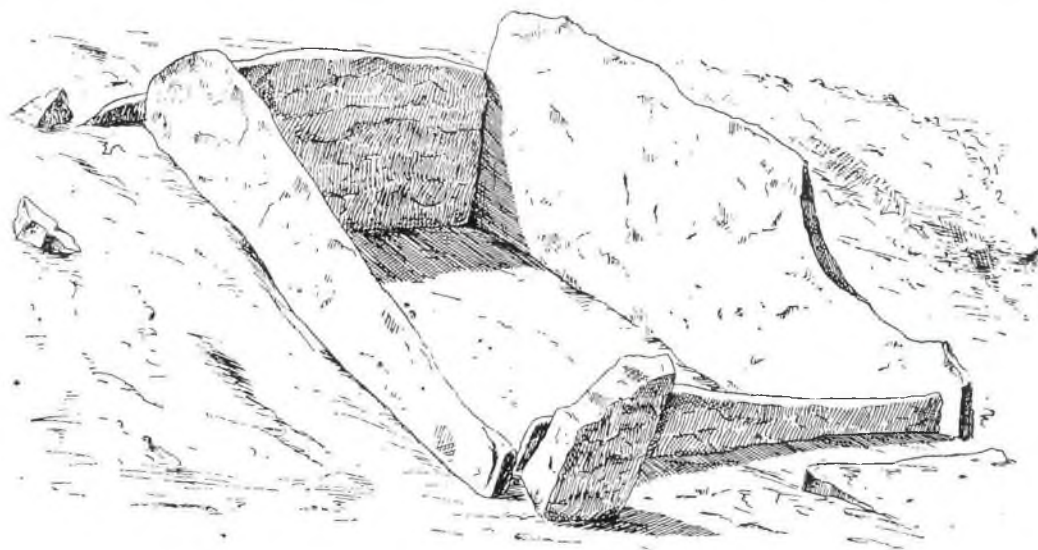

Рис. 80. Бугулы II. Погребальный каменный ящик

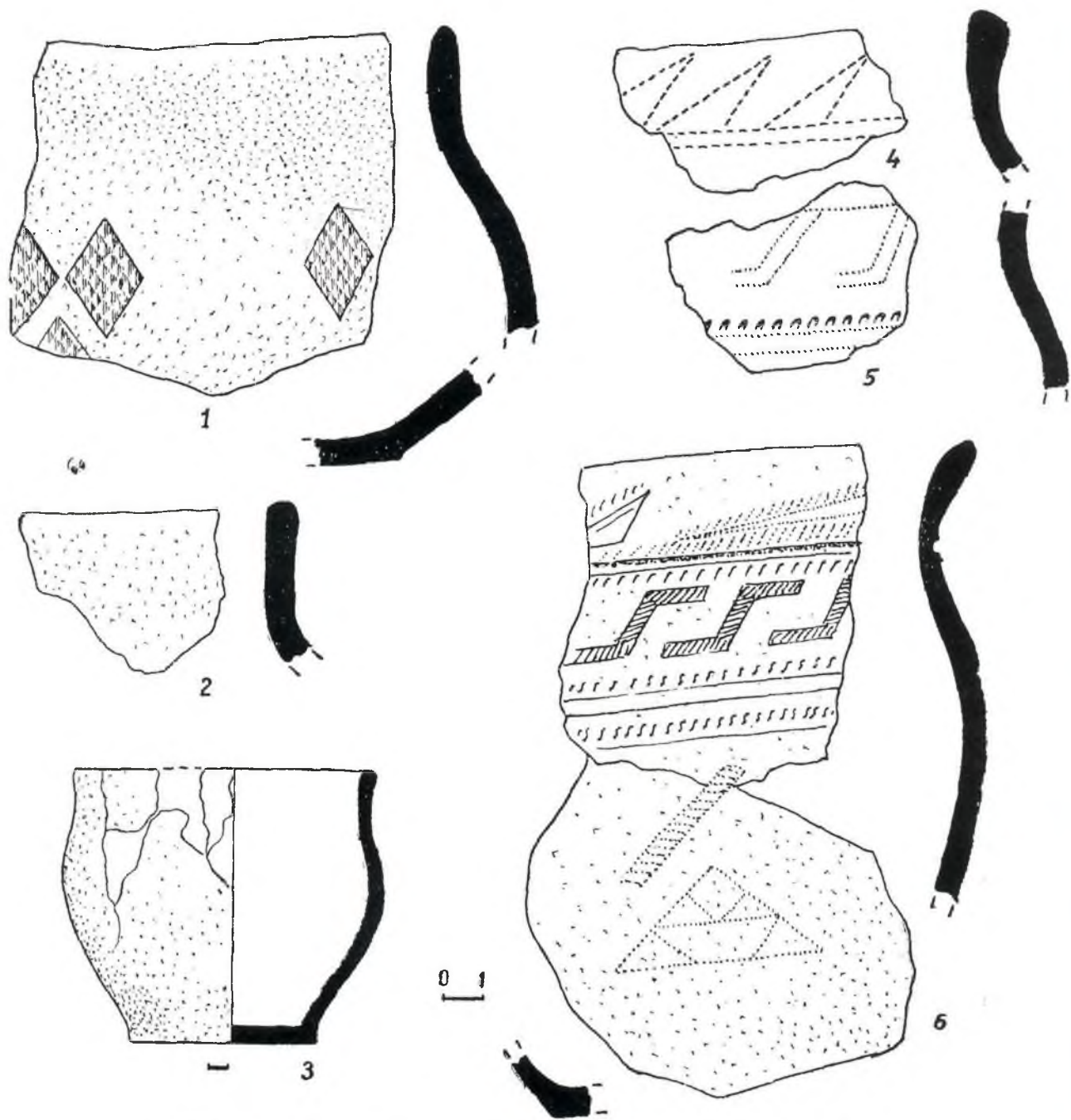

Рис. 81. Керамика Бугулы II. 1—ограда 10, 2, 3, 6 — ограда 11, 4—5 — ограда 3

нижняя челюсть). Предметов материального производства не обнаружено.

Курган-ограда 8 имеет шаровидную форму и каменную выкладку в центре (рис. 79). Диаметр его — 15,8 м, высота — 0,85 м. Несколько выше шлейфа на насыпи заметны очертания каменной выкладки трапециевидной формы из плит, положенных плашмя. Ограда ориентирована длинными осями по сторонам света, с небольшим отклонением к северо-западу. Размер западной сто-

роны — 8 м, северной — 9,8 м, южной — 9,5 м, восточной — 9,5 м. На глубине 50 см обнаружена внутренняя ограда, вписанная во внешнюю. Промежуток между ними — обходной коридор шириной 1,5–2,2 м. Внутренняя ограда по плану очень близка квадратно-трапециевидной форме, углы ее несколько закруглены. Длина северной стороны равна 3,9 м, южной — 3,6 м, западной — 4,45 м, восточной — 4,10 м. Ограда меньшей стороной обращена на юго-запад. По всей поверхности

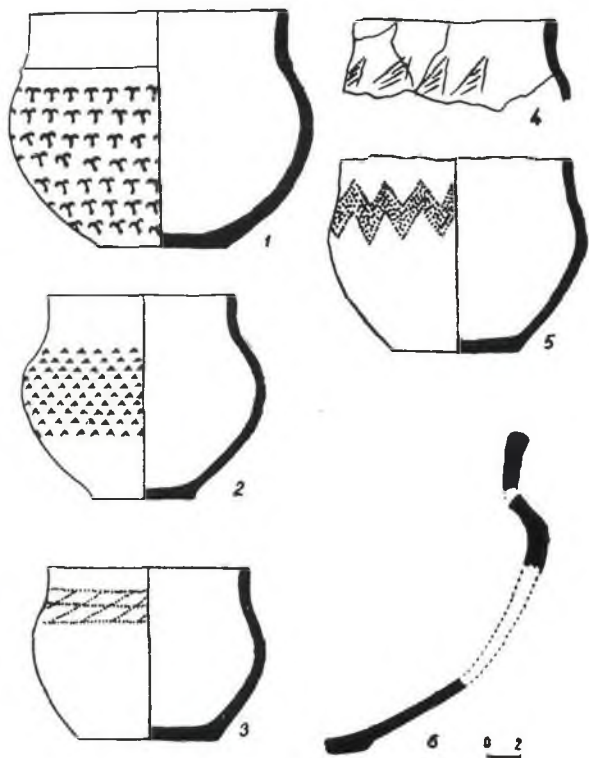

Рис. 82. Керамика Бугулы II.
1—ограда 1, 2, 3, — ограда 6, 4 — ограда 10

насыпи разбросаны крупные каменные плиты, самые большие лежали в центре. Размер плит — 1,10x1,55 м, 95x85 м, 1,5x1,10 м, 1,8x1,35 м. Возможно, ими была перекрыта внутренняя ограда. При дальнейшей расчистке послойно-поквадратным методом в центре внутренней ограды выявлена погребальная камера подквадратной формы, выложенная большими прямоугольными плитами с небольшими разрывами между ними. В центре ее лежали огромные гранитные плиты, служившие перекрытием. Камера имеет вид прямоугольного ящика, ориентированного по сторонам света. Длина сторон с запада на восток — 2,2 м, с севера на юг — 1,5 м. Между оградой в разных местах, на глубине 55 см найдены кости животных, следы трапезы строителей. На глубине 1,6 м выявлен неполный костяк человека: позвоночник, тазовые и берцовые кости, а также кости ног. В северо-восточном углу камеры человеческий череп плохой сохранности. Человек был захоронен в сидячем положении, с поджатыми к груди ногами в юго-восточном углу. Судя по скелету, это был человек большого роста. Кроме костяка, предметов домашнего обихода не найдено.

Курган-ограда 8 по своей планировке и форме сооружения близок сооружениям Аксу-Аюлы

II, Ортау II и Байбала II.

Ограда 9 прямоугольной формы, размером 4,2x3,5 м, ориентирована длинной осью с северо-запада на юго-восток. В центре, на глубине 80 см, имеется большой каменный ящик (рис. 80), размер его — 1,57x1,1 м. Стены ящика выступают над поверхностью земли на 30—50 см. Снаружи западного угла ограды сторожевой камень длиной 1,78 м, шириной 0,2 м. Надо отметить, что в этой группе в углах всех оград вертикально врыты большие камни, что характерно для оград эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана и памятников карасукского времени Южной Сибири. Кости скелета человека найдены в разных местах и слоях ограды. Со дна ящика (глубина 0,75 м) подняты фрагменты глиняного сосуда из теста с примесью толченого гранита и полевого шпата. Поверхность его красновато-серого цвета, что говорит о сравнительно хорошем обжиге. Сосуд шаровидной формы с прямым невысоким венчиком и легким изгибом шейки, дно уплощенное. На шейку гладким штампом нанесен орнамент в форме заштрихованных треугольников. Подобные сосуды характерны для оград Бегазы и Дандыбая, встречаются в комплексе Кусмурун.

Ограда 10. Сохранился лишь большой ящик, сложенный из гранитных плит. Ограда, в которую он был заключен, как видно, давно разобрана, рядом с ним расположен ящик другой ограды, что составляет особенность комплекса Кусмурун. Ящик ограды 10 прямоугольной формы и размерами 2,4x1,45 м, ориентирован углами по сторонам света. На его наружных углах стоят вертикальные каменные столбы. Под дерновым слоем найден фрагмент изящного сосуда, остальные обломки обнаружены в разных слоях раскопа. Сосуд изготовлен из теста с примесью мелкой дресвы, обжиг средний, излом темный. Характерная особенность сосуда — высокий венчик и вытянутость корпуса. Легкий изгиб шейки, как остальных сосудов из этого комплекса. Орнамент в виде больших ромбов, внутри которых проведены параллельные линии, что в сочетании образует маленькие равнобедренные треугольники, нанесен мелким чеканом. В керамике эпохи бронзы Центрального Казахстана много подобных сосудов⁶⁶.

Ромбический орнамент описанного типа — один из излюбленных мотивов керамики Дандыбая⁶⁷, а также карасукского времени Южной Сибири⁶⁸.

Ограда 11. Это большой каменный ящик со

входом с юго-западной стороны, расположен в центре северо-западной группы комплекса, к северу от кургана 8. Размер ящика – 2,6х1,8х1,1, входа – 1х0,9 м. На глубине 0,78 м обнаружены фрагменты четырех сосудов, три из них имеют геометрический орнамент, один не орнаментирован. Все горшки сделаны из теста со значительной примесью толченого кварца и блесок пирита. В изломе густо-оранжевого цвета. Наиболее интересны фрагменты крупного сосуда с высоким горлом и шаровидным туловом, орнамент занимает всю его верхнюю часть, нанесен гребенчатым штампом. По венчику идут вытянутые, несколько стилизованные косые треугольники, затем каннелюры, ниже – ногтевой орнамент в виде запятых, по шейке расположены прямоугольные фигуры в виде стилизованных частей меандра, затем проходит линия запятых и каннелюр. Сосуд своей формой и орнаментацией сходен с горшком 6 керамики Дандыбая⁶⁹.

Бегазы А (ранняя группа)

В комплексе Бегазы представлены памятники всех периодов эпохи бронзы — атасуского, переходного и бегазы-дандыбаевского. Неизученными остаются пока памятники нуринского этапа, глубоко погребенные в пойме р. Бегазы (Каратал), вскрытые лишь однажды бульдозером на двухметровой глубине. К переходному типу относятся концентрические квадратные ограды без тамбура, представляющие собой прототип плиточных мавзолеев Бегазы II. Из них наиболее интересна плиточная ограда 7. Она расположена в самом центре могильника, ближе к юго-западу. По плану это концентрический квадрат с двойной стеной, составленный из огромных гранитных плит, врытых в землю отвесно. Размеры наружной ограды с юга на север 5,7 м, с запада на восток 6,0 м, внутренней 3х2,5 м. Между оградой образован обходной коридор шириной до 2 м. В центре двойной ограды находится каменный ящик, ориентированный продольной осью по линии ЗВ. Внутренняя ограда сделана горизонтальной кладкой из бутового камня высотой более 1 м. Кладка совершена после захоронения покойника, о чем говорит восточная половина ящика, перекрытая кладкой восточной стены. Плиты наружной ограды выступают из земли на 0,60—0,85 м. Плиты западной и северной стен удвоены и мощно закреплены забутовкой. Здесь прослеживаются зачатки идеи крепления стены особыми подпорками, развитие этой строительной идеи и ее широкое применение наблюдается

в сооружениях бегазы-дандыбаевского времени. Кроме того, для прочности основание стен мощно забутовано мелкими обломками камня и гравия — техника, не свойственная для андроновских сооружений. Забутовка основания стен встречается в гробницах Аксу-Аюлы II, Ортау II и Байбала II.

Ящик разграблен. Восточная его половина, находившаяся под защитой мощной стены внутренней ограды, не тронута грабителями. В ящике найдены обломки сосудов ручной лепки, формованных из глины с примесью песка. Поверхность большинства сосудов темно-бурая с красноватым оттенком, в изломе цвет красно-бурый. Среди обломков имеются фрагменты глиняного сосуда с шаровидным туловом, высоким прямым венчиком, четко выраженной шейкой. Орнамент выполнен гладким штампом в виде сложного меандра и прорезных линий.

По типу сооружений и керамике ограда 7 совершенно не характерна для андрона. Лишь присутствие каменного ящика и меандровый орнамент керамики свидетельствуют о связи с андроновской традицией. План сооружения в виде концентрического квадрата с четкими углами и подпорками стен знаменует собой начало новой эпохи.

Таким образом, для переходного этапа характерно, с одной стороны, сохранение нового типа.

Это не родовые погребения патриархально-семейных общин, как прежде, а гробницы наиболее выдающихся членов патриархально-родового общества. Появление подобного типа захоронений с обширными внутренними сооружениями (Аксу-Аюлы, Беласар, Ортау II) связано с теми изменениями, которые наметились в жизни племен Центрального Казахстана в результате возникновения у них имущественной дифференциации в период позднего андрона (XIV—XIII вв. до н. э.).

О социальном значении появления курганов-оград на высшем этапе развития культуры бронзы очень точно сказал С. В. Киселев: «Они, несомненно, по своему значению аналогичны погребениям представителей племенной знати конца срубной культуры, вроде раскопанного П. С. Рыковым десятиметрового кургана в урочище «Три брата» близ г. Степного. Они предвосхищают пышные погребения племенной знати скифской архаики»⁷⁰.

Из сравнительного анализа видно, что в курганах-оградах нет элементов, присущих андроновской культуре. Это особый тип памятников, характерный только для Центрального Казахстана

на, знаменующий собой переход от позднего андрона к бегазы-дандыбаевскому времени. Они не укладываются в понятие «алакульский этап», к которому их пытаются отнести. Сама хронология «алакульского этапа» вызывает много сомнений. К. В. Сальников датирует его XI–IX вв. до н. э., С. С. Черников — XII–VIII или XI–IX вв. до н. э. В таком случае для культуры Карасука и Бегазы-Дандыбая не остается места в хронологической шкале. Ясно, что такая периодизация совершенно неприемлема для хронологической классификации культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана. В Центральном Казахстане каждая историческая эпоха оставила свой глубокий след в виде многочисленных разновременных и весьма ярких памятников. Они отличаются друг от друга, их невозможно спутать. Они четко подразделяются на следующие хронологические этапы: энеолит (медно-каменный век), конец III — начало II тысячелетия до н. э.; ранняя бронза, в Центральном Казахстане соответствует нуринскому этапу, на Урале — федоровскому XVII–XV вв. до н. э.; средняя бронза, XIV–XIII вв. до н. э.: в Центральном Казахстане соответствует атасускому этапу, на Урале — алакульскому; переходный этап

от средней к поздней бронзе, XII–XI вв. до н. э.; поздняя бронза, бегазы-дандыбаевский этап, X–VIII вв. до н. э.

Многолетние исследования памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана показывают, что культура бронзы развивалась в течение тысячелетий, постоянно претерпевая изменения. Зародившись в энеолите, она прошла несколько исторических этапов и достигла своего наивысшего расцвета в конце второго — начале первого тысячелетия до нашей эры. Хронологическая последовательность развития этой культуры хорошо прослеживается на памятниках ранней бронзы, или нуринского этапа (группы Акшатау, Ботакара, Байбала I, Бугулы I, Акмола и др.), средней бронзы, или атасуского этапа (Балакулболды I, Бесоба, Айшрак А, Былкылдак I, II, III, Карасай, Беласар, Егизек, Сангру II, Аксу-Аюлы I, Бегазы I, Жамбай-Карасу, Жиланды и т. д.), переходного этапа (Аксу-Аюлы II, Байбала II, Беласар II, Ортау II, и т. д.), поздней бронзы, или бегазы-дандыбаевской культуры (Айбас-Дарасы, Айдарлы, Аккойтас, Бегазы II, Бугулы II, III, Кент, Дандыбай, Кзыл-Арай, Сангру I, III, Курылыс и т. д.).

- ¹ Памятники эпохи ранней и средней бронзы подробно освещены нами в кн.: *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, гл. I, II, V.
- ² *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана, с. 71–79.
- ³ Там же, с. 96, рис. 30.
- ⁴ См.: *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана, с. 179, табл. XVII.
- ⁵ Там же, с. 174, рис. 83, 3.
- ⁶ *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение.— «Труды ГИМ», вып. XVI, с. 133, рис. 55, 2, 3, 8, 9; с. 136, рис. 58, 10; *Она же.* Садчиковское поселение.— МИА, 1951, № 21, с. 157, рис. 5, 2, 4.
- ⁷ *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы.— МИА, М.—Л., 1960, № 88, табл. X, 3, 19, 20; табл. XI, 4, 6–8.
- ⁸ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири, М. 1951, с. 111, табл. X, 6; *Грязнов М. П.* К вопросу о культуре эпохи бронзы в Сибири.— КСИИМК, 1956, вып. 64, с. 36, 11.
- ⁹ *Сальников К. В.* Бронзовый век Южного Урала.— МИА, № 21, с. 135, рис. 1.
- ¹⁰ *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, М., 1955, № 46, с. 115, рис. 26, 11.
- ¹¹ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири, с. 431, табл. XXXVII, 6.
- ¹² *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской.— МИА, № 23, с. 161, рис. 1, 2.
- ¹³ *Синицын Н. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана.
- ¹⁴ Семипалатинский краеведческий музей. № 1319/102.
- ¹⁵ *Mantelius O.* Lagrece preclassique. Stockholm, 1924, табл. 90.
- ¹⁶ *Куфтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды. Т. II. Тбилиси, 1950, с. 63.
- ¹⁷ *Грязнов М. П.* Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане.— В кн.: *Казаки. Л.* 1927, с. 209, рис. 25, 5.
- ¹⁸ *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана, с. 272, табл. IV, 21–27.
- ¹⁹ *Кадырбаев М. К.* Могильник Сангру II.— В кн.: Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана («Труды ИИАЭ», т. 12). Алма-Ата, 1961, с. 52, табл. II, 1.
- ²⁰ *Грязнов М. П.* Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане, с. 205, рис. 24, 1.
- ²¹ *Граков Б. Н.* Работы в районе проектируемых южноуральских гидростанций.— «Известия ГАИМК», Л., 1935, вып. 110, с. 105.
- ²² *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение, с. 111, рис. 37, 1, 2, 4.
- ²³ *Воронец М. Э.* Браслеты бронзовой эпохи Музея истории АН УзССР.— «Труды ИИА АН УзССР», 1948, т. 1, с. 66, рис. 1.
- ²⁴ *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение, с. 109.
- ²⁵ *Комарова М. Н.* Томский могильник.— МИА, М., 1952, № 24, с. 31, рис. 17, 5.
- ²⁶ *Сальников К. В.* Курганы на озере Алаколь.— МИА, № 24, с. 56, рис. 5, 3.
- ²⁷ *Уваров А. С.* Могильники Северного Кавказа. Спб., 1900, вып. VIII, рис. 54.
- ²⁸ *Репников Н. И.* Каменные ящики Байдарской долины.— «Известия Археологической комиссии», 1909, вып. 30.
- ²⁹ *Оразбаев А. М.* Памятники Центрального Казахстана.— ТИИАЭ, т. 7. Алма-Ата, 1959, с. 66, рис. 10, 4.
- ³⁰ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири, М. 1951, с. 111, табл. X, 6–12; *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби.— МИА, 1956, № 48, с. 31, рис. 8, 1, 2; табл. VI, 10.
- ³¹ Там же, табл. X, 7; табл. XIII, 1, 2; табл. XIV, 1, 2, 5, 10, 11; табл. XIX, 16–26, 28–30, 32.
- ³² *Никитин В. П.* Памятники древности Каркаралинского уезда.— «Записки РАО. Новая серия», т. 8, вып. 1/2. Спб. 1896, с. 211–218.
- ³³ *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби, с. 27–28.
- ³⁴ *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби, с. 31, рис. 8, 1, 2; с. 32, рис. 9, 2, 11, 1.
- ³⁵ *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана, с. 237, табл. XIII, 2.
- ³⁶ *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы, с. 237, табл. XIII, 2.
- ³⁷ *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, с. 35, рис. 7, 6, 7.
- ³⁸ *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, с. 41, рис. 9, 1.
- ³⁹ *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение, с. 138, рис. 61.
- ⁴⁰ *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы, с. 223, табл. XXVIII, 18; с. 224, табл. XXIX, 11; с. 236, табл. XLI, 1, 12; с. 238, табл. XLIII, 3; с. 248, табл. LV, 1, 2, 4.
- ⁴¹ *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана, с. 192.
- ⁴² См.: *Маргулан А. Х.* Комплексы Былкылдак.— В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 168.
- ⁴³ *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник.— «Труды ГИМ», XVII, 1948, с. 153.
- ⁴⁴ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири, М. 1951, 57, 93.
- ⁴⁵ *Черников С. С.* Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949, с. 69.
- ⁴⁶ *Грязнов М. П.* Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане, «СА», 1952, XVI, с. 130.
- ⁴⁷ *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы.— МИА, 1960, № 88, с. 117.
- ⁴⁸ Он же, стр. 98–99.
- ⁴⁹ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири, М. 1951, с. 63.
- ⁵⁰ Он же, с. 143.
- ⁵¹ *Грязнов М. П.* Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане..., с. 132.
- ⁵² Там же, с. 142, рис. 10.
- ⁵³ Там же, с. 143, рис. 11.
- ⁵⁴ *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник, с. 102.
- ⁵⁵ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири, с. 83.
- ⁵⁶ *Оразбаев А. М.* Северный Казахстан в эпоху бронзы «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 5, 1958, табл. X, 4–7.
- ⁵⁷ *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби.— МИА, 1953, № 48, рис. 15, 1, 2, 6; табл. V, 25.
- ⁵⁸ *Грязнов М. П.* Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане, рис. 5, 3.
- ⁵⁹ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири, М. 1951, стр. 73, табл. XIII, 7, 17, 23.
- ⁶⁰ *Оразбаев А. М.* Северный Казахстан в эпоху бронзы, стр. 290, табл. VIII, 1.
- ⁶¹ *Грязнов М. П.* Указ. соч., с. 137, рис. 5.
- ⁶² *Киселев С. В.* Указ. соч., с. 73, XIII, рис. 25.
- ⁶³ *Грязнов М. П.* Указ. соч., с. 140, рис. 8, 9.
- ⁶⁴ *Киселев С. В.* Указ. соч., с. 65, табл. X, рис. 9; стр. 73, табл. XIII, рис. 1.
- ⁶⁵ *Грязнов М. П.* Указ. соч., с. 137, рис. 5, 3.
- ⁶⁶ *Оразбаев А. М.* Указ. соч., табл. XII, 2.
- ⁶⁷ *Грязнов М. П.* Указ. соч., с. 137, рис. 5, 8.
- ⁶⁸ Там же, рис. 5, 5; рис. 8, 7.
- ⁶⁹ *Киселев С. В.* Указ. соч., с. 64, табл. X, рис. 6, 10.
- ⁷⁰ *Грязнов М. П.* Указ. соч., с. 140, рис. 8, 6.
- ⁷¹ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири, М. 1951, с. 102.

ЧАСТЬ II

БЕГАЗЫ-ДАНДЫБАЕВСКАЯ КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

ГЛАВА 1

ПАМЯТНИКИ БЕГАЗЫ-ДАНДЫБАЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Из огромной массы разновременных памятников Центрального Казахстана особо выделяется обширная серия грандиозных комплексов – усыпальниц, характеризующих собой кульминационный этап развития бронзовой культуры в этой стране. До недавнего времени эти замечательные памятники не были известны, они открыты и исследованы ЦКАЭ главным образом в последние 30 лет. В науку они вошли под названием «памятники бегазы-дандыбаевской культуры».

Эта серия памятников завершающего этапа культуры бронзы Центрального Казахстана синхронна с карасукской культурой Южной Сибири и непосредственно предшествует местной культуре раннесакского времени. Следует отметить, что бегазы-дандыбаевская культура представляет собой дальнейшее закономерное и последовательное развитие культуры бронзы Центрального Казахстана.

Однако по вопросу происхождения культуры предсакского времени нет единого мнения. Такое положение объяснялось слабой источниковедческой базой, отсутствием фундаментальных материалов о культуре бронзы Казахстана. Например, утверждалось, что завершающего этапа культуры бронзы типа карасукской в Казахстане не было, а андроновская культура, господствовавшая в степи, непосредственно перешла в культуру раннесакского времени¹.

Памятник Дандыбай, в то время единственный, был объявлен случайным, не характерным для Центрального Казахстана².

В нем усматривали лишь западную границу карасукской культуры или западный вариант, возникший под ее влиянием.

Идею об отсутствии особого переходного этапа между андроновской и раннесакской культурами на территории Казахстана упорно защищал С. С. Черников. Дандыбаевский классический памятник эпохи поздней бронзы, никакого сходства не имеющий с андроном, он относил к последнему этапу андроновской культуры. Он писал: «Андроновская культура, когда-то яркая, самобытная и сильная, изживает себя, переходя в культуру ранних кочевников»³.

Такой недифференцированный подход к археологическим памятникам исключает правильное понимание закономерностей развития и спе-

цифики культур древнего населения Казахстана во II – начале I тысячелетия до н. э.

Изучение новых богатых материалов эпохи бронзы Центрального Казахстана показывает, что каждое новое поколение, сохраняя традиции своих предков, в то же время отказывалось от изживших себя форм и создавало новые типы культуры, отвечающие требованиям времени. Об этом особенно ярко говорят памятники строительной культуры, керамики и бронзовых изделий, составляющие для каждой эпохи особую типологическую группу, не похожую на другие. Объединять все эти особенности различных ступеней исторического развития в единое целое было бы неверно. Нельзя также признать справедливыми выводы С. С. Черникова, касающиеся хронологии и районирования некоторых категорий вещей эпохи поздней бронзы. Так, С. С. Черников относит происхождение керамики с наlepным валиком к раннему андрону⁴.

Наши выводы согласуются с точкой зрения М. П. Грязнова, что керамика с наlepным валиком характерна только для эпохи поздней бронзы⁵.

Справедливость этой точки зрения подтверждается большим материалом из поселений эпохи бронзы Центрального Казахстана (Суук-Булак, Шортанды-Булак, Тагибай-Булак), где керамика с наlepным валиком доминирует. В то же время этот тип керамики совершенно отсутствует в ранних комплексах нуринского этапа, соответствующих федоровским памятникам Южного Урала.

Ошибочен вывод С. С. Черникова и о локальном характере «жемчужного» орнамента, будто бы присущего лишь керамике Восточного Казахстана и Енисея⁶.

В огромном количестве керамика с таким орнаментом найдена в поселениях Шортанды-Булак, Тагибай-Булак, Каркаралы II и могильниках Айбас-Дарасы, Бегазы, Дандыбай Центрального Казахстана.

Не соответствует действительности также тезис о том, что выгнуто-обушковые ножи западнее Иртыша неизвестны⁷.

Ножи и кинжалы с обособленной рукояткой, так называемый «казахстанский» тип бронзовых орудий, хорошо известны еще из раскопок Дарто, Бахирева и других исследователей Каркаралинской степи⁸.

Особенно много найдено их в советское время в древних рудных выработках Степняк, Аксу, Бестобе⁹, в поселениях Каркаралы I, II, Саргары, Алексеевском и т. д. О широком ареале распространения этих ножей — от Западного Алтая до Урала — писали еще М. П. Грязнов и С. В. Киселев¹⁰.

В связи с открытием большой серии памятников бегазы-дандыбаевского времени встает вопрос об их отношении к родственным культурам и прежде всего к карасукской культуре Южной Сибири. На происхождение карасукской культуры в настоящее время имеются четыре диаметрально противоположные точки зрения. Одни ученые утверждают, что она возникла под влиянием иньской культуры. Наиболее показательно эта гипотеза сформулирована в трудах шведского ученого Б. Карлгрена¹¹.

Против теории Б. Карлгрена выступил другой шведский ученый — Андерсон, много лет проводивший археологические раскопки в верхней долине р. Хуанхэ, в провинциях Ганьсу, Цинхай и Хэнань. На основе многолетних наблюдений Андерсон пришел к твердому мнению, что ордосские бронзы происходят из Южной Сибири¹².

Он имел в виду историческую географию, по которой провинция Ганьсу с Ордосом не входила в состав древнего Китая, а составляла особый регион, населенный северо-западными скотоводческими племенами, больше связанными с Южной Сибирью. В древнекитайских анналах этот район охарактеризован как территория, населенная скотоводами-жунами.

С аргументированной критикой гипотезы Б. Карлгрена выступил американский ученый М. Лоер, отметивший независимость и большое отличие ордосских бронз от иньской культуры, их сходство с южно-сибирскими и монгольскими. Причем М. Лоер считает, что ордосские и южно-сибирские бронзы, вероятно, древнее шань-иньских¹³.

Английский ученый В. Ватсон склонен видеть в карасукской культуре автохтонное развитие, считая, что в основе карасукской культуры лежит реалистическое искусство Южной Сибири, отличающееся от условного стиля эпохи Шань-Инь¹⁴.

Несомненно, он имеет в виду андроновскую культуру.

Очень далека от истины точка зрения другой группы ученых, связывающей происхождение карасукской культуры с Западным Ираном, с культурой более поздних луристанских бронз. Так,

по мнению Н. Л. Членовой, карасукская культура передвигалась из Западного Ирана на восток. Сначала она обосновалась в Афганистане, затем в Синьцзяне, оттуда проникла в Монголию, Ордос, Забайкалье и Минусинскую котловину.

Развивая идею Пауэлла и других европейских ученых, Н. Л. Членова доводит луристанскую культуру до Центральной Европы и пытается проследить ее влияние на гальштатскую культуру. Таким образом, искусственно создается огромная древняя от Центральной Европы до Тихого океана империя с карасукским этническим субстратом¹⁵.

Эта ошибочная точка зрения подвергалась справедливой критике¹⁶.

Идею о миграции карасукской культуры с Ближнего Востока и о ее влиянии на культуру древнего Китая развивает и Л. С. Васильев¹⁷.

По исследованиям Р. Гиршмана, Э. Порады, Э. Террас, Дейсона, П. Кальмейера и других, луристанская бронза возникла гораздо позднее, чем карасукская культура Южной Сибири¹⁸.

Р. Гиршман датирует ее тремя этапами: самый ранний (Сиалк «А») — XII—XI вв. до н. э., средний (Сиалк «Б») — X—IX вв. до н. э. и самый поздний — VIII—VII вв. до н. э. Э. Порада относит луристанские бронзы к X—IX вв. до н. э. Дейсон. Э. Террас датируют весь комплекс IX—VIII вв. до н. э., а П. Кальмейер — VIII—VII вв. до н. э. Р. Гиршман, проводивший многолетние археологические исследования в Иране, происхождения луристанской бронзы связывает с Азией. По его мнению, в III тысячелетии древняя крашенная керамика в поселениях Гиссара замещается сероглиняной в результате появления новой культуры, возникшей на основе миграции племен из Трансоксании. Во второй половине того же тысячелетия на Гиссарское плато двинулись мобильные народы с севера и севера-востока; они наводнили и Сиалк, о чем свидетельствует наличие в некрополе «А» исключительно черно-серой керамики¹⁹.

Сходную мысль высказывает и Э. Террас. Отметив значение коневодства в эпоху поздней бронзы, он устанавливает, что «в луристанской культуре встречаются следы древнейших коневодов — «кочевников каспийского района», которые принесли с собой практику верховой езды из степей Азии»²⁰.

Большая группа ученых исходит из принципа автохтонного развития карасукской культуры на основе местной андроновской традиции²¹.

Для исторически верного понимания карасукской проблемы этот принцип, пожалуй, наиболее приемлемый, так как он основан на конкретных

исторических фактах. Еще ранее Г. П. Сосновский высказывал идею, что карасукская культура в Минусинской котловине и Забайкалье развивалась на местной основе²².

Происхождение карасукской культуры от андрона М. П. Грязнов аргументирует сходством форм хозяйства на всей территории распространения обеих культур, включая и Монголию²³.

Появление в карасукской культуре некоторых новых элементов он считает заимствованием с юго-востока, они выработались в процессе культурного взаимодействия с племенами степей Забайкалья и Монголии. Таким образом, в происхождении карасукской культуры помимо Минусинской котловины сыграли роль Монголия и Забайкалье. Г. П. Сосновский видит в этих новых элементах результаты культурного обмена между племенами указанных областей.

С. В. Киселев несколько преувеличивает значение внешнего влияния на карасукскую культуру, в то же время указывает на местные истоки в развитии этой культуры. По его мнению, «геомет-

рические узоры карасукской посуды являются результатом дальнейшего развития местных древнеандроновских орнаментов». Карасукские бронзовые орудия и оружие «не обнаруживают западных связей, имеют на запад от Саяно-Алтая более чем ограниченное распространение. Зато на восток от Енисея мы видим по крайней мере три области — Забайкалье, МНР и Ордос, где карасукские ножи, кинжалы и кельты встречаются весьма часто»²⁴.

О положительной роли сибирской бронзы в развитии карасукской культуры говорят и зарубежные ученые²⁵.

«Один экземпляр бронзового ножа с обособленной рукояткой был найден в Суйюане и имеет выдержанно «казахстанский» вид. Вполне возможно, — пишет С. В. Киселев, — что он попал туда какими-то южным центральноазиатским путем»²⁶.

Это скорее всего говорит о движении бронзовых орудий не с востока на запад, а наоборот, потому что крупные металлургические центры в

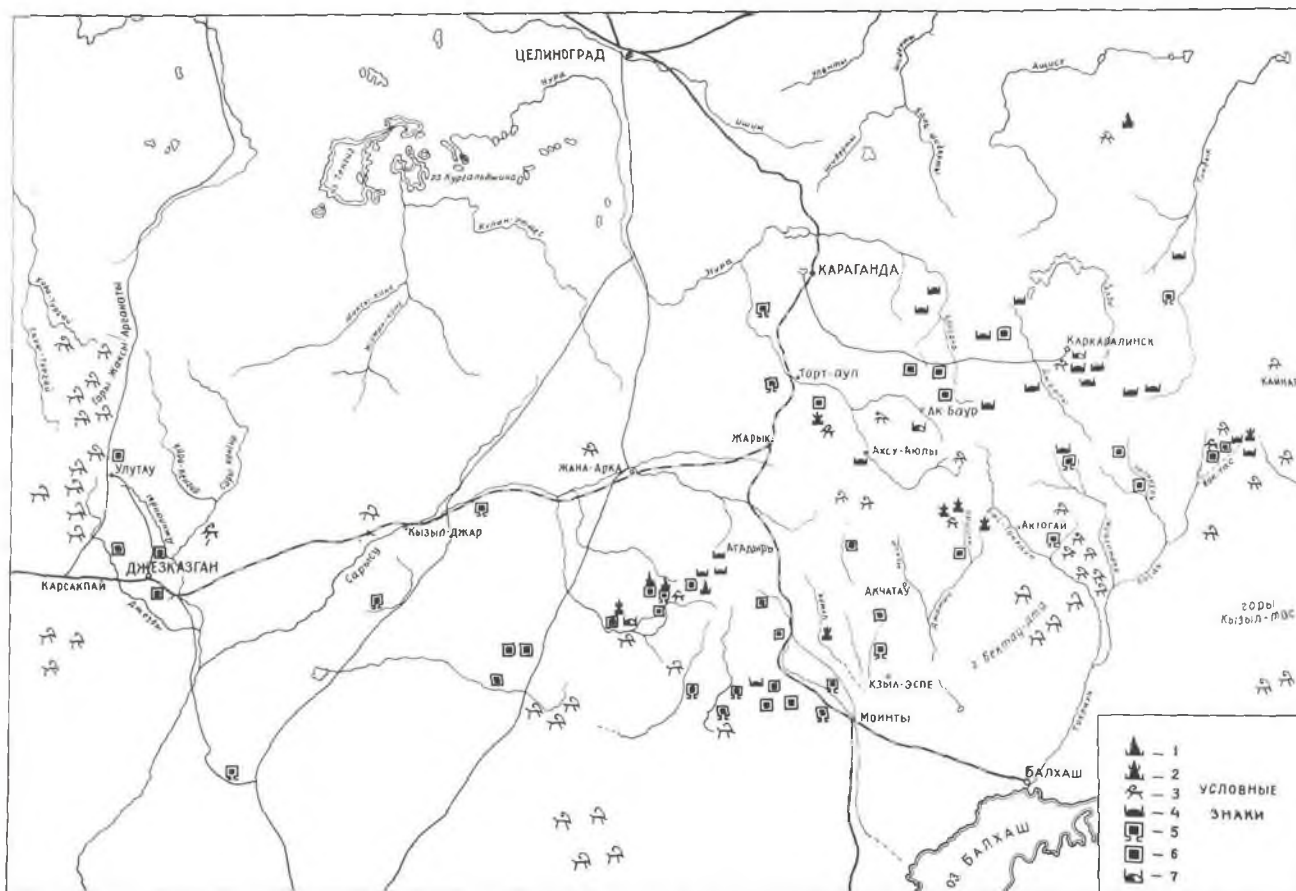

Рис. 1. Карта памятников эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана. 1 — менгиры; 2 — зооморфные каменные изваяния; 3 — наскальные изображения; 4 — курганы-ограды с каменной насыпью; 5 — мавзолеи; 6 — поселения; 7 — курганы-ограды со смешанной насыпью

то время находились в Центральном и Северо-Восточном Казахстане.

Исследователи неоднократно отмечали различие предметов карасукской культуры и памятников западных областей того же времени, особенно керамики и бронзовых орудий. М. П. Грязнов подчеркивает, что казахстанские «ножи и кинжалы с обособленными рукоятками существенно отличаются от ножей и кинжалов карасукского этапа минусинской бронзы»²⁷.

Ножи «казахстанского» типа с обособленной рукояткой ничего общего с карасукскими не имеют, а «карасукские орудия и оружия не обнаруживают западных связей», — утверждает С. В. Киселев²⁸.

Отличие бегазы-дандыбаевской культуры от карасукской заключается в том, что она имеет генетическую связь и преемственность с предыдущими этапами, сохраняет четкую хронологическую последовательность своего развития, формируется на переходном андроновско-бегазинском этапе (XIII—XI вв. до н. э.), памятники которого характеризуются, с одной стороны, сохранением андроновских черт, с другой — появлением новых форм материальной культуры, неизвестных предшествующим эпохам.

Исключительную особенность памятников бегазы-дандыбаевского круга составляет высоко развитая каменная архитектура. По сравнению с карасукскими постройки бегазы-дандыбаевской культуры циклопичны, отличаются более совершенной, высокоразвитой техникой. Жилье и надгробные постройки имеют четкую композицию двойные стены, сложены кладкой на глине с облицовкой сторон огромными гранитными плитами, установленными на ребро. Смотрятся они как стены бастионов. О достижениях строительной культуры бегазы-дандыбаевцев свидетельствуют прежде всего остатки жилых строений типа Джезказган, Атасу, Бугулы I, II, Шортанды-Булак, Аккезен, Суук-Булак (Каркаралы III), Тагибай-Булак и т. д., где стены возводились из огромных скальных глыб (Атасу, Бугулы I, II, Тагибай-Булак) или из толстых бревен с опорными столбами (Шортанды-Булак, Суук-Булак, Каркаралы I, II). В поселении Ортау сохранились остатки длинного дома с капитальной стеной из плит гранита. Скальные гробницы Бегазы, Бугулы III, Аксу-Аюлы, Сангру I, III, Беласар, Айбас-Дарасы не имеют аналогов в памятниках Южной Сибири.

Бегазы-дандыбаевская керамика отличается от карасукской разнообразием форм и высоким их качеством. В карасукской керамике нет таких

изящных кубков на высоком коническом поддоне, чаш, кувшинов, мисок, ваз. Сосуды поздней бронзы тонкостенные, с богатым ковровым орнаментом, выполненным в резной технике, нередко имеют черное или красное лощение. Помимо традиционных геометрических узоров при художественной обработке керамических изделий бегазинцы применяли технику рельефной резьбы, тиснения, роспись в виде черных кружков или горошин (Бегазы, Кент), а также выразительные налепные фигурки в виде сосочка (жемчужный орнамент), которыми опоясывались плечики или боковины сосудов (Бегазы-Дандыбай, Айбас-Дарасы). Впоследствии эти элементы древнего искусства широко распространились в тагарской керамике Южной Сибири²⁹.

Карасукской культуре неизвестны многие предметы искусства и бытового обихода, распространенные в памятниках Центрального Казахстана, например, резные костяные изделия, в большом количестве найденные в поселениях Атасу, Шортанды-Булак, Суук-Булак, рельефные бронзовые бляхи, золотые накладки и бронзовые украшения. В могильниках и поселениях Центрального Казахстана в значительном количестве найдены предметы вооружения. Установлено несколько типов бронзовых наконечников стрел, относящихся к трем хронологическим этапам. Их появление связано с высоким уровнем развития металлургии в этом регионе. Наиболее ранние из них относятся к середине II тысячелетия до н. э., или атасускому времени. Наконечники, обнаруженные в могильниках Айшрак, Ортау II, Бесоба, Балакулболды II, однотипны: двухперые, массивные, втульчатые и черешковые. Бронзовые наконечники стрел второй группы по форме очень сходны с первыми, но отличаются меньшим размером и короткой втулкой. Значительное количество таких стрел найдено в поселениях Шортанды-Булак и Киевка на р. Нура, по культуре относящихся к переходному между средней и поздней бронзой периоду. К наиболее позднему типу относятся два бронзовых наконечника стрел, найденные в скальном мавзолее 2 Бегазы. Один из них втульчатый, двухперый, с шипом, другой — трехлопастный, с длинным черешком. Такой же трехлопастный наконечник стрелы найден в Алеп-ауле на р. Нура³⁰.

В отличие от карасукской бегазинскую культуру представляет обширная серия памятников (рис. 1): древние рудники Джезказган (Кресто, Петрохолм, Златоуст, Раймунд), Саяк, Алабуга, Урпек, Имантау, Кзылэспе, Коунрад, Шакпак и

т. д.; древние медеплавильные центры Джебказган (Милюкудук, Соркудук, Айнаколь), Саяк III, IV, Суук-Булак, Тагибай-Булак, Атасу, Шортанды-Булак, Каркаралы I, II и т. д.; крупные поселения, (Бугулу I, II, Атасу I, Шортанды-Булак, Аккезен, Каркаралы I и II); остатки крупных гидротехнических сооружений в виде плотин, запруд и огражденных водных бассейнов площадью местами до 60—80 га, построенных из огромных гранитных плит, установленных на ребро и засыпанных землей; обширные некрополи и усыпальницы племенных вождей (Бегазы, Бугулы II, III, Аксу-Аюлы, II, Сары-улен, Байбала, Кзылтас, Актас, Коргантас и др.); поминальные и культовые места в виде аллей менгиров, бараньих камней, изваяний медведя, лошади, верблюда и хищников (Бугулы, Карасай, Койшоки, Сартабан, Канаттас, Аккойтас и т. д.).

Имеющиеся данные убедительно опровергают точки зрения некоторых ученых, утверждающих, что предскифская культура Центрального и Северо-Восточного Казахстана могла зародиться лишь в результате влияния карасукской культуры Енисея.

Следует отметить, что бегазинская культура не является развитием особой этнической культуры. Она отпочковывалась от культуры средней бронзы постепенно, в течение большого промежутка времени, путем закономерного и последовательного перехода от простой к более совершенной форме. Между этими основными ступенями лежит переходный этап, отмеченный большой серией памятников, распространенных на широком степном пространстве от р. Атасу до р. Иртыш. Изучение их показывает, что если в этническом составе племен Центрального Казахстана не произошло каких-либо изменений, то в быту и культуре этих племен наблюдался существенный прогресс, связанный с ростом новых типов производства, что и нашло отражение в формах архитектурно-строительного искусства, керамике и обработке металла.

Несколько слов о датировке памятников Бегазы. В литературе существует разночтение по поводу датировки комплекса Бегазы. Первая неточность (датировка VII—VI вв. до н. э.) допущена еще при первой публикации материалов³¹.

В основе ее лежало ошибочное сравнение громадных скальных мавзолеев Бегазы с плиточными оградами Забайкалья. Не дают права на такую дату и бронзовые наконечники стрел из бегазинского мавзолея 2, поскольку они могли быть лишь более ранним прототипом скифских

стрел. Впервые их правильно определил С. В. Киселев³² — XIII—X вв. до н. э. И по наблюдениям М. П. Грязнова, бронзовые наконечники Бегазы принадлежат формам, появившимся в предскифское время³³.

Он дал вполне точную и научно аргументированную датировку всего комплекса.

Несмотря на это, в литературе иногда делается попытка узаконить неточную датировку и омолодить памятники Бегазы на 200—300 лет³⁴.

М. П. Грязнов обстоятельно доказал, что для датировки огромного комплекса Бегазы забайкальские и монгольские плиточные ограды не могут быть основой, что «сопоставление бегазинских плиточных оград с плиточными могилами Забайкалья и Монголии является совершенным недоразумением. Те и другие представляют собой два принципиально различных типа могильных сооружений». Бегазинские скальные мавзолеи отличаются не только своей масштабностью и мощной конструкцией стен, но прежде всего культурой, в которой можно найти немало архаических элементов, восходящих к андроновской традиции.

С бегазинскими скальными мавзолеями большое сходство имеют памятники Тагискена на Сырдарье. У них почти такой же квадратный план, с входом и коридором с восточной стороны. Между коридором и основным зданием расположен проход, обозначенный перегородкой из двух более тонких стен, сделанных кирпичной кладкой (в памятниках Бегазы — более крупными и высокими плитами). Очень близки они к бегазинским и по размерам — 17х18 м (в больших мавзолеях Бегазы 16х16 м). Небольшая разница могла образоваться за счет оплывшей глиняной стены. У бегазинских мавзолеев величина постоянная, их гранитные стены мало подвергались выветриванию. Полностью совпадает система опорных столбов, на которых покоилось перекрытие. В Бегазы это высокие каменные столбы, в Тагискене — кирпичные колонки, чередующиеся с деревянными столбами. В обоих комплексах стены квадратных сооружений очень массивные: толщина их в Бегазы 2,5, в Тагискене 3 м.

Особенно сходны с бегазинскими памятниками более ранние мавзолеи Тагискена (4, 5 и 7), построенные из прямоугольного сырцового кирпича. Между внешней стеной и внутренней камерой они имеют такой же обходной коридор, как в бегазинских мавзолеях 1 и 2, совпадающий даже по ширине (2 м). Подобно бегазинским скальным мавзолеям нижняя часть стен мавзолея 6 в Тагискене образована вертикальным сре-

зом материкового грунта в виде обширного котлована глубиной 1,3 м (у бегазинских мавзолеев 1,2 м). Выше котлована, по его борту, шла кирпичная кладка на сухом глиняном растворе. У бегазинских мавзолеев 1 и 2 такая же кладка сделана из длинных каменных блоков на более цементующем мокром растворе.

Помимо предметов материальной культуры большое сходство с бегазинским имеет погребальный ритуал тагискенцев, особенно в устройстве жертвенного стола и алтарного места в гробнице. В скальном мавзолее 1 Бегазы алтарное место устроено у западной стены усыпальницы. Оно обозначено тремя высокими менгирами, поставленными вереницей между южной и северной стенами. Между менгирами сделаны небольшие корытообразные углубления в виде земляного стола, на которых расставлены жертвенные сосуды. Вокруг менгиров толстый слой золы и сильно прокаленный грунт — следы ритуальных кострищ большой интенсивности. Точно такое же алтарное устройство с земляным столом, но без менгиров, прослежено в мавзолее 7 Тагискена³⁵.

В мавзолее 6 сделаны две ямы, тоже у западной стены, а на полу — пятно со следами огня.

Вообще тагискенские мавзолеи являются почти копией бегазинских скальных гробниц. Только отсутствие на Сырдарье и в районе Кзылкумов гранитных скал лишило строителей возможности точно воспроизводить форму монументальных бегазинских сооружений и воздвигать высокие менгиры. Любопытно, что сырдарьинские строители делали попытку создать из глины громадные плиты, подобные гранитным глыбам Бегазы, и с этой целью формовали очень крупные кирпичные плиты, не характерные для Средней Азии (54x28x10 и 60x50x25 см).

В гробницах Бегазы подземная часть стен облицована крупными гранитными плитами высотой 1,2 м или выложена горизонтальной кладкой из продолговатых камней. В мавзолеех Тагискена гранитные плиты заменены толстым слоем камыша и стены драпированы кошмами и коврами, прибитыми гвоздями. Впрочем следы драпировки стен прослежены и в бегазинских мавзолеех 1 и 2, где они сохранились в виде толстых слоев спекшихся органических веществ со следами минеральных красок.

Находки из ранних мавзолеев Тагискена аналогичны бегазинским. Та же чернолощенная керамика — миски, горшки, кувшины с шаровидным туловом, прямым венчиком и уплощенным дном.

Среди них узкогорлые кувшины с волнистым горизонтальным рифлением, по характеру совпадающие с узкогорлыми кувшинами из Сангру I и поселения Шортанды-Булак. Костяные пластинки с кружковым орнаментом и точкой в центре совершенно бегазинского типа. Из металлических вещей в Тагискене найдена лишь бронзовая игла длиной 9 см. По форме и размерам она сходна с бронзовыми иглами, найденными в бегазинском мавзолее 5 и некрополе Бугулы III. Вполне вероятно, что эта игла изготовлена в одном из поселений Центрального Казахстана и попала в Тагискен в результате торгового обмена, или же при перекочевке части племени из Центрального Казахстана на берега Сырдарьи.

Возникновение тагискенских мавзолеев в долине древнего Яксарта, по-видимому, свидетельство начального этапа меридиональных перекочевков племен между Сырдарьей и Центральным Казахстаном, результатом чего явилось появление однотипных памятников.

Циркуляция получает особенно широкий размах в период саков, гуннов, усуней, канглов и поздних кочевников. Об этом свидетельствуют курганы с усами и курганы с подбойными погребениями (с деформированными черепами), встречаемые в Центральном и Южном Казахстане (Джамбулская область).

Некрополь Бегазы

Среди памятников эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана особо выделяются скальные мавзолеи Бегазы, расположенные в живописных горах Бегазы и Кзыл-Арай на территории Актогайского района Джезказганской области. Это гигантские сооружения, возведенные из огромных глыб гранита с башнями. Циклопические стены сооружений и огромные гранитные блоки дали повод казахскому народу, следуя историческим преданиям, именовать такие сооружения «алыптың орны» (жилище великанов) или «мықтының үйі» (дом силачей). Несомненно, сооружения типа Бегазы возникли на высшем этапе развития бронзовой культуры, когда патриархально-родовое общество уже находилось на ступени организации племенных союзов. Они воздвигались для увековечения памяти наиболее выдающихся представителей знати, прославившихся воинской доблестью, заслуживших авторитет своих соплеменников.

Бегазинские монументы первоначально были названы нами «плиточными оградами» по аналогии с плиточными оградами Забайкалья³⁶.

Во избежание путаницы и с учетом материала, из которого они сделаны, мы называем их скальными мавзолеями.

По своему характеру бегазинские мавзолеи имеют сходство только с памятниками переходного этапа типа Аксу-Аюлы II, Байбала II, Ортау II. Сходство этих памятников выражается прежде всего в композиции в виде двойных, тройных квадратов, вписанных один в другой, в конструкции стен, выполненных горизонтальной кладкой и облицованных вертикальными плитами, врытыми на ребро. Внешний облик скальных мавзолеев Бегазы I, II поражает своей грандиозностью. Древние строители, применяя громадные глыбы скал при сооружении мавзолеев, достигли изумительного эффекта. Эти исполины символизируют начало эпохи монументальной каменной архитектуры в Центральном Казахстане (начало первого тысячелетия до н. э.).

Некрополь находится на пойменной террасе правого берега р. Бегазы, в 18 км выше впадения р. Бегазы в р. Токраун, в 40 км ниже по течению р. Токраун от районного центра Актогай. Горы Кзыл-Арай и Бегазы составляют самую высокую точку Арало-Иртышского водораздела. Живописный горный массив, хвойные и лиственные леса, обилие воды, все это безусловно, привлекало внимание древних жителей, выбравших

долину рек Бегазы и Токраун местом своего постоянного пребывания. Богатые горные пастбища были благоприятным условием для хозяйственной и культурной деятельности скотоводов. Невдалеке от некрополя Бегазы находятся многочисленные древние выработки (рудники) с отвалами и сбросами, свидетельствующими о добыче руды и выплавке из нее меди, олова, позднее железа (Бесшоки, Карашоки, Кзыл-Арай). Несомненно, что в этом районе в эпоху бронзы шла исключительно активная и напряженная жизнь. К сожалению, вся равнина в окрестностях комплекса глубоко перепахана и теперь не представляется возможным найти следы поселений.

Из окружающего равнину ландшафта весьма примечательны гранитные скалы и утесы причудливой формы. Здесь брали камень для строительства гробниц. У подножия гранитных скал в результате выветривания горных пород ежегодно скапливается значительное количество песка, из зерен кварца, полевого шпата, пироксенов и других пород. Анализ керамических изделий показывает, что этот ценный материал использовался бегазинцами при лепке гончарных сосудов. Общая площадь, занимаемая бегазинским некрополем, составляет около 10 га (рис. 2).

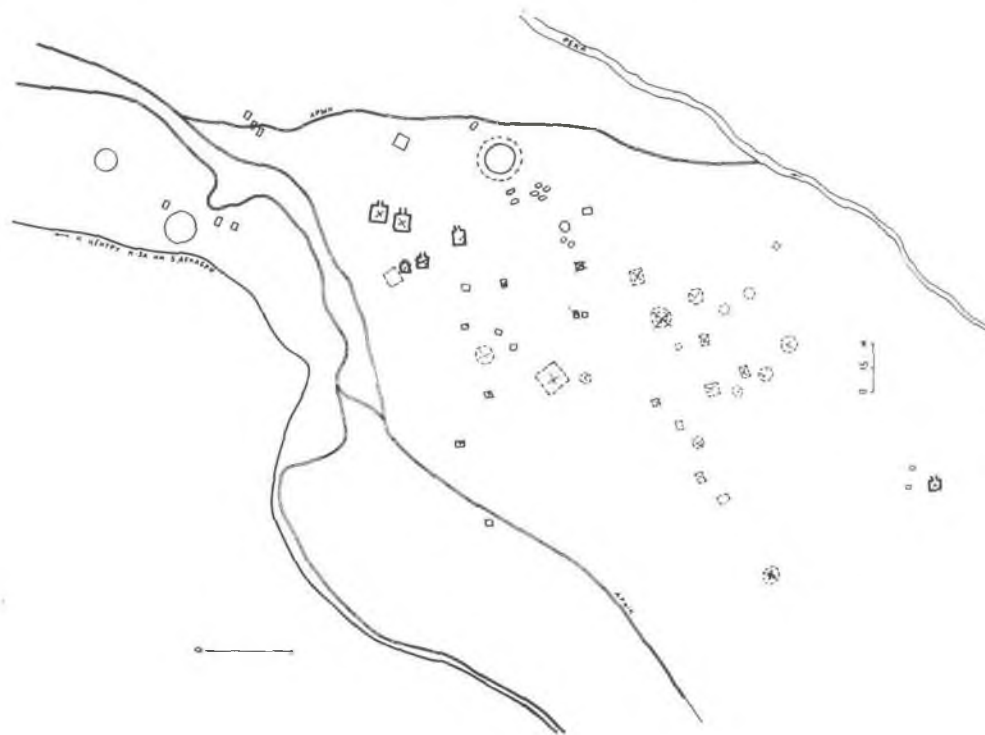

Рис. 2. План комплекса Бегазы

Рис. 3. Бегазы. Общий вид мавзолеев 1 и 2 с северо-запада

Рис. 4. Бегазы I. Западная стена

Наиболее крупные и ранние мавзолеи находятся в северной части комплекса, у самого подножия горы Бегазы, очень близко к андроновской группе, с северо-восточной ее стороны.

В бегазинском комплексе имеются 6 однотипных сооружений, из которых очень крупными размерами выделяются скальные мавзолеи 1 и 2 (рис. 3, 4).

Более ранний тип составляет мавзолей 7, сходный с мавзолеем 3 Аксу-Аюлы и относящийся к переходному этапу. Скальные гробницы Бегазы, имея общее конструктивное сходство — входной коридор, верхнюю обходную галерею, опорные столбы-подпорки, которыми закреплены стыки облицовочных плит, — в то же время отличаются друг от друга величиной, особым устройством стен, а иногда двухкамерным делением (мавзолей 5). Все мавзолеи построены в квадратном плане, часто со сдвоенной стеной и ориентированы по сторонам света. Вход всегда обращен на восток. В мавзолеев 1 и 2 прослеживается принцип двухэтажных строений с верхней обходной галереей. Их внутренние стены погружены в грунт на глубину 1,2–1,3 м и обложены крупными плитами гранита, врытыми на ребро (мавзолей 2). Выше по борту котлована построена наземная стена высотой кладки более 1 м, шириной до 2 м. Над этой стеной на-

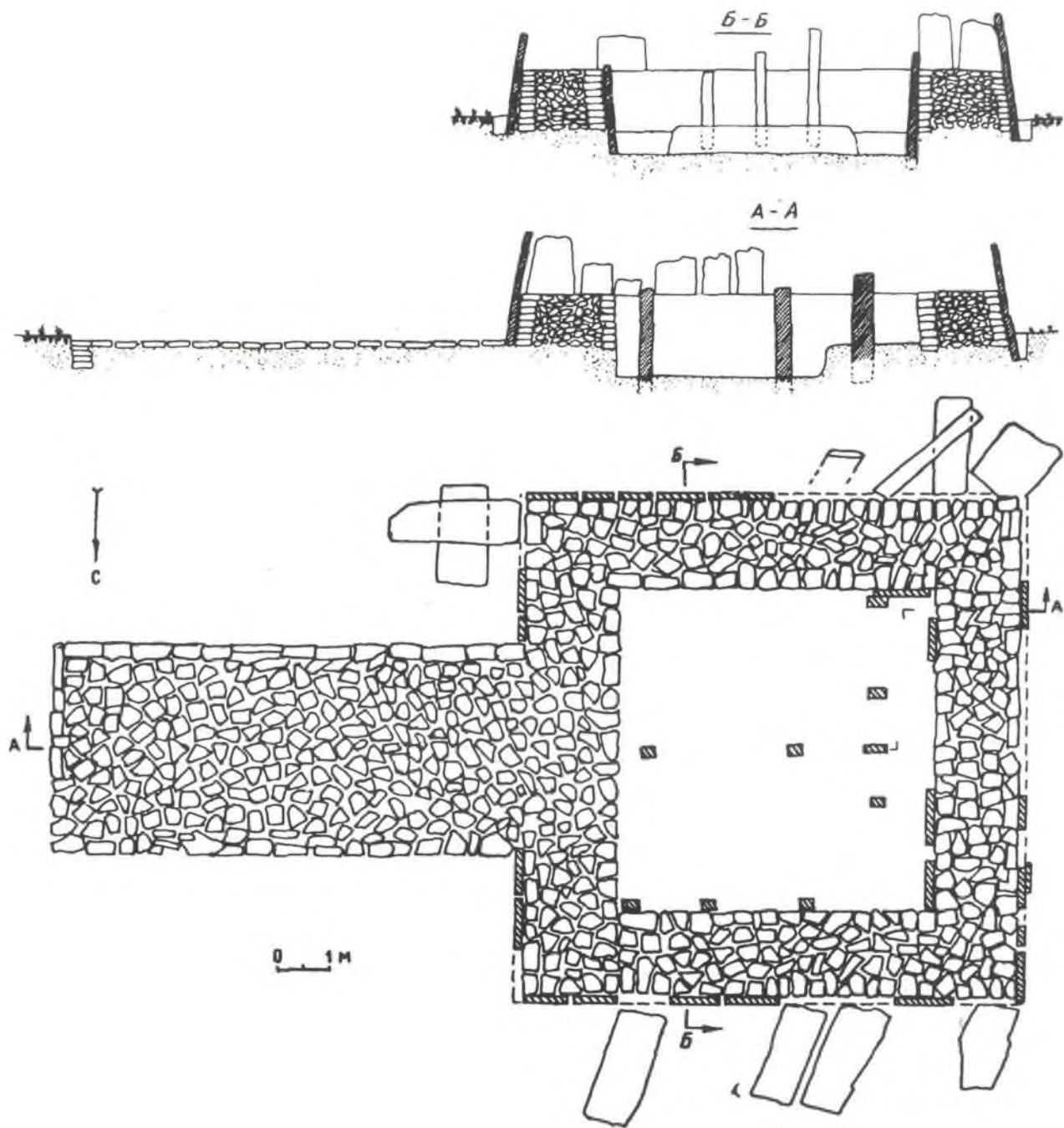

Рис. 5. Бегазы. План и разрезы мавзолея 1

висают концы наружных облицовочных плит высотой в 1,5 м, образуя стену обходной галереи или верхнего яруса квадратного здания.

Использованные для облицовки наружных стен глыбы гранита тщательно обработаны в четкой форме прямоугольных, крупнопанельных плит, каждая весом до 3 тонн. Плиты установлены вертикальными рядами и вплотную пригнаны. Размеры плит от 2,5x0,8x0,18 до 3,8x1,2x0,18 м. Для прочности стен облицовочные плиты вкопа-

ны в землю на глубину 0,8 м и больше, т. е. на одну треть их общей высоты, и возвышаются над бортовой частью сооружения почти на 2,5–3 м. Общая высота здания от пола котлована до верхних краев не менее 4,0–4,5 м.

Перейдем к описанию памятников.

Мавзолей 1. Находится в северной части некрополя, почти у самого подножия гранитного массива Бегазы, рядом со скальным мавзолеем 9. К сожалению, этот уникальный комплекс

Рис. 6. Бегазы. Мавзолей 1. Южная стена.

неоднократно подвергался ограблению как в древности, так и в прошлом столетии. При первом осмотре монумент производил удручающее впечатление: громадная грабительская яма глубиной 4 м в центре сооружения, казалось, целиком уничтожила памятник. Однако при тщательном изучении его получен яркий материал, име-

ющий первостепенное значение для истории архитектуры и искусства древнего Казахстана. Раскопками вскрыт величественный монумент, возведенный из огромных глыб серого гранита, с двойной мощной стеной, широкой обходной галереей. Общая площадь сооружения 128 м², площадь центра 92 м², входного коридора 36 м². По своим размерам и монументальности это самый крупный памятник эпохи бронзы.

В плане он представляет собой квадрат (рис. 5), ориентированный линиями по сторонам света, размерами по внешней стене 9,6х9,6, внутренней 6,0х6,0 м. Сооружение состоит из двух частей — подземной и наземной. Подземная часть составляет 1,2 м. Стены внутреннего помещения образованы горизонтальной кладкой из длинных гранитных блоков, имеющих форму прямоугольника или параллелепипеда. Камни такой формы подобраны специально для перевязки швов и для четкости прямой кладки, сделанной почти по линейке.

Кладка на глиняном растворе. Выше по борту котлована идет наземная кладка высотой 1,1 м. Таким образом, общая высота кладки около 2,3 м, толщина 2,0 м. Пустоты между облицовочными кладками заполнены осколками камней и залиты глиной.

Поверх метровой кладки наружные стены обведены огромными глыбами серого гранита, врытыми на ребро вплотную друг к другу (рис. 6).

Вокруг внешних стен всего было 42 плиты в форме прямоугольных панелей. На месте сохранились 20, свалены 10, остальные плиты разру-

Рис. 7. Бегазы. Северо-восточный угол

шены, у некоторых отбита верхняя часть. Размеры плит, выступающих на поверхности земли вдоль стен, варьируют в пределах 1,6х1,1х0,14—2,5х1,15х0,14 м. Они вкопаны в землю на глубину до 1 м. Плиты внешних стен выступают от уровня стен внутреннего помещения на 1,1 м, за счет чего общая высота стен увеличена до 3,5 м.

Кроме того, сооружение имело перекрытие высотой не менее 1,5—2 м. Таким образом, высота всего сооружения достигала почти 5 м, а возможно, и больше. Для перекрытия употреблены длинные плиты, по размеру соответствующие пролету внутреннего помещения, разделенного рядами каменных столбов на две половины, по 3 м каждая. Деление внутреннего помещения на два пролета продиктовано необходимостью сделать шестиметровый пролет доступным для перекрытия плитами трехметровой длины. Таким образом, перекрытие одним концом покоилось на стеновых опорах, другим — на несущих внутренних столбах, расположенных рядами по продольной оси сооружения. Всего найдено пять столбов, из них три стояли вдоль западной стены (рис. 8), два — по центру. Полностью сохранились три столба. От двух столбов, находившихся по центру здания, остались лишь основания, возвышающиеся над полом на 0,5—1,2 м.

Своеобразие скального мавзолея 1 заключается в том, что между верхней частью внутренней стены и выступающей частью наружной облицовочной стены образовано обширное пространство в виде обходной галереи высотой 1,1

м, шириной 2,0 м и площадью 50 м². Галерея играла роль своеобразной полки для погребального инвентаря. Здесь стояло не менее 40—50 глиняных сосудов тонкой работы, обломки которых обнаружены в разных концах мавзолея и на разной глубине.

Одну из особенностей мавзолея 1 составляет и то, что его стены, как внешние, так и внутренние, поддерживает ряд подпорок из мощных блоков гранита, слегка обработанных в форме четырехгранных столбов. Подпорки поставлены на ребро, вплотную к стене. Сохранились три подпорки по северной стене, две — по южной и две — по западной. Вход расположен с восточной стороны и ведет прямо в помещение (рис. 9).

Он сооружен из крупных и высоких плит, символизирующих значимость языческого храма-усыпальницы. К входу пристроен обширный коридор длиной 9 м, шириной 4 м. Коридор выложен не плитами, поставленными на ребро, как у малых сооружений Бегазы, а способом горизонтальной кладки из бутового камня.

Высота кладки 50—80 см, местами до метра. Толщина кладки в восточном конце 40 см, у стен входа 80 см. Таким образом, в направлении с востока на запад кладка стен коридора увеличивается как по высоте, так и по толщине. У малых оград коридор (тамбур) из плит сделан в таком же порядке: толстые и высокие концы плит обращены к стене сооружения, а тонкие и острые — на восток. Здесь, видимо, кроется какая-то древняя традиция, восходящая к формам входа пер-

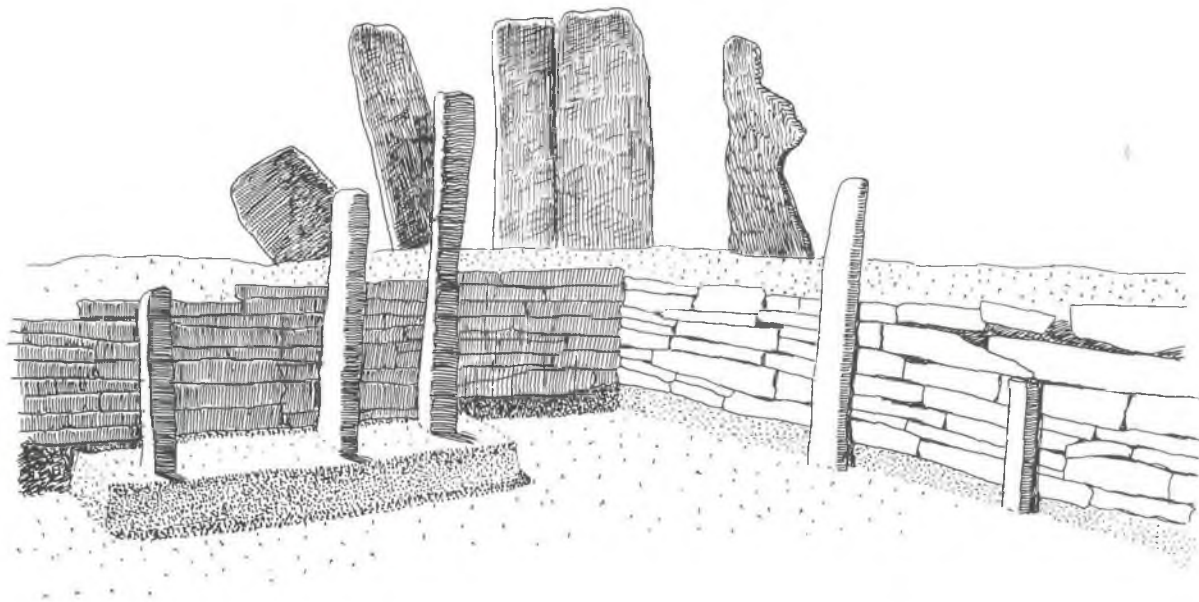

Рис. 8. Бегазы. Мавзолей 1. Северо-западная часть интерьера

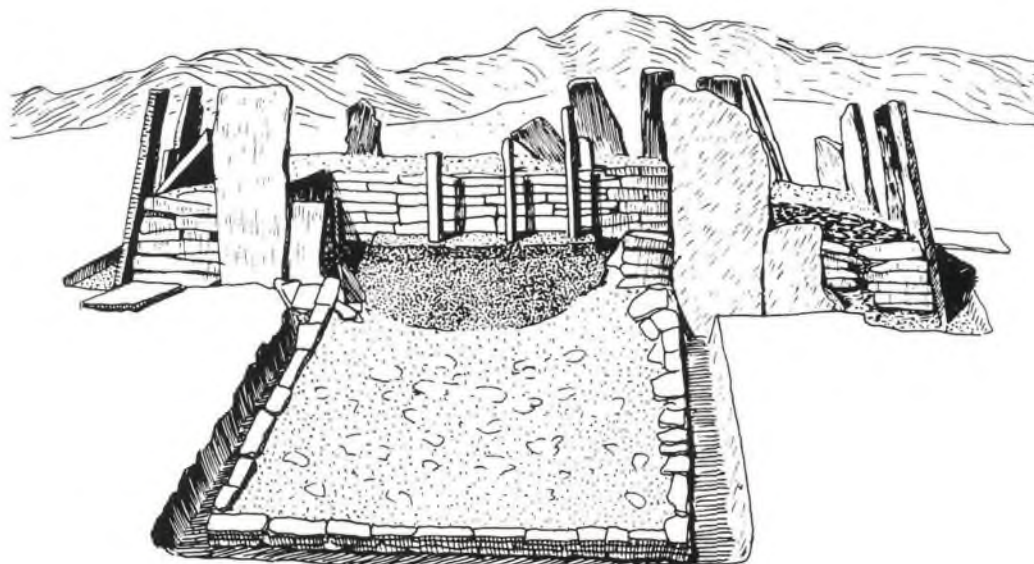

Рис. 9. Бегазы. Мавзолей 1. Вход в мавзолей

Рис. 10. Бегазы. Мавзолей 1. Вид тамбура

вобытного жилища. Пол коридора вымощен и ут-рамбован осколками камней и имеет вид пандуса с покатыми краями и некоторым возвышением по продольной оси (рис. 10).

Интересно алтарное устройство мавзолея 1 в виде возвышения у западной стены внутреннего помещения (рис. 11).

Собственно, это земляной стол или полка, сделанная для расстановки ритуальных предметов и

для жертвоприношения, длиной 3,5 м, шириной 1,5 м и высотой 0,4 м. Место это особо выделено тремя высокими менгирами, поставленными в ряд по меридиану, между южной и северной стенами помещения, и врытыми на ребро. Менгиры имели конструктивное значение: они поддерживали перекрытие и в то же время служили предметом культа (древние жители считали камень символом вечности, стойкости).

Рис. 11. Бегазы. Мавзолей 1. Ряд жертвенных менгиров

Рис. 12. Бегазы I. Техника кладки из камня

Алтарное устройство почти не тронут грабителями. Грабительский лаз проходил широким фронтом с востока на запад, охватывая всю внутреннюю площадь сооружения. Сильно пострадал вход, значительная часть восточной стены, часть южной наружной стены, частично внутренние стены юго-восточного и северо-восточного углов. Остальные три стены сохранились хорошо, со всеми деталями кладки и строительной техники

того времени. На алтаре почти в полной сохранности найдены наконечник бронзового копья, обломки четырех раздавленных керамических сосудов и другие вещи (рис. 13).

Между менгирами на глубине 1,2 м лежали кости марала (череп, челюсть), архара и горного барана (зуб, альчики). Судя по инвентарю, покойный был охотником.

Между менгирами обнаружены следы обряда

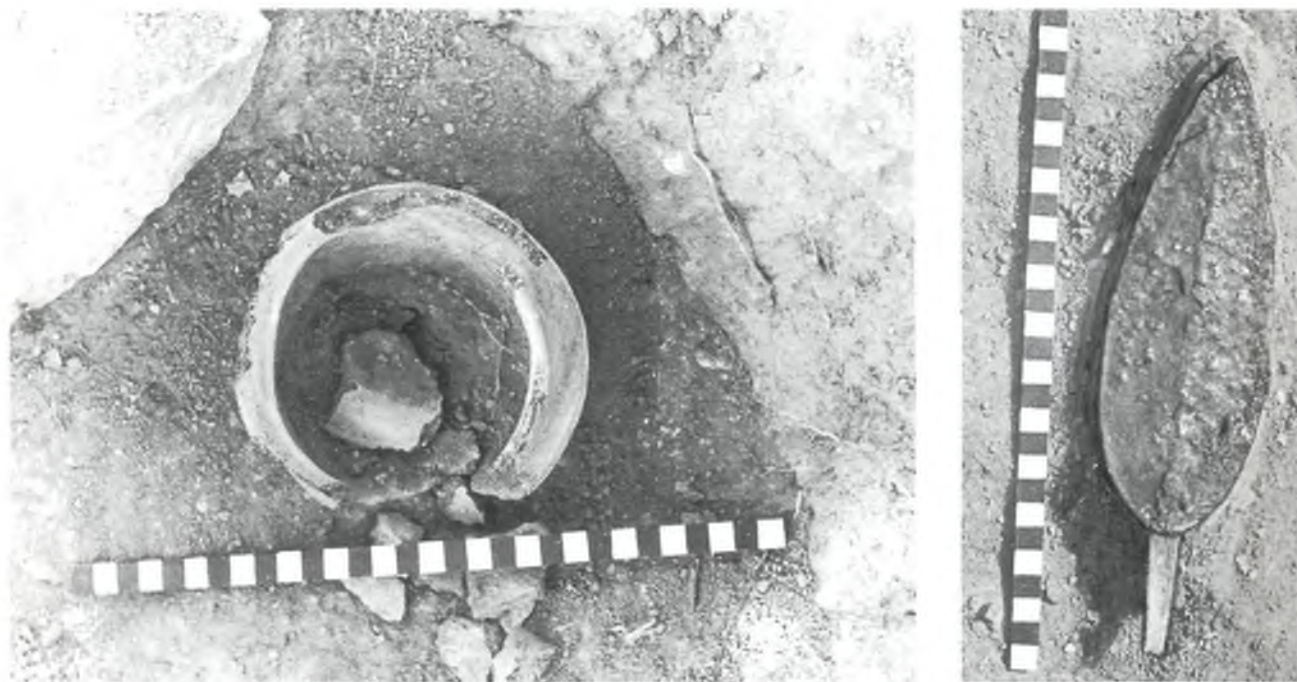

Рис. 13. Бегазы. Мавзолей 1. Остатки жертвоприношений: сосуд и медный наконечник копья

трупосожжения, встречены кальцинированные человеческие кости. Целые нежженные трубчатые кости человека найдены при зачистке юго-западного угла, вне земляного стола. Это, несомненно, говорит о наличии двойственного обряда погребения: труположения и трупосожжения. Еще одна деталь: на земляном столе, преимущественно вдоль его западной половины, между столбами, на глубине 1,2 м, обнаружено черное пятно толщиной 2–3 см; длина его 2,8, ширина 1,2 м. Ясно, что это следы большого кострища, занимавшего всю площадь земляного стола. По-видимому, здесь происходил ритуал очищения покойника и его вещей священным огнем. Здесь же в камере была совершена и кремация тела покойника.

Из находок прежде всего обращает на себя внимание хорошо сохранившийся массивный наконечник копья. Копье имеет вытянутое перо листовидной формы, с округлым в сечении стержнем и плоским валиком вдоль оси (рис. 13).

Черешок в сечении четырехгранной формы изготовлен ковкой самостоятельно, затем в готовом виде вставлен в специальную расщелину в конце стержня и все это сковано вместе. Наконечник довольно крупный: длина 30 см (в том числе черешок 8,0 см), максимальная ширина пера 7,5 см. По форме и размерам бегазинский наконечник копья не имеет прямых аналогов, это, вероятно, произведение самих бегазинцев. Неко-

торое сходство с ним имеет небольшой бронзовый ножичек листовидной формы, найденный в Алексеевском поселении³⁷.

Более близок нашему копью бронзовый ножик листовидной формы с кованым черешком, найденный в Каховском районе Херсонской области³⁸.

Датировка этого ножика или, скорее, копья, очевидно, слишком преувеличена (конец III тысячелетия до н. э.). Некоторую аналогию с бегазинским имеют черешковые наконечники копий из Семипалатинских дюн³⁹.

Черешковые наконечники копий листовидной формы более характерны для Казахстана. Несколько в ином варианте они встречаются на Северном Кавказе, указывая на традиционную связь Северного Кавказа с Казахстаном⁴⁰.

Рядом с наконечником копья лежала каменная мотыга подпрямоугольной формы с вытянутым корпусом и заостренным рабочим концом. Обух орудия сделан в четкой прямоугольной манере, посередине – выемка для прикрепления к рукоятке. Такие каменные мотыги встречаются очень часто в культуре бронзы Центрального и Восточного Казахстана, а также в Алексеевском и Садчиковском поселениях⁴¹.

В эпоху бронзы каменные мотыги служили главным орудием при разработке рудных месторождений, копке фундамента жилища, обработке полей, рытье арыков, колодцев и т. д.

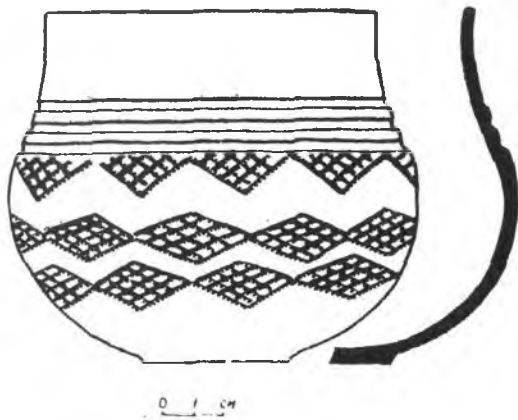

Рис. 14. Кувшин 1 из мавзолея 1

Рядом с мотыгой находилось другое каменное орудие — рудодробильный молот округлой формы с уплощенным верхом и закругленной нижней частью. Высота молота 8,2 см, размер в сечении 6,9 см.

Каменные рудодробильные орудия являются постоянными спутниками древних рудных выработок и поселений металлургов и рудокопов Центрального Казахстана. Большая серия их хранится в Джезказганском, Карагандинском музеях, в коллекциях В. Н. Ясенецкой, Л. Ф. Семенова, М. Н. Клапчука и других. Много каменных молотов и рудодробильных орудий, аналогичных бегазинскому в Атасуском, Каркаралинском поселениях и Суук-Булаке⁴².

Вследствие ограбления не удалось изучить обряд погребения и выяснить антропологический тип второго человека, погребенного в этом мавзолее. Из богатого инвентаря случайно уцелело всего 4 сосуда.

Сосуд 1 (рис. 14) изготовлен в форме кувшина, имеет шаровидное тулово, высокую шейку и уплощенное дно. Формован выдавливанием из кома глины с примесью песка из гранита, естественные насыпи которого находятся здесь же,

у подножия горы Бегазы. Обжиг сравнительно высокого качества, поверхность желтовато-оранжевого цвета, в изломе оранжевого цвета. Орнамент выполнен крупным гребенчатым штампом с ясно выраженными оттисками короткой линии с поперечными зубринами. Сюжет орнамента — три параллельных желобка, опоясывающих шейку сосуда, по плечу — ряды треугольных фигур, обращенных вершинами вниз и заштрихованных ромбической сеткой, по тулову — две параллельные цепочки ромбических сеток. Таким образом, рисунком покрыта большая часть поверхности сосуда, исключая лишь венчик и его донную часть. Аналогов этому сосуду нет, хотя типы шаровидных сосудов с высокой шейкой иногда встречаются в карасукской керамике Южной Сибири. Форма кувшина весьма характерна для керамики бегазы-дандыбаевского времени.

Сосуд 2 (рис. 15) представлен в форме изящной вазы с высоким горлом, шаровидным туловом и уплощенным дном. Изгиб шейки гофрирован в виде чередующихся рельефных валиков и каннелюр. Сосуд лепился из хорошо отмученного теста с примесью мелкозернистого песка гранита и мельчайших включений кварца местного происхождения. Обжиг высокого качества. Внешняя поверхность оранжево-розовая, внутренняя — желто-серая, местами с темными пятнами. В изломе цвет желто-оранжевый. Орнамент скупой, но очень выразительный, соответствует общей элегантной форме сосуда. Волнистый профиль каннелюр усилен ломаными линиями в виде небольших зигзагов. Скульптурно, выразительно сделан жемчужный орнамент — наклепные фигурки в виде сосочков или рельефных бугорков, опоясывающих боковину сосуда. Их четыре, и размещены они строго симметрично по взаимопересекающимся линиям. Бугорки по основанию обведены (вернее, расцвечены) двумя concentрическими рядами прерывистых

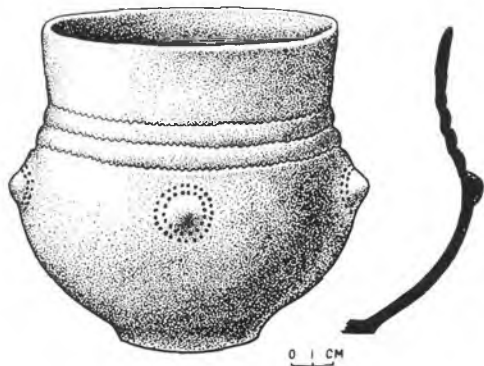

Рис. 15. Бегазы. Кувшин 2 из мавзолея 1

Рис. 16. Кувшин 3 из мавзолея 1

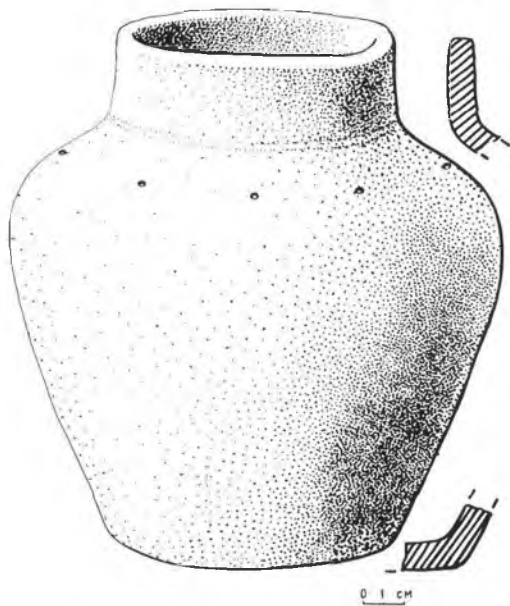

Рис. 17. Бегазы. Кувшин 4 из мавзолея 1

точек, создающих впечатление нанизанных зерен. Плотность текстуры черепка говорит о том, что кувшин употреблялся, очевидно, под молоко или кумыс. Его емкость 3 литра.

Жемчужный орнамент широко распространен в керамике Центрального Казахстана. Его мы видим в керамике поселений Тагибай-Булак, Каркаралы II, в могильниках Айбас-Дарасы, Дандыбай. В последнем форма сосуда несколько другая: венчик короткий, шейка не отмечена орнаментом. По сравнению с ними профиль кувшина из Бегазы более изящный, орнамент более выразительный.

Орнамент в виде налепного сосочка переходит к раннескифскому времени и становится одним из мотивов художественной орнаментации керамики этого времени. Самый близкий аналог описанному кувшину мы находим в тагарской керамике Южной Сибири. По словам Н. Л. Членовой, тагарцы многое заимствовали из культуры Бегазы Центрального Казахстана⁴³, что свидетельствует о преемственности культур бегазинского этапа и раннескифского времени.

Сосуд 3 (рис. 16) найден в раздавленном виде у основания южного менгира, в южном конце жертвенного стола. Благодаря тому, что он находился в яме между крупными камнями, он остался незамеченным грабителями. Сосуд в форме большой миски или кувшина со сравнительно короткой шейкой, прямым, слегка отогнутым наружу венчиком, шаровидным туловом, уплощенным дном. Это один из самых крупных сосудов, найденных в комплексе Бегазы, он формован

способом выдавливания из кома хорошей глины с примесью мелкозернистого гранитного песка. Внешняя поверхность розовато-оранжевая, внутренняя — желто-серая, цвет в изломе желто-серый.

Сосуд отличается роскошным ковровым орнаментом, выполненным гребенчатым штампом и крупными оттисками другого штампа с треугольными вдавлениями. За исключением венчика и донной части, вся поверхность сосуда покрыта сплошными узорами, в которых особую роль играет сочетание рисунка и гладкого фона, создающее игру тонов, яркий колорит. Основным сюжетом рисунка являются ленточные узоры в виде рядов косых оттисков короткого штампа, а также их взаимопересечений, создающих X-образные фигуры. Комбинированные ленточные узоры в виде зигзагов и треугольников опоясывают шейку, плечико и тулово сосуда. В треугольные фигуры концентрически вписаны малые треугольники с кружками на вершинах. Поле больших треугольников заполнено гладким штампом, представляющим волнистые линии, напоминающие силуэт парящего орла. Мотивы парящего орла встречены на обломках и другого сосуда, найденного в этой гробнице. Словом, это очень самобытное произведение искусства, не имеющее аналогов в керамических изделиях поздней бронзы. Некоторые мотивы орнамента (кружковые фигуры) можно найти в керамике Верхней Оби, памятники которой по культуре гораздо ближе к Бегазы-Дандыбаю, чем к Карасуку⁴⁴.

Предназначена эта большая миска, несомненно, для хранения молока и кумыса. Такие сосуды встречаются позднее, в культуре ранних скифов.

Сосуд 4 (рис. 17) найден в основании южного алтарного менгира на жертвенном столе вместе с другими кувшинами. Сосуд емкий, толстостенный, вытянутый в форме хума, с плоским дном, венчик высокий и прямой. Изгиб шейки выражен четко. Плечо выпуклое, но не совсем раздутое, с некоторым изгибом переходит ко дну. В тесте небольшая примесь гранитного песка. Снаружи сосуд желтовато-оранжевый, изнутри желто-серый. Цвет в изломе желто-серый. В верхней части скромное украшение из двух поясков: по шейке — легкий валик, обрамленный рядами мелких точек, плечо опоясано восемью кружками. Они выполнены штампом, дающим круглые оттиски. Это один из крупных кухонных сосудов для хранения молока. Близкая этому сосуду по форме керамика встречается в поселениях поздней бронзы Восточного Казахстана, в частности в Трушниково⁴⁵, и в Алексеевском поселении Кус-

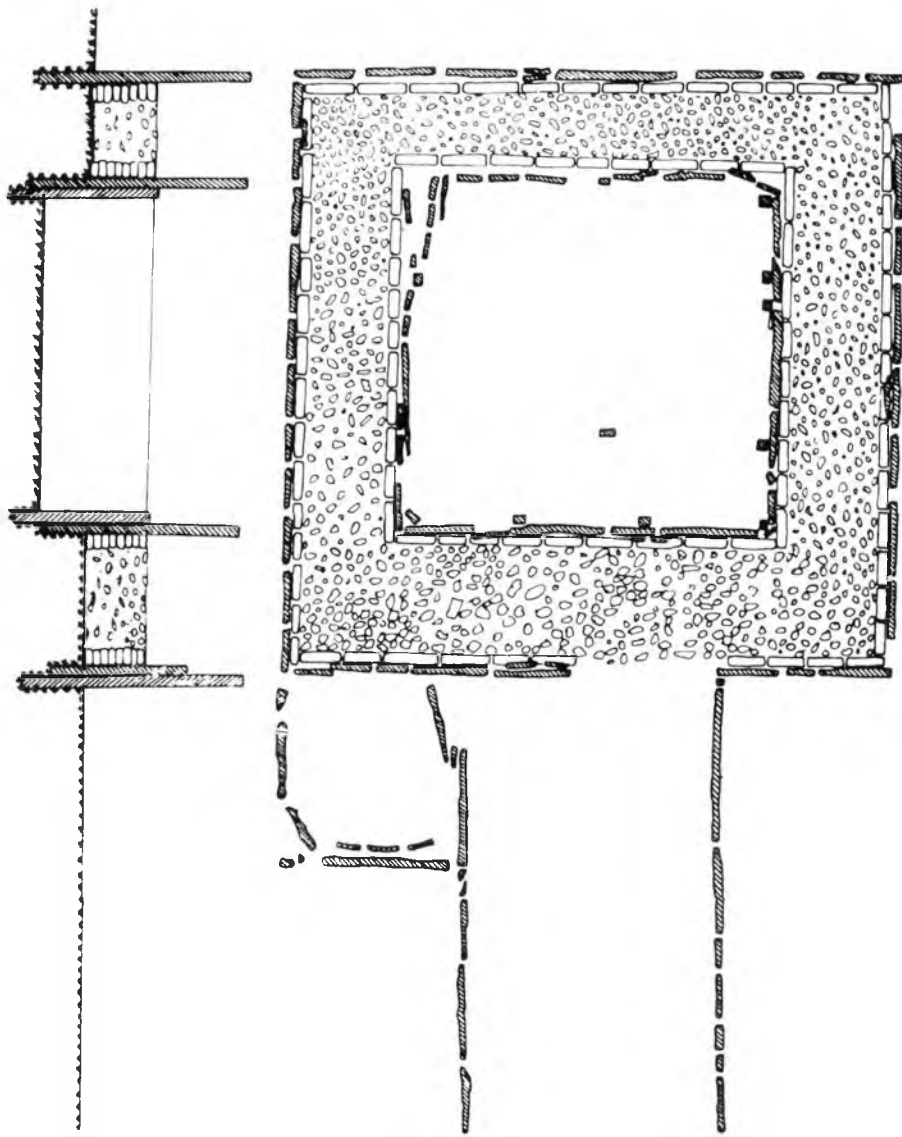

Рис. 18. Бегазы. Мавзолей 2. План и разрез

танайской области⁴⁶, у ранних кочевников⁴⁷.

В карасукской керамике Южной Сибири таких сосудов нет.

Это один из фактов, свидетельствующих о том, что многие элементы культуры Бегазы перешли в культуру ранних скифов Южной Сибири.

Мавзолей 2. Впервые осмотрен в 1946 г., раскопан в 1948 г. с участием археолога Л. Р. Кызласова. По величине это второй памятник в комплексе Бегазы. Монумент расположен рядом с мавзолеем 1, южнее его, на расстоянии 5 м. По композиции тождествен с мавзолеем 1, разница имеется в конструкции стен внутреннего помещения и входного коридора (рис. 18).

Сооружение в плане квадратное, со сдвоенной (внешней и внутренней) мощной стеной. Квадрат ориентирован осями по сторонам све-

та. Размеры внешних стен 9,5x9,5 м, внутренних 5,5x5,5 м, площадь внешнего квадрата 90 м², внутреннего 30 м². Стены внутреннего помещения погружены в землю на глубину 1,2 м и обложены не каменной кладкой, а крупными плитами, размеры которых варьируют в пределах 2,0x1,0x12—1,2x0,4x0,12 м. По конструкции внутреннего помещения монумент 2 более близок малым скальным мавзолеем Бегазы. Выше котлована, по его бортовой части, идет наземная кладка из бутового камня высотой 1,0 м, толщиной 1,8 м. Верхний ярус кладки, расположенный между верхними частями внешних облицовочных плит и перекрытием внутреннего помещения, составляет как бы второй этаж, имеющий значение обходной галереи. Высота галереи 2 м, ширина около 2 м, площадь около 36 м². Общая высота

Рис. 19. Бегазы. Общий вид мавзолея 2

Рис. 20. Фрагмент юго-западного угла

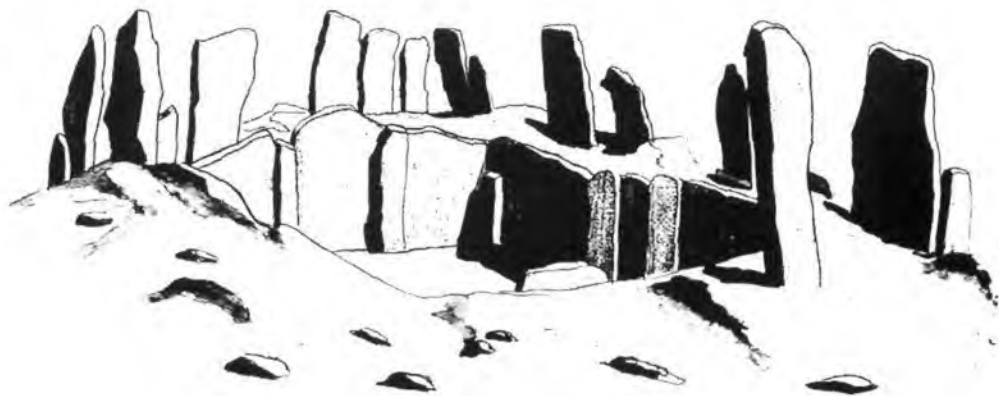

Рис. 21. Бегазы. Интерьер мавзолея 2

стен помещения около 4 м, с перекрытием, безусловно, больше. Внешние стены обложены крупными плитами серого гранита, врытыми вертикально в землю и сомкнутыми вплотную (рис. 19).

Облицовка крупными гранитными глыбами придает сооружению монументальность и торжественность.

Первоначально наружные стены были обведены 40 плитами одних размеров, из них на месте уцелели 20, свалены на землю 8, остальные отбиты сравнительно недавно для хозяйственной цели, на месте сохранились только их едва выступающие из земли концы. Верхняя часть плит возвышается над уровнем стен на 1,6–2,0 м. Они

слегка обработаны, имеют форму прямоугольной панели. Размеры первоначальных плит, выступающих от уровня кладки, 2,2x1,2x0,13, 2,4x1,3x0,13 м. Около 1/3 их длины вкопано в землю (рис. 20).

Стены снаружи и изнутри подкреплены значительным числом мощных подпорок, имеющих форму хорошо тесанных четырехгранных блоков, установленных вертикально (рис. 21).

Размеры их в поперечном сечении от 15x21 до 24x24 см. Установлено таких блоков внутри 10, снаружи 6. Вероятно, их было больше, но некоторые разрушены, возможно грабителями, и лежат в беспорядке. Блоками подперты главным образом угловые и стеновые стыки облицовочных плит. На полу обнаружено значительное скопление тонких плит розоватого гранита, которыми, по видимому, был выстлан пол. Две плоские плиты квадратной формы лежали в первоначальном положении в северо-западном углу.

Внутреннее помещение имело перекрытие в форме ступенчатой конструкции с постепенным сужением кладки кверху. (Подобная конструкция почти в полной сохранности была обнаружена нами при раскопке сооружения Бугулы III). В центре располагался один опорный столб с отбитой верхней частью. Так же, как в сооружении Бугулы III, ступенчатая конструкция мавзолея Бегазы 2 по центру образует невысокий купол, и общая высота монумента достигает 5 м.

Вход, обращенный на восток, как ворота в «вечное жилище» подчеркнут более высокими и несколько лучше обработанными плитами. Ко входу по главной оси квадрата пристроен обширный коридор длиной 7,0 м и шириной 3,5 м. Коридор огорожен не кладкой из бутового камня, как в монументе 1, а крупными плитами гранита, врытыми на ребро. Причем характерно, что толстыми и высокими концами плиты обращены к сте-

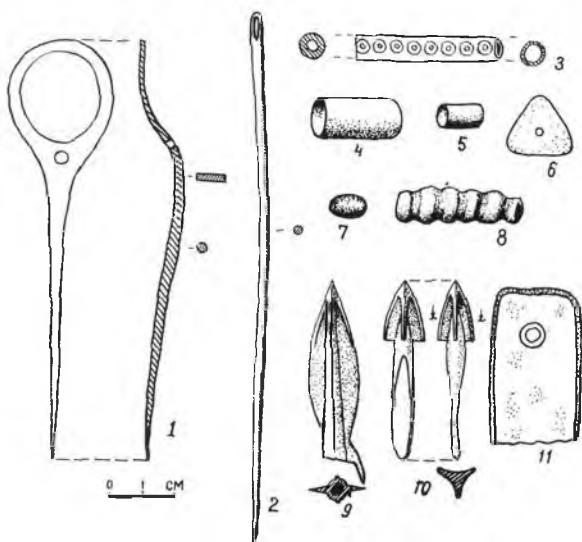

Рис. 22. Находки из мавзолеев Бегазы: 1, 2, 3, 6 — из мавзолея 5; 5, 8, 9, 10 — из мавзолея 2; 4, 7, 11 — из мавзолея 3. 1 — бронзовая булавка; 2 — бронзовая игла; 3 — костяной футляр с орнаментом; 4–5 — костяные трубки; 6 — бронзовая накладка; 7 — круглый камень; 8 — костяная пуговица; 9, 10 — бронзовые наконечники стрел; 11 — точильный камень (мусат)

Рис. 23. Бегазы 1 — мавзолей 3. Вид с востока; 2 — остатки каменного мавзолея 4

не. Видно, строители этого монумента понимали, что красоты силуэта можно достигнуть при перспективном удалении объекта.

Одну из особенностей монумента 2 составляет тайник, или малое квадратное помещение в наружной части большого квадрата, между юго-восточным углом и коридором. Тайник сложен из крупных плит серого гранита, врытых на ребро. Его размеры 2,8х3,0 м, площадь 8 м².

Раскопками этого помещения не обнаружены какие-либо следы погребения или остатки предметов материального производства. Несомненно, это гробница члена семьи, пристроенная к могиле предка. Такие пристройки для членов од-

ной семьи встречаются повсеместно. Они зафиксированы в большом сооружении Бугулы III, в гробницах Сангру I, а также в некрополе Тогискен на Сырдарье⁴⁸.

Раскопка произведена по квадратной сетке и охватывает всю площадь сооружения, в том числе и тайник. Площадь до глубины 0,6 м от верха насыпи была завалена грабительским мусором. С глубины 0,6 м по всей площади стали появляться лежащие в полном беспорядке крупные тонкие плиты, которыми был выложен пол. Здесь же обвалившиеся длинные плиты перекрытия. На глубине 0,5 м обнаружен вертикальный каменный столб, служивший опорой для перекрытия и мес-

том жертвоприношения. Верхняя половина столба (менгира) отбита. Сохранившаяся высота 1,5 м, размеры в сечении 0,25x0,35 м. Столб водружен в самом центре по оси здания, на расстоянии 1,6 м от восточной стены. Судя по монументу 1, таких опорных столбов, расположенных в ряд по оси, должно было быть не менее 3. Однако они уничтожены при ограблении усыпальницы. При зачистке между плитами найдены лежавшие в беспорядке кости барана (*ovies aries*) в том числе длинные кости, позвонки, челюсть с зубами, кости конечностей (всего 30), архара (*ovies ammon*), в основном астрагалы (9), разные кости конечностей лошади (*equus caballus*) — фаланговые, пяточные (8), зубы, кость коровы.

На глубине 1,0 м встречены мелкие обломки разных сосудов. В основном это фрагменты изящных тонкостенных сосудов и грубой толсто-стенной посуды кухонного типа. Интерес представляет ручка сосуда подтреугольной формы с круглым отверстием, очевидно, для подвешивания на огне. В северо-восточном углу на глубине 1,4 м найдены два фрагмента большого толсто-стенного сосуда котлоподобной формы с круглым дном, вздутыми боками и горлом, вогнутым

внутри. Венчик и шейка не выражены. Другие фрагменты этого же сосуда встречены на глубине 1,1 м. Описанная выше ручка, видимо, от этого сосуда, ибо текстура черепков в обоих случаях совершенно одинаковая. Лепка сосуда грубовата, в тесте небольшая примесь гранитного песка. Техника обжига типичная для этой группы. Сверху сосуд оранжевого цвета с темными пятнами, изнутри желто-серого. Цвет в изломе красно-оранжевый. Орнамент полуциркулярной формы в виде фестонов располагается сверху вниз, выполнен небрежно. Судя по керамике из других скальных мавзолеев Бегазы, грубые сосуды такого типа выполняли функции котлов. Кухонные сосуды бегазинцы лепили не особенно тщательно. Своё гончарное искусство они демонстрировали при изготовлении изящных сосудов, роскошных кувшинов, ваз, чаш, кубков.

Из предметов украшения встречены две поделки. Костяная гофрированная пуговица найдена на глубине 95 см (рис. 22, 8).

Ее длина 3,5 см, в сечении 8 мм. Другая поделка — костяная трубочка с хорошей полировкой найдена на глубине 1,05 м. Длина ее 2 см, диаметр в сечении 5 мм (рис. 22, 5). Из других находок замечательны два бронзовых наконечника стрел (рис. 22, 9, 10). Один из них, найденный на глубине 1,05 м, у основания центрального опорного столба, или менгира, трехперый, с длинным черешком (его длина 5,5 см). Второй, обнаруженный на глубине 1,9 м, листовидный, втульчатый, с шипом длиной 6 см. Они представляют собой исходную форму наконечников стрел, которые получили широкое распространение в евразийской степи в раннескифское время.

В мавзолее 2 также прослеживаются две формы обряда захоронения: труположение и трупосожжение. Разрозненные человеческие кости (челюсть, лучевая кость, бедренная и тазовая) лежали в полном беспорядке в северо-восточной части камеры.

Обращает на себя внимание пятно гумусовой, черной земли, обнаруженное в центре на глубине 1,0 м. Пятно в плане овальное, длиной 1,5 м, шириной около 1,0 м. В нем найдено много дробленых костей животных и четыре фрагмента кухонной керамики. Судя по всему, это остатки земляного стола, подобного в мавзолее 1. Разница в том, что земляной стол в мавзолее 1 сделан в виде алтаря у западной стены, а в мавзолее 2 — в центре помещения, по оси опорных столбов. Несомненно, основной погребальный инвентарь и жертвенная пища находились на этом столе.

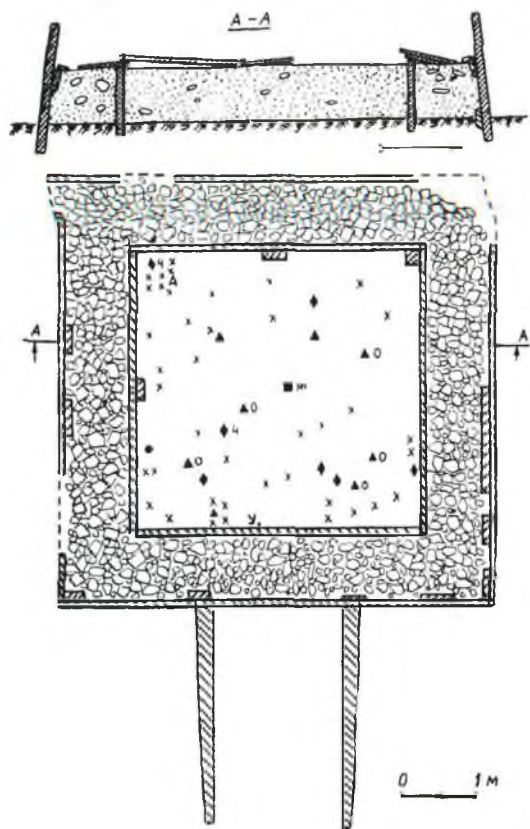

Рис. 24. Бегазы. План и разрез мавзолея 3

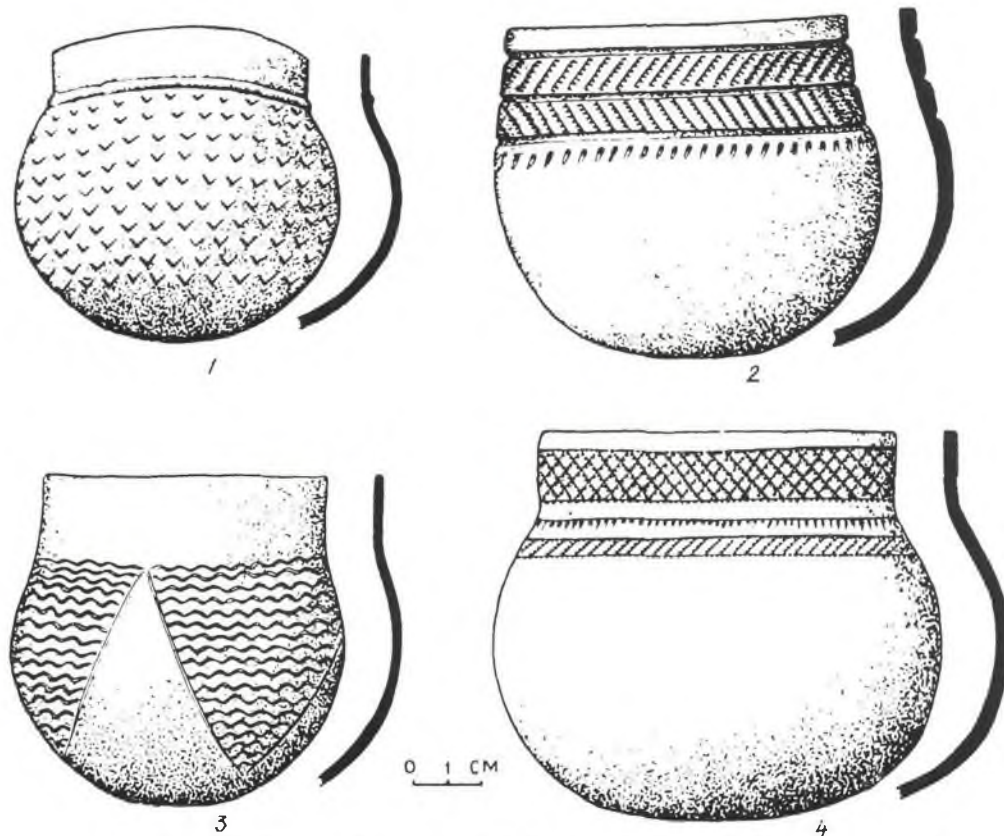

Рис. 25. Бегазы. Керамика: 1, 2, 3 — из мавзолея 3; 4 — из мавзолея 4

Бронзовые наконечники стрел, случайно уцелевшие от грабителей, также находились здесь. У основании северной стены прослежены остатки органического вещества, спекшегося в густую массу. По-видимому, это остатки шерстяной одежды или войлочных ковров, которыми были драпированы гранитные стены.

Мавзолей 3. Исследован летом 1948 г. при участии Л. Р. Кызласова. Памятник расположен на площадке западнее скального мавзолея 2, в нескольких метрах от него (рис. 23).

Это квадратное в плане сооружение, точно ориентированное по сторонам света (рис. 24).

Стены двойные, вписанные одна в другую, образованы из крупных плит серого гранита, врытых на ребро. Высота плит 1,4—1,7 м, ширина 0,4—1,08 м. Внешние плиты поставлены с некоторым наклоном внутрь и подперты изнутри гранитными блоками, обработанными в форме четырехгранного столбика. Стены внутреннего помещения (камеры) опущены в грунт на глубину до 1 м и обложены крупными плитами гранита, поставленными на ребро. Стыки облицовочных плит подкреплены каменными подпорками четкой четырехугольной формы. Полое пространство между внешней и внутренней стенами заполнено об-

ломками камня и залито глиной. Размеры внешней стены 6,0х6,0 м, внутренней 3,8х3,8 м. Толщина стен 2,2 м. С восточной стороны обозначен вход в мавзолей в виде тамбура длиной 2,5 м,

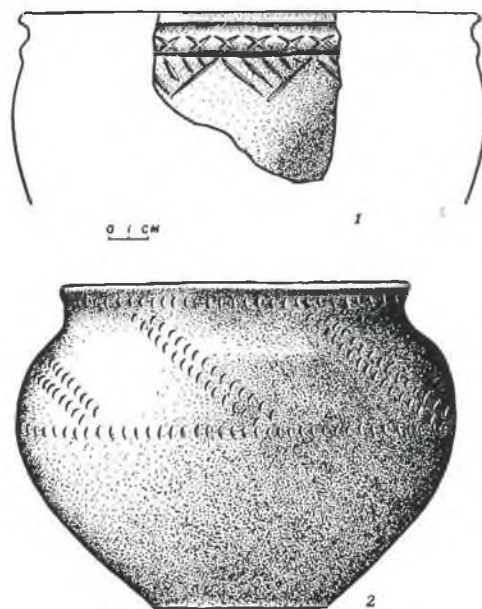

Рис. 26. Бегазы. Керамика из мавзолея 4. 1 — сосуд 3; 2 — сосуд 1

шириной 1,5 м. Тамбур сделан из больших плит, установленных на ребро, длинной осью расположенных в направлении с запада на восток. Для стен тамбура использованы плиты неодинаковой высоты и толщины. От входа к восточному концу помещения высота и толщина плит постепенно уменьшаются. Раскопками установлено, что мавзолеем давно разграблен. Уже после снятия гумусового слоя на глубине 25 см стали встречаться отдельные фрагменты черной толстостенной керамики, боковые части глиняных сосудов без орнамента. Керамика выполнена из теста с примесью дресвы и шамота, излом черный, поверхность серого цвета. Встречались венчики с небольшой закраиной с внешней стороны, поверхность желтоватая, излом черный. Вместе с керамикой попадались кости животных и обломки костей взрослого человека, в том числе обломки черепа. Большой частью они обнаружены у западной, северо-восточной стен и в центре на глубине 60–80 см. В юго-западном углу камеры, на глубине 80 см, обнаружено значительное скопление костей животных, в основном астрагалы (асыки) барана и крупные альчики (сака) архара, а также кости лошади и коровы.

В центре площади на глубине 58–60 см обнаружены фрагменты изящной тонкостенной керамики с красивым геометрическим орнаментом. Другие фрагменты найдены у северной, северо-восточной и юго-восточной стен камеры на глубине 80 см. Рядом с керамикой в северо-восточной части камеры на глубине 58 см обнаружен кусочек древесного угля, часто встречаемого

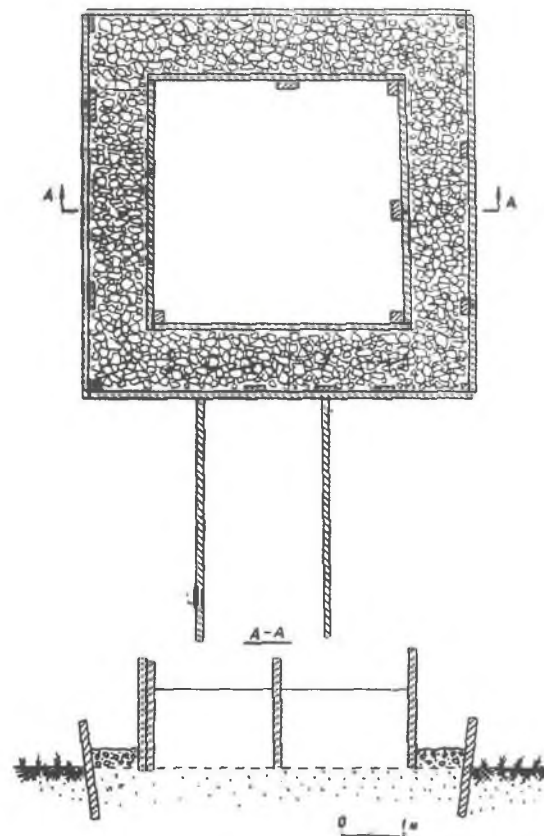

Рис. 27. Бегазы. Мавзолей 4. План и разрез

вместе с кувшинами в памятниках Казахстана, особенно скифского времени. У южной стены мавзолея, ближе к юго-востоку, на глубине 55 см найден круглый камень типа «яда таш» с хорошо полированной поверхностью. Обычно эти

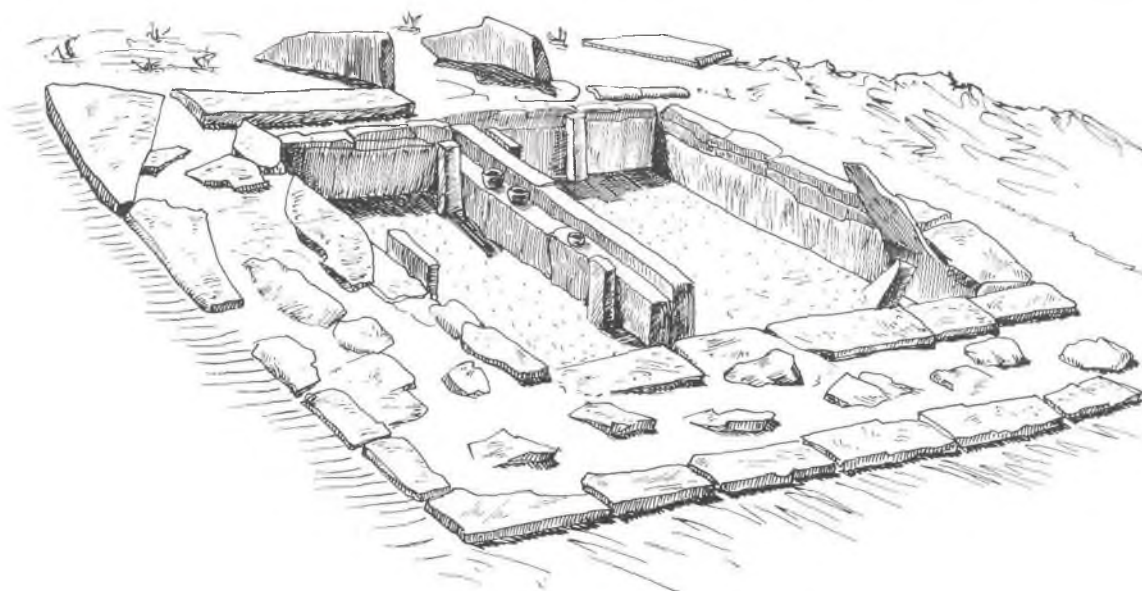

Рис. 28. Бегазы. Остатки скального мавзолея 5

метеоритные осколки имеют отполированный вид. По данным палеоэтнографии, воины кочевых племен наделяли этот камень магическими свойствами.

В центре площади на глубине 60 см найден небольшой мусат (кайрак) с отверстием для подвешивания к поясу. Здесь же лежали черная бузина из цветного камня яйцевидной формы, костяная пронизка без орнамента, с глянцевой поверхностью.

Все описанные вещи имели широкое распространение на территории Казахстана и Южной Сибири, особенно в период становления и формирования кочевого скотоводства⁴⁹.

К нашему мусату очень близки кайраки, найденные в курганах Верхнего Иртыша, Алтая и Верхней Оби, а также в Алексеевском поселении⁵⁰.

Среди других предметов в мавзолее 3 находились кусочки минералов — прозрачного гор-

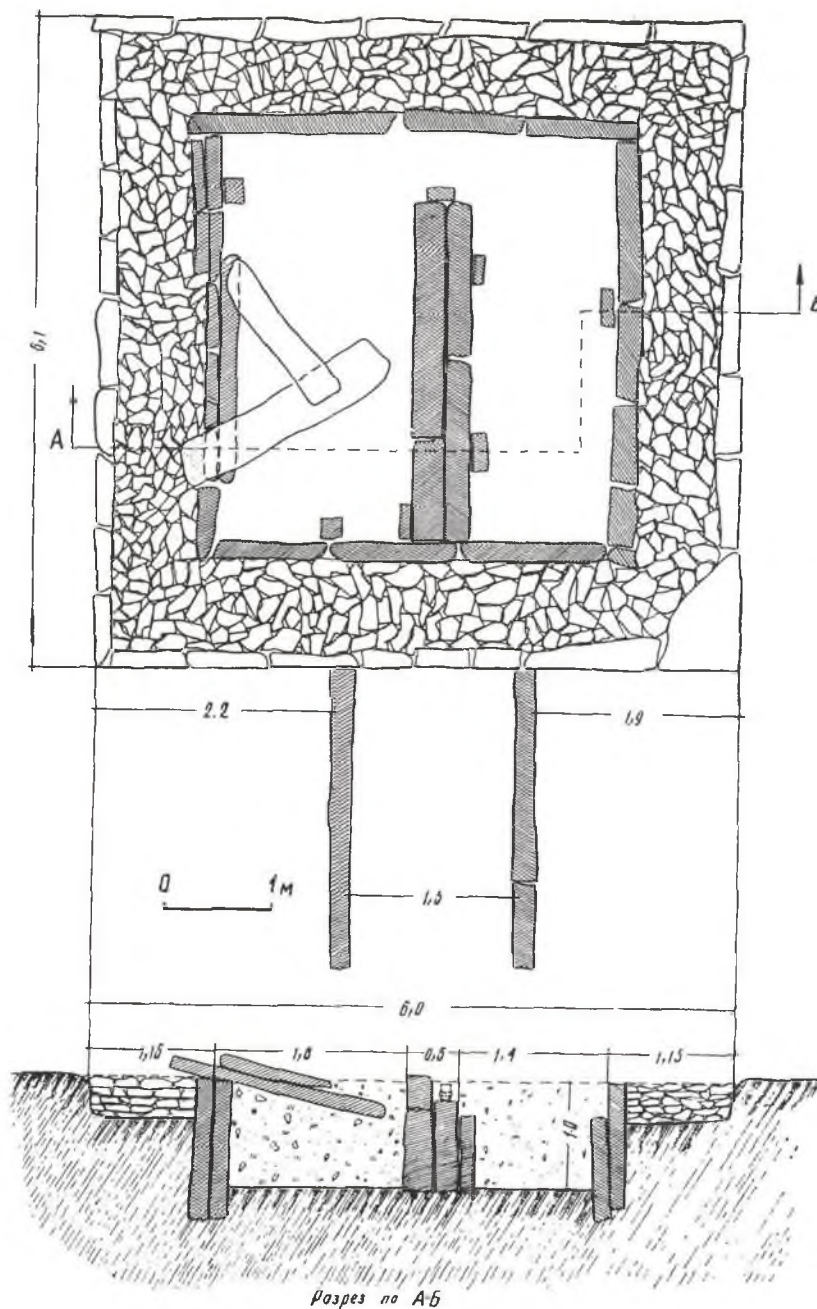

Рис. 29. Бегазы. План и разрез мавзолея 5

ного хрусталя, лазурного малахита и угольки. В такой комбинации они нередко встречаются в памятниках Казахстана эпохи поздней бронзы и ранних кочевников⁵¹.

Находки из мавзолея 3 также подчеркивают преемственность культуры Бегазы и ранних кочевников.

Остановимся на характеристике керамических материалов, извлеченных из скальной гробницы 3. Здесь были обнаружены целые сосуды и черепки не менее чем от десяти сосудов, в том числе венчики, фрагменты боковин и нижней части глиняных сосудов. Все они выполнены однотипно, с примесью дресвы, шамота и молотого гранита. Обжиг у них сравнительно высокий, у большинства поверхность красновато-оранжевая, цвет в изломе желто-серый.

Сосуд 1 (рис. 25, 1) имеет форму небольшого тонкостенного кувшина изящной формовки, с круглым дном и шаровидным туловом. Венчик прямой, сравнительно высокий и осанистый. Изгиб шейки выражен не сильно. По шейке легкий валик, отделяющий ее от тулова. Формован от руки выдавливанием изнутри, в тесте примесь гранитного песка. Поверхность розовато-оранжевая, цвет в изломе желто-оранжевый, заметны следы лощения. Орнамент, состоящий из треугольных вдавлений, обращенных вершинами вниз, сплошь покрывает всю поверхность сосуда от шейки почти до дна. Легкость сосуда, богатый орнамент говорят о том, что сосуд предназначен для питья кумыса.

Сосуд 2 (рис. 25, 3) по форме почти такой же, как предыдущий, но более изящный и нарядный, круглодонный, с характерной формой эллипсоида, прямым высоким венчиком, легким изгибом шейки. Сосуд формован из теста с примесью гранитного песка. Поверхность оранжевая, с темными пятнами и следами лощения. Цвет в изломе желто-серый. Орнамент выполнен гладким штампом в виде удлиненных треугольников, опущенных вершинами вниз, которые чередуются со свободным от орнамента пространством, заполненным мелкими волнистыми горизонтальными линиями, создавая контраст фона и рисунка. Шейка отмечена красивой волнистой линией. Этот небольшой нарядный кувшин предназначен, как нам кажется, для питья молока, может быть, и кумыса.

Сосуд 3 (рис. 25, 2) в виде чаши имеет те же черты, что и предыдущие сосуды: круглое дно, прямой венчик, слегка отогнутый наружу. Тесто рыхлое со значительной примесью мелкозерни-

стого кварцевого песка. Сверху сосуд оранжевый, с темными пятнами и следами лощения, изнутри желто-серый. Цвет в изломе темно-оранжевый. Орнамент в виде елочки, горизонтальных желобков и насечек, занимает верхнюю часть сосуда от венчика до уровня плечика. В основном это ряды косых насечек в виде зубчатого чекана с подчеркнутыми поперечными зарубками, горизонтальные линии каннелюр и насечки лопаткой, опоясывающие шейку. Аналогов сосуду нет ни в одном известном нам памятнике эпохи бронзы. Некоторое сходство имеется в керамике из Кургенне II на Енисее (Эрмитаж КЛГ2-М14/2).

Мавзолей 4. Исследован летом 1947 г. Памятник расположен в центре комплекса, рядом с мавзолеем 3 и в нескольких метрах к юго-западу от мавзолея 2. По принципу организации наземного сооружения из скальных глыб совершенно сходен с другими памятниками Бегазы, отличается лишь малой величиной. Это скальная гробница, устроенная на небольшой площадке, обнесенной монументальной оградой из крупных глыб серого гранита, врытых на ребро. Внешняя стена составлена из 22 плит, плотно пригнанных друг к другу. К сожалению, значительная часть их повреждена сверху. Для стен подобраны плиты гранита с плоским очертанием, которые подвергались легкой обтеске. Размеры плит варьируют в пределах 0,8x0,4x0,14—1,2x0,9x0,14 м.

Сооружение в плане имеет форму квадрата с двойной стеной, внешней и внутренней (рис. 27.)

Размеры внешней ограды 6,0x6,0 м, общая площадь 36 м², внутренней 3,8x3,8 м, площадь 14 м². Внутреннее сооружение (погребальная камера) устроено в яме глубиной 1,2 м. Яма закреплена облицовкой из плоских плит гранита, установленных вертикально. Чтобы предотвратить оплывание, борт ямы закреплен бутовыми камнями, ими заполнено также полое пространство между внешней и внутренней стенами, составляющее их толщину (1,12 м). Стены (как внешние, так и внутренние) подкреплены мощными каменными подпорками грубой обработки. Им придана форма четырехгранного блока с прямоугольным или кубическим очертанием в сечении. С восточной стороны к квадрату примыкает вход в виде небольшого коридора или тамбура. Его длина 3,8 м, ширина 1,7 м.

Раскопка показала, что мавзолей 4 тоже давно разграблен. Обряд погребения выяснить не удалось. Раздробленные человеческие кости лежали в полном беспорядке по всей площади камеры и на разной глубине. Однако в склепе

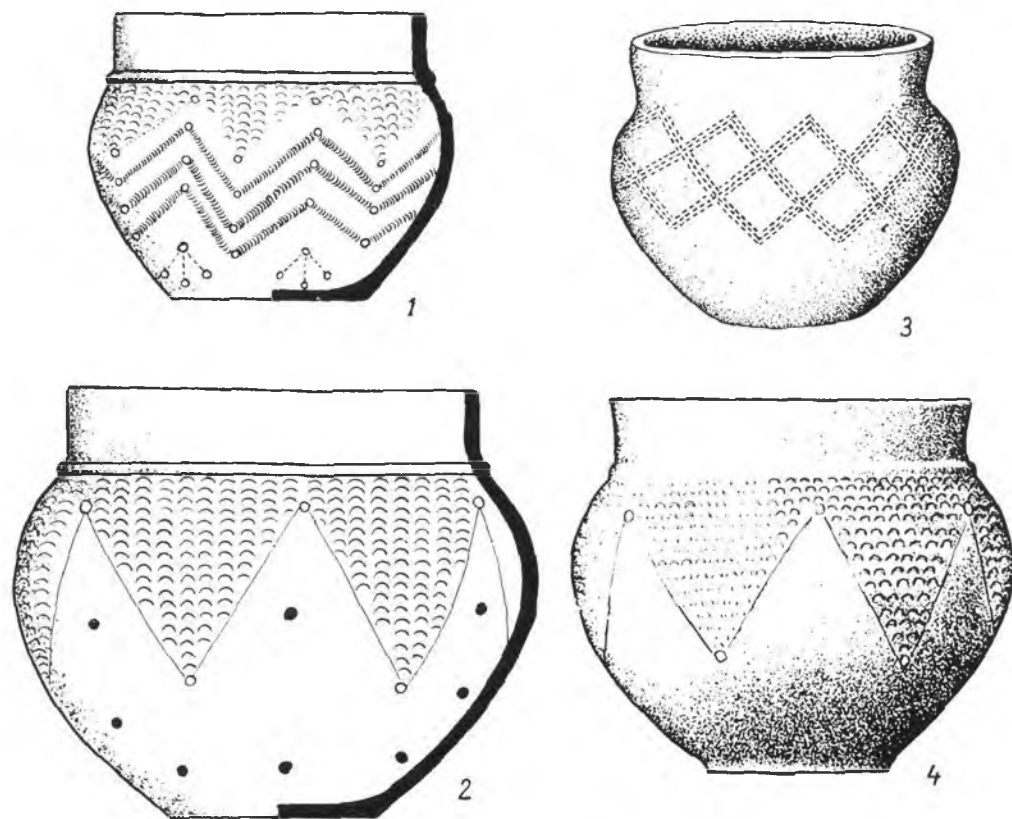

Рис. 30. Бегазы. Керамика: 1 — сосуд 2 из мавзолея 6; 2 — сосуд 1 из мавзолея 6; 3 — сосуд 5 из мавзолея 5; 4 — сосуд 4 из мавзолея 5

найлены крупные обломки трех сосудов, почти целых. Прежде всего обращает на себя внимание встреченный в основании юго-восточной стены камеры, на глубине 0,75 м большой горшок, в котором находились бараньи кости: крестец, шейные позвонки и предплечье, т. е. кости, имевшие большое этнографическое значение в жизни древних скотоводов Центральной Азии.

Сосуд 1 (рис. 26,2), в котором находились кости барана, имеет форму большого кувшина с вздутыми боками, плоским дном и венчиком, сильно отогнутым наружу; изгиб короткой шейки отмечен выразительно. Техника лепки грубовата, сосуд формован из теста с примесью выветренного песка. На внутренних стенках видны отпечатки ткани, свидетельствующие о том, что сосуд вылеплен с помощью формового мешка, наполненного песком. На наружной поверхности заметны следы сглаживания. Обжиг неравномерный: внешняя поверхность желто-оранжевая, внутренняя — темно-серая. Цвет в изломе черный, местами оранжевый. В верхней части сосуд украшен ногтевым рисунком в виде полумесяца, идущим тремя поясками: по краю венчика, шейке и боковине. Полоса по шейке идет наи-

сось двумя ритмическими рядами. Орнамент, очевидно, не ногтевой, а лопаточный, дающий крупный оттиск в виде полумесяца. Рисунок доходит почти до середины тулова сосуда. Близкую аналогию этому сосуду по трактовке орнамента можно найти только в сосуде 10 из Дандыбая.

Особый интерес представляет форма второго сосуда, фрагменты которого собраны на глубине 0,7 м. Сосуд 2 (рис. 25,4) сравнительно хорошей сохранности имеет форму чаши с прямым венчиком и выпуклым дном. Он формован из теста с примесью гранитного песка и мельчайшими вкраплениями кварца. Обжиг хороший. Поверхность желто-оранжевого цвета со следами лощения и темными пятнами кое-где. В изломе цвет желтовато-серый. Эти данные говорят о том, что сосуд был предназначен для питья. Вся поверхность сосуда от венчика до дна покрыта рисунком, выполненным гребенчатым штампом, очень оригинальной композиции: сочетание лент и тоновых треугольников. Орнамент расположен поясками по венчику, шейке и тулову. В орнаменте данного сосуда обнаруживаются черты позднейшей резьбы по дереву.

Сосуд 3 (рис. 30, 1) изготовлен из теста с примесью песка и толченого кварца. Обжиг неполный, черный в изломе. Сосуд имеет форму миски с плоским дном, налепным валиком и сильно отогнутым наружу венчиком. Верхняя часть сосуда покрыта орнаментом треугольной композиции, заштрихованным в крупной манере. Орнамент нанесен гладким штампом (лопаточкой), дающим прямоугольные оттиски с заостренными концами. По валику идут ряды другого орнамента, выполненного насечкой в виде знака X, ряды которого создают ритм движения. Третий вид украшения — налеп воротничка по верхнему краю венчика. Стороны налепного валика имеют горизонтальные желобки, окаймляющие шейку сосуда. Керамические сосуды описываемой формы, с оригинальным венчиком и налепным валиком встречаются очень редко в памятниках культуры бронзы Сибири и Южного Урала. Варианты сосуда прослежены в памятниках Восточного Казахстана, при раскопке поселений Трушниково, Усть-Нарым и Малая Красноярка⁵².

Сосуд 4 найден на глубине 0,7 м в северо-восточном углу склепа. Это черепки от небольшого тонкостенного сосуда, имеющего форму кувшина, с прямым венчиком, круглым дном и шаровидным туловом. Изгиб шейки выражен хорошо, он плавно переходит к тулову. Сосуд изготовлен из добротного теста с примесью мелкозернистого песка, гранита и кварца. Внешняя поверхность оранжево-розовая, местами с темными пятнами, внутренняя — желто-серая, излом желто-серый. На поверхности сохранились следы лощения. Верхнюю часть сосуда покрывает орнамент, нанесенный гребенчатым штампом в виде поясков заштрихованной ленты, сетки и насечек.

Мавзолей 5. Расположен в самом центре комплекса, в 16 м южнее памятника 4. Представляет собой каменную гробницу средней величины, сложенную крупными плитами гранита (рис. 28).

Стены этого квадратного в плане сооружения (рис. 29) погружены в котлован глубиной 1,0 м.

Выше котлована сделана горизонтальная кладка из бутового камня высотой 0,5 м, толщиной 1,15 м. Площадь гробницы по внутреннему обмеру 16 м² (4х4 м), по наружному 36 м² (6х6 м). С восточной стороны к мавзолею примыкает вход в виде коридора или тамбура длиной 2,8 м, шириной 1,5 м. Вход сделан из массивных гранитных плит, врытых в землю. Кладка на глине с заполнением пустот обломками камней. Особой четкостью отличается кладка внешней стороны,

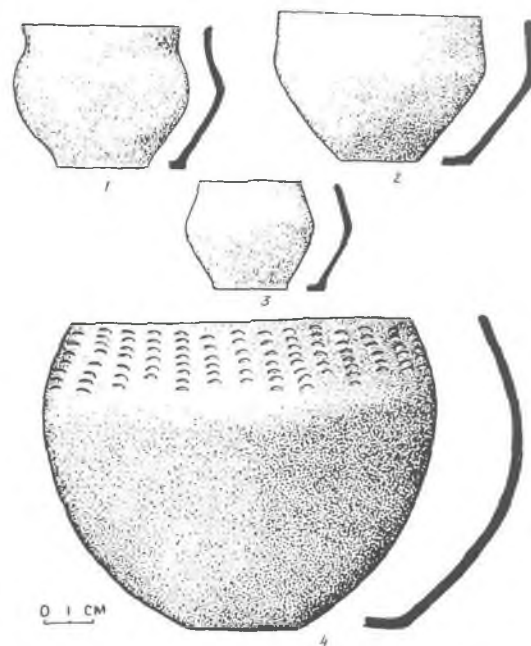

Рис. 31. Бегазы. Керамика: 1 — сосуд 2 из мавзолея 6; 2 — сосуд 1 из мавзолея 6; 3 — сосуд 5 из мавзолея 5; 4 — сосуд 4 из мавзолея 5

выполненная строго по линейке. Для кладки наружной стены подобраны плиты однотипные, прямоугольного очертания. Облицовочные плиты поверх кладки на месте не сохранились. Хорошо сохранились плиты внутренней облицовки. Вдоль западной и восточной стен стоят по три крупных плиты, вдоль северной — четыре, южной — пять. Они предохраняют мавзолей от разрушения. В наземной кладке стен прослеживается стремление увеличить их высоту. Однако мы не знаем первоначальной высоты стен, сохранившаяся высота не более 0,5 м.

Прочность стен увеличивали многочисленные каменные подпорки, обработанные в виде четырехгранных массивных блоков и установленные вертикально по всей внутренней стене и на стыках облицовочных плит. Размеры наиболее мощной стойки 1,07х0,22х0,24 м. Значительное число подпорок установлено по обеим сторонам плиточной перегородки, разделявшей помещение на две части. Перегородка сделана из врытых в землю плит в направлении с запада на восток. Сообщение (проход) между частями помещения находится в западном конце перегородки. Площадь южной части 7,2 м² (4х1,8 м), северной 5,6 м² (4х1,4 м). Вдоль северной стороны перегородки, вплотную к ней, выведена полка из крупных плит гранита, установленных на ребро. Полка сделана специально для керамических сосудов и других предметов обихода и, по-види-

Рис. 32. Остатки мавзолея 6

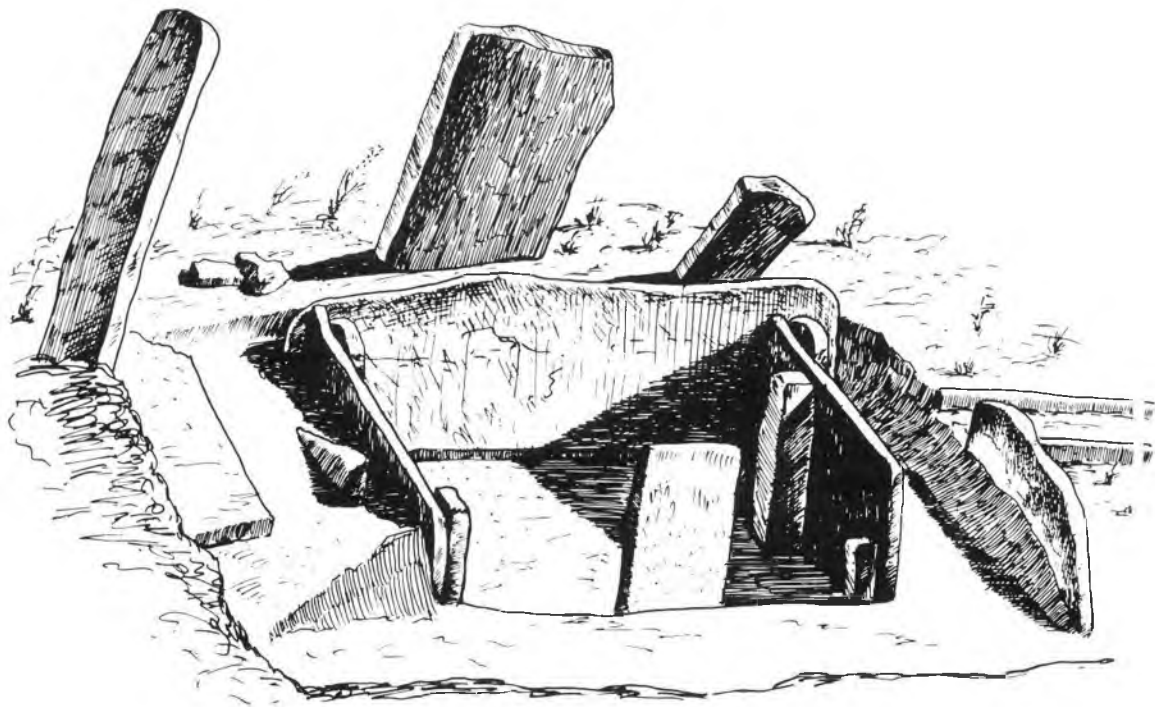

Рис. 33. Бегазы. Скальный мавзолей 6

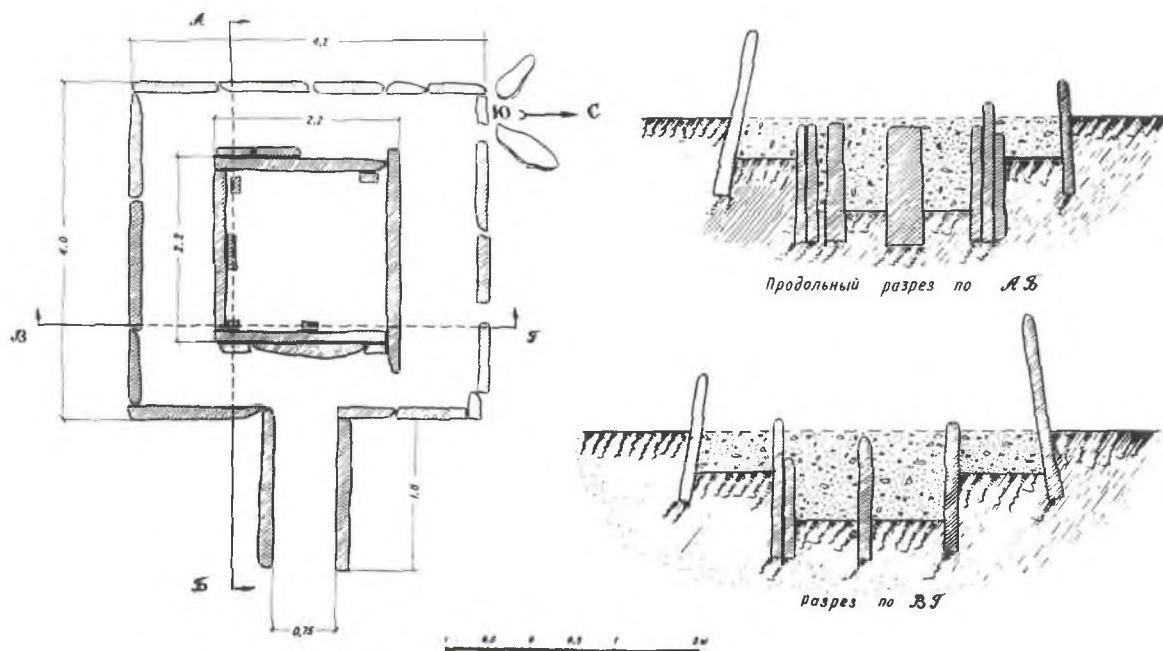

Рис. 34. Бегазы. План и разрез мавзолея 6

тому, имела такое же значение, как алтарь из менгиров в больших мавзолеях.

В южной части помещения в разных концах камеры и на разной глубине прослежены остатки скелета человека, в северной — его имущество и съестные припасы, необходимые, по верованию людей того времени, для его загробной жизни.

Кости нижней конечности человека — голень и малая берцовая — лежали в юго-восточном углу на глубине 0,7 м. В северо-западном углу на глубине 0,45 м обнаружено скопление костей барана, в частности, обломки черепа, зубы, шейные позвонки, кости предплечья (кәрі жілік), астргалы, т. е. кости, имевшие ритуальное значение в быту древних скотоводов Казахстана, Южной Сибири и Монголии. Другие кости барана (позвонки, ребра) обнаружены в юго-западном углу южной части помещения, на глубине 0,75 м. Весьма любопытна находка значительного количества верблюжьих костей (голень, ребро, бабки), в северо-восточном углу северного помещения на глубине 0,75 м. Рядом с костями верблюда находились кости лошади (лопатка, предплечье, ребро), т. е. уже в бегазинское время в жертву приносили не только барана, но и верблюда, и лошадь.

Центр мавзолея был завален крупными плитами гранита, которыми когда-то было покрыто это сооружение. Лишь некоторые из них сохранили свое первоначальное положение. Размеры плит,

перекрывавшей южную часть помещения, 2,25x0,45x0,14 м, 1,9x0,24x0,10 м, а размеры плиты, покрывавшей северную половину помещения, 1,9x0,38x0,18 м.

Несмотря на разграбленность, в мавзолее найдено немало интересных, порою уникальных предметов, характеризующих культуру и искусство племен Центрального Казахстана эпохи поздней бронзы.

В юго-западном углу камеры найдена костяная трубочка (игольник) с отбитым концом (см. рис. 22,3), украшенная резным орнаментом из восьми кружков с точкой посередине. Резьба сделана на всей поверхности. Диаметр резного кружка 8 мм, длина трубочки 4,3 см. Этот миниатюрный предмет является прототипом резных изделий из кости, широко распространенных в последующие века в искусстве кочевых скотоводов Евразии. Обращает на себя внимание большая бронзовая игла превосходной сохранности (см. рис. 22,2), обнаруженная в юго-западном углу камеры. Длина иглы 16 см, длина ушка 12 мм, толщина в сечении 3 мм. Бегазинская игла — одна из первых находок на территории Казахстана. Серия игл аналогичной формы найдена при раскопках могильников Айшрак⁵³, Акмола, Бугулы III, Боровое⁵⁴, древних выработок Самембет (сборы Г. Н. Щербы), в Садчиковском поселении⁵⁵, в Семипалатинских дюнах⁵⁶, на Алтае⁵⁷ и Верхней Оби⁵⁸, а также в районе Степного Поволжья Саратовской области⁵⁹.

Самая ранняя большая медная игла встречена в могильнике Акмола⁶⁰.

В бегазинское время бытовали железные иглы стандартных форм. Бегазинская игла, большая железная игла, найденная на руднике Самембет Каркаралинского района Карагандинской области, иглы из могильников Айшрак, Бугулы III и другие типичны для бегазинского этапа культуры бронзы Центрального Казахстана.

С точки зрения художественной обработки металла значительный интерес представляет редкий экземпляр булавки с навершием дисковидной формы и с отверстием на краю диска около стержня (рис. 22, 1). Она находилась в яме у западной стены на глубине 0,78 м. Длина булавки 12 см, диаметр круглого навершия 3,3 см. Поверхность изделия покрыта красной краской из окиси железа (гематит), широко применяемой при изготовлении керамических и бронзовых изделий эпохи бронзы.

Аналоги бегазинской булавке мы находим только в памятниках Северного и Северо-Восточного Кавказа⁶¹.

Форма бегазинской и северо-кавказской булавок тождественны, однако на Кавказе встречаются булавки и более мелких размеров⁶².

По данным некоторых ученых, большие булавки с дисковидным навершием не имеют глубоких корней на Кавказе. Они встречаются реже, чем мелкие, в основном в предгорьях Северо-Восточного Кавказа⁶³.

Родиной этого предмета, вероятнее всего, является Центральный Казахстан — крупнейший центр древней металлургии. Описанные образцы булавок — возможное свидетельство связи между металлургическими центрами эпохи бронзы и передвижения племен с востока на запад, ставшее традиционным в скифское время.

У основания северо-восточной стены северной камеры на глубине 0,8 м обнаружена большая бронзовая бляха треугольной формы и керамические сосуды. Основная масса их находилась на каменной полке. К сожалению, многие сосуды раздавлены плитами перекрытия. На полке найдены фрагменты девяти сосудов, шесть из которых с орнаментом и три без орнамента. Обломки этих сосудов обнаружены и на полу, на глубине 0,75 м.

Сосуд 1 имеет форму тонкостенного кувшина с шаровидным туловом, плоским дном (рис. 30, 2).

Венчик высокий, прямой, слегка отогнутый наружу, сливается с шейкой, отделенной от плечика валиком. Лепка из хорошо отмученного теста

с вкраплениями мелкой дресвы. Обжиг хороший, цвет в изломе красный. Внешняя поверхность желто-оранжевая со следами лощения. На внутренней поверхности сохранились следы сглаживания. Профиль сосуда четкий и выразительный. Его верхняя половина покрыта богатым ковровым орнаментом, выполненным техникой тиснения и вдавливания. Основу сюжета составляет контурный орнамент из треугольных фестонов, опущенных вершинами вниз. В общей композиции обращает на себя внимание искусство контрастирования рисунка и гладкого фона, создающее известную тональность. Вершины треугольников и гладкий фон расцвечены глазковым орнаментом в виде кружков. Поле треугольных фестонов заполнено 15 рядами полукруглых или подковообразных вдавлений. Из них самый длинный находится в основании треугольников. Стороны треугольных фестонов обведены прямой резной линией. По форме и орнаменту сосуд почти идентичен сосуду 2 из этого же мавзолея. Оба изделия, несомненно, изготовлены одним и тем же мастером.

Близкая аналогия этому сосуду имеется в керамике Айбас-Дарасы и Верхней Оби⁶⁴, в карасукских памятниках Енисея (Кюргенне I, II)⁶⁵.

При тщательном сравнении материалов становится ясно, что керамика и другие находки с Алтая и Верхней Оби более близки материалам Центрального Казахстана, чем материалам минусинских степей⁶⁶.

Сосуд 2 (рис. 30, 1) найден на каменной полке. Он имеет шаровидную форму, уплощенное дно. Венчик высокий, прямой, слегка отогнутый наружу. Изгиб шейки достаточно выразительный, вокруг нее сделан тонкий валик с треугольным очертанием в сечении. Сосуд формован из добротной глины с примесью природного песка гранита и кварца. Поверхность темно-серая, цвет в изломе серый. На свободной от орнамента поверхности хорошо видны следы полировки минеральным порошком. Тулово сосуда полностью покрыто богатым орнаментом, выполненным в резной технике. В качестве штампа применено тонкое птичье перо или тонкие трубчатые кости зверьков, дающие круглые и полуциркульные оттиски, напоминающие ногтевой орнамент. Основное содержание рисунка — зигзаги из заштрихованных лент и треугольные фестоны, опущенные вершинами вниз. Поле треугольных фигур заполнено полуциркульными вдавлениями. Этой же техникой выполнена и заштриховка лент в зигзагах. Стороны треугольных фе-

стонов и лент оформлены прерывистой линией в виде оттисков гладкого штампа. На концах треугольных фигур и зигзагов сделан глазковый орнамент, по-видимому, нанесенный круглыми концами гусиного пера. Для круглых оттисков применены перышки разной величины. Их диаметр в сечении максимум 5 мм, минимум 3 мм. В группе могильников Айшрак найден такой штамп из тонкой трубчатой кости птицы или грызуна, один конец которой заострен, а другой закруглен, при вдавливании такой штамп оставляет круглые оттиски. Треугольные фестоны занимают шейку и плечики. Всю нижнюю часть сосуда занимают зигзаги, идущие по контуру треугольников и составляющие вместе с ними единую сложную композицию рисунка. Вся композиция завершается орнаментом из кружков и прямых прерывистых линий, напоминающим ожерелье.

Сосуд 3 с шаровидным туловом и уплощенным дном найден раздавленным на жертвенной полке (рис. 30, 4). Часть его фрагментов обнаружена в основании стенки жертвенной полки на глубине 0,75 м. Он имеет прямой, высокий венчик, шейку с валиком, выраженную не очень сильно. Формован способом выдавливания из глины с примесью кварцевого песка. Качество обжига выше среднего. Поверхность розовая, местами с сероватыми пятнами. Цвет в изломе серый, с желтовато-красными прослойками. Тулово покрыто рисунками из треугольных фигур вершинами вниз. Поле треугольников заполнено сплошными полуциркульными вдавлениями. Стороны треугольных фестонов обведены тонкой резной линией. Композиция обогащена наложением на концах треугольных фигур кружков в виде горошин, выполненных темно-бурой минеральной краской (пирит) с помощью кисти.

В этом же мавзолее найден фрагмент другого тонкостенного сосуда, в украшении которого еще в большей степени использованы кружки и ленты. Высокая техника и тщательность работы говорит о том, что третий сосуд изготовлен тем же мастером, что и первые два. Все три сосуда весьма изящны по форме, очень колоритны и выразительны по рисункам. Аналоги им можно найти только в памятниках Центрального Казахстана эпохи поздней бронзы, в комплексах Айбас-Дарасы, Дандыбай и Сангру I. Применение минеральной краски для украшения сосудов в других памятниках эпохи бронзы не зафиксировано. Это составляет особенность рассматриваемого региона.

Сосуд 4 имеет форму котла с выпуклым дном и вогнутым горлом (рис. 31, 4).

В основании стены жертвенной полки, на глубине 0,75 м, встречен отдельный его фрагмент. По сравнению с предыдущими он сделан несколько небрежно, менее выразительно. Несомненно, сосуд был кухонный. Формован он без особой тщательности из глины с примесью дресвы. Поверхность желтовато-красная, местами с темными пятнами, цвет в изломе серый. На внутренней поверхности следы заглаживания травой. Венчик не имеет ясно выраженной формы, вогнутая горловина непосредственно переходит в тулово. О назначении этого сосуда говорит и его сравнительно большой размер. Орнамент сделан небрежно, ногтевыми оттисками. Им покрыта вся верхняя часть сосуда, от края устья до плечика.

Сосуд 5 стоял на общей жертвенной полке. Это небольшой горшок с вогнутой горловиной и заостренным плечиком (рис. 31, 3), дно плоское, венчик и шейка почти не выражены, без орнамента. Сосуд формован из глины с примесью шамонта, обжиг неравномерный. Излом у венчика серый, у дна — красный. Поверхность желтовато-красная. Следы заглаживания не замечены.

Сосуды с острыми плечиками в Центральном Казахстане более характерны для конца эпохи бронзы (IX—VIII вв. до н. э.), при переходе к раннесакской культуре. Значительная серия сосудов этого типа встречена в комплексе Айдарлы на р. Атасу, в плиточной ограде б Бегазы, а также на поселении Тагибай-Булак. Характерную особенность ребристых сосудов составляет отсутствие орнамента.

Мавзолей б. Расположен в юго-западном конце комплекса, в пойменной террасе р. Каратал (Бегазы-Булак), в 150 м к северу от ее правого берега (рис. 32).

Мавзолей б представляет обособленную часть группы Бегазы. По структуре сооружение идентично другим памятникам Бегазы и относится к типу скальных мавзолеев (рис. 33).

Судя по керамике и расположению в стороне от основной группы, оно, вероятно, самое позднее. В плане это квадратное сооружение, ориентированное поперечными осями по сторонам света (рис. 34).

Контур гробницы определялся сразу, потому что верхний край скальной стены выступал над землей на 0,4—0,5 м. Основание сооружения погружено в котлован на глубину 0,6—0,7 м. Стены котлована обложены рядами крупных гранитных плит, врытых на ребро. Из таких же плит квад-

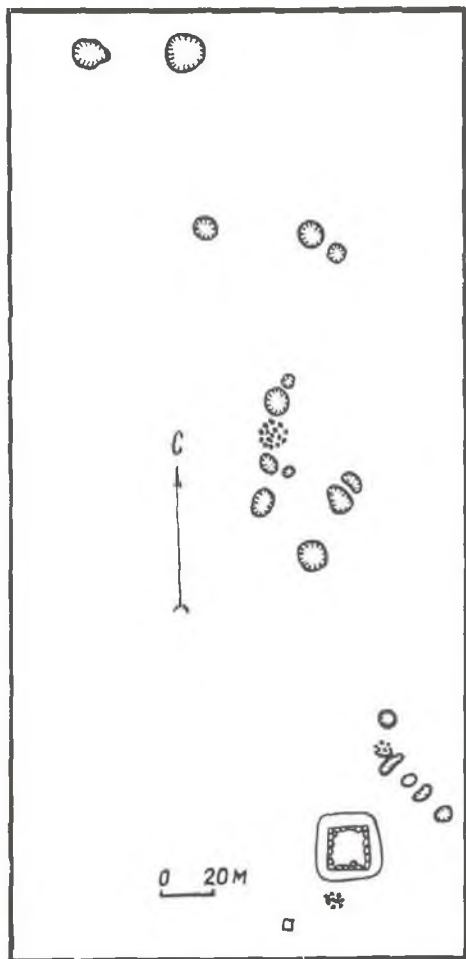

Рис. 35. План каменного мавзолея Бугулы III и культовых ям

ратного очертания сложены и наружные стены. Наиболее крупными облицована наружная стена и покрытие сооружения. Размеры их 2,0x0,97x0,12 м, 1,8x0,5x0,2 м, 1,2x0,95x0,12 м. Однотипность гранитных плит говорит о том, что для сооружения гробниц специально подбирались плиты сходного очертания, большей частью квадратной и прямоугольной формы. Все плиты слегка подтесаны, имеют сглаженный вид. Размеры сооружения по наружному обмеру 4x4, по внутреннему 2,2x2,2 м. К внутреннему квадрату примыкает вход в виде прямоугольного тамбура длиной 1,8 м и шириной 0,75 м. Пространство между внутренней и внешней стенами заполнено обломками камней толщиной в один метр. Это толщина древней мощной стены. Следов наземной кладки, установленных в мавзолеях 1, 2, 5, здесь не обнаружено. Раскопка междустенного пространства раскрыла форму обходной галереи, идущей по всей стене. Вернее, это не галерея, а остатки древней мощной стены. Значение

обходной галереи имеют только верхние ярусы мавзолеев 1 и 2, так как там над всей стеной нависают верхи гранитных глыб, которыми обложены все внешние стены. Как изнутри, так и снаружи стены мавзолея 6, прежде всего угловые стыки тяжелых плиточных стен, основательно подкреплены рядами мощных подпорок, врытых в землю, причем более мощные опоры сделаны с наружной стороны. Благодаря этим подпоркам сооружение долго сохраняло свой древний облик.

Гробница разграблена еще в древности. Об этом свидетельствуют лежавшие в беспорядке возле стен сооружения огромные плиты, служившие когда-то перекрытием большого каменного ящика. Центр камеры перекапывался не один раз, он завален каменным мусором. Расчистка центра не дала каких-либо остатков материальной культуры. Лишь у западной стенки погребальной камеры на разной глубине были подняты обломки черепа, лежавшие в беспорядке, раскрошенные тазовые и трубчатые кости человека. Фаланги пальцев ног встречены в северо-восточном углу площадки на глубине 0,35 м в первоначальном виде. Судя по фалангам, человек был погребен в скорченном положении, головой на запад. Большие гранитные плиты, служившие перекрытием гробницы, сдвинуты с места. В мавзолее найдены всего три целых и фрагменты двух сосудов.

Сосуд 1 (рис. 31,2) хорошей сохранности найден у западной стенки гробницы на глубине 0,3 м. Он плоскодонный, с прямой короткой шейкой, острым плечиком, стенка плавно переходит к плоскому дну. Вылеплен из глины с примесью мелкозернистой дресвы. Обжиг высокого качества, цвет в изломе красный. Некоторая неравномерность обжига наблюдается только в нижней части сосуда, особенно на дне. На внутренней поверхности имеются следы сглаживания. Сосуд без орнамента, гладкостенный. По форме сходен с гладкостенными сосудами скальных мавзолеев Бегазы (3, 4 и 5), а также комплекса Айдарлы на р. Атасу. Обращает на себя внимание красный фон керамического сосуда, создающий впечатление добротности изделия при отсутствии орнамента и других видов украшения. В керамическом искусстве бегазинского времени красный фон сосудов, видимо, заменяет орнаментация. Эта своеобразная техника прослеживается в ряде случаев в комплексах Бегазы, Айдарлы, Сангру, Бугулы II.

Сосуд 2 обнаружен в юго-западном углу ка-

Рис. 36. Курган Бугулы III до раскопки

меры на глубине 0,35 м (рис. 31, 1). Он изготовлен способом выдавливания изнутри из кома красной глины с примесью дресвы и незначительным включением кварцевого песка. Обжиг средний, в изломе два цвета: серый и красный. Внутренняя поверхность темно-серая, внешняя — розовая или кирпично-красная, местами с темными пятнами. На внутренней поверхности сохранились следы заглаживания. Сосуд имеет форму гладкостенного горшка с плоским дном, ясно выраженной шейкой, слегка отогнутым наружу венчиком и выпуклыми боками. Аналогий этому сосуду много. Наиболее характерные типы этой серии сосудов встречены в группах Айдарлы на р. Атасу, Бугулы II, относящихся к концу эпохи поздней бронзы.

Сосуд 3 обнаружен в том же юго-западном углу камеры на глубине 0,35 м, между двумя каменными подпорками, которыми поддерживались угловые стыки большого каменного ящика. Место служило своеобразным тайником, и керамические сосуды здесь сохранились лучше. Сосуд изготовлен ручной лепкой из хорошо отмученного теста с небольшой примесью мелкой дресвы. Обжиг средний, цвет в изломе темный. Внутренняя поверхность темно-серая, внешняя

— желтовато-коричневая. Сосуд 4 имеет форму большого горшка со вздутыми боками, плоским дном, прямым венчиком, слегка уплощенным сверху (рис. 30, 3). Изгиб шейки выражен не сильно, плавно переходит к тулову. Орнамент из ромбической цепочки, нанесенный оттисками крупного гребенчатого штампа, покрывает шейку и плечевую часть сосуда. Аналоги этому горшку мы находим в группах Дандыбай, Бугулы II, Сангру I и Беласар.

Бегазинские скальные мавзолеи представляют собой особую группу памятников Центрального Казахстана эпохи поздней бронзы. По целому ряду признаков они имеют много общего с памятниками переходного этапа Аксу-Аюлы, Беласар, Ортау II, Бугулы III, Сангру I, Аккойтас, Кзыл-Арай. Это сходство выражается прежде всего в организации планов и конструкции стен основных сооружений, выполненных горизонтальной кладкой из камня (скальные мавзолеи I и 5). Имея генетическую связь с сооружениями предыдущего этапа эпохи бронзы, бегазинские памятники отличаются наличием ряда своеобразных архитектурно-конструктивных деталей, встречающихся только в сооружениях эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана.

Общую черту всех бегазинских сооружений составляет то, что в них четко разработаны основные идеи строительной конструкции, прежде всего конструкции стен с облицовкой их громадными гранитными плитами, забутовкой и мощным укреплением их нижней части, решение идеи шатрового перекрытия, создания контрфорсов, подпорок для защиты стен от возможного разрушения, создание дополнительных площадей и помещений путем устройства входных коридоров, верхних обходных галерей, делением большого помещения перегородкой из крупных каменных плит и т. д. Внутренние стены сооружений всегда опущены на значительную глубину и обложены крупными плитами гранита. Наземные стены обложены ещё более крупными плитами или огромными глыбами гранита.

Из других особенностей следует отметить вертикальные опорные столбы и вспомогательные подпорки в виде длинных, часто хорошо отесанных, четырехгранных каменных колонн, которыми были укреплены швы вертикальных облицовочных плит. По своему устройству и назначению эти каменные опоры очень напоминают опорные деревянные столбы в жилых каркасных строениях бронзовой эпохи. Каменные подпорки к внешним и внутренним стенам повышали устойчивость тяжелых облицовочных плит. Для сохранения устойчивости и прочности стен применялась еще простейшая форма контрфорса, выполненного способом горизонтальной кладки из камней. Каменные площадки имеют обычно прямоугольное или квадратное сечение. Размеры их по высоте часто совпадают с высотой стен сооружения.

В малых плиточных оградах опорой служила большая гранитная плита, покрывающая всю стену. Коридоры больших мавзолеев в основании погружены в грунт, но их нижний уровень расположен несколько выше уровня пола внутренней камеры. Высота плиты или кладки, составляющие стены коридора, постепенно понижается по направлению в его восточному концу. Это одна из характерных черт всех скальных гробниц Бегазы. У входа установлены две наиболее крупные плиты, которыми обозначен порог помещения.

Бегазинские постройки возводились усилиями целого родового коллектива. Технические приемы, применявшиеся при передвижении и установке огромных каменных глыб, говорят о высоком уровне строительного искусства того времени. Работы производились при помощи рыча-

гов, катков и бревен, транспортировка осуществлялась в основном зимой.

Невозможно переоценить значение этих уникальных памятников для всеобщей истории и истории материальной культуры древнего периода.

Мавзолей Бугулы III

Бугулинские горы расположены по левому берегу р. Шерубай-Нура, в 80 км к югу от г. Караганды и в 60 км на СВ от Успенского рудника. В древности это было обжитое место, о чем свидетельствует огромное скопление памятников. Обилие горных пастбищ и ручьев, стекающих с окружающих гор, прекрасный ландшафт, наличие многочисленных рудников привлекали сюда людей с самых ранних эпох.

Очень рельефно выступает историко-топографический фон долины р. Шопа, окаймленной со всех сторон горами Бугулы. В этой долине сосредоточен крупный комплекс разновременных памятников. Среди них доминируют памятники эпохи поздней бронзы, или бегазы-дандыбаевского времени⁶⁷.

Памятник Бугулы III, исследованный в 1955–1956 гг. при участии М. К. Кадырбаева, представляет собой каменную усыпальницу, расположенную на плоском холме, восточнее поселения Бугулы I. Памятник находится на южном конце особой группы ям, значение которых еще полностью не раскрыто. Характерно, что ямы вытянуты цепочкой с ЮЮВ на ССЗ (рис. 35).

Размеры самой большой 25 м в диаметре, самой малой 2 м. Всего в группе 22 ямы, из них три имеют редкие каменные наброски. Раскопка одной из ям показала, что их нельзя отнести ни к типу поселений, ни к погребениям. Скорее всего, это культовые места, остатки священного костра, устроенного возле гробницы всеми почитаемого предка. Следы обряда поклонения огню обнаружены при раскопке одной из ям и в самой гробнице. Вполне вероятно, что эти 22 ямы — остатки древнего алтаря, место жертвоприношения, где в определенные дни разводили костры, устраивали ритуальные танцы и разные представления.

До раскопки бугулинская гробница представляла собой огромный курган, засыпанный землей, с двумя огромными плитами у западной стороны (рис. 36).

Высота кургана около 4 м, диаметр 28 м.

В результате двухлетней методической работы под курганной насыпью выявлено гигантское каменное сооружение, представляющее собой один из самых крупных, монументальных и сво-

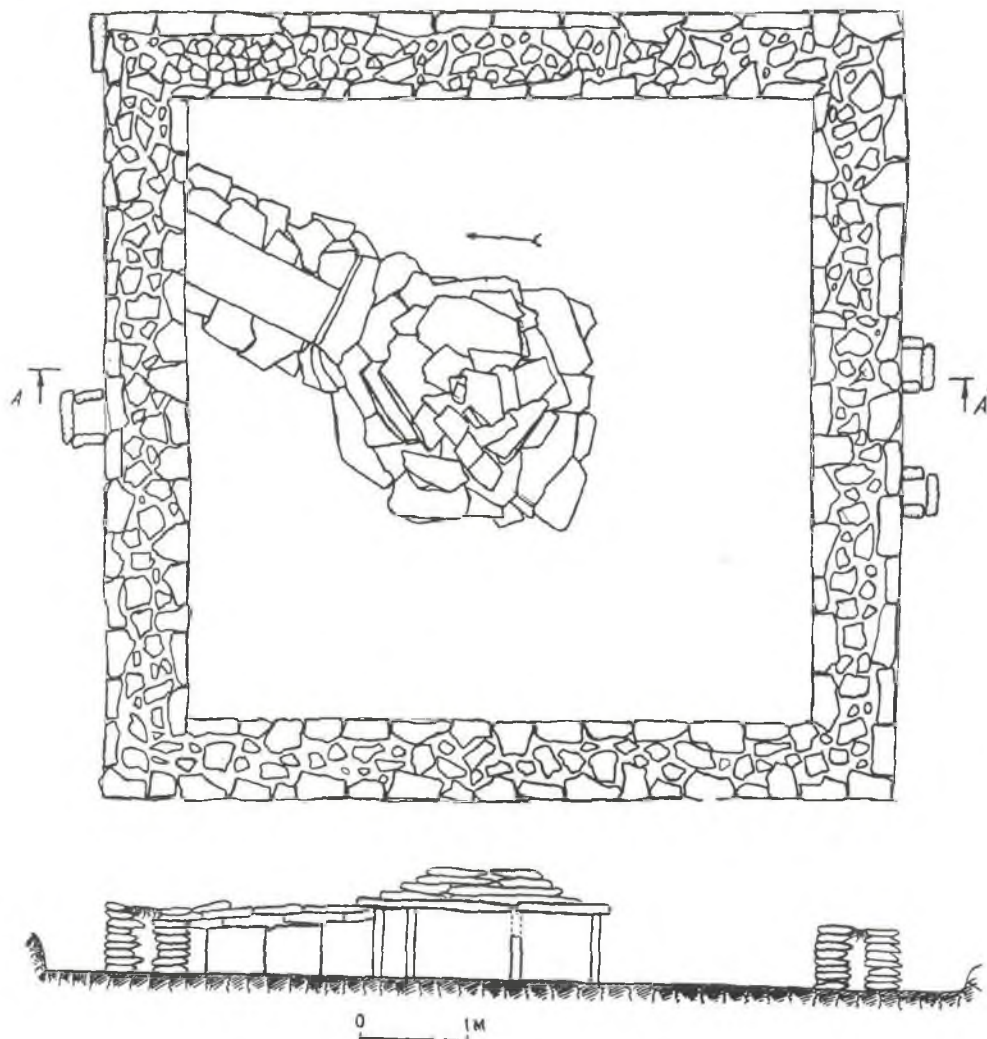

Рис. 37. План и разрез мавзолея Бугулы III

еобразных памятников эпохи поздней бронзы. Композиционная четкость сооружения и его огромные размеры дают основание заключить, что в нем погребен вождь племени.

Гробница разграблена еще в древности. Грабители проникли в помещение через отверстие шатрового перекрытия. Скелет человека, обломки керамики, кости барана и лошади лежали всюду в полном беспорядке и на разной глубине. Однако сохранность самого монумента удовлетворительная.

По своему характеру, размерам, планировке и строительному принципу бугулинская каменная гробница имеет большое сходство с бегазинскими мавзолеями. По композиции это квадрат (рис. 38) со сторонами 15х15 м, общей площадью 225 м², т. е. по размерам она очень близка к бегазинским сооружениям 1 и 2. Сооружение, как и в Бегазы, состоит из двойных мощных стен с той

разницей, что площадь внешнего квадрата гораздо больше площади внутреннего. Обширное пространство между стенами имеет значение обходного коридора или составляет большой открытый двор, служивший местом собраний и жертвоприношений (рис. 39).

Большой интерес представляет структура здания. Внешняя стена построена из длинных каменных блоков посредством горизонтальной кладки на глиняном растворе (рис. 40).

Подбирались продолговатые каменные блоки, имеющие форму параллелепипеда, толщиной 18–22 см, длиной 40–70 см. Техника кладки аналогична той, которая применена при сооружении гробниц Аксу-Аюлы, Ортау и Бегазы I. При кладке стен древние строители великолепно применяли перевязку швов и заполнение пустот глиняным раствором, а также мелкими осколками камней. Таким образом они создали мощную стену

Рис. 38. Мавзолей Бугулы III

толщиной в 1,5 м. Основным критерием определения высоты здания является количество рядов кладки. В бугулинском сооружении сохранилось девять рядов, толщина камня в каждом ряду в среднем 20 см. Однако наружный и внутренний обмеры не совпадали (1,8 и 2,1 м соответственно). Исследованием установлено, что кладка внутренней стены начиналась прямо со дна котлована глубиной 0,3 м, тогда как наружная кладка поднималась с его борта. Внешние стены бугулинского сооружения, по-видимому, имели облицовку из гранитных плит, установленных на ребро. Об этом свидетельствуют две огромные плиты, стоящие в юго-западном углу. Есть сомнения в том, была ли облицовка сплошной, как в бегазинских сооружениях, или только на углах, хотя вдоль стен гробницы прослежены ямы от плит.

Сплошная облицовка стен, как показывают наблюдения, делалась в исключительных случаях. Чаще облицовывались отдельные участки стен,

но обязательно угловые части сооружения, наиболее подверженные разрушению.

Очень своеобразно внутреннее сооружение (рис. 39). По своей композиции это — четкий квадрат со сторонами 4,1х4,1 м, общей площадью 17 м². Ориентировка стен обеих (внешней и внутренней) оград строго по сторонам света. Внутреннее сооружение — гробница, представляющая собой большой каменный ящик или склеп, составленный из гранитных плит, поставленных на ребро. Плиты, образующие стены гробницы, хорошо обработаны, имеют одинаковую высоту, но различную ширину. Каждая стена состоит из трех громадных плит гранита, размеры которых варьируют в пределах 2,18х0,7х0,18–2,20х1,5х0,18 м. Наиболее крупные плиты установлены по западной, восточной и южной сторонам. Северная стена помимо вертикальных плит закреплена кладкой из крупных каменных блоков, а у входа — опорными столбами. От ее северо-восточного угла вытянут длинный коридор, который одним

Рис. 39. Бугулы III. Структура внутреннего сооружения

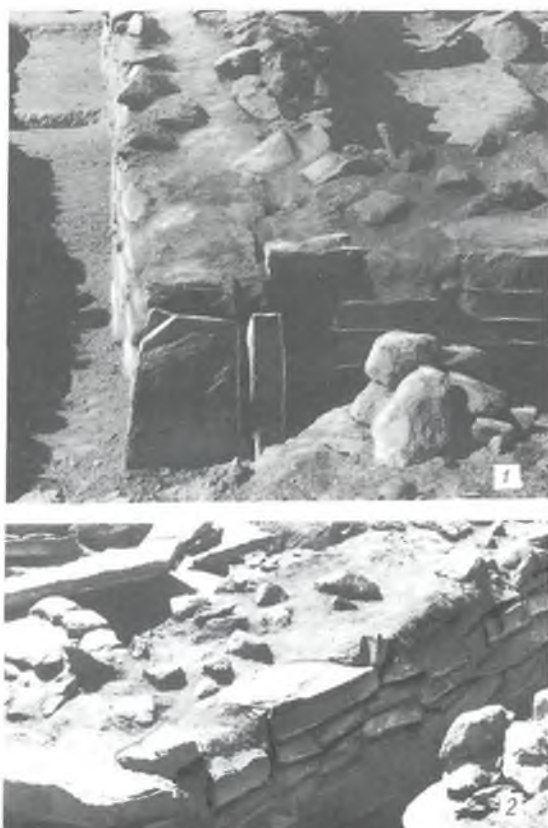

Рис. 40. Бугулы III. 1 — восточная стена мавзолея;
2 — северная стена

концом примыкает к гробнице, а другим — к северо-восточной стене внешнего сооружения. Длина коридора 3,3 м, средняя ширина 0,8 м, высота каменной кладки 1,72 м. Совершенно своеобразна кладка стен коридора. В основании стен установлены на ребро плоские плиты высотой 0,7 м, полое пространство внутри плит заполнено осколками камней, сцементированных глиной (рис. 40).

Выше идет горизонтальная кладка из ложковых с тычками рядов. Пол коридора выложен плоскими плитами, на которых разводился священный огонь.

Очень выразителен вход в гробницу. Он оформлен двумя установленными на ребро высокими гранитными плитами прямоугольного очертания, длина которых составляла высоту входа (2,5х0,68х1,15 м).

Перемычка над входом в гробницу очень мощная (рис. 42).

Ее составляет двухметровая гранитная плита, перекинута над столбами и боковыми стенами. Вход перегорожен крупной прямоугольной плитой размером 1,7х1,15х0,16 м — прототип современных ворот. Основную нагрузку пирамидального перекрытия берут на себя мощные боковые стены и опорные столбы из гранита, установленные по центру сооружения. Размеры одного

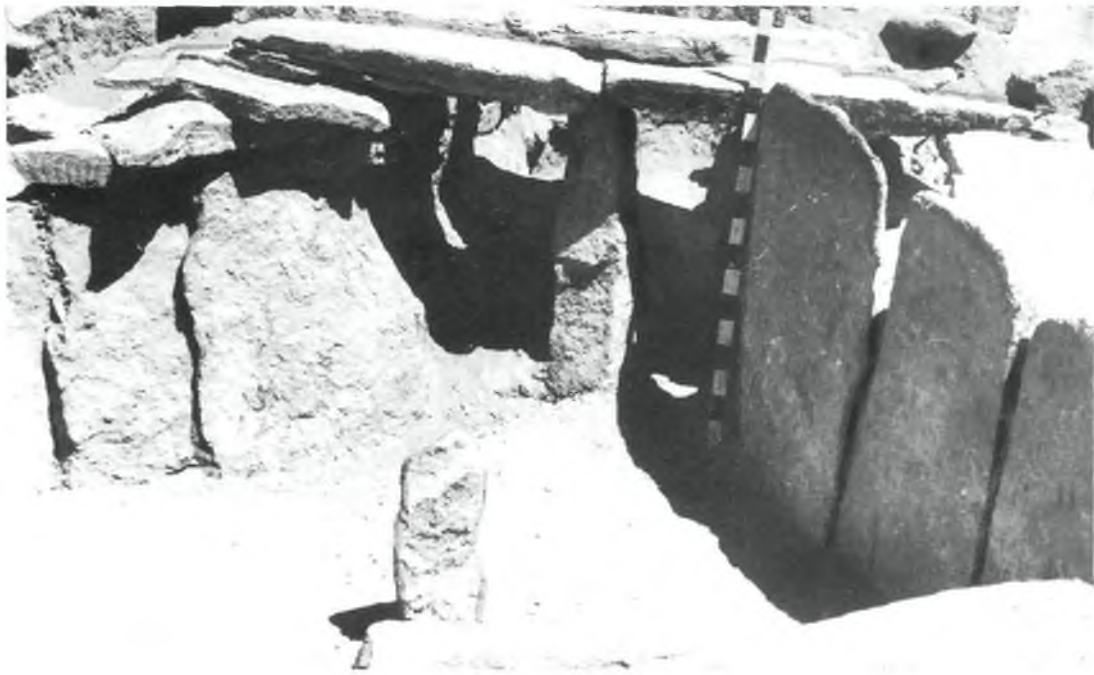

Рис. 41. Бугулы III. Перемычка над коридором

опорного столба 1,65x0,28x0,17 м. Обширный обходной коридор характерен только для бегазинского типа сооружений, но в отличие от подлинно бегазинских бугулинский коридор образован между внешней и внутренней стенами, а не

пристроен к внешней стене.

Интерес представляет пирамидально-ступенчатое перекрытие. Полная зачистка здания показала, что перекрытие внутренних стен сделано от углов к центру (рис. 43).

Древние строители умело распределили нагрузку циклопического перекрытия. За исходную позицию они взяли четыре огромные гранитные плиты, которые положили над углами. Нагрузка этих плит, с одной стороны, падала на угловые опоры, с другой — на центральные опорные столбы из гранита, расположенные по диагонали от угла к углу. Верхние плиты шли уступом, постепенно сужающимся к вершине, увенчанной плитами полуциркульного очертания. Таким образом, перекрытие приобрело форму усеченного конуса. Всего ступеней в конструкции 9, по 3 нижних, средних и верхних. Эти ступени составлены из 39 обработанных плит размером 2,12x0,81x0,16; 1,96x0,92x0,17; 1,32x1,13x0,27; 1,19x0,87x0,16; 0,8x0,4x0,21. Все плиты перекрытия и боковые стены уложены на подушки и хорошо скреплены раствором из глины. Высота внутренних стен 1,8 м, общая высота с коническим верхом 3,7 м. Ясно, что мы имеем дело с особой конструкцией, в основе которой заложена идея ложного свода, разработанного в эпоху поздней бронзы в Центральном Казахстане. Перекрытие типа ложного свода с уступом и постепенным сужением кверху исследовано нами в па-

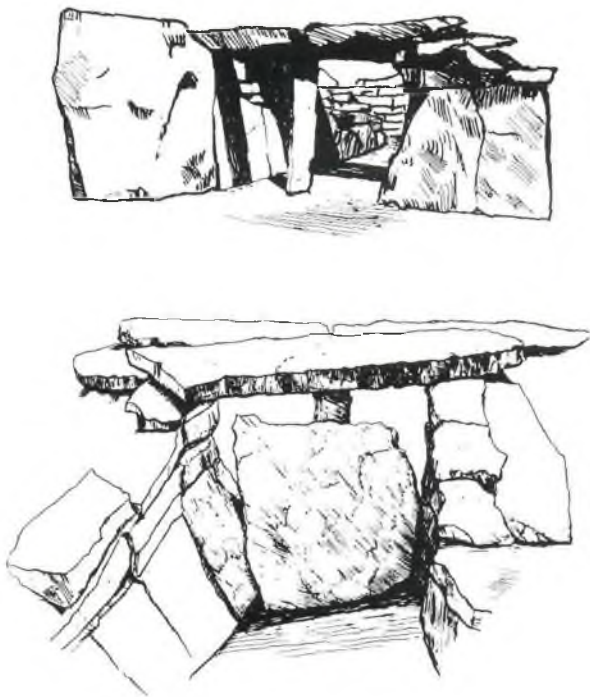

Рис. 42. Бугулы III.1 — внутренний коридор; 2— вход изнутри, закрытый плитой

Рис. 43. Бугулы III. Пирамидально-ступенчатое перекрытие

мятников Бегазы, Аксу-Аюлы, Ортау и Сангру I. Опорными столбами в Бугулы III укреплялись внешние и внутренние стены, вход в гробницу (перемычка), на них падает основная нагрузка от перекрытия.

Рис. 44. Бугулы III. Ящик для ребенка у северной стены

Загадочной в бугулинском сооружении является каменная выкладка у юго-восточной стены коридора: длина ее 5 м, ширина 2,5 м. Подобная выкладка, огороженная плитами, имеется в бегазинском сооружении 2. По-видимому, они служили алтарем или почетным местом при совершении тризны и обряда поклонения огню.

Следы обряда поклонения огню и жертвоприношений видны всюду. Основание западной и северной стен коридора насыщено зольными пятнами, местами толщиной 15–20 см. Главным же местом поклонения огню был вход в гробницу. Пол коридора сплошь покрыт зольным слоем толщиной 15–20 см и остатками кострища в виде огромного скопления древесного угля. Самое большое кострище находилось непосредственно у входа в гробницу: толщина пепельного и пережженного слоя вместе с обломками керамики, костями барана, лошади и других животных достигала 25–30 см. Таким образом, длинный коридор со входом в гробницу служил основным местом поклонения огню и жертвоприношения, которое совершали, по-видимому, ближайшие родственники покойника. Другие же члены общины могли совершать этот ритуал на открытом дворе у стен.

В гробнице обнаружены останки человека. По наружным стенам прослежены три детских погребения в виде каменных ящиков с перекрытиями. Один из них встречен у северной стены на глубине 1,3 м. Ящик квадратной формы размером 0,8х0,8 м, высотой 0,4 м (рис. 44).

Другие два ящика примерно такой же величины обнаружены у южной наружной стены. Они

Рис. 45. Керамика и бронзовые иглы из мавзолея Бугулы III

почти смыкались друг с другом. Исследование показало, что они тоже повреждены: никаких находок не обнаружено.

Квадратная форма всего сооружения, в том числе и детских ящиков, говорит об изменении древних форм погребальных сооружений. Для памятников классического андрона характерны меньшие размеры погребальных сооружений, причем ящики всегда имеют прямоугольно-трапиевидную форму.

Вещевых находок очень мало: несколько фрагментов глиняных сосудов и обломки бронзовых игл (рис. 45).

Большинство керамических материалов не имеет четких форм и орнамента. Судя по оставшимся фрагментам, наибольший интерес для грабителей представляла чернолощенная и краснолощенная керамика, лучшие образцы которой найдены при раскопках памятников Бегазы, Дандыбая и Сангру. Удалось восстановить форму двух глиняных сосудов (рис. 46).

Сосуд 1 с остатками жертвенной пищи находился на дне входа, в основании вертикальных плит, служивших в качестве боковых опор входа в гробницу. Сосуд круглодонный, с шаровидным туловом, по форме весьма сходен с казахской деревянной чашей, бытовавшей в средневековье. Венчик прямой, слегка отогнутый наружу. Шейку от тулова отделяет не очень выразительный валик, имеющий в сечении треугольную форму. Высота сосуда 11 см, диаметр венчика 186

12 см. Внешняя поверхность желтовато-коричневая с глянцевым блеском. В изломе цвет розовато-серый. Сосуд изготовлен способом выдавливания из кома хорошо отмученной глины с незначительной примесью толченого камня. Сосуд без орнамента, его заменяет желто-кремовое лощение. Внутренняя его поверхность сильно обожжена – следы ритуального огня. Такой тип посуды широко распространен в бегазинской культуре Центрального Казахстана и в памятниках Алтая того же времени⁶⁸.

Глиняный сосуд 2 обнаружен при разборе перекрытия здания на нависающих концах больших плит, составляющих ступенчатое перекрытие. Под сосудом лежал астрагал (асык) барана. Сосуд в форме вазы с шаровидным туловом, уплощенным дном. Шейка высокая, прямая и очень выразительная, с некоторой вогнутостью в профиле, отделена от тулова тонким каннелюром. Венчик чуть отогнут наружу. Внешняя поверхность равномерно черная со следами лощения, внутренняя – серая. Сосуд формован путем выдавливания из кома глины со значительной при-

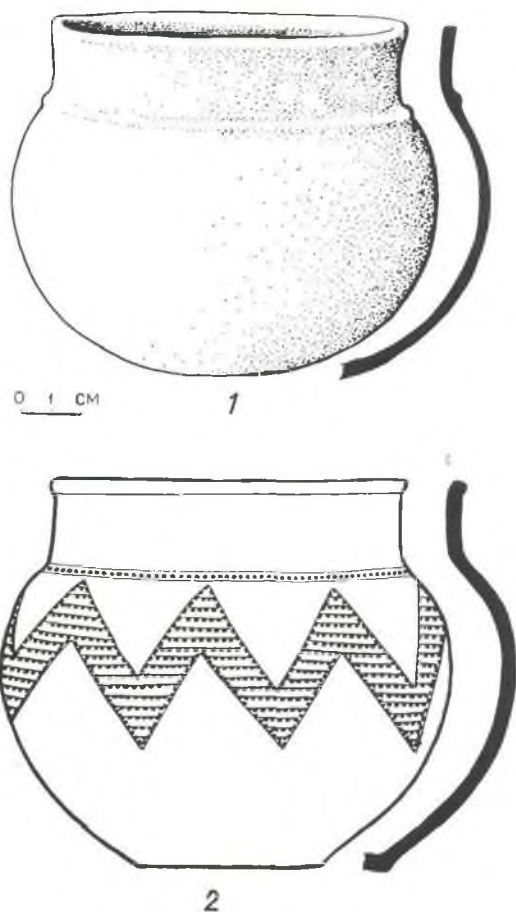

Рис. 46. Глиняные сосуды из мавзолея Бугулы III

месью кварцевого песка, выглядит несколько грубо. Орнамент в виде широкой ленты зигзагов, опоясывающей плечики сосуда, выполнен гребенчатым штампом.

Венчик третьего сосуда обнаружен в зольном пятне вместе с остатками жертвенной пищи. Это обломок своеобразного сосуда, сделанного грубо и редко встречаемого в культуре Бегазы. Венчик очень короткий и не прямой, с рельефной

шейкой, которую отделяют от тулова три каннелюра. Внешняя поверхность черная и рыхлая, местами с серыми пятнами.

При шурфовке жилища поселения 1, расположенного рядом с гробницей, найдены венчики еще от двух сосудов. Один из них принадлежал толстостенному сосуду, по-видимому, котлообразному. Шейка не выражена, толстый венчик сразу переходит в широкое тулово. Сосуд был

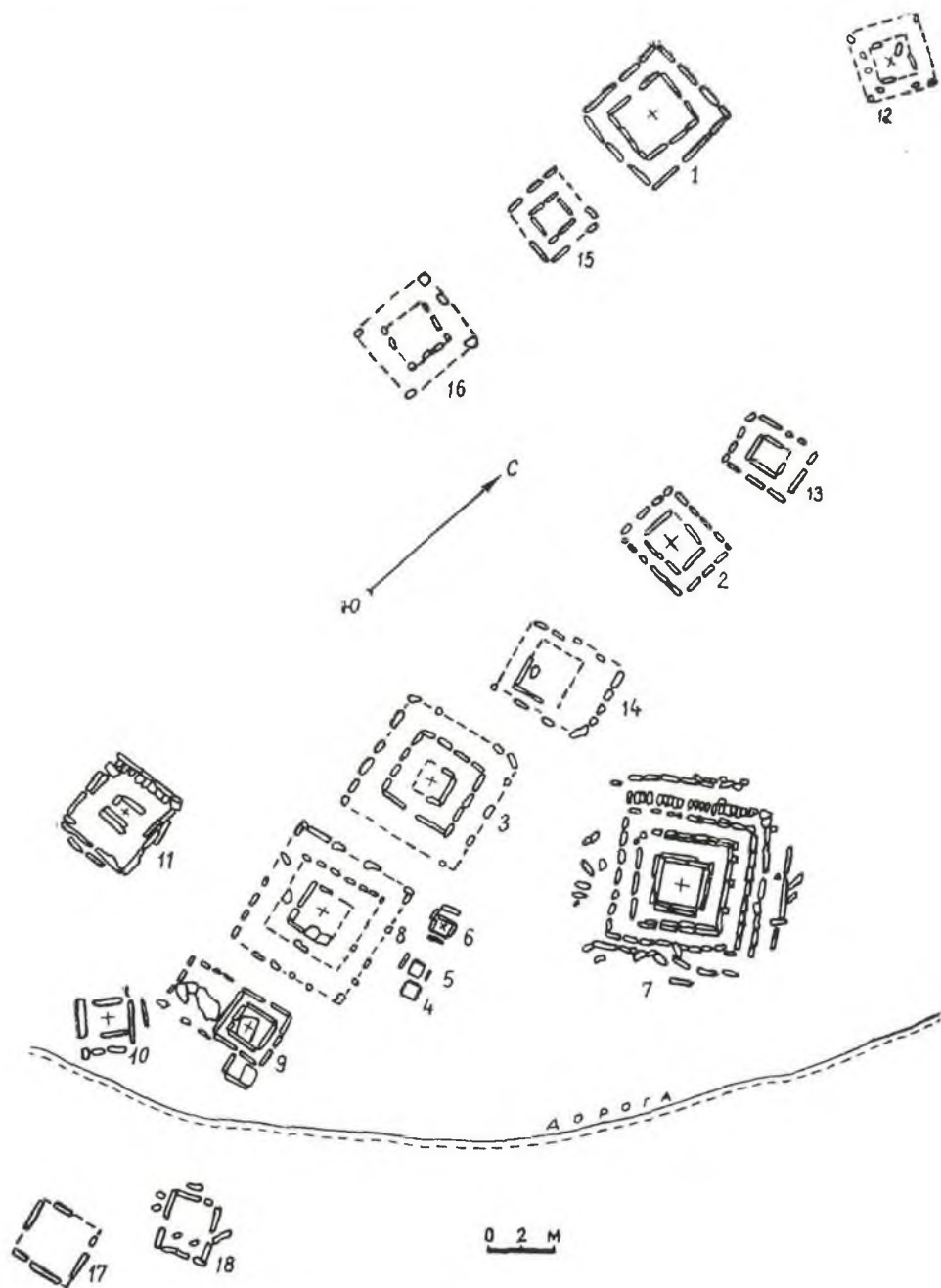

Рис. 47. Сангру I. План некрополя

сделан из грубого теста и имел единственное украшение — насечки по венчику. Поверхность черная с серыми пятнами. Другой фрагмент — от кухонного толстостенного сосуда грубоватой лепки. В изломе цвет пепельно-серый, поверхность темно-серая. Фрагмент привлекает своеобразной орнаментацией: его поверхность от венчика до середины тулова покрыта узором из крупных оттисков лопаточки и гребенчатого штампа в виде радиальных и поперечных линий. По закраине венчика идут конические фигуры в виде налипших бугорков с оттисками гребенчатого штампа. Такие налипные бугорки составляют характерный элемент орнаментации керамики бегазы-дандыбаевского времени (Дандыбая,

Бегазы, Айбас-Дарасы, Тагибай-Булака и др.). Рядом с керамикой на площади поселения 1 найдены обломки литейной формы и одна целая форма для литья золотых и бронзовых украшений.

Из металлических изделий в гробнице Бугулы III обнаружены одна большая бронзовая игла и обломок другой такой же иглы. Игла имеет абсолютное сходство с найденной в мавзолее 1 Бегазы. Длина обломка иглы 8,5 см, толщина 3,5 мм.

При разборе материалов в одном из позвонков человека обнаружено торчащее острое бронзовое орудие, ставшее причиной его смерти. Аналогичный случай отмечен нами при исслед-

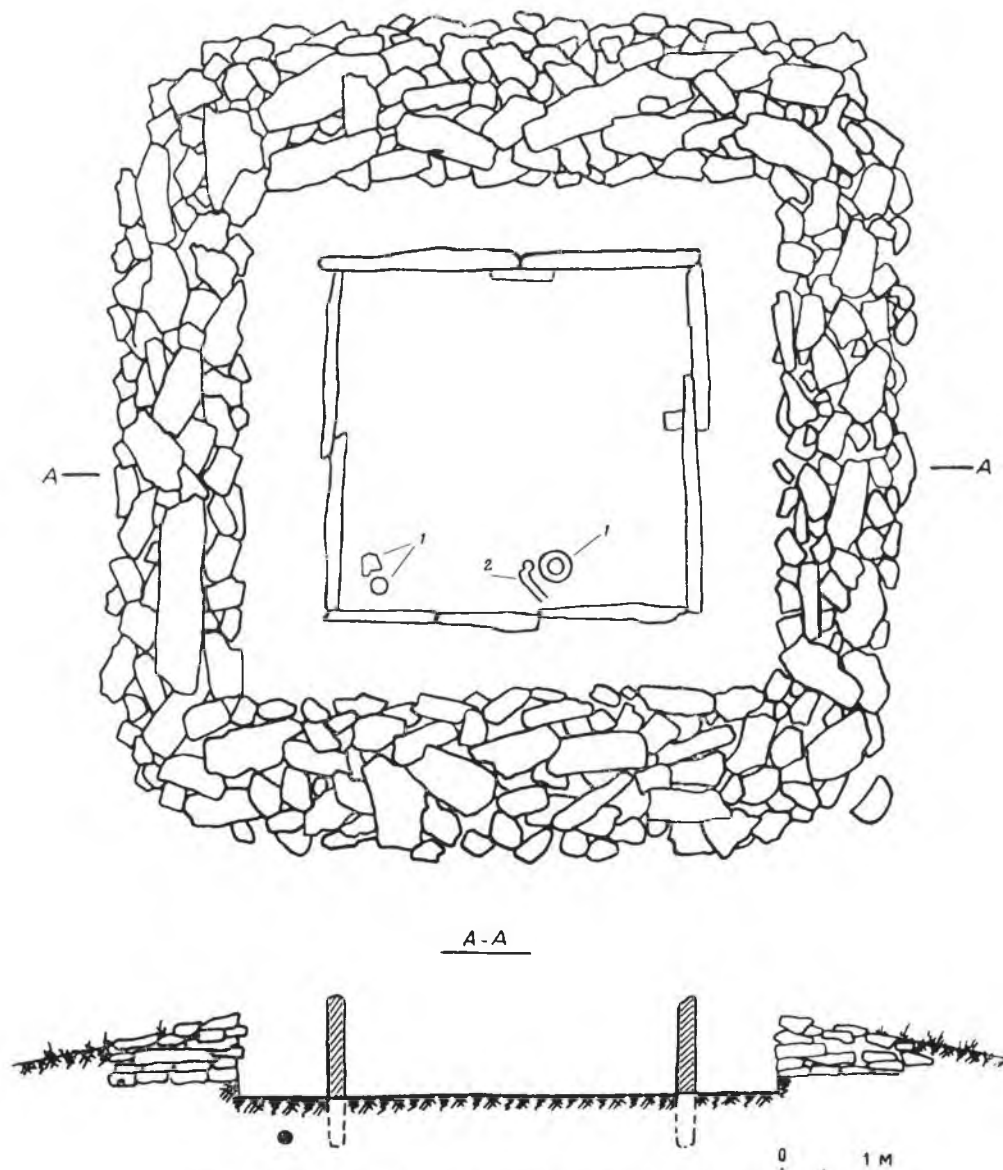

Рис. 48. Сангру 1. План и разрез скального мавзолея I

довании большой группы памятников переходного этапа, комплекса Балакулболды. Исследованием замечательного памятника эпохи поздней бронзы Бугулы III расширен и обогащен круг вопросов, связанных с изучением культуры Бегазы Центрального Казахстана.

Сангру I

Из памятников эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана большой интерес представляет группа Сангру I, открытая в 1955 г. Комплекс расположен в верховьях р. Атасу, левого притока р. Сарысу, у подножия живописной горы Сангру, где проходил большой караванный путь из Акмолинска в Ташкент. Административная привязка комплекса — совхоз «Актау» Жанааркинского района Джезказганской области.

В долине р. Атасу встречаются памятники трех этапов культуры бронзы: позднеандроновские (Эркебулак, Айшрак I, Косагал, Кара-Узек, Тельжан-Кузеу, Сангру II, Боксай и др.), переходного этапа от андрона к бегазы (Айшрак II, Мыржик, Акшоки), бегазинской культуры (Дарат, Сангру, Айдарлы, Сартабан, Койшоки II). Более ранних памятников эпохи бронзы (раннего андрона), часто встречаемых на р. Нура, в Каркаралинской и Баянаульской степях и на р. Иртыше, здесь почти нет. Единственный памятник, сохраняющий черты раннеандроновской культуры, — Сангру II. Это говорит о более позднем распространении бронзовой культуры в Атасуской степи, обусловленном необходимостью расселения племен из

долин рек Нура, Ишим и Иртыш, в связи с ростом численности населения и поголовья скота. В бегазы-дандыбаевское время культура бронзы распространяется до северных пределов пустыни Бетпакдала. В самой Бетпакдале каких-либо крупных массивов культуры бронзы, подобных атасускому, нет. Незначительные следы ее в виде керамики и каменных орудий встречаются только на выработках возле колодцев. Южная граница бронзовой культуры Центрального Казахстана проходит по линии Тайаткан, Шунак, Болаттау, Мынкайнар, Мунглы и Куулы. Бегазинцы в поисках новых рудников и пастбищ дошли до урочища Жеты-Конур, где оставили следы недолговременного пребывания. Не исключено, что через Жеты-Конур часть бегазинцев перебралась на Сырдарью, где находится обширный некрополь Тагискен, по конструкции совершенно сходный с монументами Бегазы. В Сангру I насчитывается свыше 40 плиточных оград бегазинского времени. Они тянутся двумя цепочками с юга на север у восточного подножия горы Сангру (рис. 47): одна — более крупная и ранняя, другая — более поздняя. Из них исследовано в 1955 г. 7 оград, в 1963 г. — 8, остальные сильно разрушены грабителями. Все усыпальницы Сангру I давно ограблены, только одна (вторая) ограда оказалась нетронутой. Однако в ряде усыпальниц уцелел ценный материал.

Мавзолей 1 исследован в 1955 г. Расположен в западной части малой цепочки и вместе с тре-

Рис. 49. Сангру I

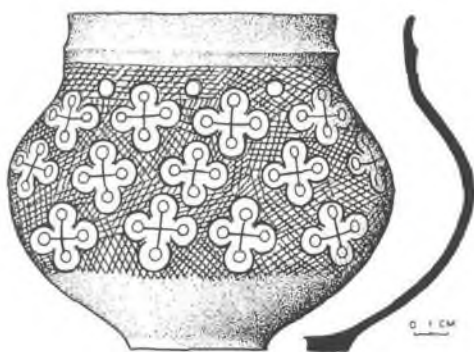

Рис. 50. Сангру I. Сосуд 1 из мавзолея 1

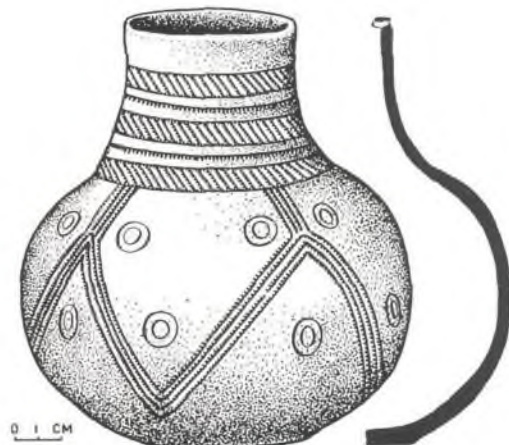

Рис. 51. Сангру I. Кувшин 2 из мавзолея 1

мя другими оградами составляет несколько обособленную часть комплекса у самого подножия гранитного холма. Несомненно, все четыре ограды являются погребениями членов одной семьи. По размерам и устройству скальный мавзолей 1 аналогичен плиточным мавзолеям Бегазы, но отличается от них отсутствием входного коридора. В плане это почти квадратное сооружение с двойной мощной стеной, ориентированное сторонами по сторонам света (рис. 48).

Размеры внешних стен 10x9, внутренних 4,36x4,4 м, площадь около 20 м². Толщина кладки стен около 2, высота 1 м. Внутренние стены вкопаны в грунт на глубину 0,3 м и обложены крупными плитами, врытыми на ребро. Размеры облицовочных плит 2,75x1,2x0,16 м, 2,36x1,2x0,16 м, 2,2x1,2x0,18 м. Высота внутренних стен 1,2 м. За исключением восточной, для каждой стены подобраны по две крупных плиты (рис. 49).

Стыки облицовочных плит подкреплены подпорками из четырехгранных каменных блоков. С отметки 0,3 м идет кладка наземной части сооружения высотой около 0,9 м и толщиной 1,5 м. Поверх кладки была облицовка наружных стен. К сожалению, все плиты наружных стен разобраны для хозяйственных нужд, в первоначальном положении сохранились лишь их остатки. В частности, четыре вертикальные плиты с отбитыми верхами стояли по южной стороне, две — в северо-западном углу. Пространство между внешней и внутренней стенами составляет обходной коридор шириной 0,8 м, высотой около 1 м. Коридор служил в основном местом жертвоприношения и поклонения праху почившего. Сооружение имело перекрытие из плоских прямоугольных плит гранита, выходы которого находятся недалеко, в горах Сангру. Остатки перекрытия сохра-

нились на углах. Их размеры 2,3x1,0x0,18 м, 2,2x1,8x0,18 м. Перекрытие было ступенчатое, плиты укладывались на квадрат основания от углов к центру с уменьшением периметра рам сверху. За счет этого образовалось невысокое шатровое сооружение типа перекрытия памятника Бугулы III.

При расчистке юго-западного конца сооружения на глубине 0,47 м от верха насыпи найдены обломки нижней челюсти собаки и трубчатой кости лошади. На глубине 0,58 м обнаружено большое скопление костей лошади, в том числе обломки конского черепа с зубами. Значительное скопление костей домашних и диких животных обнаружено у западной стены на глубине 0,50 м.

Рис. 52. Сангру I. Мавзолей 1. 1—сосуд 3; 2—дно сосуда 3

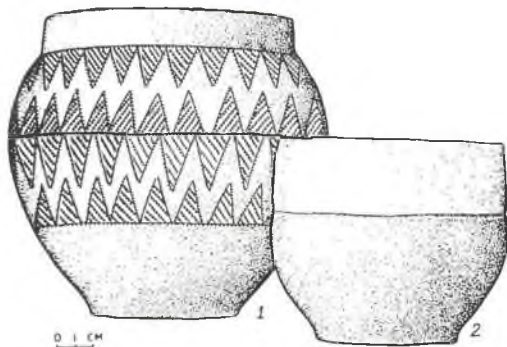

Рис. 53. Сангру. Керамика: 1— Сангру III. Сосуд 1 из мавзолея 1; 2 — Сангру I. Сосуд 4 из мавзолея I

На всей площади ограды и на разной глубине обнаружены обломки человеческих костей и фрагменты разных сосудов. Основная масса керамики, в том числе — целые экземпляры черно- и красной керамики найдена в черте обходного коридора на глубине 80 см. В северо-восточном углу ограды на глубине 1,2 м находился целый горшок красного лощения. Значительное количество керамических сосудов обнаружено в восточной половине обходного коридора. Один из них без орнамента стоял в юго-восточном углу ограды, другой, раздавленный — в северо-восточном углу. Глубина ограды составляет 1,2 м.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в одной и той же ограде встречены и плоскодонные и круглодонные сосуды. Очень изящны три сосуда, покрытых ковровым узором. Они отличаются от карасукской керамики формой (сосуд 2) и своеобразным рисунком. На двух сосудах (1 и 2) орнамент выполнен не традиционным шаблоном, а резным штампом, дающим контур фигуры. Мотив узоров совершенно не свойствен андроновской и карасукской керамике. Здесь ясно виден отход от традиционного геометрического орнамента и замена его фигурно-штриховым рисунком.

Сосуд 1 имеет форму миски с шаровидным туловом, уплощенным дном. Венчик не прямой, заметно выступает наружу, по шейке рельефный валик с треугольным профилем в сечении (рис. 50).

Сосуд формован выдавливанием из высококачественной эластичной глины с примесью мельчайших пылинок гранитного песка, взятого в окрестностях горы Сангру. Обжиг высокого качества. Обе поверхности желто-оранжевые, цвет в изломе оранжево-серый. После обжига еще не остывший сосуд был погружен в жирное молоко, отчего очень плотная текстура черепка приобрела

матово-глянцевую поверхность, приятный бархатный блеск. На дне прослеживаются остатки казеина.

Орнамент выполнен в сложной композиции с применением резной техники. Ковровый узор покрывает всю поверхность сосуда от шейки до нижней части тулова. Весьма своеобразен штриховый фон в виде густой ромбической сетки, выполненный мелкими оттисками гладкого штампа. На этом штриховом фоне цепочками по диагонали расположены четырехлопастные розетки, и каждая лопасть трактована в виде глазчатого кружка. Кружки соединены между собой взаимно перпендикулярными линиями, что создает общую композицию рисунка. Сочетание темного штрихового и белого рисунка создает контраст светотени. Аналоги этому сосуду неизвестны.

Сосуд 2 в форме кувшина с высоким цилиндрическим горлом, сферическим туловом (рис. 51) найден у северо-восточного угла на глубине 1 м. Дно уплощенное в виде миниатюрного диска диаметром 6 см. Сосуд чернолощенный, формован из благородного теста с примесью мельчайшего

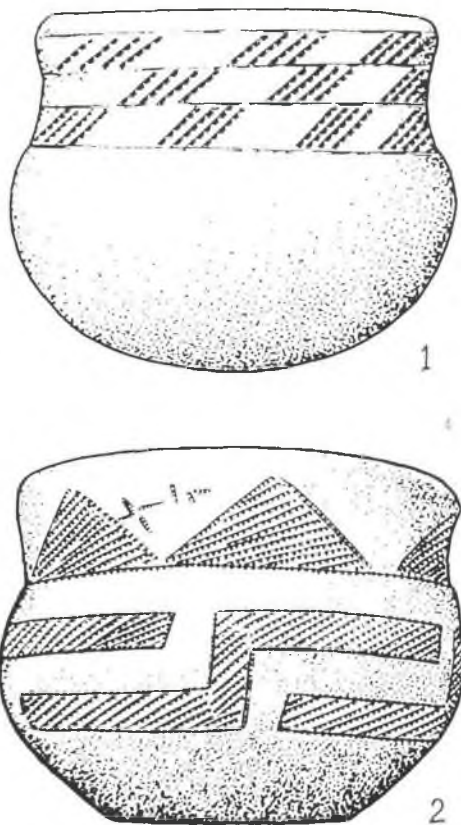

Рис. 54. Сангру I. Глиняные чаши: 1—из мавзолея 1; 2— из ограды 3

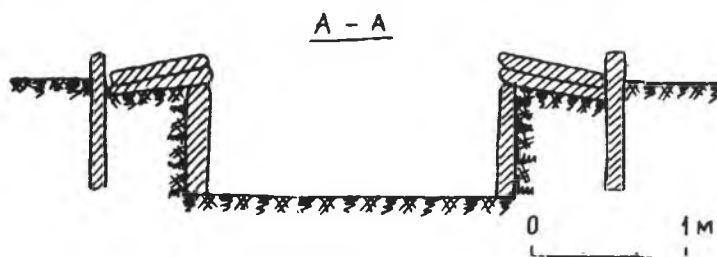
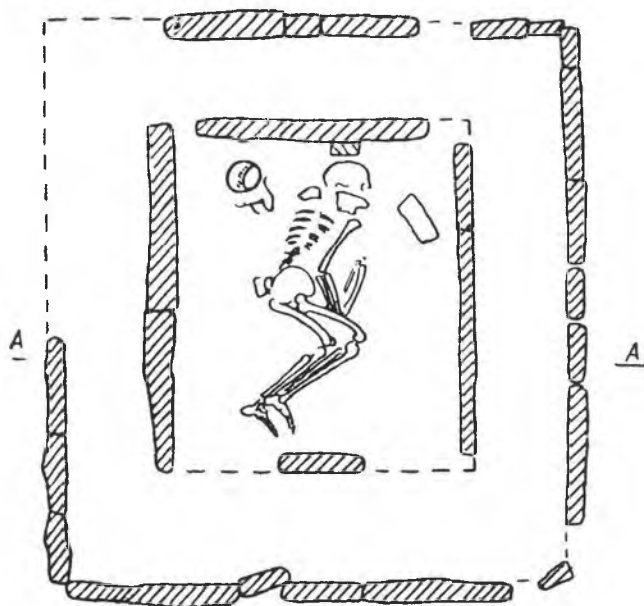

Рис. 55. Сангру I. План и разрез ограды 2

песка. Обжиг хорошего качества. Обе поверхности желто-оранжевые. Цвет в изломе темно-серый. На поверхности хорошо видны следы молочного казеина в виде бархатного лоска.

Орнамент, выполненный резной техникой, занимает шейку и тулово. Шейку опоясывают три узорные ленты, заштрихованные крупным гребенчатым штампом и обрамленные горизонтальными линиями с поперечными зарубками. Тулово украшено цепочкой ромбических фестонов. Ромб обрамлен штриховыми линиями в четыре ряда, нанесенными оттисками гребенчатого штампа с поперечными зарубками; поле расцвечено четырьмя глазковыми кружками, повторяющими форму ромба. Рисунки обоих сосудов исполнены в тонкой манере, колоритны и скульптурно выразительны, что отличает их от керамики Карасука, Замараево, где встречаются сосу-

ды с ромбическими фестонами, но других форм⁶⁹.

Сосуды с цилиндрической горловиной и шаровидным туловом встречаются позднее, в раннескифское время⁷⁰.

В памятниках же Центрального Казахстана эпохи поздней бронзы их найдено множество, особенно в поселениях Шортанды-Булак и Тагибай-Булак, что говорит в пользу местных истоков этой формы.

Сосуд 3 краснолощенный найден в северо-восточном углу ограды на глубине 1,2 м (рис. 52).

Имеет форму кубка с шаровидным туловом и прямым, слегка отогнутым наружу венчиком. Дно круглое, уплощенное, в виде миниатюрного диска диаметром 5 см. Текстура черепка довольно плотная. Он формован из эластичной жирной глины с небольшой примесью мельчайших пылинкок гранитного песка. Внешняя поверхность красно-

Рис. 56. Сангру I. Керамика: 1—сосуд 2 из ограды 3; 2—сосуд из ограды 2

малинового цвета, внутренняя желто-красная, цвет в изломе желто-оранжевый. После обжига сосуд в горячем виде опускали в молоко, отчего его текстура приобрела плотность и пластичность. На внутренних стенках сохранились следы казеина. Исключая горловину, сосуд полностью покрыт рисунком из рядов кружковых ямок, нанесенных концом круглой палочки. Цепочки ямок располагаются по диагонали или по спирали, их 17—18. Аналоги этому сосуду встречаются прежде всего в культуре Бегазы Центрального Казахстана⁷¹, в керамике более позднего времени Алтая и Южной Сибири⁷².

В Карасуке сосуды с ямочным орнаментом не встречаются. Сходные, сплошь покрытые ямочным или кружковым орнаментом сосуды встречаются в Дандыбае, Былкылдаке, Бугулы II и в пятой плиточной ограде Бегазы.

Сосуд 4 без орнамента (рис. 53, 2) найден в юго-восточном углу на глубине 1,2 м. Он случайно уцелел в яме на угловых стыках стеновых плит. Имеет форму миски, плоскодонный, формован оригинально с прямым налепным горлом, сферическим туловом. Шейка не выражена. В тесте примесь гранитного песка. Поверхность розоватая,

цвет в изломе желто-оранжевый. Вокруг шейки проведен один поясок каннелюры.

Сосуд 5 в форме кубка или чаши найден у западной стены ограды на глубине 98 см. Круглодонный, с шаровидным туловом, прямым венчиком, слегка отогнутым наружу, он формован способом выдавливания из куска добротной глины. Обжиг сравнительно хороший, цвет в изломе желто-оранжевый. На поверхности следы лощения. Орнамент в виде трех заштрихованных лент, нанесенных гребенчатым штампом, опоясывает шейку (рис. 54, 1).

Ограда 2, расположенная в центре цепочки Сангру I, в плане представляет собой небольшой квадрат с двойной concentрической оградой (рис. 55).

Обе ограды сложены из крупных плит розоватого гранита, установленных на ребро. Стороны квадрата ориентированы по сторонам света с небольшим отклонением на ЮВ—СВ. Размеры внешней ограды 3,5х3,2 м, внутренней 2,3х1,5 м. Полое пространство между внешней и внутренней оградой составляет обходной коридор шириной 0,7, высотой 0,4 м. Внутренняя ограда представляет собой большой каменный ящик, опущенный на глубину 0,3 м и перекрытый плитами гранита, уложенными на квадрат основания от угла к центру.

Каменный ящик, расположенный в центре ограды, сохранил перекрытие из плит гранита. Под плитами перекрытия на глубине 0,4 м обнаружены трубчатые кости барана — остатки жертвенной пищи. Они лежали в первоначальном положении у северной стены, ближе к ее северо-западному углу. На глубине 0,75 м по центру ящика выявлен скелет человека, погребенного в скорченном положении, головой на запад. Интересен обряд захоронения: покойник был уложен ничком. Точно такое же погребение в стречено И. В. Синицыным в памятниках Нижней Волги⁷³.

В юго-западном углу ящика, против затылка человека, встречен большой сосуд типа горшка (рис. 56, 2).

Сосуд содержал остатки жертвенной пищи в виде мелких костей барана. Крупные кости барана лежали грудой возле горшка.

Сосуд сферической формы, с плоским дном, прямым венчиком, отогнутым наружу. Вылеплен способом выдавливания из кома глины. По текстуре глина довольно тощая, с большой примесью песка гранита и кварца. Внешняя поверхность оранжевого цвета, местами с темными пятнами, внутренняя — желто-оранжевая. Цвет в из-

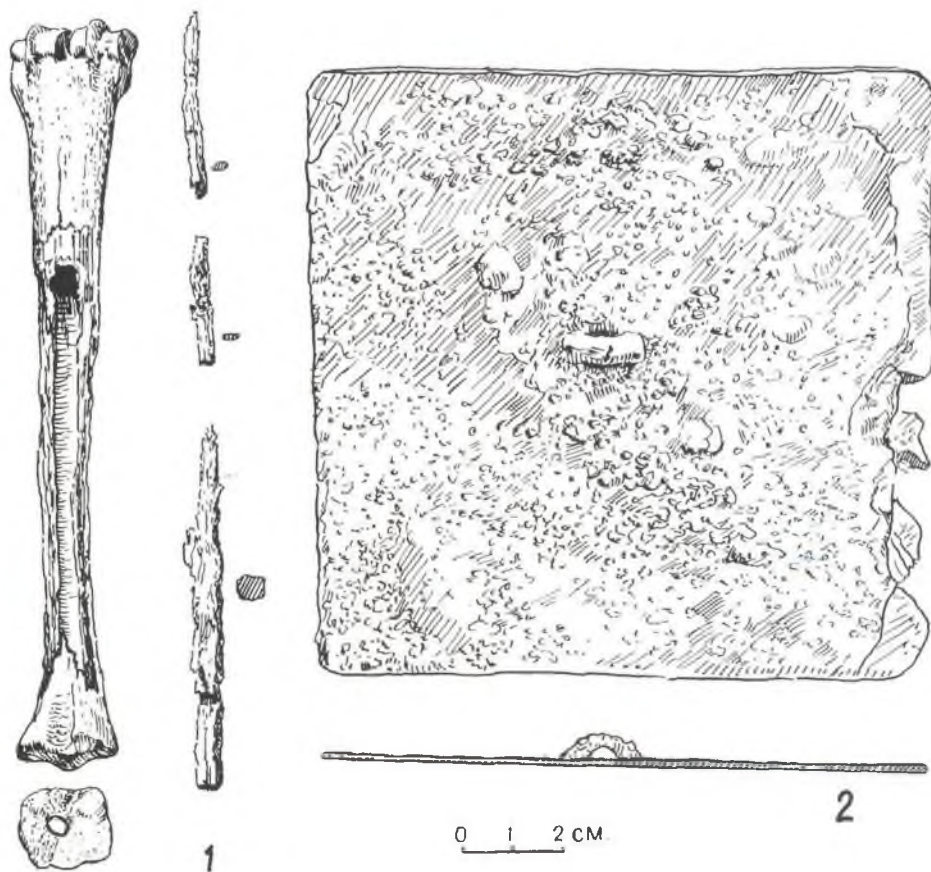

Рис. 57. Сангру I. Находки из ограды 2; 1—бронзовое шило в костяном футляре; 2—бронзовое зеркало

Рис. 58. Сангру I. Ограды 4 и 5

ломе пепельно-черный. Орнамент их трех поясков занимает верхнюю часть сосуда. Вокруг шейки — рельефный валик, характерный для керамики поздней бронзы Казахстана; на него наложены косые насечки концом палочки. Ниже валика — цепочки X-образной тамги, нанесенные ло-

паточкой или гладким штампом.

Сосуд более типичен для керамики переходного периода андрона к бегазы. Наряду с новыми элементами он сохраняет некоторые традиционные черты позднеандроновской керамики, характерные для атасуского этапа в Централь-

ном Казахстане. Яркие образцы подобной керамики встречены в Атасуском поселении, в группе Сангру III и Жанайдар (Улутауского района)⁷⁴, Бегазы⁷⁵, в поселениях эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана⁷⁶ (Улутау, Бугулы, Шортанды-Булак и Каркаралы), а также Северного и Восточного Казахстана (М. Красноярка, Усть-Нарым, Трушниково). Встречается такой орнамент и в керамике ранних кочевников Алтая и Верхней Оби⁷⁷, и на тагарских бронзовых зеркалах⁷⁸.

Эти находки свидетельствуют о преемственной связи между культурой раннескифского времени Казахстана и Южной Сибири и культурой Бегазы-Дандыбая. Одна из интересных находок из ограды 2 — массивное бронзовое зеркало (рис. 57,2).

Оно лежало против темени человека. Зеркало четырехугольной формы, размером 12x12 см, толщиной в среднем 3 мм. Одна из сторон гладкая, со следами полировки, другая неровная с припаянной полукруглой петелькой. Размер петельки 6x16 мм. Рядом с зеркалом лежало бронзовое шило с ручкой из трубчатой кости барана (рис. 57, 1). Рабочий конец шила имеет круглое сечение, другой конец — четырехугольную форму. Длина 12 см, толщина четырехгранного сечения 4 мм.

Тип бронзового зеркала квадратной формы с петелькой широко распространен на всей территории Казахстана, Южной и Западной Сибири. Прототип этого зеркала восходит к эпохе ран-

ней бронзы Центрального Казахстана и Южной Сибири. Наиболее древнее бронзовое зеркало, относящееся к раннему андрону, найдено в могильнике Бугулы I, Шетского района Джезказганской области. Сангрусское зеркало вместе с другими памятниками этой группы датируется концом второго тысячелетия до н. э. Образцы зеркала с петелькой найдены в карасукских памятниках Минусинской степи, например, в Улусе, Федоровке, Аскызе, Тесе, Быстром, Тукае⁷⁹.

Самые древние образцы зеркала с петелькой найдены М. П. Грязновым в памятниках Северного Алтая⁸⁰.

Близкий аналог сангрусскому зеркалу обнаружен у села Садовое в Киргизии⁸¹.

Авторы статьи, по нашему мнению, дают неверную датировку, оно должно датироваться концом второго или началом первого тысячелетия до н. э. Четырехугольное бронзовое зеркало с петелькой, тождественное сангрусскому, обнаружено в памятниках поздней бронзы в районе курорта Боровое Кокчетавской области⁸².

Широкого распространения бронзовые зеркала достигают в раннескифское время. Наиболее яркие образцы их найдены на Алтае, верховьях Иртыша⁸³, в Семипалатинском и Павлодарском Прииртышьях⁸⁴, в Баянаульской, Кокчетавской и Ишимской степях⁸⁵.

Преемственная связь между культурой Бегазы и культурой кочевников прослеживается не только в керамике, но и в металлических предметах.

Рис. 59. Сангру I. Сосуд 1 из ограды 3

Ограда 3, расположенная также в центре большой цепочки, представляет собой сдвоенный квадрат, сложенный из плит гранита, врытых на ребро. Квадрат своими сторонами ориентирован по сторонам света. Размеры внешней ограды 3,9x3,9 м, внутренней 2,0x1,5 м. Стены внутренней ограды в виде прямоугольного ящика погружены в грунт на глубину 0,5 м. Пространство между внешней и внутренней стенами составляет обходной коридор шириной в 1,0 м (ширина западного коридора 0,75 м), высотой 0,60 м. Край внешней ограды возвышался над современным уровнем земли на 0,4 м. Вертикальные плиты врыты в землю на 60-70 см. Общая высота склепа, или внутренней ограды 1,2 м.

Ограда полностью разграблена. В восточной половине коридора прослежены остатки погребальной пищи в виде костей барана. В юго-восточном углу обнаружены хорошо сохранившиеся кости конечностей человека, согнутые в коленях. В разных местах ящика и на разной глубине найдены фрагменты четырех глиняных сосудов.

Сосуд 1 без орнамента (рис. 59) найден в юго-западном углу большого ящика, рядом с костями барана. Сосуд выполнен из хорошего теста с небольшой примесью песка. Присутствие на поверхности казеина показывает, что тесто или замешивалось на жирном молоке или сосуд после обжига еще горячим опускали в молоко. Обжиг хороший. Цвет обеих поверхностей желто-оранжевый, в изломе желто-серый. Внешне эти поверхности напоминают фактуру тонкой терракотовой плитки.

Сосуд 2 найден в юго-восточном углу на глубине 78 см от верхнего края ящика (рис. 56, 1). Он имеет форму небольшой миски с уплощенным дном и сферическим туловом, высокой шейкой, заметно подчеркнутой. Формован выдавливанием из кома жирной, эластичной глины с незначительной примесью мельчайших пылинок развешенного песка. Обжиг хороший. Обе поверхности желто-оранжевые, цвет в изломе желто-оранжевый. Текстура черепка очень плотная, фон — терракотовый.

Внешняя поверхность имеет матовый блеск. На внутренней поверхности сохранились остатки казеина. Орнамент из двух поясков выполнен зубчатым штампом: в верхней части заштрихованные равнобедренные треугольники, расположенные основаниями вниз, по тулову — цепочка меандров, заштрихованных мелким зубчатым чеканом. На полях треугольных фигур изображе-

ны загадочные знаки, своей формой напоминающие древнейшую клинопись или крестообразные тамги. Расшифровать эти знаки не представляется возможным. Аналогичные знаки имеются на глиняном сосуде, найденном при раскопке поселения в Западном Казахстане⁸⁶.

С ними созвучны тамгообразные знаки на конических поддонах глиняных кубков Дандыбая.

Ограды 4 и 5 — самые малые постройки в комплексе Сангру I. Это смежные детские погребения, построенные рядом с большой оградой 8 и заключенные в общую внешнюю ограду (рис. 58).

Размеры четвертой ограды 2,12x1,16 м, размеры каменного ящика 0,90x0,58 м; размеры пятой ограды 2,0x1,0 м, размеры ящика 0,75x0,55 м. Ограды ориентированы продольными осями в широтном направлении. Общая внешняя ограда сильно разрушена, на месте уцелела только часть плит с западной и восточной сторон. Они построены по принципу плиточных оград Бегазы: из плоских плит гранита, врытых на ребро. Вместе с тем они сохраняют традицию андроновских прямоугольных оград с каменным ящиком в центре. Обе ограды давно ограблены. Детский костяк находился в полном беспорядке. Несколько лучше сохранилась восточная часть ящика. Здесь у самой стены на глубине 0,4 м от края ящика встречена массивная бронзовая накладка четырехлепестковой формы (рис. 60, 2).

Пластинка хорошей сохранности, отбит лишь край одного лепестка. В соседнем ящике найден короткий (8 мм) бронзовый гвоздик с выпуклым колпачком. В этот ящик он попал, видимо, случайно, вместе с грабительским мусором. Бронзовая накладка имела пять отверстий для прикрепления ее к деревянной основе — четыре на лепестках и одно по центру. Следовательно, должно быть пять гвоздей, но уцелел только один. Он имеет острый конец без всяких следов расклепки. Это дает основание заключить, что четырехлепестковая накладка была прикреплена к какой-то деревянной основе. Лепестки располагаются по сторонам плоского центра строго симметрично, контур лепестков довольно выразителен. Бортик пластинки обрамлен двумя линиями, напоминающими бордюры. Поверхность пластинки имеет глянцевый вид, размеры ее по взаимопересекающимся осям 9x9 см, радиус основания сегментовидного конца 2,8 см. Химическому анализу пластинка не подвергалась. Видимо, она сделана из сплава меди и благородных металлов, отсюда ее прекрасная сохранность. На пластинке нет следов медной окиси. Гвоздик отлит из

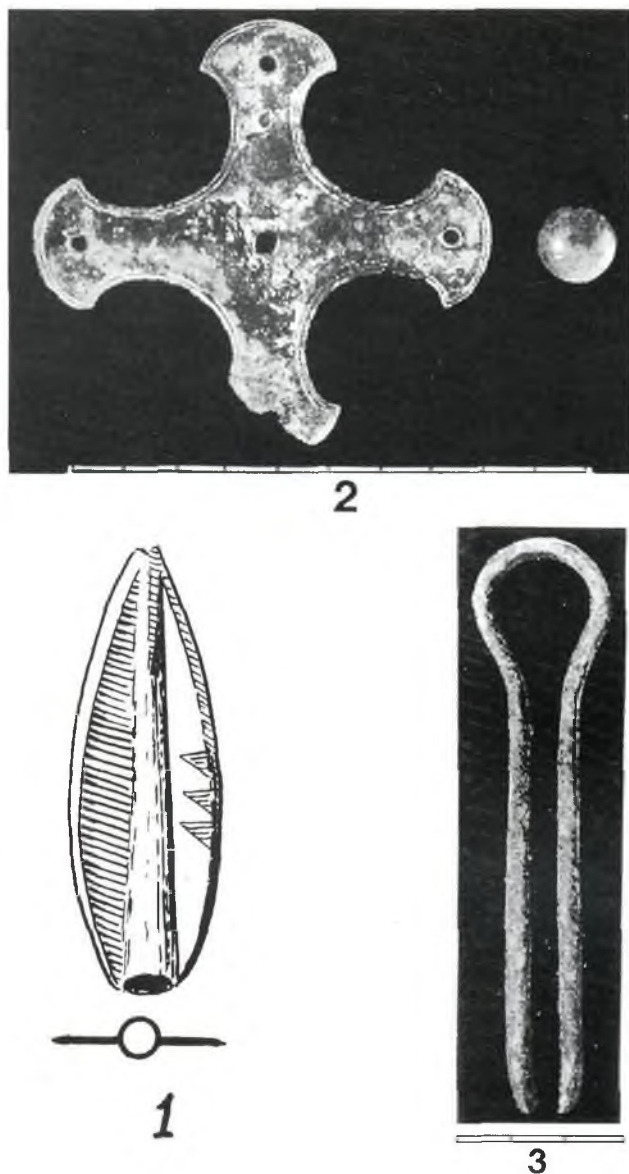

Рис. 60. Находки из ограды 1 Сангру III: 1— бронзовый наконечник стрелы; 2 — бронзовая накладка крестообразной формы; 3— бронзовый пинцет, из ограды 4 Сангру I

того же сплава, что и накладка. Ограда 6 по плану — двойной квадрат, сделанный из вертикальных плит гранита, врытых в землю. От внешней ограды сохранились плиты только западной и восточной сторон, другие разобраны для хозяйственных целей. Во внутренней ограде, или большом каменном ящике (1,2x1,2 м), отсутствует северная стена. Погребение разграблено. Сохранились лишь мелкие обломки неорнаментированной керамики.

Скальный мавзолей 7 полностью исследован в 1963 г. Памятник расположен северо-восточнее

большой цепочки могильника Сангру I. Такое обособленное расположение говорит о его значении как усыпальницы племенного вождя.

До раскопки памятник выглядел как обычный курган с каменной насыпью, и лишь по основанию насыпи вырисовывался контур прямоугольной ограды из вертикальных плит гранита, врытых в землю. Это самое крупное сооружение в комплексе Сангру I, по структуре сходное с плиточными мавзолеями Бегазы, с той лишь разницей, что в нем отсутствует входной коридор. Мавзолеем 7 имеет три мощные стены, в центре которых находится большой каменный склеп-усыпальница (рис. 61).

В плане это концентрический квадрат, ориентированный углами по сторонам света. Размеры внешней стены 10x10 м, второй стены 8,4x8,4 м, третьей, внутренней, 5x5 м. Каменный склеп сложен в виде большого квадратного ящика из четырех огромных плит гранита, поставленных на ребро. Его размеры 2,4x2,4 м, высота 1,0 м.

Это единственная среди памятников Центрального Казахстана усыпальница с тройными стенами. Первая, внешняя, стена возведена горизонтальной кладкой на глиняном растворе путем чередования продольных и поперечных камней прямоугольного профиля (рис. 62).

Кладкой выложена средняя часть стен, на углах же поставлены на ребро большие плиты с подпорками. Поверх кладки стены обложены рядами крупных плит гранита, врытых на ребро. Лучше сохранились плиты северо-западной и северо-восточной стен. Плиты других сторон разрушены, большинство их разобрано местным населением для хозяйственных нужд. Вторая, более мощная стена сделана исключительно горизонтальной кладкой из прямоугольных камней в 4—5 рядов. Для этой цели подобраны однотипные камни. Полое пространство между рядами кладки забутовано камнями с глиной. Толщина кладки стен 1,5-2 м, сохранившаяся высота 0,6-0,7 м. Третья, внутренняя стена сложена из огромных плит гранита, врытых на ребро, и подкреплена вертикальными контрфорсами. Между стенами расположены три обходных коридора, имеющих ширину: первый — 0,8, второй — 0,85, третий, внутренний, — 1,1 м, высоту 1,0 м.

Стены сооружения подкреплены большой серией мощных подпорок, контрфорсов, слегка обработанных в виде прямоугольных или квадратных в сечении колонок; их высота варьирует от 0,9 до 1,05 м. Особенно мощные подпорки установлены с тыловой стороны второй ограды: они следуют через 1,5—2 м. По северо-восточной

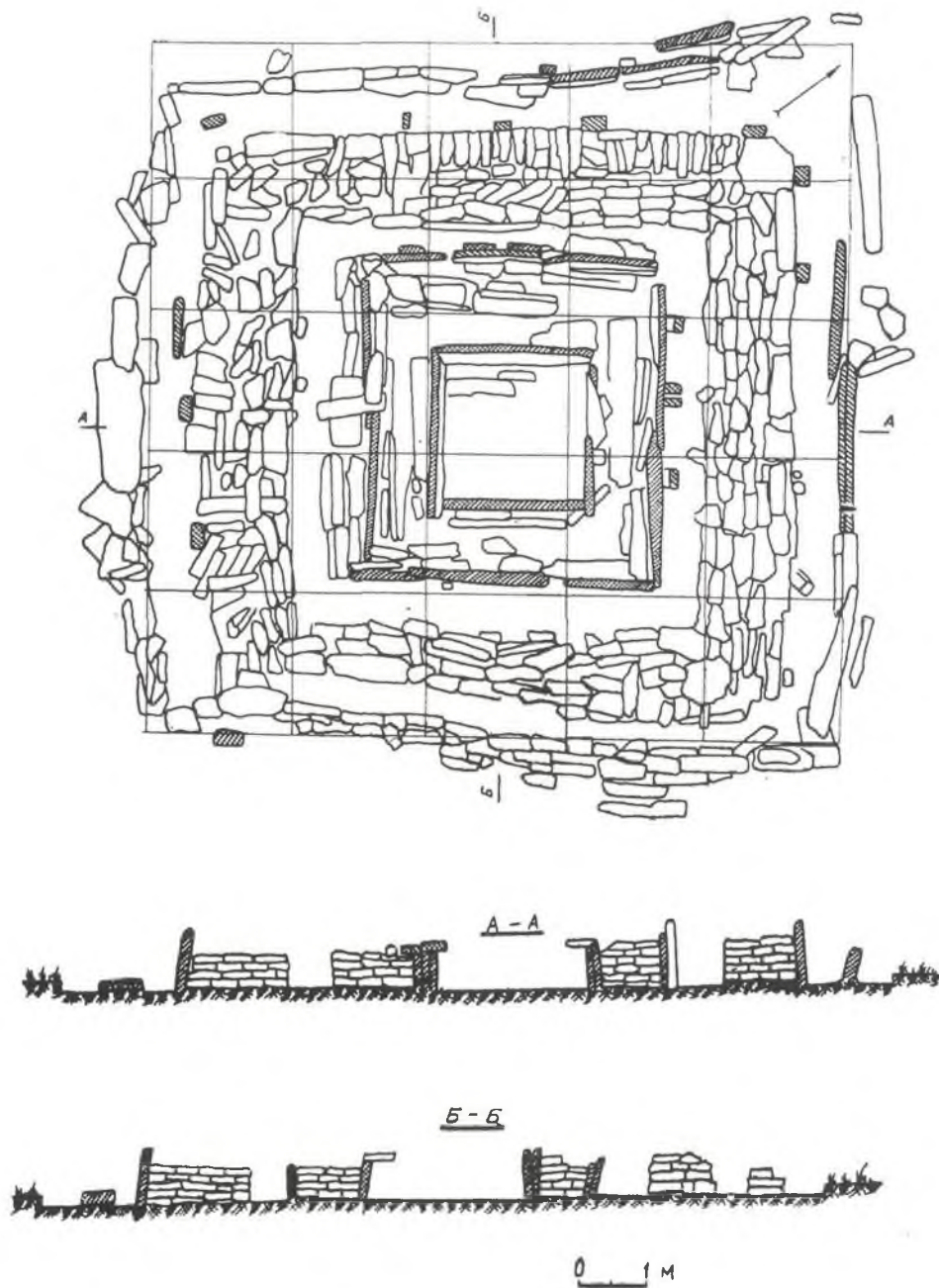

Рис. 61. Сангру I. План и разрезы мавзолея 7

стене их 5, по северо-западной 5, по юго-западной 3, такое же количество опор поддерживает плиты третьей, внутренней, стены. С юго-восточной стороны, где проходил грабительский лаз, не удалось проследить остатки облицовочных плит и подпорок, поддерживающих стены.

В центре и на углах сооружения огромное скопление крупных плит гранита размером от 1,5x0,6x0,10 до 2,4x0,4x0,18 м. Это плиты перекрытия. Судя по всему, здесь применялись две

системы перекрытия. Коридоры между стенами перекрывались по типу плоской крыши. Для этого достаточно было иметь гранитные плиты длиной 1,5—2 м. Внутренний квадрат имел шатровое возвышение типа Бугулы III, что достигалось укладкой плит, начиная с квадрата основания от углов к центру с постепенным уменьшением периметра рам кверху. Это широко распространенная форма кровли в циклопических сооружениях Центрального Казахстана, относящихся к бега-

зы-дандыбаевскому времени: Бугулы III, Бегазы I, II, Сангру I (ограда 1), Ортау (ограда 1) и Аксу-Аюлы. Перекрытие усыпальницы Дандыбай было выполнено в этой же системе⁸⁷.

Могильный склеп сильно потревожен. Раздробленные человеческие кости и мелкие черепки лежали в беспорядке, встречались даже в боковых коридорах. Лишь кости ног лежали в нетронутом виде в юго-восточном конце склепа. По ним видно, что человек был погребен головой на северо-запад, ногами на юго-восток. В усыпальнице обнаружено много остеологического материала, свидетельствующего о том, что сангрусцы приносили в жертву большое количество животных, прежде всего лошадей и баранов. В первом северо-восточном коридоре встречено значительное скопление крупных костей лошади, в частности лопатки, ребра, трубчатые кости, обломки черепа, зубы, а также трубчатые кости барана, его челюсти с зубами. Рядом с грудой обожженных костей выявлены куски медной (азурит), железной руды, угольки и обломок грубого, толстостенного сосуда. Здесь, видимо, происходил какой-то обряд,

Рис. 62. Сангру I. Техника горизонтальной кладки

связанный с культом металла и выплавкой руды. Образцы медной и железной руды и медистого песчаника встречены и в погребальной камере, в основании опорных столбов. Здесь же обнаружены остатки жертвенной пищи в виде челюстей барана. Большое скопление трубчатых костей барана встречено во втором коридоре, в основании опорных камней. Керамика найдена во многих местах мавзолея, но более всего в северо-западной, северо-восточной и юго-западной частях первого коридора. Характерно, что в первом обходном коридоре обнаружены образцы грубой и неорнаментированной керамики, в то время как во внутренних — обломки изящной тонкостенной керамики с богатым орнаментом. Значительная серия чернолощеной богато орнаментированной керамики обнаружена в погребальной камере. Большое обрядовое значение имел глиняный горшок, положенный в северо-восточный угол камеры. Под ним прослежено пятно в виде плотного отпечатка красной минеральной краски и угольков, несомненно, связанных с культом огня. Из металлических изделий сохранились только мелкие куски медной бляхи неопределенной формы. Из 14 сохранившихся в мавзолее сосудов 8 с орнаментом, 6 без орнамента. Судя по обломкам, их было гораздо больше, не менее полусотни. Характерно, что вся тонкостенная лощеная керамика группы Сангру I выполнена тем же способом, что и керамика из мавзолея 1, ограды 3. Для изготовления изящных сосудов сангрусцы брали упругую третичную глину, которая очень эластична и содержит примеси разных минералов, придающих изделию благородный вид. При очень большой жирности сангрусские гончары непременно добавляли к этой глине в качестве отощителя мельчайший песок гранита и кварца, имевшийся в окрестных горах.

Сосуд 1 (рис. 63, 1) находился у северо-восточной стены камеры. Сосуд в форме горшка, с уплощенным дном, шаровидным туловом. Венчик высокий, прямой, шейка выражена слабо. Ее опоясывает слегка заостренный налепной валик. Сосуд формован техникой выдавливания из кома глины с примесью мельчайшего песка гранита и кварца. Обе поверхности сосуда имеют желто-оранжевый цвет, в изломе — желто-терракотовый. Текстура черепка плотная, что свидетельствует о присутствии органического вещества и казеина. Сосуд от шейки до дна покрыт сложным орнаментом, выполненным гладким штампом и представляющим собой комбинацию заштрихо-

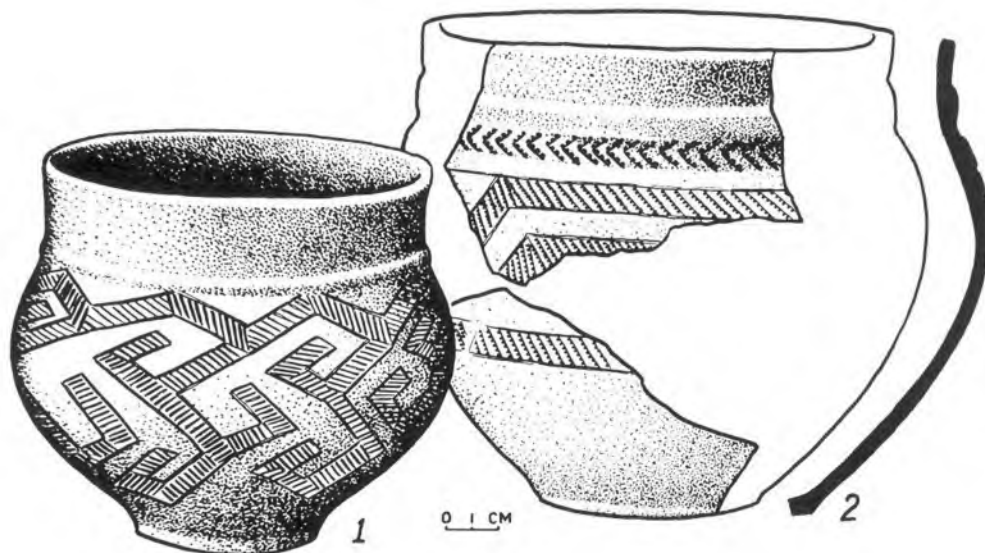

Рис. 63. Сангру I. Керамика мавзолея 7

ванной ленты и волют. В общей композиции орнамента прослеживаются пережиточные формы андроновской традиции. Очень близкое сходство имеет с сосудом б из Дандыбая⁸⁸ и керамикой Верхней Оби.

Сосуд 2 (рис. 63, 2) — один из роскошных в группе Сангру I. Он выполнен в форме миски с шаровидным туловом, плоским дном. Венчик высокий, прямой, слегка отогнутый наружу. Шейка слабо выражена, по ней налепной валик и пояски каннелюр. Сосуд формован из упругой третичной глины, имеет кремово-терракотовый фон, цвет в изломе кремово-терракотовый. В тесте незначительная примесь мельчайших пылинок развееянного гранитного и кварцевого песка. Верхняя часть сосуда занята рисунком из двух поясков, выполненным разными штампами. Верхний поясик сделан оттисками крупного гребенчатого штампа в виде елочки, контрастно выделяющейся на фоне соседних рисунков. Второй поясик состоит из узорной ленты с косой штриховкой зубчатым штампом. Аналогов этому сосуду нет. Прямой высокий венчик, выразительный налепной валик и фигурно-изобразительный рисунок характеризуют керамику бегазы-дандыбаевского круга памятников.

Сосуд 3 (рис. 64, 2) сохранился в виде крупных фрагментов венчика, боковины и дна. Сосуд в форме горшка с шаровидным туловом, прямым и высоким венчиком, слегка отогнутым наружу, слабо выраженной шейкой, которую опоясывает налепной валик. Вылеплен из третичной глины с небольшой примесью мельчайшего развееянного песка, гранита и кварца. Обе поверхности кре-

мово-желтого цвета, излом желто-кремовый. Орнамент выполнен гребенчатым штампом в сочетании с оттисками тупого конца палочки, которыми опоясаны бока сосуда от шейки. Верхний поясик в виде ритмического ряда круглых ямок, идущего по шейке, и валик выполнены тупым концом палочки. Второй поясик состоит из сплетенной ленты меандра с волютами, косо заштрихованной зубчатым чеканом, дающим очень четкие и выразительные оттиски. По форме он сходен с сосудом без орнамента из этой же огады. Возможно, они сделаны одним и тем же мастером. Близкий аналог этому сосуду имеется только в керамике Дандыбая⁸⁹.

Сосуд 4 (рис. 66, 1) имеет форму изящной чаши или кубка с шаровидным туловом, круглым дном (все чаши бегазинского времени имеют круглое или чуть уплощенное дно), коротким, прямым венчиком, широким устьем. Вылеплен способом выдавливания изнутри из кома чистой глины с незначительной примесью мельчайшего песка гранита. Обе поверхности кремово-оранжевого цвета, излом желто-терракотовый. Поверхность сосуда сплошь покрыта контрастным рисунком из четырех рядов лент. Верхний поясик, идущий по шейке, состоит из двух параллельных лент с косой штриховкой, нанесенной гладким штампом и расположенной в форме елочки. Ниже идут два пояска из таких же лент, построенных в виде ломаных линий, напоминающих зигзаг. Одна из лент опоясывает тулово сосуда, другая — его нижнюю часть. Контур этих лент очерчен очень выразительно, что создает впечатление художественной гравировки. Керамические чаши с лен-

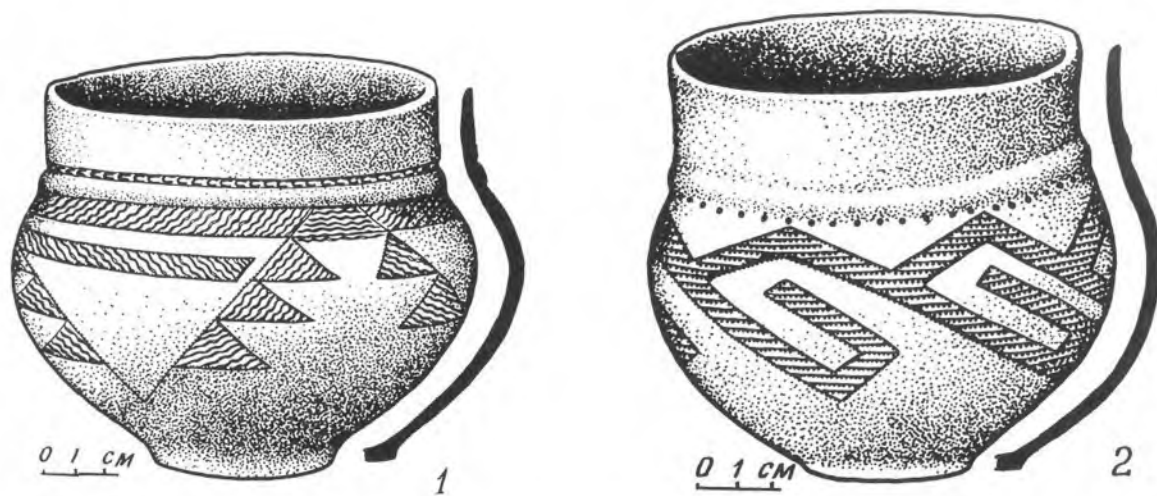

Рис. 64. Сангру I. Керамика 1 — сосуд из мавзолея 10; 2 — сосуд 3 из мавзолея 7

точным узором широко распространены в культуре поздней бронзы Центрального Казахстана и Южной Сибири, в частности в карасукской культуре Минусинской степи⁹⁰, Верхней Оби и на Алтае⁹¹.

В культуре Бегазы особое место занимают чаши. Они были обнаружены в мавзолеях Дандыбая, Мырзашоки и Бегазы⁹².

Распространение этой посуды тесно связано с развитием пастбищного скотоводства и появлением кумыса. Характерно, что чаши чаще встречаются там, где отмечается значительное скопление лошадиных костей.

Следует отметить, что при общей схожести сангруская чаша (как и другие сосуды бегазинского круга) во многом отличается от карасукских сосудов (особенно происходящих из Минусинской котловины) как по форме, так и по орнаменту. В отличие от карасукских⁹³ в сангрусских чашах венчик и шейка слабо выражены, они часто сливаются с корпусом сосуда.

Еще более отчетливо эти различия выступают в орнаментации. Сюжет рисунка у бегазинской посуды богаче и разнообразнее. Кроме геометрических здесь впервые введены растительные мотивы в виде горошин, фигурных волют, глазковых и четырехлепестковых розеток, чего нет в карасукской керамике Южной Сибири. Средства наложения орнамента также своеобразны: фигурные штампы, прорезные инструменты, кисти и проч. Некоторые элементы сангрусской чаши можно увидеть в керамике Алтая и Верхней Оби⁹⁴, что свидетельствует о связи между племенами Центрального Казахстана, Алтая и Верхней Оби.

Сосуд 5 обнаружен в северо-западном углу камеры. По форме и объему похож на преды-

дущий, с шаровидным туловом, уплощенным дном, прямым венчиком. Сосуд выполнен из добротной глины с небольшой примесью мельчайших крупинок гранитного песка. Обе поверхности желто-оранжевого цвета, излом желто-серый. Орнамент занимает всю поверхность сосуда. Он выполнен в виде широких вертикальных полос, идущих зигзагами и заштрихованных горизонтальными прерывистыми оттисками гладкого штампа.

Чаша по форме и орнаментации имеет аналогии прежде всего в керамике бегазинского круга памятников⁹⁵.

Геометрические мотивы своими корнями восходят к андроновской культуре. Однако трактовка зигзагов у андроновцев и бегазинцев Центрального Казахстана совершенно различна. У андроновцев это простые ломаные линии, без орнамента, а у бегазинцев зигзаги — узорные ленты, заштрихованные оттисками крупных гребенчатых или гладких штампов. В орнаменте Карасука преобладают заштрихованные гладким штампом треугольники, ромбы, простые, не заштрихованные зигзаги, елочки и фестоны⁹⁶, фигурных, заштрихованных зубчатым штампом лент почти нет. Это говорит о сильной зависимости карасукской керамики в отношении орнаментации от андроновской, а в отношении формы — от бегазинской керамики. Заштрихованные зигзаги, идущие не широкой, а узкой лентой, встречаются в керамике поздней бронзы Верхней Оби. Керамика этого района занимает промежуточное положение между карасукской культурой Минусинской котловины и бегазинской культурой Центрального Казахстана. В орнаменте ее есть глазчатые кружки на вершинах треугольников и

ромбов, на открытых полях, между рисунками⁹⁷.

Сосуд 6 обнаружен в коридоре внешней ограды. Первоначально стоял на каменной подставке. Он изготовлен в форме горшка, без орнамента, с шаровидным туловом, невысоким кольцевым поддоном, прямым венчиком. Шейка выражена довольно хорошо, плечики заметно выступают. Сосуд облегченного типа, предназначался главным образом для хранения молочных продуктов. Об этом говорят остатки казеина на дне сосуда. Сосуд вылеплен ленточной техникой из хорошей глины с небольшой примесью песка гранита. Обе поверхности желто-оранжевого цвета, излом желто-серый.

Сосуды с невысоким поддоном и шаровидным туловом встречаются только в керамике поздней бронзы Центрального и Восточного Казахстана, например, в поселении Аксай⁹⁸ и Трушниково⁹⁹.

В карасукской керамике сосудов с поддоном нет.

В форме сосуда 6 еще видны элементы андроновской керамики, и все же общий силуэт его (шаровидное тулово и крутая шейка) не андроновский. В большом количестве такие сосуды мы находим в группах Айдарлы, Айбас-Дарасы, Кент и др.

Сосуд 7 (рис. 65) стоял на каменной подставке у стены первого северо-восточного коридора. Он сделан в форме горшка, плоскодонный, без орнамента, имеет шаровидное тулово, прямой, слегка отогнутый наружу венчик. По форме горшок легкого типа, относится к типу тонкостенной и чернолощеной керамики, часто встречаемой в группах Бегазы и Сангру. Пред-

назначен для хранения молока. Формован из глины с примесью мельчайшего песка гранита. Цвет обеих поверхностей желто-оранжевый, в изломе желто-серый. Единственное украшение сосуда — рельефный налепной валик вокруг шейки. Очень близкие аналоги описываемому сосуду имеются в керамике поздней бронзы Центрального Казахстана. Без валика они встречаются в группах Бугулы и Айдарлы, с валиком — в поселениях Улутау, Суук-Булак, Каркаралы¹⁰⁰, Шортанды-Булак и др. Примерно такой же сосуд с валиком встречен также в Садчиковском поселении эпохи поздней бронзы, около Кустаная¹⁰¹.

В памятниках карасукской культуры такой посуды нет.

Имеются фрагменты еще 5 сосудов с орнаментом и 4 сосудов без орнамента, с валиком и без валика. Поскольку они совершенно сходны между собой, мы не даем их описание.

Ограда 8, исследованная в 1963 г., расположена в центре большой цепочки. Это вторая по величине ограда после мавзолея 7. По плану — двойной квадрат, ориентированный по сторонам света с некоторым отклонением по линии ЮЗ—СВ (рис. 67).

Размеры внешней ограды 8x8 м, внутренней 5x5 м. В центре двойной ограды находилась большая квадратная камера в виде цисты, сложенная кладкой из бутового камня (рис. 68).

Стены цисты погружены в грунт на глубину до 2,5 м. Циста сделана с широким дном, кладка постепенно сужается кверху, а затем расширяется, т.е. циста состоит как бы из двух этажей. Раз-

Рис. 65. Сангру I. Сосуд 7 из мавзолея 7

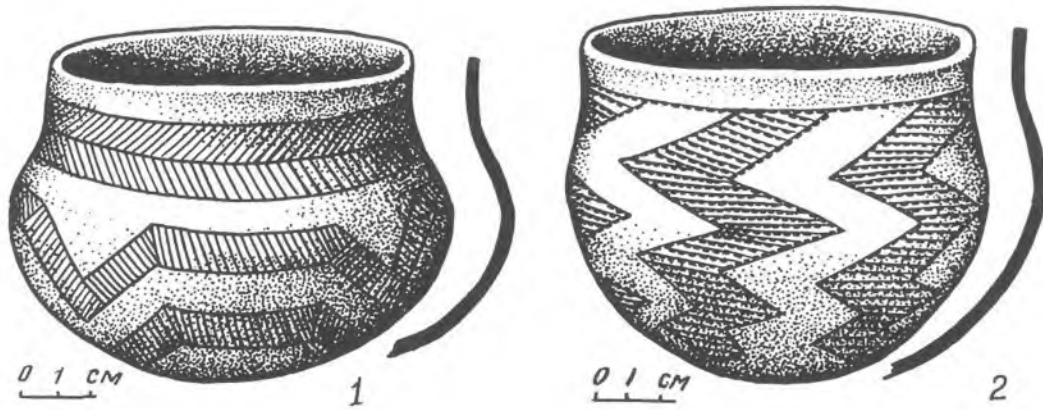

Рис. 66. Сангру I. Керамика: 1— сосуд 4 из мавзолея 7; 2 — сосуд из ограды 8

меры нижнего этажа, представляющего собой склеп, 2x2 м, высота 1,3 м, верхнего этажа 3x2,5 м, высота 1,25 м, общая высота сооружения без шатрового перекрытия около 3 м. В устройстве цисты проявляются пережитки более ранней строительной традиции, восходящей к нуринскому этапу.

Две внешние ограды составлены из вертикальных плит гранита, врытых на ребро. Основная масса плит разобрана местными жителями. На месте сохранилась лишь небольшая их часть, в основном опорные столбы из гранита и подпорки, поддерживающие стены и перекрытия, 5

подпорок уцелели по западной стороне, 5 — по восточной, 2 — по северной и 2 — по южной стороне. Облицовочные плиты в первоначальном положении сохранились только на углах. Судя по положению плит на северо-западном и северо-восточном углах, перекрытие имело форму ступенчатого купола, распространенного в Центральном Казахстане в переходное от андрона к бегазы время. Впервые оно встречено в группах Айшрак (ограды 7, 12), Бегазы (ограда 12) и Былкылдак I (ограды 2, 10), затем в памятниках Аксу-Аюлы (курган с кольцевой оградой 3), Бугулы II (ограда 8), Ортай II (курганы 1, 2), Байбала II (кур-

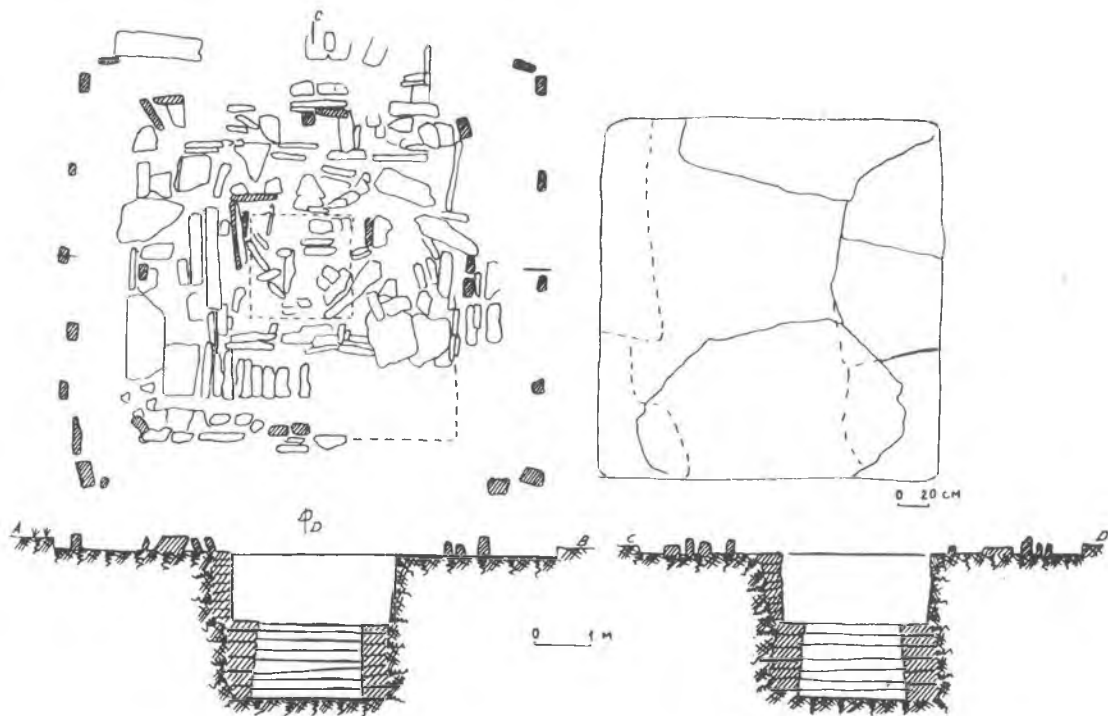

Рис. 67. Сангру I. План первого и второго этажа и разрезы ограды 8

Рис. 68. Сангру I, ограда 8. Фрагмент цисты нижнего этажа

Рис. 69. Сангру I. Сосуд 1 из ограды 3

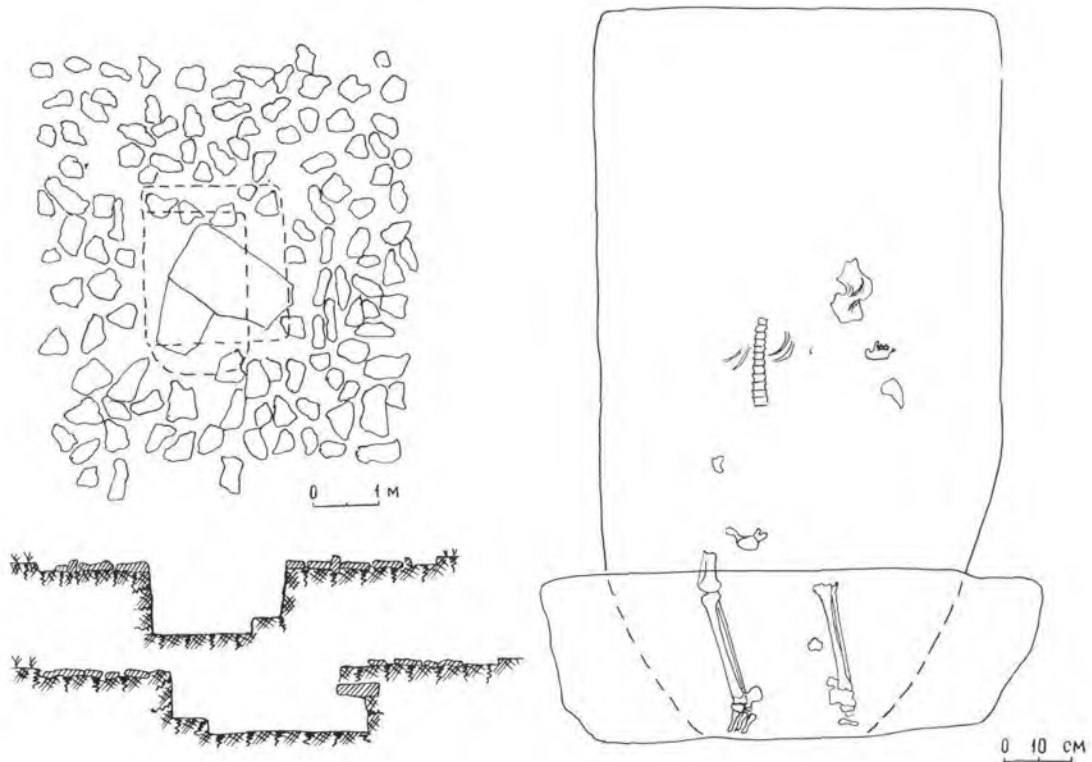

Рис. 70. Сангру I. План и разрезы ограды 12

ган с кольцевой оградой I)¹⁰², в грандиозных сооружениях Бегазы.

Грабительский лаз разрушил южную и юго-восточную стороны ограды. У северной стены верхнего этажа цисты в северо-западном ее углу, в ямах стенных плит найдены два глиняных сосуда.

Сосуд 1 (рис. 69) чернолощенный, в форме кубка с высоким горлом, шаровидным туловищем и уплощенным дном. Вылеплен из благородной глины с незначительной примесью песка гранита. Поверхность желто-оранжевого цвета, излом желто-серый. Вся поверхность сосуда от венчика до дна покрыта орнаментом в виде наклонных оттисков гладкого штампа, а по венчику — двух рядов насечки. По сравнению с другими чашами орнамент данного сосуда скромный. Наш кубок близок кубку из Дандыбая, но не имеет конического поддона. Аналоги есть в керамике других памятников Бегазы, Верхней Оби¹⁰³.

В керамике Карасука, Минусинской котловины подобная форма чаши с высоким, почти цилиндрическим горлом неизвестна.

Сосуд 2 в форме кубка сохранился полностью. Венчик заостренный, слегка выгнут наружу, шейка высокая. Плечики заметно выступают. Формован из грубой глины с примесью гранит-

ного песка. Поверхность оранжевая с черными пятнами, цвет в изломе черно-красный. Орнамент, выполненный гладким штампом в виде наклонных оттисков, занимает всю поверхность сосуда. Основной сюжет — горизонтальные линии в виде заштрихованной ленты. В орнаментации и форме сосуда прослеживаются черты керамики более раннего периода. Однако трактовка узорной ленты, выполненной в крупной, изобразительной манере, путем применения штампа, дающего контрастные оттиски, относится к эпохе поздней бронзы.

Ограда 9 расположена рядом с оградой 8, ближе к южному концу цепочки. К ней пристроены еще две ограды: одна, большая, по западной стороне, и другая, поменьше — по южной. Сооружение в плане представляет собой небольшой квадрат, ориентированный по сторонам света. Внешняя ограда составлена из крупных плит гранита, поставленных на ребро, ее размеры 3x3 м. В ограду вписан квадратный ящик из гранита размером 2x2 м.

Сохранились следы многократных грабительских раскопок. На глубине 10 см в разных местах ящика разбросаны раздробленные человеческие кости. На глубине 15 см в северо-восточном углу ящика обнаружены фрагменты раз-

давленного сосуда без орнамента. Ближе к южной стене ящика на глубине 0,7 м обнаружены в первоначальном положении фаланговые кости и часть ступни человека. По ним видно, что человек был ориентирован головой на СЗ. В разных местах ящика лежали кости лошади, барана. В юго-восточном углу ящика на глубине 0,7 м обнаружены фрагменты второго горшка без орнамента, с характерным налепным венчиком, отогнутым наружу.

Первый сосуд имеет также форму горшка с плоским дном и высоким горлом. Венчик в виде налепного воротничка отогнут наружу. Изготовлен из добротной глины, в тесте примесь мелко-го песка гранита. Поверхность оранжево-красная, цвет в изломе темно-красный. Такой тип сосуда встречается часто в керамике поздней бронзы Центрального Казахстана, в частности, группы Айдарлы, Бугулы II, Бегазы.

Ограда 10 находится в юго-западном конце цепочки, рядом с оградой 9. Небольшая (4,5x4,5 м), квадратной формы, она ориентирована линиями по сторонам света. В центре ограды расположен большой каменный ящик размером 2,2x2 м. Плиты внешней ограды разобраны. Ящик сильно потревожен. Кости жертвенного барана и черепки разбросаны по всей площади ограды. У южной стенки ящика на глубине 48 см встречены непотревоженные фаланговые кости человека. Судя по ним, скелет человека был ориентирован головой на северо-запад, ногами — на юго-восток.

В разных местах ящика подобраны фрагменты тонкостенного сосуда с красивым очертанием. Сосуд с прямым и утончающимся к краю венчиком, шаровидным туловом и уплощенным дном (рис. 64, 1). Шейку опоясывает рельефный налепной валик, имеющий в сечении форму сегмента. Вылеплен из хорошей глины с незначительной примесью мельчайших крупинок песка способом выдавливания изнутри. Фон кувшина кремово-желтый, цвет в изломе желто-серый. Верхняя половина сосуда украшена двумя поясками: выше валика — поясок каннелюра с цепочкой оттисков дугообразного штампа, ниже — две параллельные ленты, от которых наклонными рядами спускаются треугольные фестоны. Как ленты, так и треугольные фестоны заштрихованы наклонными рядами оттисков волнистого штампа. Такие штампы, оставляющие выразительные оттиски, составляют специфику бегазинского керамического искусства.

Ограда 11 расположена несколько в стороне

от основной цепочки, в ее юго-западном конце. Ограда квадратной формы (5x5 м), сложена из вертикальных плит гранита, поставленных на ребро. Ориентирована линиями по сторонам света. Плиты, составляющие ограды, сохранились лучше, чем в других памятниках. В центре расположен каменный ящик, от которого остались только две стенки — южная и северная. Размеры ящика 2x2 м, высота 0,8 м.

Ограда перекапывалась грабителями неоднократно. При расчистке ящика в его юго-восточном конце на глубине 0,7 м обнаружены кости правой ноги человека в своем первоначальном положении и кости левой ступни. По ним можно установить лишь ориентировку покойного головой на северо-запад. На дне ящика в разных местах подобраны обломки двух сосудов, орнаментированных мелким зубчатым штампом.

Ограда 12 (рис. 70) расположена в северо-западном конце малой цепочки, несколько обособленно. Форма погребального сооружения здесь иная. Это квадратные вымостки, ориентированные линиями по сторонам света. Размеры квадрата 3x3 м. Вымостки сделаны тремя вписанными рядами крупных камней с вертикальными плитами на углах, врытыми на ребро (рис. 103).

В центре вымосток когда-то находился большой каменный ящик, давно разрушенный. На месте ящика сохранилась яма размером 2,7x1,5 м. Каменный ящик первоначально был перекрыт поперечными плитами, из которых уцелела лишь одна, в южном конце ямы. В центре ямы, на глубине 100 см обнаружены зольные пятна, по-видимому, от истлевших предметов, значение которых не удалось выяснить. На глубине 1,05 м обнаружена груда угольков и неполный скелет человека. Сохранились лишь позвонки, часть поясницы и нижние конечности. Судя по положению костей, человек был ориентирован головой на север, лежал с раздвинутыми и приподнятыми вверх коленями, что напоминает обряд афанасьевцев Енисея. Впрочем, подобный обряд погребения с приподнятыми вверх коленями отмечен и в группе Айшрак на р. Атасу, в 28 км к юго-западу от Сангру.

Единственный датирующий материал — обломки черепков, подобранные на дне камеры. Черепки по форме такие же, как вся керамика группы Сангру. Однако, судя по характеру погребального обряда, это наиболее позднее погребение в группе Сангру I. Хронологически оно совпадает с началом раннескифской культуры.

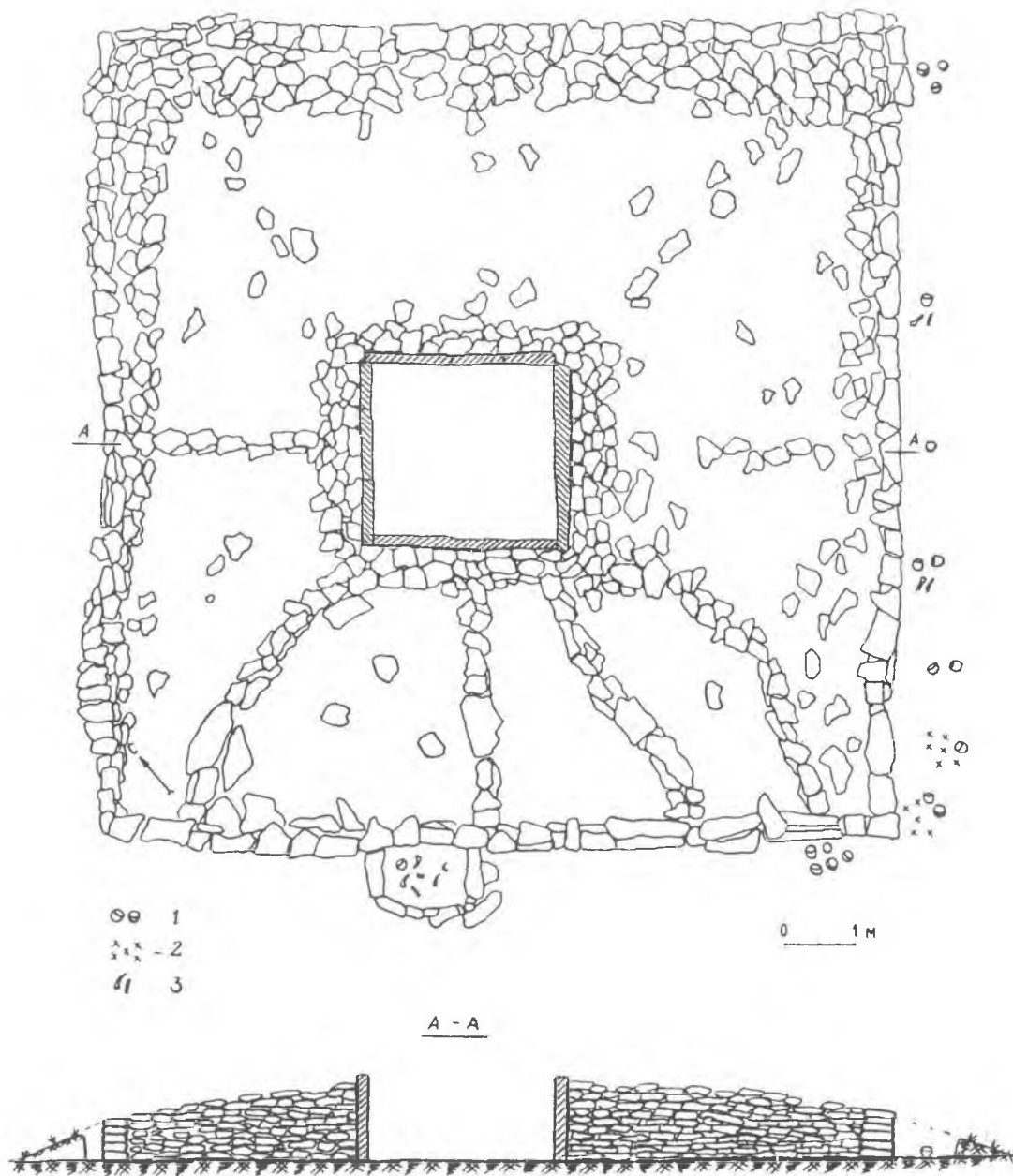

Рис. 71. Айбас-Дарасы. План и разрез курган-ограды

Двойственный характер памятника очевиден. С одной стороны, он еще связан с культурной традицией эпохи Бегазы, с другой — обозначен новый этап развития племен Центрального Казахстана, связанный с переходом к кочевому скотоводству (VIII—VII вв. до н. э.).

Айбас-Дарасы

Из улутауских памятников, относящихся к эпохе бронзы, наиболее интересен комплекс Айбас-Дарасы. Он был открыт Центрально-Казахстанской археологической экспедицией в 1946 г.

Комплекс расположен на правой надпойменной террасе горной речки Айбас, притока р. Сары-Тургай, в одном километре от северо-западного подножия горы Едыге и в 18 км к югу от центральной усадьбы совхоза им. Амангельды Улутауского района Джезказганской области. Здесь на площади около 3000 м² тянутся выступающие на поверхность каменные ограды, курганы-ограды, относящиеся к эпохе поздней бронзы, затем тюркские и кипчакские каменные ограды VI—IX вв., казахские погребения XIV—XVII вв. Рядом с ком-

Рис. 72. Айбас-Дарасы. Керамика

плексом, в глубине ущелья, расположено средневековое городище Айбас-Дарасы. Из памятников эпохи бронзы в Айбас-Дарасы исследованы три безнасыпные ограды, один курган с оградой. Все они давно разграблены, многие разрушены.

Ограда 1 сложена из массивных гранитных плит, врытых на ребро. Размеры плит 90х40х15 м, 75х50х20 м. В плане ограда имеет подквадратную форму, ориентированную по сторонам света, размер ограды 4,7х6 м, высота стен 0,4 до 0,55 м.

При зачистке в юго-западном ее углу встречены фрагменты керамики с крупным гребенчатым штампом — единственная находка, свидетельствующая о времени сооружения ограды. Это обломки тонкостенного сосуда шаровидной формы, светло-серого цвета. Обжиг хороший, равномерный. Тесто с примесью толченого кварца и крупного песка.

Ограда 2 в плане — неправильный квадрат размером 5,5х6,2 м, ориентированный длинной осью с юга на север. Ограда выложена горизонтальной кладкой из плоских сланцевых плит прямоугольной и квадратной формы. Внутри ограды находилось второе сооружение подквадратной формы из массивных плит гранита, врытых на ребро. В самом центре двойной ограды на глубине 0,8 м обнаружена погребальная камера, ориентированная длинной осью по линии СЮ.

Камера сильно потревожена, на ее дне — кальцинированные кости, угольки и обломки керамики, относящиеся к поздней бронзе.

В оградах обнаружены обломки черных сосудов с орнаментом и без орнамента. В основном это венчики и боковины тонкостенных сосудов, вылепленных вручную из хорошо отмученного теста с примесью толченого кварца и ракушечника. Обжиг равномерный, цвет в изломе черный или темный, внешняя поверхность розовато-коричневая, внутренняя — темно-серая, местами со следами нагара.

Более высокой техникой выполнен тонкостенный сосуд шаровидной формы с прямым, высоким венчиком, светло-коричневого цвета. Он найден в первой оградке. Орнамент выполнен крупным гребенчатым штампом и состоит из четырех заштрихованных лент, опоясывающих верхнюю часть сосуда. Фрагмент сосуда со сходным орнаментом найден во второй оградке. Но на первом сосуде ленты заштрихованы косыми пунктирными линиями, на втором — горизонтальными.

Ограда 3 расположена в 50 м на СЗ от ограды 2. Составлена из крупных плит гранита, вкопанных на ребро. В плане имеет прямоугольную форму, ориентирована продольной осью в направлении с юга на север. Размеры ограды 3,08х4 м, высота 0,5 м. Часть плит северо-восточного угла отсутствует. Расчистка дна показала, что это был жертвенник. На дне ограды зольный слой с

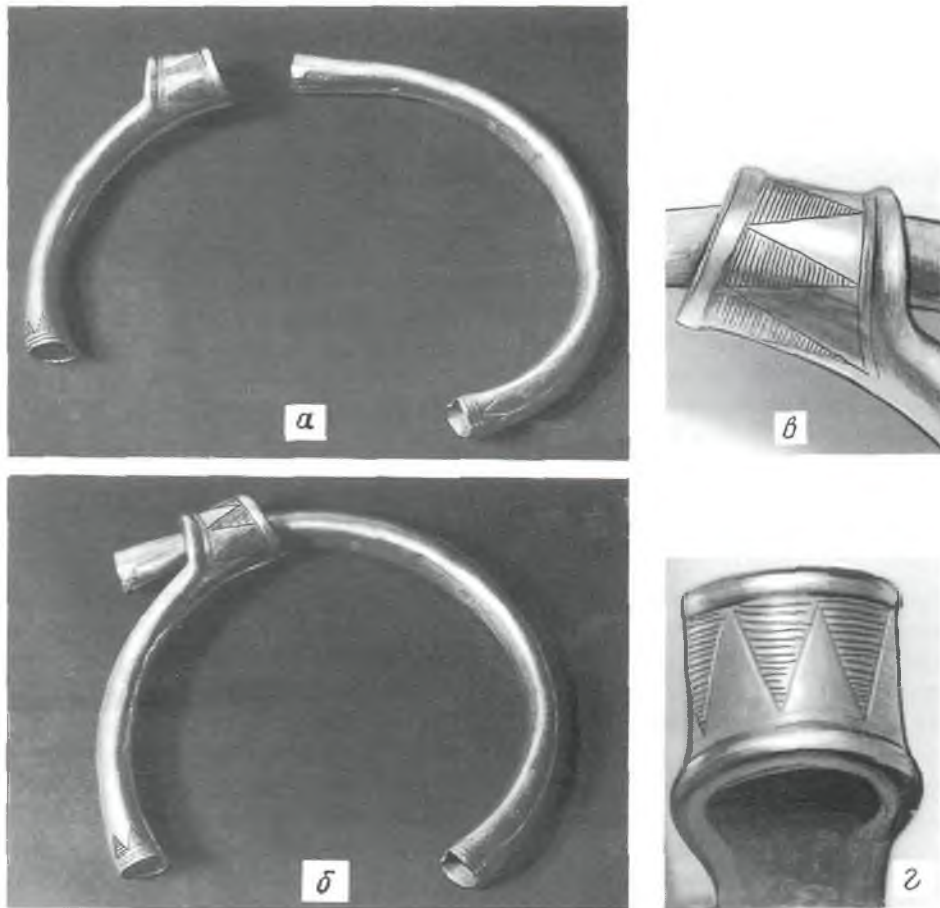

Рис. 73. Айбас-Дарасы, а, б — золотой браслет; в, г — увеличенные фрагменты

угольками, кости животных, среди которых обращают на себя внимание два астрагала барана, зубы и таранная кость лошади. Подобный жертвенник со следами ритуального огня был раскопан в комплексе Балакулболды Каркаралинского района. Он также имел прямоугольный план, ориентированный с юга на север.

Жертвенники в виде круглых оградок встречаются в Центральном Казахстане очень часто¹⁰⁴, в основном они относятся к эпохе средней бронзы (андроновскому времени). Жертвенники в виде крупного прямоугольного сооружения из вертикальных плит гранита появляются позже и характерны для бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана.

Курган-ограда занимает центральное положение в группе и возвышается над окружающей площадью. По внешней конфигурации это подквадратной формы курган, засыпанный наносной землей и песком. Диаметр его 20 м, высота 1,4 м. Из насыпи выступала верхняя часть квадратной ограды. Огромная плита, служившая когда-то перекрытием ящика, лежала в стороне — свидетельством того, что курган давно разграблен.

Сооружение в плане — строгий квадрат со сторонами 12х12 м (рис. 71) и сохранившейся высотой от 0,6 до 1,2 м. Оно ориентировано боковыми линиями по сторонам света. Стены ограды выложены способом горизонтальной кладки из крупных плит известняка прямоугольной и квадратной формы. Размеры плит 0,7х0,4х0,15, 0,8х0,35х0,25, 0,65х0,5х0,2 м. Сооружение построено техникой, характерной для каменных строений Центрального Казахстана эпохи поздней бронзы (Бегазы, Бугулы III, Дандыбай и др.). Кладка на глиняном растворе с перевязкой швов начинается прямо от земли, с нижнего ряда идут крупные плиты. Стены сильно разрушены. Некоторые плиты под давлением перекрытия сильно покосились. Плохо сохранилась восточная стена. Юго-восточный угол сохранился лишь в нижнем ряду. Для перевязки углов использованы длинные плитообразные блоки в форме параллелепипеда. Строительный материал находится рядом, в северных отрогах горы Улутау.

Подобно другим сооружениям эпохи бронзы Центрального Казахстана, на стены ограды Ай-

Айбас-Дарасы ложилась вся нагрузка внутренней конструкции и перекрытия. Для придания стене большей прочности основание ограды плотно утрамбовано щебнем и залито илистой глиной. Эту технику нам удалось установить также в сооружении Аксу-Аюлы. Стены ограды построены по общему принципу сооружений эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана: внизу они строго отвесны, а в верхней части несколько наклонены внутрь. Это особенно хорошо видно в местах стыка камеры-отсека со стеной. Характерную особенность сооружения Айбас-Дарасы составляют камеры-отсеки, радиально идущие от стен и упирающиеся в большой каменный ящик, находящийся в центре (рис. 71).

Отсеки неправильной трапециевидной формы сужаются по мере приближения к центральному ящику. В западной половине ограды выявлено 5 камер-отсеков и столько же в восточной. Стены отсеков выложены плоскими массивными плитами техникой кладки с напуском, пол вымощен щебнем. Отсеки имели двойное значение. Во-первых, они служили алтарем, местом жертвоприношения, на вымощенном полу совершались обрядовые церемонии. Об этом свидетельствуют следы ритуального огня на полу: зольный слой с угольками и остатки трапезы в виде костей животных. Там же найдено большое количество керамики. Во-вторых, они заменяли центральные опорные столбы, на которых покоилось все перекрытие. Отсеки имели поперечные перекрытия из массивных продолговатых плит песчаника, пригнанных друг к другу. К сожалению, большая часть перекрытия разрушена.

Большой каменный ящик, являющийся гробницей племенного вождя, построен в самом центре квадратной ограды. Он опущен в земляную камеру на глубину 1,5 м. Ящик в плане почти квадратный, размером 2,8x2,6 м. Плиты, составляющие его стены, хорошо отшлифованы и плотно пригнаны друг к другу. С восточной стороны возвышаются две угловые плиты, имитирующие вход в ящик. От перекрытия сохранились отдельные детали в виде ступенчатой кладки. По этим деталям видно, что сооружение Айбас-Дарасы имело такое же перекрытие, как Бугулы III. Для обоих сооружений характерны кладка с напуском и постепенное сужение кверху. Вершина ступенчатого перекрытия сооружения Айбас-Дарасы увенчана огромной гранитной плитой размером 1,45x1,67 м.

В ящике на разной глубине обнаружены кости взрослого человека (фрагменты челюсти, лучевая и тазовая кости, позвонки, ребра), а также

лошади (фрагменты челюсти, конечности) и рогатого скота. Из предметов материального производства найдены обломки керамических изделий — венчик и боковины большого сероглиняного сосуда без орнамента, стенки тонкостенных сосудов, богато орнаментированных гребенчатым штампом (рис. 72), пряслице круглой обработки из стенки керамического сосуда, фрагмент неопределенного бронзового предмета, каменные крышки для сосудов (7). В северо-западном углу стоял изящный горшок со следами черного лощения и роскошным геометрическим орнаментом. У северной стенки обнаружен золотой браслет в виде двух изогнутых полых трубочек (рис. 73), — удлиненной и короткой, соединенных при помощи утолщенной головки. На концах трубочки сохранились по два золотых гвоздика, которыми, возможно, предмет был прикреплен к деревянной основе. Кроме того, на концах сделан орнамент в виде трубочек и утолщенной головки, ряда треугольников. Спектральный анализ, проведенный в лаборатории Института геологических наук АН КазССР им К. И. Сатпаева, показал, что браслет содержит золота 86%, серебра 13%, меди 1%.

К западной стенке ограды примыкает небольшая пристройка подковообразной формы (1,2x0,7 м), представляющая собой детское погребение. Костяк ребенка потревожен. Из сопровождающего инвентаря сохранились один неорнаментированный глиняный сосуд и два сосуда с орнаментом. Детские пристройки у стен родительских гробниц составляют специфику могильных сооружений Центрального Казахстана эпохи средней и поздней бронзы (Айшрак, Аксу-Аюлы, Бугулы III, Сангру I, III).

Интересно, что пол ящика был подвергнут очищению огнем: он по всей площади сильно закопчен и прокален. В центре ящика прослеживается зольное пятно толщиной до 8 см — здесь разводился костер. Следы обряда поклонения огню и жертвоприношения обнаруживаются и у наружных стен сооружения. У юго-западного угла ограды стояли 4 целых сосуда, а рядом, у южной стенки того же угла, на глубине 0,4 м обнаружен зольник 1 с большим скоплением костей животных и двумя прекрасными сосудами. Далее у южной стенки вскрыт зольник 2, где обнаружен целый сосуд. Еще дальше, в восточном направлении вскрыты зольник 3 с керамикой, затем зольник 4, содержащий кости животных и два целых сосуда. В средней части южной стены стоял целый сосуд, ближе к восточному углу у стены встречены кости животных и целый сосуд;

у юго-восточного угла обнаружены два астрагала барана и два целых сосуда. Таким образом, вдоль юго-западной и южной стен найдено 14 целых сосудов. По обилию керамики Айбас-Дарасы — один из самых интересных памятников эпохи бронзы в Центральном Казахстане. Всего в памятнике обнаружено свыше 40 керамических сосудов, из них больше половины целых. Сосуд 1 обнаружен в центральном ящике. Тонкостенный, изящной формы, без орнамента, он имеет плоское дно и высокий прямой венчик, слегка отогнутый наружу. Формован ленточной техникой из глины с примесью толченого кварца и шамота. Обжиг равномерный, цвет в изломе серый.

Сосуд 2 с плоским кольцевым поддоном, без орнамента найден в первом отсеке. Венчик прямой, слегка отогнутый наружу. Формован ручной лепкой из теста с примесью дресвы. Вместе с ним найден крупный фрагмент другого сосуда, орнаментированного гладким штампом.

Сосуд 3, найденный в центральном ящике, тонкостенный, изящной формы, типа сосудов 1 и 10, без орнамента. Венчик прямой, слегка отогнутый наружу. В плечевой части заметны небольшой уступ и линия, идущая по основанию венчика, которым отделена шейка от тулова. Вылеплен из хорошего теста с примесью дресвы и кварцевого песка. Обжиг неравномерный, в изломе цвет серовато-коричневый. Сосуд 4 имел форму миски. Верхняя часть его тулова с венчиком найдена в центральном ящике, другие фрагменты, выброшенные грабителями, обнаружены в головной части третьего отсека. Судя по фрагментам, это был тонкостенный сосуд, вылепленный из хорошо отмученного теста с примесью мелкозернистого кварцевого песка. Венчик высокий, прямой и отогнутый наружу. Обжиг равномерный, цвет в изломе черный. Орнамент, выполненный крупным гребенчатым штампом, занимает шейку от венчика до плечиков. Сюжет орнамента — равнобедренные треугольники, заштрихованные крупной гребенкой.

Сосуд 5 в форме миски найден в зольнике южной стены, сохранился в виде фрагментов. Сосуд шаровидной формы. Венчик с налетом и уступом в основании, при переходе к выпуклым плечикам, отогнут наружу. Шейка выразительна. Формован из теста с примесью кварцевого песка. Обжиг неравномерный, цвет в изломе темно-коричневый. Орнамент построен ярусами: вокруг венчика идут две параллельные линии, нанесенные крупным гребенчатым штампом, ниже, по шейке — поясик из комбинации равнобедренных

треугольников, заштрихованных тем же крупным штампом. Треугольники обрамлены поясками из горизонтальных линий, выполненных той же техникой.

Сосуд 6, найденный в центральном ящике, плоскодонный, с шаровидным туловом. Венчик налепной, отогнутый наружу. Шейка с изгибом, плавно переходит к тулову. Формован ленточной техникой из хорошо отмученного теста с примесью кварцевого песка. Обжиг равномерный, цвет в изломе черный. Вся поверхность сосуда сплошь покрыта орнаментом, нанесенным крупным гребенчатым штампом. Горизонтальные узорные ленты, опоясывающие корпус сосуда, заштрихованы рядами косых коротких оттисков штампа, лента обрамлена гладкой горизонтальной линией. Фрагмент точно такого же сосуда обнаружен в первом отсеке. Несомненно, оба горшка сделаны одним и тем же мастером.

Сосуд 7 (рис. 74, 2), обнаруженный в центральном ящике, круглодонный, с прямым высоким венчиком. В основании шейки при переходе к тулову хорошо виден уступ, характерный для данной группы памятников. Формован ленточным способом из хорошо отмученного теста с примесью мелкозернистого кварцевого песка и шамота. Обжиг хороший, равномерный, цвет в изломе черный. Орнамент в виде подковообразных вдавлений покрывает всю поверхность сосуда, кроме венчика.

Сосуд 8 найден в четвертом отсеке, плоскодонный, без орнамента, чернолощеный, с хорошим профилем, имеет прямой венчик, слегка отогнутый наружу. По форме сходен с сосудами 1, 3, 10 этой серии. В основании венчика, при переходе к тулову, имеет характерный выступ. Вылеплен из теста со значительной примесью кварцевого песка и дресвы. Обжиг равномерный, цвет в изломе темный.

Сосуд 9, обнаруженный в центральном ящике, чернолощеный, в форме кувшина, с прямым венчиком, шаровидным туловом, которое плавно переходит в плоское дно. Формован ленточной техникой, о чем свидетельствуют линии излома. Тесто рыхлое с примесью кварцевого песка. Обжиг неравномерный, в изломе черного цвета. Орнамент, выполненный гладким угловым штампом с точкой в поле треугольного вдавления, покрывает всю поверхность тулова.

Сосуд 10 (рис. 75, 1) найден у наружной стены юго-западного угла среди трапезных горшков. Изящное шаровидное тулово плавно переходит в уплощенное дно. Венчик прямой, с уступом в

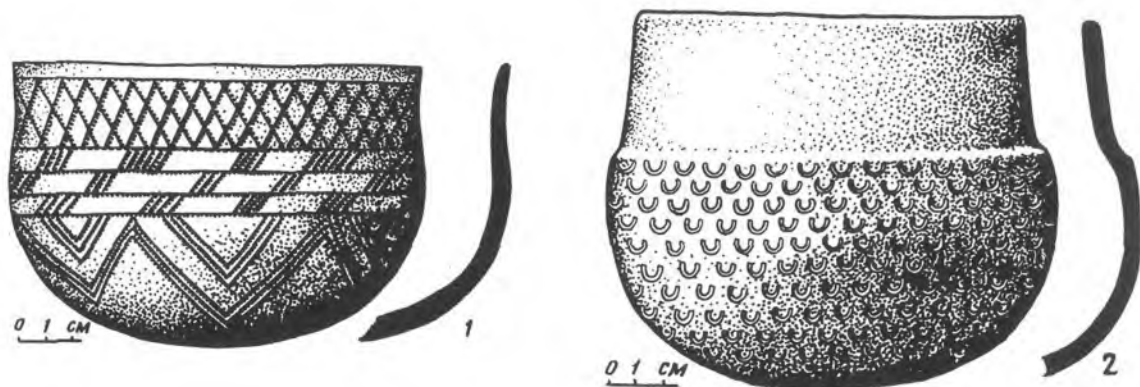

Рис. 74. Айбас-Дарасы. Керамика: 1— сосуд 21; 2— сосуд 7

нижней части шейки. Сосуд без орнамента. Вылеплен из теста с примесью шамота и кварцевого песка. Обжиг равномерный, цвет в изломе черный, на поверхности сохранились следы лощения. По технике выполнения и форме имеет абсолютное сходство с сосудами 1 и 3.

Сосуд 11 (рис. 75, 4) выполнен в форме кувшина с шаровидным туловом и плоским поддоном. Обнаружен у юго-восточного угла, среди жертвенных горшков. Высокая шейка плавно переходит в шаровидное тулово. Выполнен из теста хорошей отмучки с примесью толченых ракушек и мелкой дресвы. Обжиг в изломе красный. Орнамент выполнен остроугольным гладким штампом и покрывает плечики сосуда. Основная композиция орнамента — крупные треугольные фестоны, расположенные вершинами вниз.

Сосуд 12 (рис. 75, 2), найденный у юго-западного угла, имеет такую же форму. Четко выраженная шейка плавно переходит в тулово. Формован из теста хорошей отмучки со значительной примесью толченых ракушек и мелкой дресвы. Обжиг хороший, цвет в изломе красный. Орнамент нанесен гладким штампом в виде треугольных вдавлений.

Сосуд 13 (рис. 75, 3) в форме кувшина обнаружен у юго-западного угла в группе жертвенных сосудов. Имеет шаровидное тулово со следами лощения, уплощенное дно, прямой венчик, который в нижней части переходит в чуть заметный уступ. Формован из рыхлого теста с примесью кварцевого песка и толченых раковин. Обжиг неравномерный, цвет в изломе светло-коричневый. Орнамент выполнен подковообразным или полуциркульным штампом с точкой. Сюжет — треугольные фестоны, опущенные вершинами вниз. Свободное пространство между треугольными фигурами занято тамгообразными знаками. Один

из них, крестообразной формы, неоднократно встречается в керамике Сангру I.

Сосуд 14, обнаруженный в центральном ящике, светло-коричневый, шаровидной формы, с уплощенным дном (рис. 76, 3).

Венчик прямой, слегка отогнутый наружу, сразу переходит в высокую шейку с уступом. На внешней поверхности следы лощения. Вылеплен из теста хорошего качества с примесью кварцевого песка и толченых ракушек. Обжиг неравномерный, цвет в изломе светло-каштановый. Орнамент состоит из трех налипных бугорков, образующих вместе треугольные фестоны.

Сосуд 15 по форме совершенно сходен с предыдущим (рис. 76, 2). Найден в зольнике 1 у южной стены сооружения. Он светло-коричневого цвета, с шаровидным туловом, уплощенным дном. На наружной поверхности сохранились следы черного лощения. Венчик высокий, прямой, слегка отогнутый наружу, переходит в плечики с уступом и горизонтальной линией, опоясывающей шейку. Тесто хорошего качества с примесью дресвы, кварцевого песка и толченой раковины. Обжиг равномерный, в изломе светло-коричневого цвета. Орнамент выполнен в виде налипных бугорков, расположенных попарно вокруг тулова.

Сосуд 16 сходен с сосудами 14, 15 (рис. 76, 1). Обнаружен в зольнике 1 у южной стены. Сосуд шаровидной формы, с уплощенным дном. Прямой венчик сразу переходит в высокую шейку с уступом, которую опоясывает горизонтальная линия в виде желобка. На наружной поверхности сосуда хорошо сохранились следы черного лощения. Формован из теста хорошего качества с примесью дресвы и кварцевого песка. Обжиг неравномерный, в изломе светло-серого цвета. Орнамент состоит из трех налипных бугорков, расположен-

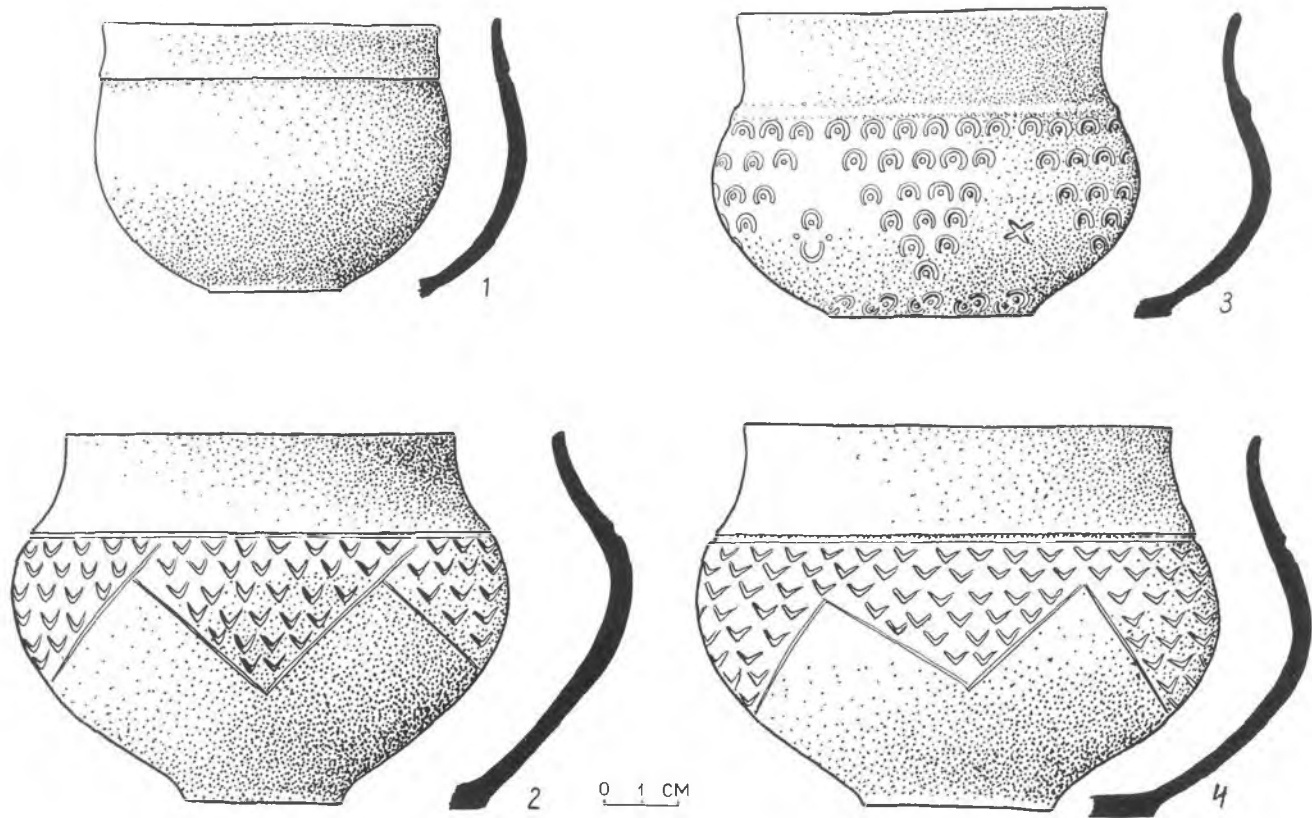

Рис. 75. Айбас-Дарасы. Керамика: 1—сосуд 10; 2—сосуд 12; 3—сосуд 13; 4—сосуд 11

ных в форме треугольных фестонов и окруженных двумя концентрическими рядами круглых точек. Сосуд 17 (рис. 77, 2) по форме и орнаменту совпадает с сосудом 9. Обнаружен в зольнике 3, у южной стены гробницы. Он тонкостенный, со следами черного лощения по всей поверхности. Имеет шаровидное тулово, уплощенное дно и прямой высокий венчик. Формован из теста высокого качества с примесью кварцевого песка и дресвы. Обжиг хороший, равномерный, в изломе — черного цвета. Орнамент выполнен гладким угловым штампом с точечным оттиском в поле.

Сосуд 18 (рис. 77, 1). Айбас-Дарасы. Керамика: 1 — сосуд 18; 2 — сосуд 17; 3 — сосуд 28; 4 — сосуд 19 обнаружен в зольнике 3 у южной стены. Сосуд плоскодонный, с шаровидным туловом и венчиком, отогнутым наружу. На поверхности сосуда сохранились следы черного лощения. Техника лепки обычная, характерная для большинства глиняных сосудов Айбас-Дарасы. Орнамент в виде семи горизонтальных заштрихованных поясков занимает всю поверхность сосуда. Сосуд 19 (рис. 77, 4) в форме миски обнаружен в зольнике у южной стены, среди скопления костей животных. Это сравнительно большой сосуд с шаровидным туловом, плоским дном.

Венчик налепной с легким изгибом наружу, шейка очень выразительная, плавно переходит в тулово. Изготовлен из рыхлого теста с примесью кварцевого песка. Обжиг неравномерный, цвет в изломе черный. Орнамент выполнен гребенчатым штампом и располагается в верхней части сосуда ярусами: вокруг венчика и шейки ромбическая сетка, обрамленная с двух сторон горизонтальными пунктирными линиями, ниже идет ряд косых насечек — один из основных элементов орнамента керамики Бегазы-Дандыбая.

Сосуд 20 (рис. 76, 4) стоял у южной стены, среди скопления костей животных. По форме совершенно сходен с сосудами 14, 15, 16. Он тонкостенный, с шаровидным туловом, уплощенным дном. Венчик, слегка отогнутый наружу, имеет уступ в нижней части шейки. Глубокая горизонтальная линия отделяет шейку от плечиков. Вылеплен из теста высокого качества, очень хорошей отмучки с примесью шамота и кварцевого песка. Обжиг равномерный, в изломе розового цвета. На наружной поверхности хорошо заметны следы черного лощения. Орнамент в виде рядов бугорков.

Сосуд 21 (рис. 74, 1) стоял в основании средней части южной наружной стены. Отличается от

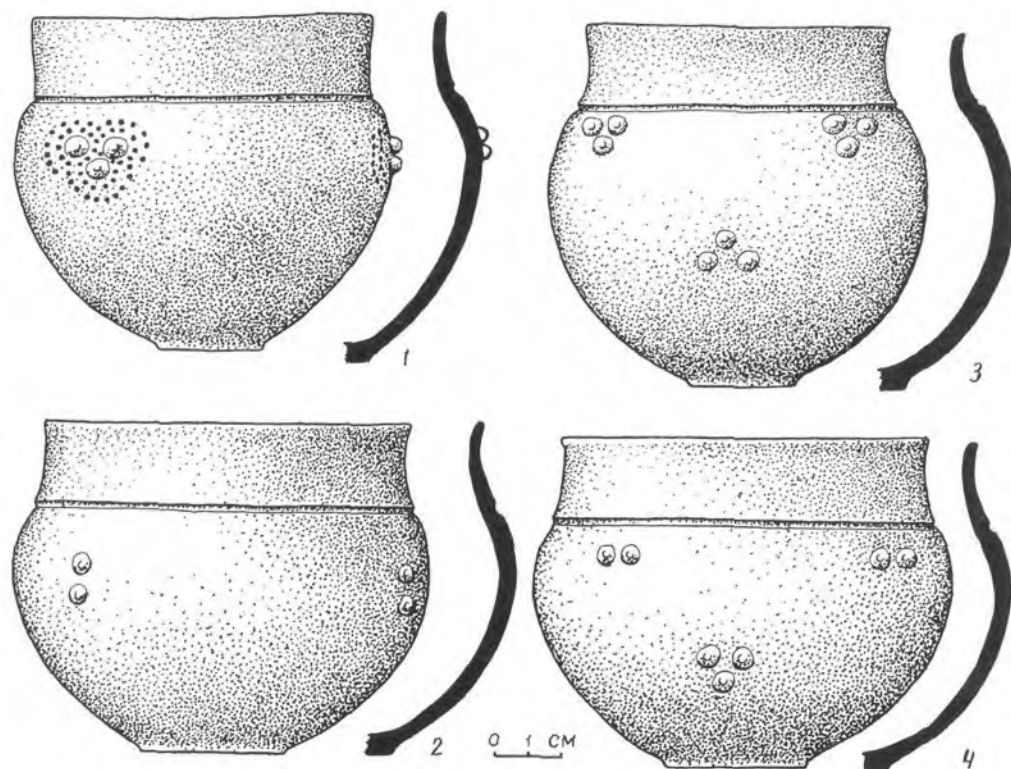

Рис. 76. Айбас-Дарасы. Керамика: 1 — сосуд 16; 2— сосуд 15; 3— сосуд 14; 4— сосуд 20

других сосудов строгой формой более высокой техникой изготовления, но главное — густым красным лощением, отсутствующим в других сосудах этой группы. Изящный, тонкостенный, он изготовлен в форме чаши с широким прямым венчиком, круглым дном. Формован ручной лепкой из теста высокого качества с примесью кварцевого песка и толченой раковины. Обжиг равномерный, цвет в изломе розовато-коричневый. Очень выразительный орнамент выполнен гребенчатым штампом с поперечными зарубками и расположен поярусно: шейку покрывает ромбическая сетка, обрамленная тонкими пунктирными линиями, плечики и верхнюю часть тулова опоясывают три горизонтальные узорные ленты, прерывисто заштрихованные наклонными оттисками мелкой гребенки, в нижней части тулова идут зигзагообразные фестоны, составленные из тех же заштрихованных лент.

Краснолощенная чаша с богатым ковровым орнаментом — не редкость в Центральном Казахстане. Яркие и уникальные их образцы найдены при раскопках памятников Дандыбай, Бегазы, Сангру I.

Сосуд 22 (рис. 78, 1) стоял у южной стены, среди костей животных. Сосуд тонкостенный, крас-

нолощенный с наклепным венчиком, отогнутым наружу, сильно изогнутой шейкой, которая сразу переходит в тулово, а затем в плоский поддон. Вылеплен из хорошего теста с примесью кварцевого песка и шамота. Обжиг равномерный, цвет в изломе розоватый. Вся поверхность сосуда покрыта сплошным ковровым орнаментом, нанесенным крупнозубчатым штампом. Орнамент представлен восемью горизонтальными лентами, заштрихованными прерывистыми наклонными оттисками гребенчатого штампа, создающими ромбовидный рисунок в шахматном порядке или три вертикальные полосы зигзагов. Черный рисунок на белом фоне создает игру тонов.

Сосуд 23 (рис. 79, 1) — один из крупных в этой серии — обнаружен в культурном слое зольника, у юго-восточного угла, вместе с астрагалами барана. Толстостенный, плоскодонный, он относится к типу кухонной посуды. Короткая шейка выражена достаточно ясно, венчик отогнут наружу. Формован ручной лепкой из теста хорошей отмучки с примесью кварцевого песка и толченой раковины. Обжиг равномерный, в изломе розовато-красного цвета. На наружной поверхности видны следы заглаживания травой. Орнамент выполнен двумя поясками: по основанию

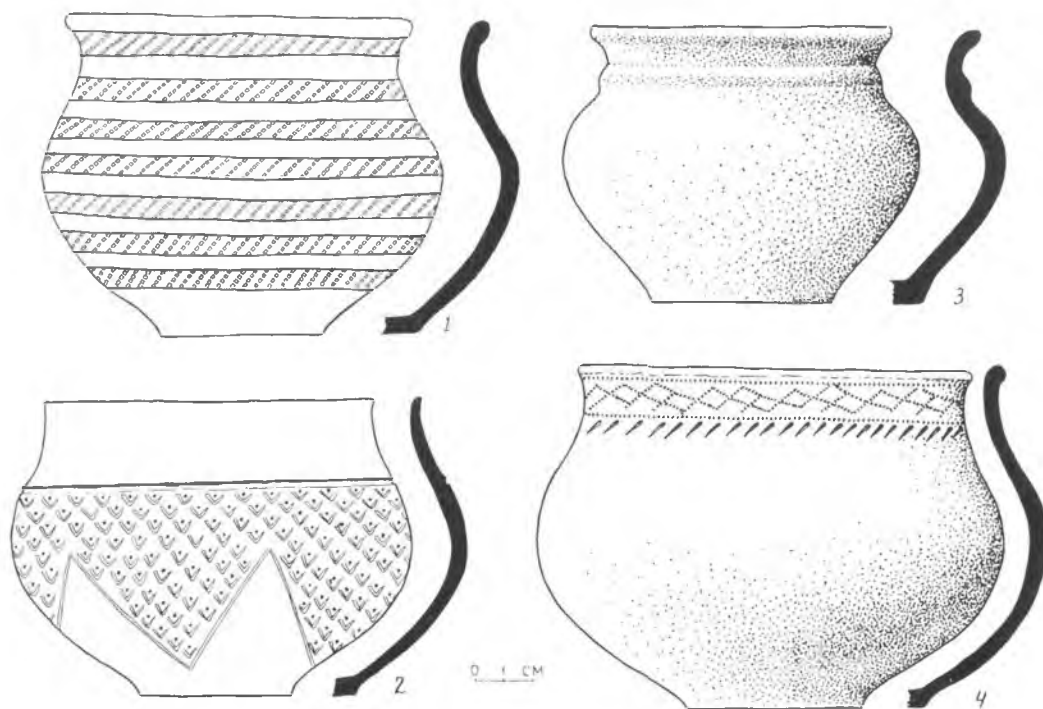

Рис. 77. Айбас-Дарасы. Керамика: 1 — сосуд 18; 2— сосуд 17; 3— сосуд 28; 4— сосуд 19

венчика — оттиски гребенчатого штампа в виде ленты, заштрихованной ромбической сеткой, ниже — оттиски гладкого штампа из двух рядов насечки, образующих форму елочки.

Сосуд 24 (рис. 78, 2) стоял рядом с горшком 23. По форме и орнаменту полностью совпадает с кувшином 22. Сосуд тонкостенный, краснолощенный, с характерным шаровидным туловом и плоским поддоном. Венчик высокий, прямой. Шейка выражена достаточно хорошо. На внутренней стенке сохранились следы нагара. Формован ручной лепкой из добротного теста с примесью кварцевого песка. Обжиг хороший, в изломе коричневого цвета. Орнамент, выполненный крупным гребенчатым штампом, покрывает всю поверхность сосуда и состоит из шести горизонтальных лент, заштрихованных наклонными оттисками гребенчатого штампа, создающими асимметрично расположенные ромбы. Сосуд 25 тонкостенный, сероглиняный, с наlepным венчиком, слегка отогнутым наружу. Тесто хорошее, с примесью кварцевого песка и мелкой дресвы. Орнамент, выполненный резным линейным штампом, покрывает всю верхнюю часть сосуда. Венчик опоясан пятью горизонтальными лентами, ниже идут треугольные фестоны, заштрихованные гладким штампом.

Сосуд 26 (рис. 78, 3) — один из крупных в этой

серии — обнаружен в центральном ящике. Выполнен в форме миски шаровидной формы с плоским дном. Венчик прямой, открытый. Вылеплен из теста с примесью дресвы и кварцевого песка. Обжиг в изломе черный. Орнамент, сделанный крупнозубчатым штампом, идет по плечу в виде ромбической сетки.

Сосуд 27 (рис. 79, 2) самый крупный в группе Айбас-Дарасы. Обнаружен разбитым в центральном ящике. Сосуд сероглиняный, гладкостенный, с крупным вытянутым вверх корпусом, плоским кольцевым поддоном, без орнамента. Венчик широкий, короткий, с легким изгибом наружу. Короткая шейка отделена от плечиков широким валиком с уступом в нижней части. Вылеплен из теста с примесью мелкой дресвы, обжиг равномерный, в изломе черного цвета.

Сосуд 28 (рис. 77, 3) типа миски обнаружен во втором отсеке. Сосуд с плоским дном, слабо вздутым туловом. Венчик прямой, отогнутый наружу. Шейка при переходе в тулово образует едва заметный уступ. Изготовлен ручной лепкой из хорошего теста с примесью кварцевого песка. Обжиг равномерный, в изломе черного цвета. В донной части сильно прокален. На внутренних стенках сохранились следы заглаживания пучком травы. Наружная поверхность красноватая и имеет следы лощения. Это единственный

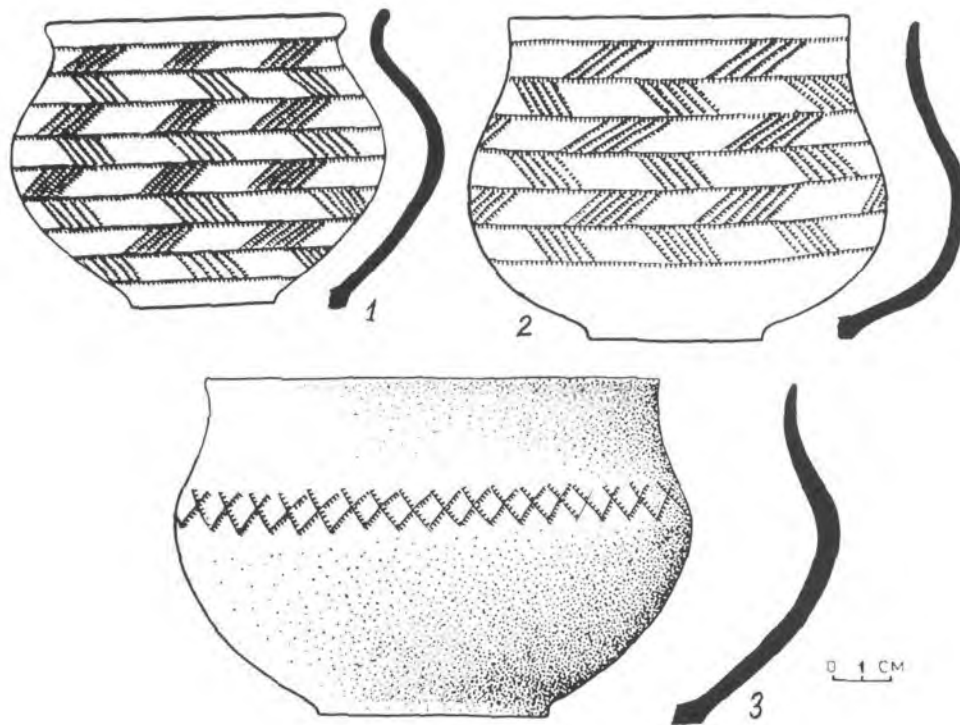

Рис. 78. Айбас-Дарасы. Керамика: 1 — сосуд 22; 2 — сосуд 24; 3 — сосуд 26

сосуд, сохранившийся в форме андроновской керамики.

Раскопка группы Айбас-Дарасы дала крупную серию первоклассной керамики и золотых предметов, обогатила наши знания о распространении культуры Бегазы-Дандыбая в Улутауской степи. Айбас-Дарасы пока является западной границей распространения бегазинских памятников, но следы этой культуры прослеживаются еще дальше, в долинах рек Жиланчик и Тургай.

Дандыбай

Это обширное погребальное поле, раскинувшееся в широкой пойме правого берега р. Шерубай-Нура, в 60 км к юго-западу от г. Караганды. Могильник расположен на участке бывшего аула Дандыбай, от которого сохранились груды глинобитных строений.

Долина р. Нура в древности являлась одним из обжитых мест Центрального Казахстана. Здесь сохранились памятники разных эпох. Вместе с другими крупными комплексами, расположенными вокруг Караганды, могильник Дандыбай составляет важное звено среди памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана.

В комплексе преобладают памятники андроновской культуры, однако в южной части могильника, у самого края пойменной террасы, распо-

ложена обособленная группа каменных оградок, отличающихся от андроновских квадратной формой и большей величиной. Группа исследована М. П. Грязновым и другими в 1933 г.¹⁰⁵

При раскопке комплекса Дандыбай интересные результаты дала ограда 11. Ее устройство полностью совпадает с конструкцией других погребальных сооружений эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана, в частности Бегазы, Бугулы III, Сангру I, III, Аксу-Аюлы II. В плане ограда представляет собой двойной concentрический квадрат (рис. 80).

В самом центре квадрата находится погребальная камера. Внутренние стены ограды опу-

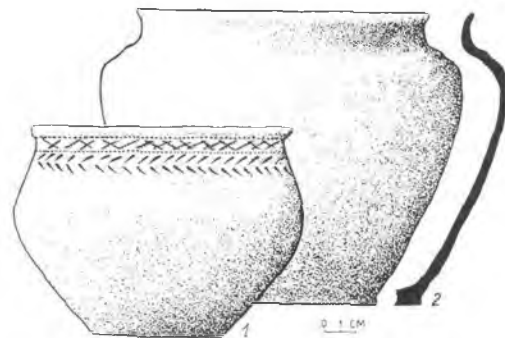

Рис. 79. Айбас-Дарасы. Керамика: 1 — сосуд 23; 2 — сосуд 27

щены в яму глубиной 1,2 м и облицованы кладкой из бутового камня в два ряда. Размеры внутренней стены 5,2х5,2 м, высота кладки до 2 м, толщина 0,8 м. Внешняя стена сложена из продолговатых камней, уложенных тычком в один ряд. Ее размеры 9х8 м, толщина кладки около 0,5 м, высота 0,7 м. Между внешней и внутренней стенами образован обходной коридор шириной около 3 м, причем он расположен выше внутренних стен. Судя по другим памятникам, коридор имел значение алтаря. Здесь совершался обряд поклонения огню и жертвоприношения в честь умершего.

На внутреннем квадрате держалась бревенчатая крыша в форме усеченной пирамиды. Она сохранилась фрагментарно. Лишь после тщательного изучения остатков крыши М. П. Грязнову удалось ее восстановить. Крыша сверху накрыта древесным материалом и кустарником, а затем засыпана землей в виде погребального холма. Высота внутреннего пространства от пола до потолка около 2 м. Такая конструкция с двойной мощной стеной и бревенчатой пирамидальной крышей совершенно неизвестна в культурах эпохи бронзы Сибири и Урала.

Могильник разграблен. Грабители проникли в камеру, проломив крышу в южной части сооружения. Скелет человека находился в полном беспорядке, череп отсутствовал. Гончарные сосуды и металлические вещи, не представлявшие для грабителей особого интереса, лежали в разных

концах погребальной камеры. На дне камеры прослежены остатки жертвенной пищи в виде костей барана и лошади. По определению В. И. Громовой, кости барана принадлежат крупной взрослой особи. Также как кости барана, обнаруженные в плиточных оградах Бегазы.

На дне камеры и в каменных развалах подобраны черепки 12 сосудов, два бронзовых наконечника стрел, каменное орудие миндалевидной формы, изготовленное техникой отжимной ретуши. По определению М. П. Грязнова, оно употреблялось для обработки (разминания) кожи¹⁰⁶.

Оба наконечника втульчатые, с нешироким пером, сильно окислены и деформированы. Прослежены и остатки древков, сделанных из камыша или тростника. Стрела соединялась с древком с помощью обрезка ветки кустарника, который одним концом вставлялся в стебель камыша, другим, заостренным — во втулку наконечника. Это была первая в свое время находка бронзовых стрел в памятниках эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана.

Исследованиями последнего времени установлено, что бронзовые втульчатые наконечники стрел были широко распространены в Центральном Казахстане в период средней и поздней бронзы. По форме они однотипны, почти стандартны. В большом количестве они найдены при раскопках групп Айшрак, Аксу-Аюлы, Кеншоки (в обрыве р. Нура)¹⁰⁷,

Балакулболды, Кокдомбак (Баянаульского

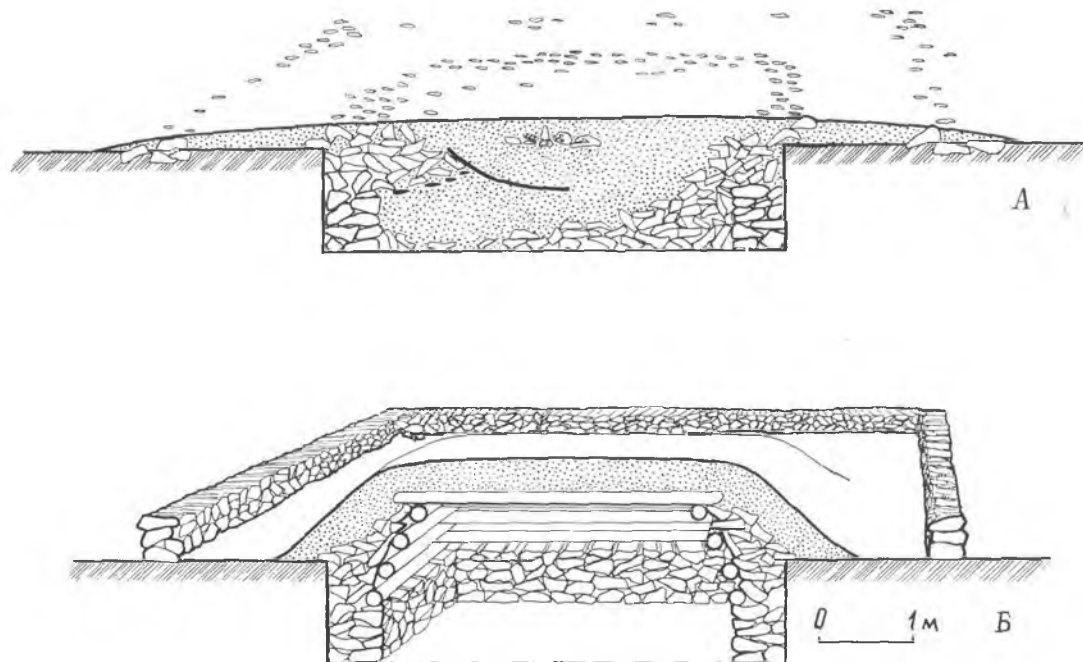

Рис. 80. План и разрез ограды 11 могильника Дандыбай

района), в Каркаралинских поселениях эпохи поздней бронзы и группе Ортау I¹⁰⁸.

Уникальный образец бронзового втульчатого наконечника стрелы с геометрическим орнаментом был найден в плиточной ограде Сангру III. Характерные черты бронзовых втульчатых наконечников Центрального Казахстана составляют их широкое перо, коническая втулка. Они различаются только размерами. Бронзовые втульчатые наконечники с шипом известны из Алеп-Аула¹⁰⁹, и плиточной ограды 2 Бегазы, но они являются лишь разновидностью втульчатых наконечников Центрального Казахстана и не составляют особого типа. К этой же группе относятся широкоперый с конической втулкой бронзовый наконечник стрелы из жертвенного места вблизи Алексеевского поселения¹¹⁰ и такой же наконечник из поселения Малая Красноярка Восточно-Казахстанской области¹¹¹.

Все они характерны для культуры бронзы Центрального Казахстана предбегазинского и бегазинского периодов.

Совершенно справедливо высказывание М. П. Грязнова о тождестве форм бронзовых втульчатых наконечников стрел и бронзовых наконечников копий. Это сходство особенно ярко выступает в памятниках высшего этапа развития культуры бронзы Центрального Казахстана предскифской эпохи. Так, бронзовый наконечник копья из плиточной ограды I Бегазы и Каркаралинских поселений совершенно сходен по форме с втульчатыми бронзовыми наконечниками стрел из Айшрака, Балакулболды и Жаман-Узена (Ортау II). Сравнительный анализ типологических материалов показывает, что форма бронзовых втульчатых наконечников стрел и копий, встречаемых в памятниках Центрального Казахстана, генетически восходит к типу кремневых наконечников стрел эпохи неолита и энеолита. Общеизвестно, что кремневые орудия существовали наряду с бронзовыми до самого конца бронзового века. Большое число кремневых наконечников стрел и копий, по форме сходных с бронзовыми наконечниками стрел, собрано в местах, прилегающих к р. Сарысу, и в Бетпакдале. Они хранятся в Карагандинском краеведческом и Джезказганском геологическом музеях. Прекрасные образцы кремневых наконечников стрел и копий встречены при раскопке Джезказганского и Каркаралинского поселений.

Очень своеобразен литой медный предмет в виде якоря с четырьмя лопастями. Его назначение пока не установлено. Он не имеет аналогов,

самобытен, вместе с другими подобными редкими предметами составляет особенность культуры Центрального Казахстана.

Найден также обломок медной проволоки, круглой в сечении. Длина сохранившейся части 26 мм. Судя по круглому сечению, это 1/4 стержня большой медной булавки с ложковидной головкой, круглым в сечении стержнем и длинным заостренным концом. Характерный образец такой булавки обнаружен в плиточной ограде 5 Бегазы. Не менее интересна роговая застежка в виде миниатюрного валика с закругленными концами и вырезом посередине для вставки ремня. Круглые концы валика снабжены резным зигзагообразным орнаментом, покрытым черной минеральной краской. Застежка представляет собой разновидность костяных застежек, широко распространенных в Центральном Казахстане в предскифское время. В андроновской культуре их еще не было. В предскифское время роговые и костяные застежки служили неотъемлемой частью верхней одежды. Они найдены в Алексеевском поселении, в плиточной ограде 2 Бегазы. Костяная пуговица эллипсоидной формы встречена в землянке 3 Шортандыбулакского поселения Карагандинской области. Все они не имеют аналогов в культуре бронзовой эпохи других районов. Особенно большое распространение костяных застежек наблюдается в период ранних кочевников и в более позднее время, когда этот предмет стал элементом не только верхней одежды, но и уздечного набора. Костяные застежки с петелькой бытовали у казахов и киргизов, заменяя им пуговицы, вплоть до конца XIX в.

В Дандыбае встречены две группы сосудов. Одна группа сохраняет андроновскую производственную традицию, основным признаком которой является ленточный способ лепки горшков и плоскодонность сосудов. Вторая группа отличается многообразием форм и орнаментаций, новой техникой формовки сосудов — выдавливанием стенок с целью придать глиняным сосудам изящную шаровидную форму. К первой группе из керамики ограды 11 относятся три сосуда средней емкости, почти однотипные.

Сосуд 10 горшковидный, со скошенными плечиками, венчик и шейка не выражены. Орнамент, занимающий верхнюю половину сосуда, выполнен ногтевыми оттисками, напоминающими крупное зерно пшеницы округлого очертания. На наружной поверхности сохранились следы заглаживания. Ареал распространения этого типа со-

судов довольно обширен: от Иртыша на востоке до Нарынских песков на западе, от Балхаша на юге до Петропавловска на севере. Впервые такой сосуд найден В. В. Радловым при раскопках в горах Калба Восточно-Казахстанской области¹¹².

Аналогичен по форме дандыбаевским горшкам тонкостенный нарядный сосуд, найденный в Западном Казахстане у оз. Сары-Айдин¹¹³.

Он весь покрыт сложным орнаментом, выполненным оттисками штампов в виде сплошных зигзагов и косых линий.

По нашим наблюдениям, сосуды со скошенными плечиками появляются в Центральном Казахстане к концу эпохи средней бронзы или в период позднего андрона и получают свое дальнейшее развитие в бегазы-дандыбаевское время. Ясное представление об этом дает керамика, найденная в могильниках Былкылдак I (ограда 9), Карасай, Темир-Астау¹¹⁴.

Нужно отметить, что в бегазы-дандыбаевское время скошенное плечо принимает форму острой грани, в основном в толстостенной, грубой керамике без орнамента. Наиболее яркие образцы этой керамики мы видим в комплексах Айдарлы¹¹⁵, Бегазы (плиточная ограда 6), в поселениях Малой Красноярки¹¹⁶ в Восточном Казахстане и из стоянок Западного Казахстана¹¹⁷.

Сосуд 11 плоскодонный, венчик его слегка отогнут наружу. Плечо плавно спускается к тулову. По форме он не отличается от горшков 10 и 12. Орнамент ногтевой, в виде больших треугольных фигур, опущенных вершинами вниз, занимает верхнюю половину сосуда.

Сосуд 12 в виде горшка с прямым венчиком, плоским дном и остро выступающими плечиками. Орнамент также выполнен ногтевыми оттисками и представляет собой треугольные фигуры, покрывающие корпус сосуда от венчика донизу. Все три сосуда отличаются простотой, значительной толщиной стенок, грубой орнаментацией. На поверхности местами сохранились следы заглаживания. По характеру они очень сходны с простой керамикой из Айдарлы.

Большую художественную ценность представляет вторая группа сосудов. Они сделаны более тщательно, со вкусом, очень нарядны, тонкостенны, по технике изготовления совершенно сходны. Все сосуды этой группы изготовлены из глины с примесью толченого камня и измельченного пирита. Обязательным для этой серии керамики является лощение поверхности как с наружной, так и с внутренней стороны.

Имеются сосуды с темно-серой и черной поверхностью с глянцевым блеском.

По исследованию М. П. Грязнова, темно-серые и черные цвета «получены преднамеренно пропитыванием их стенок органическими веществами, которые при обжиге на равномерном и умеренном огне обугливались, но не сгорали»¹¹⁸.

По нашему наблюдению, помимо пропитывания стенок сосудов органическими веществами, важную роль здесь играет замес глины на жирном молоке, с казеином, что при умеренном обжиге придает стенкам сосудов черный глянцевый цвет. Сосуды, изготовленные этой техникой, обнаружены нами в комплексах Бегазы, Бугулы III, Сангру I, III.

Керамика этой группы разнообразна по форме: кубки, чаши и кувшины (рис. 81).

Кубков два. Оба изящны, сходны по форме, размерам и орнаменту, расхождения незначительные. Венчик прямой, слабо отогнутый наружу. Их своеобразие составляет высокий конический поддон, сделанный налепом из отдельного куска глины. Орнамент выполнен мелкими оттисками гребенчатого штампа и состоит из спиральных линий, опоясывающих тулово сосуда в горизонтальном и наклонном (кубок 1) положении. На поддоне кубка 2 имеется оттиск тамги, очень похожей на тамгу «багана», бытовавшую у наймано-баганалинцев.

Кубки оригинальны, самобытны, не имеют аналогов. Их появление связано с широким развитием молочного скотоводства в Центральном Казахстане. Предназначались они только для питья, о чем говорят их объем и изящная форма.

Ко второму типу относятся три великолепные чаши. Они сходны по форме и величине, отличие только в орнаментации. Сосуд 3 вылеплен в форме небольшого горшка, имеющего шаровидную форму, высокую шейку и плоское дно. На свободной от орнамента поверхности следы лощения. В тесте примесь кварцевого песка и незначительного количества пирита. Дно уплощенное, неустойчивое. На внутренней поверхности сохранились остатки нагара. Орнамент двухъярусный, выполнен лопаточкой в виде елочки (по шейке) и зигзагов.

Сосуд 4 имеет шаровидную форму, уплощенное дно и слабо выраженный венчик. Внешняя поверхность темно-серая, местами с черными блестками. В тесте примесь толченого камня. Дно неустойчивое — нечто среднее между выпуклым и плоским. Орнамент выполнен сложным

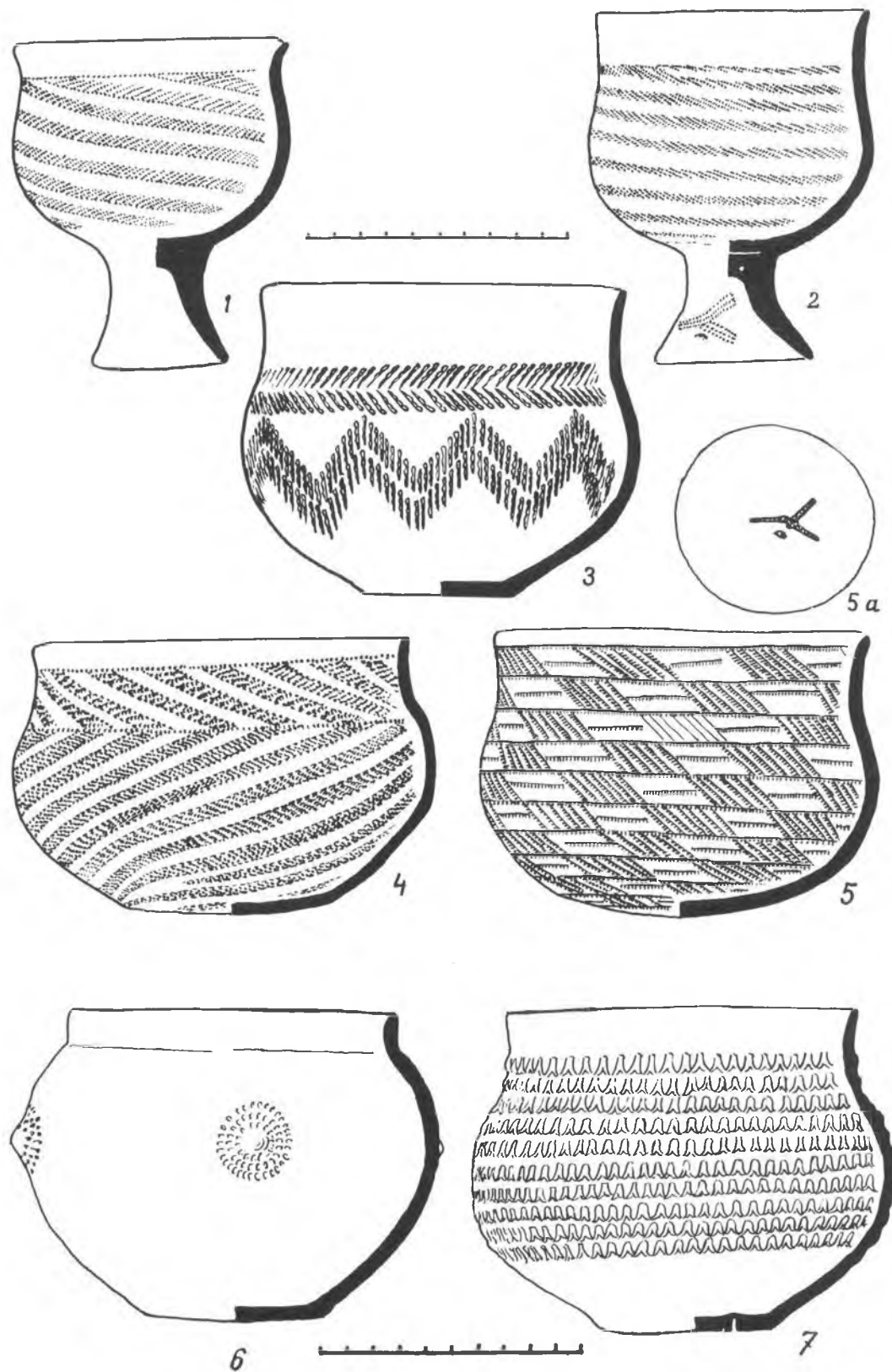

Рис. 81. Керамика Дандыбая

гребенчатым штампом, сначала проведен контур линии, который затем заполнен косой штриховкой, создающей форму ленты. Поверхность сосуда вылощена как снаружи, так и изнутри.

Сосуд 5 сходен с предыдущим: шаровидное тулово, выпуклое дно, прямой, слегка отогнутый наружу венчик. Формован из теста с примесью толченого камня и измельченного пирита. Орнамент нанесен гребенчатым штампом: контуры ромбических фигур, заполнены косой штриховкой. На дне сосуда после обжига на царापана тамга, такая же, как на кубке 2. Интересно, что изображение этой тамги в памятниках Центрального Казахстана встречается неоднократно. Ее мы видим на венчике сосуда из огады Сангру I, на горшке из поселения Узеней в Западном Казахстане¹¹⁹, на горшке 2 из огады 3 Былкылдак I. Все они относятся к предскифскому времени культуры Казахстана.

Чаши Дандыбая отличаются строгостью формы, изяществом, нарядностью рисунков, что свидетельствует о высоком уровне развития гончарного искусства в Центральном Казахстане в предскифское время. Большое число аналогичных изящных чаш, относящихся к эпохе поздней бронзы, найдено в комплексах Бегазы, Сангру I, Енбек, Суйгуш¹²⁰ (некрополь в Кентских горах Каркаралинского района), Егизек II, а также в карасукских погребениях Алтая¹²¹ и Минусинской котловины¹²². Однако самые близкие аналоги мы имеем в памятниках Центрального Казахстана.

Сосуд 6 сделан в форме низкого кувшина с шаровидным туловом, высоким горлом и уплощенным дном. Вылеплен из хорошего теста с примесью кварцевого песка и измельченного пирита. Сосуд тщательно полирован снаружи и меньше изнутри. Орнамент нанесен гребенчатым штампом и характерной для этой серии сосудов техникой: сначала вытеснен контур геометрических фигур, затем он заполнен косой штриховкой. Рисунок трехъярусный: по венчику идут сильно вытянутые косые треугольники, заштрихованные рядами коротких гребенчатых линий, по шейке — ряды прямоугольных фигур, заштрихованных тем же способом и, наконец, по тулову — сложный меандр, тщательно заштрихованный.

Сосуд 7 имеет форму низкого кувшина, шаровидное тулово, прямое горло и плоское дно. Поверхность черная, сохранились следы полировки как снаружи, так и внутри. В тесте примесь измельченного кварцевого песка и блесок пирита. Дно образовано налепом в виде тонкого кружка глины. Орнамент нанесен оттисками тонкой пластинки и представляет собой мелкую сетку, на фоне которой по шейке и тулову сделан двухъярусный ромбический рисунок.

Сосуд 8 выполнен в форме небольшой миски, с прямым венчиком, шаровидным туловом и уплощенным дном. На поверхности имеются следы полировки. В тесте незначительная примесь толченого камня. Орнамент в виде налеп-

Рис. 82. Былкылдак I Б. План большого ящика 3

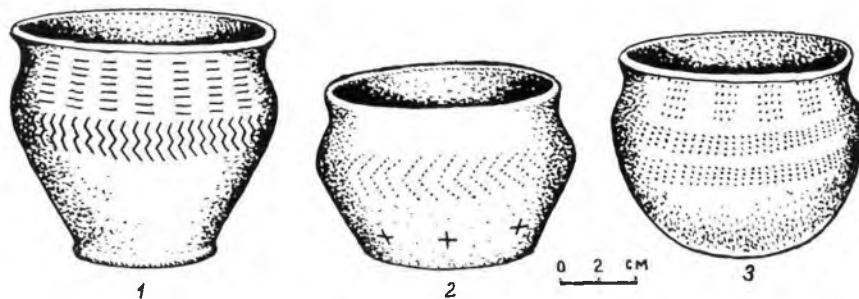

Рис. 83. Былкылдак I Б. Керамика из огады 3: 1 — сосуд 1; 2 — сосуд 3; 3 — сосуд 4

ных бугорков, напоминающих соски и обрамленных тремя рядами жирных точек, опоясывает тулово.

Сосуд 9 имеет форму небольшой миски, плоскодонный, с шаровидным туловом и красивым изгибом шейки. Венчик слегка отогнут наружу. На поверхности сохранились следы лощения. В тесте примесь измельченного кварцевого песка и блесков пирита. На дне пластинкой сделаны два глубоких вдавления в виде тамги. Орнамент представляет собой ряды ногтевых зацепов, от венчика до его нижних краев, гори-

зонтально опоясывающих тулово сосуда (16 рядов).

Несмотря на индивидуальные черты многих керамических изделий с берегов р. Нура, нетрудно убедиться, что по своей форме, технике лепки, приемам орнаментальной разработки и технике нанесения узоров посуда Дандыбая составляет единое целое с керамикой других памятников эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана и без сомнения представляет искусство одной школы мастеров-керамистов бегазы-дандыбаевского времени.

ПАМЯТНИКИ ПЕРЕХОДНОГО ЭТАПА ОТ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ К РАННЕМУ ЖЕЛЕЗУ (VIII—VII вв. до н. э.)

В Центральном Казахстане известна группа памятников, которая, сохраняя культурную традицию эпохи поздней бронзы, в то же время дает новые материалы, позволяющие судить о начале формирования культуры раннего железа. Наибольший интерес из них представляют группы Бугулы II, Айдарлы (на р. Атасу), Кент (Каркаралинские горы), Былкылдак I (подгруппа Б), поселения Тагибай-Булак (Баянаульского района), Суук-Булак (Каркаралы III) и др. Характерными особенностями этих комплексов являются упрощенный тип погребальных конструкций, огрубение керамических изделий, появление орудий труда и украшений, не свойственных развитому этапу поздней бронзы. Они отражают серьезные изменения, происшедшие в производственных отношениях и культуре общества бегазы-дандыбаевского времени на стадии его перехода к культуре раннего железа.

Былкылдак I (подгруппа Б)

В комплексах Былкылдак прослежены как древние, архаические, так и новые формы погребения (огады 3 и 7). Это говорит о том, что по-

гребальные сооружения группы Былкылдак относятся к истории нескольких поколений.

Огада 3 расположена в 2 м от огады 7 и вместе с ней составляет несколько обособленную группу на восточном краю большого андроновского комплекса. Она представляет собой неправильный круг, диаметр которого с запада на восток — 4 м, с юга на север — 3,7 м. В центре находится прямоугольный каменный ящик, ориентированный продольной осью с запада на восток (рис. 82).

Ящик составлен из отесанных плит гранита, плотно пригнанных друг к другу. Край ящика выступает наружу на 8—10 см. Он перекрыт большими гранитными плитами, концы которых несколько нависают. При расчистке ящика на глубине 0,4 м в северо-западном углу обнаружен целый горшок. Здесь же грудой лежали кости барана. В центре ящика, около грудной части человеческого костяка, найден раздавленный сосуд. В юго-западном углу ящика обнаружены третий, совершенно целый горшок круглой формы и фрагмент четвертого сосуда. Горшки огады 3 отличаются от андроновских сосудов формой и орнаментом.

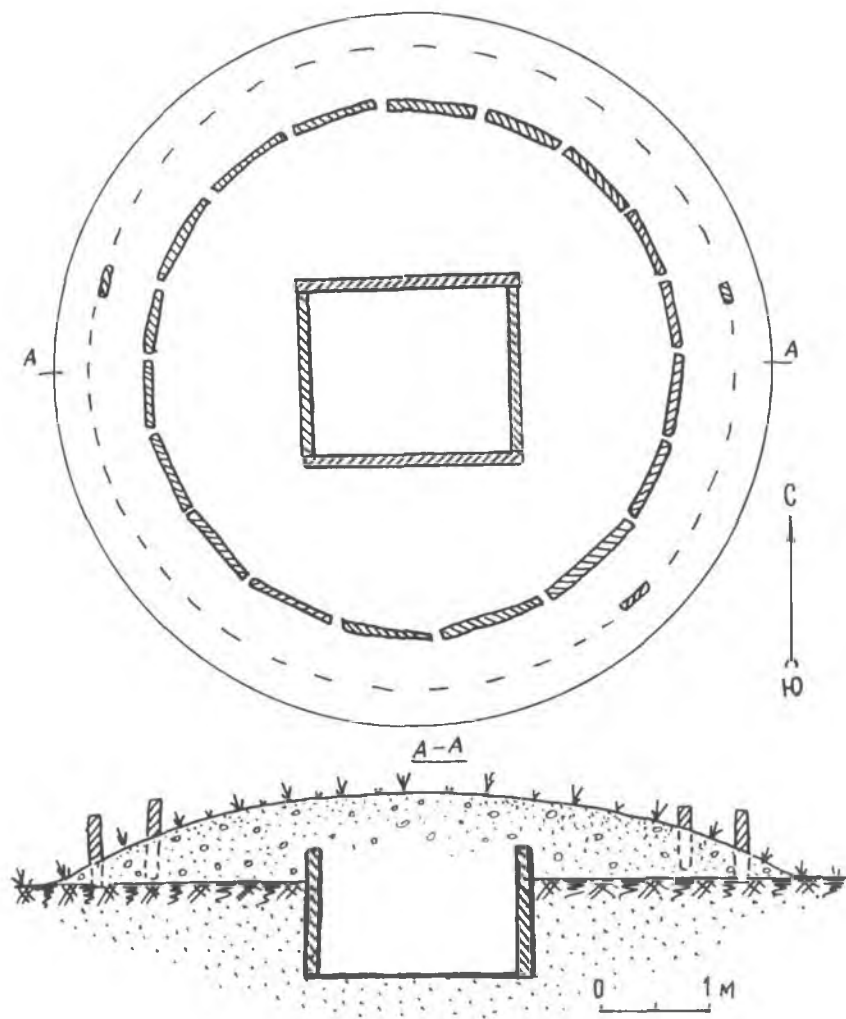

Рис. 84. Горы Кент. План и разрез кургана-ограды 1

Горшок 1 целый, плоскодонный, его венчик сильно отогнут наружу, шейка круто переходит в выступающее плечико, шаровидное тулово резко сужается книзу. Верхняя половина покрыта орнаментом из рядов насечек и елочек (рис. 83, 1).

Горшок сделан из глины с примесью песка, обжиг слабый, в изломе красновато-серого цвета. Лепка ручная, грубая, дно шероховатое и приплюснутое.

Сосуд 2 плоскодонный, вылеплен из красной глины с примесью песка, обжиг сравнительно хороший, в изломе красного цвета. Формовка грубая, неровная по всей поверхности. Венчик отогнут наружу, шейка имеет значительный изгиб. Тулово шаровидное, круто сужается ко дну. Сосуд без орнамента. От долгого пребывания в грунте внутренняя и внешняя поверхности покрыты слоем белого порошка, возможно ангобом.

Сосуд 3 плоскодонный, край венчика слегка отогнут наружу, шейка выгнута, плечо остро выступает (рис. 83, 2). Изготовлен из красной глины с небольшой примесью песка. Обжиг черный. По плечикам идет елочный орнамент, выполненный гребенчатым штампом в виде квадратных точек. В нижней части тулова имеются крестообразные тамги. Внутренняя поверхность сосуда покрыта ангобом сероватого цвета.

Сосуд 4 круглодонный, изготовлен ручной лепкой из красной глины со значительной примесью песка. Обжиг посредственный, в изломе пепельно-серого, местами розовато-красного цвета. Венчик отогнут наружу, шейка сильно изогнута и переходит в остро выступающее плечо (рис. 83, 3). Тулово сосуда ко дну принимает круглую форму, характерную для керамики более позднего времени. Как и на предыдущих

сосудах, внутренняя поверхность покрыта сероватым слоем, *наподобие ангоба*. Орнамент нанесен на верхнюю половину сосуда гребенчатым штампом в виде отвесных и горизонтальных насечек.

Ограда 7 отличается от андроновских памятников большим размером, двойным concentрическим обрамлением каменного ящика и обрядом погребения. Внешняя ограда составлена из крупных плит гранита, положенных плашмя, в виде неправильного круга или овала. Размер ее с запада на восток 5,8 м, с севера на юг 4,7 м. Внутренняя ограда сделана из крупных плит серого гранита, установленных на ребро. Края ее выступают из земли на 15–20 см, размер с запада на восток 3,8 м, с севера на юг 3,2 м.

В центре двойной ограды расположен большой (2,4х1,0 м) каменный ящик, ориентированный по линии запад-восток. Ящик перекрыт крупными плитами гранита квадратной формы размером 1,2х1,2х0,14 м. В его южной половине обнаружен, повернутый к северной стене лицом к жертвенной пище, полный скелет человека. Правая рука согнута в локте и протянута к жертвенной пище, левая вытянута вдоль ящика, левая нога слегка согнута в колене. В северо-западной части ящика, ближе к центру, против скелета человека, найден полный костяк барана, повернутого задними ногами на восток, голова отделена от туловища и находится около задних конечностей, лбом обращена к покойнику. У тазовой кости человека, поперек его левого бедра лежала баранья лопатка, повернутая широкими концами к бараньей голове. Как известно, баранья лопатка была атрибутом гадания у древних шаманов. Возможно, в ограде погребен шаман. Лопатка очень ветхая, пропитана розовато-бурой краской — имитация огня, сглажена местами до блеска.

Из других находок привлекают внимание фрагменты толстостенного сосуда с плоским дном, прямым венчиком, слегка отогнутым наружу. Сосуд без орнамента, сделан из грубого теста с примесью крупной дресвы, обжиг слабый, цвет в изломе черный. В центре ящика, у изголовья человека, между костяками человека и барана встречены две каменные терки. Одна маленькая из кальцита имеет округлую форму диаметром 4,5 см. От многократной работы пестиком ее донная часть сглажена. Вторая терка из мелкозернистого песчаника с закругленными краями, диаметр ее 9 см. От длительного применения ее дно стало тоньше, чем бока. На дне терки сохрани-

лись мелкие ямочки — следы от заостренного инструмента.

Кент

В долинах и ущельях Кентских гор сосредоточено множество памятников эпохи поздней бронзы, сходных с Бегазы и вместе с ними составляющих единую культуру предскифского времени. Кентские горы находятся в 80–100 км к северу от Бегазы. Наиболее интересные памятники располагаются в урочищах Жанак, Бестамак, около центральной усадьбы совхоза им. Фрунзе, в верховьях р. Талды, в долинах р. Кзылкент (Кзылсу).

В самой глубине ущелья, по которому течет р. Кзылкент, около Кзылкентского дворца расположен большой комплекс Нарбас, состоящий из 26 квадратных каменных ящиков без внешних оградок. Ящики по форме и размерам сходны с каменными склепами без оград из групп Бугулы II и Курылыс. К сожалению, предметов материальной культуры в них не найдено.

Другая группа разновременных памятников, Енбек-Суйгуш расположена на правом берегу р. Кзылкент, у самого выхода ее из Кентского ущелья. Здесь три типа памятников. Первый тип — каменные круги без насыпи, расположенные в центре аула Енбек-Суйгуш. Они относятся к андроновской культуре Центрального Казахстана. Второй тип памятников имеет вид курганов с двойной кольцевой оградой по насыпи (рис. 84), подобных памятникам Айшрак, Мыржык-Жартас на р. Атасу, Ортау, Аксу-Аюлы, Байбала, Бесоба, Карашоки, Аккойтас и др. Они относятся к высшему этапу развития культуры эпохи средней бронзы и являются непосредственными предшественниками Бегазы-Дандыбая. Третий тип памятников — каменные ящики подквадратной формы, очень крупных размеров и без оград — встречаются в Центральном Казахстане в бегазы-дандыбаевское время. Наиболее крупные из них находятся в урочищах Нарбас (горы Кент), Айдарлы, Дарат (р. Атасу), Бугулы II, Курылыс (р. Нуртай), Эскене (р. Казангап). В комплексе Енбек-Суйгуш насчитывается около десяти ящиков третьего типа, из них три исследованы Л. Ф. Семеновым.

Ящик 2 подквадратной формы, ориентированный длинной осью по линии ЗВ. Длина 1,69 м, ширина 1,33 м, высота 1,3 м. Ящик и лежащий в нем человеческий скелет сильно потревожены, керамика разбита. На дне ящика встречены обломки глиняных сосудов, один из них со следами

лощения. Очень характерны два фрагмента сосуда цилиндрической формы без шейки, с налипшим венчиком. Особый интерес представляет керамический предмет в форме тарелки, асимметричный, с широкими краями и нешироким глубоким дном. (Рис. 85, 1). Он сохранился на 3/4. Назначение этого предмета не совсем ясно. Судя по малой величине, это плошка блюдцеобразной формы, на которой помещался фитиль для освещения. Вероятно, она имела ручку (один бок сосуда отломлен). По форме она напоминает плошку, найденную в ограде 5 группы Беласар, «ковш» из лосиного рога с короткой ручкой, обнаруженный у ключа Муюлды (в Калбинских горах), и каменный светильник такой же круглой формы, найденный в районе Калбинских рудни-

ков. Сделаны эти плошки из разных материалов (камень, глина, кость) и служили, скорее всего, для освещения шахт, забоев, штолен. Немало их найдено в Джезказгане, Степняке и на других древних выработках Центрального и Северо-Восточного Казахстана. Судя по форме, кентская плошка более поздняя. Вообще все керамические сосуды этой группы более позднего происхождения, чем даже позднебегазинские. Материалы этой группы полностью совпадают с возникновением культуры сакского времени.

Ящик 4 сравнительно крупного размера: длина его 1,92 м, ширина 1,13 м, глубина 1,08 м; ориентирован длинной осью по линии ЗВ. На глубине 36 см у южной стенки ящика встречены череп и отдельные кости человека, у западной стенки об-

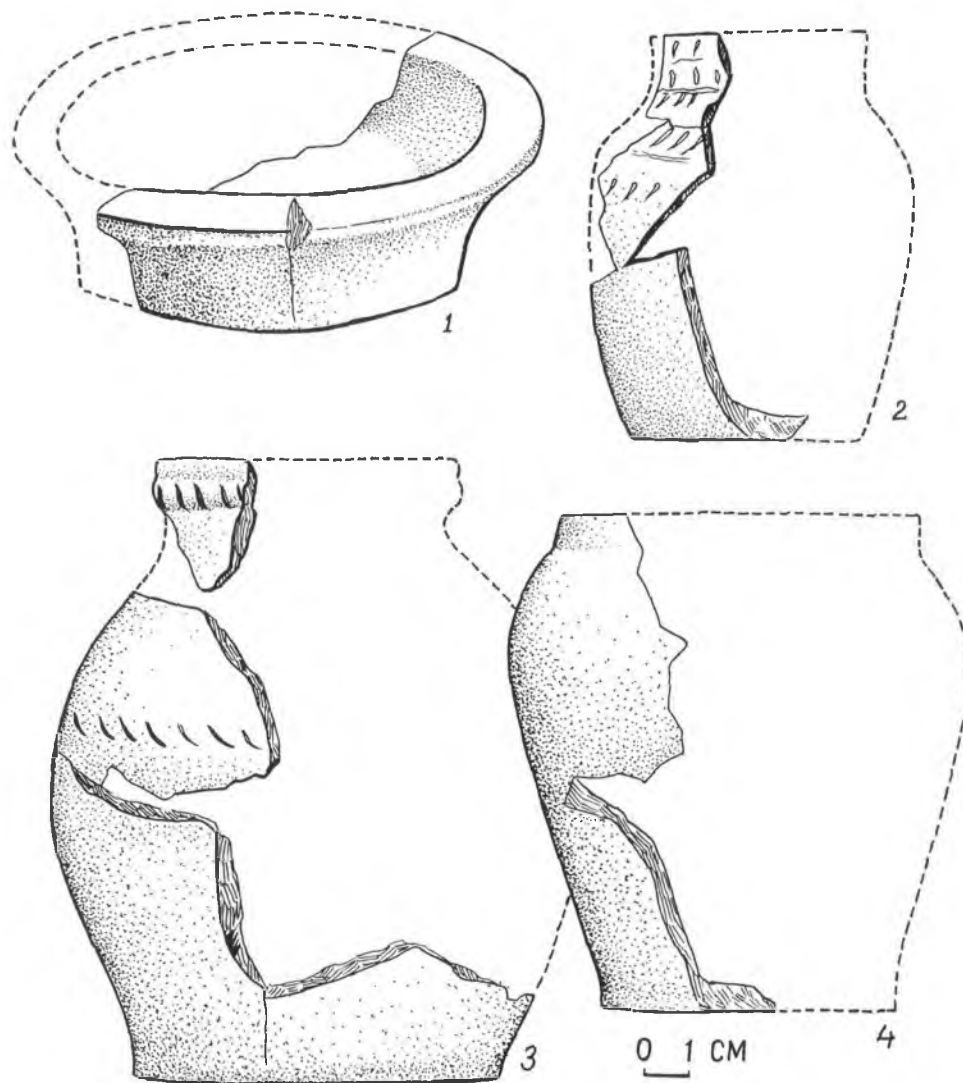

Рис. 85. Керамика из кургана-ограды горы Кент Каркаралинского р-на

наружены три неполных и один целый сосуды.

Сосуд 1 выполнен в форме чаши полусферической формы с сильно выраженной шейкой, отогнутым наружу венчиком и выпуклым дном (рис. 85, 2). Поверхность розоватая, со следами лощения. В тесте примесь мелкозернистого песка. Формован из кома глины способом выдавливания круглым шаблоном на мягкой подставке. Орнамент в виде рядов косых черточек и горизонтальных линий, создающих форму лент, опоясывает шейку и плечо сосуда. Аналог этой чаши имеется в керамике Бегазы-Дандыбая, в частности сосуд 1 из ограды 1 Сангру 1 и сосуды 4 и 5 Дандыбая. Однако кентская чаша отличается от них более приземистой формой, низким корпусом и сильно вздутыми боками. Судя по технике нанесения орнамента, она более поздняя и очень близка к круглым чашам большешереченской культуры, найденным в землянке 3 на Алтае и датируемым VII в. до н. э.¹²³.

Сосуд 3 сделан в форме кувшина с яйцевидным туловом, узким горлом, налепным венчиком и плоским дном (рис. 85, 3). Край венчика слегка отогнут наружу. Плечики выражены слабо. Диаметр дна больше диаметра горловины. Поверхность серая со следами лощения. Формован ленточным способом. Переход кольцевых лент от дна к стенкам хорошо прослеживается. Орнамент нанесен на налепной валик в виде с косых насечек. Другая линия насечек проведена ниже плечика. Такой формы сосуда нет в культурах эпохи бронзы. Лишь узкое горло говорит о его преемственной связи с керамикой Бегазы-Дандыбая. Он более похож на керамику скифского времени (VII в. до н. э.), в частности из курганов с «усами», но особенно на кувшины большешереченской культуры Алтая¹²⁴.

Сосуд 2 по форме сходный с предыдущим: с налепным венчиком, слегка отогнутым наружу, сравнительно узким горлом и плоским дном. На плечиках слабо заметен уступ, уже не свойственный этому времени. Поверхность темно-серая со следами лощения. Формован тем же способом, что и сосуд 3: налепом кольцевых лент на гладкой основе. Орнамент грубый, нанесен косыми насечками по налепному валику, шейке и тулову. Аналог этому сосуду имеется только в керамике из курганов с «усами»¹²⁵ и большешереченской культуры Алтая¹²⁶.

Сосуд 4 — вытянутой формы кувшин, с налепным венчиком, слабо скошенным плечом и плоским дном (рис. 85, 4). Поверхность темно-серая со следами лощения. Формован тем же спосо-

бом. Сосуд без орнамента. Аналоги этому сосуду имеются в Бугулы II, Айдарлы, в керамике раннескифского времени, в частности из курганов с «усами» и большешереченской культуры, датируемой VII в. до н. э.¹²⁷.

Ящик 5 почти такого же размера, как предыдущие: длина 2,0 м, ширина 1,05 м, глубина от верхнего края 1,07 м, глубина у западной стенки 1,26. При расчистке в юго-западном углу ящика обнаружен череп человека хорошей сохранности, но без нижней челюсти. У восточной стенки найден крупный фрагмент сосуда темного цвета. Ближе к северной стенке встречен целый сосуд, имеющий важное значение для датировки всей этой подгруппы. Сосуд имеет шаровидное тулово, слабо выраженную шейку и кольцевой поддон. Поверхность кирпичного цвета, с хорошей полировкой. В тесте примесь толченого камня. Формован разной техникой: кольцевой поддон вылеплен отдельно, на плоской подставке, а стенки шаровидного тулова — способом выдавливания из кома глины при помощи круглого булыжника. Сосуд украшен круглыми ямками черного цвета. В плиточном мавзолее 5 Бегазы обнаружен большой тонкостенный сосуд, украшенный такими же круглыми ямками, залитыми черной краской. Из Сангру I известна красная чаша с прекрасной полировкой, также украшенная ямками. Нахождение этого сосуда в группе материалов более позднего времени (VII в. до н. э.) свидетельствует о долгом бытовании керамики типа Бегазы.

Кентская керамика настолько своеобразна, что не имеет аналогов ни в керамике андрона, ни в керамике карасука. По своему характеру, форме, орнаменту и особенно технике изготовления она близка керамике раннесакского времени (VII в. до н. э.), в частности посуде из курганов большешереченской культуры Алтая. К сожалению, кроме керамики, не обнаружено ни одного предмета бытового обихода или украшения, которые могли бы дать более полное представление о кентском этапе древней культуры Центрального Казахстана. Лишь коллекция металлических изделий кентского этапа, вывезенная С. Б. Броневским и хранящаяся в Историческом музее, может дополнить наши представления о культуре этого этапа. Среди найденных С. Б. Броневским предметов были «золотые серьги, род женской гребенки из чистого золота очень хорошей работы. Поднято несколько медных обломков от конской сбруи и оружия, много разбитых узорчатых горшков из обыкновенной глины»¹²⁸. Некоторые из этих предметов (золотые серьги, узорчатые

горшки), несомненно, относятся к бегазы-дандыбаевскому времени. На основе анализа керамики можно заключить, что поздние памятники кентского некрополя совпадают с концом эпохи поздней бронзы и началом возникновения культуры раннескифского времени.

Таким образом, материалы памятников конца эпохи бронзы — начала железа дают ясное представление о смене древней производственной традиции, о начале образования новой культуры, характерной для раннего железа. Для керамики памятников переходного периода от бронзы к железу, к которому относятся комплексы Айдарлы, Былкылдак I (подгруппа Б), Кент, Сангру I (подгруппа раннего железа), поселения Тагибай-Булак, Кульман и другие, характерны грубые, упрощенные формы, отсутствие тщательности в изготовлении, часто отсутствие орнамента. Отсюда ясно, что керамика конца бронзовой эпохи — начала эпохи железа приобретает деградированные формы, свойственные керамике раннесакского времени, найденной в курганах Центрального Казахстана (тасмолинская культура) и Нижней Сырдарьи¹²⁹. В памятниках поздней бронзы, бегазы-дандыбаевского времени сосудов без орнамента множество, такие сосуды были удобны в обиходе. Но вместе с тем мы находим много великолепных, изящных сосудов с роскошным орнаментом, подлинных шедевров гончарного искусства.

Начало сложения культуры раннего железа, в то же время еще сохраняющей пережиточные формы старой бегазы-дандыбаевской культуры, отражают и курганы-ограды в группе Сангру I, в горах

Жаксы-Кызылтау, на территории совхоза им. Орджоникидзе Шетского района. Они близки к памятникам бегазы-дандыбаевского времени, однако керамика этих оград груба, бесцветна, напоминает керамику Айдарлы. Курганы-ограды Сангру I, расположенные несколько обособленно в восточной части основного комплекса, несомненно, самые поздние в этой группе.

О начале выплавки железа в это время говорят железные шлаки, груды железной руды, слитки железа, обнаруженные в культурных слоях поселений Суук-Булак (Каркаралы III), Тагибай-Булак, Шортанды-Булак, а также в штольне древнего рудника Саяк. Кроме того, найдены первые железные предметы и орудия, например, в культурном слое жилища 21 поселения Шортанды-Булак, в поселении Кульман. Материалы памятников Центрального Казахстана конца эпохи бронзы дают совершенно конкретные сведения о появлении здесь железа в III—II вв. до н. э., что подтверждено спектральным анализом значительного количества находок.

Дальнейшее развитие и полное становление культуры раннего железа в Центральном Казахстане прослеживается в классических памятниках Жамбай-Карасу (Толагай), Тасмола (I, V, VI), Карамурун (I), Нурмамбет (I, II, IV) и т. д. Среди них особо выделяется группа Жамбай-Карасу, памятники которой представляют собой большие ящики из гранитных плит, поставленных на ребро, без внешних оградок. Несомненно, эти ящики многогранной формы хорошо сохраняют строительные традиции прошлой эпохи.

- ¹ Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение, с. 153; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 99, 103–104, 143.
- ² Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 143.
- ³ Черников С. С. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949, с. 69; Он же. Восточный Казахстан в эпоху бронзы.— МИА, 1960, № 88, с. 104, 117.
- ⁴ Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, с. 99–101.
- ⁵ Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане, с. 162.
- ⁶ Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, с. 70.
- ⁷ Там же, с. 85.
- ⁸ ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 663, 2897; Воинов В. Л. Народный киргизский праздник по случаю прибытия в Сибирь великого князя Владимира Александровича.— СЛ, 1868, № 24.
- ⁹ Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы.— ТИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1958, табл. X, 1–7.
- ¹⁰ Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа, с. 161; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 122.
- ¹¹ Kartgren B. Some weapons and Tools from the yin Dynasty.— BMFEA, 17. Stockholm, 1945, p. 112–113; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 124–127, 143–146, 162, 166–168, 170–172.
- ¹² Anderson J. Hunting Magic in the Animal Styl.— BMFEA, 4, Stockholm, 1932.
- ¹³ Loehr M. Chinese Brone Age Weapons. Univercity Michigan. London, 1956, p. 83.
- ¹⁴ Watson. W. China before the Han Dinasty. London, 1961, p. 88.
- ¹⁵ Членова Н. Л. Карасукская культура.— В кн.: История Сибири. Т. 1. Улан-Удэ, 1964, с. 7.
- ¹⁶ Волков В. В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор. 1967, с. 33; Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема, с. 23–26.
- ¹⁷ Васильев Л. С. О роли внешних влияний в возникновении китайской цивилизации.— НАА, М., 1964, № 2.
- ¹⁸ Ghirschman R. Notes iraniennes IV. Le tresor de Sakkez, les origines de l'art Mede et les bronzes du Luristan.— «Artibus Asiae», vol. XIII, Ascona, 1950; Он же. Notes iraniennes VIII. Le dieu Zurvan sur ee bronzes du Luristan.— «Artibus Asiae», vol. XXI, Ascona, 1958; Он же. Persia from the origins to Alexander the Great. London, 1964; Porada J. Jran ancien. L'art a l'epoque preislamique. Paris, 1963, p. 129–130; Dyson. Ninth Century Men in Westen Jran.— «Archalogy», vol. 17; New Jork, 1964, p. 8; Terrace E. L. Some Recent Tinds frau Norwest Persia.— «Syria», Paris, 1962, t. 39, p. 214, 215. Calmeyer. P. Altiranische Bronzen Sammlung Brockelschen. Berlin, 1964.
- ¹⁹ Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, с. 40.
- ²⁰ Terrace E. L. Some Recent Tinds frau Norwest Persia, p. 214, 215.
- ²¹ Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане, с. 129–131; 157–162; Он же. История древних племен Верхней Оби, с. 26, 36–43; Грязнов М. П., Комарова М. Н. Карасукский могильник Кюргенер; — В кн.: Археологические открытия 1966 г. М., 1967, с. 137–138; Комарова М. Н. Относительная хронология памятников андроновской культуры.— Археологический сборник», ГЭ, 1962, № 5, с. 62–75; История Сибири. Т. 1. 1968, гл. IV, § 4; Дуже Х. Вопросы периодизации эпохи поздней бронзы в степях Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1970; Рахимов С. Памятники андроновской культуры в степях Среднего Енисея. Автореф. на соиск, учен. степени канд. истор. наук Л., 1966; Пяткин П. Н. Датировка карасукских изогнутых ножей. Кемерово, 1967.
- ²² Архив ЛОИА, ф. 172.
- ²³ Грязнов М. П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири.— КСИЭ, 1965, № 24, с. 22–23; Он же. Степные скотоводческие племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы. Л., 1968, с. 180–181.
- ²⁴ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 127, 138.
- ²⁵ Loehr M. Ordos Daggers and Knives.— «Artibus Asiae», vol. 14. 1–2, 1951, p. 142; Anderson G. Hunting Magic in the Animal Styl, p. 224.
- ²⁶ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 158.
- ²⁷ Грязнов М. П. Казахстанский очаг бронзовой культуры.— В кн.: Казахи. Л., 1930, с. 162.
- ²⁸ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 158.
- ²⁹ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, с. 204–205.
- ³⁰ Археологические работы Академии наук на новостройках.— «Известия ГИИМК», вып. 110, 1935, с. 57, рис. 43.
- ³¹ Кызласов Л. Р., Маргулан А. Х. Плиточные ограды могильника Бегазы.
- ³² Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 158, прим. 4.
- ³³ Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане, с. 158.
- ³⁴ Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема, с. 24; Кузьмина Е. Е. Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы. КСИА, 1970, № 122, с. 46.
- ³⁵ Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958–1960 гг.— МХЭ, вып. 3. М., 1963, с. 12.
- ³⁶ Кызласов Л. Р., Маргулан А. Х. Плиточные ограды могильника Бегазы, с. 126.
- ³⁷ Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение, с. 82, рис. 13, 1, с. 109.
- ³⁸ Лесков А. Новые сокровища курганов Украины. Л., 1972, ил. 2.
- ³⁹ Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, с. 255, табл. XII, 1–2.
- ⁴⁰ Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа.— МИА. М., 1952, № 30, с. 166, табл. XXX, 1, 2.
- ⁴¹ Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение, с. 86, рис. 19; Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 214, табл. XXIII, с. 245, табл. XLIII, 1, 2; с. 232, табл. XXXIII, 15; с. 251, табл. XLVII, 1–8; с. 231, табл. XXXII, 1; Черников С. С. Восточный Казахстан, с. 221; табл. XXIV, 3–5; с. 242; табл. XXIX, 2; с. 267, табл. XXXVII, 6, 8.
- ⁴² Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 214, табл. XXIII, 6, 7; XLIII, 3; с. 251, табл. XLVIII, 6–8.
- ⁴³ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры, с. 291, табл. 41, 1, 2; с. 292, табл. 42, 11, с. 204–205.

- ⁴⁴ Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби, с. 30, рис. 6, 1, 7, 8, 9; табл. V, 26–32.
- ⁴⁵ Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, табл. X, 8.
- ⁴⁶ Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение, с. 138–139, рис. 61, 62.
- ⁴⁷ Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби, табл. VI, 4.
- ⁴⁸ Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А. Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958–1961 гг., с. 36–47; Грязнов М. П. Восточное Приаралье. — В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966, с. 234, рис. 51.
- ⁴⁹ См.: Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 315, рис. 6, 1–4; рис. 66, 59–61; рис. 31, 1–4; Акишев К. А. Памятники старины Северного Казахстана.—«Труды ИИАЭ», т. 7, табл. VI.
- ⁵⁰ Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби, табл. XVI, 3–4; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 299, табл. XXIX, 4; Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, табл. XVII, 12–13; Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение, с. 120, рис. 44, 1.
- ⁵¹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 299, табл. XXXI, 4; Грязнов М. П. История племен Верхней Оби, табл. XVII, 3–4; Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, табл. X, VII, 12–13.
- ⁵² Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, с. 225, табл. XXX, 1–4, 7; табл. IV, 1; Он же. Отчет о работе Восточно-Казахстанской экспедиции 1947 г.—«Известия АН КазССР. Серия археологическая».
- ⁵³ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 272, табл. LV.
- ⁵⁴ Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы, с. 251, табл. 5, 2–4.
- ⁵⁵ Кривцова-Гракова О. А. Садчиковское поселение, с. 166, рис. 16, 1.
- ⁵⁶ Педашенко Ф. Н. Об археологических находках в окрестностях Семипалатинска.—ЗСПО РГО; 1912, кн. 6, с. 52–53.
- ⁵⁷ Грязнов М. П. Археологическое исследование территории одного древнего поселка.—КСИИМК, вып. XI, 1951, рис. 29, 70, 71.
- ⁵⁸ Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби, с. 31, рис. 7, 28, 29, табл. XV.
- ⁵⁹ Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М., 1955, с. 55, рис. 2, 28.
- ⁶⁰ Кадырбаев М. К. Акмола — памятник андроновской культуры, с. 103, табл. III, 1.
- ⁶¹ См.: Материалы археологической комиссии, т. VIII. Спб., 1909, табл. XXVI, рис. 3; Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы.—МИА, М., 1960, № 93, рис. 43, 13, 14; Смирнов К. Ф. Археологическое исследование в Дагестане в 1948–1950 гг.—КСИИМК, XIV, 1952б с. 92, рис. 38, 5.
- ⁶² Джапаридзе О. М. Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии — КСИИМК, вып. 60. М., 1955, с. 26, рис. 3, 1–4.
- ⁶³ Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы, с. 96, рис. 27, 9; с. 94, рис. 43, 14.
- ⁶⁴ Грязнов М. П. История племен Верхней Оби, с. 30, рис. 6, 1, 7, 9; табл. V, 26–28, 32.
- ⁶⁵ Госэрмитаж, кол. 2409/26, 2408/82, 2411/3.
- ⁶⁶ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, табл. XVI, 8, 9, 14, 15.
- ⁶⁷ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 73–78, 190–196, 219–228.
- ⁶⁸ Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби, с. 31, 82; Он же. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане, с. 137, рис. 5, 4, 5; с. 139, рис. 17, 3, 4.
- ⁶⁹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, табл. XIII, рис. 3.
- ⁷⁰ Грязнов М. П. История племен Верхней Оби, табл. XXIX, рис. 8–10.
- ⁷¹ Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане, с. 140, рис. 8–9.
- ⁷² Грязнов М. П. История племен Верхней Оби, табл. XI, 3.
- ⁷³ Синицын И. В. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС.—КСИИМК, вып. 50, 1953, с. 80, рис. 33, 2; МИА, М., 1960, № 78, 140, рис. 50, 8, 9.
- ⁷⁴ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, табл. XXVII, 2; с. 153; табл. XV; с. 14.
- ⁷⁵ Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане, рис. 18, 2.
- ⁷⁶ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, табл. XXXI, 2; табл. XXXV, 1–2, 14; табл. XIV, 1–2, 5–6, 9; табл. I, 10, 11, 13, 14, 15; табл. XXXVII, 4; табл. XLII, 1, 3, 7, 10, 11, 14; табл. XLIV.
- ⁷⁷ Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби, табл. XIV, 3, 9; табл. XIX, 19, 27.
- ⁷⁸ Членова Н. Л. Карасукская культура, табл. 21, 1.
- ⁷⁹ Кузнецов-Красноярский М. П. Отчет о раскопках, произведенных в Минусинском уезде Енисейской губернии в 1884 г. Томск, 1907, табл. IV, 5.
- ⁸⁰ Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби, табл. III, 3.
- ⁸¹ Кибилов А., Кожемяко П. Н. Новые памятники эпохи бронзы.—«Труды ИИ АН КиргССР», вып. II Фрунзе, 1956, с. 41, рис. 5.
- ⁸² Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы, с. 271, табл. VIII, 17.
- ⁸³ Черников С. С. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции. 1948 г., с. 64–80.
- ⁸⁴ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, табл. VIII, XXIX, 9; Агеева Е. И., Максимов А. Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 г.—«Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 7. Алма-Ата, табл. I, 56, 57.
- ⁸⁵ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 314, рис. 5, 10; с. 332, рис. 26, 3; Грязнов М. П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников.—КСИИМК, вып. 61. 1966, рис. 4, 2; рис. 3, 8; Акишев К. А. Памятники старины Северного Казахстана.—«Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 7, с. 30, табл. VI.
- ⁸⁶ Синицын И. В. Археологические исследования в Западном Казахстане.—«Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 1, 1956, с. 91, рис. 2.
- ⁸⁷ Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане, с. 131.
- ⁸⁸ Там же. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане, с. 140, рис. 8, 6.
- ⁸⁹ Там же. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане, с. 140, рис. 8, 6.
- ⁹⁰ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, табл. X, 6–12; табл. XIII, 2–3, 12–13; табл. XVI, 2.
- ⁹¹ Грязнов М. П. К вопросу о культурах эпохи поздней

бронзы в Сибири, с. 35, рис. 10, 2—3; Он же. История древних племен Верхней Оби, с. 31, рис. 8. 1—2, табл. VI, 10.

⁹² Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, табл. IX, 1, 4, 6, 7.

⁹³ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, табл. X; Грязнов М. П., Пшеницына Н. М. Курганы IV—III вв. до н. э. на оз. Саргаш.—КСИИМК, вып. 107. М., 1966, рис. 19, 9.

⁹⁴ Грязнов М. П. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири рис. 10, 2—3; Он же. История древних племен Верхней Оби, табл. XIII, 1—2.

⁹⁵ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 281, табл. IX, 1, 4, 6, 7.

⁹⁶ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, табл. X, 5—12; табл. XIII, 1—3, 11—13, 16, 22—23; табл. XVI, 2—15.

⁹⁷ Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби, табл. V, 26—28, 31—32; табл. VI, 3, 4, 8, 9.

⁹⁸ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, табл. XIX, 4; табл. XX, 3.

⁹⁹ Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, с. 253, табл. X, 9.¹⁰⁰ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, табл. XVIII; XIX, 6—9; табл. XX, 3; табл. XVI, 21; табл. XIX, 1, 6, 11.

¹⁰⁰ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, табл. XVIII; XIX, 6—9; табл. XX, 3; табл. XVI, 21; табл. XIX, 1, 6, 11.

¹⁰¹ Кривцова-Гракова О. А. Садчиковское поселение, с. 189—193.

¹⁰² Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 97, рис. 31; с. 98, рис. 32; с. 133, рис. 52; с. 106, рис. 36; с. 109, рис. 39, с. 178, рис. 88; с. 180, рис. 89.

¹⁰³ Грязнов М. П. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири, рис. 10, 2, 3.

¹⁰⁴ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 154—159, рис. 69, 71—75.

¹⁰⁵ Рыков П. С. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда).—«Известия ГАИМК», вып. 110. М.—Л., 1935, с. 49; Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане, с. 129—162.

¹⁰⁶ Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане, с. 146.

¹⁰⁷ Хранятся в Карагандинском краеведческом музее, ф. 29, № 34—35.

¹⁰⁸ Хранятся в Карагандинском краеведческом музее, ф. 65. Каркаралы. 5, № 16; Агеева Е. Н., Максимова А. Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 г.—«Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 7, с. 57, табл. 1, 43.

¹⁰⁹ Археологические работы Академии на новостройках.—«Известия ГАИМК», вып. 110, 1935, с. 53, рис. 43.

¹¹⁰ Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение, с. 108, рис. 33, 1.

¹¹¹ Археологическая карта Казахстана, табл. IX, 143.

¹¹² Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы.—МИА, М.—Л., 1960, № 88, табл. III, 2.

¹¹³ Синицын И. В. Археологические исследования в Западном Казахстане.—«Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 1, с. 91, рис. 1.

¹¹⁴ Маргулан А. Х. Комплексы Былкылдак, с. 182—183, рис. 14, 1, 3; 15, 2, с. 195, рис. 21, 2, 22, 2.

¹¹⁵ Маргулан А. Х., Акишев В. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 186, табл. III, с. 188.

¹¹⁶ Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, с. 237, табл. X.

¹¹⁷ Сенигова Т. Н. Отчет о работе Западно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г.—«Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 1, 141, табл. II, 7.

¹¹⁸ Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане, с. 148.

¹¹⁹ Синицын И. В. Археологические исследования в Западном Казахстане, с. 91, рис. 2.

¹²⁰ Семенов Л. Ф. Отчет об археологических работах 1954 г.—Архив ИИАЭ, инв. № 346, л. 8.

¹²¹ Грязнов М. П. Древняя история племен Верхней Оби, с. 30, рис. 6, 2, 5; с. 31; рис. 7, 2.

¹²² Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 11, табл. X, 5—8, 10; с. 181, табл. XI, 1, 2.

¹²³ Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби, табл. XI, 2.

¹²⁴ Там же, табл. XIX, 17, 21, 24, 29; табл. XXIX, 1, 3, 11.

¹²⁵ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 303, рис. 61.

¹²⁶ Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби, табл. XXIX, 1, 3, 4.

¹²⁷ Там же, табл. XXIX, 11.

¹²⁸ Броневский С. Б. Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды. Спб., 1830, с. 250.

¹²⁹ Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи. М., 1973, табл. I, 1—4.

ГЛАВА 2

ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Племена, населявшие Центральный Казахстан в эпоху бронзы, жили оседло, селились в речных долинах и на равнинах предгорий, имели прочные жилища типа полужемлянок. Богатые пастбища в поймах рек, долинах и предгорьях давали возможность развивать пастушеское скотоводство, плодородные поймы — мотыжное земледелие. Часть племен специализировалась на добыче руды и выплавке из нее металла. Характерную особенность исторической топографии составляет то, что поселения поздней поры бронзовой эпохи нередко выходят за пределы речных долин и встречаются в самых отдаленных от речных бассейнов местностях. Это поселения Северной Бетпакадалы (Жеты-Конур, Талды-Конур, Мыйкайнар), поселения Джезказгана (Милюкудук, Соркудук, Айнаколь), Северного Прибалхашья (Акжал, Саяк, Кара-Унгур, Тесиктас). Водоснабжение здесь осуществлялось путем устройства многочисленных колодцев и водосборных бассейнов, остатки которых сохранились в поселениях Джезказгана (Милюкудук, Айнаколь, Соркудук) и Улутау¹.

При основании поселений древние скотоводы учитывали климатические условия, рельеф местности. Подобно казахским кыстау (зимовки), поселения бронзовой эпохи хорошо защищены грядой скалистых холмов, у подножия которых имелись обильные источники воды и богатые запасы топлива (поселения Атасу, Бугулы I, II, Шортанды-Булак, Суук-Булак, Каркаралы I, II и т. д.). Климатические условия Центрального Казахстана учитывались при размещении жилых и хозяйственных строений: в большинстве случаев они ориентированы продольной осью с запада и северо-запада на восток и юго-восток, т. е. в направлении господствующих ветров.

Поселения эпохи бронзы в Центральном Казахстане располагались густой сетью в Каркаралинской и Баянаульской степях, между озером Балхаш и Целиноградом, в долинах рек Токраун, Нура, Сарысу, Атасу, Ишим, Селеты, Шидерты, Тундук, Жарлы и их притоков Жабай, Терсаккан, Батпаксу, Шерубай-Нура, Талды-Нура, Акбастау, Казангап, Кусак, Бегазы, Женишке и т. д. Все они располагались в широких плодородных долинах, богатых водой и лугами. Особого внима-

ния заслуживают поселения древних рудокопов и металлургов: Милюкудук, Бестобе, Соркудук, Златоуст, Айнаколь, Бестобе, Жолымбет, Степняк, Ески-Журт, Жосалы, Тагибай-Булак, Суук-Булак, Каркаралы I, II, Мырзашоқы, Бугулы, Шортанды-Булак, Саргар в бассейне р. Ишим и т. д. Поселения бронзовой эпохи весьма сходны между собой, незначительные различия связаны с характером местного ландшафта, иногда бытом отдельных племен. По материалам раскопок видно, что в эпоху бронзы структура жилища определялась коллективной формой хозяйства и принципом родовой организации. Разросшиеся патриархальные семьи жили в то время под общей кровлей с общим очагом. Общими были хозяйственные постройки (кладовые, загоны для скота) (Атасу, Бугулы I). Группы жилых и хозяйственных сооружений располагались очень близко друг к другу. В поселениях насчитывалось от 15 (Жамбай-Карасу) до 80 строений (Бугулы I, II, Шортанды-Булак, Аккезен, Атасу, Суук-Булак). Жилые и хозяйственные постройки обычно располагались по кругу, внутри круга открытая площадка, где размещалось стадо (открытый газон). Так, шурфовка площадки для скота в Атасуском поселении обнаружила толстый слой (до 0,7 м) кизяка, свидетельствующий о длительном пребывании здесь крупного и мелкого рогатого скота. Планировка поселений напоминает планировку казахского кочевого стана (котан), огороженного рядами юрт. С целью охраны стада от ночного нападения хищников между юртами казахи натягивали арканы, полностью замыкая круг. Открытым загонем, несомненно, пользовались только в летнее время. Зимой скот содержали в специальных помещениях, расположенных возле жилых сооружений. Подобные крытые загоны прослежены и в древних поселениях Атасу, Бугулы I, II, Шортанды-Булак, Алексеевском. Возле жилища, в специально построенных тамбурах, а нередко и внутри жилых строений находились мастерские для плавки и обработки металла. Там же, вероятно, были гончарные мастерские. За чертой поселений, на холмах находились усыпальницы родовой общины и культовые сооружения. Структура жилища эпохи ранней бронзы обусловлена общинным строем патриар-

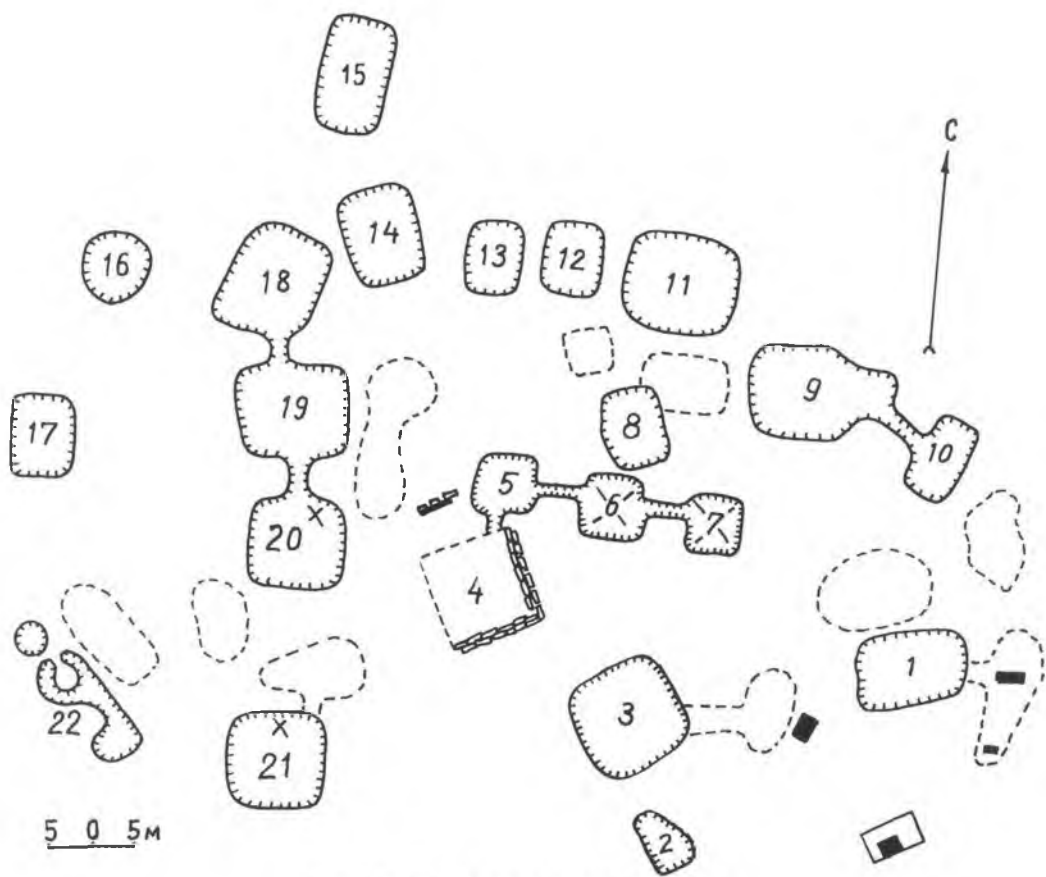

Рис. 85. План Атасуского поселения I

Рис. 86. Поселение Атасу. Скальные стены жилища 4

хально-родовой семьи, ведущей коллективное хозяйство. В конце бронзовой эпохи происходят глубокие изменения в жизни скотоводческих племен Центрального Казахстана и вместе с тем ощутимый прогресс в гончарном и строительном искусстве, прежде всего в постройке жилища. Человек стремится вынести свое жилище из подземелья, делаются первые попытки сооружения прочных наземных каменных жилищ (поселения Атасу, Бугулы I, II, Тагибай-Булак, Бегазы, Ортау). Появляются многокамерные жилые постройки, т. е. разделенные на ряд помещений, с отдельными очагами (Аккезен, Бугулы I, II, Ортау, Бесоба, Каратомар, Тагибай-Булак, Атасу, Суук-Булак и т. д.). Деление жилища осуществлялось путем устройства внутри каркасных столбов и возведения капитальной каменной стены (Атасу, Аккезен, Бугулы I, Каратомар, Тагибай-Булак и т. д.). Характерную особенность жилых и других сооружений составляет облицовка стен крупными плитами гранита и наличие подземного хода, соединяющего одно жилище с другим (Атасу, Шортанды-Булак). Подземные части зданий в эпоху поздней бронзы рылись уже острыми металлическими орудиями, дающими четкие геометрические линии прямых углов (Садчиковское поселение, Бегазы).

К сожалению, многие уникальные поселения эпохи бронзы Центрального Казахстана, открытые за последние 30 лет, полностью не исследованы. Продолжение раскопок в поселениях Атасу, Бугулы I, II, Аккезен (Бада), Шортанды-Булак, Тагибай-Булак, Меизек, Саяк обещает дать много новых интересных данных о культуре бронзы Центрального Казахстана.

Атасу I

Открыто в 1955 г. на р. Атасу, левого притока р. Сарысу, при впадении в нее ручья Мынбай-Сай. На площади около 5 га сохранились остатки почти 40 хозяйственных, жилых сооружений и мастерских (рис. 85).

Из 22 жилых построек исследовано пока всего 6: в 1955 г. раскопано жилище 4, в 1975 г. — 20, 21, в 1976 — 5, 6, 72.

Жилище 4 — одно из крупных, имеет прямоугольный план, ориентированный длинной осью с северо-запада на юго-восток. Расположенное в самом центре поселения, оно отличается оригинальной конструкцией. Стены жилища сложены из двух рядов огромных гранитных плит, поставленных на ребро, с забутовкой внутреннего пространства щебнем и галькой, смешанными с землей (рис. 86).

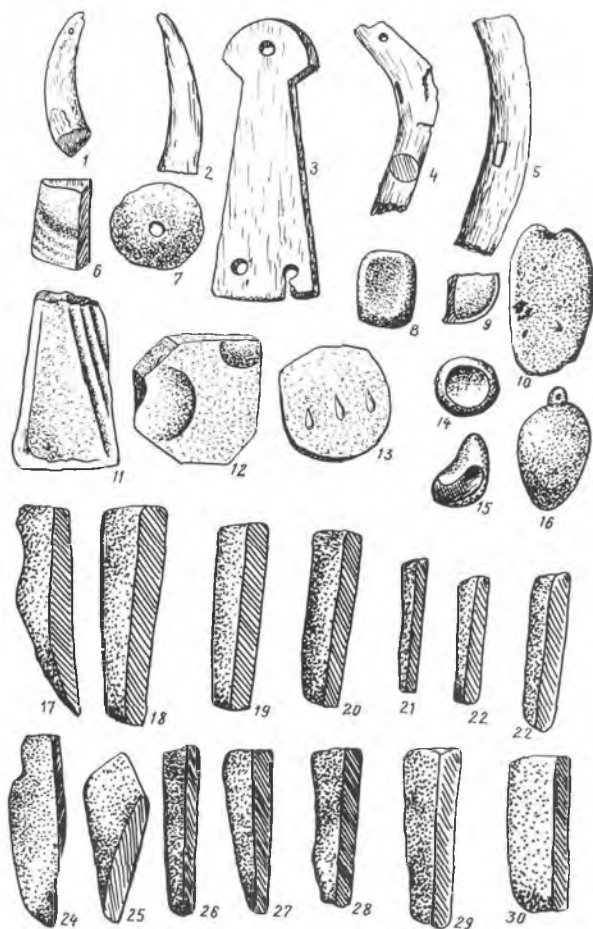

Рис. 87. Поселение Атасу. Находки из жилища 4: 1, 2 — зубы диких животных; 3, 4, 5 — псалии; 6, 11, 12, 13 — формы для литья; 7 — пряслице; 8—10, 14, 15, — тигельки; 16 — каменный шарик; 17—30 — ложила

Толщина стен до 1,5—2 м, площадь жилища 156 м² (13х12 м). Остатки подобных мощных стен из камня впоследствии встречены в жилищах поселений Бугулы I, II и Тагибай-Булак Баянаульского района.

В северо-восточном углу помещения обнаружены остатки большого каменного очага. Пол жилища состоял из двух слоёв: внизу слой крупного песка с глиной, сверху слой глины. В культурном слое найдено много каменных орудий, предназначенных для добычи и переработки руды: кайлы, мотыги, рудодробильные орудия типа пестов, молотков, ступки, терочники и др.

У очага и вдоль стены обнаружено значительное скопление медного шлака, медных слитков, обломки тиглей, льячек и форм для литья. Все это свидетельствует о том, что большой каменный очаг служил не только для обогрева жили-

Рис. 88. Поселение Атасу I. Костяные изделия из жилища 4

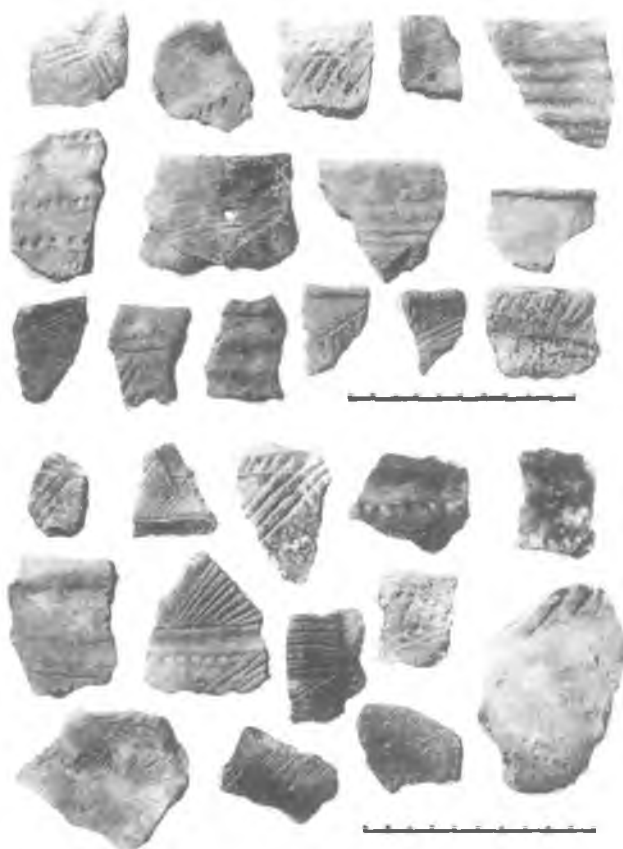

Рис. 89. Поселение Атасу I. Керамика из жилища 4

ща, но и для выплавки медной руды.

Из других находок обращают на себя внимание костяные изделия, в том числе проколки, обломки шильев, фрагменты украшения (рис. 88).

Впервые обнаружены разнообразные костяные псалии (рис. 87, 3, 4, 5). Среди громадного количества керамического материала имеются более ранние типы, представляющие собой пережиточную форму керамики атасуского этапа, но немало и керамики бегазинского времени (рис. 89).

Скопление костей домашних животных и прежде всего костей лошади и овцы говорит о том, что атасусцы уже были коневодами и овцеводами. Не случайно именно в Атасуском поселении впервые получен материал, свидетельствующий о верховой езде и всадничестве.

Ж и л и щ е 21 расположено в юго-западной части поселения, в плане имеет прямоугольную форму со скругленными углами (рис. 90), ориентировано длинной осью СВ—ЮЗ. Его длина 15 м, ширина 11 м. Это полужемлянка, основание которой углублено в землю на 40 см. Пол состоит из плотно утрамбованного грунта с сохранившимися в некоторых местах следами глиняной обмазки, как в жилище 4. Раскоп показал, следующую почвенную структуру жилища: гумусовый слой — 18 см, светлая комковатая супесь — 29 см, темная комковатая почва с примесью песка — 16 см, тем-

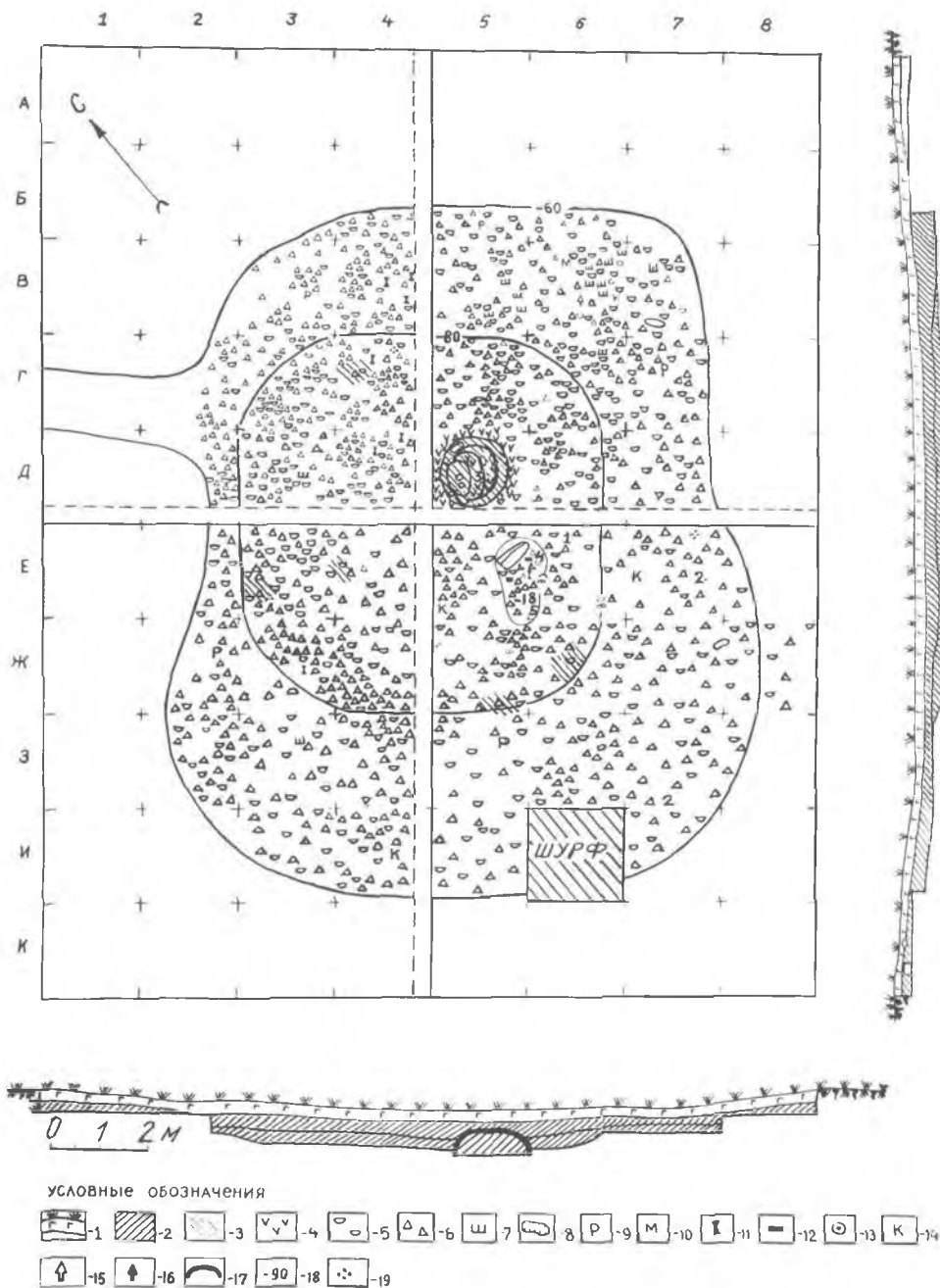

Рис. 90. Поселение Атасу. План и разрез культурного слоя жилища 21: 1 — гумус; 2— культурный слой; 3— глиняная обмазка; 4— зола, уголь, древесина; 5— керамика; 6— кости животных; 7— шлак медный; 8 — орудия каменные; 9— руда медная; 10 — медь; 11 — мотыги каменные; 12 — лопатки каменные; 13 — пряслице; 14 — шлак керамический; 15 — наконечники костяные; 16 — наконечники каменные; 17 — гончарная печь; 18 — отметки глубины; 19 — выкладка каменная

ный болотистый слой — 17 см. Светлая комковатая супесь и темная комковатая почва с примесью песка составляли культурный слой толщиной 45 см. Начиная с почвенного слоя, площадь раскопа усеяна костями животных (лошади, крупного рогатого скота, овцы, диких животных), фраг-

ментами глиняных сосудов, медным шлаком, ошлакованной медной рудой. Здесь же зафиксированы скопления древесной золы. Находки группировались главным образом за пределами темного контура полуземлянки, на глубине 40 см от поверхности⁴.

Рис. 91. Поселение Атасу I. Керамика из жилищ 20 и 21

От северной стенки землянки отходил коридор к мощному зольнику, находившемуся уже за пределами раскопа. Весь остальной инвентарь (керамика, каменные орудия, керамические пряслица и кружки) и кости животных найдены в заполнении полуземлянки, начиная с глубины 40 см.

Судя по характеру культурных отложений, здесь была мастерская по выплавке медной руды и обжигу гончарных изделий. В центральной части жилища прослежена западина круглой формы глубиной 20 см и диаметром 7 м. В

центре западины находилась разрушенная постройка куполообразной формы высотой около 40 см. В плане она представляла собой круг (диаметром 1,45 м), дно которого выстлано двумя крупными плоскими плитами гранита. На плитах глиняное возвышение — столик овальной формы размером 60x60 см. На поверхности этого столика находился раздавленный плоскодонный глиняный горшок. Внутри и вокруг ямы отмечены следы мощного прокала. По всем данным перед нами гончарная печь. Ее стены

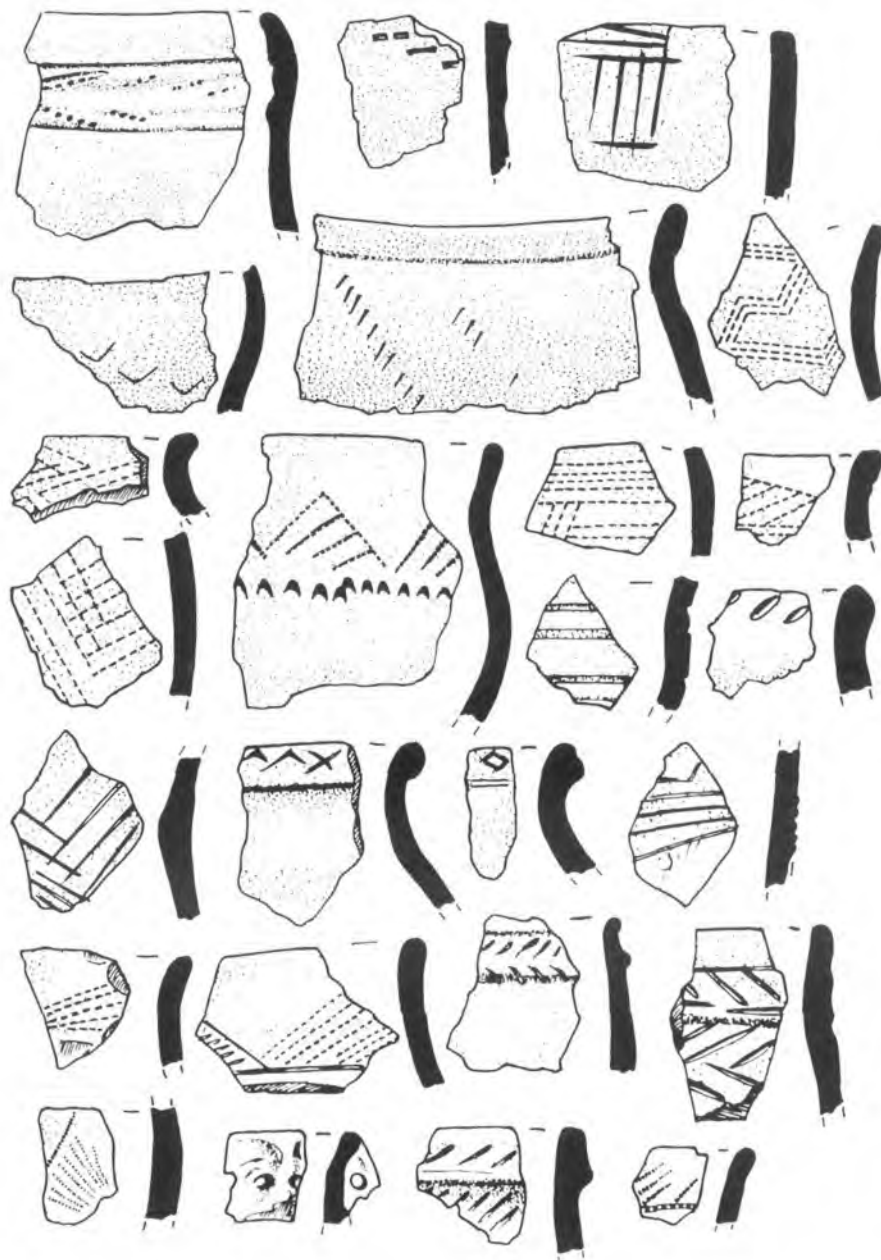

Рис. 91. Поселение Атасу I. Керамика из жилищ 20 и 21 (продолжение)

возводились из бутового камня средней величины на глиняном растворе.

В 1 м южнее ее расположена вторая грунтовая яма, в форме восьмерки глубиной 0,7 м. В заполнении ямы — кости животных, фрагменты керамики, два каменных лещила, два каменных песта, рудодробилка круглой формы, медные шлаки, сверху — мощный слой золы и древесного угля. Восточная стенка сохранила облицовку из каменной плиты. Вокруг ямы — следы сильного

прокала. Такие же следы заметны на камнях и отдельных костях животных. Наличие шлаков, мощный слой древесного угля и горные орудия говорят о том, что это остатки медеплавильной печи. Медеплавильные печи круглой и овальной формы, в виде восьмерки, обнаружены в значительном количестве в Джекказгане, в долине р. Терсаккан, около г. Каркаралинска и в Калбинских горах.

Керамика жилища очень разнообразна. Она

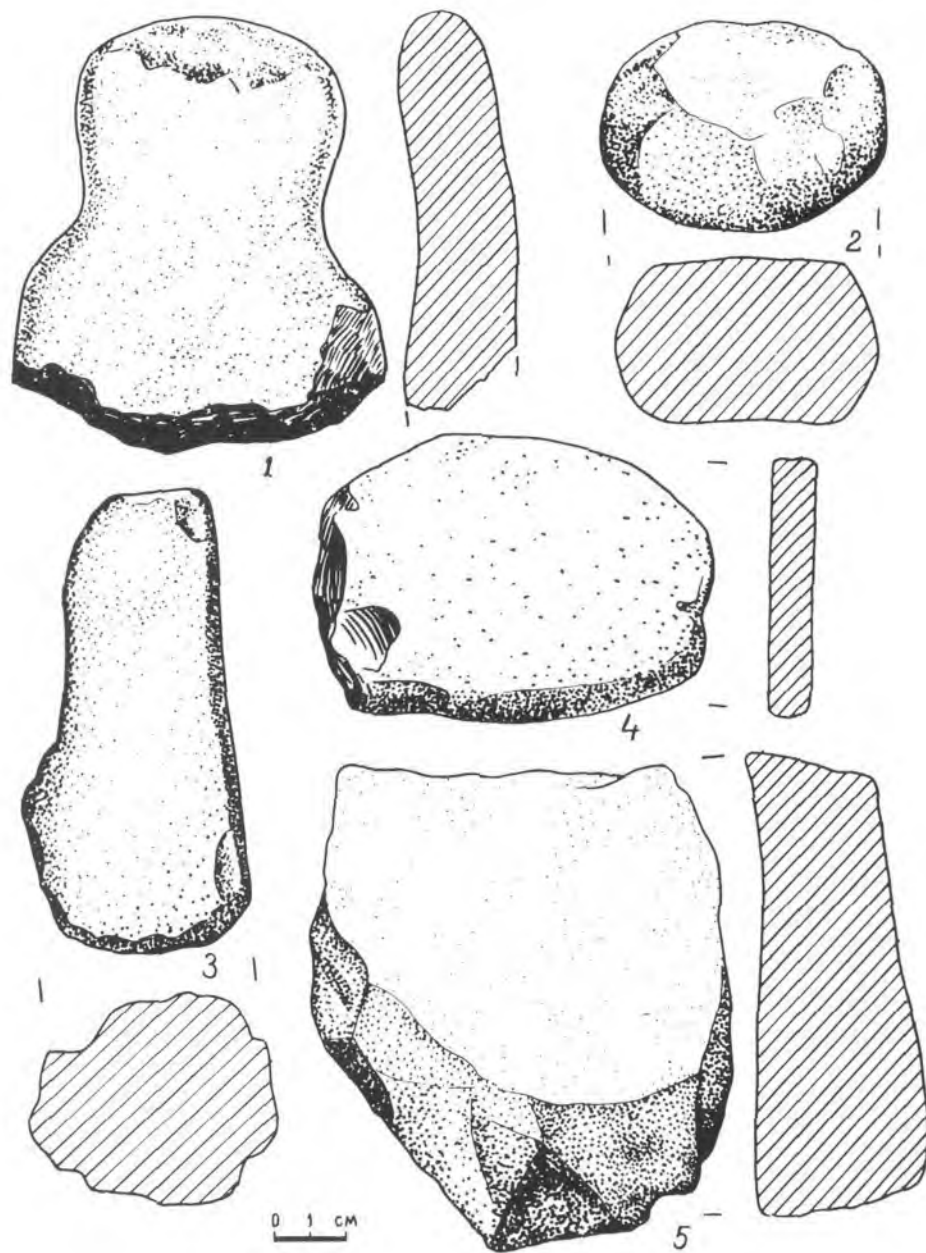

Рис. 92. Поселение Атасу I. Каменные орудия горного дела из жилища 20. 21

представлена кухонной и столовой посудой. В раскопе найдены венчики не менее чем 800 сосудов. Кухонная посуда в основном двух типов: толстостенные неорнаментированные котлообразные сосуды с прямым венчиком и так называемая валиковая керамика с выступающим на короткой шейке глиняным жгутом, нередко украшенным косыми или тамгообразными насечками. Столовая посуда представлена горшками баночной формы, сосудами с плавным профилем шейки и плечика и горшками с уступом в

верхней части тулова. Есть несколько миниатюрных плоскодонных сосудов. Зачастую горшки украшены косыми насечками в разных сочетаниях, прочерченным и штампованным орнаментом, причем гребенчатый штамп двух типов: крупнозубчатый и мелкая гребенка. Гребенчатый штамп в виде заштрихованных треугольников, ломаной ленты, елочки чаще всего встречается в комбинациях с подтреугольными и ногтевидными вдавлениями, каннелюрами из крупных полос. Если сопоставить керамику полузем-

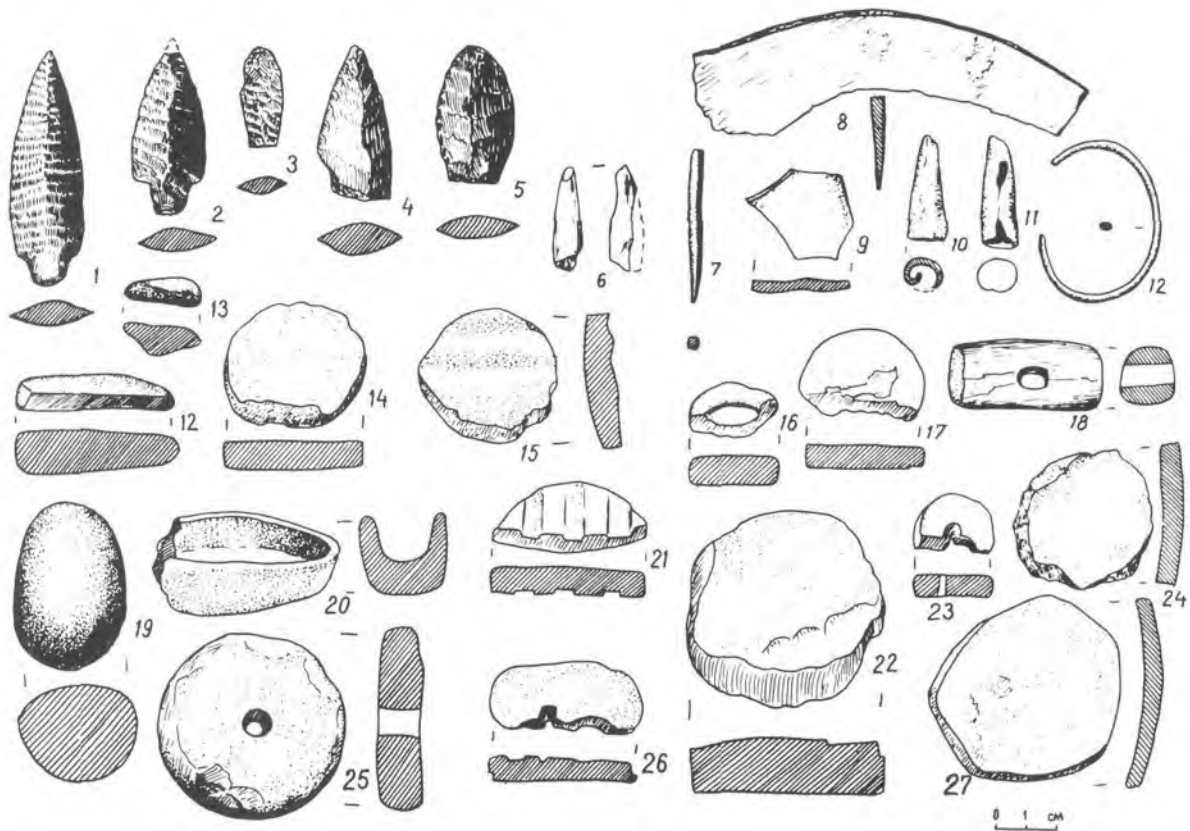

Рис. 93. Поселение Атасу I. Находки из жилищ 20, 21

лянки 21 с посудой нуринского (федоровского) и атасуского (алакульского) типов, то можно найти множество аналогов. Между тем никакого хронологического разрыва стратиграфия жилища не дает.

В керамике жилищ 20 и 21 преобладают сосуды, характерные для атасуского и переходного (раннебегазинского) этапов, с присущей им шаровидной формой, уступом в верхней части тулова и орнаментом, выполненным крупным гребенчатым штампом (рис. 91).

О зарождении керамики бегазинского типа в Атасуском поселении I говорит прежде всего наличие сосудов с наlepным венчиком воротничкового типа, сосудов с характерным наlepным валиком и косыми насечками на нем, X-образные знаки, елочки, треугольные и полуциркульные вдавления, короткие штампы крупной гребенки и т. д. К бегазинскому типу относятся сосуды с высокой цилиндрической горловиной, снабженные параллельными рядами широких и выразительных каннелюр или заштрихованной лентой, обломки тонкостенных сосудов с черным или красным лощением, с хорошим профилем, прямым высоким венчиком, слегка отогнутым нару-

жу, по основанию венчика ряды крупных полуциркульных или треугольных вдавлений. Эти элементы совершенно не свойственны андроновской керамике.

Находки из культурного слоя мастерских ясно разделяются на два производственных типа: остатки металлургического процесса и гончарного дела. С металлургией связаны прежде всего орудия для измельчения руды: прекрасно выточенные каменные песты и молотки с выемками для прикрепления к деревянной рукоятке (рис. 92). Размеры этих орудий варьируют в пределах 7,5x8,5x5,5—12x9x5 см. Кроме того, встречена серия каменных ступок и терок круглой, квадратной и прямоугольной форм (размеры 11x13x4, 11x8,5x4, 12x9x4 см), несколько обломков каменных мотыг и серия обработанных камней, в том числе окатанные гальки, использовавшиеся для измельчения руды (рис. 93).

Большая часть галек яйцевидной формы была найдена на дне жилища 4. Все эти орудия найдены на большой глубине — 80—90 см от нулевого репера. На этой же глубине обнаружены значительное скопление шлака (94 куски), куски руды, в том числе большой штуф, содержащий желе-

зо. Груды железной руды обнаружены также в ряде поселений эпохи бронзы Центрального Казахстана, в том числе в Суук-Булаке (Каркаралы III), Шортанды-Булаке и Тагибай-Булаке.

Здесь также находились куски бронзы, бронзовые дробинки, бронзовый браслет, кусок минерала зеленого цвета (азурит), обломки горного хрусталя, куски древесного угля. Это свидетельствует об обработке цветных камней, изделия из которых в виде бисера найдены неоднократно.

Вокруг гончарной печи обнаружена серия ке-

рамических изделий, в том числе форма для литья бронзовых стержней, пряслица из обожженной глины, кружки, служившие крышками глиняных сосудов. Последние сделаны из боковин отслужившей посуды, на некоторых даже сохранился орнамент. Вместе с керамикой найдены каменные ложила для полировки гончарных изделий, отщепы с ретушью — предмет из каменного века и массивные ножевидные пластинки. К редким находкам относится костяной псалий прямоугольной формы с квадратным отверстием посередине. Аналогичный псалий найден в жилище 4.

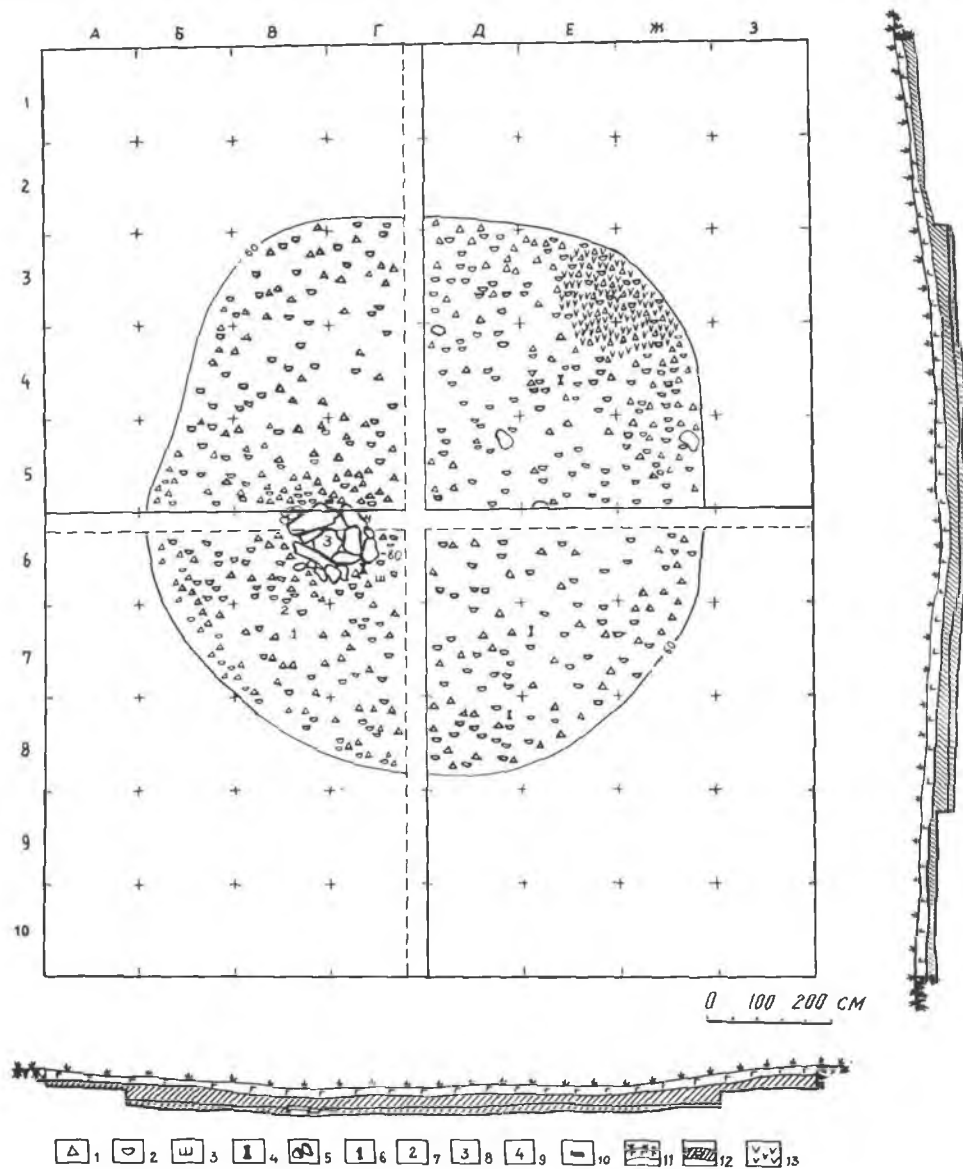

Рис. 94. Поселение Атасу.

План и разрез культурного слоя жилища 20: 1 — кости животных; 2 — керамика; 3 — шлак медный; 4 — мотыги каменные; 5 — камни; 6—9 — находки вещей; 10 — ложила каменные; 11 — гумус; 12 — культурный слой; 13 — зола, уголь древесный

Жилище 20 имеет в плане округлую форму, размеры его 12х11 м. Стратиграфия его аналогична стратиграфии жилища 21 (рис. 94).

Керамика, кости животных, шлак и зольники группировались вокруг жилища и лишь с глубины 40 см концентрировались в заполнении полуземлянки. Дно постройки утрамбовано. На полу, в северо-западной части, недалеко от центра обнаружен хорошо сохранившийся колодец круглой формы, глубиной 1,2 м. Сверху, примерно на две трети, колодец обложен плашмя положенными каменными плитами. Площадь вокруг устья колодца также выложена каменными плитами.

Находки из культурного слоя аналогичны на-

ходкам из мастерской 21: скопление шлаков (хотя несколько меньше, чем в предыдущем жилище), орудия для измельчения руды (каменные песты, терки), куски руды, древесного угля, медного купороса, обломки бронзы, керамическая льячка в виде ложки с высоким бортиком, керамическая литейная форма и др. (рис. 93, 16, 20, 21, 26).

Большой интерес представляют бронзовая проколка, бронзовый наконечник стрелы втульчатой формы с круглым сечением, и, особенно, массивный бронзовый серп с отбитыми концами типа косарей, свидетельствующий о наличии земледелия у атасуских племен эпохи бронзы (рис. 93, 7, 8, 10).

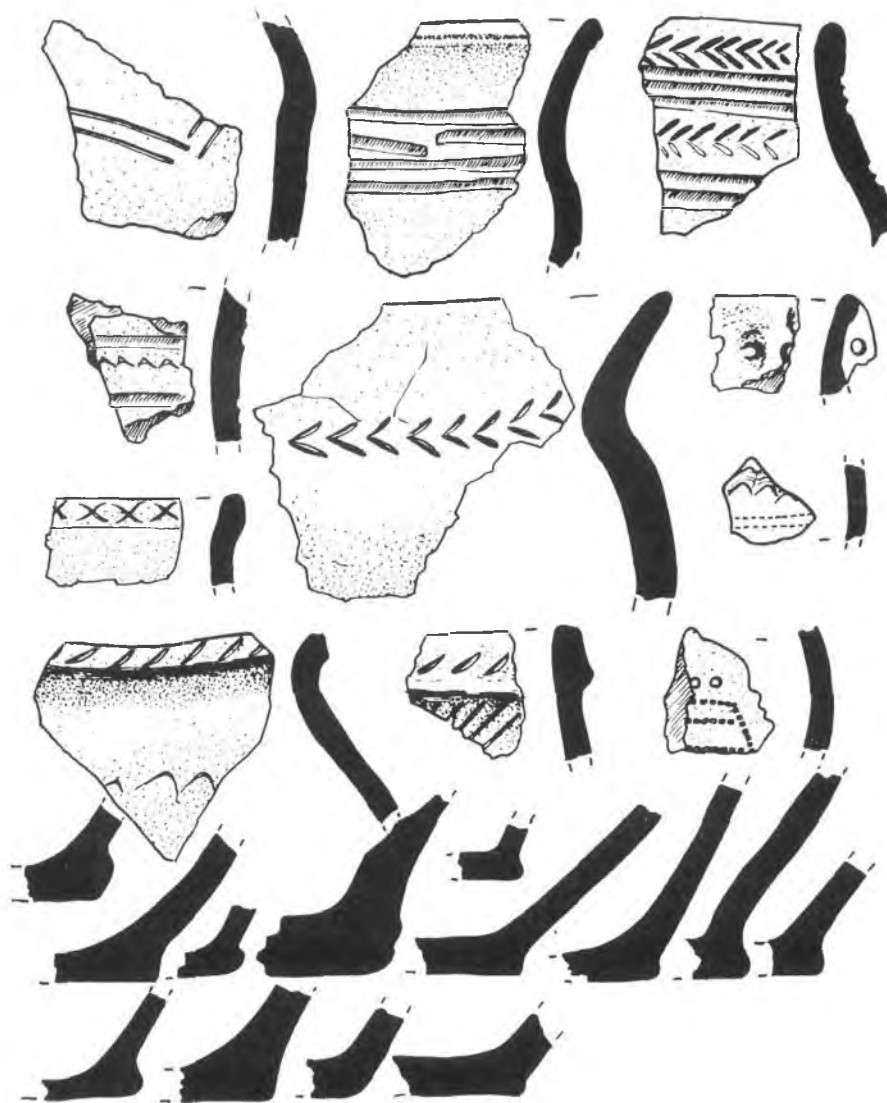

Рис. 95. Поселение Атасу I. Керамика из жилищ 20, 21

Здесь в большом количестве сохранились крупные фрагменты керамики (рис. 95) и среди них целый крупный сосуд с массивным, украшенным короткими насечками, венчиком, четко профилированной короткой шейкой, переходящей в шаровидное тулово, орнаментированное прочерченным вертикальным зигзагом. В культурном слое собраны обломки венчиков не менее чем 650 сосудов. Из других керамических изделий надо отметить кружки из боковины сосудов, керамические и каменные пряслица с отверстием посредине, служившие одними из

основных орудий обработки шерсти.

На дне мастерской встречено несколько кремневых, тщательно отретушированных наконечников стрел двух типов — с выступающим коротким черенком и без него (рис. 93, 1, 2, 3, 5). Несомненно, они сохранились как реликт, имевший больше ритуальное значение, чем хозяйственное. Единичные экземпляры таких же наконечников встречены при раскопках поселений Шортанды-Булак, Суук-Булак, Каркаралы II, Тагибай-Булак, датируемых поздним этапом бронзы.

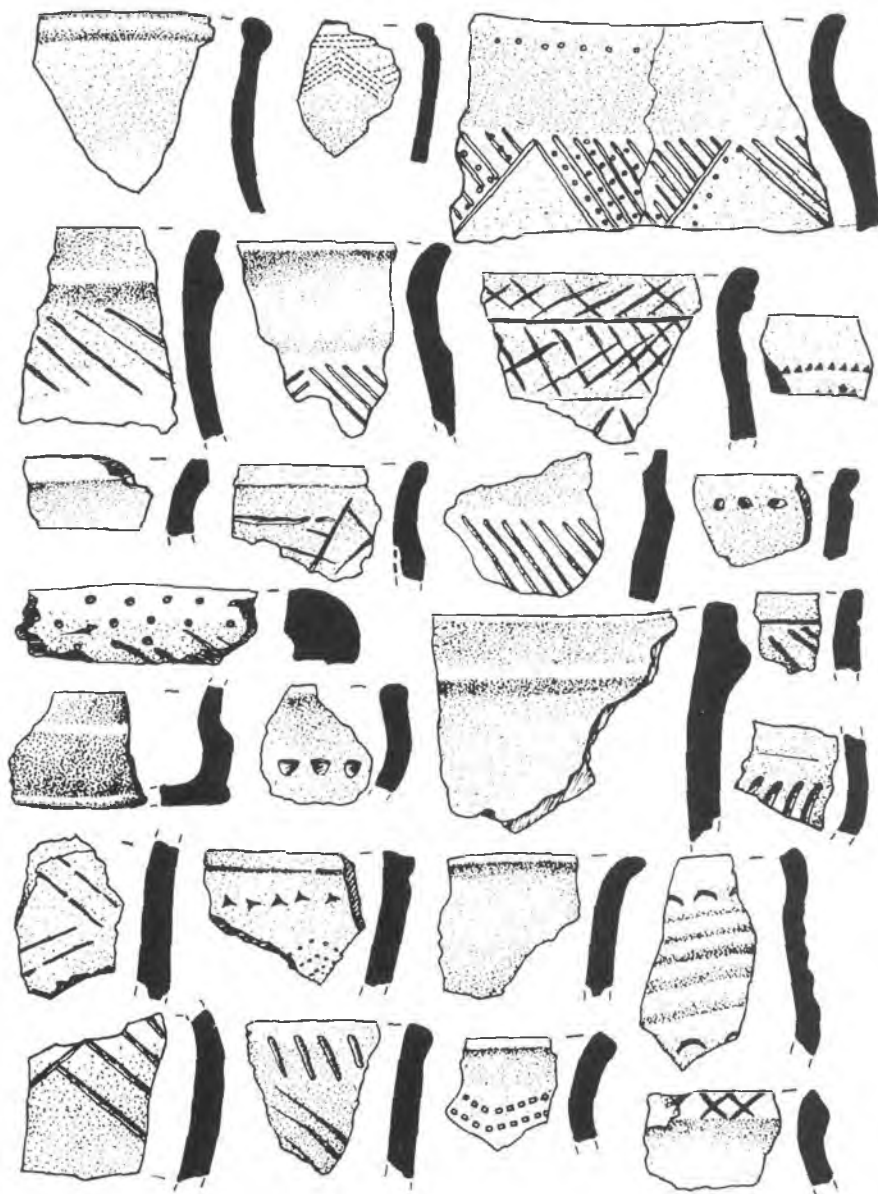

Рис. 95. Поселение Атасу I. Керамика из жилищ 20, 21 (продолжение)

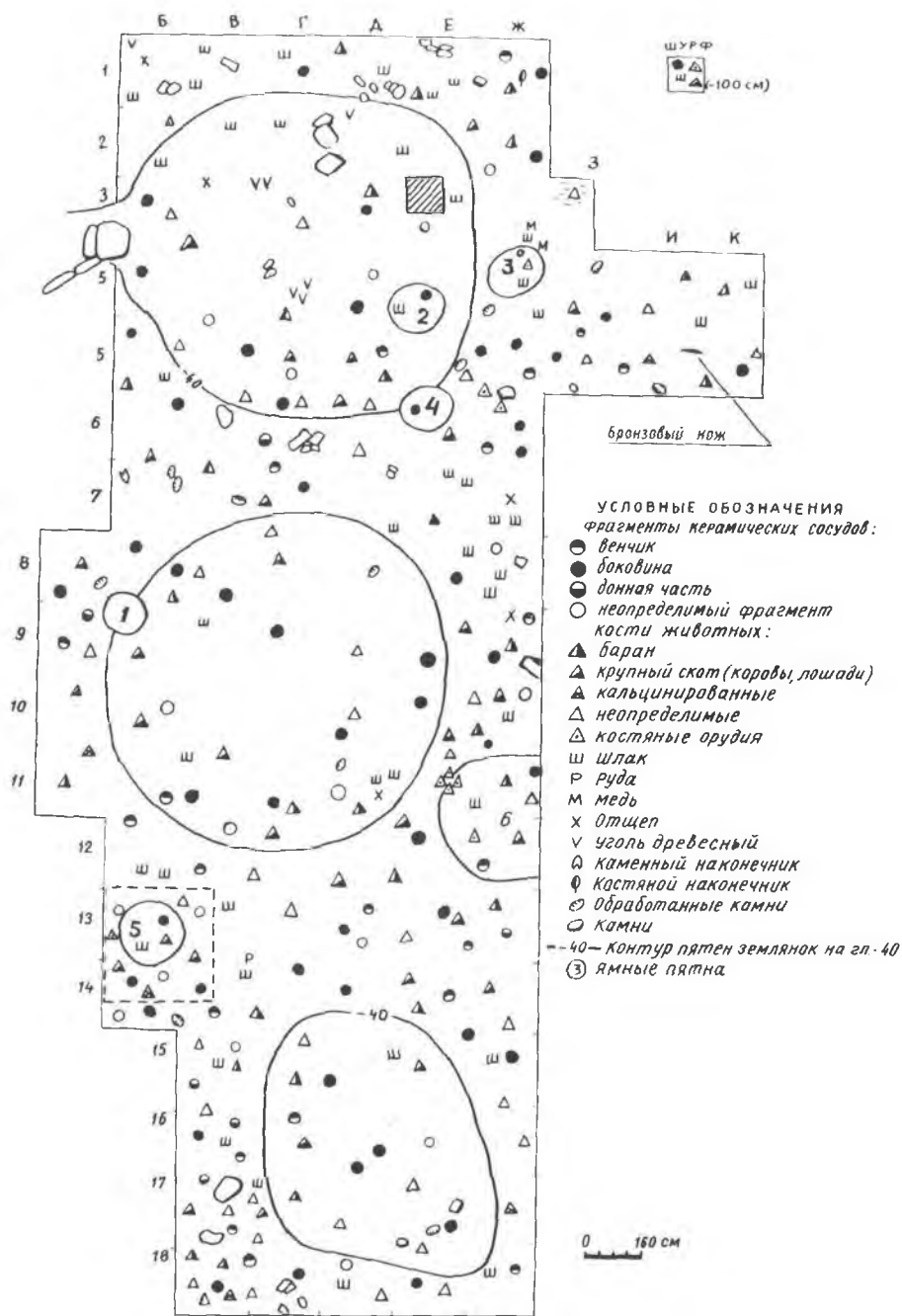

Рис. 96. Поселение Атасу I. План полуземлянок 5, 6, 7 на глубине 0,4 м

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в полуземлянках 20 и 21 не обнаружено следов столбовых конструкций, для поддержания кровли довольно обширных сооружений. Судя по облегченному типу конструкции, оба помещения предназначались не для жилья, а для хозяйственных целей. Стены помещений, скорее всего, возводились из плетенки или глиняной пахсы, от которых не сохранилось следов. Остатки металлур-

гического и гончарного производства свидетельствуют о том, что помещение было производственным. Наличие в культурном слое керамики атасуского и раннебегазинского этапов говорит об исторической преемственности культур этих двух этапов и о длительности существования поселения.

Жилища 5, 6, 7 расположены в центре поселения Атасу I и с северо-восточной сторо-

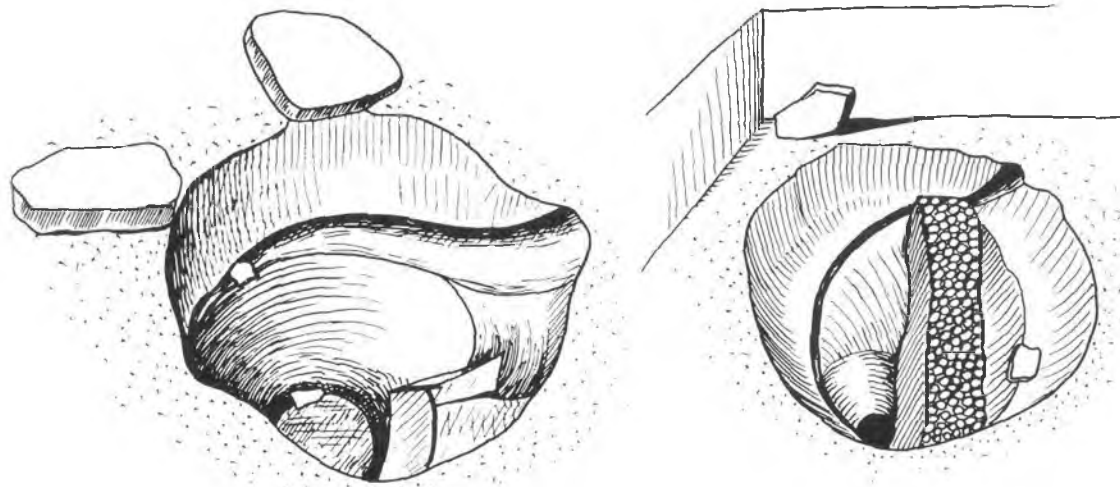

Рис. 97. Поселение Атасу I. Жилища 5, 6, 7. Медеплавильные печи 4, 5

ны примыкают к жилищу 4. Шурф, заложенный в северо-западном углу раскопа, дал следующую стратиграфическую картину: современный почвенный слой 18–20 см, культурный слой 40 см (в верхней части на 10–15 см пронизан остатками корневой системы), материк. Уже после удаления кустарника и высокой травы на глубине 10 см по всей площади раскопа стали попадаться фрагменты керамики. Основная масса обломков керамики группировалась за пределами трех землянок на глубине 20–40 см (рис. 95).

В гораздо меньшем количестве они встречены по всей площади раскопа на глубине 60 см, но здесь попадались более крупные обломки сосудов.

Темные пятна трех полуземлянок особенно отчетливо проявились на глубине 40 см. Два из них почти круглые и одно овальной формы. Пятна вытянуты в направлении с запада на восток. Жилище 5 имело размеры 9,7х8 м, жилище 6 – 9,5х9 м, жилище 7 – 7х6 м. Нижняя часть всех помещений погружена в землю на 40–50 см. По краям каждой полуземлянки в 60–70 см от их бортов обнаружено пять круглых ям от опорных столбов, поддерживавших кровлю помещения. Диаметры столбовых ям колебались в пределах 16–20 см, а глубина – от 6 до 20 см.

От северо-восточного угла «большого дома» (жилища 4) к северо-западному концу полуземлянки 5 отходил коридор длиной 2 м и шириной 1 м. У северного края полуземлянки 5 находилась круглая яма диаметром 1,5 м и глубиной 1,3 м. Стены ямы обмазаны слоем глины, а ее северная часть облицована плоскими каменными плитами. И глина и камни сохранили следы огня.

Две подобные ямы обнаружены в пристроен-

ных к северной и восточной стенкам полуземлянки тамбурах (рис. 98).

Здесь также сохранились следы глиняной обмазки и каменной облицовки южной стенки. В северо-западной части одной из ям отчетливо сохранилась выкладка-дымоход круглой формы диаметром 50 см, облицованная колотыми каменными плитами. Она сделана наподобие невысокой трубы, один конец которой подсоединялся к верхней части ямы, а второй выходил наклонно к северо-западному углу раскопа. Вся почва вокруг ямы и особенно возле дымохода была сильно прокалена.

Раскопки третьей ямы, расположенной в восточной пристройке-тамбуре, не оставили сомнений в том, что перед нами медеплавильная печь. Размер ее поверху 1,6х1,2 м, а глубина 0,8 м. Вокруг ямы разбросаны каменные плиты, составлявшие, очевидно, верхнюю часть или, точнее, покрытие плавильной печи. Яма сохранила мощную глиняную обмазку. На дне ее – углубление, также обмазанное огнеупорной глиной. У северного края ямы сохранилась воронка, являвшаяся не чем иным, как верхним концом воздуходувного канала (фурмы), спирально опоясывавшего слева направо западную часть печи. Воздуходувный канал имел в сечении форму полуовала и углублялся в стенку на 8–10 см, широкая часть его, обращенная к печи, достигала 18–20 см. Как и все внутренние стенки печи, он обмазывался глиной.

В заполнении всех трех печей помимо обломков керамики, попавшей сюда в результате разрушения культурного слоя, найдены куски медного шлака, руды и каплевидные слитки меди. Сюда, скорее всего, укладывали несколько сло-

ев шихты. Высокая температура горения поддерживалась за счет подачи через упомянутый выше канал воздуха, который равномерно охватывал всю емкость печи. Дымоход, по-видимому, находился в верхней, не сохранившейся части печи.

Углубление же печи (ямка) служило для стока меди.

В двух других печах, более мощных и, видимо, более совершенных, также осуществлялся процесс плавки меди (рис. 97). Однако в них

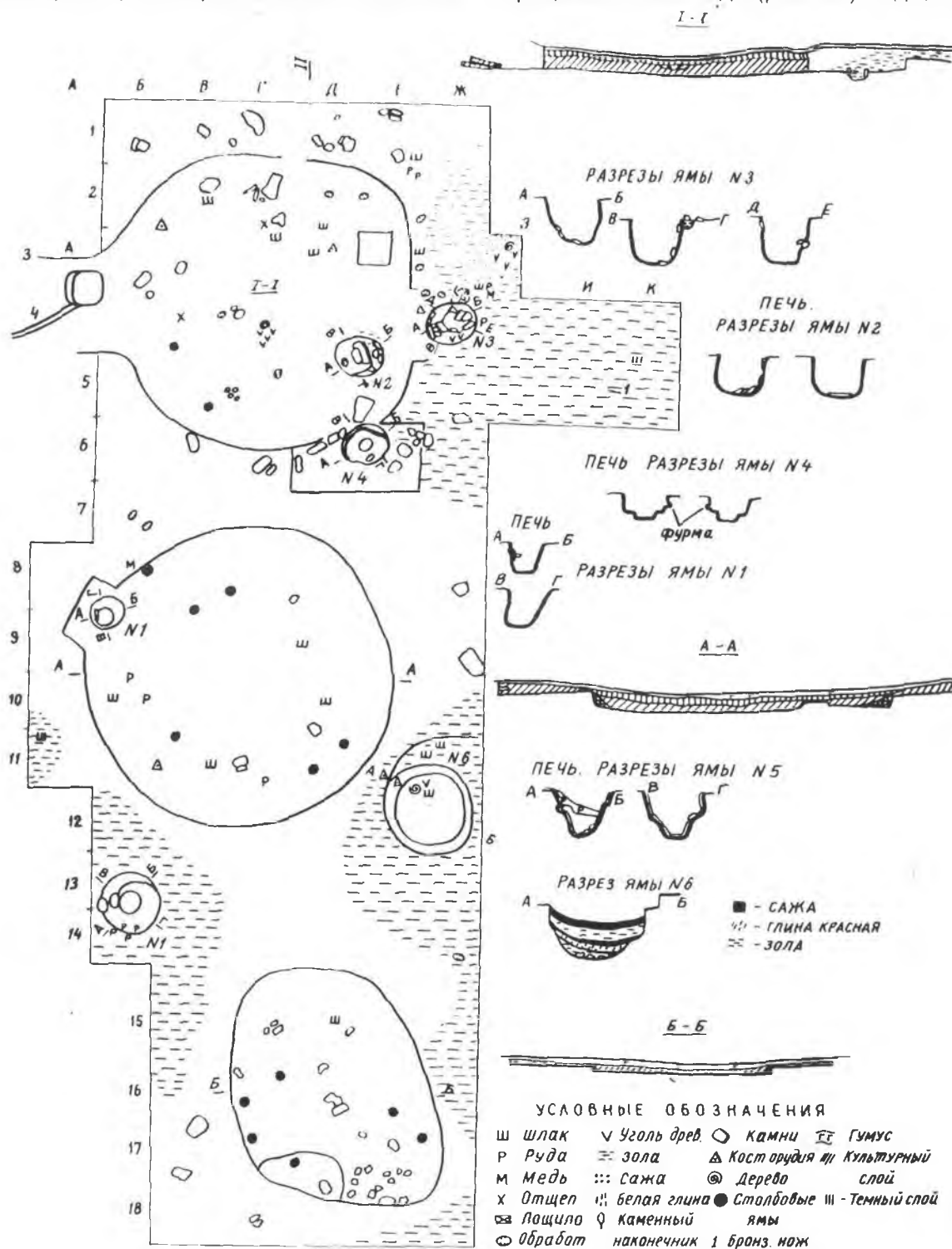

Рис. 98. Поселение Атасу. План полуземлянок 5, 6, 7 с медеплавильными печами

технология плавки могла быть иной. На дне северной печи был найден керамический тигель, по форме очень сходный с каменными краскотерками-жертвенниками ладьевидной формы. Не исключено, что здесь осуществлялся тигельный способ плавки. С интересной ситуацией мы столкнулись при исследовании четвертой печи. Она

какая толщина шихтового слоя скорее всего результат совмещения двух ярусов шихты вследствие истления прослойки древесного угля. Судя по следам воздействия огня на руду, печь была загружена, подожжена, но по каким-то причинам плавка не осуществилась, и около 20 кг руды осталось неиспользованной. На дне печи, в сточ-

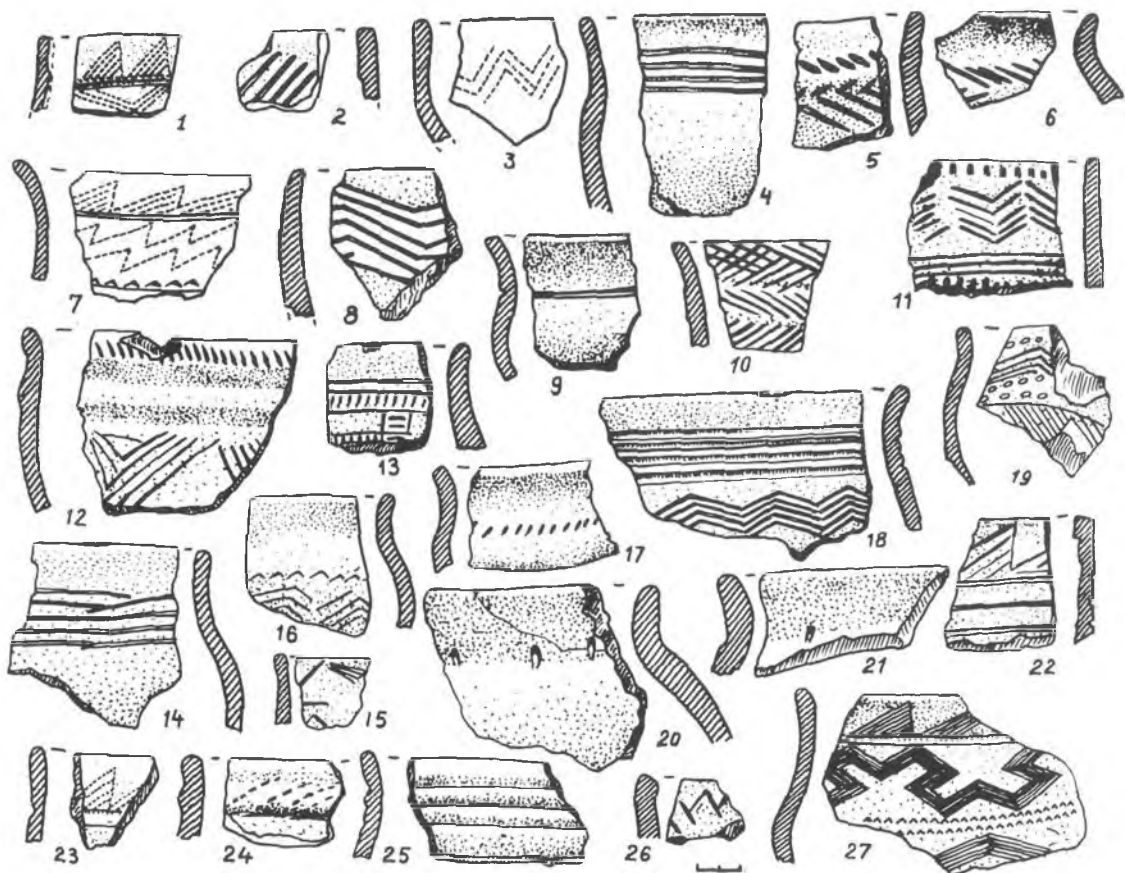

Рис. 99. Поселение Атасу. Керамика жилищ 5, 6, 7

располагалась в промежутке между шестой и седьмой полуземлянками, у южного борта раскопа, в изолированной квадратной постройке. Ее размеры по верхнему краю 1,6х1,6 м, глубина 1,4 м. Печь, как и три предыдущие, конусом сужалась ко дну и имела глиняную обмазку толщиной 2,5—3 см. Устье воздуховодного канала диаметром 20 см выходило на поверхность в северной части печи. Сам канал проходил по средней части стенки печи, охватывая ее западную часть, и резко уходил вниз, в под печи. В печи сохранилось большое количество медной руды. Куски ее размерами 4х7, 6х8 см спрессовались в полуметровый слой шихты, расположенной от западной до восточной стенки печи с прогибом в центре. Та-

ной воронке размером 20х25 см и глубиной 30 см, находилось лишь несколько каплевидных слитков меди.

Керамика жилищ 5, 6, 7 также представлена в основном кухонной и столовой посудой. Однако кухонной посуды типа керамических котлов с прямым венчиком здесь значительно меньше, чем в жилищах 20, 21. Форма посуды стандартна: баночные горшки, сосуды с плавным профилем шейки и плечика, горшки с уступом в верхней части тулова (рис. 99).

Интересна единственная пока находка — массивная ручка в виде крупной петли, скорее всего, от горшка сферической формы.

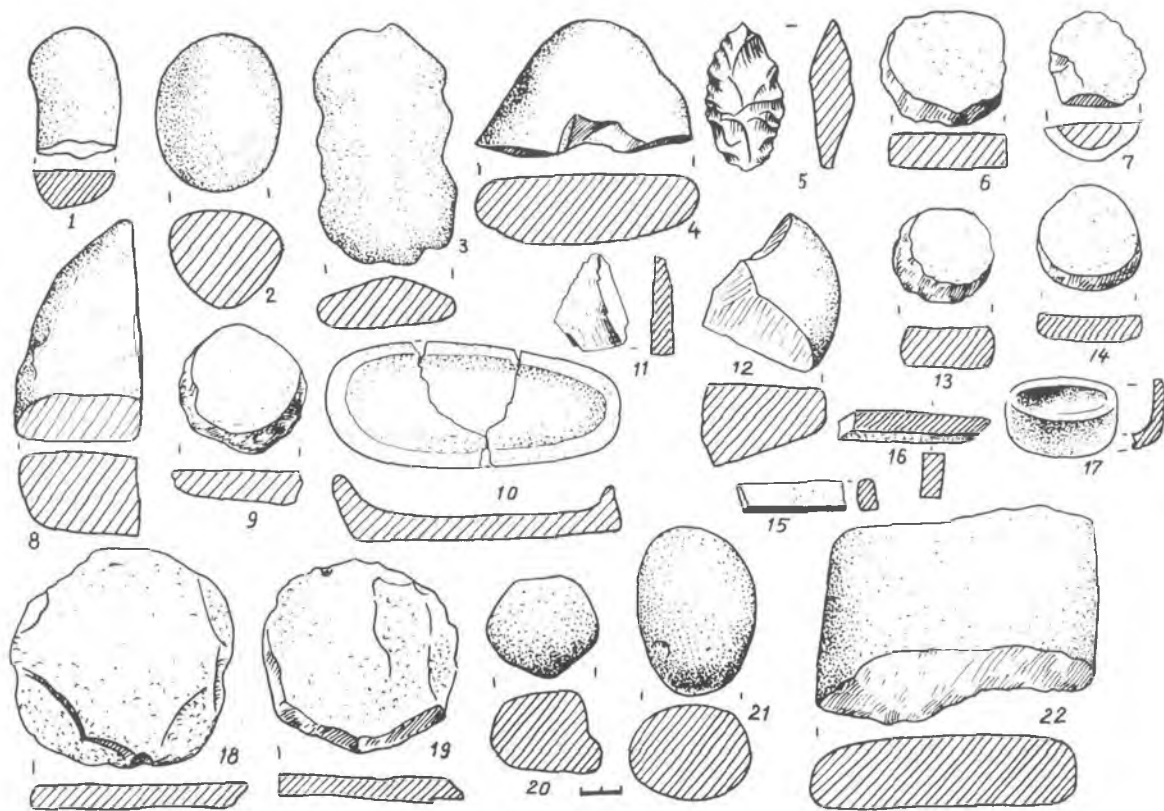

Рис. 100. Поселение Атасу I. Каменные орудия жилищ 5, 6, 7

Основной элемент орнамента — широкие горизонтальные желобки (каннелюры) и прочерченные линии в комбинациях с косыми насечка-

ми, ногтевидными, круглыми и овальными вдавлениями, елочным орнаментом из прочерченных линий вертикального и горизонтального планов,

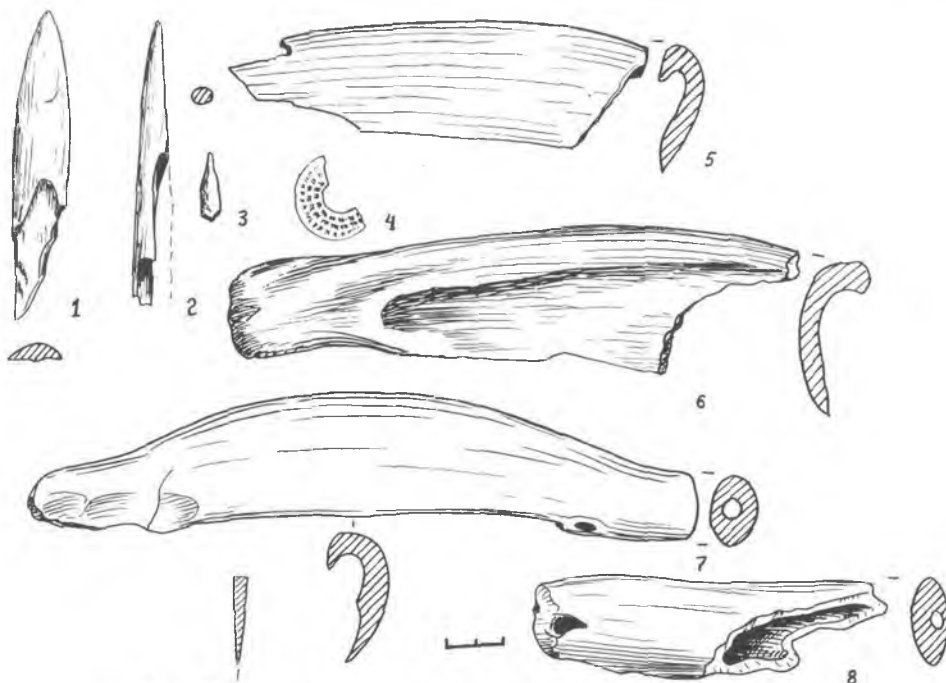

Рис. 101. Поселение Атасу I. Костяные орудия из жилищ 5, 6, 7

Рис. 102. Поселение Атасу: 1, 2 — бронзовые ножи; 3 — наконечник копья; 4 — бронзовый нож

крупными треугольными фестонами вершинами вниз с заполнением поля косой штриховкой.

Среди керамической посуды значителен процент тщательно выделанных горшков, украшенных гребенчатым орнаментом, сочетающим в себе косые заштрихованные треугольники, затем линии мелкозубчатого штампа и ногтевидных вдавлений, а ниже меандровые узоры. Нижняя часть тулова некоторых сосудов украшена штампованными прочерченными треугольниками. Изредка встречается и флажковый мотив узоров по верхней части тулова.

Помимо керамики здесь найдены каменные рудодробилки и терки для измельчения руды (рис. 100), мотыга, кремневые наконечники стрел и дротик, каменные лощила, костяной наконечник стрелы (рис. 101), керамические льячки, трепала из нижней челюсти крупного рогатого скота, массивный бронзовый нож (рис. 102).

В коллекции есть также не совсем понятные орудия из нижней челюсти животных. Продольная часть этих орудий имеет широкий паз, образованный удалением одной из стенок челюсти, а короткий конец — отверстия, очевидно, для прикрепления к

рукоятки. Не исключено, что это какое-то подобие костяных серпов, рабочей частью которых могли служить кремневые вкладыши.

Бугулы I

Поселение расположено на правом берегу горной речки Шопы, протекающей у восточного подножия горы Бугулы, в 120 км к югу от г. Караганды и в 35 км к северу от с. Аксу-Аюлы Шетского района Джезказганской области. Бугулы составляют замкнутые горные группы с широкими межгорными долинами, густой древесной и луговой растительностью. Обильные травы и сравнительно частые выходы грунтовых вод составляют одну из приятных особенностей этих гор⁵.

Поселение является самым крупным в Центральном Казахстане: оно занимает площадь около 7 га. Сохранились остатки около 100 строений, из них больше половины жилых (рис. 103).

Поселение открыто в 1955 г. по выступающим на поверхности земли краям гранитных плит, которыми были обложены стены жилищ. Плиты каждого жилища установлены на ребро, на глубину 60—80 см, а верхние края их высту-

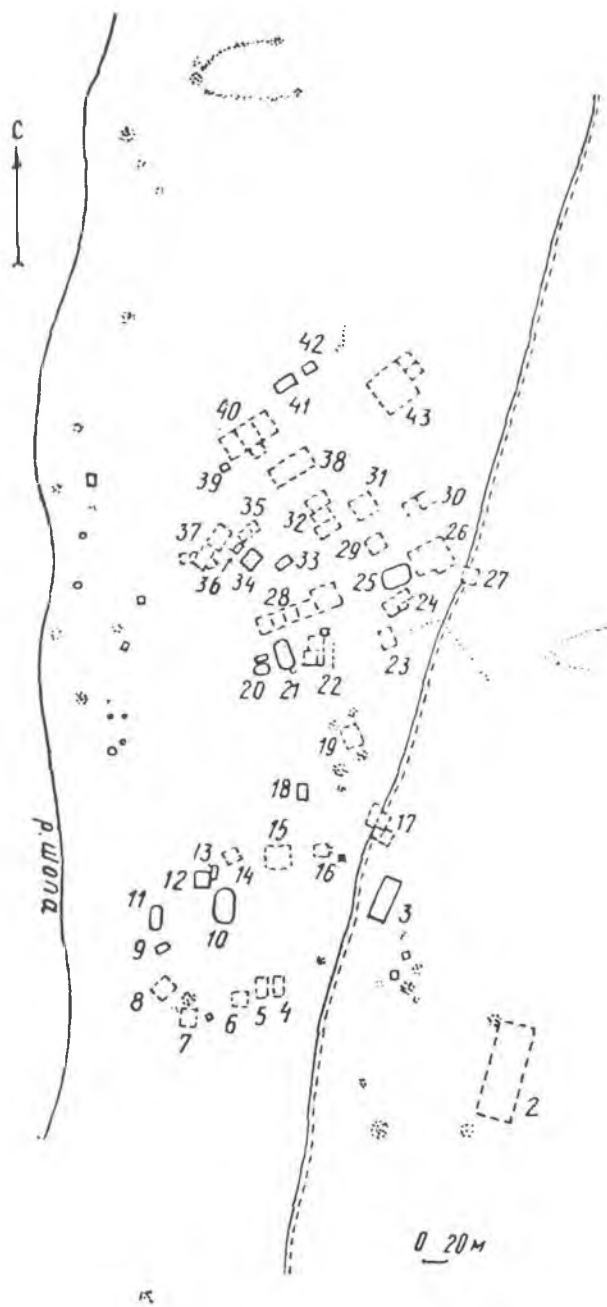

Рис. 103. План поселения Бугулы I

пали на поверхности на 30–40 см. Для полного выяснения структуры жилищ, характера культурных отложений в ряде жилищ были заложены шурфы. Шурфовка показала, что все жилища построены строго в прямоугольном плане и ориентированы длинной осью ЗСЗ–ВЮВ. Топографическую особенность поселения Бугулы I составляет то, что оно явно делится на две части: южную, более древнюю, и северную, возникшую позднее. Между ними расположен небольшой

могильник, перемежающийся с жилыми постройками и по характеру сооружений относящийся к южной группе. Такие же погребения имеются в южной и юго-восточной части северной группы. Там и остатки «длинных домов», сложенных из бутового камня и относящихся к более позднему времени. Южная часть жилищ Бугулы I отличается от северной планировкой в виде почти правильного круга с открытой внутренней площадкой. Кроме того, все жилища в этой части поселения однокамерные, в плане округлые или подпрямоугольные с закругленными углами. Площадь землянок от 120 до 300 м². Шурфы, заложенные в отдельных землянках, обнаружили много кремневых орудий и отщепов (рис. 104), а также обломки керамики, восходящей к традициям эпохи неолита и ранней бронзы (рис. 105).

Среди кремневых орудий имеются нуклеусы, скребки, наконечники стрел, копий или дротиков и один ретушер. Из крупных каменных орудий обращает на себя внимание скребло — орудие, очень характерное для стоянок Джезказгана и Караганды. Кремневых наконечников стрел три, все миндалевидной формы с тонкой ретушью всей поверхности. Такие типы наконечников известны с неолитической стоянки Ирба в Верхнем Приобье. Здесь встречается их пережиточная форма, свидетельствующая о преемственности культур эпохи бронзы и неолита.

Массивные наконечники копий и дротиков часто треугольной формы с прямым основанием (рис. 104). Судя по ним, в ранней части поселения Бугулы I жители ещё занимались охотой. Скребки округлены, некоторые с выемками. Ножи из кремня, треугольной формы, с отжимной ретушью.

Керамика изготовлена ручной лепкой. Среди фрагментов сохранились венчики четырех сосудов. Один из фрагментов, наиболее крупный (больше половины сосуда), принадлежал горшку с круглым дном и венчиком, слегка загнутым внутрь. Край венчика утолщен и слегка скошен. Орнамент нанесен небрежно, грубым штампом из 4–5 зубцов, дающим оттиски пунктирных линий и их комбинации в виде зигзагов и треугольников. Венчики второго и третьего сосудов орнаментированы более тщательно, штампом крупной гребенки с оттисками пунктирных линий, расположенных горизонтально и вертикально. Особым изяществом отличается венчик четвертого сосуда. Он прямой и слегка отогнут наружу. Вся поверхность сосуда сплошь покрыта орнаментом

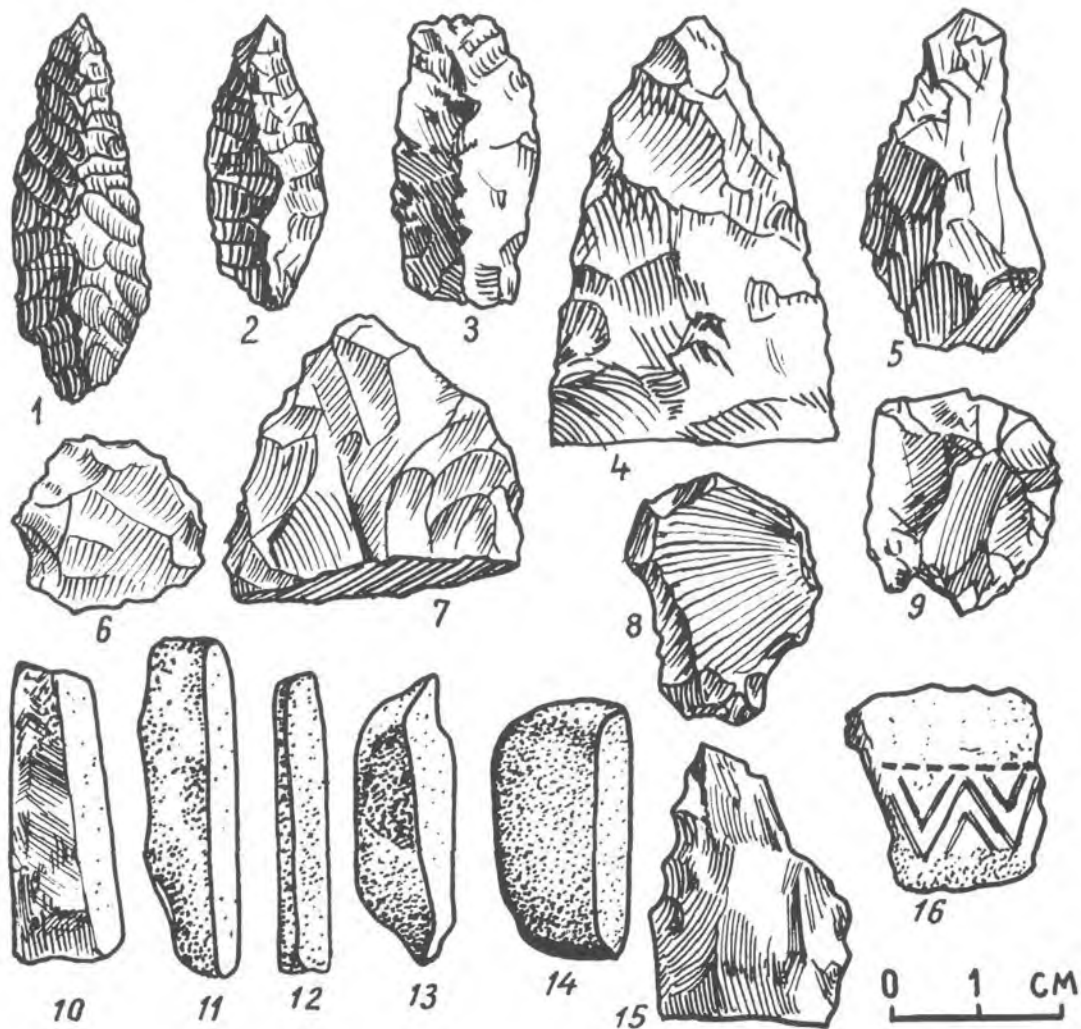

Рис. 104. Бугулы I. Находки из шурфов: 1—15 — каменные орудия; 16 — фрагмент керамики

из оттисков мелкозубчатой гребенки в виде параллельных зигзагов и рядами вдавлений конической формы. Последние нанесены особым штампом, дающим оттиски продолговатой ямки с пятью крупными поперечными зубцами. Такой штамп более характерен для керамики эпохи неолита. Сплошное покрытие поверхности сосуда мелкозубчатым штампом — также одна из черт ранней узорной техники. Находки из южной группы жилищ поселения Бугулы I весьма сходны с находками со стоянки на черных землях (Нижнее Поволжье)⁶, с неолитической стоянки в районе г. Чебаркуль (Южный Урал)⁷ и с неолитических стоянок Верхнего Приобья⁸.

Если южная часть поселения Бугулы I имеет черты неолитической стоянки, то его северная часть отличается наличием многокамерных помещений, а также значительной густотой топографического плана, что свидетельствует об изме-

нении общинной структуры и возрастании уровня архитектуры.

Характерную особенность конструкции жилищ бугулинских поселений составляет облицовка стен крупными плитами гранита, врытыми на ребро. Для облицовки широко применялась и кладка из бутового камня, остатки которой сохранились в поселениях Бугулы I, II и III. По методу строительства и конструкции каменных стен жилища бугулинских поселений сходны с гробницей Бугулы III. Это говорит о том, что они возникли в одно время. Человек, погребенный в гробнице Бугулы III был, несомненно, вождем племени, главой Бугулинского поселения. В северной части поселения много места занимают хозяйственные постройки: загоны для скота, мастерские с горнами для плавки руды и обработки металла, складские помещения. Все они расположились возле жилых строений, нередко

смежно с ними. Особый интерес с точки зрения структуры представляют комплексы построек 17, 22, 23, 24, 26, 28, 32, 35, 37, 38, 40, 43.

Жилище 17 состоит из двух жилых строений, имеющих смежную стену (рис. 106, 3, 4), и двух хозяйственных помещений (рис. 106, 1, 2). Площадь первого жилища 220 м², второго 130 м², мастерской 100 м², подсобного помещения 80 м². Общая площадь комплекса 530 м².

Жилище 22 включает два объединенных общей стеной жилых помещения, мастерскую, круглую в плане, и загон для скота. Общая площадь комплекса 660 м².

Жилище 24 наземного типа с каменной

стеной, площадь 360 м². Это хозяйственная постройка, связанная с *жилищем 25*. В юго-восточном углу расположена мастерская, на полу которой сохранились следы производственного мусора в виде медной руды, шлака, обломков орудий и керамики.

Жилище 26 — одно из крупных и сложных. В нем прослеживаются контуры двух жилых строений, соединенных общей стеной, и двух хозяйственных помещений. Площадь большой землянки 208 м², малой 128 м². Посредством подземного коридора они связаны с *жилищем 25*. Вертикальные облицовочные плиты сохранились только в угловой части жилища. Несомненно, вся эта

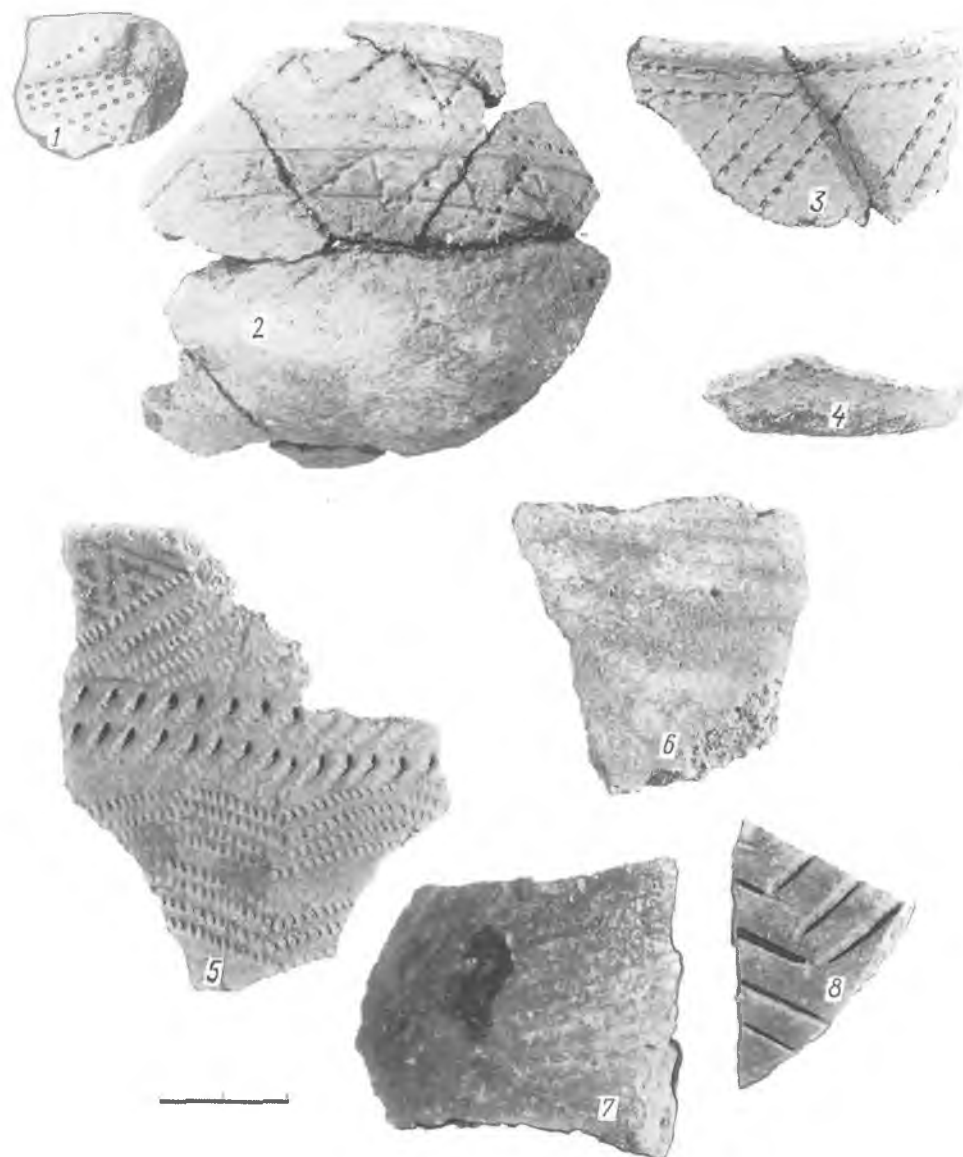

Рис. 105. Керамика из погребений поселения Бугулы I

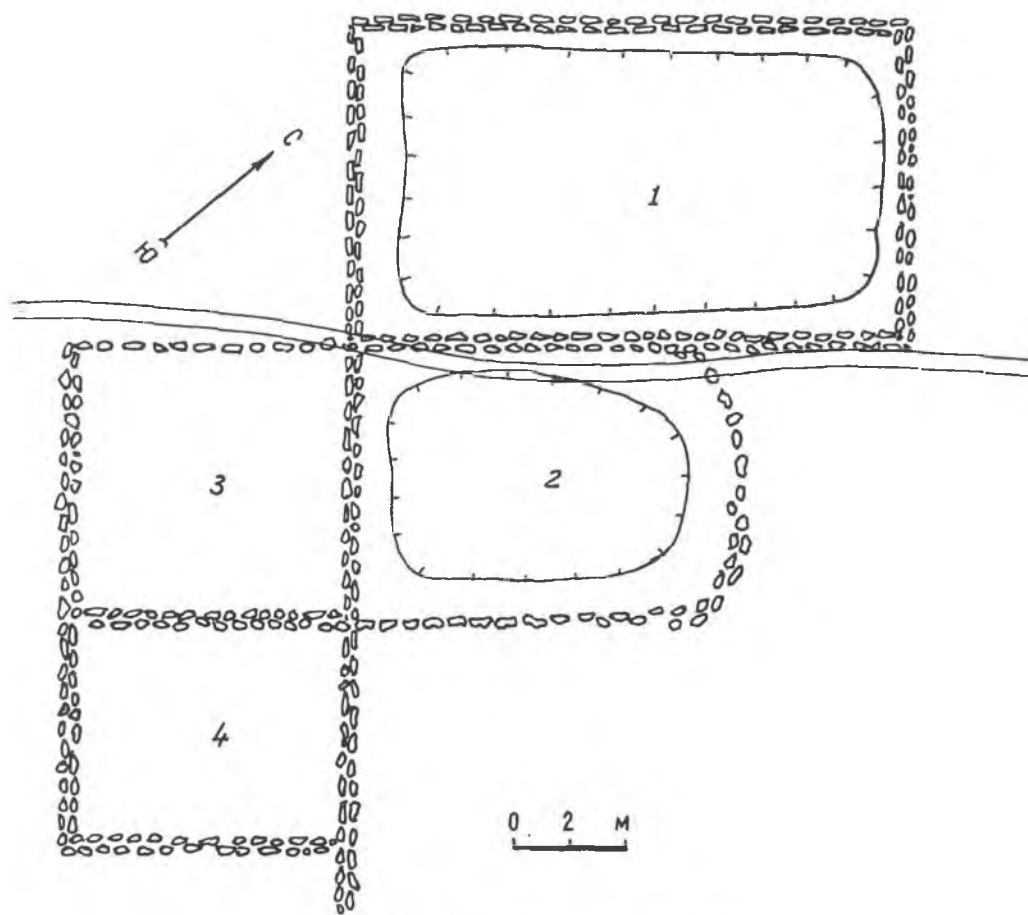

Рис. 106. Бугулы I. План жилища 17

группа построек (24, 25, 26, 27) принадлежала членам одной патриархальной семьи.

Жилище 28 отличается четким прямоугольным планом и хорошо сохранившимся каменным основанием. В постройке всего пять жилых помещений, разделенных внутренними стенами (рис. 107) и расположенных цепочкой с юго-запада на северо-восток. Общая площадь сооружения около 1500 м². Из них наиболее крупное (около 400 м²) и, вероятно, более раннее расположено в юго-западном конце цепочки. Размеры остальных помещений от 240 до 340 м². По-видимому, цепочка увеличивалась по мере роста семьи, или выделения малой семьи (отау). Величина и строгая форма сооружения дают основание предположить, что оно принадлежало главе Бугулинского поселения.

Жилище 32 представляет собой крупный комплекс из трех жилых помещений, имеющих общие стены и расположенных цепочкой с юга на север. В плане сооружения прямоугольные, ориентированные с северо-запада на юго-восток. Размеры жилища 180–200 м². Во втором поме-

щении сохранились остатки каменного очага и следы внутреннего ограждения. Основание жилищ сохранилось хорошо; вертикальные плиты местами разрушены, часть их увезена для хозяйственных нужд.

Жилище 37 — сложный комплекс с остатками двух жилых строений прямоугольной формы, двух малых пристроек треугольного очертания и одной постройки квадратной формы. Все они объединены общей стеной. Последние три помещения имели хозяйственное значение: служили в качестве мастерской и кладовых. Жилища расположены в одну линию, продольной осью с запада на восток. Их размеры 240 и 260 м². Камни, составляющие основание жилищ, сохранились в своем первоначальном положении.

Жилище 38 составляют две полуземлянки прямоугольного очертания, соединенные торцами и ориентированные продольной осью с северо-запада на юго-восток. Плиты, из которых сложены стены жилищ, сохранились в своем первоначальном виде. Размеры жилищ: западного — 320 м², восточного — 288 м².

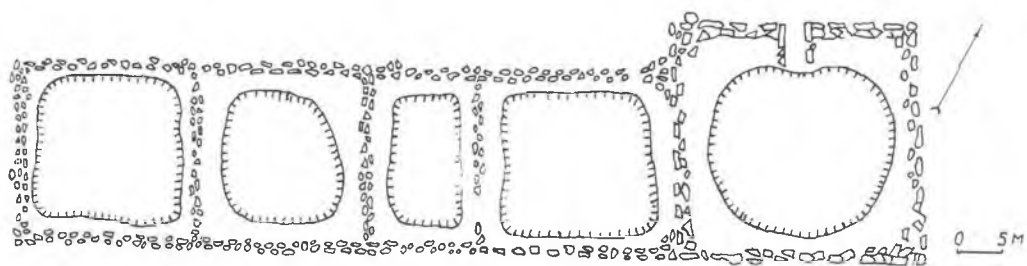

Рис. 107. Бугулы I. План жилища 28

Жилище 40 расположено в северном конце поселения. Отличается строгой прямоугольной формой, мощностью каменных стен. Это одно из самых интересных и монументальных сооружений эпохи бронзы. Во всех трех жилых строениях хорошо сохранилось каменное основание. В северном углу третьего помещения обнаружены следы большого каменного очага, возможно, служившего местом поклонения огню. Все три жилища связаны между собой общими стенами и расположены цепочкой, тянущейся с ЗЮЗ

на ВЮВ. Размеры первого жилища 253 м², второго 396 м², третьего 484 м². Хозяйственные постройки примыкают к южной стене среднего жилища. Их размеры 72 и 64 м².

Жилище 43 расположено особняком в восточном конце поселения. Помещение построено строго в прямоугольном плане, ориентировано длинной осью в направлении с юго-запада на северо-восток (рис. 108).

К восточной стене примыкают остатки двух малых пристроек, также прямоугольного очер-

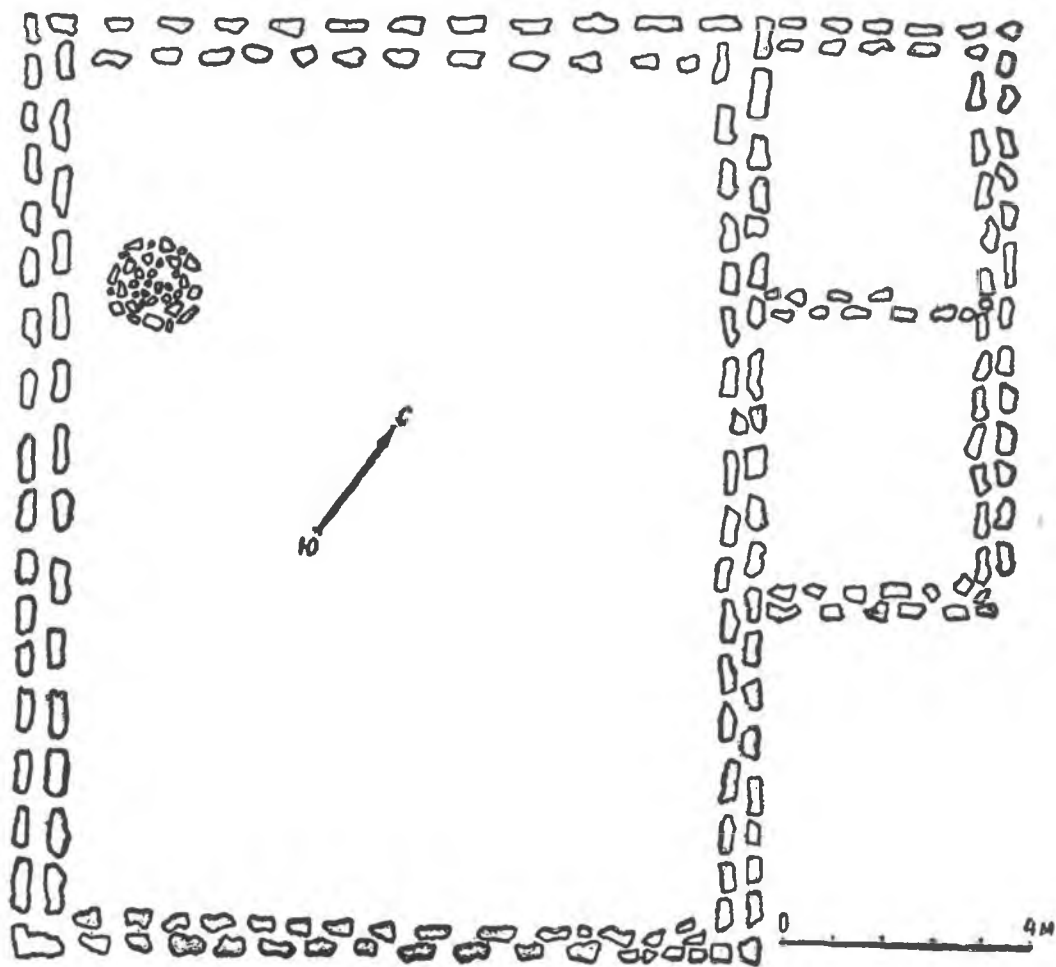

Рис. 108. Бугулы I. План жилища 43

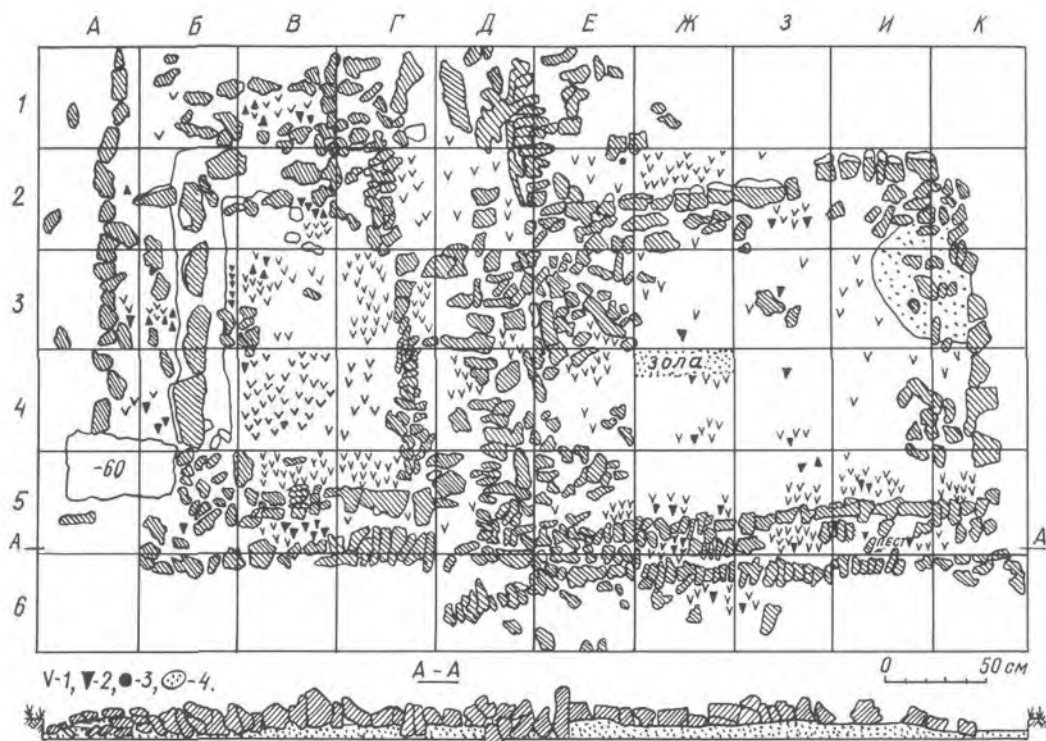

Рис. 109. Бугулы II. План жилища 1

тания. Стены из плит гранита хорошо сохранились внизу. Площадь большого помещения 168 м², двух малых построек по 36 м², общая площадь сооружения 204 м². Внутри помещения, ближе к северо-западному углу, сохранился контур большого каменного очага, имевшего не только утилитарное, но и культовое значение. Об этом свидетельствует толстый слой остатков жертвенного огня и трапезной пищи в виде черепков и костей животных. Диаметр очага 1,8х1,2 м.

В поселении Бугулы I много других жилых строений, представляющих большой научный интерес с точки зрения строительной техники и культуры. Из них три постройки относятся к типу языческих святилищ. К сожалению, основная масса их еще не вскрыта.

Особый интерес представляют постройки 2 и 3 — самые крупные в поселении Бугулы I. Они отличаются от других сильно вытянутой формой. По этому признаку их можно было бы отнести к типу «длинных домов», широко известных в истории архитектуры. Однако в культурных слоях нет данных, подтверждающих, что это были жилые помещения. Они расположены совершенно обособленно, в юго-западной части поселения, на пригорке, занятом древними погребениями. Длина постройки 2 — 42 м, ширина 17 м, общая площадь около 714 м², размеры

постройки 3 — соответственно 88, 32 м, 2816 м². В юго-западном углу помещения 3 сохранились каменные вымостки, служившие алтарем, в юго-восточном — двойные каменные выкладки (дорожки) — место поклонения и жертвоприношения у входа в помещение. Расположение на древнем погребальном холме, наличие места поклонения и жертвоприношения в виде каменных мостиков и дорожек дают основание заключить, что обе постройки имели значение языческого святилища, где происходило ритуальное представление.

Хорошо сохранившийся тип длинного дома был исследован в комплексе Ортау, также на площади древних погребальных полей, относящихся к эпохе средней и поздней бронзы. При зачистке дна этого сооружения обнаружен толстый слой золы — остатки жертвенного огня и кости животных.

Еще один тип длинного дома обнаружен в пойме правого берега р. Нура (Байгана), в 28 км выше центральной усадьбы совхоза «Бесоба» Каркаралинского района. Рядом с домом, на верхней террасе, расположен обширный могильник, представляющий собой большие курганы с оградами из вертикальных плит и относящийся к бегазинскому времени. Нуринская постройка отличается прежде всего отсутствием основных признаков, характер-

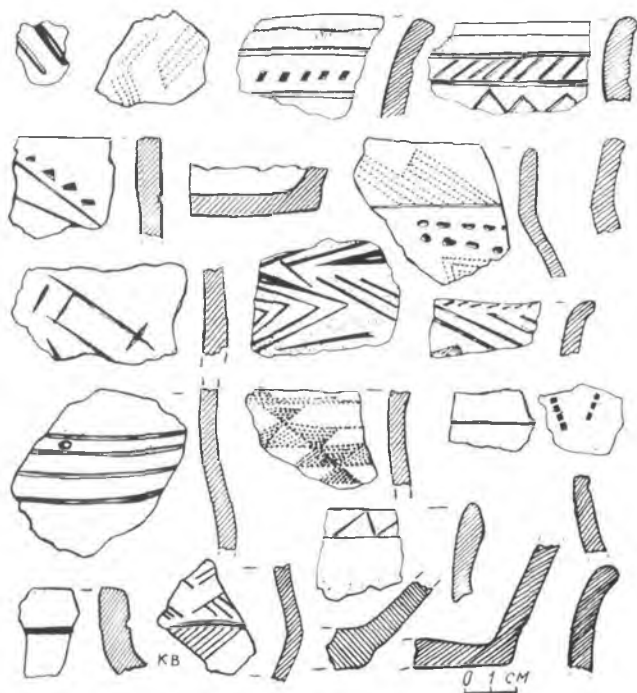

Рис. 110. Керамика из поселения Бугулы II

ных для жилых помещений. Сооружение расположено на восточном краю поселения, вблизи больших домов, по нашему мнению, принадлежавших представителям родовой знати. Сооружение в плане прямоугольное, ориентированное продольной осью с юга на север. Его длина 20 м, ширина 10 м, общая площадь 200 м². Вход в помещение находился с западной стороны. От восточной стены на восток уходила каменная дорожка общей протяженностью 130 м. Судя по всему, дорожка вела к языческому святилищу, расположенному на холме.

Удвоенная каменная дорожка обнаружена в группе Ортау IV, относящейся к бегазинскому времени. Она вымощена крупной галькой и сделана столь прочно, что и сегодня сохранила первоначальный вид. Сооружения типа языческих капищ встречены не только в поселении Бугулы I, но и в поселении Бугулы II, существовавшем одновременно с Бугулы I и расположенном в 1,5 км к северу от него.

При шурфовке жилищ 25 и 40 обнаружен ряд орудий, употребляемых в горном деле и при обработке металла. В их числе изготовленный из порфирита пестик цилиндрической формы с округлыми концами и несколько утолщенным рабочим краем, с тщательно отполированной поверхностью. На дне жилища 40 найден обломок каменного штампа-матрицы, служившего твер-

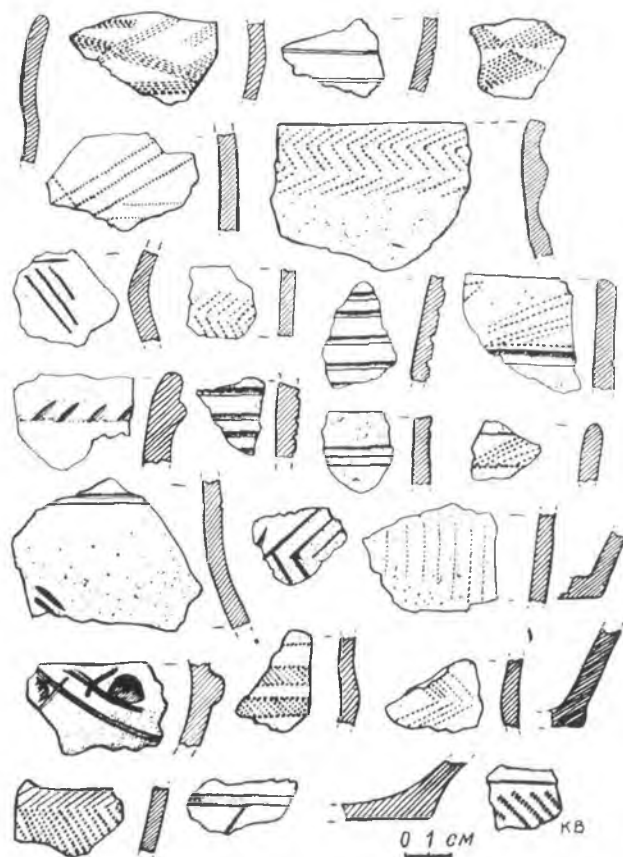

Рис. 110. Керамика из поселения Бугулы II (продолжение)

дой основой для изготовления из тонкой медной пластинки поделки в виде цилиндрической шляпки с полями.

Длина штампа-матрицы 8 см, ширина 3,5 см, высота около 2,5 см. Такой же предмет обнаружен в поселении Шортанды-Булак, его назначение остается не ясным.

Каменные бруски круглой, ромбической и прямоугольной формы, встречаются в Центральном Казахстане очень часто, особенно в каркаралинских и карагандинских поселениях. В Зеленой балке найдена более сложная матрица с углублениями для изготовления украшений из тонких медных пластинок способом вдавливания. Форма сделана из камня в виде прямоугольного бруска длиной 14 см, шириной 5,5 см, высотой около 3 см. Она очень сходна с матрицей, найденной в землянке 4 Алексеевского поселения⁹.

Жилище 40 легко датируется по фрагменту изящной керамики, покрытой сплошным ногтевым орнаментом, весьма типичным для керамики бегазы-дандыбаевского времени.

Бугулы II

Поселение расположено в горной долине между северо-восточными отрогами горы Бугулы (Костумсу и Каратумсу), где р. Шопа, изгибаясь, устремляется из ущелья на равнину. На противоположном, левом берегу разместился огромный могильник Бугулы II. Другой обширный и еще не исследованный могильник находится на холме, в полукилометре к юго-востоку от поселения. Наличие двух крупных могильников в черте поселения Бугулы II свидетельствует о длительности его существования¹⁰.

Поселение обнаружено по контурам жилых и хозяйственных строений, стены которых, выложенные крупными плитами, выступали из почвы на 10-20 см. Из свыше тридцати выявленных таким образом построек около двадцати относятся к типу жилищ. Характерно, что в каждом жилищном комплексе имеется одно или два строе-

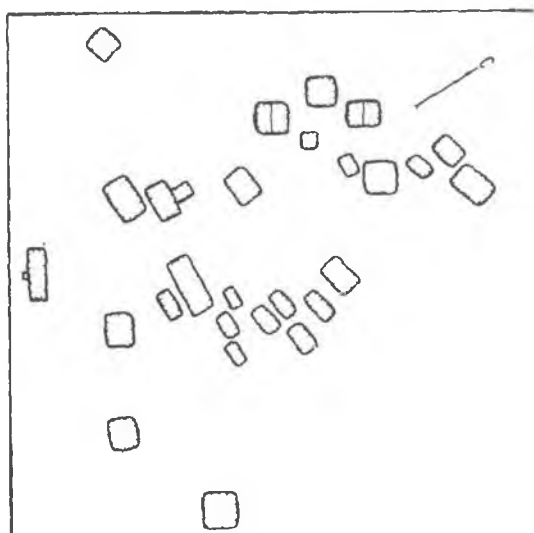

Рис. 111. План поселения Аккезен (Шетский район)

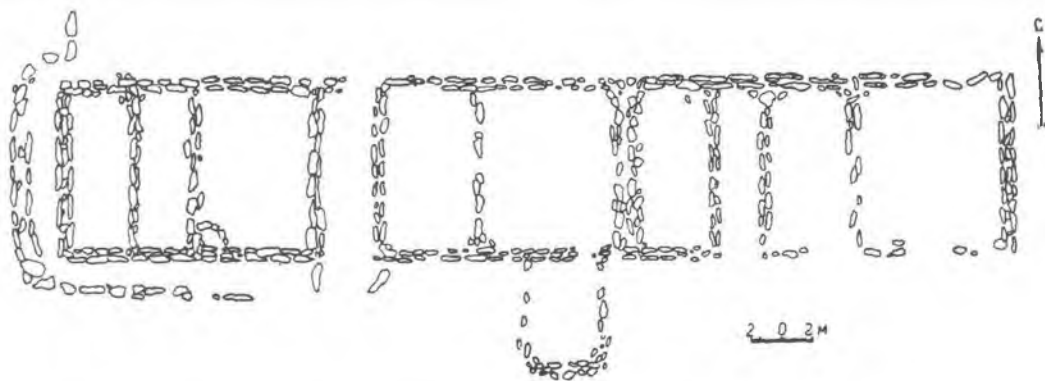

Рис. 112. Аккезен. План одного из длинных домов

ния хозяйственного назначения (загоны для скота, мастерские, небольшие склады и др.). Стены жилых и хозяйственных строений, как правило, обложены крупными плитами гранита, поставленными на ребро. Все сооружения в плане имеют четкую форму прямоугольника или квадрата. Наиболее крупные жилища расположены в восточной и юго-восточной части. Площадь наиболее крупных жилищ 100 м², малых 30 м². Судя по их размерам и обособленному расположению, каждая землянка была рассчитана на отдельную семью. В поселении Бугулы II обитало не менее 100 человек, а в соседнем поселении Бугулы I число жителей было, по-видимому, значительно больше.

Заложенный вдоль западной стены жилища 1 стратиграфический шурф дал следующие результаты: заполнение жилища состоит из дернового слоя толщиной 20–25 см и слоя, богатого гумусом черного цвета, в котором обнаружены ос-

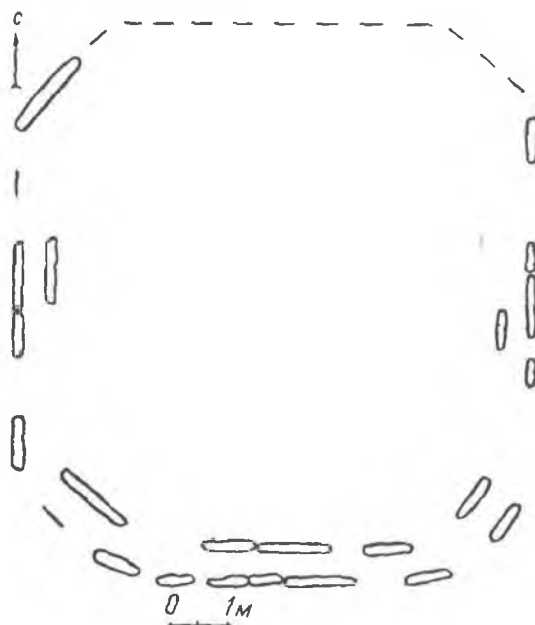

Рис. 113. Байбала. План скального жилища

татки: кости барана, лошади и коровы (рис. 109).

Особенно большое скопление костей прослежено в юго-западном углу жилища, на глубине 0,6 м. Здесь же встречена груда камней, по-видимому, остатки жертвенного очага. Нагромождение камней наблюдается и в других углах жилища.

Большой научный интерес представляют языческие святилища. В поселении Бугулы II их обнаружено три: два — в западном конце поселения, одно — в восточном. Одно из святилищ западной части поселения тождественно капи-

щу 2 в поселении Бугулы I. Это прямоугольное сооружение размером 5х6 м, от угла его северной стены тянется мощенная речным галечником дорожка, которая через 10 м поворачивает на запад, образуя форму треугольника. Общая длина дорожки 25 м.

Рядом с этим языческим храмом расположен второй, сложенный из крупных каменных блоков. Вход в капище находится с северной стороны. По обе стороны входа расположены два небольших кургана с каменной насыпью. Вероятно, это

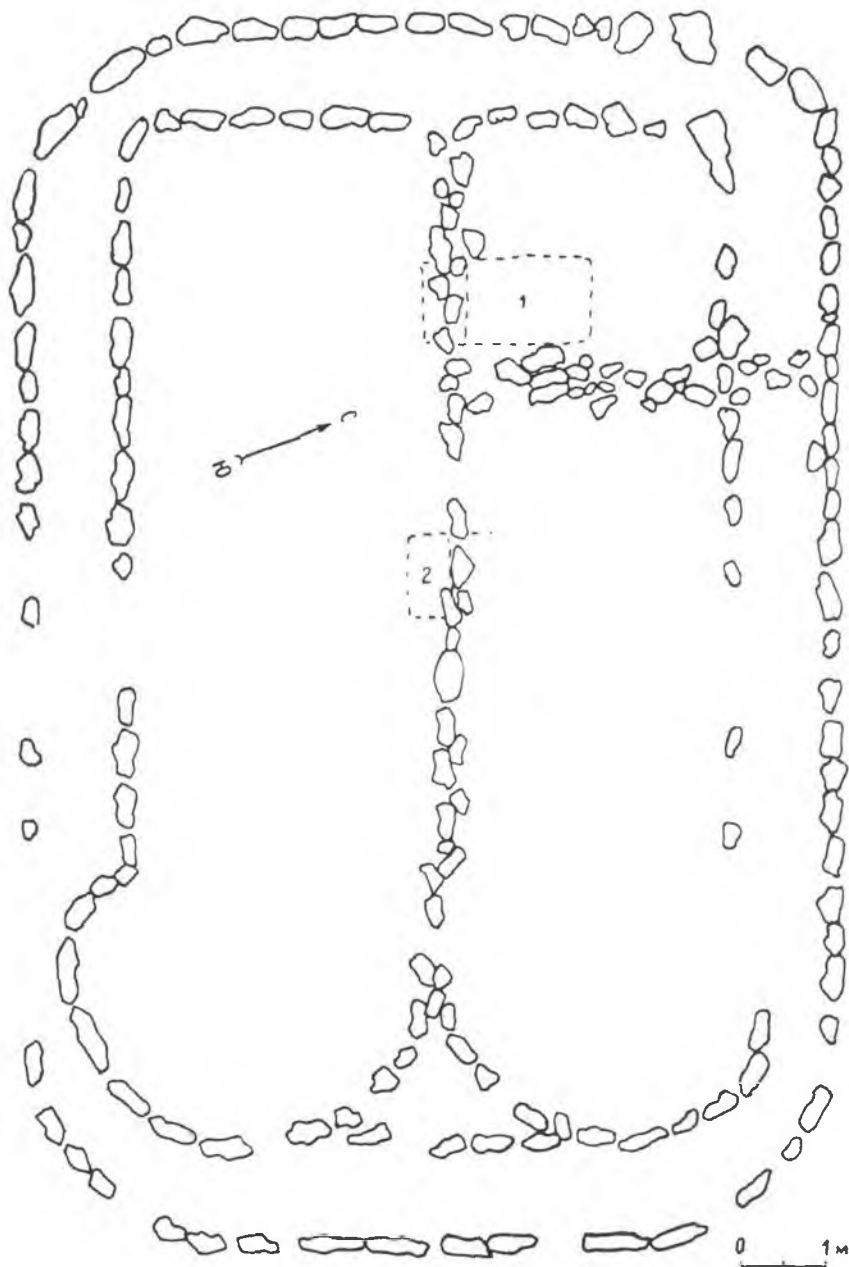

Рис. 114. Каратомар. План жилища

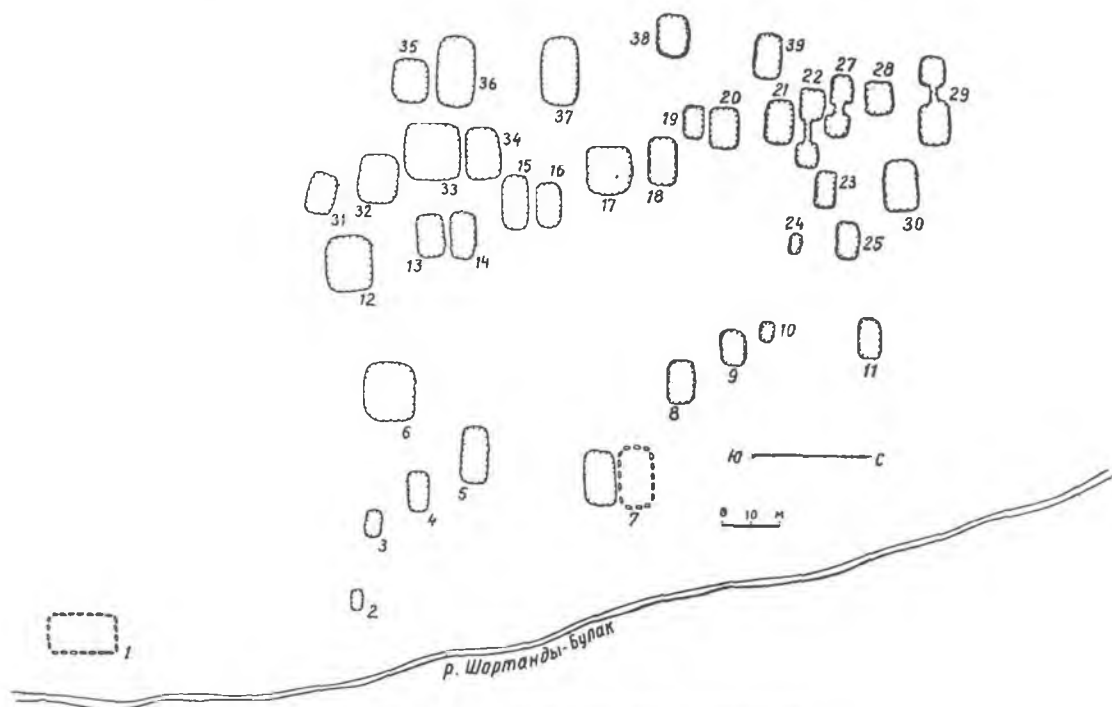

Рис. 115. Шортанды-Булак. План поселения

погребения древних шаманов. Расположенное в восточном конце поселения третье капище — прямоугольное сооружение размером 7,5х10 м. Вход в него находится с юго-западной стороны. В юго-восточном углу сохранились остатки небольшо-

го помещения, очевидно, служившего алтарем. От этого угла на восток идёт каменная дорожка длиной 18 м. Если снять южную стену, то план святилища будут составлять только треугольники. Отсюда следует, что в эпоху бронзы геометричес-

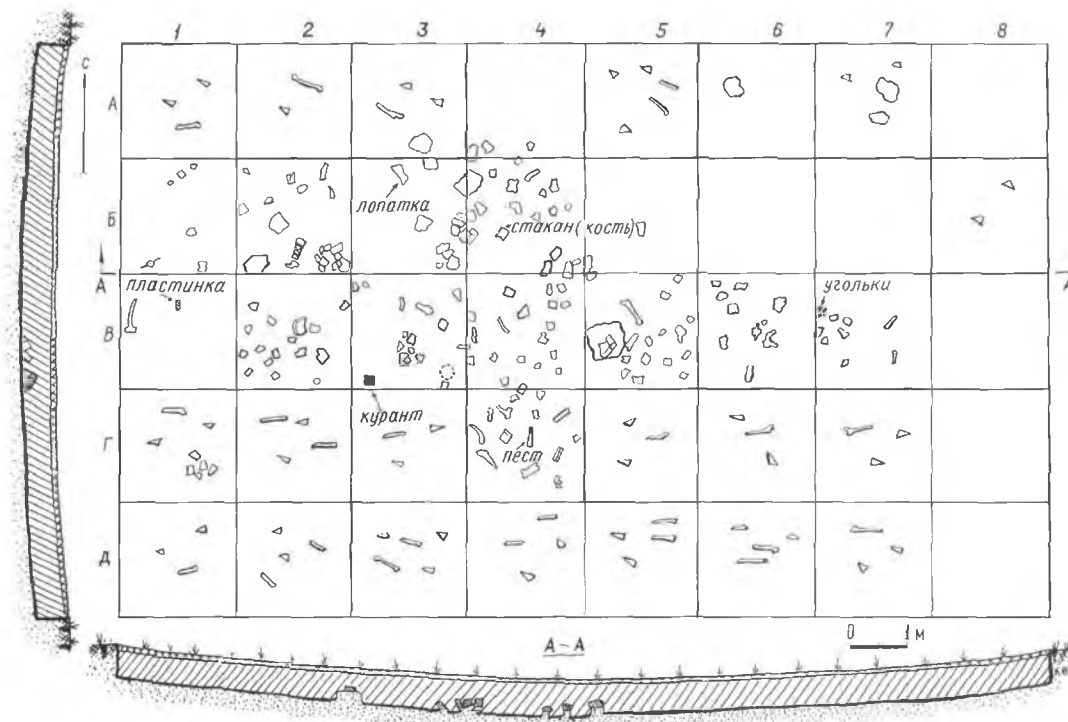

Рис. 116. Шортанды-Булак. План и разрез III культурного слоя жилища 14

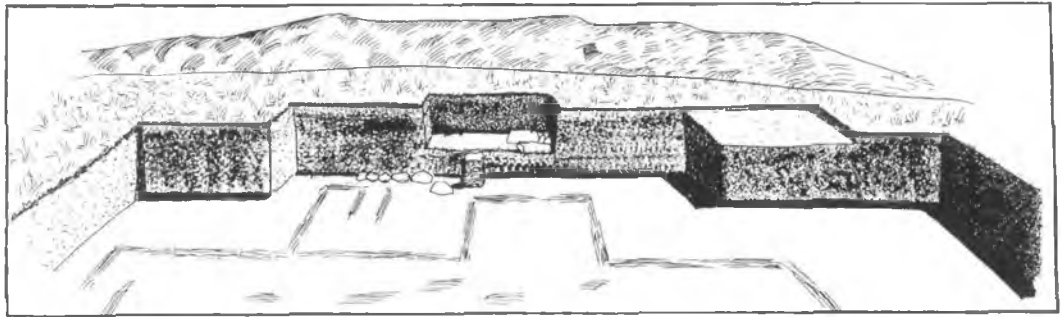

Рис. 117. Шортанды-Булак. Остатки ступенчатого входа в жилище 14

кие фигуры имели большое значение не только в орнаментации гончарных, металлических и костяных изделий, но и в композиции сооружений.

Алтарная часть в сооружениях эпохи поздней бронзы встречается зачастую вдоль западной и южной стен в виде каменной выкладки или мостика длиной 3 м, шириной 1, 1–5 м, высотой от 30 до 80 см. Наиболее мощные алтарные возвышения отмечены в гробницах Бегазы I, Бугулы III, в жилище 1 поселения Бугулы II, в капище 2 поселения Бугулы I. Ранние формы святилища — большие открытые каменные очаги, встреченные во многих гробницах и поселениях — в бугулинских поселениях появились раньше, чем в других. Позднее священный костер был перенесен в помещение. Остатки большого костра прослежены в гробницах Бегазы, Бугулы III, Сангру III, Айбас-Дарасы, в жертвенных местах языческих поселений Бугулы I, II. Обособленные каменные очаги прослежены в жилищах поселения Бугулы II. При раскопках жилищ 1, 2 было собрано значительное количество керамического материала (рис. 110), обломков бронзовых изделий, каменных мотыг, лоцил, терок, костей животных, комплекс которых характеризует культуру бугулинских поселений, развивавшуюся на протяжении длительного времени, охватывавшего конец средней бронзы позднюю бронзу вплоть до раннесакского времени. В своей основе керамический материал сходен с глиняными сосудами бегазы-дандыбаевского времени, наlepные венчики, обычно орнаментированные рядами косых продолговатых вдавлений, насечек, косоугольных сеток, рядами наклонных оттисков мелкозубчатой гребенки или зигзагами гладкого штампа. Немало фрагментов сосудов с орнаментом из горизонтальных полос в виде каннелюр, обогащенных поперечными зарубками или рядом круглых ям, а также сосудов, украшенных вертикальными полосами с рядом точек или горизонтальными линиями с поперечными вдавлени-

ями. Примечательны фрагменты тонкостенных сосудов бегазинского типа с изящным профилем, орнаментом, нанесенным мелкозубчатым штампом, и глянцем на внешней поверхности. Особую группу керамики составляют фрагменты сосудов, орнаментированных крупным и своеобразным штампом, дающим оттиски крупной гребенки в виде квадрата, треугольника, круга, овала трапеции и в виде горошин, встреченных в керамике Бегазы и Кента. Для получения изображения геометрических фигур штамп замазывался черной краской, оставляющей четкий рисунок на керамических изделиях. Некоторые фрагменты керамики имеют тамгообразные знаки более сложного типа, встречающиеся только в памятниках Центрального Казахстана.

По типу каменных сооружений и керамики бугулинские поселения следует датировать временем Бегазы-Дандыбая, или эпохой поздней бронзы. Вместе с тем культура этих поселений сохраняет ряд черт, восходящих к более ранней эпохе, что свидетельствует о существовании их на протяжении нескольких столетий.

Неподалеку от бугулинских поселений, в обширном бассейне р. Шерубай-Нура, сохранились остатки около 20 поселений. Одно из них Аксу расположено в 6 км от центральной усадьбы совхоза «Нураталды» (Кошкарбай) Шетского района; другое обнаружено в долине р. Кармыс, левого притока р. Шерубай-Нура. Более половины открытых поселений приходится на долину р. Талды-Нура. Проведение широких раскопок во всех этих поселениях, несомненно, даст много нового.

Аккезен

В широком логу у восточного подножия горы Котур-Кызылтау, в 7 км к юго-востоку от поселения Байбала и 7 км к западу от аула Акбаур Шетского района Джезказганской области на площади около 5 га раскинулось поселение Ак-

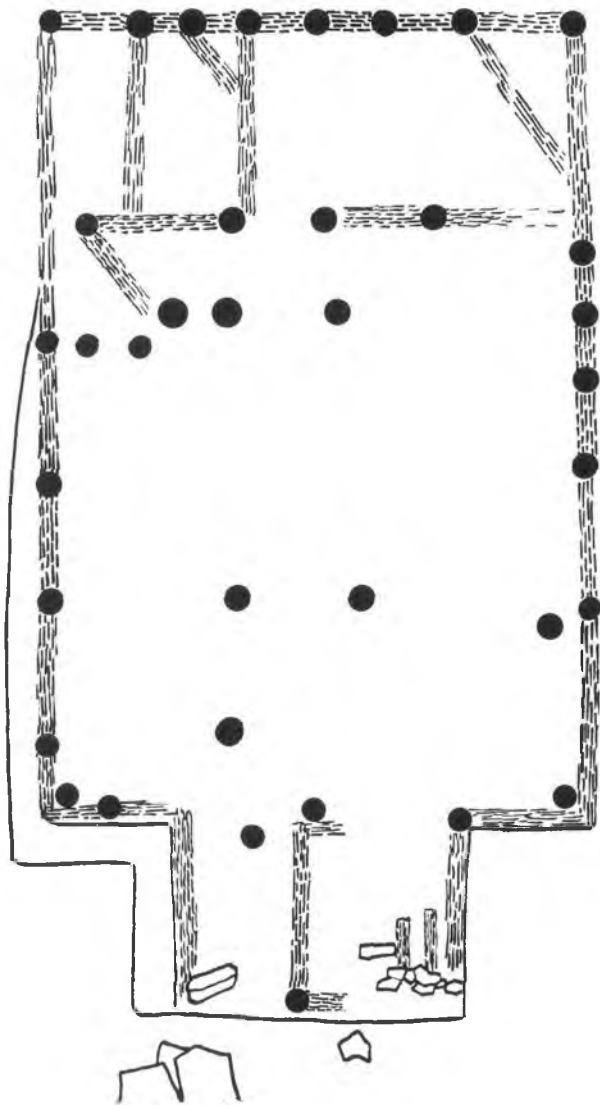

Рис. 118. Шортанды-Булак. План срубной конструкции жилища 14

кезен (заимка Бада). Общее число остатков разных строений в поселении Аккезен около 60, из них около половины относится к типу жилища (рис. 111).

В плане поселение имеет много общего с другими поселениями эпохи бронзы Центрального Казахстана: строения располагаются полукольцом, оставляя в центре свободную площадку, открытую с востока и северо-востока. Поселение делится на две части: более древнюю северную и более позднюю южную. Жилища северной части состоят исключительно из землянок (их 20), преимущественно овальной формы, но встречаются и прямоугольной, подквадратной формы. Площадь самых крупных землянок

325 м², средних 130–150 м², малых 50–60 м², глубина от 40 до 80 см. Характерно, что погребальные сооружения находятся рядом, чередуясь с жилищами, что наблюдалось и в древней части поселения Бугулы I.

Совершенно иной представляется топография южной части поселения Аккезен. Жилища здесь наземные, отличаются более мощной конструкцией каменных стен, крупными размерами. Они построены горизонтальной кладкой из длинных каменных блоков и укреплены крупными опорными плитами. Число жилых строений из камня 9, из них 3 относятся к типу длинных домов. Площадь наиболее крупных 330 м² (30х11 м), средних 264 м² (22х12 м).

Наибольший интерес представляют остатки длинных домов, или многокамерных помещений, вытянутых с востока на запад, с поперечными делениями (рис. 112).

Общий размер удлиненных жилых сооружений 32х7 м, площадь 225 м². Это строение сложено кладкой из бутового камня. Для защиты от холодных северо-западных ветров существовала внешняя ограда из каменных блоков, остатки которой сохранились только в западной части. В композицию дома входит десять помещений, разделенных поперечными стенами. Главное помещение, принадлежавшее, вероятно, главе большой патриархальной семьи, размещено в центре и состоит из трех комнат — сравнительно большой центральной (30 м²) и двух средней величины (по 18 м²). С южной стороны к большой комнате пристроено подсобное помещение для хранения запасов. Вдоль восточной стены сохранились остатки двух каменных очагов, имевших один утилитарное, а другой культовое значение.

К центральному помещению примыкают два крыла, отделенные от него узкими коридорами шириной 1,8 и 2 м. В западном крыле хорошо сохранились остатки трех комнат. Одна из них сравнительно большая, 4х6 м. В юго-западном углу ее сохранился контур каменного очага, в котором обнаружен слой золы толщиной 20 см. Остальные две комнаты небольшие, каждая площадью 12 м². В восточном крыле расположены две комнаты площадью 30 и 15 м².

Обитателями этого длинного дома, безусловно, были члены одной патриархальной семьи. В то же время деление большого дома на ряд помещений свидетельствует о новой ступени развития семьи, обособлении малых семей в отдельные помещения, с отдельными очагами.

Вне черты поселения, на поминальных холмах сохранился языческий храм и погребение, принадлежащее главе рода. В плане это квадрат размером 13x12 м, сложенный из грубо обработанного камня, имеющего форму параллелепипеда. Судя по характеру сооружения, языческий храм хронологически совпадает с постройками южной половины поселения, т. е. отражает более

11x10 м, общей площадью 110 м². Стены его опущены в грунт на глубину до 0,6 м, сложены из двух рядов гранитных плит, установленных на ребро. Полное пространство между рядами заполнено мелкими обломками камней и прочно забутовано. Вся нагрузка от перекрытия ложилась на эти стены и на внутренние опорные столбы. По конструкции жилище очень сходно с жилищами по-

Рис. 119. Шортанды-Булак. Очаг при входе в жилище 14

развитую общественную форму, характерную для бегазы-дандыбаевского времени.

Наличие памятников двух этапов эпохи бронзы в поселении Аккезен свидетельствует о существовании его на протяжении длительного времени.

Байбала

В 7 км к северо-западу от поселения Аккезен, на правом берегу р. Талды-Нура, в долине было расположено поселение Байбала, сохранившееся до 1955 г.

В 1947 г. поселение было еще целое. Контуры жилых и хозяйственных строений были заметны по выступающим над поверхностью земли краям вертикальных плит, врытых на ребро. Удалось снять план и провести частичную раскопку одной землянки, уцелевшей благодаря своей мощной каменной стене. Она сохранилась не полностью: трактором разрушена северная стена.

Жилище в плане квадрат (рис. 113) размером

селений Бугулы I, II, Атасу (жилище 4), Тагибай-Булак, Ортау.

Сходная форма жилища обнаружена в поселении Каратомар в горах Калба Баянаульского района (рис. 114), однако по плану это более сложное сооружение, композиционно обогащенное полукруглыми углами. Таким образом, при полном сохранении общего принципа строительства в отдельных жилищах поселений Центрального Казахстана проявляются локальные особенности.

Поселение Жамбай-Карасу, открытое в 1947 г., находится у юго-западного подножия горы Кунанбай, в 30 км к югу от центральной усадьбы совхоза «Кеншоқы» Шетского района Джезказганской области. Топографически контур поселения площадью около 3 га обозначен в виде глубоких ям, заросших травой. Сохранились остатки 15 полуземлянок площадью от 100 до 250 м². Остатки аналогичных поселений установлены на р. Ишим, выше Целинограда, на р. Нура, около

старой зимовки Ахметаул, на р. Талды-Нура, в урочище Сенкебай и долине р. Баспалдак, правого притока р. Шерубай-Нура, на территории совхоза им. Орджоникидзе Шетского района Джезказганской области. Раскопки этих поселе-

Акишевым собран подъемный материал в виде керамики, каменных орудий и костей животных, которые хранятся в музее Института истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР¹².

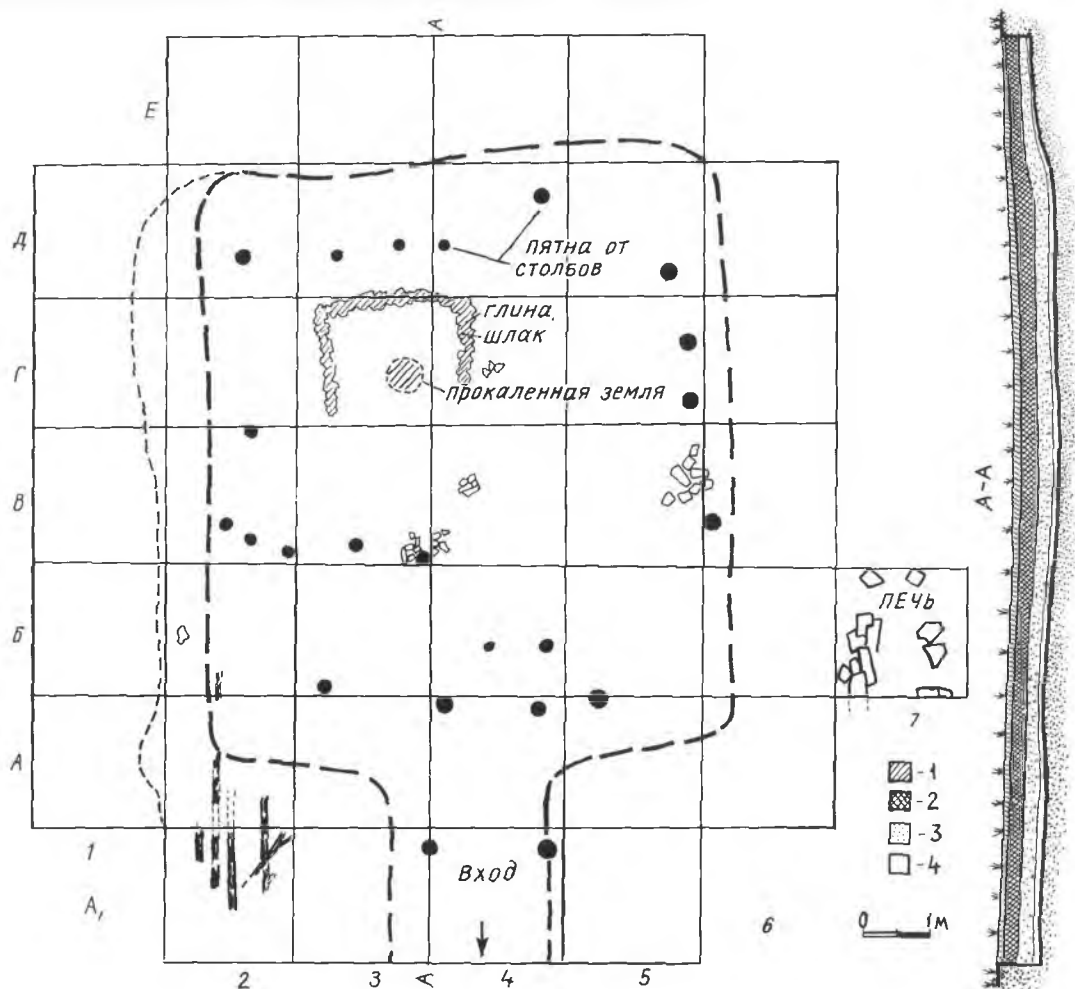

Рис. 120. Шортанды-Булак. План жилища 21

ний еще не производились, собран лишь подъемный материал: обломки керамики, бронзы, костей животных, орудий труда и т. д.

Ишимское поселение находится на правом берегу р. Ишим, в 6 км к юго-востоку от Целинограда. В 1953 г. В. Д. Солочинский собрал здесь подъемный материал, состоявший из обломков глиняных сосудов, каменных орудий (7), наконечников стрел (2) и костяного наконечника дротика¹¹.

Нуринское поселение расположено на правом берегу р. Нура, выше впадения в нее р. Кокпекты, в 14 км к юго-западу от с. Ахметаул. Культурный слой толщиной 0,85–0,9 м. В 1955 г. К. А.

Шортанды-Булак

Это одно из крупных поселений эпохи бронзы в Центральном Казахстане. Расположено в живописной долине левого берега Талды-Нура, реки возле старой зимовки Айнаколь, в 10 км к югу от аула Жанажурт и 14 км к юго-западу от поселения Байбала. Поселение находится на второй надпойменной террасе, достигающей высоты 1 м, с мощным почвенным покровом. Район местонахождения поселения отличается большим скоплением памятников эпохи бронзы, расположенных обширными группами прежде всего вокруг гор Кызылтау и в долинах р. Талды-Нура и ее притоков. Наиболее интересные из них древний рудник Алабу-

га¹³, поселения Аккезен, Байбала, Сенкебай, находящиеся друг от друга на расстоянии от 10 до 15 км, обширные погребальные поля, которыми занята вся долина р. Талды-Нура и подножие горы Котур-Кызылтау в радиусе 45–50 км. К западу от

сложенной кладкой из бутового камня. Шурфовой на дне мастерской обнаружены куски медного шлака, обломки керамики и кости животных.

Жители поселения Шортанды-Булак, вопреки распространенной традиции, свои жилища стро-

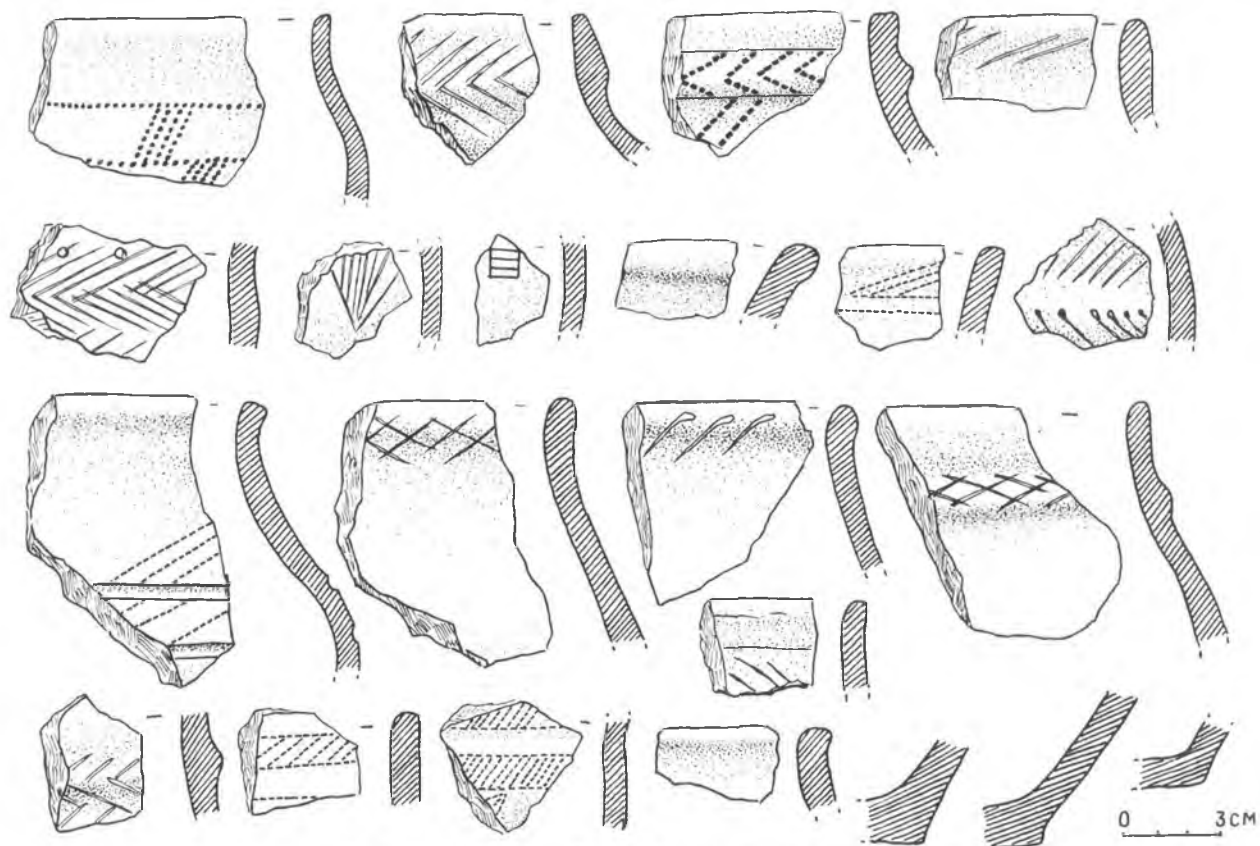

Рис. 121. Шортанды-Булак. Керамика из жилища 14

них расположены грандиозные памятники Аксу-Аюлы, Бугулы, на востоке – Былкылдак, Каражал, Акбастау, Бесоба и др. Огромное скопление памятников эпохи бронзы в виде поселений и поминальных холмов указывает на обжитость района, напряженный ритм жизни древних жителей Центрального Казахстана.

Топографический контур поселения выступает в виде углублений, расположенных цепочкой в два-три ряда с юга на север (рис. 115).

Основная масса землянок прямоугольной конфигурации ориентирована длинной осью по линии запад-восток. Немало жилищ и квадратной формы. По размеру жилища сходны с постройками других поселений Центрального и Северного Казахстана: площадь очень крупных 275–360 м², средних 120–200 м², малых 35–75 м². Поселение организовано в виде неправильного круга с открытой центральной площадкой. В восточном конце поселка сохранились остатки мастерской,

или из дерева, хотя камень в виде гранитных осей находился рядом, в 100–200 м от поселка. На площадке поселения сохранились остатки только двух каменных строений: языческого святилища и мастерской по обработке металла, возведенных строго в прямоугольном плане.

Поселение состояло из 38 построек, из которых 30 относятся к типу жилищ. При съемке 1955 г. поселение было еще цело. Позднее многие жилища были засыпаны, контуры их исчезли, осталось лишь 18 строений. На юго-востоке, вне черты поселения, совершенно обособленно расположены остатки языческого святилища такого же очертания, как и в поселении Бугулы I.

В поселении Шортанды-Булак полностью исследованы два жилища – 14 и 21.

Жилище 14 расположено в юго-западном углу поселения, во втором ряду жилых строений. Это прямоугольная впадина общей площадью 160 м². Заполнение жилища состояло из двух насло-

ений. Верхний, дерновый слой, насыщенный гумусом, толщиной 20–25 см, содержал небольшое количество костей животных, разбросанных в разных концах площадки. Далее шел гумусовый слой толщиной 40–50 см, содержащий основные культурные остатки (рис. 116). Слой завер-

шался тонкой (5 см) прослойкой пепельно-серого цвета, местами прерывающейся.

Здесь, непосредственно на глинистой супеси, было дно землянки. Пол ровный, с некоторым понижением к центру. На дне жилища прослежены темные полосы с пятнами угля и золистой земли,

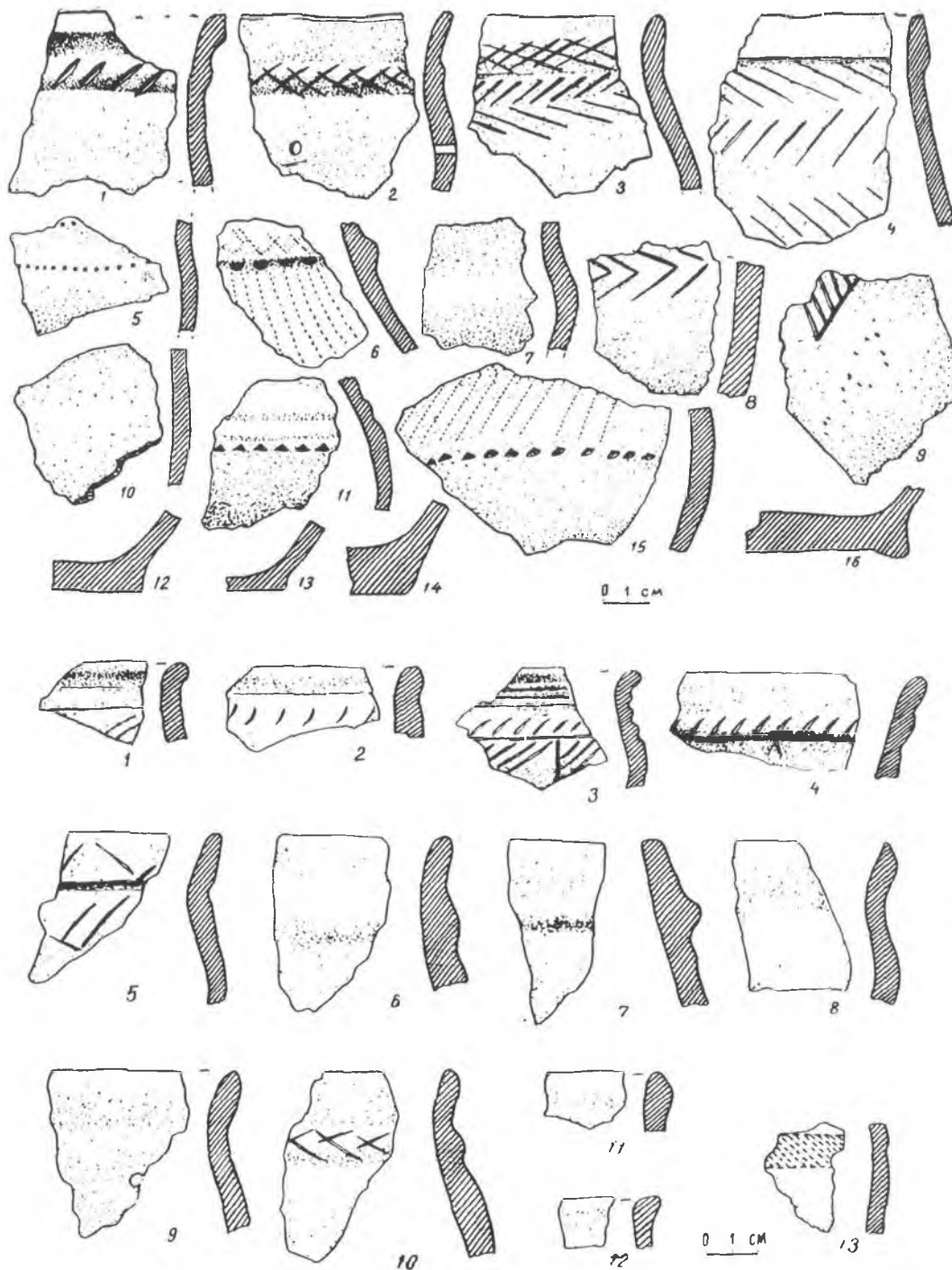

Рис. 122. Шортанды-Булак. Керамика из жилища 21

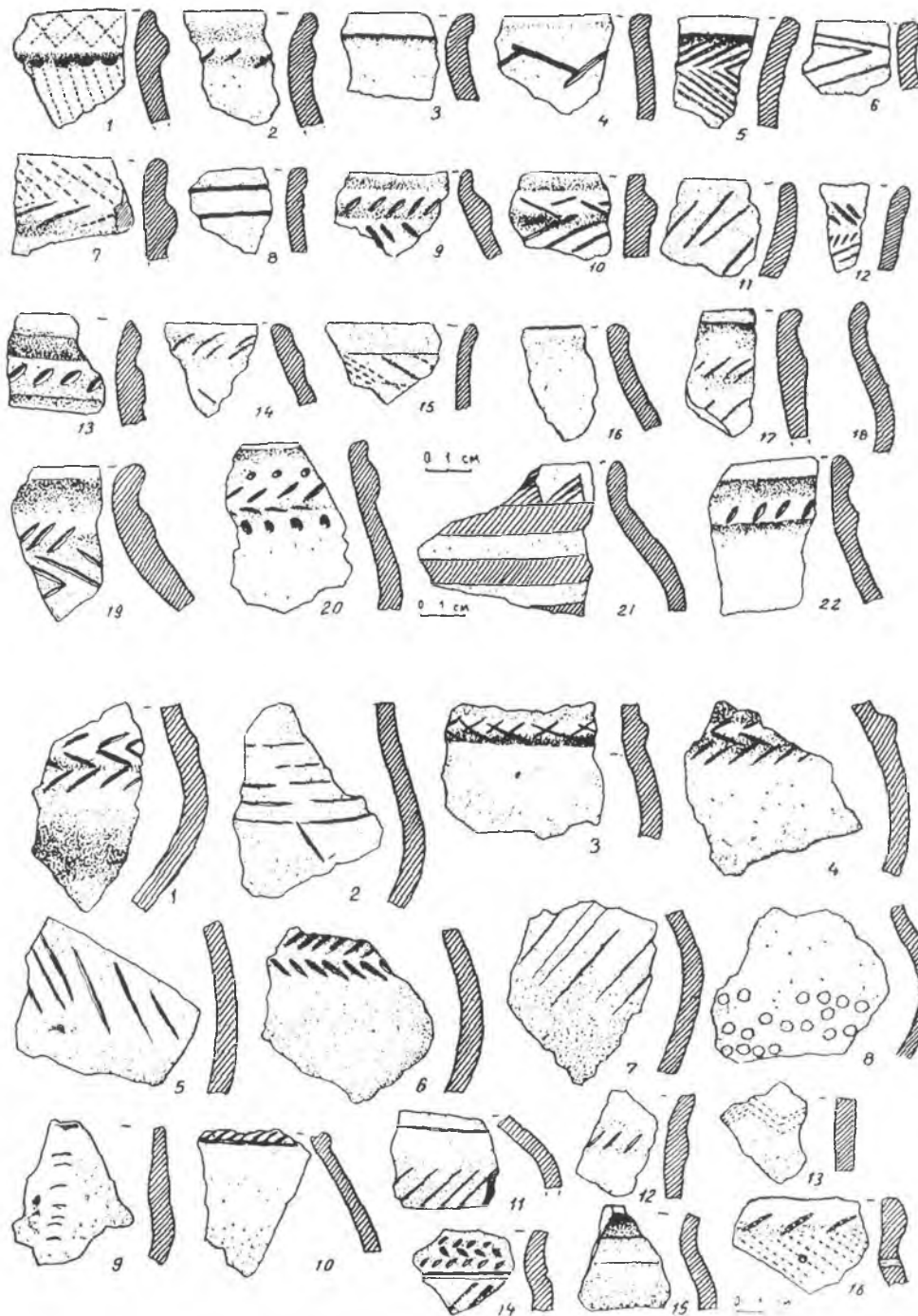

Рис. 123 Шортанды-Булак. Керамика из жилища 21

свидетельствующие о пожаре, а также остатки деревянной конструкции, говорящей о том, что стены жилища были построены из толстых бревен и подкреплены деревянными столбами. Над котлованом когда-то возвышалась наземная постройка высотой не менее 1 м. Жилище строго прямоугольной формы вытянуто в направлении с СЗ на ЮВ. Длина его 16 м, ширина 10 м. Вход, обращенный на ВЮВ, оформлен в виде ступен-

чатого порога, выложенного тонкими сланцевыми плитами (рис. 117).

К восточной стене помещения примыкает входная пристройка (тамбур) прямоугольного очертания, размером 3х4 м. По размерам, плановой основе и наличию тамбурной пристройки жилище сходно с плиточными мавзолеями 1 и 2 Бегазы.

Вдоль стен жилища хорошо сохранились остат-

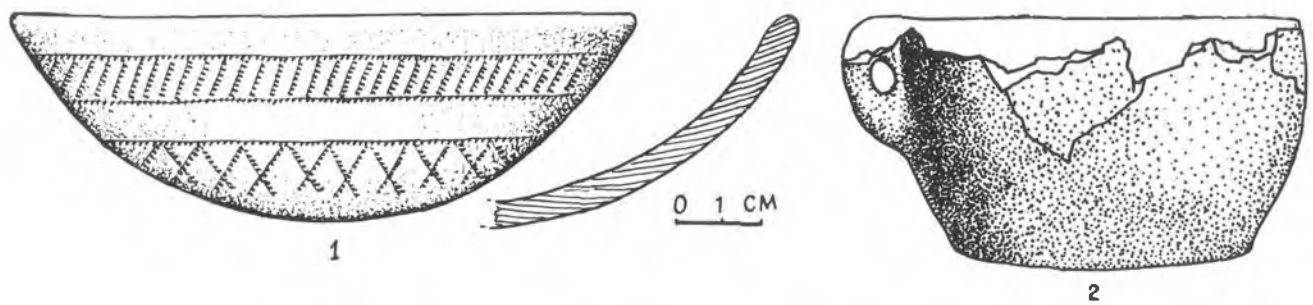

Рис. 124. Шортанды-Булак. Глиняная чаша и плошка из жилища 14

ки бревенчатых стен и следы от опорных столбов в виде круглых ямок (рис. 118) диаметром от 25 до 40 см, глубиной 12–15 см. Количество ямок по длинным сторонам 9, коротким – 8. Дно ямок закреплено камнями, которые лежали тут же. Судя по диаметру ямок, в качестве опорных столбов применены довольно толстые стволы дерева, способные выдержать большую нагрузку. Столбы расставлены в определенном порядке, через 1, 1,5, 2 м, причем совершенно отвесно. Они несли двойную нагрузку: поддерживали и стены, и перекрытие.

В западной половине жилища хорошо сохранились остатки деревянной перегородки, разделявшей жилище на большую и малую комнаты. Малое помещение (15 м²), в свою очередь, также разделено на две части, отделенные друг от друга небольшим коридором. Большие треугольные ящики, устроенные на углах, говорят о том, что помещения служили кладовыми.

Наиболее мощные столбы в центре жилища расставлены с таким расчетом, чтобы они поддерживали съемную раму. Такая конструкция была необходима для освещения помещения и вытяжки дыма. В центре же была прямоугольная площадка, где на земляном полу размещался основной очаг в виде вытянутой по оси жилища ямы длиной около 6 м, шириной 1 м, глубиной 30–35 см. Очаг разделен на ряд округлых ячеек, примыкающих одна к другой. По своим размерам и устройству очаг сходен с очагом жилища 4 Атасуского поселения. Его дно имеет комковатую структуру и сильно прокалено. Очаг был выложен камнями. Об этом говорят разбросанные по всей площадке камни, прокаленные настолько, что при малейшем прикосновении к ним они раслаивались.

Второй очаг, сложенный из камней в виде круга, находился в северо-восточном углу, у входа (рис. 119).

Диаметр его 1 м, глубина 0,3 м, толщина зольного слоя 18 см. Возле очага сохранились отдельные камни, кости животных, обломки керамики и

медных предметов.

В северо-западной половине жилища прослежены остатки третьего очага, связанного с домашним производством. В плане это неправильный круг, обложенный камнями, диаметром всего 0,5 м, глубиной 25 см. По значительному скоплению угольков, шлаков и медных шариков он напоминает производственную печь жилища 4 Атасуского поселения.

Жилище 21, расположенное в северо-западной части площадки, представляет собой прямоугольную яму (рис. 120) размером 9х8,5, глубиной 1,2 м. К восточной стене примыкает прямоугольный коридор типа бегазинских тамбуров, длиной 3 м, шириной 2,5 м. Жилище было каркасным, о чем свидетельствуют остатки ям от столбов глубиной до 25 см, шириной 30–40 см. Вдоль стен и коридора сохранилось 17 таких ям. Кроме того, в центре, вокруг очага обнаружены ямы еще от 4 столбов, на которых покоились перекрытие жилища и съемная бревенчатая рама, служившая одновременно для освещения помещения и в качестве дымохода. Стены жилища и подпирающие их внутренние столбы были из бревен. Об этом свидетельствует черное пятно от сгнивших бревен на полу жилища. На глубине 0,4 м в центре жилища был черный слой размером 8х7 м, толщиной 8х10 см – результат рухнувшей кровли. Пол плотно утрамбован и сглажен, как в жилище 4 Атасуского поселения. По характеру сооружения помещение, скорее всего, имело производственное назначение.

В центре строения сохранились остатки глиняного очага с сильно прокаленным дном и скоплением комьев ошлакованной глины, из которой были возведены его стенки. Размер печи 1,5х1,4 м, глубина 0,8 м. На дне её обнаружено большое скопление обломков керамических предметов и ошлакованных обломков керамического материала. Несомненно, печь предназначалась для обжига гончарных изделий. Другая печь, сложенная из плоских камней, располага-

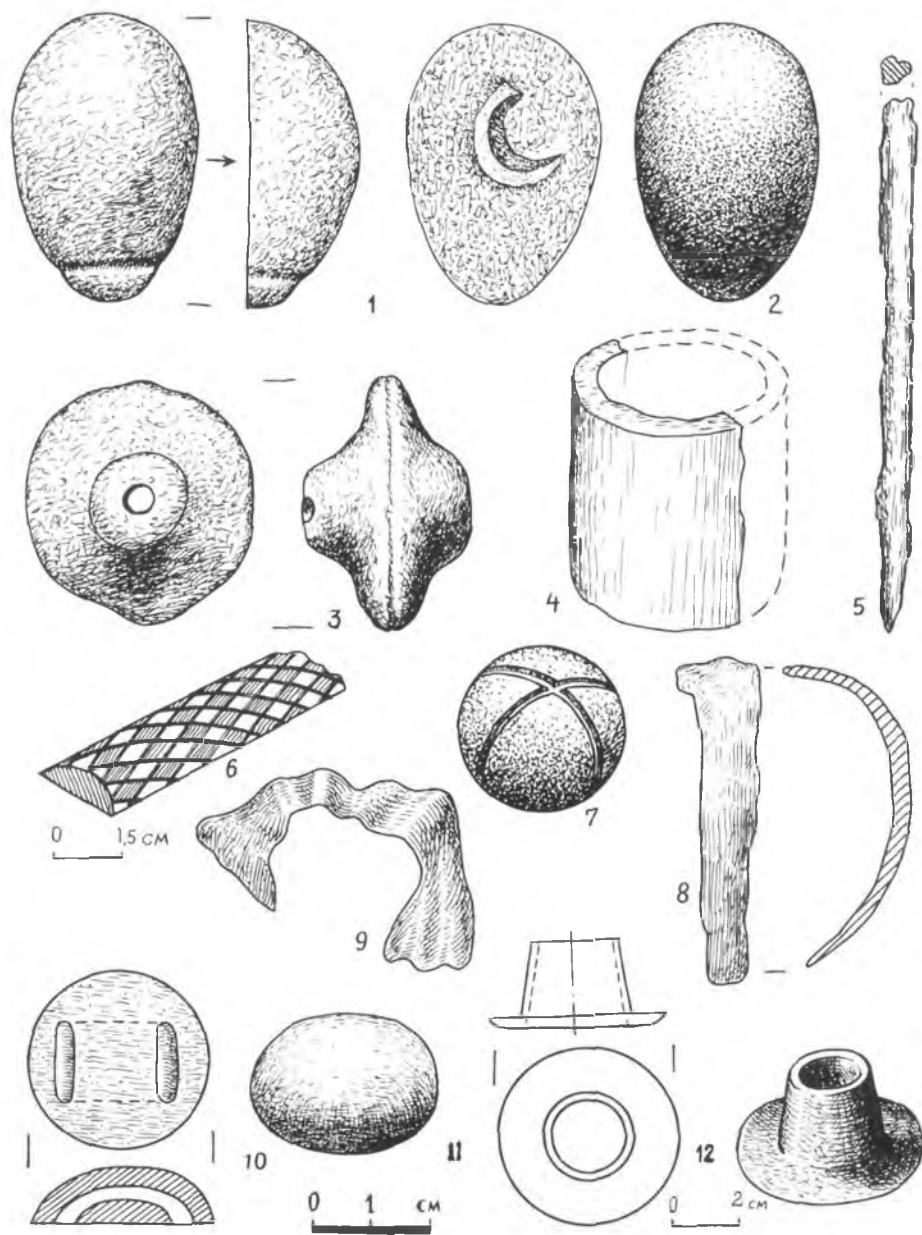

Рис. 125. Шортанды-Булак. Находки из жилища 14: 1, 2, 11—каменные яйцевидные шарики, 3—керамическое пряслице; 4—костяной стакан; 5—костяное шило; 6, 8, 9—медные бляхи; 7—каменный октаэдрический шарик из могильника Досан; 10—костяная пуговица; 12—медный штамп для резной техники

лась в передней части жилища — мастерской. Вне жилища находилась большая плавильная печь, сложенная из глины в прямоугольном плане, длиной 2 м, шириной 1,5 м, высотой 0,8 м. Вокруг печи сохранились груды измельченной руды, куски шлаков, угольки, скопление костей животных, камней и др. Спектральный анализ показал, что они состояли из свинцовой, малахитовой и охристо-железной руд, шлаки содержали только охристое железо, залежи которого находятся

рядом, на древнем руднике Алабуга. Таким образом, в этой печи выплавляли медь, свинец и железо. О выплавке железа говорит и железный наконечник стрелы, найденный в культурном слое, на глубине 0,7 м. Из орудий горного дела, найденных около печи, большой научный интерес представляют каменные литейные формы, сделанные для отливки украшений в виде бус, пронизок и др.

В культурных слоях обоих жилищ (14 и 21) об-

наружены богатые находки: керамика, бронзовые изделия, образцы резной кости, орудия труда, украшения и предметы обихода. Культурные остатки были сосредоточены в центральной части жилищ, около очагов, в основном в гумусовом слое и частично у самого дна жилищ, в прослойке толщиной не более 5–6 см.

Керамический материал представлен фраг-

ментные в памятниках переходного этапа (Балакулболды, Айшрак Б, Беласар Б, Егизек II и др.).

К редкому типу гончарных изделий эпохи бронзы относится плоскоцилиндрический сосуд с широким устьем, прямой стенкой, без орнамента (рис. 124, 2).

Верхний край слегка вогнут внутрь. Сосуд имеет ручку в виде округлой петельки. По форме

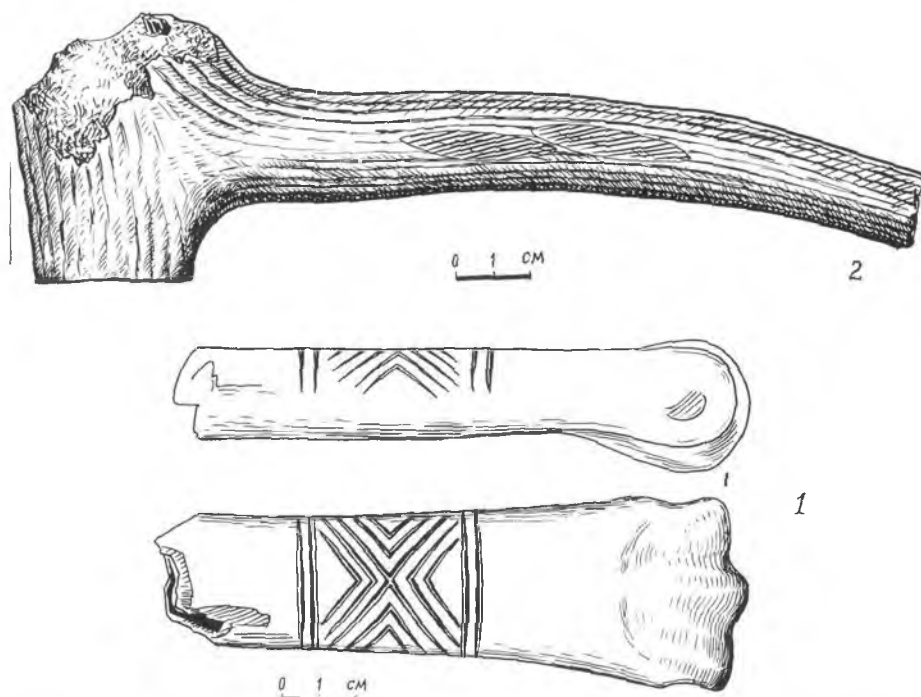

Рис. 126. Шорганды-Булак. Находки из жилища 14: 1, 2, 11— метаподия лошади с резным геометрическим орнаментом; 2 — молот из оленьего рога

ментами не менее 300 сосудов, различных по форме и бытовому назначению (рис. 121-123).

Сосуды преимущественно плоскодонные, с шаровидным туловом, нередко с высокой шейкой. Техника лепки традиционная — формовка из теста с примесью песка и толченого камня. Плоскодонные сосуды изготавливались ленточным способом. Широко была распространена и техника формовки шаровидных сосудов выдавливанием из кома глины. У некоторых фрагментов керамики на внутренней поверхности сохранились отпечатки ткани, свидетельствующие о том, что сосуды, особенно тонкостенные, лепились с помощью болванки — холщового мешка, наполненного песком. Этот способ изготовления керамики наиболее характерен для бегазинского времени, но появился он в предбегазинский период. Об этом весьма убедительно говорят приземистые, шаровидные горшки, най-

и размеру он аналогичен ковшеобразному сосуду из огады 5 комплекса Беласар. В землянке 3 Алексеевского поселения найдена ручка округлой формы, по-видимому, от подобного сосуда (чашки)¹⁴.

В погребениях срубной культуры Нижнего Поволжья и Нижнего Днестра также обнаружен сосуд сходной формы¹⁵.

Большой редкостью является и глиняная чаша, найденная среди обломков керамики около производственного очага. Чаша имеет форму шарового сегмента, с расширяющимся сверху устьем, круглым, полусферическим дном, прямой стенкой (рис. 124, 1). Верхняя половина чаши сплошь покрыта тонким геометрическим узором, выполненным оттисками мелкозубчатой гребенки. Точно такая же чаша, но с другим орнаментом, найдена в карасукском могильнике Верхней Оби¹⁶.

Вместе с другими предметами эпохи поздней бронзы чаша датирует существование поселения Шортанды-Булак XI—X вв. до н. э.

Обе описанные чаши не свойственны эпохе ранней и средней бронзы Центрального Казахстана. Они появляются здесь на завершающем этапе бронзы, в предскифское время и в несколько измененной форме переходят в культуру ранних кочевников. Не случайно круглые чаши распространены на широком степном пространстве от верховьев Оби на востоке до низовьев Волги на западе¹⁷, а на севере до границы лесостепей.

Среди находок имеются крупные обломки очень грубых толстостенных сосудов, некоторые из них с отпечатками плетенки. Судя по всему, это обломки тиглей, употреблявшихся для костровой плавки медной руды. Тигли с отпечатками плетенки встречены в плавильных центрах древнего Дзезказгана, в Милькудуке и Айнаколе. Н. В. Валукинский, описавший их, установил, что тигли формировались на плетеной основе¹⁸.

Бросается в глаза большое разнообразие форм и орнамента керамических изделий. В условиях замкнутого домашнего производства каждый мастер выделял посуду по-своему. Керамику обоих жилищ можно разделить на две группы: тонкостенную столовую и толстостенную

кухонную, без орнамента или с грубым и небрежно сделанным орнаментом. Среди сосудов первой группы — горшков, кувшинов, мисок, чашек, кувшинов со сливным носиком, кубков, чарок, кувшинов с высокой цилиндрической горловиной — немало изящных, с четким профилем, красивой шейкой и роскошным орнаментом. Для основной их массы характерны налепные валики, опоясывающие шейку и имеющие орнамент из наклонных линий. Очень широко представлены типы венчиков: они часто прямые, слегка отогнутые наружу, прямые высокие, с рельефным налепом, орнаментированные по основанию особым оттиском штампа в виде лапчатых и каплевидных вдавлений, много венчиков налепных, воротничкового типа, заштрихованных рядами наклонных прерывистых линий, желобками или кривой сеткой, встречаются сдвоенные и строенные налепы с характерным каплевидным вдавлением. Техника нанесения узора в основном традиционна, но неравномерна: в одних случаях он сделан грубо, в других — доведен до высокого мастерства. Кроме общеизвестных, применялись новые типы штампов, оставляющих оттиски лапчатых, каплевидных и овальных вдавлений. Очень выразительны оттиски штампов в виде полукруглых, лунообразных и треугольных вдавлений, глазчатых кружков, горошин, ря-

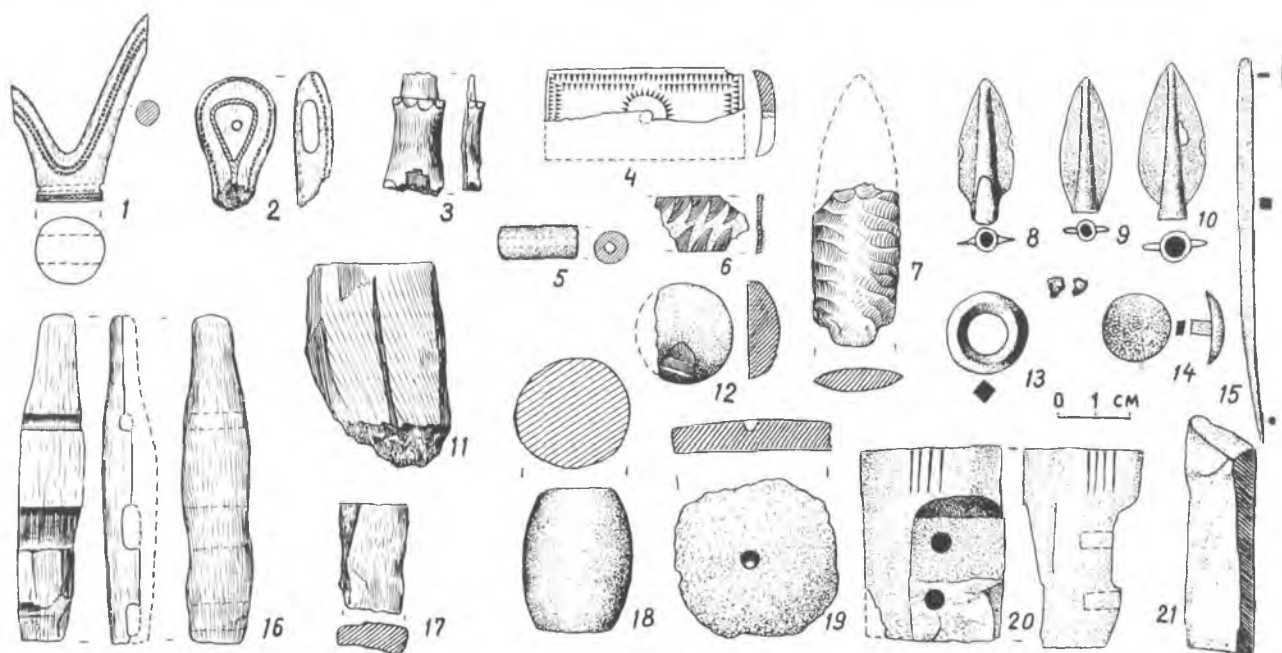

Рис. 127. Шортанды-Булак. Находки из жилища 21:

1— резной костяной циркуль; 2, 3— обломки резных костяных рукояток; 4, 6 — резные костяные пластинки; 5— костяная пронизка; 7— фрагмент кремневого наконечника стрелы; 11, 17 — обломки костяных предметов; 8—10— бронзовые наконечники стрел; 12— каменный полушар; 13— бронзовое кольцо; 14— бронзовая головка гвоздя; 15— бронзовое шило; 16— костяной псалий; 18— каменный инструмент в форме молотка; 19, 20— форма для литья; 21 — лоцило

дов Х-образных фигур, слегка покрытых черной краской. Широко распространены крупный гребенчатый штамп, гладкий линейный, дающий оттиски в виде косоугольных и ромбических сеток, наклонных линий, зигзагов, елочек, штампы из конических палочек с оттисками круглых точек, рядов ямочек, прерывистых линий. Часто встречается жемчужный орнамент в виде бугорков, или сосков, выдавленных изнутри. Такая техника орнаментации более всего характерна для керамики бегазы-дандыбаевского этапа.

Характерно, что ни один из найденных керамических сосудов Шортанды-Булака не напоминает по форме андроновскую керамику. Здесь все новое. Жилища, устроенные в строго прямоугольном плане с входной пристройкой, или тамбуром, напоминают плиточные мавзолеи Бегазы. В культурных слоях землянок не встречено предметов из кремня: наконечников стрел, дротиков, скребков и ножевидных пластинок, столь харак-

терных для более ранних поселений Центрального Казахстана. Это свидетельствует о полном отказе от традиционных кремневых орудий, унаследованных от эпохи неолита, и замене их новыми, бронзовыми. В виде реликта встречен лишь один массивный кремневый наконечник стрелы с двусторонней обработкой. По форме он аналогичен кремневым наконечникам стрел, найденным в поселениях Каркаралы II, III (Суук-Булак) и Тагибай-Булак.

Из орудий труда, найденных здесь, особенно привлекательно керамическое пряслице биконической формы (рис. 125 З). Удобная, рациональная форма орудия говорит о том, что получение пряжи и изготовление ткани из нее было одним из основных занятий поселенцев. Встречены обломки и других пряслиц, изготовленных из глины в виде круга с отверстием в центре.

Интересными находками отмечен уголок древнего мастера, расположенный в северо-западной

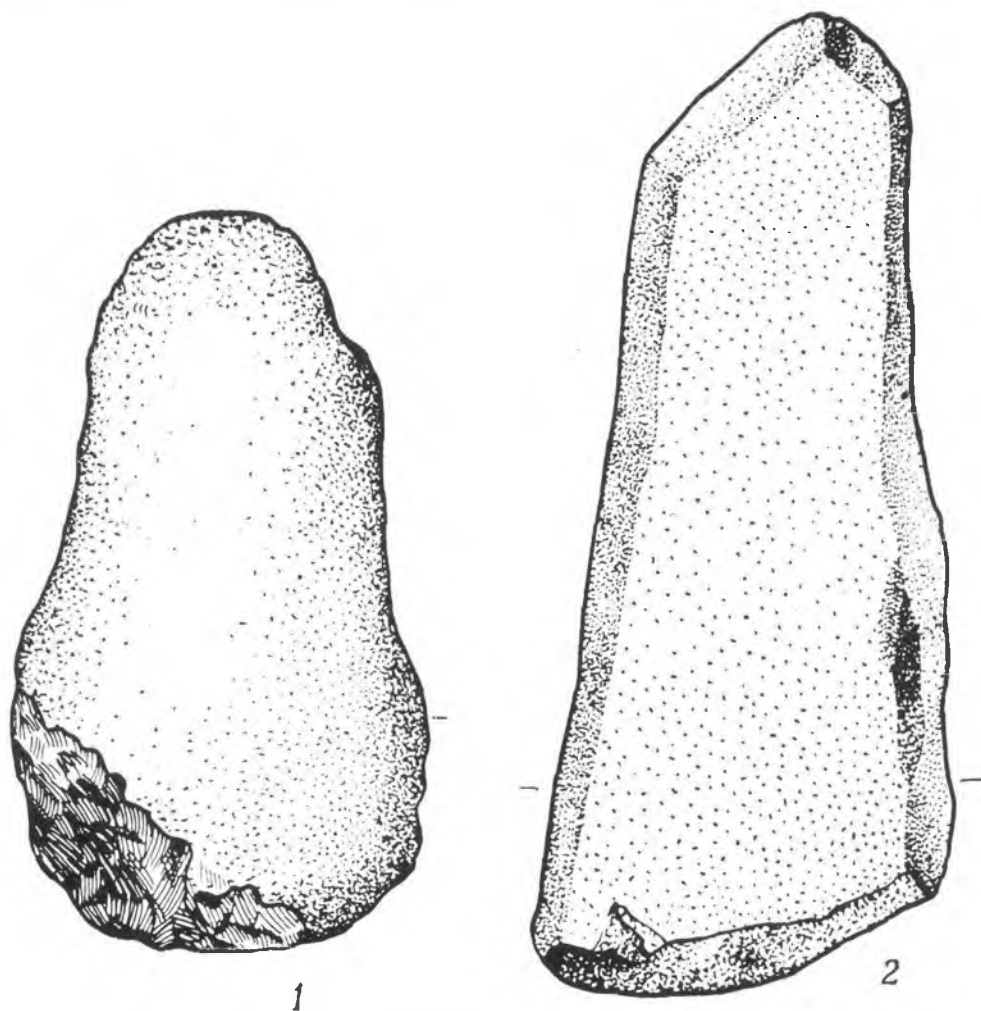

Рис. 128 Шортанды-Булак. Каменные орудия из жилища 14: 1, 2 — песты; 3, 4 — ступки

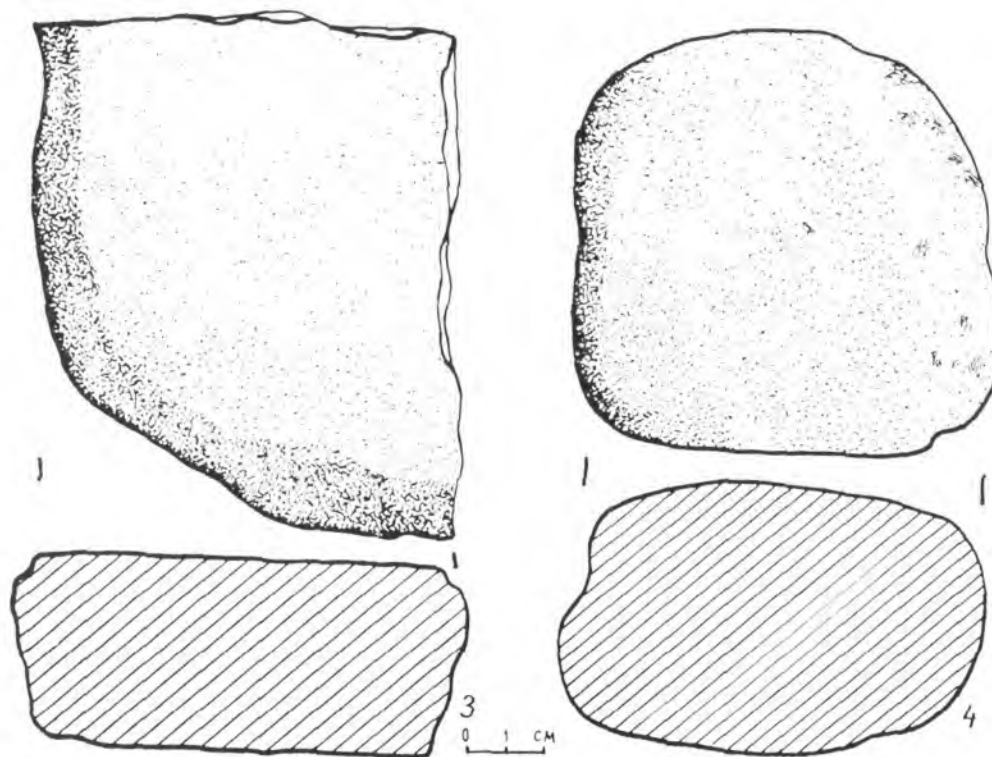

Рис. 128 Шортанды-Булак. Каменные орудия из жилища 14: 1, 2 — песты; 3, 4— ступки (продолжение)

части жилища. Среди значительного скопления отходов древнего домашнего производства в виде обломков кристаллов, кусков меди, шлака, обнаружены обрезки оленьего рога, заготовки из трубчатых костей (метаподии) крупных животных, недоделанные крышки для глиняных сосудов и т. д. Судя по находкам, существенное значение в домашнем производстве шортандинцев имело косторезное дело. Ряд костяных изделий дает представление о технике обработки кости. Костяная пуговица (рис. 125, 10) сделана в форме миниатюрного полушария с широкой петелькой на обратной стороне, вся наружная поверхность ее полирована. Диаметр пуговицы 1,8 см, высота 1 см. Из всех костяных пуговиц она наиболее оригинальна, тщательно выделана, функциональным назначением напоминает роговую застежку из Дандыбая. Близких аналогов не найдено, но часто встречаются бронзовые пуговицы, почти одинаковой с ней формы. Костяное шило имеет вполне законченную четырехгранную форму с одним острым концом (рис. 125, 5). Длина его 9 см.

Среди изделий выделяется трубчатая кость (метаподия) лошади, вернее, обрезок дистального конца метаподии, обрубленной небрежно, по-видимому, каменным топором (рис. 126, 1). И почти не обработанной. Орнамент нанесен острым

инструментом очень выразительно, в виде ромбических и треугольных фигур. До нанесения орнамента поверхность костяного обрезка подвергнута тщательной полировке. Длина обрезка 15,5 см, ширина 3,5–5 см. Назначение этого изделия остается не ясным. Возможно, это футляр для острых бронзовых орудий типа шильев, острых булавок, проколов.

Резная кость до сих пор была неизвестна в памятниках культуры бронзы степных районов. Костяные пластинки, орнаментированные геометрическим узором, встречаются в памятниках более раннего времени (верхний палеолит, неолит)¹⁹, однако обработка трубчатых костей крупных и мелких животных и особенно метаподий лошади приобрела широкий размах у скотоводов эпохи поздней бронзы. Метаподии с хорошо полированной поверхностью или в виде заготовок находили неоднократно²⁰.

В Атасуском поселении их найдено около 10, Каркаралинском поселении II — 6, в Шортанды-Булаке — 6, в Бугулы II — 3. Выделение этих костей среди других говорит о каком-то их особом значении в домашнем производстве племен эпохи поздней бронзы.

Большой редкостью является костяной стакан цилиндрической формы с плоским дном, прямыми стенками и хорошо полированной поверх-

Рис. 129. Коллекция Карагандинского музея из Каркаралы: 1—7, 11, 12— каменные наконечники стрел; 8, 9— ложила; 10— нуклеус; 13— медный стержень; 14, 17, 18— каменные шарики; 15, 16— каменные льячки

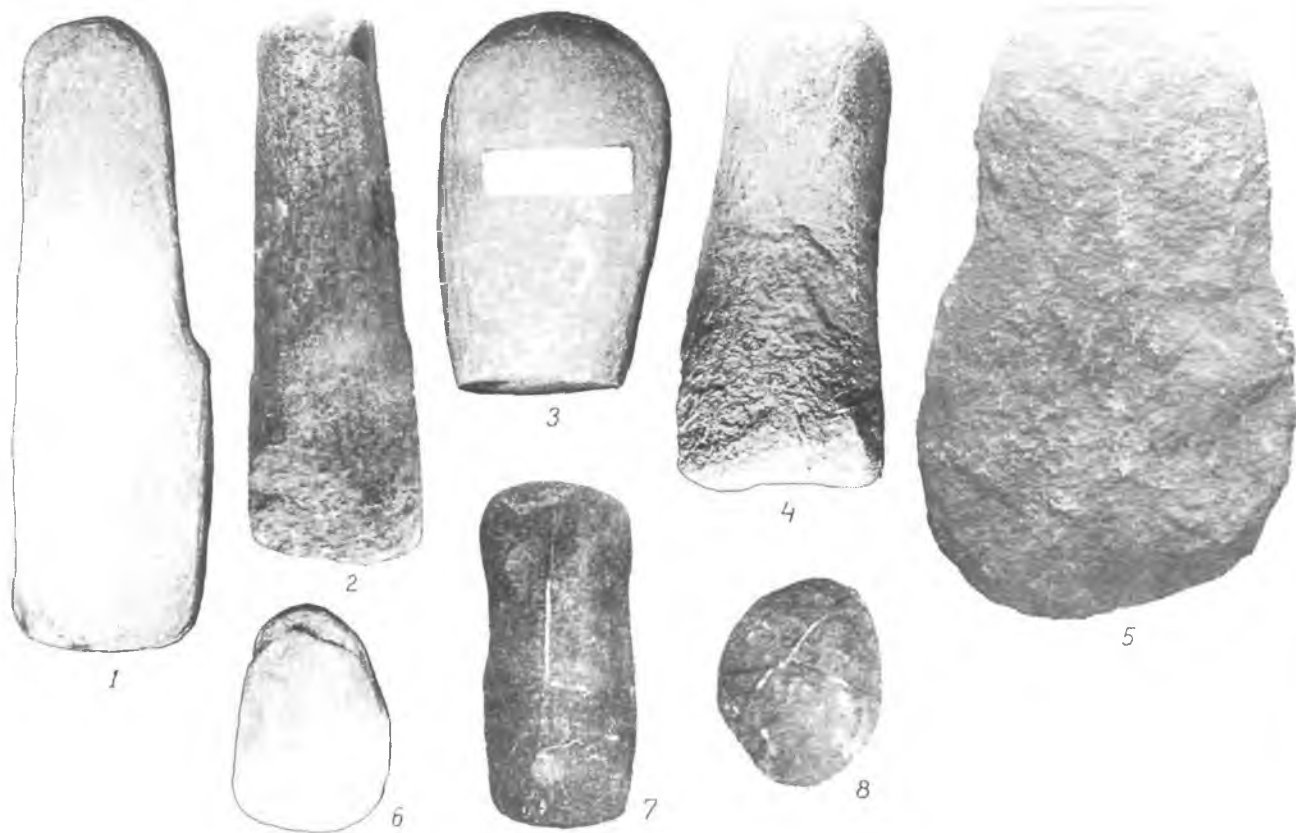

Рис. 130. Каркаралы I. Каменные орудия: 1—4, 7— песты; 5— мотыга; 6, 8— тёрочки

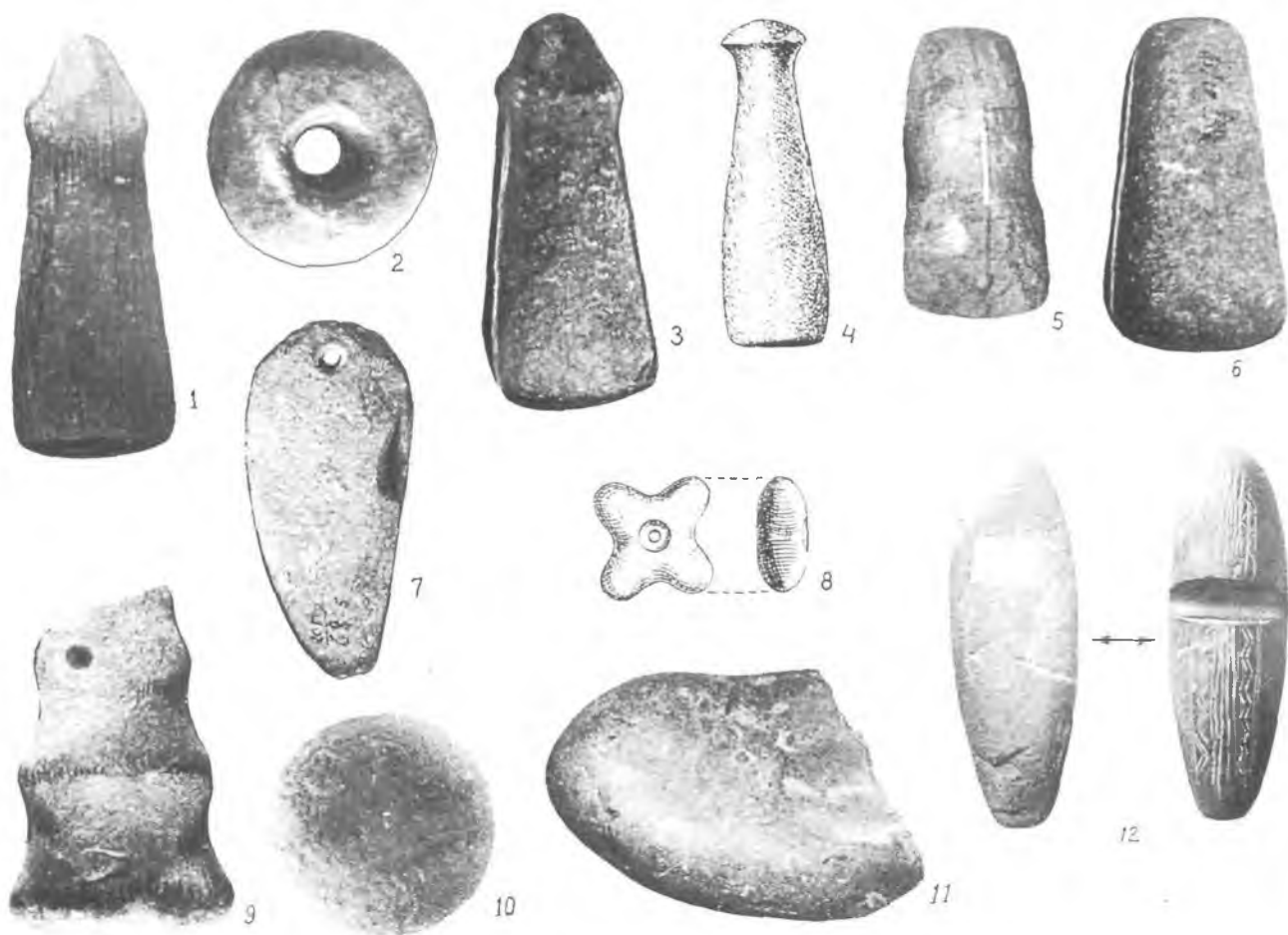

Рис. 131. Каркаралы I. Каменные орудия: 1, 3— ювелирные молотки; 2— круг-подставка; 5, 6, 9— молотки; 7— точильный камень; 10— тёрочка; 11— каменная форма; 4, 8— ювелирный молот и подставка из рудника Текели (Талды-Курганская обл.); 12— выпрямитель из поселения в долине р. Моинты

ностью (рис. 125, 4). Он найден возле производственного очага. Здесь же прослежено значительное скопление раздавленных глиняных сосудов, большинство из которых имеет нарядный орнамент и относится к типу тонкостенных, а также лопатка крупной лошади со следами применения. На древних рудниках Джезказгана, Степняка, Бестобе и др. подобная лопатка служила совком. К интересным находкам относится молоток из оленьего рога, использовавшийся в горном деле (рис. 126, 2). Молоток имеет округлый рабочий конец и цилиндрическую рукоятку. Вообще орудия из оленьего рога широко распространены в культуре бронзы, особенно Центрального и Северо-Восточного Казахстана. Они часто встречаются в разнотапах древних рудников Джезказгана, Саяка, Тесиктаса, Степняка, Алабуга.

Из других костяных изделий (рис. 127) наиболее интересен редкий экземпляр костяного пса-

ля параболической формы с тремя отверстиями, из которых среднее, прямоугольно-овальной формы, наиболее крупное; пронизка цилиндрической формы с четким обрезом и тщательно отполированной поверхностью; обломок пластинки прямоугольного профиля, орнаментированной тонкой резьбой в виде рядов треугольных фигур с высокими вершинами; накладка прямоугольной формы, у которой одна сторона выпуклая, другая же вогнутая, украшена тонкой резьбой по бордюру двумя рядами миниатюрных треугольников с высокими вершинами, соляренный круг в центре покрыт резьбой тех же мотивов. Привлекают внимание и обломки костяных рукояток орудий или оружия (шильев, кинжалов, ножей, штампов), искусно обработанных тонкой резьбой. Встречаются рукоятки двух форм — округлой и цилиндрической. Уникален костяной циркуль с заостренными раздвоенными концами, из которых один длинный, другой короткий,

с круглым основанием и выемкой для ношения на петельке. Бортовая линия инструмента окаймлена тонкой резьбой из двух рядов миниатюрных равнобедренных треугольничков, вершины которых идут то вверх, то вниз. Вполне возмож-

предметы и их заготовки, в частности трубочка в виде цилиндрической шляпы с узкими полями (рис. 125, 12), предмет полукруглой (рис. 125, 9) формы, литые пластинки лентообразной формы — заготовки для различных поделок и медных укра-

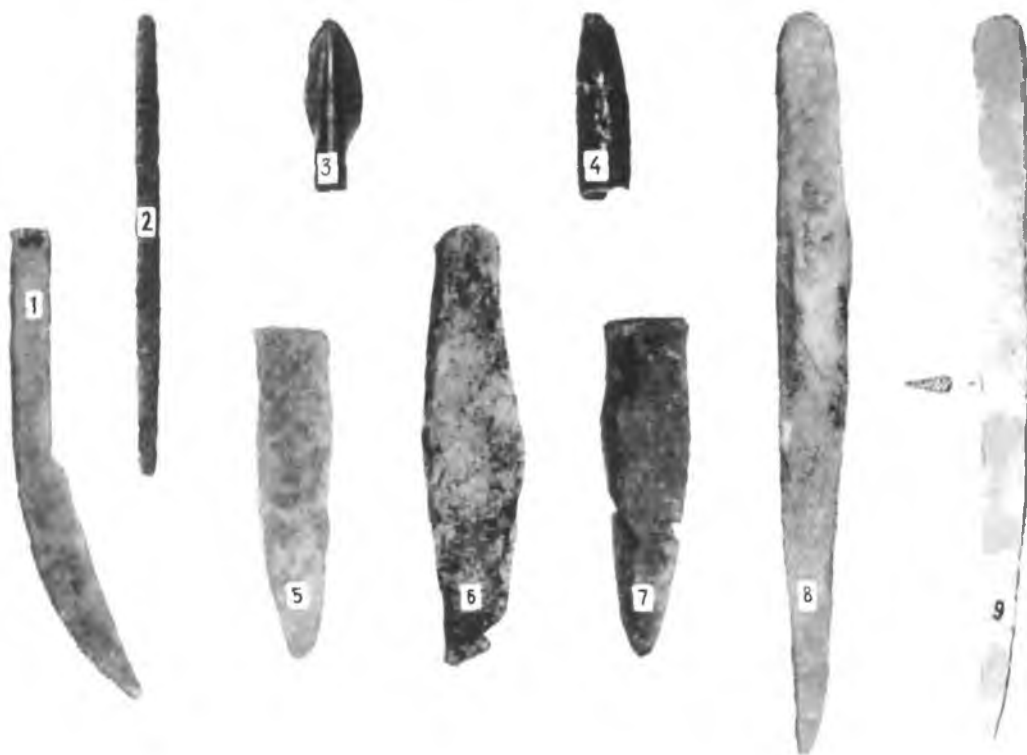

Рис. 132. Бронзовые изделия: 1, 5–9— ножи; 2— шило; 3, 4— наконечники стрел. 1— из Каркаралы I; 2–5, 7, 8— коллекция Карагандинского музея (долина р. Нуры); 6— из кургана-ограды I комплекса Ортау (Жаман-Узень); 9— из Карагандинского поселения 15

но, что циркуль служил и в качестве штампа для нанесения резного орнамента и для измерения объектов.

Вокруг очагов собраны различные бронзовые

шений, шило и др. Особо выделяется бронзовая пластинка с одной стороны плоская, с другой выпуклая, последняя покрыта черной краской и рисунком в виде мелкой сетки и ромбов. Длина пла-

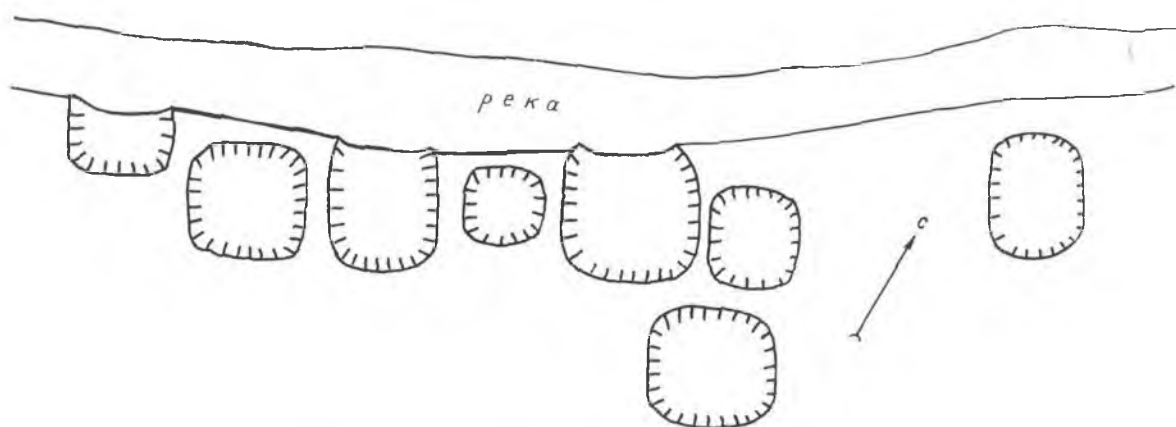

Рис. 133. План поселения Каркаралы II (съемка 1955 г.)

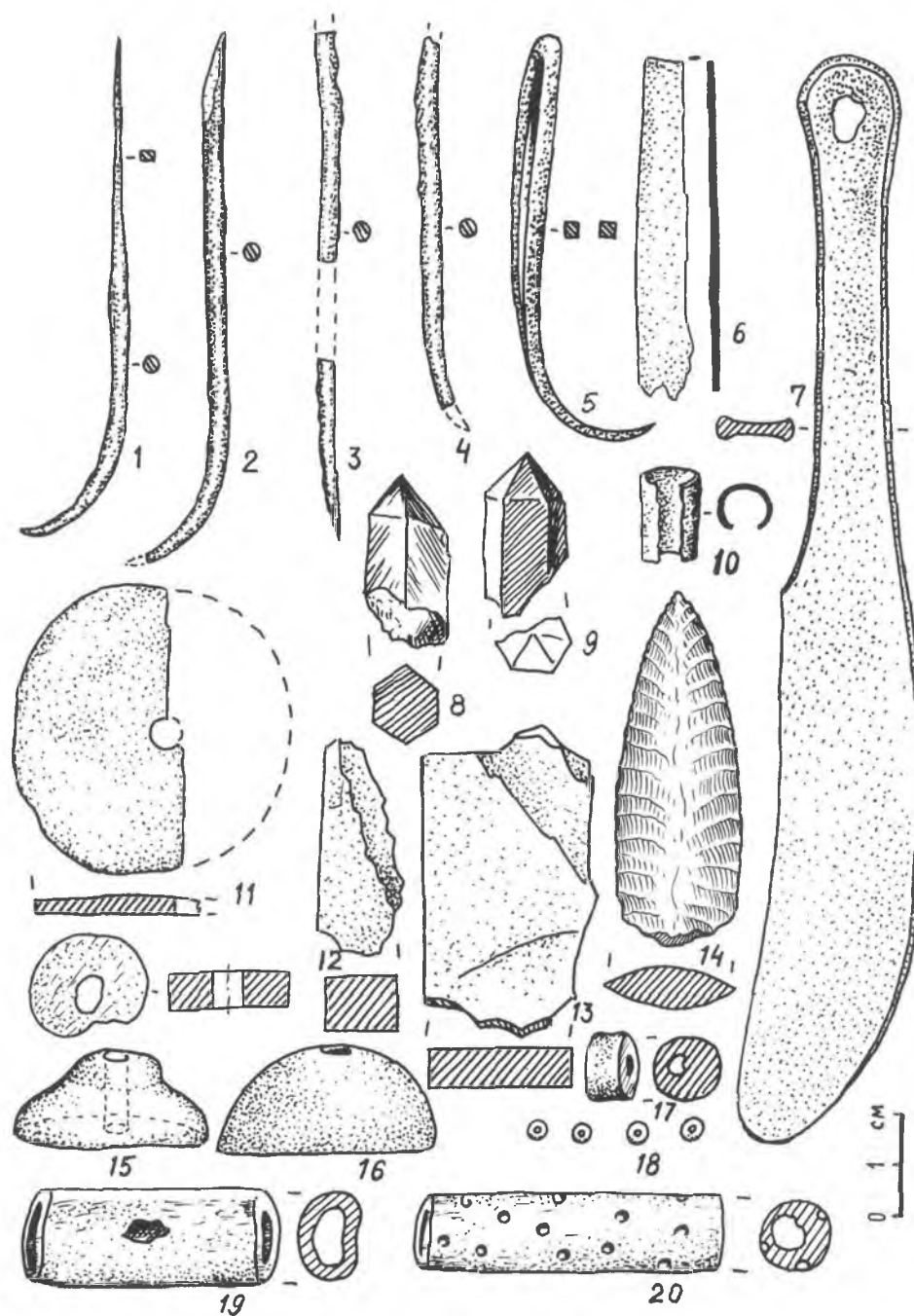

Рис. 134. Находки из Каркаралинского поселения II:
 1–5— медные инструменты для резьбы; 6— медная пластинка; 7— большой бронзовый нож; 8, 9, 12, 13— обломки кристаллов; 10— бронзовая обойма, 11— керамическое пряслице; 14— кремневый наконечник стрелы; 15, 16— костяные пряслица; 17— буса костяная; 18— каменные бусинки; 19; 20— костяные трубочки

стинки 3 см, ширина 1 см (рис. 125, 6).

На дне жилища 21 найдены три массивных наконечника стрел, из которых один черешковый, два — втульчатых. Все они листовидной формы, с рельефным валиком по продольной оси, с заостренными концами (рис. 127, 8–10). Обраща-

ет на себя внимание ширина оперения, достигающая 5 см. Спектральным анализом установлено, что два наконечника вылиты из бронзы, один — из железа с примесью других элементов, причем последний сохранился лучше. Характерно, что перья наконечника отработаны не в виде

лезвия, а с некоторым затуплением, в виде бортовой кромки.

Из других находок надо отметить большое бронзовое шило четырехгранной формы (рис. 127, 15), бронзовое кольцо — орудие для смягчения и обработки сыромятного ремня и выпрямления тетивы лука (рис. 127, 13), обломок большого гвоздя со шляпкой (рис. 127, 14) и др. Значительное количество орудий горного дела: массивные каменные песты, ступки, молотки, терки свидетельствует о том, что жители поселения Шортанды-Булак наряду со скотоводством занимались металлургией. Пест 1 (рис. 128, 1) цилиндрической формы, с круглой рукояткой и утолщенной рабочей частью. Изготовлен из камня, вся поверхность тщательно отполирована. От неоднократного употребления рабочий конец деформирован. Пест 2 (рис. 128, 2) четырехгранной формы в виде мотыги, с плоской рабочей частью и прямоугольной рукояткой. Изготовлен из алевролита. Стороны тщательно отполированы.

Пест 3 изготовлен из алевролита, имеет цилиндрическую форму, круглое сечение, поверхность тщательно отполирована.

Пест 4 с обломанным концом, цилиндрической формы, размером 11х11 см, толщиной 7 см. Изготовлен из сероватого песчаника, все стороны обтесаны и отполированы. Ступка 2 (рис. 128, 3) изготовлена из красного песчаника, имеет треугольную форму с закругленными бортами, поверхность гладко отшлифована. Аналогов этим орудиям много. Большое количество ступок и пестов, различных по форме, было найдено в древнем металлургическом центре Джезказгана, в поселениях Милькудук, Соркудук и Айнаколь, а также в поселениях Северного и Восточного Казахстана.

Из каменных орудий особо выделяется метательный шарик яйцевидной формы, с выемкой в узком конце для привязывания тонкого ремня (рис. 125, 1). Шарик выточен из мягкого песчаника с одним более широким концом, другим сравнительно узким. На поверхности шарика достаточно четко прослеживается рельеф в виде полумесяца. Точно такой же знак имеется на венчике керамического сосуда из жилища 1 Каркаралинского поселения II²¹, на бронзовом кинжале из села Кетабок в Азербайджане²².

Несомненно, этот знак когда-то был связан с героической традицией древних племен. Не полностью обработанный шарик, найден в уголке древнего мастера, возле его производственно-

го очага. Шарик тщательно выточен из плотного камня. Метательные шарики были эффективным оружием древних воинов и охотников. Не удивительно, что они приобрели сакральное значение, подобно тому, как некоторые предметы вооружения казахских богатырей средневековья стали объектом почитания. Шарики энеолитического времени более крупные, размерами 6х10 см (стоянка Шыбынды). В памятниках Центрального Казахстана метательных шариков найдено очень много в окрестностях Караганды и Каркаралы, на стоянках Джезказгана.

Интересный образец метательного шарика обнаружен при раскопке могильника Досан эпохи бронзы, на территории совхоза «Бесоба» Каркаралинского района. Он круглый, выточен из мягкого камня в четкой октаэдрической форме (рис. 125, 7). Аналогичного характера шарик найден на Северном Кавказе в районе Кабарды²³.

Обилие остеологического материала, найденного при раскопках двух жилищ, говорит о том, что ведущую роль в хозяйстве жителей Шортанды-Булака играло скотоводство. Они разводили мелкий и крупный рогатый скот и лошадей. Судя по костным остаткам, жители поселка в пищу употребляли больше баранину, затем конину и говядину. По данным Л. А. Макаровой, кости мелкого рогатого скота (баранов и коз) составляют 45%, лошадей — 30%, крупного рогатого скота — 25%. Только в одном жилище здесь обнаружено костей в два раза больше, чем в поселениях рудокопов и металлургов (Джезказган, Суук-Булак, Каркаралы II, Тагибай-Булак). Это дает основание заключить, что шортандинцы имели довольно значительное количество скота, как и жители Атасуского и Алексеевского поселений. Бросается в глаза отсутствие костей диких животных. Встречены лишь обработанные рога оленя и фрагменты нижней челюсти бобра. Однако это еще не дает основания утверждать отсутствие промысловой охоты.

Судя по находкам, поселение было оседло-скотоводческим, но яйлажного типа. На это прежде всего указывает обилие скота и, кроме того, видовой состав стада, приспособленный для подвижного хозяйства с относительно частой сменой пастбищ. На полу жилищ встречено несколько зернотерок, свидетельствующих о существовании каирного земледелия, имевшего подчиненное значение.

Богатый материал, полученный в результате раскопок поселения Шортанды-Булак, дает ясное представление о комплексном характере

хозяйства обитателей поселения: преобладании скотоводства, наличии земледелия, горного дела и существовании различных видов домашнего производства.

Каркаралинская группа

Каркаралинская степь являлась крупнейшим горнометаллургическим центром Центрального Казахстана в эпоху бронзы. Вместе с Баянаульской степью на севере, Прибалхашской на юге, Ишим-Сарысуйской на западе она составляла важнейший историко-культурный узел региона, оказавший влияние на распространение культуры бронзы в степной полосе Евразийского континента. Свидетельством этого является наличие крупных древних рудников (Атабай, Адиль, Шурук, Кентобе, Кзылэспе, Коргантас, Саяк и др.), многочисленных поселений, обширных погребальных полей, остатков монументальных каменных сооружений.

Каркаралы I. Судя по культурным остаткам, это было довольно крупное поселение в живописной долине речки Каркаралинка, у ее выхода из горного ущелья. В наше время от древнего культурного массива почти ничего не осталось: площадь поселения полностью занята городскими постройками и огородами. При землеройных работах время от времени вскрываются остатки древней культуры в виде керамики, орудий труда, костей животных и нередко каменных очагов со скоплением золы. В 1940 г. на площади поселения, в обрыве р. Каркаралинки, геологом И. А. Могилевским были открыты остатки медеплавильных печей с круглым подом и шлаками²⁴.

По сообщению В. Е. Ясенецкой, «в оврагах вблизи города есть очень много шлаков и остатки плавильных печей небольшого размера в виде ям с обнаженным подом»²⁵.

По своему характеру каркаралинские плавильные печи очень сходны с найденными в Калбинских горах и на р. Бала-Терсаккан.

Богатый подъемный материал на площади поселения и в его культурном слое собран краеведом В. Е. Ясенецкой. В ее коллекции, хранящейся в Карагандинском краеведческом музее, немало интересных и редких орудий труда и предметов обихода, свидетельствующих о хозяйственной и культурной жизни поселения в эпоху поздней бронзы (рис. 163).

Среди них обломки глиняных сосудов, орудия горного дела (рис. 130) типа кайл, мотыг, клинов, топоров, рудодробильных орудий, различные

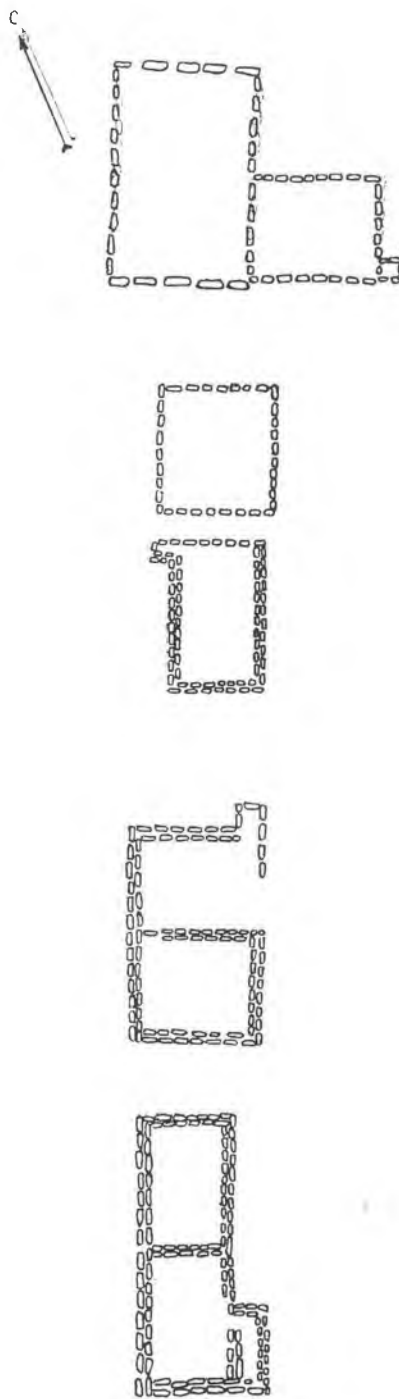

Рис. 135. Тагибай-Булак. План поселения

типы пестов, молотков, ступок, каменные круги с отверстием в центре (рис. 131), каменные и бронзовые наконечники стрел (рис. 132). Основная их масса извлечена из культурного обнажения в обрыве р. Каркаралинка.

В. Е. Ясенецкой найден один из наиболее оригинальных ножей Казахстана, относящийся к эпохе поздней бронзы (рис. 132, 1). Нож отлит

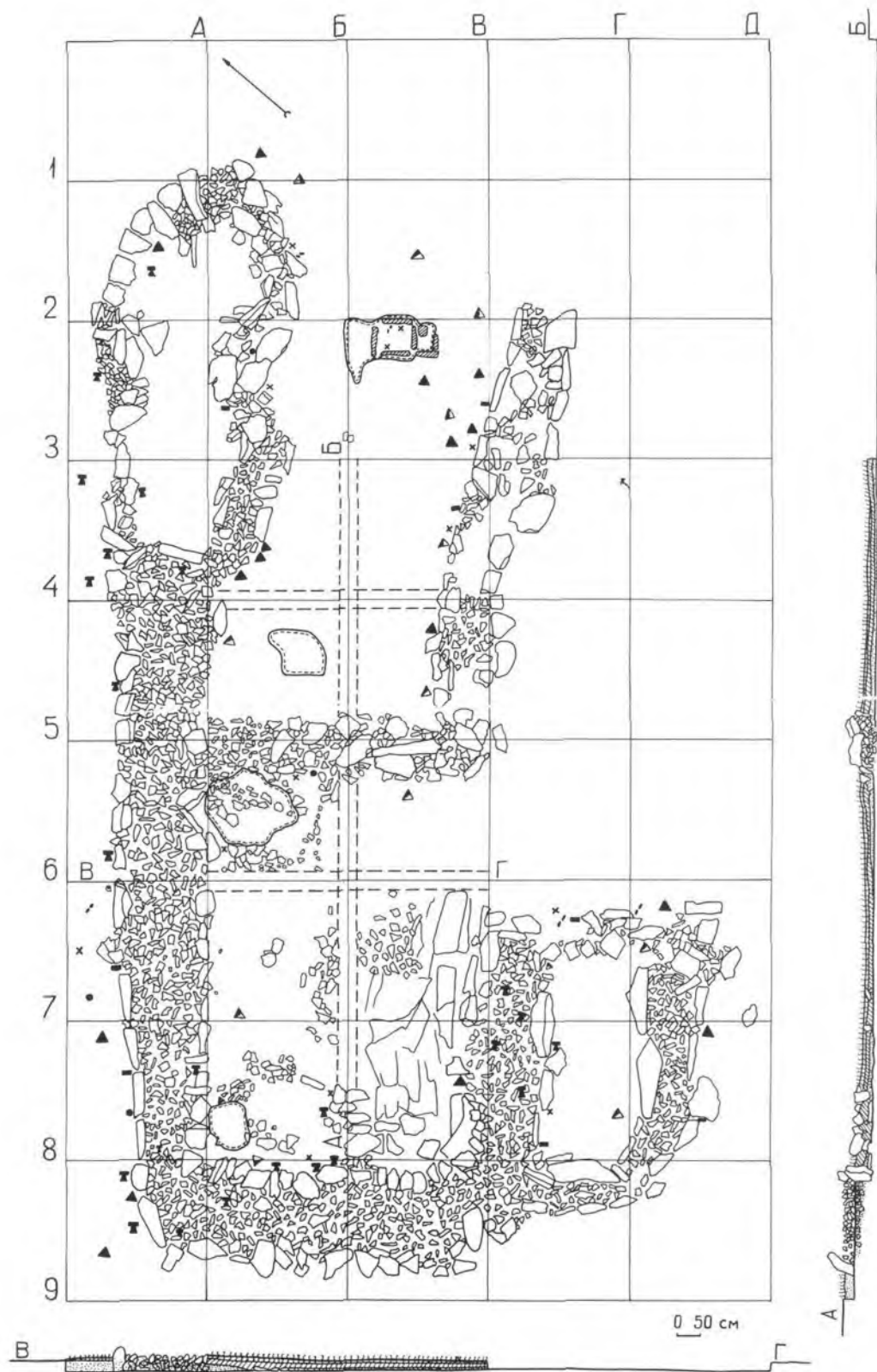

Рис. 136. Тагибай-Булак. План и разрезы жилища 1

Рис. 137. Тагибай-Булак. Вид жилища 1 с севера

из бронзы, по типу сходен с бронзовым ножом, найденным в поселении Каркаралы II: оба имеют дугообразную форму, крутой выступ, отделяющий лезвие от рукоятки. Однако он отличается прежде всего узким, слегка изогнутым клинком, заостренным концом лезвия и тонкой прямоугольной рукояткой без закругления наверху. Отверстие на конце рукоятки не пробито, а сделано при литье в виде прямоугольной пельки.

Привлекает внимание бронзовый слиток весом до 8 килограммов. Находки и топография поселения ясно показывают, что здесь в основном жили металлурги, занимавшиеся, кроме того, и скотоводством.

Каркаралы II. Поселение это более раннее, чем Суук-Булак и Шортанды-Булак. Однако по структуре жилых строений и по культуре Каркаралы II очень сходно с этими поселениями (рис. 133).

Жилища здесь также обложены плахами, низ их опущен в землю на 45–60 см, они имеют прямоугольное очертание, ориентированы длинной осью с запада на восток.

При съемке в 1955 г. на площади поселения хорошо был виден контур восьми жилищ в виде широких углублений. К 1962 г. осталась лишь половина их. Они уцелели благодаря тому, что

находятся на краю обрыва речки, и их культурный слой толщиной 30–40 см хорошо виден. Площадь, занимаемая поселением, довольно обширна — 7500 м² (150x50). Кроме остатков жилых строений здесь сохранилось много хозяйственных ям круглой и овальной формы, в том числе ямы водосборные для мокрой флотации, склады для хранения обогащенной руды и т. д. Характер этих ям такой же, как на Милькудуке, в Джебказгане.

В поселении Каркаралы II раскопано всего три жилища. Лучше сохранилось жилище 1, остальные два сильно повреждены и не отличаются особо интересными находками.

Жилище 1: западная часть, примыкающая к обрыву реки, смыта весенним половодьем. Сохранившаяся площадь землянки около 240 м² (12x20 м). Заполнение жилища состоит из трех слоев: гумусового толщиной 60 см, глинистого толщиной 35 см, подзолистого толщиной 35 см. Жилище можно отнести к типу полуземлянки, опущенной в грунт на глубину 50–60 см. Жилище было построено из толстых бревен в прямоугольном плане, ориентированном с запада на восток. Следы бревенчатых стен хорошо видны по контурам пятен сгнившего дерева в виде буро-желтых полос шириной 20–25 см. В пятнах встреч-

ны куски березовой коры, свидетельствующие об использовании стволов березы. Полосы идут вдоль стен, образуя четкие углы; на углах и вдоль стен обнаружены круглые ямки от столбов, поддерживавших перекрытие. Судя по диаметрам ямок (30—35 см), столбы были толстые.

Интересно, что жители некоторых поселений

кими углами срубной постройки. В северо-восточном углу жилища находился большой очаг округлой формы. Диаметр его около 3 м, глубина до 35 см.

Жилище 2 выступало в обрыве р. Каркаралинки в виде корытообразного углубления, толщина культурного слоя 30—40 см. Заполнение

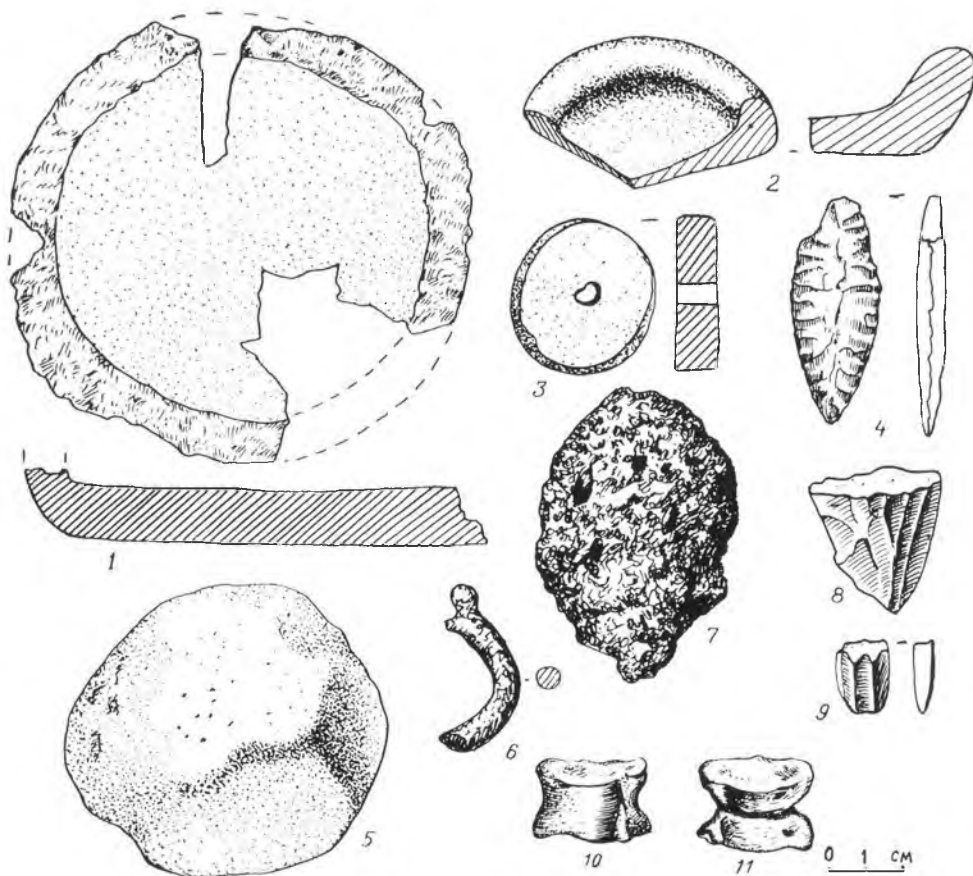

Рис. 138. Тагибай-Булак. Находки из культурных слоев жилища 1:1, 2 — обломки тиглей; 3 — керамическое пряслице; 4, 8, 9 — кремневые орудия; 5 — каменный терочник; 6 — железный стержень; 7 — бронзовый шлак; 10, 11 — астрагалы

Центрального Казахстана отказывались от каменной конструкции и свои жилища строили из плах и бревен. Об этом свидетельствуют деревянные стены жилищ Каркаралы II и Суук-Булака, расположенных по соседству. Об отсутствии камня в районе Каркаралинских гор говорить не приходится: вблизи поселений — нагромождение каменных скал и гранитных осыпей, нередко лежащих пластами. По-видимому, при постройке жилищ жители поселения предпочитали более доступный для обработки материал.

Пол в жилище обнаружен на глубине 0,7—0,8 м. Он неровный, с некоторым углублением в центре. Лучше сохранился контур южной стены с чет-

жилища состояло из дернового и гумусового слоев с остатками бытовых предметов, ниже следовала чистая супесь, смешанная с крупным песком. Жилище также было построено из бревен в прямоугольном плане на площади около 300 м² (сохранившиеся размеры 14x18). Как и в Атасуских жилищах, пол обмазан толстым слоем глины. Очаг в виде четырехугольной ямы находился в северо-западном углу. Другой очаг в виде округлой ямы располагался в центре жилища, ближе к его южной стене. Культурные остатки в основном сосредоточены в центре жилища, около очагов. Среди множества обломков керамики крупные фрагменты раздавленных сосудов, со-

вершенно сходные с керамикой жилища 1. Здесь же встречены каменные рудодробильные орудия, каменные мотыги, кости животных, костяные орудия – тупики из нижней челюсти коровы для выделки кожи.

Жилище 3: северо-западная половина его, примыкающая к обрыву реки, полностью смыта. По своей структуре очень сходно с жилищами 1 и 2. Было сложено из бревен и деревянных столбов прямоугольной формы, ориентировано длинной осью с запада на восток. Сохранившаяся

площадь жилища 112 м². В культурном слое встречено много обломков керамики, кости животных, шлаки, куски обгорелого дерева, древесные угольки, каменные орудия и др. Характер культурного слоя совершенно такой же, как в жилищах 1 и 2.

Большой интерес представляют находки из жилища 1. Культурные остатки сосредоточены преимущественно в северной и северо-восточной частях жилища, около очага. В основном это обломки керамики, затем изделия из бронзы,

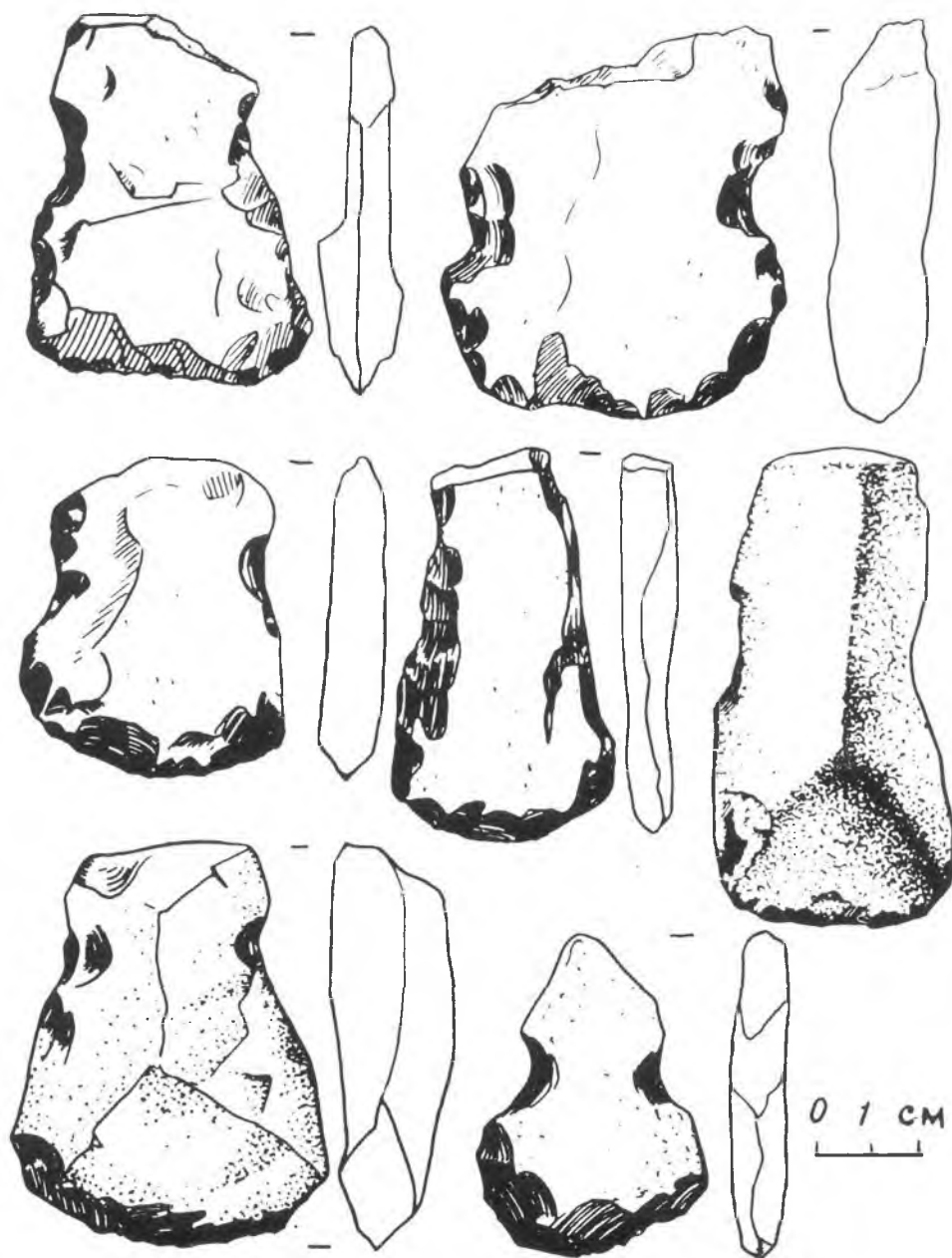

Рис. 139. Тагибай-Булак. Каменные мотыги из жилища 1

предметы украшения и орудия труда (рис. 134).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что среди культурных остатков почти нет изделий из кремня. В этом отношении Каркаралы II напоминает поселения Шортанды-Булак, Суук-Булак и Тагибай-Булак. В виде реликвии встречен лишь кремневый наконечник стрелы очень изящной листовидной формы, с тонкой ретушировкой обеих сторон (рис. 168, 14). Сход-

ный экземпляр наконечника копья найден на площадке поселения Каркаралы I.

В северо-западном углу жилища стояли два раздавленных глиняных горшка. Горшки плоскодонные, один с венчиком, отогнутым наружу, и орнаментом в виде рядов крестиков, опоясывающих нижнюю часть шейки. Другой горшок толстостенный, с налепным валиком по основанию шейки, на валик нанесен орнамент — ряды ром-

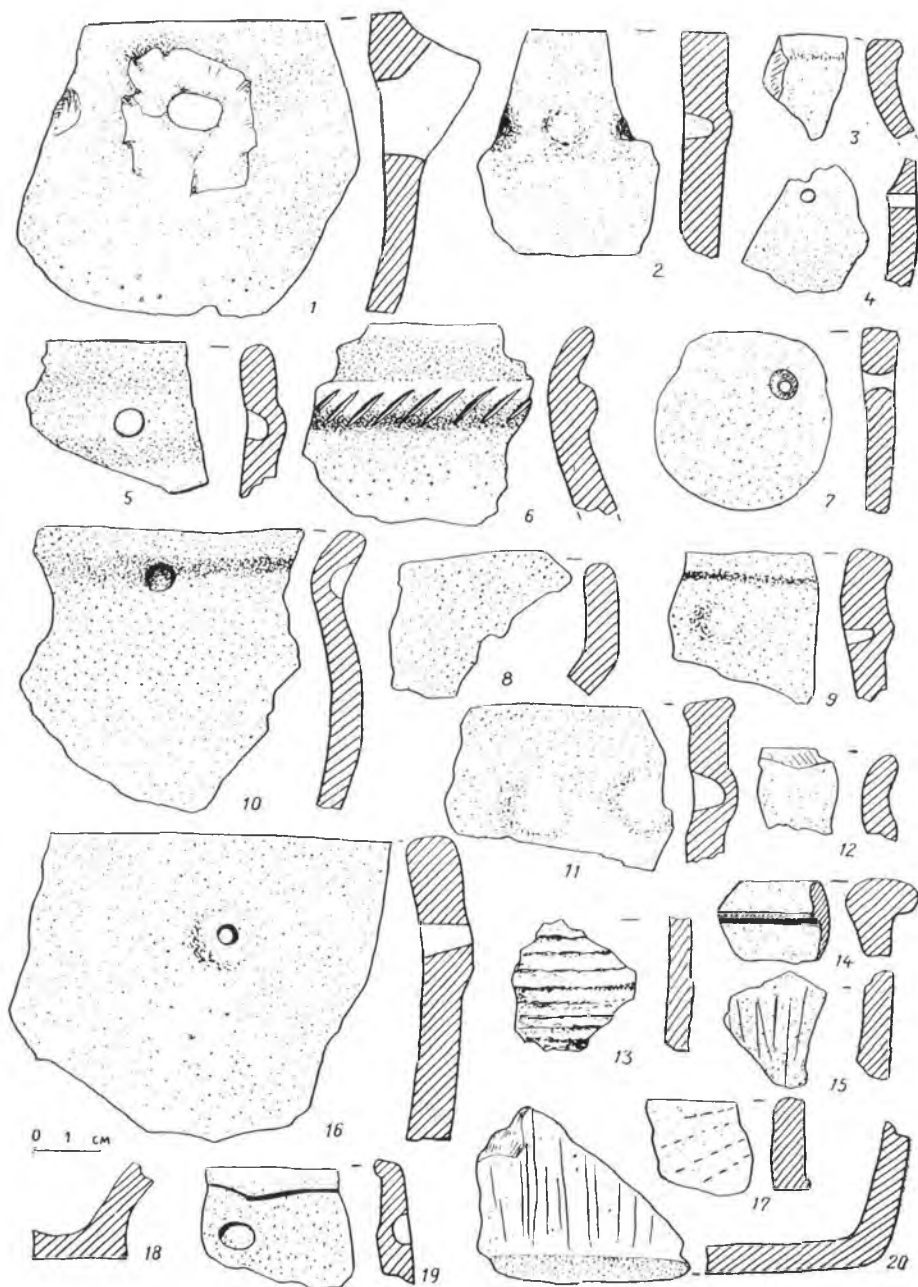

Рис. 140. Тагибай-Булак. Керамика из жилища 1

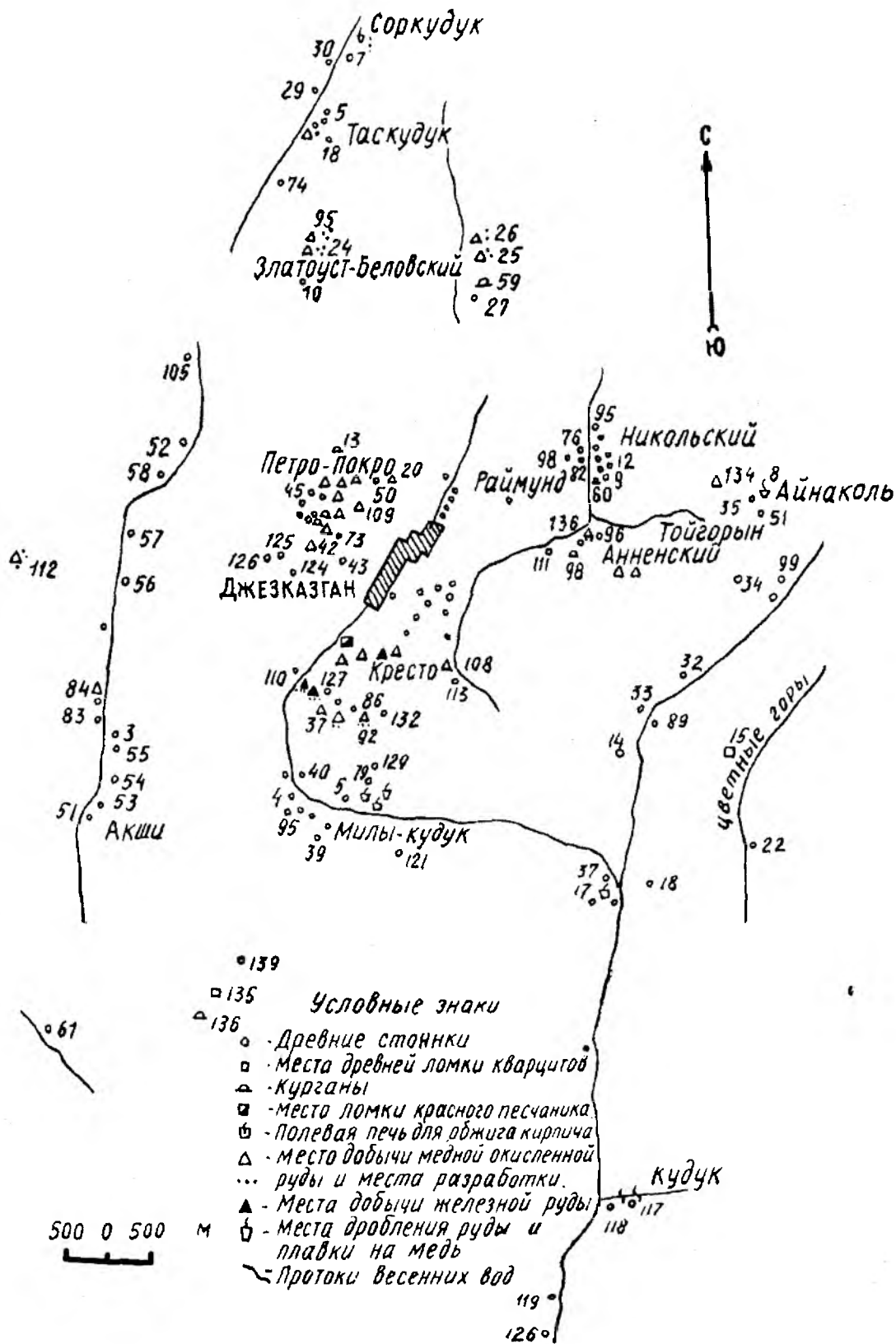

Рис. 141. Схематическая карта памятников Джезказгана

бических фигур, выполненных линейным штампом.

Среди многочисленных обломков керамики были крупные фрагменты больших сосудов с узким цилиндрическим горлом и сильно выступающими боками, т.е. типа кувшина с наклепным венчиком по краю узкого горла.

Образцы подобных сосудов найдены в плиточном мавзолее 1 Бегазы, на Долгой Гриве (Верхняя Обь)²⁶ и при раскопах поселения Трушниково на Верхнем Иртыше²⁷.

Все фрагменты керамики относятся к эпохе поздней бронзы. На внутренней стенке одного из обломков хорошо видны отпечатки ткани, указывающие на технику лепки сосуда при помощи болванки-мешка, наполненного песком. Эта техника широко распространена в поселениях эпохи бронзы Каркаралинской степи, Шортанды-Булак и Бугулы.

Об изготовлении пряжи и широком развитии ткачества говорит значительное количество пряслиц в культурном слое жилища 1. Встречены два типа пряслиц; один изготовлен из гальки круглой формы, другой — из головок трубчатых костей крупных животных (рис. 134, 15, 16). Диаметр пряслиц из гальки 6 см, толщина 4—5 мм, диаметр костяных пряслиц 2,5 см, толщина 7 мм. Костяные пряслица, в свою очередь, представлены двумя видами: полусферической формы с отверстием в центре и в форме усеченного конуса, напоминающего дамскую шляпу с круглым навершием. По своим размерам и форме они сходны с пряслицами, употреблявшимися казахскими мастерицами в позднем средневековье.

Очень своеобразны две трубочки (рис. 134, 19, 20), изготовленные из трубчатых костей крупных птиц или пушных зверьков. Поскольку они не имеют следов использования, обработка их, надо полагать, полностью не закончена. Обе трубочки цилиндрической формы имеют четко обрезанные концы — свидетельство применения какого-то очень острого инструмента. Поверхность одной из трубочек гладкая, без орнамента. Другая трубочка с ямками глубиной до 1,5 мм. По характеру каркаралинские трубочки сходны с бегазинскими, с той лишь разницей, что бегазинские трубочки имеют вполне законченный вид и, кроме того, следы многократного употребления. Бытовое назначение этих трубочек остается не совсем ясным. Можно только отметить, что такие костяные трубочки казахи употребляли для смягчения и обработки тонких ремней из сыромятной кожи

(таспа), идущих на изготовление конской сбруи, убранства седла, для плетения камчи и конской узды.

Среди костяных обрезков имеется предмет круглой формы, длиной не более 0,5 см, диаметром 1,5 см, что соответствует диаметру тех же трубочек (рис. 134, 17). Несомненно, это заготовка для бус.

Среди других культурных остатков особое место занимают медные и бронзовые изделия, орудия горного дела, шлаки, свидетельствующие о древнем металлургическом производстве в Каркаралинской степи. Остатки бронзовых изделий находились в центральной части жилища 1, около большого очага. Здесь же встречены шлаки, сплав бронзы, куски железной руды, каменные рудодробильные орудия, в том числе каменные песты цилиндрической и конусовидной форм для растирания руды (терочки), каменные молоты, кайла. Шлаки и орудия горного дела обнаружены и в культурных слоях жилищ 2 и 3 поселения Каркаралы II.

Большой интерес представляет миниатюрный каменный молоток кубической формы с одним желобком, опоясывающим инструмент посредине, каменные молотки параболической формы с тремя кольцевыми желобками для прикрепления деревянной рукоятки. Аналогичных пестов найдено очень много, особенно в поселениях Улутау, Джекказгана, Караганды и Суук-Булак.

Из орудий обработки металла особенно интересен инструмент вытянутой формы с узкой конической головкой. Точно такие же орудия найдены в Зеленой балке под Карагандой, в поселении Суук-Булак (Каркаралы III), в отвалах древнего рудника Текели и в поселении Малая Красноярка на Верхнем Иртыше²⁸.

Неотъемлемая часть этого инструмента — уплощенный шар со сквозным отверстием ступенчато-цилиндрического сверления. Характерно, что верхняя ступень сверления на 3—5 мм шире нижнего сквозного отверстия. Диаметр верхнего гнезда сверления полностью совпадает с диаметром конической головки ударного молотка. Оба предмета — ударный молоток и уплощенный шар — встречаются всегда вместе. Ясно, что они составляли одно целое. Один служил ударным инструментом, другой — матрицей, или формой для холодной штамповки медных блях и украшений круглой или цилиндрической формы. Особый интерес представляют бронзовые предметы: большой нож с обушком дугообразной формы (рис. 134, 7), шило четырехгранной

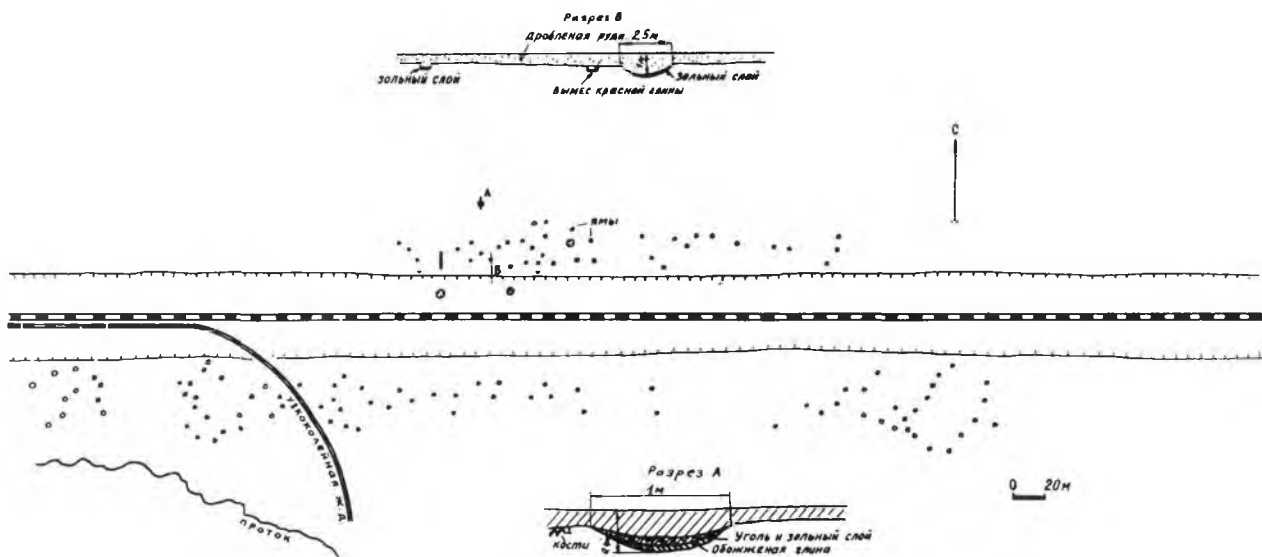

Рис. 142. Милькудук. План и разрез поселения

формы (рис. 132, 2), стержни в виде круглой проволоки (рис. 134, 1–4), сдвоенный инструмент с заостренными концами (рис. 134, 5), пластинки без орнамента с гладкой поверхностью (рис. 134, 6), обойма цилиндрической формы и др. Бросается в глаза разнообразие остроконечных орудий (острия), применяемых для нанесения орнамента на металле, камне, кости, дереве и керамике.

Инструмент 1 (рис. 134, 1) сделан из медной проволоки. Имеет форму изогнутого шила с двумя концами, причем один конец сравнительно толстый и тупой, круглый в сечении, другой конец очень тонкий и заостренный, прямоугольный в сечении. Толстая половина слегка изогнута. На стыке круглой и прямо-угольной половин имеется небольшое утолщение, на которое опирались пальцы мастера при нанесении узоров. Инструмент 2 (рис. 134, 2) по форме такой же, но более крупный. Изготовлен из толстой медной проволоки с одним плоским и другим слегка изогнутым заостренным концом. Инструмент 3 (рис. 134, 3) прямой, без изгиба, с одним острым концом, другой конец отломан. Изготовлен из медной проволоки, круглой в сечении. Инструмент 4 (рис. 134, 4) по форме такой же, как 1 и 2. Оба конца обломаны. Очевидно, что острым концом обозначали контур рисунка, а тупым углубляли рисунок, придавая ему мягкость.

Аналогичные бронзовые орудия (острия) известны с Алексеевского поселения и Северного Урала, из Пермской области. О. Н. Бадер определяет их как шилья. Но шилья в Центральном

Казахстане более тонкие, прямые и всегда четырехгранные, с одним рабочим концом.

Возможно, что согнутая в петельку бронзовая проволока являлась лишь заготовкой дляковки из нее большой иглы или ножей. В таком случае проволоку отливали специально в виде четырехгранного стержня с двумя заостренными концами длиной 16–18 см. Затем их сгибали в замкнутую дугу и подвергали горячей ковке с таким расчетом, чтобы изгиб превратить в ушко²⁹.

В Центральном Казахстане встречены две формы бронзовых игл: с пробитым ушком (более поздняя) и петельчатая. Причем петли сделаны в разной технике: в виде замкнутой дуги, откованной из сдвоенной проволоки, в виде загнутой петельки из тонкой проволоки, раскованной с тупого конца иглы. Иглы с ушком петельчатой формы найдены в плиточном мавзолее 1 Бегазы, в поселении Шортанды-Булак, комплексах Айшрак, Боровое³⁰, Сангру I и др. Заготовка к игле в виде согнутой проволоки с двумя заостренными концами впервые обнаружена Н. И. Веселовским на Кубани, около станицы Андроновской, затем О. А. Кривцовой-Граковой в Алексеевском поселении³¹.

Алексеевская проволока отличается от каркаралинской круглой в сечении формой. Однако каркаралинская проволока крупнее и лучше выработана.

Исключительный интерес для выявления динамики развития форм некоторых орудий представляют бронзовые ножи, открытые в поселе-

ниях Каркаралы. Один из них найден в северо-западной части жилища 1 на глубине 40 см среди обломков глиняных сосудов. Он массивный, с дугообразным обушком, широким откованным лезвием, туповатым к концу. Плавный уступ отделяет рукоятку от клинка. Рукоятка имеет тонкий, слегка округлый вид, с кольцеобразным завершением на конце. Небрежно сделанное отверстие говорит о том, что оно пробито холодной ковкой после отливки орудия (рис. 134, 7). Подобное орудие М. П. Грязнов относит к типу ножей «с обособленными рукоятками». По-видимому, ножи с обособленными рукоятками имели насадку, оплетенную лубком или берестой. Отверстие предназначалось, возможно, для закрепления концов плетения. Общая длина ножа 21,5 см, длина рукоятки 11 см, ширина лезвия 2,5–3 см.

Ножи с отверстиями не характерны для ранней и средней бронзы, они появляются лишь на позднем этапе эпохи бронзы, т. е. в бегазы-дандыбаевское время. Для ранней бронзы характерны пластинчатые ножи ромбической или листовидной формы, своим обликом восходящие к каменным прототипам, например, к наконечникам копья. На более развитом этапе (средняя бронза) появляются новые типы бронзовых ножей: с перекрестиями или поперечными утолщениями у черенка (кожумбердинского типа)³², длинные массивные ножи с сильно выделяющимися уступами между клинком и короткой, уже обособляющейся рукояткой (Боровое)³³.

С боровским ножом по типу сходен нож из ограда 14 Былкылдака I. Оба двулезвийные с валиком на спинке³⁴. Разница между ними в том, что боровской нож имеет заостренный, а былкылдакский — скошенный конец. Между тем последний еще сохраняет традиционную листовидную форму, одновременно у него намечаются двойные уступы и обособление черенка. В двойных уступах нетрудно увидеть пережиточную форму поперечного перекрестия более раннего типа ножа, трансформирующегося в новый вид.

Лучшим доказательством последовательного изменения старых форм орудий является ортауский однолезвийный нож, найденный при раскопке кургана-ограды. Нож прямой, массивный, в виде пережитка сохраняет слабое очертание ромбовидного ножа. Вместе с тем в нем уже появляются слабо выраженные уступы, отделяющие рукоять от клинка. Рукоятка уже почти обособлена от лезвия, имеет округлое завершение на конце. Он отличается от более поздних ножей

своей прямой формой, отсутствием дугообразного обушка и отверстия на конце рукоятки. Это свидетельство того, что ортауский нож относится к переходному от средней к поздней бронзе этапу (XIII–XI вв. до н. э.) (рис. 132, 6).

По сведению Н. Я. Коншина, большой бронзовый нож каркаралинского типа был найден в прошлом веке в урочище Сункаркия Баянаульского района³⁵, теперь расположенном на территории Бабаевского совхоза Карагандинской области. Подобных ножей в Каркаралинской степи найдено много. С ними сходны бронзовые ножи, показанные на выставке в ауле в 1868 г. по случаю приезда князя Владимира в Казахстан³⁶.

На выставке продемонстрировано несколько типов ножей, из них один более массивный, с широким лезвием, слегка скошенным к концу, плавным уступом, отделяющим лезвие от рукоятки. По форме он сходен с каркаралинским ножом 2. Эти ножи в прошлом веке нашел чиновник Дарто, проводивший грабительские раскопки в Каркаралинской степи³⁷.

Некоторые находки Дарто хранятся в областном краеведческом музее г. Семипалатинска. Часть материалов по источникам попала в Сибирское войсковое училище³⁸ (позднее Сибирский кадетский корпус) и, по-видимому, теперь хранится в Омском музее или в музее Томского государственного университета. Более точное определение их нахождения — это задача будущего. Близкие аналоги каркаралинским ножам есть в фондах Эрмитажа, в частности, в собрании А. А. Фролова. Сходен с каркаралинским ножом из Марка-Куля (Западный Алтай) (кол. 1136–63). Очень близкое сходство с ними имеют ножи из Кулундинской степи³⁹ и Алексеевского поселения⁴⁰, а также ряд ножей из Калбинского рудного бассейна Восточного Казахстана⁴¹, Томского могильника⁴² и Ближних Елбанов VII⁴³.

Для Центрального Казахстана характерен тип бронзовых ножей пластинчатой формы, с прямым и длинным клинком и округлым концом рукоятки. Наиболее интересный из них найден в поселении Караганда 15, другой, несколько деформированный, — в Степняке, третий, происходящий из Баянаульской или Каркаралинской степи, хранится в МАЭ в собрании А. И. Шренка (кол. 35–88). Сходные экземпляры длинных пластинчатых ножей встречаются и в памятниках раннесакского времени⁴⁴.

По сведению Н. Л. Членовой, лучший экземпляр ножа, сходный с карагандинским, хранится в Красноярском музее.

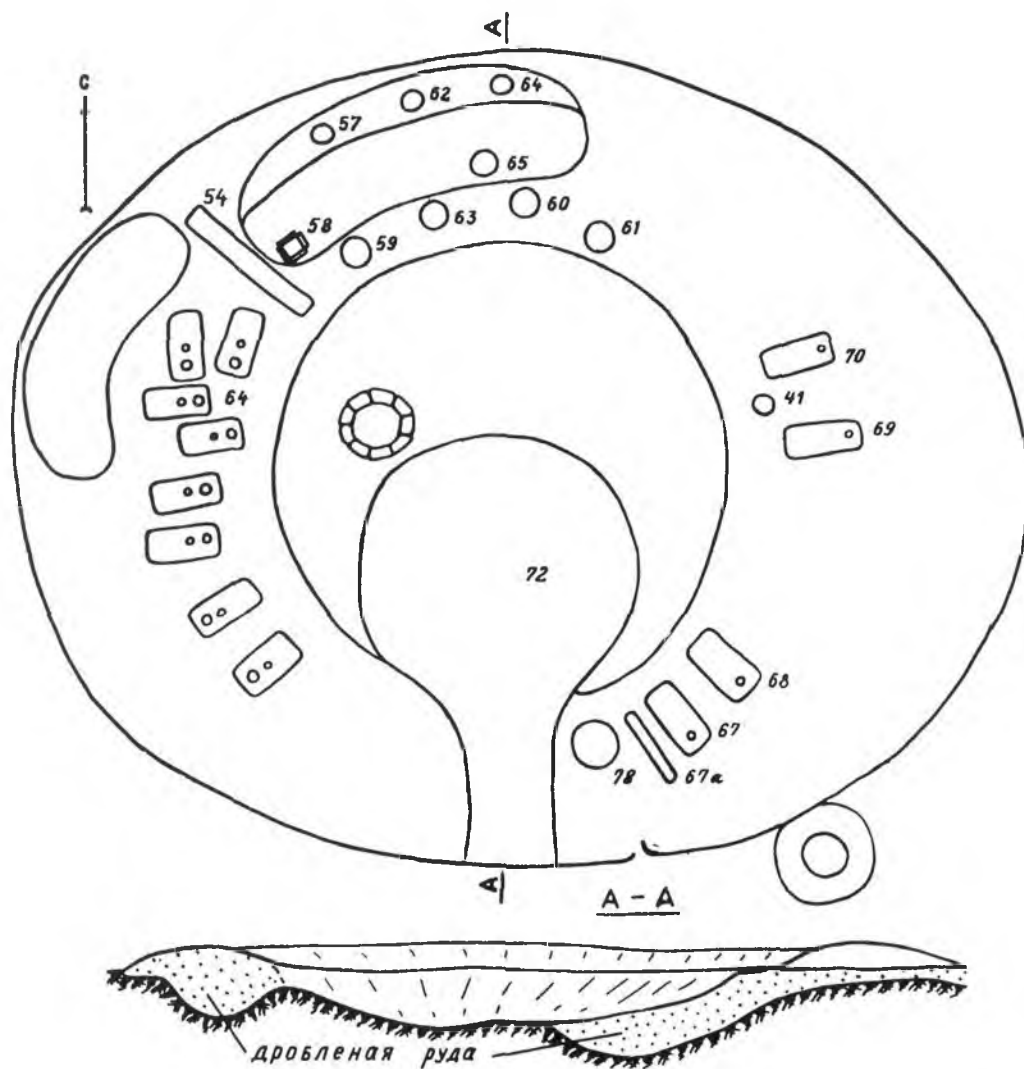

Рис. 143. Милыкудук. План мастерской с медеплавильными печами

Поселение Каркаралы II, при раскопках которого получен яркий материал, относится к эпохе поздней бронзы (XII—X вв. до н. э.). Оно, как и поселение Каркаралы I, принадлежало древним металлургам.

Каркаралы III (Суук-Булак).

Поселение расположено в глубине большого ущелья Мухтар-Сай, на левом берегу ручья Суук-Булак, в 2,5 км к юго-западу от г. Каркаралинска⁴⁵. Местность со всех сторон окружена высокими лесистыми горами и открыта лишь с ВСВ. На плане 1947 г. это было крупное металлургическое поселение с остатками 12 обширных жилых строений каркасного типа. Богатый подъемный материал содержал множество обломков керамики, кусков шлаков, рудодробиль-

ных орудий, обломков тиглей, костей животных и каменных орудий⁴⁶.

При шурфовке в центре одного из жилищ был обнаружен большой каменный очаг округлой формы с зольным слоем толщиной до 0,4 м. На дне очага встречены угольки, большое скопление шлаков. К 1962 г., когда производились раскопки, уцелели одно большое жилище, мастерская и большой зольник у самого берега речки. В культурном слое жилища и в мастерской обнаружено большое количество орудий труда и предметов обихода, связанных прежде всего с металлургией и горным делом. Толщина культурного слоя 1,2 м, слоя дробленой руды до 0,5 м. По характеру культурных отложений поселение сходно с Милыкудуком.

Обнаруженные в поселении зернотерка и верх-

няя часть жернова ручной мельницы для размола зерен свидетельствуют о том, что поселенцы занимались земледелием.

Из других находок отмечено обилие обломков керамики, характерной для бегазы-дандыбаевского времени, глиняные шарики, каменное кольцо с отверстием и др. Таким образом, жители каркаралинских поселений были одновременно и скотоводами, и металлургами. О значении металлургии в их жизни говорят прежде всего остатки плавильных печей, найденные в обрыве р. Каркаралинка, многочисленные древние рудники, расположенные недалеко от поселений.

Тагибай-Булак

Поселение⁴⁷ находится на территории Баянаульского района, на левой возвышенной террасе ручья Тагибай-Булак, у северо-восточных склонов горного массива Аулие-Кызылтау, в 23 км южнее центральной усадьбы совхоза Жосалы и в 1 км восточнее старой зимовки Тайшика. В двух-трех километрах севернее поселения, в широкой долине против увала Жантайма, расположен комплекс памятников разных этапов эпохи бронзы. Другой комплекс памятников эпохи бронзы находится в долине ручья Кобдик, вытекающего из ущелья самой высокой вершины гор Кызылтау, носящей название Аулие. Обширные комплексы встречаются и вокруг высохшего озера Жосалы, где сохранились также следы древней разработки медной руды. Судя по остаткам материального производства, в поселении Тагибай-Булак жили древние рудокопы и металлурги.

Поселение состояло из шести расположенных цепочкой с северо-востока на юго-запад жилых строений с пристройками (рис. 135).

Все жилища были наземного типа с мощными каменными стенами толщиной до 2 м. Наиболее крупное из них находится в юго-западном конце. Подобно жилищу 4 Атасуского поселения, основания всех жилищ и пристроек сложены из массивных глыб гранита и песчаника. Все сооружения имеют прямоугольную композицию. Наиболее крупное имеет площадь 375 м², наименьшее — 88 м². Жилища расположены на расстоянии от 4 до 10 м друг от друга. Стены помещений образованы из двух рядов вертикально врытых в землю массивных плит гранита общей высотой 0,8—1,2 м, над поверхностью земли — 40—60 см. Полное пространство между внешним и внутренним рядами заполнено мел-

кими обломками камня и хорошо забутовано. Судя по всему, перекрытие покоилось на мощных боковых стенах и внутренних опорных столбах, установленных по длинной оси помещения. По технике сооружения, толщине стен жилищ поселение Тагибай-Булак сходно с сооружениями Бегазы, Бугулы III.

Из шести жилых сооружений поселения Тагибай-Булак пока исследовано жилище 1, самое крупное. Жилище ориентировано длинной осью по линии ЮЗ—СВ, имеет прямоугольную форму с некоторым закруглением на углах (рис. 136).

Внешние и внутренние стены составлены из плит крупнозернистого песчаника, установленных на ребро. Пространство между стенами забутовано мелкими обломками камней. Характерно, что внутренний обвод стен сделан из более крупных плит (1,5x0,78x0,28 или 1,5x0,96x0,27 м).

Жилище разделено внутренней перегородкой на две части: юго-западную (180 м²) и северо-восточную (150 м²). С южной стороны к жилищу примыкает пристройка — вход в основное помещение. К восточной половине примыкает пристройка с глухой стеной с северной стороны. Стены жилища основательно разрушены, частично сохранились лишь западная и восточная (рис. 137).

Заполнение жилища состояло из дернового (мощность 12 см), гумусового (около 8 см) и культурного (20 см) слоёв. Пол, выявленный на глубине 40 см, представлял собой естественные выходы скальной породы, местами выровненной. Скальная поверхность покрыта настилом из мелких камешков, а затем слоем глины или утрамбованной земли. В помещении обнаружены остатки трех каменных очагов. Очаг 1, в северо-западном углу, выложен обломками буттового камня, размеры 1,5x2 м. От устья очага к выходу идут два ряда камней длиной около метра. В очаге сохранился зольный слой толщиной 15 см. Камни очага и прилегающие к нему участки сильно прокалены, здесь же слой золы. Очаг 2, обнаруженный в юго-западном углу, представляет собой каменные выкладки с зольным пятном 1,0x0,8 м. Очаг 3, расположенный в восточной части жилища, у выхода, небольшой, размером 1,0x0,7 м. Он сложен в прямоугольной форме из отесанных плит песчаника. Сохранившееся устье длиной около 0,5 м направлено к выходу. В очаге уцелел зольный слой толщиной 8 см. Посредине северной пристройки, ближе к входу, обнаружен очаг 4. Он выложен длинными отесанными плитками, положенными горизонтально, в форме прямоугольника, размером

1,2x0,5 м. В очаге сохранился зольный слой толщиной около 10 см, в котором встречены 6 астрагалов и сильно кальцинированные кости животных. Судя по находкам, северная пристройка была производственным помещением или мастерской по обработке металла и керамичес-

бай-Булак тождественны мотыгам, найденным в других поселениях Центрального и Восточного Казахстана (рис. 139). Они почти стандартны, имеют срезанный округлый обух, мотыговидную ударную часть, подправленную рядом сколов, и симметричные выемки по обоим бо-

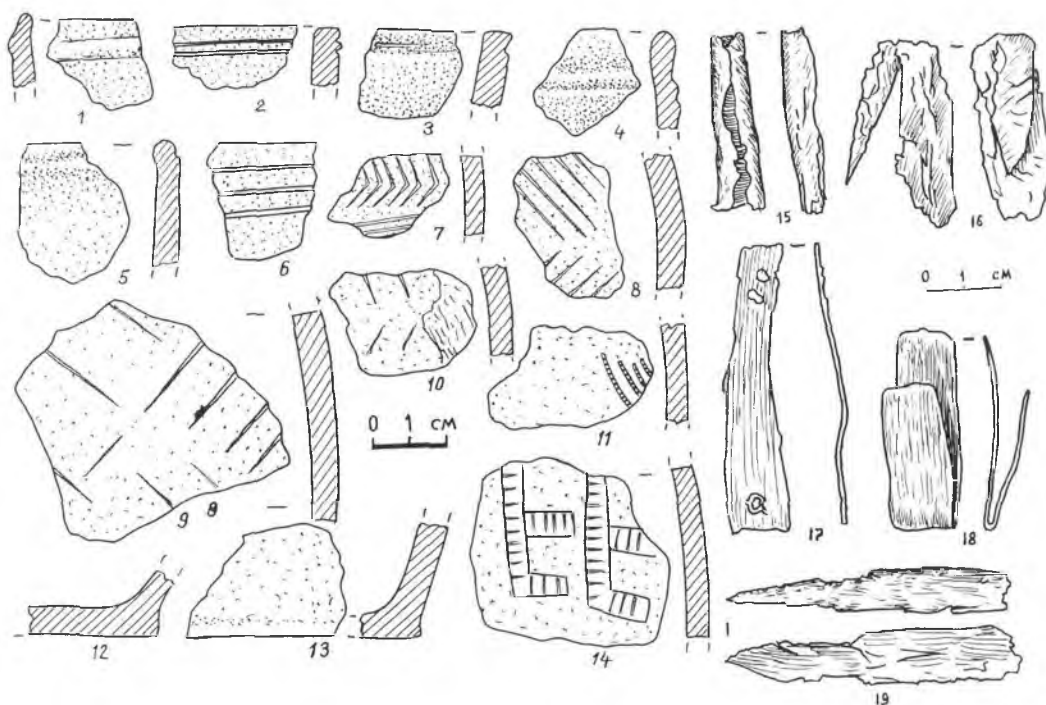

Рис. 144. Милькудук. Керамика (1—14) и медные пластинки (15—19)

ких изделий. Западная половина пристройки почти полностью занята зольным пятном толщиной до 5 см. В зольном пятне и вокруг очага значительное скопление угольков, шлака, обломков керамики. Пол пристройки оставлен в естественном виде, без покрытия настилом.

Из описания видно, что очаги в жилище 1 поселения Тагибай-Булак более совершенны. По своей конструкции они сходны с очагом из жилища 4 Атасуского поселения.

В культурном слое жилища 1 встречены разные бытовые предметы, орудия горного дела, шлаки, обломки тиглей, кости животных (рис. 138), в том числе отдельные трубчатые кости и челюсти лошади. Обнаружены 23 каменные мотыги, 5 рудодробильных орудий, обломки большого и малого тиглей, клинья и др. Каменные мотыги были аккуратно сложены у основания наружных (южной и западной) стен жилища, у каждой стены по 8 мотыг. По форме и технике изготовления каменные мотыги из жилища Таги-

кам. Размеры наиболее крупных 14x12 см, малых 9x6,5 см.

Из других находок надо отметить ножевидное каменное орудие с двусторонней обработкой длинного конца и прямым лезвием. Предназначено оно, по-видимому, для обработки кожи. Рядом с ним найдено круглое каменное пряслице диаметром 4 см, толщиной 9 мм (рис. 138, 3). Из хорошо обработанных каменных орудий некоторый интерес представляют обломок небольшой терки с углублением в центре и хорошей бортовой частью (рис. 138, 2) и точильный камень (мусат) длиной 6 см, толщиной 1,3 см. Эти орудия получают широкое распространение позднее, в скифское время.

На полу жилища найдены два обломка нуклеуса и массивный каменный наконечник стрелы, хорошо обработанный со всех сторон. По типу он сходен с наконечниками из поселений Каркаралы II и Шортанды-Булак (рис. 138, 4). Характерно, что во всех этих поселениях найдено

лишь по одному экземпляру каменного наконечника. Из этого следует, что микролитические кремневые орудия, господствовавшие в эпоху ранней бронзы и еще встречающиеся в эпоху средней бронзы (атасуский этап), в бегазы-дандыбаевское время почти исчезают. Встречающиеся единичные экземпляры нуклеусов и кремневых наконечников стрел имели ритуальное значение.

Встречаются и венчики округлой формы, со скошенной закраиной с наружной и внутренней стороны. Массивностью отличаются налепные венчики воротничкового типа, которыми чаще всего снабжены котлообразные сосуды черного цвета. Много вариантов налепных валиков по шейке, в том числе и сдвоенных, по основанию которых идут ряды сосцевидных бугорков, выдавленных изнутри. Оттиски штампов также до-

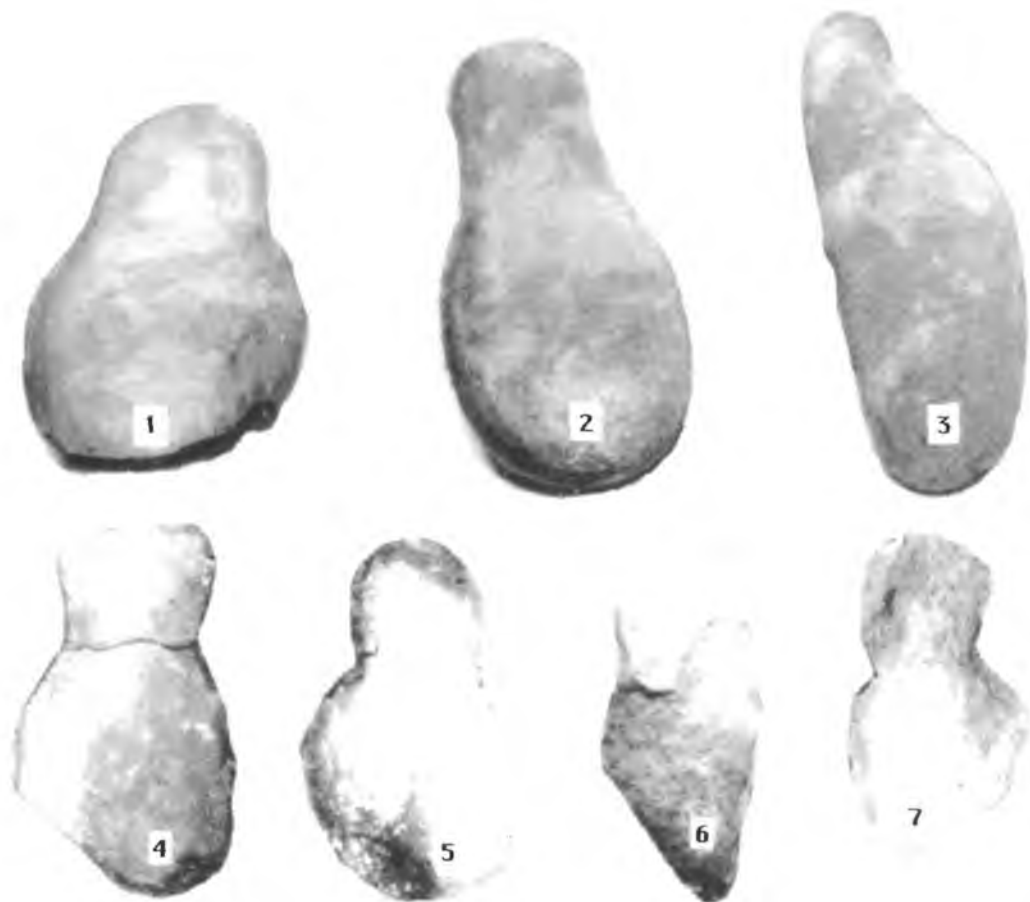

Рис. 145. Рудодробильные орудия Джекказгана, каменные песты и молотки

Множество обломков (примерно до 145) глиняных сосудов (рис. 140) собрано в жилище, главным образом у оснований южной и восточной стен жилища, а также в северной пристройке, около очага. Преобладают обломки грубых котлообразных толстостенных сосудов с плоским дном, шаровидным туловом и нечетко выраженной шейкой. Обращает внимание разнообразие венчиков. Чаще они прямые, слегка отогнутые наружу и нередко со скошенной закраиной, но есть сильно изогнутые наружу, с рельефным валиком, по которому идут ряды наклонных насечек, сделанных крупной палочкой.

Множество разнообразно: крупноребенчатый, ямочный, гладко-линейный, ногтевой, горизонтальные волнистые линии и др.

Все сосуды вылеплены ручным способом из глины с примесью песка, шамота, толченого камня, вернее, из песка естественной высыпки, взятого у подножия ближайших гор, все несут на себе следы хорошего обжига, в изломе дают розоватый, светло-серый, изредка черный цвет. Поверхности сосудов часто розоватые, кирпично-красные, коричневые, темно-серые и черные. Сосуды кирпично-красного и черного цветов сохраняют следы сильной закопченности. На

поверхности некоторых сосудов имеются признаки сглаживания в виде отпечатков пальцев.

Оригинален сосуд шаровидной формы с венчиком, слегка отогнутым наружу (рис. 140, 1). Характерную особенность сосуда составляет сливной носик, выступающий на 2 см. Шейку окружают ряды жемчужного орнамента в виде цепочки бугорков. По форме он очень похож на сакскую керамику. Несомненно, он является прототипом

образных сосудов снабжены жемчужным орнаментом, или бугорками, выполненными техникой вдавливания (рис. 140, 5, 9, 11). В углублениях нередко оставались следы ногтей.

Тонкостенных изящных сосудов здесь очень мало. Все сосуды в основной массе плоскодонные, с круглым дном не найдено. Не встречено ни одного сосуда с богатым орнаментом, характерным для эпохи Бегазы-Дандыбая. Кроме жемчуж-

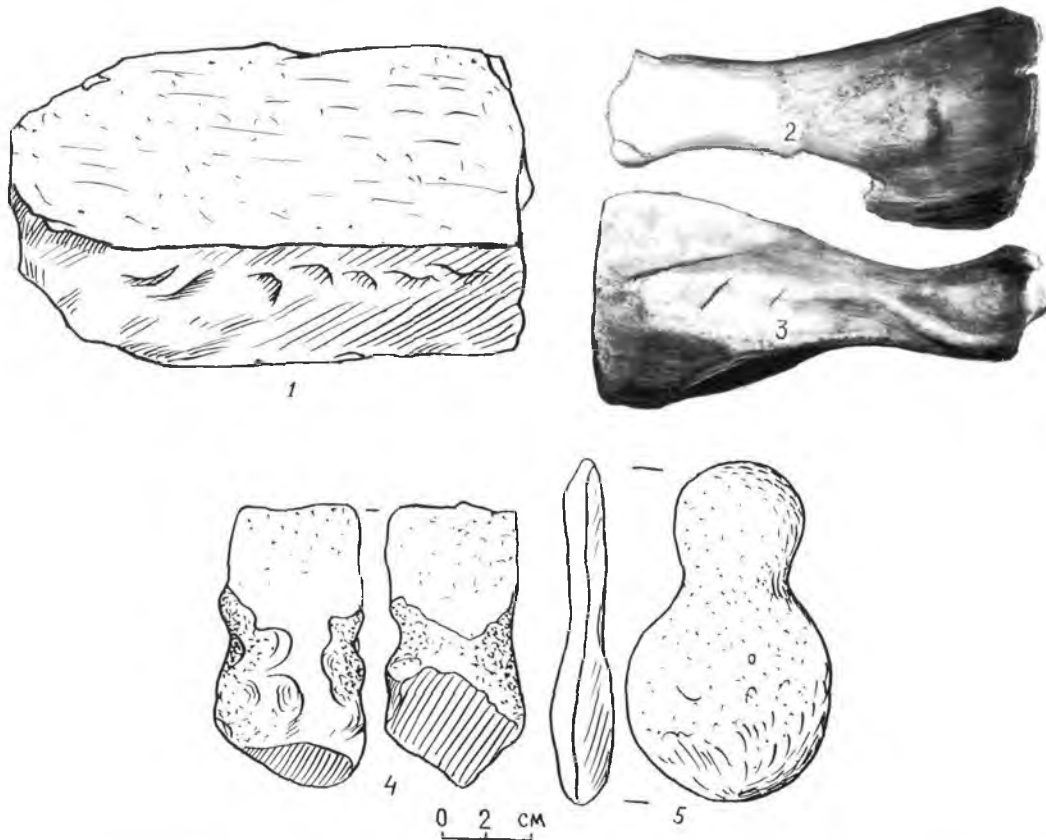

Рис. 146. Милькудук: 1 — каменная ступка; 2, 3 — костяные лопатки-совки; 4—5 — каменные молотки

сосуда со сливным носиком, широко распространенного в раннесакское время.

Обращает на себя внимание крупный обломок сосуда с резко отогнутым наружу венчиком и рельефно выступающим по шейке массивным валиком полукруглой формы в сечении (рис. 140, 6). Валик украшен кривой насечкой. Вариант этого валика прослеживается и на другом сосуде, с той лишь разницей, что в сечении он имеет треугольную форму. Рядом с валиком, по основанию венчика, идут ряды круглых ямок, составляющих единственный орнамент сосуда.

Характерной особенностью керамики данного жилища является и то, что шейки всех котло-

ных узоров, в качестве орнамента на глиняных сосудах применены простые ногтевые оттиски, прочерченные линии и вдавливания концом палочки, оставляющие треугольные и полукруглые оттиски. Отсутствие прежней тщательности в изготовлении керамических изделий и богатого орнамента говорит о том, что жители поселения Тагибай-Булак не придавали особого значения художественной обработке изделий, а исходили из утилитарного назначения предмета.

По характеру культуры поселение Тагибай-Булак очень сходно с поселениями Каркаралы II, III (Суук-Булак). Здесь также в основном жили металлургии и рудокопы.

Джезказганская группа

Остатки древнего материального производства дают представление об экономическом и культурном значении Джезказгана как крупнейшего металлургического центра Центрального Казахстана эпохи бронзы (рис. 141).

По данным геолога С. Х. Болла, количество вынутой руды определяется в миллион тонн⁴⁸.

Памятники Джезказганского района, обнаруживая ряд локальных особенностей, в то же время имеют много общего с памятниками других районов Центрального Казахстана. Они представлены в виде жилищ с мощными каменными стенами, землянок, обширных погребальных полей, рудников, карьеров, выработок, разносос, отвалов, медеплавильных печей, шлаков, горных орудий, остатков многочисленных хозяйственных и ирригационных сооружений (плотин, искусственных водоемов, ям-кладовых, колодцев) и т. д. Из джезказганских поселений наиболее крупные Кресто-Воздвиженское (Кресто), Милыкудук, Айнаколь, Соркудук, Златоуст. Остатки древних жилищ в виде ям со скоплением обломков керамики, орудий горного дела, а также мест добычи и обработки руды прослежены в урочищах Таскудук, Акши и Куяман, расположенных в окрестностях Джезказгана⁴⁹. Все они относятся к типу полуземлянок, на поверхности земли отмечены в виде группы ям (от 8 до 20). Все поселения расположены цепочкой вдоль небольших рек, протоков или рек Кенгир и Джезды с интервалом от 3 до 8 км. К сожалению, из огромной массы уникальных памятников Джезказгана удалось изучить лишь небольшую их часть. Огромный пласт с остатками древней металлургической культуры, расположенный в черте города (Кресто, Златоуст), теперь перекрыт.

По мощности культурных отложений выделялись Милыкудук и Кресто, открытые в 1929 г. В районе Кресто-Центра были обнаружены огромные древние карьеры глубиной 12–15 м с отвалами, которые тянулись на несколько километров. Позднее при траншейной работе в карьерах Кресто и в западной части поселения Милыкудук выявлено несколько сот тонн богатой, хорошо измельченной окисленной руды, заготовленной еще в древности и готовой для плавки. На выработках Кресто-Центра найдено много орудий горного дела, каменные отбойники, кайла, молотки, глиняный светильник, куски обугленного саксаула и др.⁵⁰.

В 1941 г. инженер-геолог Д. Я. Анисимов на-

шел каменную льячку, глиняный кувшин, точильный камень, сильно коррозированный рабочий конец медного лома или, вернее, кайлы четырехгранной формы с заостренным рабочим концом. В северной части Кресто был открыт клад кремневых орудий, в том числе наконечники стрел и копий с хорошей ретушью, обломки керамики разной лепки, в южной части — большое скопление окисленной медной руды, кусков шлаков от плавки меди и фрагменты глиняных лепных сосудов. Обломки керамики с гребенчатым штампом найдены вместе с отбойниками на Анненском карьере. Значительное количество фрагментов глиняных сосудов ручной лепки в виде прямых и налепных венчиков встречено на участке Златоуст.

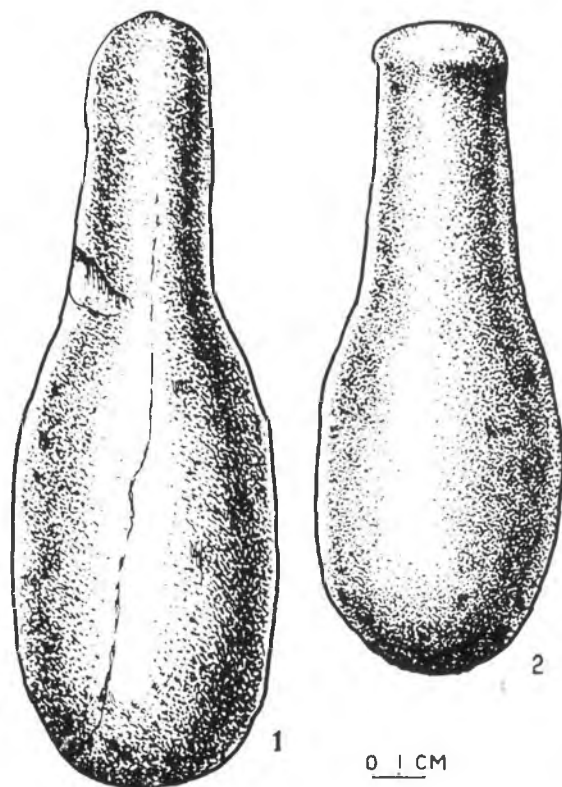

Рис. 147. Каменные песты для измельчения руды из Джезказгана

На керамике — орнамент, нанесенный крупным гребенчатым штампом, из рядов елочки, меандра и Z-образных фигур.

Данные говорят о том, что Кресто и Милыкудук в эпоху бронзы являлись основным местом добычи и переработки медной руды. В первом добывали руду, во втором ее перерабатывали. Этот факт установлен впервые в 1945 г. при проведении широких открытых работ на всей пло-

щади древнего рудника Кресто и при раскопках металлургического поселения Милькудук. Следует отметить, что топография древних поселений Джекказгана очень сложна и крайне запутана многовековой работой рудокопов и металлургов, а также напластованием культур разных времен. При всем этом контур памятников каждой эпохи при тщательной работе очерчивается достаточно ясно.

Поселение Милькудук существовало очень долго, с эпохи бронзы до средневековья⁵¹. Казахи называют его Елукудук — 50 колодцев. Расположено оно в широкой долине реки, в 1 км к югу от центра рудника Джекказган. Площадь поселения очень обширна, ее обследованная часть имеет размеры с запада на восток 800 м, с севера на юг — около 600 м, общая же площадь, по обмеру К. И. Сатпаева, составляла не менее 10 га⁵² (рис. 142).

Милькудук давно привлекал внимание геологов. Первая глубокая траншея в нем была заложена еще до революции, когда был открыт большой отвал дробленной медной руды и вместе с ним горные орудия типа каменных отбойников, пестов, ступок. Более широкие и глубокие траншеи заложены по инициативе главного геолога Джекказгана К. И. Сатпаева в 1939 г. Геологи преследовали цель определить объем древней обогащенной руды и одновременно прощупать характер культурных отложений поселения.

Культурные остатки поселения обнажались неоднократно во время землеройных работ, особенно при сооружении железнодорожного полотна. В нескольких местах в разрезе траншей установлены культурные слои толщиной около 2,5 м.

Всем, что нам известно о поселении Милькудук (впрочем, и о других памятниках Джекказгана), мы обязаны неутомимой деятельности Н. В. Валукинского. Его раскопки показали, что культурные слои поселения Милькудук неравномерны. Наиболее мощные отложения культурных остатков сосредоточены в центре площадки, их толщина достигает 3 м. Они состоят из почвенного слоя (25 см), слоя дробленной руды и культурных отложений позднего средневековья (1,2 м), прослойки серой глины (15 см), культурных остатков раннего средневековья (0,8 м), прослойки супеси (18 см), нижнего слоя (0,3 м). Таким образом, установлено, что Милькудук имеет нижний, средний и верхний горизонты, относящиеся соответственно к эпохе бронзы, раннему и позднему средневековью.

Нижний слой резко отличается от верхних слоев по цвету глины и остаткам материального производства. Для этого слоя характерны фрагменты лепной керамики с орнаментом, нанесенным гребенчатым штампом, присутствие орудий из кварцита, кремня и других твердых пород⁵³.

На дне нижнего слоя обнаружены следы четырех полуземлянок в виде неглубоких ям с остатками очагов в центре. Стены жилища были обложены крупными плитами песчаника, о чем говорят большое скопление каменных плит внутри ям и уцелевшая часть у входа с северной стороны. Остатки полуземлянок округлой или подквадратной формы расположены рядами, на расстоянии не более 1,5—2 м. Вход располагался с северо-востока⁵⁴.

Наиболее крупные землянки 1 и 2 (8х9; 8х7 м), самая маленькая землянка 3 (5х6 м). Глубина ям от 0,8 до 1,2 м. Жилища ориентированы продольной осью в направлении господствующего ветра, т. е. с ЗСЗ на ВЮВ.

Такого же типа жилища обнаружены в поселениях Айнаколь и Соркудук. По структуре и другим данным они совершенно сходны с жилищами Атасуского, Бугулинского и Тагибайбулакского поселений. Основание жилища непременно опускается в широкий котлован с отвесными стенами, высотой свыше одного метра. Внутренние стены обложены крупными плитами гранита или песчаника. Котлованы рылись каменными кайлами, образцы которых найдены в значительном количестве в нижнем культурном слое Милькудука. Особенность таких жилищ заключается в том, что основная нагрузка кровли падает на каменные стены, следы от опорных столбов вдоль стен не обнаруживаются. Встречаются парные ямы диаметром 8 м при глубине 1,5 м — остатки жилища каркасного типа, устроенные на столбах без каменных стен.

Нижний слой Милькудука с остатками жилищ древних рудокопов и металлургов датируется бегазы-дандыбаевским этапом эпохи бронзы Центрального Казахстана. Эта датировка подтверждается и керамикой.

Спутниками жилищ древних металлургов Джекказгана являются каменные очаги, остатки которых обнаружены в каждой землянке. Очаги обычно расположены в центре жилища, сложены из плит медистого песчаника, поставленных на ребро, имеют продолговатую форму длиной около 2 м, шириной 0,7 м, толщиной зольного слоя 0,3 м. В стоянках и поселениях Джекказгана встречены очаги меньших размеров, 0,4х0,3 м, округлой формы диаметром до 1 м. Донная часть

очагов сильно прокалена (на 8—9 см). В зольном слое встречены угольки, мелкие куски шлака медной руды. Вокруг очагов обнаружены кремневые орудия и кости. Среди них кости барана, лошади, рогатого скота, а также диких животных

руды, относящиеся к трем периодам, между которыми слои наносной глины серого цвета, толщиной 16—18 см⁵⁵.

Мощность слоев руды 1,5—2 м. Характерно, что нижний слой, относящийся к эпохе бронзы и

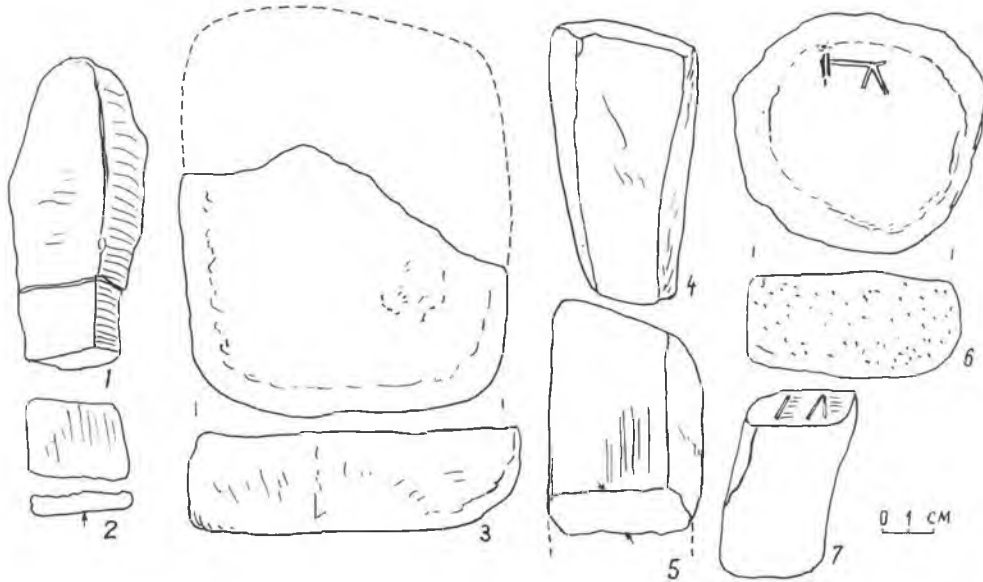

Рис. 148. Милыкудук. Каменные орудия: 1, 4, 5, 7 — точильные камни; 2, 3, 6 — ступки для измельчения руды

— сайгака и архара. Вне очага встречен череп верблюда, имевший ритуальный характер.

Нижний культурный слой сохранил остатки ряда хозяйственных сооружений, например, ям-кладовых для хранения обогащенной руды, а также остатки древних запруд, плотин и колодцев, обложенных камнями. Плотины устроены в верхней части сухого русла с целью регулирования уровня воды у водосборов. Большие водосборные ямы диаметром часто более 100 м служили для промывки и мокрой флотации медной руды. Вокруг водосборных ям (остатков водных бассейнов) обнаружено множество ям-кладовых, мест дробления и обогащения медной руды, сохранившихся в виде бугров, отвалов, сплесков. Встречаются ямы-кладовые конической формы диаметром до 10 м, глубиной 1,5 м; ямы-кладовые, выложенные плитами песчаника, диаметром до 3 м, глубиной до 1 м. На дне ям сохранились груды тонко измельченной руды, готовой для плавки. Это дает основание заключить, что ямы, обложенные плитами песчаника, служили для хранения дробленной и обогащенной руды.

Особый интерес представляет техника измельчения руды. В поселении Милыкудук обнаружены трехслойные отложения дробленной

ограниченный небольшой площадью, содержит более тонко измельченную руду, чем верхние слои⁵⁶.

На разных участках поселения Милыкудук обнаружено 15 медеплавильных печей, значительное количество которых из эпохи бронзы (рис. 143).

В культурном слое юго-западной части поселения, возле древних землянок обнаружены следы двух сыродутных печей, типичных для эпохи бронзы Центрального и Северо-Восточного Казахстана. Печи сделаны в земле, на плоской поверхности террасы, с наклоном пода к устью. В плане они имеют форму круга диаметром 4 м, глубиной 2 м. Стенки выложены кладкой из сланцевых плит, свод в виде усеченного конуса служил дымоходом. Стенки некоторых печей обмазывались глиной, о чем говорят глиняные комья со следами отпечатков пальцев человека, сохранившиеся в зольном слое печей.

В этой же части поселения встречен другой тип печи, длиной до 4 м, шириной 0,8 м, вырытой в грунте без наклона пода. Вообще печи эпохи бронзы небольшие, круглые, диаметром 3—4 м, глубиной от 1 до 2 м. Они часто устраивались на наклонных террасах около воды или в речных долинах⁵⁷.

Рис. 149. Милькудук. Каменные формы для литья

По наблюдениям Н. В. Валукинского, джезказганские печи имели разное назначение: для обжига угля, для дробления руды до восстановительного периода, для выплавки обожженной и измельченной медной руды в тиглях, для кучевого обжига⁵⁸.

В подовой части всех плавильных печей сохранились угольки, куски шлаков, медные шарики и др. Зарисовки основных типов плавильных печей, сделанные Н. В. Валукинским, ныне хранятся в Историко-краеведческом музее Джезказгана.

Обломки керамики встречаются не только в обнажениях культурного слоя, но и в обрезах отвалов и

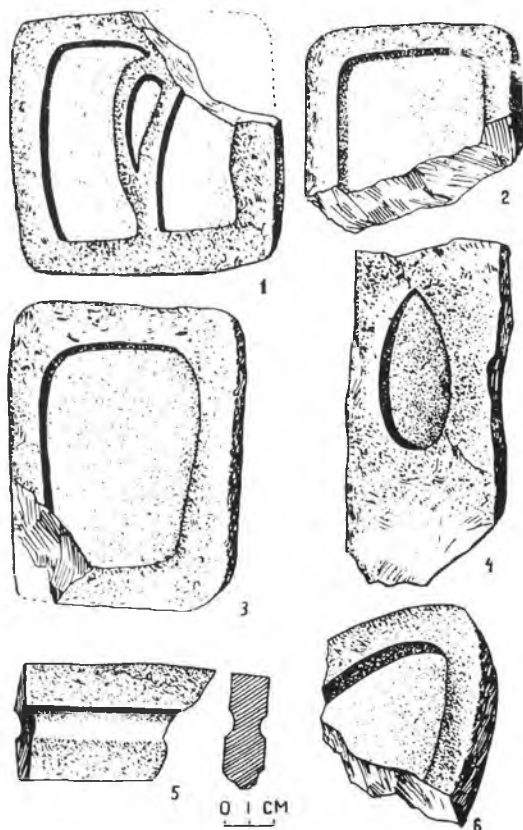

Рис. 150. Милькудук. Каменные формы для литья

сплесков. Среди них венчики, боковины, донья и крышки сосудов (рис. 144, 1–14). Они вылеплены из теста с примесью песка, цвет серо-желтый, обжиг неравномерный. На поверхности некоторых сосудов сохранились следы сглаживания пальцами. Фрагменты керамики явно принадлежат двум типам сосудов: тонкостенным и толстостенным. Обломки тонкостенных сосудов найдены не только в культурном слое поселения Милькудук, но и в отвалах Кресто, Златоуста, Белова, Анненского, а также на местах разработки руды. Интересные

фрагменты тонкостенной лощеной керамики встречены на р. Джезды, на площадке поселения Кулман, недалеко от Джезказгана⁵⁹.

Все фрагменты тонкостенных сосудов имеют нарядный орнамент, выполненный разной техникой.

Преобладают оттиски штампов гребенчатого, ямочного, гладко-линейного типов, резные горизонтальные желобки, насечки, елочки, ленточные узоры с косой штриховкой, орнамент из рядов Е-образных фигур меандра, заштрихованного поперечными зарубками, и др. Указанные элементы орнамента весьма типичны для керамики эпохи поздней бронзы.

Бронзовых изделий найдено сравнительно немного, около десяти. Среди них преобладают полуфабрикаты и медные пластинки, целых образцов изделий почти нет (рис. 144, 15–19).

Наиболее интересен обломок рабочего конца четырехгранной большой кирки, найденный в отвалах Кресто. находка этого крупного орудия в древних отвалах Джезказгана свидетельствует об использовании рудокопами не только мощных каменных кайл, но и медных кирок. Медные кирки четырехгранной формы с двумя рабочими концами широко распространены на всей территории Центрального, Северо-Восточного Казахстана. В прошлом они найдены в древних отвалах рудников Каркаралинской степи. Их образцы ныне хранятся в Семипалатинском музее, в Эрмитаже и Государственном историческом музее.

В нижнем слое Милькудука найдено значительное количество костей рогатого скота, лошадей, верблюдов, в том числе и обработанных, например, костяной нож, хорошо заточенный, по-видимому, употреблявшийся для среза глины, лопатки крупного животного (лошади), служившие в качестве совка для сгребания измельченной руды, золы и мусора. Кроме того, встречены кости диких животных — сайгака, кулана, череп архара со срезанными рогами, свидетельствующие о подсобном значении охоты.

В культурном слое и на дне выработок обнаружено изрядное количество орудий горного дела: отбойников, мотыг, кайл, молотов, пестов, тиглей и др. Ниже дается их характеристика, составленная Н. В. Валукинским.

Большой отбойник 1 — орудие ударного типа округлой формы. Обнаружен в древних отвалах Кресто-Центра. Самый крупный из всех видов орудий из кварцита и самый мощный, весом до 40 килограммов. Большой диаметр 44 см, ма-

лый 32 см. Орудие рассчитано на сильный удар сверху по свисающим породам и рудам (сцепления рудных жил), для его применения необходима усилия двух рабочих. Основной рабочей час-

шой отбойник 5 выемчатой формы, сделанной для удобного охвата рукой. Выемка сделана в бугровой части кварцитного валуна, плоской, рабочей стороной служит низ. Найден в древних вы-

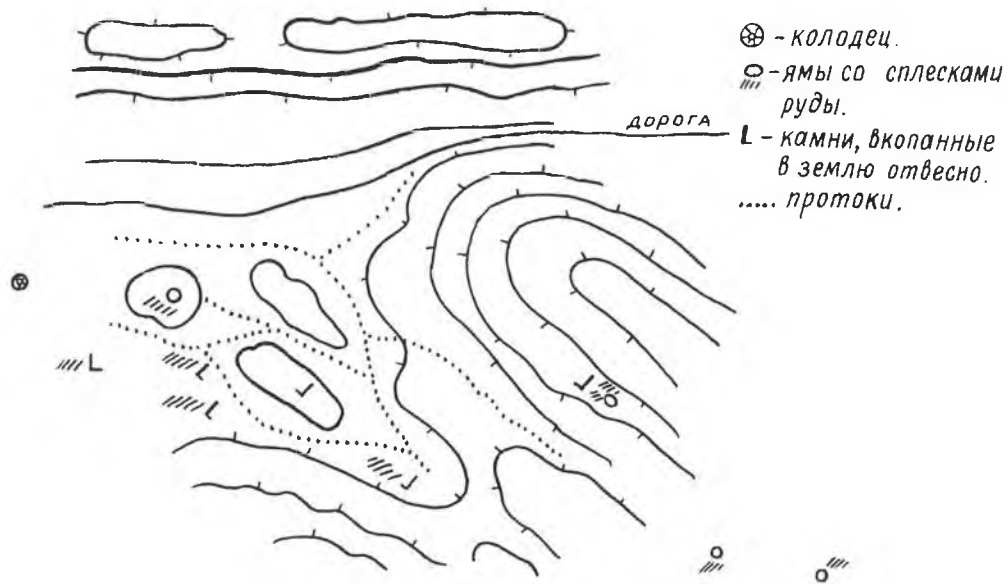

Рис. 151. Айнаколь. План поселения

тью служила нижняя сторона со следами длительного употребления. Большой отбойник 2 полиэдрической формы найден в отвалах Петро III. Изготовлен из сравнительно крупного валуна кварцита весом до 22 килограммов. Имеет такое же назначение, что и отбойник 1. Большой отбойник 3 многогранно выемчатой формы, сделанной специально для удобного захвата рукой. Найден на отвалах Кресто-Центра. Изготовлен из кварцита Джекказгана. Рабочей частью служит нижняя сторона. Большой отбойник 4 точно такой же, как предыдущий. Изготовлен из кварцита. Выемка для рукояти несколько глубже, чем на предыдущем орудии. Найден на отвалах Златоуста. Боль-

работках Кресто-Центра. Большой отбойник 6 сферической формы изготовлен из кварцита. Рабочей частью служат все выступающие поверхности. Найден на отвалах Златоуста. Большой отбойник 7 изготовлен из целого валуна кварцита в форме неправильного шара, рабочей стороной служит низ. Найден на древних отвалах Петрохолма. Отбойник 8 выемчато-шаровидной формы с рабочей частью на одном боку.

Вторую серию орудий по добыче и сортировке руды представляют крупные каменные молоты типа мощной кувалды, грубо обработанные в форме двух шаров или прямоугольного параллелепипеда с выемкой посередине для прикреп-

Рис. 152. Соркудук. План поселения

ления к деревянной рукоятке (рис. 145, 146, 4, 5).

Большой каменный молот 1 сделан из крупного валуна кварцита темно-бурого цвета в виде двух равных сфероидов с выемками посередине. Одна половина отбита. Вес до 8 кг. Вся поверхность хорошо отесана и сглажена. Служил для забивки клиньев в трещины скал и для раскалывания больших глыб пород. Найден в древних выработках севернее Златоуста. Большой каменный молот 2(4) сделан из куска красного песчаника в цилиндрической форме с двумя равными шарами. Желоб для рукояти тщательно обработан. Поверхность ровно отесана. Вес до 8 кг. Найден в древних выработках Кресто-Центра. Служил для раскалывания больших глыб пород и руд, для забивки клиньев в трещины. Большой молот 3(2) цилиндрической формы с двумя равными шарами. По форме сходен с предыдущим, но меньшего размера. Одна сторона отбита. Поверхность слегка обработана, более тщательно обтесан желобок для рукояти. Найден в культурном слое поселения Милькудук. Вес 5 кг. Служил для дробления руды. Молоты из двух сфероидов с выемкой посередине встречены в поселениях Улутау, Каркаралы и Трушниково⁶⁰.

Большой молот (кувалда) 4 в форме параллелепипеда изготовлен из кварцита серого цвета. Орудие не закончено — отсутствуют выемки, что, по-видимому, объясняется твердостью породы. Вес около 8 кг. Найден вне комплекса, в группе кремневых орудий эпохи позднего неолита, в культурном слое стоянки «А». Очевидно, он является прототипом позднейших отбойников (молотов) периода бронзы. Каменный молот 4 в виде параллелепипеда сделан из тонкозернистого сероватого песчаника, имеет выемку для привязывания к рукоятке. Служил для дробления крупных кусков горных пород и руд. Найден в культурном слое Милькудука. Аналогичный тип молота встречен на Верхнем Иртыше в поселении Трушниково⁶¹.

Большую серию орудий по добыче руды составляют массивные каменные кайлы весом нередко до 10 кг. В древних выработках и отвалах Джекказгана Н. В. Валукинским собрано около 30 каменных кайл, целых и в обломках, среди них преобладают клиновидные, двусторонние и односторонние, с одним или двумя заостренными рабочими концами. Кайла 1(4) клиновидной формы изготовлена из мягкой породы. Имеет выточенную выемку для привязывания к рукоятке, одну коническую сторону и мощную обуховую часть, сохранившую следы многочисленных

ударов. Орудие служило не только для раскопки, но и для откалывания скал. Найдена в древних выработках Айранбай, в 45 км к северу от Джекказгана. Кайла 2(3) мотыговидной формы с двумя рабочими концами, один из которых — обух — служил для удара по камням. Хорошо сохранились следы сработанности обоих концов. Ближе к обуху видны неглубокие выемки для привязывания к рукоятке. Орудие сделано из окварцованного известняка, обнаружено в отвалах Айранбая. Кайла 3 односторонняя, плоскопродолговатой формы, с широкой рабочей частью и узким обухом. Изготовлена из серого песчаника, слегка стесанного со всех сторон. Универсальное орудие, служившее не только для снятия каменного грунта, но и для отделения от руды пустых пород и других посторонних примесей. Найдена в древних отвалах Кресто-Центра. Кайла 4(7) удлинненно-клиновидной формы, с двумя рабочими концами: конусом и прямоугольным обухом. Сделана из крупного валуна кварцита, покрытого коркой загара. Найдена в древних выработках Златоуста. Кайла 5(10) мотыговидной формы с двумя рабочими концами и выемкой для привязывания к рукоятке. Сделана из крупного валуна кварцита, на поверхности — следы грубой обтески. Найдена в древних отвалах Златоуста. Обух и заостренный рабочий конец несут следы удара по камню и долголетней сработанности. Кайла 6(11) — орудие мотыговидной формы с двумя рабочими концами. Выемки для привязывания рукоятки выражены очень слабо из-за большой твердости кварцита, из которого она сделана. На обухе и рабочем конце сохранились глубокие следы от долговременного употребления. На поверхности хорошо заметны следы грубой обтески. Найдена в древних отвалах Кресто-Центра. Кайла 7 сделана из очень твердой опоки (тонкозернистого красного песчаника) в форме восьмерки с широкими шаровидными концами и выемками для привязывания к рукоятке. Вся поверхность орудия тщательно отесана и сглажена. Найдена в культурном слое поселения Милькудук. Предназначена в основном для землеройных работ.

Н. В. Валукинским в культурных слоях поселений Милькудук, Айнаколь, Соркудук, в древних выработках и отвалах Кресто-Центра, Петро и Златоуста найдена большая серия каменных клиньев, которые служили для откалывания глыб пород. Для этого их забивали большим каменным молотом в трещины скал. Ниже дается краткая характеристика каменных клиньев.

Клин 1 (8) сделан из кварцита, имеет овальную форму, поверхность грубо обработана. Найден в древних отвалах Златоуста. Клин 2(9) подобен предыдущему. Найден в древних отвалах Златоуста. Клин 3(13) из кварцита, представляет собой прямоугольный брусок с коническим концом, обработан грубо. Найден на отвалах Кресто-Центра.

Клин 4(12) из кварцита, имеет вид треугольного камня с прямым основанием и коническим завершением. Найден в отвалах Златоуста. Клин 5(2005) из кварцита, удлинненно-овальной формы, с заостренным рабочим концом и слегка отбитым обухом. Похож на одностороннюю кирку, в сечении имеет овальную форму. Найден на древней стоянке Кресто-Центра. Клин 6 изготовлен из кварцита в удлинненно-долотовидной форме с четырехгранной формой в сечении. Найден на отвалах Кресто-Центра, слегка отесан.

Клин 7 из кварцита, имеет удлинненно-прямоугольную форму, грубо обработанную поверхность. Найден на отвалах Кресто-Центра.

Наиболее обширную серию представляют орудия, изготовленные специально для дробления, измельчения и обогащения окисленной медной руды. Для очищения окисленной медной руды от посторонних примесей применялись более легкие типы орудий. С этой целью применялись различные типы ручных топоров, молотов и пестов. Основная масса их обнаружена в древних отвалах Кресто-Центра и в поселении Милыкудук. Груды обломков этих орудий находят в местах рудосортировки. Факт почтительного отношения к орудиям, вышедшим из строя, зафиксирован на стоянках Джезказгана не один раз. Все орудия легкого типа сделаны из тонкозернистого мягкого материала — песчаника или третичных опок, легко поддающихся обработке и шлифовке, причем сделаны они в четко выработанных формах, удобных для работы, хорошо отесаны и отшлифованы.

Для массового изготовления рудодробильных орудий специально заготавливался материал: тонкозернистые плиты серого и красного песчаника, имеющие форму параллелепипеда. Из них делали различные типы пестов, терочек, ручных молотков, шаровидных, дисковидных, полиэдрических, брусковидных орудий, колотушек, легких кайл, кирок, ступок и т. д. Более тщательно обработаны каменные песты, колотушки, ручные молоты и клиновидные топоры (рис. 179, 180, 1). Ниже дается их краткая характеристика.

Молоток 1(18175) своеобразной формы — в

виде шестигранника с закругленными углами. Изготовлен из серого песчаника. Обнаружен в древних выработках Кресто-Центра. Хорошо обтесан со всех сторон, все грани служат рабочей частью. Молоток 2(18176) округлой формы с одной скошенной стороной. Сделан из окварцованного песчаника, все грани ровно обтесаны. Обнаружен в древних отвалах Кресто-Центра. Точно такой же молоток встречен в Кызыл-Чилике⁶².

Молоток 3(1817) овальной формы с одной гладкой стороной. Изготовлен из окварцованного песчаника сиреневого цвета с легкой обтеской сторон. Обнаружен в древних отвалах Кресто-Центра. Молоток 4(18183) цилиндрической формы с одной скошенной и другой круглой рабочей сторонами. Вся поверхность хорошо отесана и зашлифована. Сделан из валуна окварцованного песчаника сиреневого цвета. Обнаружен в древних отвалах Кресто-Центра. На округлой части имеются следы изношенности. Молоток 5(18181) цилиндрической формы с одной скошенной и другой круглой рабочей сторонами. Поверхность хорошо отесана и зашлифована. Сделан из валуна окварцованного красного песчаника. Найден в отвалах Кресто-Центра. Сходные формы плоско-цилиндрических орудий найдены в поселении Шортанды-Булак и в отвалах Сая-Су⁶³.

Пест плоско-округлой формы из гальки был найден в могильнике Беласар, ограда 9. Верхняя часть закруглена, нижняя — утолщена. Молоток 6 мотыговидной формы с широкой рабочей частью и узким обухом, сделан из окварцованного песчаника сиреневого цвета. За исключением гладкой верхней грани, вся остальная поверхность служила рабочей частью. Обнаружен в отвалах Кресто-Центра. Поверхности орудия слегка обработаны и сглажены. Молоток 7 округло-овальной формы со следами работы на всей поверхности. Изготовлен из окварцованного тонкозернистого песчаника сиреневого цвета. Отесан и сделан более удобным для охвата рукой. Найден в отвалах Кресто-Центра. По-видимому, он является прототипом позднейших каменных молотков-колотушек, состоящих из шаровидной рабочей части и цилиндрической рукоятки. Аналогичные типы орудий были найдены в Улутауском поселении, в 110 км к северу от Джезказгана, в поселениях Трушниково и Усть-Нарым на Верхнем Иртыше⁶⁴.

Молоток 8 округло-шаровидной формы с одной рабочей стороной, поверхность хорошо отес-

сана и зашлифована. Сделан из окварцованного песчаника сиреневого цвета плотной текстуры. Найден в отвалах Кресто-Центра. Молоток 9 (18 182) округлой формы, изготовлен из плотного окварцованного песчаника красного цвета. Вся поверхность хорошо обработана. Обнаружен в отвалах Кресто-Центра. Молоток 10 (18 184) шаровидной формы, с тщательно обработанной поверхностью. Сделан из окварцованного песчаника сиреневого цвета. Обнаружен в отвалах Кресто-Центра. Все стороны носят следы работы. Молоток 11 шаровидной формы. Тщательно отесанная поверхность несет следы работы. Сделан из окварцованного песчаника сиреневого цвета. Найден в отвалах Кресто-Центра. Молоток 12 сделан в виде полиэдрического шара с наметками крестообразного желобка для привязывания к рукоятке. Несмотря на то, что предмет остался заготовкой орудия, на поверхности сохранились ясные следы многократных ударов. Он сделан из окварцованных опок вишневого цвета, найден в отвалах Кресто-Центра. Молоток 13 сделан из окварцованного песчаника сиреневого цвета. Вся поверхность тщательно отесана и отшлифована. По форме напоминает полиэдрический шар с крестообразными желобками для привязывания к рукоятке. Все выступающие грани одинаково служили рабочей частью. Найден в отвалах Кресто-Центра. Подобные рудодробильные орудия шаровидной формы встречены в Улутауском поселении, в Караганде 15 и Урунхаве⁶⁵.

Молоток 14(3) шаровидной формы, с рабочей функцией всех сторон. Поверхность хорошо отесана и отшлифована. Сделан из окварцованного песчаника красного цвета. Найден в отвалах Кресто-Центра. Молоток 15 шаровидной формы, изготовлен из окварцованного песчаника. Поверхность тщательно отесана и зашлифована. Найден в культурном слое Милькудука. Следы работы сохранились на всей поверхности. Молоток 16(4) шаровидной формы, в сечении имеет форму двустороннего конуса. Найден в 50 м от карьера Кресто-Центр. Сделан из тонкозернистого песчаника с хорошей обтеской и шлифовкой всей поверхности шара. По всей грани сохранились следы работы. Молоток 17 шаровидной формы со следами сработанности. Сделан из валуна песчаника с округлением до формы шара. Вся поверхность хорошо отесана и зашлифована. Найден в стороне от карьера Кресто-Центр. Молоток 18 округлой формы с овальным очертанием в сечении. На всех выступающих гра-

нях имеются следы сработанности. Сделан из валуна кварцита с хорошей отеской всей поверхности. Найден около карьера Кресто-Центр. Молоток 19 овальной формы с некоторой вытянутостью, сделан из валуна кварцита удобной формы. Вся поверхность хорошо обработана, следы сработанности сохранились более всего в нижней части. Найден около карьера Кресто-Центр. Молоток 20 овальной формы, удобной для работы. Сделан из валуна кварцита. Вся поверхность сравнительно хорошо обработана. Следы многократных ударов отчетливее сохранились в нижней части. Найден около карьера Кресто-Центр.

Рудодробильные орудия округлой, шаровидной и дисковидной форм встречены неоднократно в поселениях Милькудук и Соркудук. Шаровидная форма терочки широко распространена по всему Центральному и Северо-Восточному Казахстану, т. е. там, где разрабатывалась медная руда. Интересные типы шаровидных терочек найдены в поселениях эпохи бронзы Караганда 18, Атасу, Улугай, Суук-Булак⁶⁶, на стоянках Каркаралы, в поселениях Трушниково и Малая Красноярка⁶⁷.

Значительную серию составляют клиновидные орудия типа молотков, изготовленные специально для отсортировки и более тщательной очистки медной руды от примесей, в частности, от вкраплений пустых пород и бедной руды. Они сделаны чаще из песчаника в виде четырехгранного бруска с закруглением острых ребер, дающим в сечении форму овала. Большинство орудий этого типа представлено в обломках, целых сравнительно мало. Основная масса их встречена в отвалах Кресто-Центра и в культурных слоях поселений Милькудук и Соркудук, главным образом в местах древней рудосортировки. В местах дробления и измельчения руды они почти не встречаются.

Клиновидное орудие 1 овальной формы с одним отбитым концом, сделано из серого тонкозернистого песчаника, в сечении овальной формы. Поверхность обработана и зашлифована, острые грани закруглены. Обнаружено в культурном слое Милькудука. Клиновидное орудие 2 имеет вид прямоугольного бруска овальной формы в сечении. Изготовлено из серого песчаника с хорошей обработкой и округлением граней. Найдено в древних отвалах Кресто-Центра. На поверхности следы сработанности. Клиновидное орудие 3 сделано из серого песчаника в виде бруска овальной формы в сечении. Вся поверх-

ность тонко обработана и отшлифована, острые грани округлены. Один конец отбит. На одном боку следы многократной работы. Клиновидное орудие 4 сделано из темно-серого песчаника в виде прямоугольного бруска с отбитыми концами и прямоугольно-овальным сечением. Стороны грубо обработаны и ребра закруглены. Обнаружено в древних отвалах Кресто-Центра. Судя по следам, удары производились ребром, торцами и нередко плашмя. Клиновидное орудие 5 изготовлено из тонкозернистого серого песчаника в виде бруска с одним отбитым концом и округлением острых граней, сечение подпрямоугольно-овальное. Поверхность грубо обработана. Обнаружено в отвалах Кресто-Центра. На всей поверхности сохранились следы сработанности. Клиновидное орудие 6 сделано из серого песчаника в виде односторонней кайлы со скошенными и заостренными рабочими краями и закругленной рукояткой. Стороны грубо обработаны. На рабочей части хорошо сохранились следы многократных ударов. Аналогичное орудие (пест) встречено в поселении Трушниково⁶⁸.

Клиновидное орудие 7 более грубой формы — в виде удлиненного бруска с одним отбитым концом и овальной формой в сечении. Вся поверхность грубо обработана, острые грани округлены. Изготовлено из откола красного песчаника. Клиновидное орудие 8 сделано из тонкозернистого серого песчаника в виде прямоугольного бруска с одной отбитой стороной, в сечении имеет форму подпрямоугольного овала. Грани хорошо обработаны. Найдено в культурном слое Милыкудука. На поверхности следы многократных ударов. Клиновидное орудие 9 в виде бруска грубой обработки с формой овала в сечении. Сделано из естественной формы четырехгранного бруска серого песчаника, с округлением острых ребер. На всей поверхности сохранились следы ударов, которые производились ребром и плашмя. Обнаружено в древних отвалах Кресто-Центра. Один конец отбит. Клиновидное орудие 10 в виде бруска овальной формы с прямоугольным очертанием в сечении. Сделано из серого песчаника с легкой обработкой поверхности. От многократного употребления концы отбиты. Найдено в древних отвалах Кресто-Центра.

Клиновидные орудия в виде бруска широко распространены по всей степи от Джекказгана до Верхнего Иртыша⁶⁹.

С. С. Черников квалифицирует их как песты. Но песты бывают исключительно цилиндрической, круглой и шаровидной форм, удобных для измельчения и растирания руды. Для работы пе-

стом необходимы ступки, без них измельчение вообще невозможно. Клиновидные орудия брусчатой формы с плоской поверхностью вряд ли могли быть использованы в качестве пестов. Следы сработанности на боках и плоских гранях говорят о том, что ими прежде всего очищали руду от посторонних примесей, проводили первую стадию сортировки и дробления, и лишь после этого чистая руда подвергалась измельчению и растиранию при помощи круглых и цилиндрических пестов и молотков.

Наиболее совершенную форму среди орудий горного дела древнего Джекказгана имеют каменные песты типа колотушек, известные среди казахских рудокопов под названием шолп. По сравнению с грубыми орудиями из натуральных валунов кварца шолп аккуратно выточен из кусочка тонкозернистого песчаника или другой мягкой горной породы (порфирит), имеет вполне законченную форму и удобен для измельчения и дробления руды. Состоит он из округлой рабочей части и цилиндрической рукоятки. Вся поверхность, особенно рукоятки, тщательно отесана и зашлифована (рис. 147).

В Джекказгане обнаружено более 10 шолпов (колотушек), из них 5 — в разрезах древних отвалов Кресто-Центра, 3 — в разрезах отвалов Златоуста, 3 — в древних выработках Петро III. Среди находок имеются целые, сломанные в процессе работы и 2 экземпляра заготовок. Поломки происходили часто в месте перехода от рукоятки к рабочей половине. Приведем описание некоторых из них.

Шолп 1(67) неполный, рабочая часть отсутствует. Сделан из серого песчаника. Вся поверхность тонко обработана. На круглом конце рукоятки сохранились следы сработанности. Шолп 2(1447) неполный, отбита рабочая часть. Сделан из серого тонкозернистого песчаника. Поверхность гладко зашлифована. Шолп 3(1448) неполный, отбита рабочая часть. Сделан из тонкозернистого красного песчаника. Вся поверхность полирована. Шолп 4(15072) неполный, отбита рабочая часть. Сделан из серого песчаника. Вся поверхность гладко обработана. На конце рукоятки сохранились следы работы. Шолп 5(11349) неполный, отломана рукоятка. Рабочая часть выглядит очень массивной. Сделан из тонкозернистого серого песчаника. Поверхность тщательно полирована. Шолп 6(14436) неполный, отломана рукоятка. Рабочая половина отличается массивностью и шаровидной формой. Сделан из тонкозернистого серого песчаника. Поверхность хо-

рошо отесана и зашлифована. Шолп 7(13429) целый, рабочая половина в два раза больше рукоятки. Сделан из плотного тонкозернистого песчаника. Вся поверхность тщательно полирована. Вес 3 кг. Шолп 8(13406) — заготовка из бруска серого песчаника в виде болванки с некоторым округлением рабочей части. Вес около 3 кг. Шолп 9(14236) — заготовка из бруска серого песчаника в виде четырехгранной болванки. Слегка округлен контур рукоятки и рабочей части. Вес около 3 кг. Эти две заготовки дают ясное представление о том, как создавались прекрасные каменные шолпы.

Шолп 10 — лучший образец орудия этого типа. Найден в долине р. Кара-Кенгир, в 70 км к северо-востоку от г. Джезказгана в древних выработках эпохи бронзы. Сделан из тонкозернистого песчаника. Вся поверхность тщательно полирована. Вес 2,5 кг. Вполне возможно, что шолпы использовались и для других хозяйственных целей. Шолп 11 хорошей сохранности найден в древних выработках рудника Саяк Агадырского района Джезказганской области. Сделан из плотного алевролита. Вся поверхность тщательно полирована. На рабочей части хорошо видны следы сработанности. Вес 2,4 кг.

Очень интересные экземпляры шолпов встречены в поселении под Карагандой, в Зеленой Балке. Своей формой они напоминают позднейшие деревянные колотушки. Не лишено основания мнение, что их прототипом служили именно деревянные колотушки периода бронзы и эпохи раннего кочевого скотоводства.

Большую часть рудодробильных орудий древнего Джезказгана составляют каменные ступки в виде квадратных, прямоугольных или овальных плиток с широкой гладкой рабочей поверхностью и небольшим углублением посередине (рис. 148, 2, 3, 6).

Все ступки сделаны из красного песчаника и хорошо отесаны. Основная их масса обнаружена в культурных слоях поселений Милыкудук, Кресто-Центр, Айнаколь и Соркудук, а также в разрезах отвалов Златоуста, Раймунда и Карпинского. Они найдены целыми и в обломках, всего около 50 экземпляров.

Ступка 1 сделана в виде параллелепипеда с закругленными углами и прекрасной обработкой граней, с четкой моделировкой формы вытянутого четырехгранника. По центру имеет следы сработанности. Ступка 2 наиболее массивная, выдолблена в виде параллелограмма с закругленными углами, грубой обработкой сторон, но ши-

рокой моделировкой общей формы. В центре сохранились следы работы. Ступка 3 сделана в виде стройного параллелограмма с тонкой обработкой всех граней, с более четким выделением формы геометрической фигуры. Ступка 4 имеет четкую форму четырехгранника с тщательной отеской всех сторон и с красивой моделировкой формы. В центре сохранились следы сработанности. Ступка 5 сделана в виде плоского овала изящной моделировки, с гладкой обработкой сторон. Ступка 6 изготовлена в форме плоского овала с круглой моделировкой сторон. Ступка 7 плоско-цилиндрическая, хорошо отесана со всех сторон. В центре сохранились ямки — следы сработанности. Ступка 8 в виде вытянутого овала с одним прямоугольным концом, с грубой обработкой сторон. Посередине сохранились следы сработанности. Ступка 9 овальная, по форме очень сходна с предыдущей, с частичной полировкой сторон. Ступки 8 и 9 отличаются более грубой обработкой. Ступка 10 — массивное орудие в виде шестигранника с тщательной полировкой граней. Сделана из тонкозернистого светло-серого песчаника. На всех гранях имеются гнездовидные углубления — следы многократного измельчения и растирания руды. Ступка 11 в сечении овальной формы, один конец отбит. Имеет четкую моделировку всего корпуса. На рабочей поверхности гнездообразное углубление — следы многократного применения. Ступка 12 в виде вытянутой трапеции, с одним широким и другим узким концами, шестигранной формы, с легкой обработкой граней. В центре рабочей поверхности гнездообразная яма — следы работы. Судя по строгой геометрической форме, последние три ступки (10, 11, 12) более позднего происхождения. Прямых аналогов в памятниках эпохи бронзы не обнаружено. Аналоги другим описанным ступкам круглой, овальной, прямоугольной и квадратной форм найдены неоднократно в поселениях Атасу, Суук-Булак, Каркаралы I, II, Улутуа, Шортанды-Булак и др. В поселениях Атасу, Улутуа Шортанды-Булак встречены ступки в виде неполного месяца, или половины круга, нередко в виде круглого сегмента⁷⁰.

Большая серия ступок найдена в рудниках Целиноградской области, в частности в древних выработках Акколь, в 50 км севернее г. Целинограда. Образцы этих орудий хранятся в Карагандинском, Джезказганском и Алма-Атинском музеях.

Из орудий обработки металла особый интерес представляют формы для литья, обнаруженные в культурных слоях поселений Милыкудук,

Соркудук и Айнаколь. Они изготовлены из мягкого песчаника в виде квадратных, прямоугольных и круглых плиток с хорошей обработкой и шлифовкой сторон. Среди моделей имеются экземпляры для отливки ножей, зеркал, бронзовых стержней и разных типов орудий (рис. 149, 150).

Основные типы моделей следующие.

Литейная форма 1 сделана из мягкого песчаника в виде квадратной плитки с некоторым закруглением углов (рис. 149, 1), один угол отбит. Все грани тщательно полированы, скульптурно хорошо обработаны, особенно бортовая часть. Нижняя сторона плоская и ровная. На верхней грани вырезаны три углубления, из которых два в виде контуров топоров, среднее — фигуры серпа с одним закругленным концом и заостренным другим. Контуров топоров очень близки к их каменному прототипу, найденному в обрыве р. Нура на территории Ульяновского района Карагандинской области⁷¹.

Они сходны с каменным прототипом и по своим размерам: длина каменного топора 11 см, ширина лезвия 5 см, обуха 3 см. Литейная форма 2 неполная, один край отломан. Имеет форму четырехгранного бруска, близкого к квадрату. Изготовлена из мягкого красного песчаника с тщательной полировкой граней и бортов и легким закруглением углов. На гладкой грани воспроизведено негативное изображение плоского кельта в виде четырехугольного углубления глубиной до 1 см. Хотя один конец модели отсутствует, легко понять, что это контурное изображение лезвия плоского кельта без обушковой части (рис. 150, 2). Литейная форма 3 массивная, в виде четырехгранного бруска с хорошей шлифовкой всех граней и бортовой части. Сделана из мягкого песчаника с некоторым закруглением углов, один угол отбит (рис. 150, 3). Модель хорошо воспроизводит форму плоского кельта, характерного для Казахстана, с широким лезвием и несколько суженным обухом. Литейная форма 4 незаконченная, изготовлена из мягкого песчаника в виде четырехгранного бруска с закруглением углов. Поверхность хорошо зашлифована. На гладкой грани намечен контур прямоугольного орудия типа кельтов, но работа не доведена до конца. Не исключено, что это форма для литья бронзовых зеркал типа зеркала квадратной формы из Сангру I. Литейная форма 5 неполная, половина отломана. Имеет вид удлиненного овала (см. рис. 150, 6). Сделана из песчаного бруска, стороны хорошо полированы. На гладкой грани часть негативного изображения мощного орудия типа кайлы. Отсутствие одной половины не позволяет более точно

определить тип орудия. Литейная форма 6 неполная, большая часть отсутствует. Сделана из мягкого песчаника в виде круглой плитки, имеет прекрасную полировку граней и бортового обрамления. Несомненно, это форма для литья украшений, в частности круглых бронзовых зеркал или нагрудных украшений. Литейная форма 7 изготовлена из песчаника в виде прямоугольного бруска с отбитым конусом (см. рис. 150, 4). Все грани тщательно обработаны. На модели отчетливо виден контур наконечника копья листовидной формы без втулки. Точно такой же наконечник копья был найден в плиточной ограде 1 Бегазы. Литейная форма 8 неполная, изготовлена в виде прямоугольного бруска с отбитыми концами и хорошо отполированными гранями (рис. 150, 5). На обеих сторонах модели вырезаны глубокие желобки для отливки стержня полукруглой формы в сечении. Аналоги для этой формы можно найти в землянке 4 Алексеевского поселения⁷².

Литейная форма 9 неполная, большая часть отсутствует. Изготовлена из тонкозернистого песчаника в виде угловатого овала с хорошей полировкой. На обломке литейной формы воспроизведен контур крупного орудия, не поддающегося определению, по-видимому, кельта или тесла. Литейная форма 10 в виде четырехгранного бруска с одним широким и другим узким концами, изготовлена из тонкозернистого серого песчаника. Грани хорошо полированы (рис. 149, 2). На верхней грани вырезаны три параллельных желобка круглой формы в сечении. Желобки отчетливо изображают контуры трех шильев с острыми концами. Бронзовые шилья, воспроизведенные на литейной форме 10, встречаются очень часто во всех поселениях и погребениях эпохи бронзы Центрального Казахстана. Форма 11 (рис. 149, 4) оригинальная, изготовлена из серого песчаника подпрямоугольной формы. На ней контур мощного орудия типа чекана.

Наряду с формами для отливки орудий из металла в поселениях Джекказгана найдены и каменные матрицы для выдавливания и тиснения выпукло-вогнутых узоров. Штампы представляют собой круглые, квадратные и прямоугольные плиты с вырезанными на них матрицами рифленых узоров.

О каменотесном деле в древнем Джекказгане ясное представление дает серия точильных и шлифовальных камней (рис. 148, 1, 4, 5, 7). Шлифовальные и точильные камни применялись еще в эпоху неолита, но более широкое распространение они получили в период сложения культуры бронзы в связи с изготовлением металлических

орудий и оружия. После отливки многие изделия подвергались дополнительной обработке и шлифовке. В период освоения металла человек долгое время обходился без металлических напильников, терпугов и пил. Их заменяли каменное лощило, шлифовальные и точильные камни. В культурных слоях поселений эпохи бронзы Джезказгана обнаружено 15 точильных и шлифовальных камней, из них 4 — Милькудука, 5 — Кресто-Центра, 2 — Айнаколя, 1 — Соркудука, 1 — в разрезе отвала Златоуста, 2 — на западной стоянке Никольского. Основной материал, из которого они сделаны, — мягкий сланец и тонкозернистый песчаник.

Точильные камни обработаны в разной геометрической форме, отчего сечение имеет вид прямоугольника, эллипса, овала или куба. Обращает на себя внимание мусат, или точильный камень 10, изготовленный в форме параболоида с одной скошенной стороной и узким желобком для привязывания петельки с целью ношения на поясе. Точильные камни с вырезанным желобком более характерны для позднего этапа средней бронзы в Центральном Казахстане. Аналогичные точильные камни с желобком найдены в Каркаралинском поселении II и в урочище Баиштын-Карашоқысы, в верховьях р. Токраун⁷³.

Начиная с бегазинского времени, желобки на мусатах заменены сквозным отверстием, и сам мусат с этого времени обретает более легкую и удобную форму⁷⁴.

Мусат особенно широко распространен в Центральном Казахстане и Южной Сибири периода саков, гуннов, усуней⁷⁵.

Поселение Айнаколь являлось одним из плавильных центров медной руды в Джезказгане. Оно расположено в окрестностях современного г. Джезказгана, в 5 км к востоку от главного рудника Кресто-Центр, недалеко от участка Никольского. Место это представляет собой широкую котловину, окруженную со всех сторон плоскими холмами и прорезанную многочисленными протоками, которые при впадении в р. Кенгир образуют систему рукавов (рис. 151).

Площадь поселения около 2 га. О длительности существования его говорят мощный культурный слой и тысячи находок.

Поселение двухслойное. Верхний слой отражает культуру эпохи бронзы, нижний слой — классическую культуру позднего неолита, или энеолита районов Центрального Казахстана и Тургайской степи. В нижнем слое встречены кремневые ядрища — нуклеусы, кремневые наконечники ко-

пий и стрел, скребки круглые, концевые, ножевидные пластинки крупных размеров, гладилки, проколки, провертки клювовидные, тесла, ручные топоры, скребла, рубила, орудия с двусторонней ретушью, образцы кристаллов, куски окисленной медной руды⁷⁶ и др. В верхнем слое установлены остатки восьми жилищ-полуземлянок в виде подпрямоугольных ям. По данным А. В. Кузнецова и Н. В. Валукинского, по характеру культурных отложений Айнаколь совершенно сходен с Милькудуком. Здесь выявлены остатки водосборных ям, ям-кладовых, колодцев, обложенных камнями, мест разработки и обогащения руд в виде отдельных бугорков, отвалов, сплесков, остатки медеплавильных печей, обломки тиглей и др.⁷⁷.

Верхний слой отличается обилием орудий горного дела, в том числе каменных отбойников, кайл, клиньев, мотыг, рудодробильных орудий в виде пестов, молотков, колотушек, ступок и т. д. Вокруг и в поде плавильных печей обнаружены огромные скопления шлаков, обломки тиглей, меди, медные шарики от отеков, согнутая медная пластинка, пластинка из желтой меди с четырьмя отверстиями, очевидно, служившая накладкой. Из орудий встречен только сильно коррозированный бронзовый вток. Типы горных орудий те же, что и в Милькудуке. В остеологическом материале преобладают кости баранов, лошадей и крупного рогатого скота. В керамике преобладают обломки сероглиняных сосудов без орнамента. Есть венчики прямые и с налетом, украшенные гребенчатым штампом, насечками и узорной лентой, заштрихованной наклонными линиями. Все это составляет характерную черту керамики Центрального Казахстана бегазы-дандыбаевского времени.

Поселение Соркудук — второй по величине после Милькудука металлургический центр в районе Джезказгана в эпоху бронзы. Оно расположено в северной части рудника Джезказган, в 15 км от центра, в широкой пойме протока, ограниченной с запада и севера высокими холмами (рис. 152).

Соркудук открыт и впервые исследован А. В. Кузнецовым и Н. В. Валукинским в 1945 г. Установлено, что на обширной площади, где соединяются два больших протока, расположены памятники двух эпох: бронзы и раннего средневековья (кыпчакские).

Поселение металлургов эпохи бронзы расположено в северной половине площадки и, подобно Милькудуку, состоит из многочисленных ям, ос-

татков жилых и хозяйственных сооружений, а также материального производства. Остатки жилищ-полуземлянок в виде обособленной группы ям расположены на близком расстоянии друг от друга. В плане они имеют подпрямоугольную форму, размеры их от 6х8 до 8х12 м, глубина 1,3 м. Установлены остатки 18 жилищ с очагом и кострищами в виде скопления зольного слоя толщиной до 30 см. Две более поздние землянки, расположенные в стороне, имели коридорообразный проход типа бегазинских тамбуров. Проход обращен в сторону протока, где находились сплески дробленой руды. По плану они очень сходны с жилищем 14 поселения Шортанды-Булак. Характерно, что внутри ям, в основном по периметру, были нагромождены песчаные плиты, некоторые из них врыты ребром в землю⁷⁸.

Это говорит о том, что жилища имели каменные стены, сложенные из двух рядов плит песчаника, поставленных на ребро. В таких случаях полое пространство между стенами забутовывалось мелкими обломками камней, смешанными с глиной и гравием. Пол ровный, местами выложен плитами песчаника, стыки между которыми обмазаны глиной. На полу следы от столбов не обнаружены. Это говорит о том, что перекрытие жилищ опиралось на каменные стены. Большой каменный очаг находился в центре помещения. Около жилища расположены малые ямы-кладовые круглой и продолговатой формы диаметром от 2 до 3 м, глубиной 0,8–1,0 м. У одной ямы сохранились настил из плит песчаника и остатки дробленой руды. По составу измельченная руда совпадает с суукбулакской.

На небольшом расстоянии от жилища, на берегу протока, расположены места рудоразработки, дробления и плавки медной руды, которые сохранились в виде множества бугров, отвалов, сплесков измельченной руды и подовой части плавильных печей. Само место дробления и обогащения имеет вид ровной площадки, местами вымощенной плитами песчаника, окруженной системой бугров и сплесков. От основного протока к площадке проведен многометровый арык (канал), у устья замкнутый мощной каменной плотиной шириной 6–8 м, длиной 60–80 м. В конце арыка устроено 6 водоемов, контуры которых сохранились в виде ям диаметром 6–8 м, глубиной до 1,5 м. Рядом с водоемом находились группы отвалов и сплесков измельченной руды, по-видимому, принадлежавших нескольким хозяйствам.

Кроме основной плотины, на площади обна-

ружены остатки целой системы плотин и запруд из камня, сооруженных для хранения большого количества воды. На двух протоках прослежены остатки трех плотин, сделанных из крупных плит песчаника, врытых вертикально в землю. Плиты установлены двумя рядами шириной до 3 м с забутовкой внутреннего пространства обломками камней, смешанных с глиной и гравием. Таким же способом забутованы и щели между камнями кладки.

На площади поселения обнаружены остатки восьми плавильных печей, по типу абсолютно сходных с милькудукскими и айнакольскими. В основной массе они круглые, устьем обращенные вниз. Около печей — неглубокие колодцы, обложенные камнями. В Соркудуке их обнаружено около десятки.

Из культурных остатков обращают на себя внимание большое скопление шлаков и груды окисленной медной руды около плавильных печей, значительное количество обломков тиглей. К одному из кусков шлака припаян обломок тигля, свидетельствующий о плавке меди в этом сосуде. Тигли использовались для выплавки вторичной продукции окисленной медной руды. Из других находок преобладают орудия горного дела в виде отбойников и кайл из кварцита, орудия для измельчения медной руды: каменные молотки четырехгранной и кубической формы, ступки круглые, дисковидные, прямоугольные и др. Наибольший интерес представляет орудие типа колотушки, изготовленное из очень твердого камня с плоско-округлым рабочим концом и цилиндрической рукояткой.

На площадке поселения и в культурном слое жилищ, около очага собрано некоторое количество фрагментов керамики без орнамента. Обломки сходных сероглиняных сосудов встречены в отвалах древней добычи руды в урочище Таскудук-Сай, в 1,5 км от Соркудука. В зольном слое кострища и около него обнаружены кости лошади, барана и крупного рогатого скота — остатки трапезы. В месте измельчения руды поднята лопатка лошади, служившая совком для сгребания дробленой руды и отходов производства, с сильно сработанной широкой частью.

У самого подножия холма, выше равнины, у выхода протока из ущелья находится стоянка эпохи позднего неолита, или энеолита. Культуру энеолита характеризует большая серия кремневых и кварцитовых орудий. Среди них имеются нуклеусы, отщепы, сколы, хорошо отретуширо-

ванные наконечники стрел, проколки, скребки, резцы, пилки и др. Некоторые из этих орудий сохраняются и в культуре поселений Милыкудук, Соркудук и Айнаколь. Вполне возможно, что потомки древних энеолитических племен Центрального Казахстана спустя несколько сот лет стали рудокопами и металлургами.

Поселение Кулман расположено на правом берегу р. Джезды, в 16 км на северо-запад от рудника Джезды. В плане очень напоминает поселение Тагибай-Булак, открытое на территории Баянаульского района. Жилища здесь также представляют собой наземные сооружения с мощными каменными стенами, выглядят как обширный холм подпрямоугольного очертания протяженностью свыше 200 м, шириной около 120 м. На этой приподнятой площадке сохранились остатки ряда жилых и хозяйственных сооружений в виде прямоугольных полос камней размером 12x8 м. К стенам поселения примыкают остатки древней плотины, построенной на протоке р. Джезды. Длина плотины около 50 м, ширина в основании 4 м, высота 1,3 м. Плотина возведена из камня, глины и щебня. За стенами жилищ, у устья протока, находились

ямы-кладовые для хранения зерна. Около этих ям собрано значительное количество мелких обломков (14) сероглиняных сосудов, вылепленных от руки ленточным способом, с примесью песка. Толщина стенок сосудов 6–8 мм. На поверхности сохранились следы сглаживания. Кроме лепной керамики на площади поселения найдены: орудие из тонкозернистого черного кварцита, мусат (брусок) из песчаника четырехгранной формы, железные псалии (2) дугообразной формы с тремя отверстиями и тщательно обработанной поверхностью. Присутствие железных псалиев свидетельствует о том, что поселение Кулман относится к концу бронзовой эпохи и началу раннесакского периода.

Описание охватывает только небольшую часть орудий, найденных в выработках древнего Джекказгана. Основная масса их хранится в Джекказганском геологическом музее и еще не подвергнута научным исследованиям. Наличие орудий различных типов и в огромном количестве свидетельствует об интенсивной добыче и обработке руды, о многообразии технических навыков, приемов и способов, составлявших арсенал умельцев этого региона.

- ¹ Яковлев Д. Н. Голодная степь Казахстана, с. 309.
- ² Исследования проведены М. К. Кадырбаевым в 1975–1976 гг.
- ³ В плане 1955 г. оно ошибочно обозначено топографом номером 22.
- ⁴ Промеры глубин даются от нулевого репера, расположенного в центре северо-восточного борта раскопа.
- ⁵ Яговкин И. С. Успенское медное месторождение Акмолинской губернии в КазАССР. Л., 1928, с. 10.
- ⁶ Минаева Т. М. Стоянки с микролитическим инвентарем на черных землях.— КСИИМК, вып. 59. М., 1955, с. 51, рис. 15, 8–14.
- ⁷ Кипарисова Н. П. Чебаркульская неолитическая стоянка.— КСИИМК, вып. 59, с. 59, рис. 17.
- ⁸ Комарова М. Н. Указ. соч., с. 99, рис. 41, 1–4, 7–18, 24.
- ⁹ Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение, с. 126, рис. 42.
- ¹⁰ Некоторые результаты исследования поселения освещены в кн.: Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 219–228.
- ¹¹ Кольцов С. В. Ишимская стоянка.— Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1, 1956, с. 266–267.
- ¹² Архив музея ИИАЭ, ф. 225, д. 33. Материалы Акмолинской археологической экспедиции 1955 г.
- ¹³ Антипов И. А. Рудники, каменноугольные месторождения Киргизской степи.— Горный журнал, 1892, т. 1, ч. 2, с. 333–334.
- ¹⁴ Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение, с. 140, рис. 63, 4.
- ¹⁵ Синицын И. В. Древние памятники в низовьях Еруслана.— МИА, № 23, с. 161, рис. 1, 2.
- ¹⁶ Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби, табл. VI, 10.
- ¹⁷ Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, М., 1953, № 46, с. 115, рис. 26, 11.
- ¹⁸ Валукинский Н. В. Древняя добыча медной руды в Джезказгане. Дневник № 177, с. 60–61, 74.
- ¹⁹ Карагандинский музей. Коллекция В. Е. Ясенецкой. Каркаралинская стоянка № 28; Гвоздовер М. Д. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки.— МИА. М.—Л., 1953, № 39, с. 205, рис. 10.
- ²⁰ Грязнов М. П. Неолитическое погребение у с. Батени на Енисее.— МИА, с. 333, рис. 1–3; Валукинский Н. В. Древняя добыча медной руды в Джезказгане, с. 36, 76; Кривцова-Гракова О. А. Садчиковское поселение, с. 164, рис. 14, 6; с. 165, рис. 15, 1–6; Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, с. 233, табл. XXXVIII, 3; Гурина Н. Н. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова.— МИА, М., 1953, № 39, с. 269, рис. 17, 4.
- ²¹ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 234.
- ²² МИА, 1951, № 23, с. 67, рис. 25, 6.
- ²³ Гриневиц К. Э. Новые данные по археологии Кабар-
- ды.— МИА, М., 1951, № 23, с. 127, рис. 2, 3.
- ²⁴ Археологическая карта Казахстана, с. 170.
- ²⁵ Архив ИИАЭ АН КазССР, ф. 2, д. 124 (переписка 1949 г.).
- ²⁶ Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби, с. 30, рис. 6, 11.
- ²⁷ Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, с. 253, табл. X, 8.
- ²⁸ Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, с. 234, табл. XXXIX, 7.
- ²⁹ Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение, с. 109.
- ³⁰ Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы.— ТИИАЭ АН КазССР, т. 5. Археология. Алма-Ата, 1958, табл. V, 3.
- ³¹ Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение, с. 109, 81, рис. 1–4.
- ³² Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение, с. 165, рис. 74.
- ³³ Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы, с. 289, табл. VII, 1.
- ³⁴ Маргулан А. Х. Комплекс Былкылдык, с. 193, рис. 6.
- ³⁵ Коншин Н. Я. Памятники старины Семипалатинской области. ЭСПО РГО, вып. I. Семипалатинск, 1903.
- ³⁶ Воинов Вл. Народный киргизский праздник по случаю прибытия в Сибирь великого князя Владимира Александровича.— Современная летопись, 1868, № 24.
- ³⁷ Красовский М. Область сибирских киргизов, ч. III. Спб., 1868, с. 259–260; ЦГА КазССР, ф. 328, оп. 1, д. 638.
- ³⁸ Переписка с каркаралинским окружным приказом о медном котле, найденном в горах Кент, переданном в Омское войсковое училище.— ЦГА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 584.
- ³⁹ ГИМ. Собрание Гуляева. Кол. 38160, хр. 85/3а, 69/606.
- ⁴⁰ Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение.
- ⁴¹ Максимова А. Г. Эпоха бронзы Восточного Казахстана.— ТИИАЭ АН КазССР, т. 7. Археология. Алма-Ата, с. 161, табл. XXIII, 5.
- ⁴² Комарова М. Н. Томский могильник.— МИА, с. 24.
- ⁴³ Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби, с. 41, рис. 15, 2.
- ⁴⁴ Максимова А. Г. Курганы сакского времени могильника Джуантобе.— КСИИМК, 1960, вып. 80; Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, с. 250, 288, табл. 38, рис. 38.
- ⁴⁵ Материалы поселения опубликованы в кн.: Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 245–255. Здесь приводятся лишь дополнительные данные.
- ⁴⁶ Карагандинский музей, ф. 61, № 10–38.
- ⁴⁷ Исследовано М. К. Кадырбаевым в 1974 г.
- ⁴⁸ Болл С. Х. Геологический доклад о владениях Атбасарских медных промыслов. (Рукопись), 1910. ИГН АН КазССР, архив акад. К. И. Сатпаева; Сатпаев К. И. Избранные труды, т. I, с. 142; т. V, с. 30, 44; Пазухин В. А.

- Металлургия в Киргизской степи. М.—Л., 1926, с. 142.
- ⁴⁹ *Валукинский Н. В.* Дневник № 177, с. 83.
- ⁵⁰ *Валукинский Н. В.* Дневник № 176, с. 74.
- ⁵¹ *Маргулан А. Х.* Джебказган — древний металлургический центр — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973.
- ⁵² *Сатпаев К. И.* Избранные труды, т. 5, с. 44.
- ⁵³ *Валукинский Н. В.* Дневник № 143, с. 1—4.
- ⁵⁴ Там же, л. 12.
- ⁵⁵ *Валукинский Н. В.* Дневник № 173, с. 4.
- ⁵⁶ Там же. Дневник № 170, л. 12 об.; *Сатпаев К. И.* Избранные труды, т. 5, с. 44—45.
- ⁵⁷ *Валукинский Н. В.* Дневник № 171, л. 49.
- ⁵⁸ *Валукинский Н. В.* Дневник № 171, л. 3—4.
- ⁵⁹ *Валукинский Н. В.* Дневник № 176, л. 30.
- ⁶⁰ *Черников С. С.* Восточный Казахстан, с. 245, табл. III, 1.
- ⁶¹ *Черников С. С.* Восточный Казахстан, с. 243, табл. L, 4.
- ⁶² *Черников С. С.* Восточный Казахстан, с. 268, табл. LXXV, 3.
- ⁶³ *Черников С. С.* Восточный Казахстан, с. 268, табл. XXV, 5.
- ⁶⁴ Там же, табл. XXVII, 12; L, 1.
- ⁶⁵ *Черников С. С.* Восточный Казахстан, с. 267, табл. LXXIV, 4, 5.
- ⁶⁶ *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана, с. 214, табл. XXIII, 5; с. 245, XLIII, 3; с. 251, табл. XLVIII, 6—8.
- ⁶⁷ *Черников С. С.* Восточный Казахстан, с. 245, табл. LII, 1а; с. 234, табл. XXXIX, 1.
- ⁶⁸ *Черников С. С.* Восточный Казахстан, с. 244, табл. LI, 10.
- ⁶⁹ *Маргулан А. Х., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана, с. 242, табл. XL, 6; с. 251, табл. XLVII, 4, 6; табл. XLVIII, 2, 3, 4; с. 232, табл. XXXII, 2; табл. XXXII, 8, 16; *Черников С. С.* Восточный Казахстан, с. 222, табл. XXVII, 1, 6, 11, 13; с. 244, табл. LI, 3, 4, 6, 7, 10; *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение, с. 86, рис. 19.
- ⁷⁰ *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана, с. 214, табл. XXIII, 3, 7.
- ⁷¹ *Семенов Л. Ф.* Находка каменного топора у реки Нуры. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1. Археология. Алма-Ата, 1956, с. 263—264, табл. I, 4.
- ⁷² *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение, с. 116, рис. 42.
- ⁷³ Хранится в Археологическом музее АН КазССР.
- ⁷⁴ *Грязнов М. П.* Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане, с. 156, рис. 17, 7.
- ⁷⁵ *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение, с. 120, рис. 44, 1; *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана, с. 315, рис. 6; с. 337, рис. 31; *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, табл. II, 16.
- ⁷⁶ *Валукинский Н. В.* Дневник № 173, л. 1—2, № 176, л. 99.
- ⁷⁷ *Валукинский Н. В.* Дневник № 177, л. 81; л. 103, рис. 53, 54; л. 88.
- ⁷⁸ *Валукинский Н. В.* Дневник № 177, л. 88, 90, 91.

ГЛАВА 3

ХОЗЯЙСТВО И ИРРИГАЦИЯ

В эпоху поздней бронзы племена Центрального Казахстана имели многоотраслевое хозяйство, основу которого составляли скотоводство, земледелие, металлургия и домашние промыслы. Подсобное значение имела охота. Экономика эпохи Бегазы-Дандыбая отличалась от экономики предыдущего этапа (ранней бронзы) более интенсивным характером, появлением новых отраслей производства, и прежде всего металлургии.

Основа этой экономики была заложена еще на атасуском этапе (поздний андрон), получила свое дальнейшее развитие в переходном от атасуского к бегазы-дандыбаевскому этапу (XIII—XI вв. до н. э.) и достигла своего наивысшего расцвета в X—VIII вв. до н. э. В течение этого времени происходят глубокие изменения в социальной жизни племен, специализация ведущих форм хозяйственной деятельности – скотоводство, металлургия и домашние ремесла.

Скотоводство

Археологическими исследованиями установлено, что скотоводство на территории Казахстана стало развиваться еще в эпоху неолита. При изучении ряда неолитических стоянок были обнаружены кости домашних животных, в том числе коров, овец и лошадей¹.

Много костей домашних животных найдено в бассейнах рек Сарысу, Ишим и Нура (под Карагандой)².

В памятниках неолитического времени кости верблюда еще не обнаружены.

В эпоху бронзы скотоводство становится одной из основных форм производства. Интенсивное развитие этой отрасли явилось основой первого крупного общественного разделения труда, выделения пастушеских племен из остальной массы населения. Эти события привели к становлению патриархально-родовой организации общества и укреплению ведущей роли мужчины в хозяйстве и общественной жизни³.

О широком развитии скотоводства в Центральном Казахстане в эпоху бронзы говорит, прежде всего, богатый остеологический материал поселений и могильников племен эпохи ранней (нуринский этап), средней (атасуский этап) и поздней (бегазы-дандыбаевский этап)

бронзы Центрального Казахстана. Особенно большое количество костей домашних животных обнаружено при раскопках могильников средней бронзы (Айшрак, Аксу-Аюлы, Былкылдак, Карабие, Темир-Астау) и памятников поздней бронзы (Бегазы, Бугулы II, III, Сангру I, III, Кент, Аксай (на р. Атасу) и т. д.). Большая масса костей домашних животных находилась внутри погребальных камер.

Как известно, в эпоху бронзы и позднее существовал обычай оставлять в могиле пищу для усопшего – туши барана, лошади, верблюда; отдельные кости: ребра, позвонки, передние конечности, головы крупных животных (лошади, коровы, верблюда и др.). В культурном слое Милькудука, возле каменного очага впервые найден череп верблюда. Крупный череп взрослого верблюда встречен и в каменном ящике могильника эпохи средней бронзы Тельжан-Кузеу на р. Атасу. Полный верблюжий костяк обнаружен в большом каменном ящике в группе Аксу-Аюлы – памятнике переходного от андрона к бегазы этапа. Значительное количество костей верблюда – трубчатые кости, голень, бабки от передней конечности, ребро и другие найдены рядом с костями передней конечности лошади в плиточном мавзолее 5 Бегазы, крупные кости верблюда (лопатки, трубчатые кости, челюсти, ребра) встречены в Атасуском (рис. 277) и Алексеевском поселениях⁴, кости лошади, причем в огромном количестве, – в поселениях Атасу, Бугулы II, Каркаралы II, III (Суук-Булак), Милькудук, Шортанды-Булак, Тагибай-Булак, Улутау, Алексеевском (табл. 1), в могильниках Айбас-Дарасы, Айшрак, Бегазы, Бугулы III, Былкылдак I, II, III, Джанайдар, Сангру I (ограды 1, 6) (табл. 2). Следует отметить, что стада домашних животных в отдельных памятниках разных этапов эпохи бронзы был неодинаков. Так, находки в могильнике Бугулы II показывают, что в период ранней бронзы преобладал мелкий скот, удельный вес лошади был незначительным, но культ коня уже существовал. В ограде 4 Бугулы I в каменном ящике найден хорошо сохранившийся конский череп.

В Бугулы I (ограда 4, 8) наряду с крупными и мелкими домашними животными в качестве жертвоприношения была собака для охраны усоп-

шего. Значительное количество костей диких животных в поселении Бугулы I говорит еще о значении промысловой охоты.

Начиная с атасуского этапа, удельный вес крупного рогатого скота уменьшается и ведущее место занимают мелкий рогатый скот и

могильниках Аксу-Аюлы (ограды 3, 4, 5), в плиточных мавзолеях 2, 5 Бегазы, в комплексе Тельжан-Кузеу на р. Атасу, Милыкудук, Алексеевском указывает на то, что в эпоху средней и поздней бронзы у племен, обитавших в пределах пустыни Бетпак-Дала (Атасу, Милыкудук, Тель-

Таблица 1

Соотношение костей животных из поселений эпохи бронзы

Поселение	Количество костей домашних животных					Количество костей диких животных
	бараны	козлы	лошади	верблюды	собаки	
Алексеевское	468	302	409	1	14	13
Атасуское	1200	300	800	12	8	—
Бугулинское	330	119	40	—	2	29
Каркаралы II	398	401	280	—	5	7
Каркаралы III (Суук-Булак)	483	382	275	—	2	10
Улутау	142	156	173	—	—	10
Шортанды-Булак	252	114	125	—	2	9
Милыкудук	900	262	680	8 (череп)	3	16

лошадь, появляется верблюд. Это, несомненно, говорит о подвижном характере стада и о начале перекочевок на короткое расстояние. Большое скопление костей барана и лошади было обнаружено при раскопках плиточных мавзолеев 1, 2, 3, 4 и 5 Бегазы, в памятниках Аксу-Аюлы, Бугулы II и т. д. Ведущая роль овцеводства и коневодства прослеживается и в ряде поселений эпохи поздней бронзы (Милыкудук, Шортанды-Булак, Алексеевском и Улутауском). При раскопке жилища 4 Атасуского поселения было обнаружено огромное скопление костей овец и лошадей, в том числе значительное количество костей куланов (рис. 187). Сходные результаты дали раскопки поселений Шортанды-Булак, Каркаралы II, III (Суук-Булак). Большая концентрация костей домашних животных в поселениях и могильниках свидетельствует о ведущей роли скотоводства по сравнению с земледелием.

Значительное количество костей верблюда в

жан-Кузеу) верблюд был одним из основных средств передвижения. Особо надо отметить значение верхового коня, который, начиная с атасуского этапа, стал важным средством передвижения. Самый быstroногий из всех животных, он уже в самом начале возникновения скотоводства был окружен особым вниманием и почетом. О культе коня говорят скульптурные изображения его в камне и древнейший обычай (со времен ранней бронзы) класть в могилу вместе с покойником конский череп (ограда 4 Бугулы I, ограда 2 Былкылдак II, мавзолеев 5 Бегазы, ограда 10 и 11 Былкылдак I). Обычай погребения коня вместе с покойником особенно широко был распространен в сакское и более позднее время. Материалы археологических раскопок показывают, что в эпоху поздней бронзы в жертву больше приносили овцу, лошадь, верблюда, а в детских погребениях — ягненка и верблюжонка (ограда 4 Аксу-Аюлы II). Размах жертвоприношений, характерный для бегазы-дандыбаевского времени (Бегазы, Бу-

Соотношение костей животных, извлеченных из могильников

Памятник	Количество костей домашних животных					Количество костей диких животных
	бараны	коровы	лошади	верблюды	собаки	
Бугулы I						
ограда 1	2	—	2	—	—	—
ограда 4	9	—	(череп, плечевая кость)	—	13	—
ограда 8	2	—	—	—	5	—
Карасай						
ограда 1	5	—	—	—	—	—
ограда 2	3	—	—	—	—	—
Карабие, ограда 2	1	20	1	—	—	—
Ушкызыл	2	—	—	—	—	—
Аксу-Аюлы I, ограда 2	2	—	—	—	—	—
Былкылдак I, ограда 10	3	—	2	—	—	—
Былкылдак II, ограда 2	—	—	5	—	—	—
			череп и кости передних ног			
ограда 4	—	8	7	—	—	—
ограда 7	—	—	2	—	—	—
Жамбай-Карасу						
ограда 1	8	—	—	—	—	—
Айшрак						
ограда 7	9	22	5	—	—	—
ограда 12	6	—	—	—	—	—
Тельжан-Кузеу	8	—	—	череп	—	—
Бегазы I, ограда 9	8	—	8	—	—	—
Беласар (ограды 6, 7, 9, 60)	42	3	2	—	—	—
Жанайдар, ограда 13	7	—	—	—	—	—
Аксу-Аюлы II, курган-ограда 3	22	—	22	—	—	—
ограда 4	15	—	—	44	—	—
ограда 5	25	—	6	18	—	—
Бугулы II						
ограда 1	12	—	5	—	—	—
ограда 3	9	—	—	—	—	—
Бегазы						
мавзолее 1	—	—	8	—	—	—
мавзолее 2	39	1	7	2	—	9
мавзолее 3	15	5	9	—	—	—
мавзолее 4	—	—	—	—	—	—
мавзолее 5	18	3	—	3	—	—

гулы, Сангру I, Айбас-Дарасы, Аксу-Аюлы и т. д.), сохраняется и впоследствии, во время саков. Традиция эта также базируется на широком развитии скотоводства⁵.

С эпохи поздней бронзы ведет свое начало традиционная игра в бабки. В поселениях и могильниках найдено большое количество астрагалов барана и архара – игральных бабок, служивших предметом спортивных состязаний у древних скотоводов. У казахов каждая игральная бабка имела свое название, особенно ценилась сака – главная бабка, которой бьют. Саку украшали золотой инкрустацией (алтын сака), серебром и увеличивали ее вес свинцом. Очень высоко ценился астрагал архара (архар сака). Как святую реликвию после смерти юноши астрагал хранили в заветном месте или клали рядом с усопшим. Интересные данные при раскопках могильника Кызылкой в Шетском районе Карагандинской области получены М. К. Кадырбаевым. В одном из курганов сакского времени было обнаружено погребение юноши с 11 бараньими астрагалами у левого локтевого сустава. Четыре астрагала сохранили следы красной краски.

Традиция игры в бабки сохранилась вплоть до нашего времени у казахов, киргизов, монголов, тувинцев и других в прошлом кочевых народов.

Кости животных широко использовались в быту в качестве орудий труда и украшений. При раскопке поселений эпохи бронзы найдено большое количество тупиков – орудий для обработки дубленой кожи, изготовленных из нижней челюсти крупных животных. Лопатки крупных животных использовались в качестве совков для сгребания дробленой руды. Часто встречаются костяные пряслица, служившие основным орудием для прядения. Кости домашних животных широко применялись и для украшения военных доспехов, конского наряда. Из костей делались изящные пластинки, украшенные тонкой резьбой.

Интенсивное развитие скотоводства, умножение поголовья скота привело к значительным изменениям форм хозяйства и быта древних племен Центрального Казахстана, подготовило почву для перехода сначала к яйлажному, а затем кочевому скотоводству. Э. А. Новгородова глубоко заблуждается считая, что больших экономических преимуществ яйлажное скотоводство не дало⁶.

Значение яйлажного скотоводства заключа-

ется именно в том, что это была новая форма организации отгонного скотоводства, обеспечившая повышение продуктивности скота и увеличение его поголовья.

В андроновское время при малой численности стад необходимости в расширении пастбищ не было. В бегазы-дандыбаевское время в связи с ростом населения и увеличением поголовья скота возникает необходимость освоения широких просторов степей, вплоть до Бетпакдалы. Весьма любопытно, что наиболее крупные памятники атасуского этапа (Аиртау, Беласар, Ельшибек, Батпаксу, Айшрак) и бегазы-дандыбаевского времени (Сангру I, III, Мыржик-Жартау, Айдарлы, Тайаткан, Шунак и др.) расположены в пределах Северной Бетпакдалы. В Северном Прибалхашье известны такие некрополи, как Аиртау, Акшагыл, Кзылэспе, Кокта, Саяк, Бегазы и т. д. Вероятно, климатические условия указанных районов три-четыре тысячи лет назад были более благоприятны для жизни, чем теперь. Кроме того, древних насельников Центрального Казахстана привлекали сюда богатые залежи медной и оловянной руд.

Крупные родовые кладбища Аиртау, Беласар, Караузек свидетельствуют о том, что на этом этапе культуры бронзы племена объединялись в крупные союзы, имели племенные территории с центрами в поселениях Атасу, Джекказган, Караганда 15, Бугулы I, Шортанды-Булак, Каркаралы I, II, III, (Суук-Булак), Тагибай-Булак (Баянаульский район). Грандиозные памятники типа Бегазы, Бугулы III, Аксу-Аюлы, Сангру I и другие говорят о выделении из общин родоплеменной знати. В Центральном Казахстане это происходило в предсакское время.

По исследованиям М. П. Грязнова и С. В. Киселева, с полукочевым, яйлажным скотоводством связано происхождение некоторых видов домашней посуды, приспособленной к подвижному образу жизни⁷.

Это круглодонные сосуды, посуда с уплощенным дном, круглые чашки типа пиалы, предназначенные для питья молока. У казахов, занимающихся отгонным животноводством, и сегодня используют такую посуду. Наполненные молоком круглодонные сосуды опускают в земляные ямки, сделанные внутри кочевой юрты. Ямки, засыпанные сырым речным песком, хорошо поддерживают прохладную температуру, и молоко (кумыс) не портится. Этот метод хранения молока, несомненно, восходит к эпохе бронзы. Происхождение валиковой керамики

М. П. Грязнов связывает также с отгонным животноводством⁸. По его мнению, валик имел не столько художественное значение, сколько утилитарное: он был необходим для подвешивания сосуда на ремне.

Остеологический материал свидетельствует, что в бегазы-дандыбаевское время и последующие периоды Центральный Казахстан был наиболее крупным коневодческим регионом Евразийского континента. Древнегреческие источники свидетельствуют, что кобылье молоко имело первостепенное значение в жизни древних кочевников. В конце эпохи бронзы и в раннесакское время кумыс и молочная водка (шеген), несомненно, уже существовали. В связи с этим вполне закономерно появление миниатюрной посуды типа круглых чашек и кубков. Чашки и кубки в значительном количестве найдены в памятниках Бегазы, Дандыбай, Сангру I, Айбас-Дарасы, Бугулы II, особенно много их обнаружено в местах обитания ранних кочевников — на Алтае, Верхней Оби, в Северо-Восточном Казахстане. Характерно, что в сакское время круглые чашки приняли более совершенную форму, близкую современной пиале, часто с кольцевым поддоном.

По сравнению со скотоводством и металлургией удельный вес земледелия и охоты был незначительным. В хозяйстве племен они играли подчиненную роль. О наличии земледелия в период поздней бронзы свидетельствуют прежде всего находки земледельческих орудий в поселениях Центрального Казахстана (Каркаралы II, III, Шортанды-Булак, Улутау, Атасу, Тагибай-Булак и др.): множество зернотерок, каменных мотыг, которыми обрабатывали землю. Лучшим доказательством наличия земледелия являются мощные бронзовые серпы, найденные в разных местах Центрального и Северо-Восточного Казахстана, в частности в Атасуском поселении. Главным орудием вспахивания почвы служили наконечники из рога крупных животных. В эпоху ранней бронзы существовало только огородное земледелие, в основном в плодородных поймах степных речек. В период средней бронзы землю обрабатывали и на заливных участках естественных лиманов. В эпоху поздней бронзы для возделывания почвы использовалось лиманное орошение полей. Для этого сооружались мощные плотины из двух рядов вертикально врытых гранитных плит с засыпкой внутреннего полого пространства и боковых сторон мощной каменной стены обломками камней, щеб-

нем и землей. Толщина таких плотин достигала 3—10 м.

Ирригационные сооружения

Освоение сухой степи и полупустыни поставило перед скотоводами задачу широкого использования водных ресурсов, как поверхностных, так и подземных, путем устройства гидротехнических сооружений (плотин, запруд и каналов), обширных бассейнов для сбора талых и дождевых вод и рытья колодцев. Только на Джекказганской территории сохранились остатки сотен плотин и колодцев, обложенных камнем, относящихся к эпохе поздней бронзы. Остатков таких колодцев немало и в Северной Бетпадале. Плотины и запруды устраивались для мокрой флотации (промывки) медной руды в древних плавильных центрах. Наряду с расширением пастбищных угодий и освоением пустующих земель шла разведочная работа по выявлению новых рудных месторождений меди и олова. Следы этой работы встречаются всюду в Северной Бетпадале, на реках Шажагай и Атасу в виде шурфов, задернованных ям и крупных выработок с отвалами (Коскудук, Кенказган, Шалгия, Таскара и др.).

Хозяйственное освоение сухих степей произошло лишь тогда, когда пастушеские племена накопили изрядный опыт в устройстве колодцев, плотин, организации искусственных водоемов. Основная масса древних плотин, запруд и заброшенных колодцев встречается в южной части Центрального Казахстана, примыкающей к пустыне Бетпадала, и Северному Прибалхашью (рис. 153, 154).

Плотинами из крупных гранитных плит, установленных на ребро, ограждены глубокие саи, лога, ущелья, русла небольших рек, питающихся трещинной водой. При ограждении таких рек посредине плотины, в ее основании делали проход — водоспуск в виде прямоугольного отверстия. Высота водоспуска от 40 до 80 см, ширина 20—30 см. В необходимых случаях он закрывался плоской гранитной плитой (плотины Алтын-Казган, Керегетас, Кипчакпай и др.).

Сохранность древних плотин в разных районах Центрального Казахстана неодинакова. В одних случаях они сохранились хорошо, со всей системой плотин и водоемов (плотины Баянаульского, Каркаралинского, Шетского и Актогайского районов), в других местах, где часто бывают сильные потоки, они разрушены почти до основания. От них остались лишь голые камни, а вся

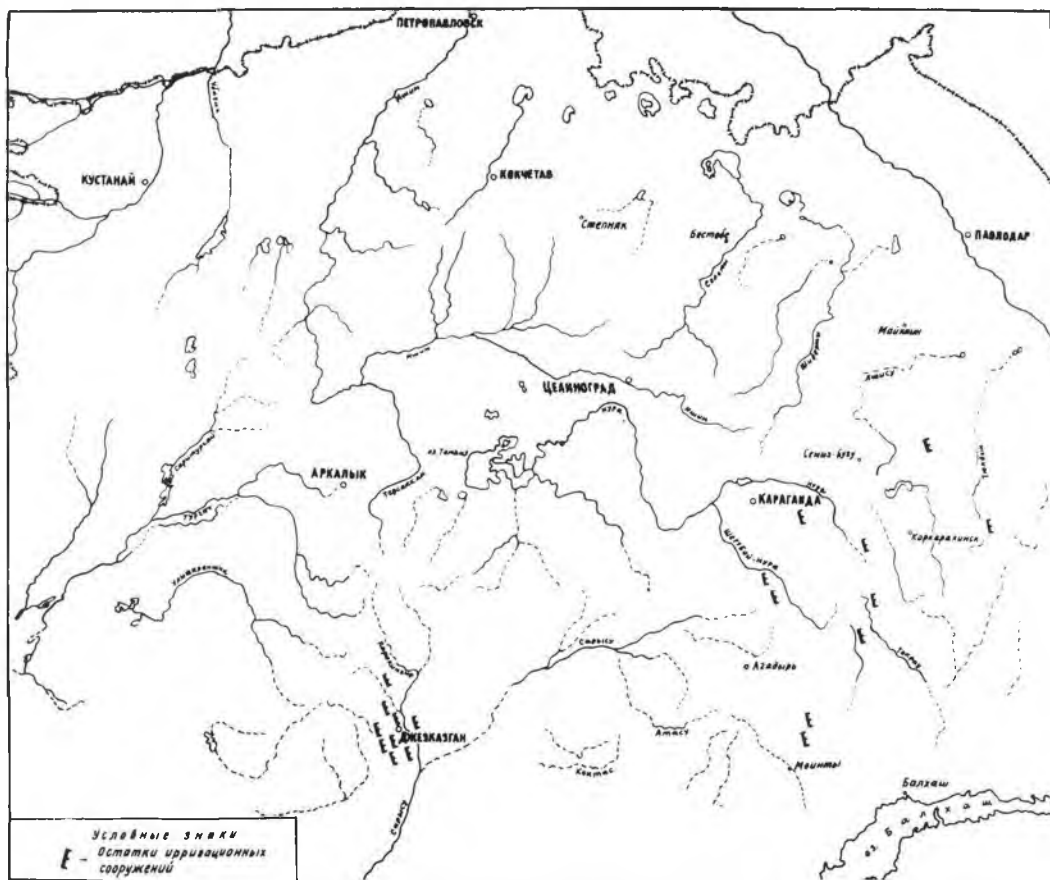

Рис. 153. Схематическая карта оросительных каналов эпохи бронзы

мощная земляная насыпь давно смыта (плотины Жанааркинского и Жезказганского районов). Остатки плотин непрерывной сетью распространены от Баянаульской и Каркаралинской степей до Жезказгана и гор Улутау. Важно отметить, что плотины часто встречаются там, где находятся отвалы древних рудников, в частности, в районе Жезказгана, в Северном Прибалхашье, в Шетском, Каркаралинском и Баянаульском районах. Судя по типу сооружений и остаткам орудий труда, эти плотины относятся к эпохе поздней бронзы.

Плотина Коргантас (рис. 155, 156) — наиболее крупное ирригационное сооружение, находящееся у западного подножия горы Аулие-Кызылтау Баянаульского района. Она построена из двух рядов огромных глыб гранита, врытых на ребро. Толщина каменной кладки 2,5 м, а общая сохранившаяся ширина земляной насыпи 12 м. Плотинной перегороджена широкая горная долина, имеющая общий скат к западу. Длина ее около 600 м, сохранившаяся высота 1,5 м, площадь искусственного водоема (древнее водное зеркало) около

200 тыс. м². Поперечный срез показал, что вертикальные камни врыты в землю на глубину 60 см. Бассейн мог собирать воду не только главного сая, но и боковых лощин, которыми изрезан весь западный склон горы Аулие-Кызылтау. По тальвегу главного сая, посредине плотины, сделан водоспуск в виде прямоугольного кошюка, заменившего собой шлюз. Недалеко от плотины находятся древние рудники и погребения эпохи бронзы. С восточной стороны горы Кызылтау расположено уникальное поселение эпохи поздней бронзы Тагибай-Булак с жилищами, построенными из крупных плит песчаника, врытых на ребро.

Плотина Тундук (рис. 157) находится у истока р. Тундук, протекающей у северного подножия горы Ушан, в 16 км на юго-восток от центральной усадьбы совхоза Бахты Каркаралинского района Карагандинской области. Плотина сооружена в традиционной манере: из двух рядов плоских плит, вертикально врытых в землю. Полое пространство между рядами плит заполнено крупными осколками камней, грави-

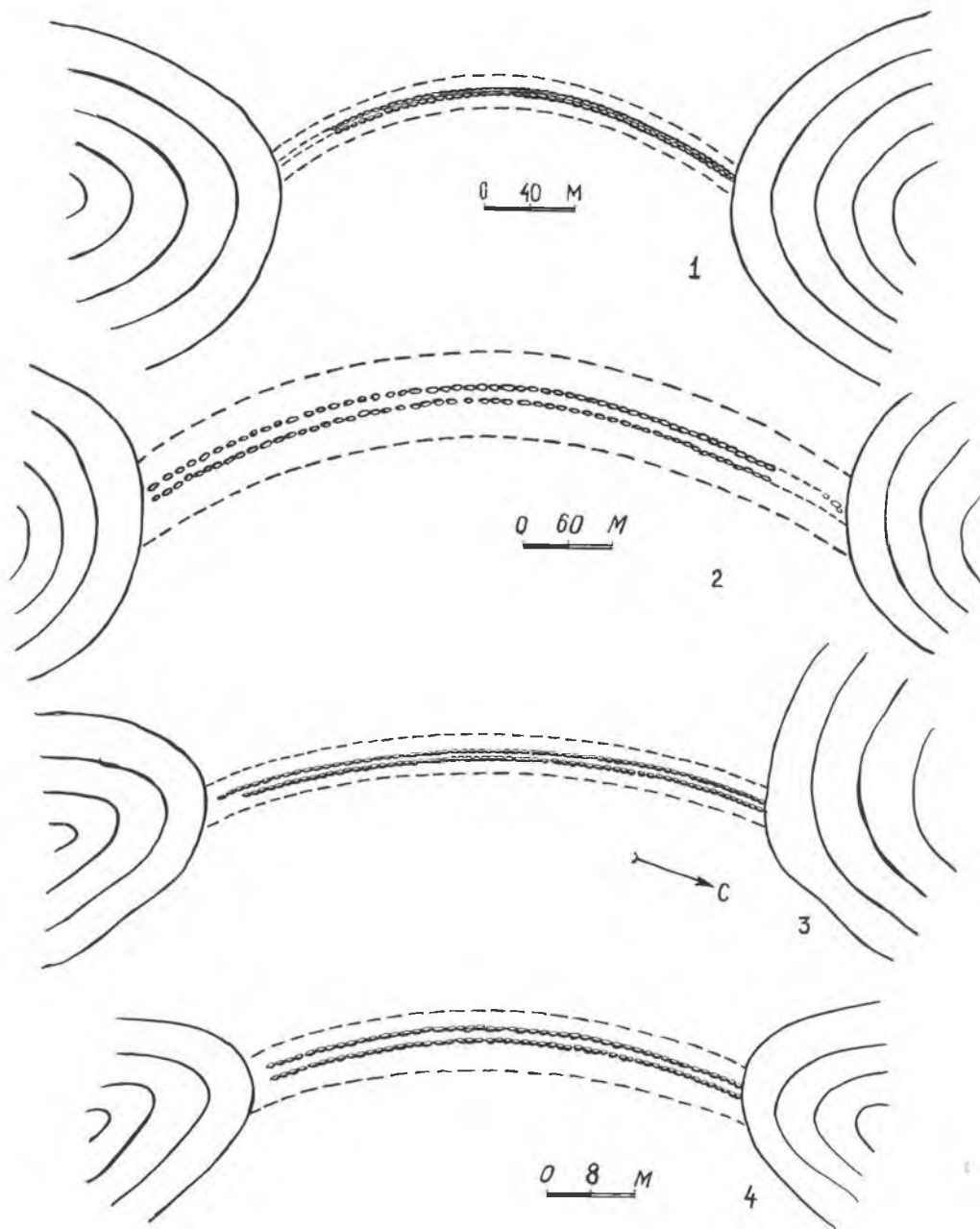

Рис. 154. План оросительных систем Центрального Казахстана в эпоху бронзы: 1 — плотина Коргантас в ур. Кзыл-Чилик; 2 — остатки древней плотины Керегетас; 3 — плотина в долине р. Нуртай; 4 — плотина Кушоки

ем, речной галькой, глиной и плотно утрамбовано. Длина плотины 70 м, толщина каменной кладки 2 м. Кроме того, по обеим сторонам каменной кладки сделана мощная насыпь из земли, гравия и осколков камней, за счет этого толщина плотины достигает 10 м. Остатки насыпи сохранились только по краям и крепко задернованы. Средняя ее часть смыта весенними паводками. Зато каменная двухметровой ширины кладка сохранилась хорошо, и верхняя часть

гранитных плит выступает на 5–10 см.

Плотина Керегетас (рис. 158) находится на месте древнего рудника Керегетас, возле старой зимовки Баймурза, на территории совхоза им. Н. Абдилова Каркаралинского района. Плотина также построена из двух рядов естественных глыб камня, установленных вертикально. Толщина каменной стены до 3 м, общая ширина плотины с земляной насыпью 12 м, длина около 305 м, сохранившаяся высота 60 см, площадь

Рис. 155. Плотина Коргантас, Баянаульский район

Рис. 156. Остатки плотины Коргантас

Рис. 157. Остатки каменной плотины на р. Тундук

древнего искусственного водоема около 108580 м². Плотина собирала не только дождевые и весенние воды, но и трещинные.

Плотина Алтын-Казган (рис. 159) находится у восточного подножия горы Бугулы, вблизи поселения Бугулы I и гробницы Бугулы III, на территории Шетского района Джезказганской области. Плотина построена по общему принципу: из двух рядов вертикально врытых каменных плит с заполнением пустого пространства обломками камня, гравия, смешанными с землей и глиной. Длина плотины составляет около 300 м. Кое-где сохранились следы размыва и ремонта. Благодаря этому ширина неодинакова, от 5 до 12 м, сохранившаяся высота над поверхностью почвы от 0,6 до 1,2 м. Поперечный срез по центру показал, что первоначальная высота была не менее 2,5–3 м. Площадь древнего водоема характеризуется более густым травостоем, чем окружающий ландшафт, и составляет около 40000 м². Судя по всему, плотина имела двой-

ное назначение: для орошения посевов и для промывки золота, отсюда и позднейшее название ее Алтын-Казган.

Плотина Жетымшоки (рис. 160) по структуре совершенно сходна с предыдущими. Находится у северного подножия горы Бугулы, недалеко от поселения Бугулы II Шетского района. Этой плотиной перегорожен обширный сай, имевший значение для посевов, сенокосения и для мокрого обогащения свинцовой руды, выработки которой находятся на северном склоне горы Бугулы. Длина плотины 170 м, ширина насыпи 5–8 м, высота 80 см, площадь 10000 м². В береговой части древнего водоема сохранились сплески и «хвосты» в виде темных бугорков, свидетельствующие о ручной флотации руды.

Плотина Канаттас по типу сооружения сходна с предыдущими. Находится на левом берегу р. Нуртай, северо-западного подножия горы с тем же названием, на территории Коунрадского совхоза Актогайского района Джезказганской области. Плотиной перегорожена небольшая речка, протекающая по ложбине и образующаяся из трещинных вод. Длина запруды 60 м, ширина каменной кладки с насыпью около 4 м, высота над землей 50–70 см. Водоспуск внизу плотины давно закупорен. Земляная насыпь совершенно смыта.

Плотина Кушоки (рис. 154, 4) по структуре такая же, как предыдущие, но меньше размером. Представляет собой остатки древнего водоема, сделанного для промывки и мокрого обогащения медной руды. Находится в южном предгорье Кушоки, вблизи древнего рудника с тем же названием, на территории Коунрадского совхоза Актогайского района. Длина плотины 120 м, ширина каменной кладки 2 м, с земляной насыпью 8–10 м, высота плит, выступающих из земли, 60 см, площадь водоема 18000 м². Плотина была предназначена для мокрого обогащения медной и свинцовой руд.

Плотина Алтынсу небольшая, перегораживает дно узкого лога шириной до 50 м. Находится на речке Алтынсу, левого притока р. Нура, на территории Ульяновского района Карагандинской области. Рядом с плотиной расположены большие отвалы древнего рудника Алтынсу и выходы минерала аширита (диоптаза). Длина запруды 30 м, ширина двухрядовой каменной кладки 2 м, толщина плотины с насыпью 4,5 м, высота у вертикальных камней около 60 см, площадь водоема 1800 м². Земляная насыпь почти полностью смыта, сохранилась лишь ка-

Рис. 158. Остатки плотины у подножия горы Керегетас

менная основа. Плотина питалась в основном трещинной водой. Ее хозяйственное назначение связано исключительно с разработкой и флотацией руды.

Большое число плотин и запруд (около 25) обнаружено Н. В. Валукинским в районе Джекказгана. По сравнению с плотинами Баянаульского и Каркаралинского районов они несколько меньше, но сходны по устройству и в большинстве случаев также предназначены для промывки и мокрого обогащения руды.

Плотина Соркудук расположена у древней выработки с таким же названием, в 15 км к северу от рудника Джекказган, вблизи поселения древних металлургов. Плотиной запружено русло большого протока, текущего в северном направлении. Первоначально плотина была довольно мощной, сложена из камня и гравия с землей.

Однако с течением времени сохранились лишь крупные песчаные плиты, составляющие ее основу⁹.

Возле плотины – многочисленные водосборные ямы, окруженные сплесками дробленой руды. Диаметры малых ям 2–3 м, глубина 0,8 м, больших соответственно 6 м, 1,2 м. Несомненно, плотина служила для мокрого обогащения руды. Возле плотины происходил весь процесс разработки и выплавки медной руды.

Такое же предназначение плотины у древней выработки Таскудук, находящейся в верхнем течении того же протока. В этом месте сухое русло перегорожено в двух местах, и между ними образован обширный продольный бассейн длиной 50 м. Ширина русла около 25 м, такова же длина плотины. По обоим берегам древнего водоема сохранились следы дробления и обо-

Рис. 159. Остатки плотины Алтын-Казган

гащения руды в виде круговых ям, окруженных сплесками.

Плотина Милыкудук крупнейшая в древнем Джезказгане (рис. 161)¹⁰.

Она построена выше уровня поселения, в верхнем течении сухого русла для удобного регулирования стока воды по многочисленным водосборным бассейнам, вокруг которых жители этих мест дробили и обогащали руды. Длина плотины соответствует ширине большого лога (80 м), по тальвегу которого проходит сухое русло. Ширина вала от 3 до 6 м, высота от 0,8 до 3 и более метров.

Кроме плотины на площадке поселения Милыкудук прослежены остатки многочисленных колодцев, обложенных песчаными плитами. Остатки таких каменных колодцев встречены в медеплавильных центрах Айнаколь и Соркудук, а также в урочищах Таскудук и Коскудук. В Джез-

казгане (Милыкудук, Соркудук, Айнаколь, запруда западнее Карпиенского, Таскудук, у Жанайских гор) встречено множество небольших запруд — водоемов, которые снабжались водой из колодцев. Они были связаны сугубо с производственным процессом и находились возле медеплавильных печей.

Значительная группа плотин Джезказгана предназначалась для орошения полей. Они отличаются от водоемов металлургического производства более крупной величиной и отсутствием производственного мусора. Окружающая их площадка совершенно чиста, нет никаких следов измельчения и обогащения руды в виде отвалов, сплесков и ям. Из этой серии памятников древнейшей мелиорации крупными размерами выделяются плотины Акши, Кресто-Запад, примыкающие к долине р. Джезды, нижняя запруда у Жанайских гор и плотина Кипчакпай.

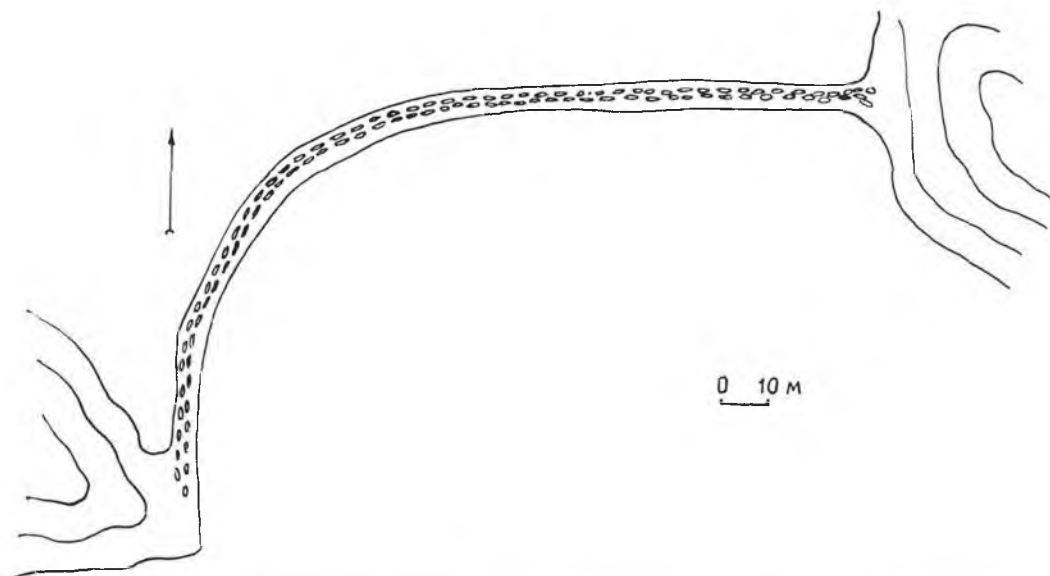

Рис. 160. План и остатки каменных плотин Жетымшоки

Плотина Акши расположена в 5 км к юго-западу от Джезказгана, в широкой плодородной долине, составляющей часть бассейна р. Джезды. В 300 м севернее плотины, в той же долине, сохранились остатки древнего поселения эпохи поздней бронзы. Несомненно, плотина была построена жителями этого поселения с целью орошения небольшого участка посевов, расположенного в долине. Широкий изгиб ручейка перегороден в двух мес-

тах плотинами, образующими дугообразный бассейн радиусом около 150 м, шириной русла 10–15 м. Плотина имеет водоспуск, через который орошались обе стороны долины.

Плотина Кресто-Запад расположена в небольшом логе юго-западных холмов рудника Джезказган, недалеко от левого берега р. Джезды (рис. 162).

Плотина сооружена из двух рядов крупных

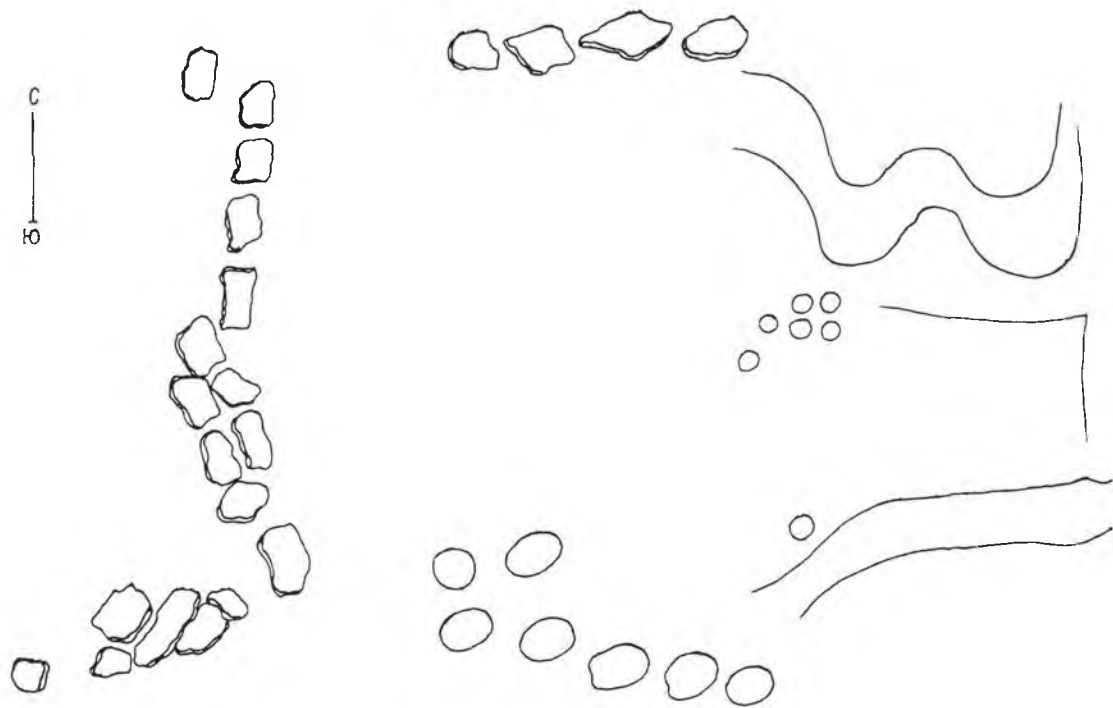

Рис. 161. План плотины в районе рудника Жезказган (Милькудук)

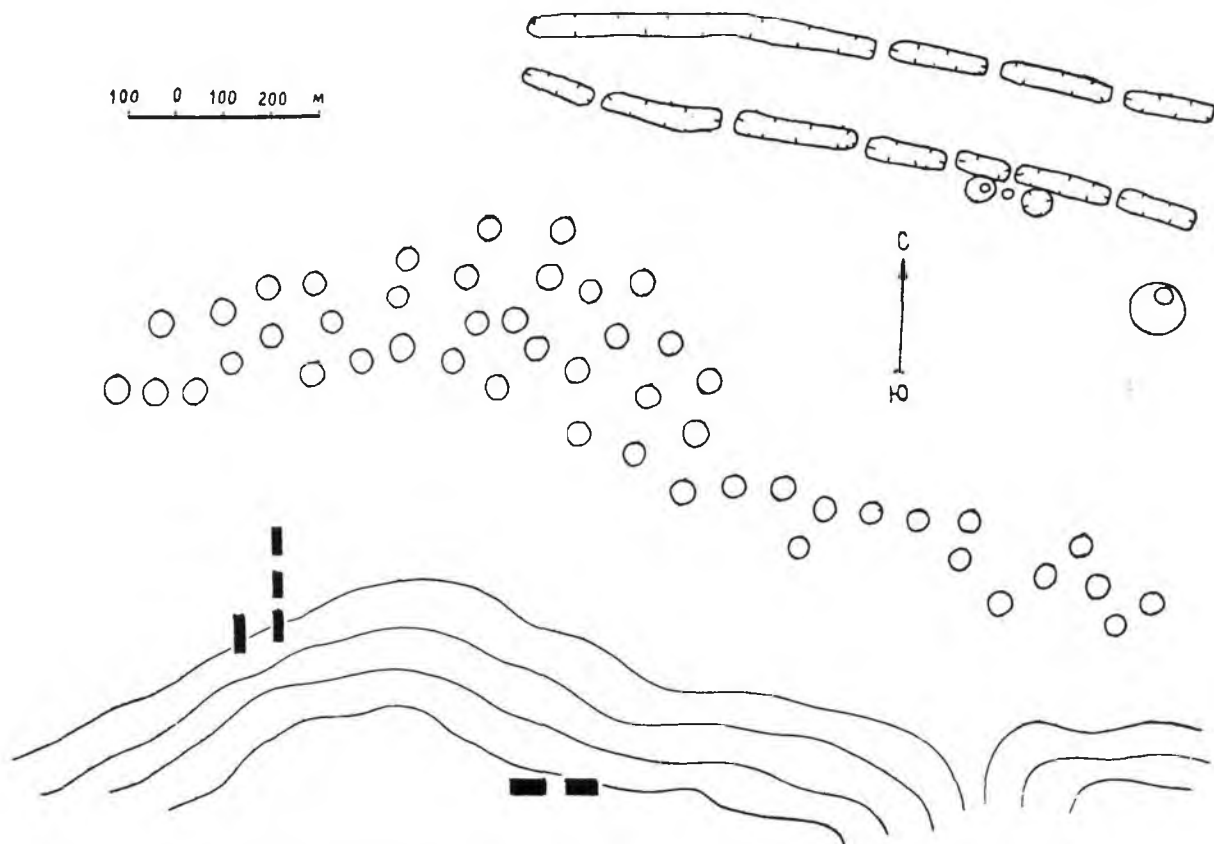

Рис. 162. План плотины в черте древнего рудника Жезказган (Кресто-Запад)

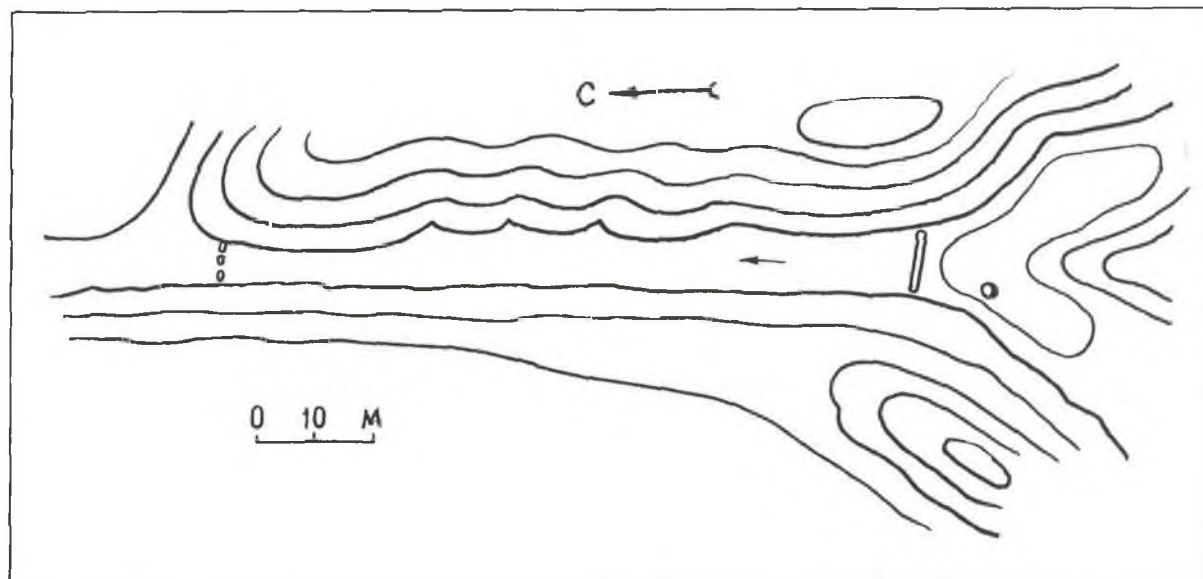
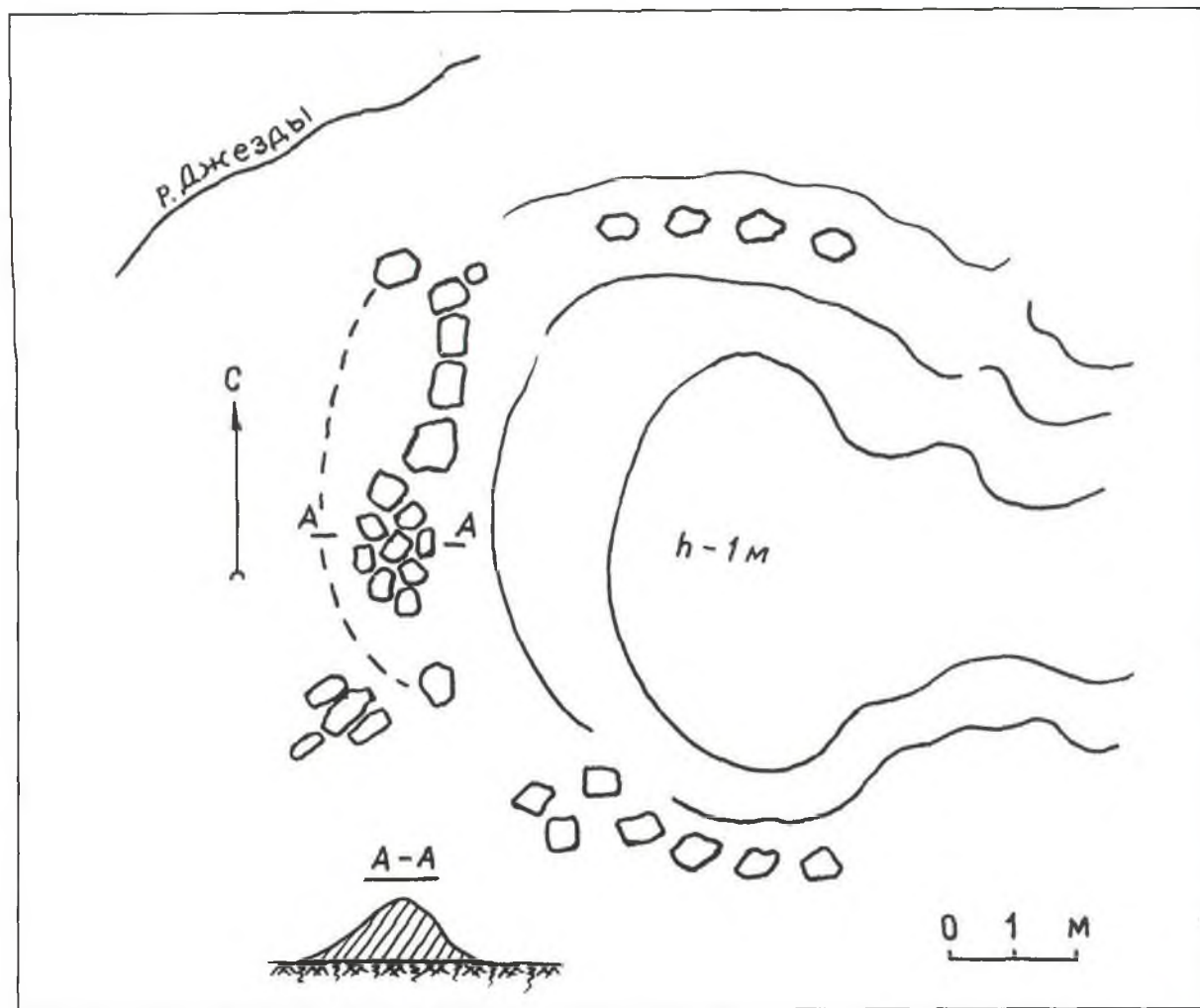

Рис. 163. Остатки плотины у Жанайских гор на р. Джезды

плит песчаника с заполнением междурядья землей, смешанной с гравием. По форме — незамкнутый круг диаметром 10 м с сохранившейся высотой 1 м. Вся земляная насыпь полностью смыта, мелкие камни унесены бурными весенними потоками, остались торчащие камни и с краю следы земляной насыпи.

Плотина у Жанайских гор (рис. 163) расположена в 8 км к западу от Джекказгана, на р. Джезды. Здесь сохранились остатки двух плотин, ограждавших узкое ущелье горы Жанай¹¹.

Одну плотину соорудили у самого истока ущелья, и она была связана преимущественно с процессом разработки руды. Другая построена ниже, на расстоянии около 250 м. Вторая плотина имела сельскохозяйственное назначение.

Плотина Кипчакпай находится левее р. Кара-Жиланды, правого притока р. Кенгир, в 30 км к северу от г. Джекказгана, возле старой зимовки Айрамбай. Вблизи плотины расположены древние рудники Айрамбай (по правой стороне р. Кара-Жиланды), Кипчакпай (возле самой плотины) и Кара-Шошак (в 3 км восточнее плотины). Плотина Кипчакпай — одна из крупных в Джекказганском районе. Она перегородила

большой лог Таскудуксай, возле древнего рудника. По величине и типу сооружения она совершенно сходна с плотинами Каркаралинского и Баянаульского районов. Длина бассейна около 100 м, ширина 12 м, высота 3,5 м, площадь водного бассейна около 9000 м². Водоспуск давно размыт, зияет провалом между боковыми стенами. На северном берегу бассейна сохранились многочисленные бугорки — отвалы и сплески, свидетельствующие о том, что вокруг осуществлялся процесс разработки и обогащения медной руды. Характер окружающего ландшафта говорит о том, что плотина выполняла и сельскохозяйственные функции: через водоспуск она орошала небольшой участок земли, расположенный в нижней, более плодородной части сая, непосредственно примыкающей к долине р. Кара-Жиланды.

Изучение плотин и запруд эпохи бронзы дает массу интересных и ценных сведений о первых ирригационных сооружениях, необходимых для орошения полей и горно-металлургического производства в эпоху поздней бронзы. Они относятся к числу древних памятников республики.

¹ *Формозов А. А. Доандроновское погребение в Казахстане.— КСИИМК, вып. 63. М., 1956, с. 153—155.*

² *Валукинский Н. В. Дневник № 171, л. 27—28, 36—38, 72, 72об.; № 176, л. 92, 130, 160—170.*

³ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 162.*

⁴ *Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение, с. 102.*

⁵ *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 175, 176.*

⁶ Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема, с. 20.

⁷ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 161.

⁸ Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби, с. 74.

⁹ Валукинский Н. В. Дневник № 177, с. 16.

¹⁰ Валукинский Н. В. Дневник № 176, л. 50, 53.

¹¹ Валукинский Н. В. Дневник № 176, л. 52, 53.

ГЛАВА 4

КУЛЬТОВЫЕ КАМНИ

Широкое распространение в эпоху бронзы производящего хозяйства, главными направлениями которого были скотоводство и металлургия, вызвало серьезные социальные изменения в среде степных племен Центрального Казахстана. Новые виды хозяйственной деятельности: уход за скотом и охрана общественных стад, добыча и плавка металла — выдвинули на первое место в общественном производстве мужчину. Усиление главенствующей роли мужчины в производстве материальных благ и в общиннородовых взаимоотношениях порождало идею почитания обожествления отца — патриарха, старейшины. На этой основе создается культ предков.

Религиозные представления языческо-шаманского ареала у племен Центрального Казахстана проявлялись в различных формах. Наиболее отчетливо выступают культовые формы: одухотворение сил природы, которое выражается в изображении восходящего солнца, устройстве высоких менгиров, установке скульптур жертвенных животных, обращенных в небо (Батпаксу, Желтау, Койшоки, Сартабан, Бугулы, Канаттас и др.); поклонение огню (Бугулы III, Бегазы I, Сангру I и т. д.); обожествление предков, выразившееся в сооружении грандиозных надгробных памятников, устройстве поминальных трапез и жертвоприношений у могил предков (Бегазы, Бугулы III, Айбас-Дарасы, Сангру). Эти формы культа господствовали в патриархально-родовом обществе до возникновения классических религий (буддизма, христианства и ислама). Некоторые формы сохранились у казахов вплоть до наших дней¹.

Более ранней формой верований было поклонение небесным светилам. Страх перед таинственными силами природы: смена дня и ночи, зимы и лета, а также смерть и сон порождали идею божества, добрых и злых начал. Особенно сильное воздействие на психику первобытного человека оказывали гром и молния, ставшие главным источником и первопричиной возникновения культа огня, культа небесных светил. Место удара молнии считалось сакральным, его окружали каменной оградой, превращая в своеобразный алтарь. Там совершались ритуаль-

ные обряды, сопровождавшиеся жертвоприношением в честь грозных сил природы. Некрополи Центрального Казахстана, языческие храмы-святилища хранят следы почитания огня и небесных светил в виде изображения солнца, луны и звезд (Желтау, Батпаксу), остатков жертвенных кострищ, следов очищения огнем погребальной камеры перед помещением в нее усопшего (Бегазы I, Бугулы III, Сангру I, Айбас-Дарасы). В каменных склепах часто встречаются красная охра и сверху кусочки древесного угля, символизировавшие стихию огня и солнца (Балакулболды, Беласар). Наиболее яркие следы поклонения огню — в языческих святилищах поселений Бугулы I и II, Шлым на р. Нура, Ортау, Балакулболды, в гробницах Бегазы I, Бугулы III, Сангру I, Айбас-Дарасы. С обрядом поклонения огню связаны прямоугольные вымостки (выкладки), устроенные в юго-восточном углу внутри стены для совершения обряда и жертвоприношений (Бугулы I и II, ограда 6 Беласара). К наиболее древнему типу мегалитических памятников относятся менгиры. Как места древнего культа, они сохранились во многих районах Центрального Казахстана. В глубокую древность менгирами обозначали места народного схода или открытого алтаря, места жертвоприношений, где устраивались поминки по умершим и религиозные представления. Это были языческие святилища. Кроме того, у менгиров происходили обряды древних скотоводов, связанные с весенним окотом и размножением стада, а также земледельческие обряды, относящиеся к посеву и сбору урожая. Эти каменные глыбы прямоугольного или округлого сечения, вертикально врытые в землю, достигают высоты 2–6 и более метров. Они встречаются стоящими то одиночно (рис. 164), то параллельными рядами, образующими каменные аллеи (рис. 165).

Казахи в зависимости от расположения групповых менгиров называют их по-разному: корган-тас, канат-тас, самала-тас, а одиночные — сым-тас, серек-тас, багана-тас. Эти топонимы широко распространены на всей территории Центрального и Юго-Восточного Казахстана.

Характерную особенность групповых и

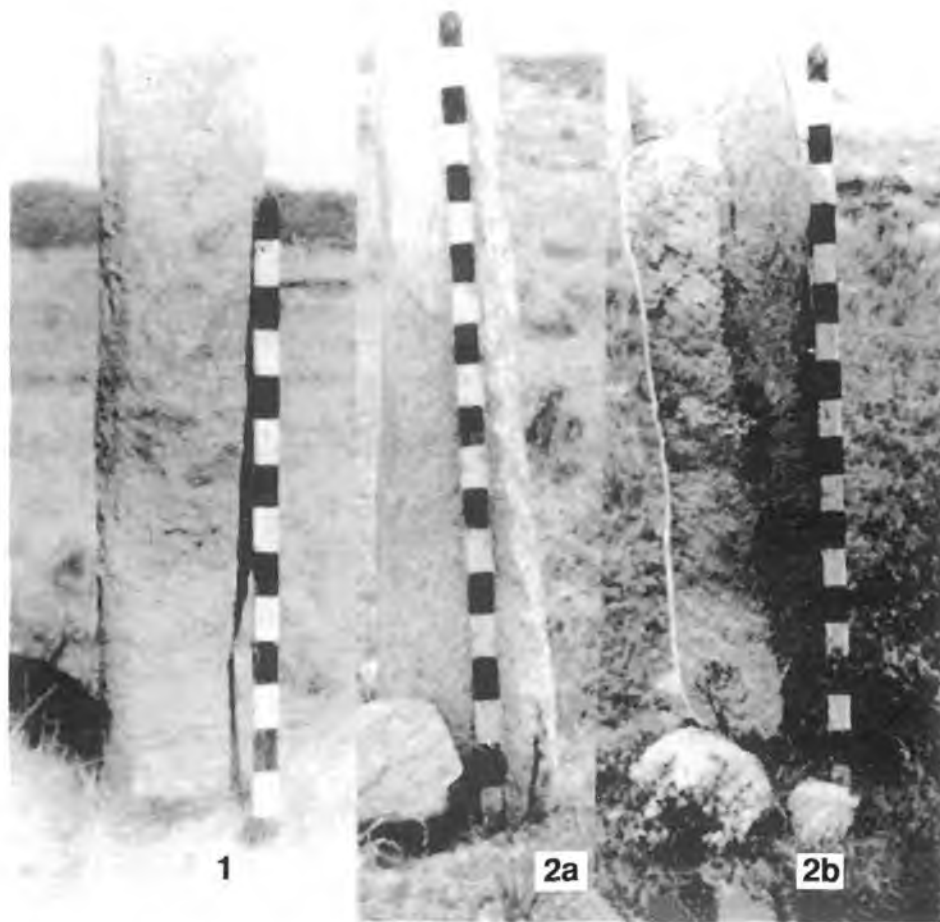

Рис. 164. Менгиры: 1 — в горах Калмак-Кырган; 2 — урочище Аккудук, (2а — вид с юга; 2б — вид с запада)

одиночных менгиров составляет то, что они всегда стоят на возвышенных местах, вблизи древних поселений и у некрополей эпохи бронзы. У основания каждого группового или одиночного менгира обязательно обнаруживаются остатки жертвоприношений и следы поклонения огню в виде кострища.

По форме менгиры Центрального Казахстана различны, и это различие носит хронологический характер. Наиболее часто встречаются четыре типа менгиров: округлые, не имеющие четких геометрических очертаний; высокие четырехгранные стелы, в сечении близкие к квадратной форме; высокие уплощенные стелы с зачатками стилизации морды животных, обращенной к небесам; уплощенные стелы средних и малых размеров с полукруглым завершением. Менгиры ранней эпохи (неолит, энеолит) очень грубы, ставились из натуральных глыб камня, без какой-либо обработки, причем

массивным концом вверх. Вследствие этого они дошли до нас в наклонном положении.

Наиболее ранние группы менгиров сохранились в Каркаралинской степи, в горах Корпетай (рис. 165), на водоразделе Карасай и в долине р. Нуртай, в урочищах Канаттас, Темир-Астау (Актогайский район Джезказганской области). В долине р. Нуртай одиночные менгиры встречаются всюду, групповые — в урочищах Кзыл-Шоки, Канаттас и Актас. Последняя группа почти полностью уничтожена, уцелели только два менгира, остальные прослеживаются у основания. Все они сделаны в округлой форме из массивных глыб гранита, без особой обработки.

Самая интересная группа — Кзылшоки — находится у истока р. Нуртай, у северо-восточного подножия горы Корпетай, в 3 км к северо-западу от аула Канаттас. Группа представляет собой каменную аллею протяженностью около 250 м (рис. 166).

Наиболее крупные менгиры установлены в

Рис. 165. Большая аллея менгиров.

Группа I у северо-восточного подножия горы Корпетай, урочище Кзыл-Шоки (Актогайский р-н)

концах вереницы (рис. 167).

Это огромные и грубые глыбы камня (мергель) плоского очертания, слегка подтесанные в подтреугольную форму и установленные вершинами вверх. Размеры их почти одинаковы: высота 3,5–4 м, ширина основания треугольника 2,8–3 м, толщина 60–80 см. Камни в середине аллеи в два-три раза меньше крайних. Первоначально, по-видимому, они были тоже крупных размеров. В группе было около 20 менгиров, сохранилось 15, многие разрушены.

К редким памятникам надо отнести две группы менгиров Канаттас, расположенные на левом берегу р. Нуртай, в 2–3 км ниже группы Кзылшоки. Они отличаются от предыдущих тем, что расставлены на площадке не вереницей, а в виде несомкнутого круга диаметром 2,5–3 м. Обе группы состоят из трех плоских менгиров (рис. 168), из которых два имеют полукруглое завершение, третий — в виде стилизованного изображения головы барана и передней части корпуса. Размеры менгиров: высота 1,2–1,3 м, в сечении 80–90х18–22 см. Внутренняя площадь кольцевого окружения выложена камнями. Сильно прокаленный вид камней свидетельствует о совершении обряда поклонения огню.

В урочище Темир-Астау, в 7 км к северо-за-

паду от аула Канаттас, находятся четыре кольцевые группы, вытянутые цепочкой с запада на восток. Каждая группа образует незамкнутый круг диаметром 6–6,5 м. В каждом круге 7 вертикально стоящих менгиров, только в крайнем восточном кольце их 9. Менгиры, окружающие площадь, подпрямоугольной формы, врыты в землю на одну треть, некоторые опрокинуты. При раскопке одной из групп у северной стороны площадки на глубине 60 см прослежено большое скопление золы и угля, а также остатки жертвоприношений в виде костей животных. Менгиры, вкопанные по кругу, возникли на кульминационном этапе развития культуры бронзы как продолжение традиции сооружения жертвенных кругов эпохи средней бронзы.

В долине р. Аккойтас, расположенной в горах Кокчетау и Соранг, в 140 км к востоку от г. Каркаралинска, менгиры сделаны из длинных уплощенных блоков светлого гранита, с характерным завершением в виде стилизованного изображения головы барана. Названия Аккойтас и Каракойтас, несомненно, говорят о том, что здесь стояли «бараны камни», такие, как на Койшоки в верховьях р. Атасу.

Менгиры разных типов встречаются во многих местах Каркаралинской степи и Северного

Рис. 166. Большая аллея менгиров, урочище Кзылшоқы, в 3 км к северо-западу от аула Канаттас

Прибалхашья, однако подлинно циклопические находятся в урочище Колденен, в 28 км к северу от памятника Бегазы, на территории Кзыл-Арайского совхоза Актогайского района. В группе десять менгиров, и все, за исключением одного, огромных размеров. На площади они расставлены в одну цепочку с тремя звеньями, между которыми имеются разрывы. По внешнему очертанию это плоские гранитные гиганты с круглым верхом, высотой 3—4 м, шириной 1,5—3 м. В 12 км к востоку от центральной усадьбы того же совхоза, в долине Шабан-Сай, находится одиночный менгир, изготовленный из огромной глыбы гранита, близкой к четырехгранной форме, и установленный более массивным концом вниз. Его высота 3,5 м, размеры в сечении 1,2x0,6 м. Сходные менгиры встречаются только в долинах р. Аккойтас, Нуртай и Атасу.

К западу от Баянаульских гор, в 6 км к северо-востоку от пос. Керней Ульяновского района Карагандинской области, стоит оригинальный менгир Серектас, или Калпактас, установленный более массивным концом вверх, в виде колпака. Форма этого менгира символизирует фаллический культ, связанный с почитанием коня и обожествлением органов размножения.

В горах Бугулы, Котыр-Кзылтау, Нар-Шоккен, Каражал встречаются все типы менгиров: высокие плоские с треугольным завершением и стилизованным в виде головы барана; высокие четырехгранные с коническим или прямоугольным завершением; менгиры в виде уплощенной стелы с полукруглым завершением. Последние два типа в большинстве случаев встречаются стоящими одиноко.

В горах Берекетты Тельмановского района Карагандинской области стоит короткий менгир типа четырехгранного столба с отбитой верхней частью. Его уцелевшая высота 1,2 м, ширина 48 см, толщина 22 см. Разнообразны и довольно архаичны менгиры в долине реки Байгана, верхнего протока р. Нура, на территории совхоза «Бесоба» им. Н. Абдилова Каркаралинского района. В этой долине встречены четыре группы менгиров, из которых две находятся у северо-восточного подножия горы Каражал, вблизи древнего рудника Алайгыр, две — в верховьях р. Байгана, недалеко от древних выработок Каражал, исследованных и описанных инженером И. А. Антиповым².

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в Каркаралинской степи и других райо-

Рис. 167. Кзылшоқы. Большая аллея менгиров. Группа II

нах Центрального Казахстана менгиры часто встречаются вблизи древних рудников или возле поселений рудокопов.

Одиночные менгиры типа четырехгранного столба часто встречаются в Каркаралинском, Шетском, Актогайском и Жанааркинском районах, т. е. к югу, юго-востоку и юго-западу от г. Караганды. Такими менгирами славятся горы Бугулы. Здесь они стоят на плоских холмах, равнинах или вдоль речных долин. Так, в верхней долине р. Шопа, у подножия горы Бугулы, был исследован одиночный менгир — бараний камень (рис. 169, 1). Его высота 1,6 м, размеры в сечении 38x26 см. В основании менгира на глубине 40 см обнаружены два горных орудия типа каменных кайл³. Эти орудия были принесены в жертву древними рудокопами в день установления менгира на жертвенном холме, где покоится прах отцов. Грунт вокруг менгира сильно прокален, что свидетельствует о совершении обряда очищения места при установлении менгира и поклонения огню с жертвоприношением. Один из массивных и стройных менгиров типа четырехгранного столба установлен в урочище Аккудук, против южных отрогов горы Бугулы (Кара-Койтас), на территории Нураталдинского совхоза

Шетского района. Он изготовлен из светло-розоватого гранита в виде стелы высотой 2 м, размером в сечении 44x28 см и поставлен на месте древнего святилища, выложенного камнями в виде прямоугольной выкладки. Камни на выкладке имеют обожженный вид, что говорит о совершении обряда поклонения огню. Точно такой же менгир стоит на левом берегу р. Токраун, на территории Коунрадского совхоза Актогайского района, против горы Егиз-Койтас (рис. 170, 1).

Из менгиров типа четырехгранного столба выделяется камень, находящийся в верховьях р. Манак, против горы Калмак-Кырган, на территории совхоза «Актау» Жанааркинского района Джезказганской области. Он сходен с предыдущими, но отличается от них прежде всего отсутствием тщательной обработки граней, очень высокой, вытянутой формой и острым угловым завершением в форме треугольника. Высота его 3,5 м, размер в сечении 35x18—24 см. По типу он аналогичен высоким атасуским стелам, имеющим форму стилизованного барана с мордой, обращенной в небо.

Уплощенные четырехгранные стелы с полукруглым завершением чаще встречаются в Кар-

Рис. 168. Менгиры в долинах р. Нуртай: 1 – группа I. Верхняя долина; 2 – группа II. Средняя долина

каркаралинской степи, около древних рудников и поселений, в частности в горах Темирши, Кент, Кзыл-Арай. Полукруглая форма менгиров появляется в самом конце эпохи бронзы, при переходе к железному веку. Очень массивный и стройный экземпляр этой группы менгиров находится в долине р. Былкылдак, на территории совхоза «Кзыл-Арай» Актогайского района. Высота мен-

гира 2,3 м, размеры в сечении 50x22 см. Он стоит у каменной выкладки, имевшей обрядовое значение. Сходные менгиры обнаружены на левом берегу р. Акбастау, на территории совхоза «Бесоба» Каркаралинского района, недалеко от древнего рудника Атабая и Адиля, на территории колхоза им. Джамбула, в 40 км к югу от г. Каркаралинска. Последний менгир в виде стелы имеет одну плос-

Рис. 169. Бараньи камни: 1 — в верховьях р. Шопа (г. Бугулы) Шетского р-на; 2— в урочище Сарышоки совхоза «Енбек»Каркаралинского района; 3— В урочище Коктас, близ р. Кусак (Актогайский р-н); 4— в долине Аксай, р. Атасу

кую, другую узкую грани, размер в сечении 52х24 см, высота 1,8 м. Верхнее завершение у него не полукруглое, а треугольное, т. е. более раннее. Другой массивный менгир полукруглого типа находится в Жанааркинском районе, в восточном предгорье Актау (Сымтас), недалеко от левого берега р. Талды-Манак. Он стоит у кургана-ограды — типичного памятника эпохи поздней бронзы, классическими образцами которого являются Бугулы III, Сангру I и Айбас-Дарасы. Высота менгира 3,5 м, размер в сечении 50х20 см.

Западную границу мегалитических памятников составляют величественные стелы на р. Атасу. По характеру устройства и назначению атасуские стелы совершенно сходны с каркаралинскими, но отличаются большей стройностью. Они изображают стилизованные фигуры барана и коня, мордой обращенных к небесам. Наиболее обширной является группа, расположенная в широкой долине р. Сартабан, возле старой зимовки, с тем же названием, в 38 км к северо-востоку от центральной усадьбы совхоза «Актау» Жанааркинского района (рис. 171).

Менгиры расставлены вереницей на площади 75600 м². Некоторые из них разобраны. Из сохранившихся 6 менгиров 4 расположены цепочкой по направлению с юго-запада на северо-восток с интервалами от 1,5 до 3,5 м. Такая расстановка менгиров традиционна. Подобные цепочки известны в долине р. Нуртай (группа Кзылшоки) и в горах Кзыл-Арай (группа Колденен). Две стелы установлены по диагонали и образуют углы. Более крупная стела 6 находится в се-

веро-восточном углу вереницы. Ее высота около 4 м, размер в сечении 65х20 см. Стела саблевидной формы, условно изображает барана со слегка намеченным курдюком и мордой, обращенной в небо. В противоположном углу стоит стела 5 в виде четырехгранного столба размером в сечении 50х21 см, высотой 3,5 м. Рядом стоит стела 4, очень стройная, вытянутая, прямоугольной формы, размером в сечении 40х15 см, высотой 4 м. В двух последних стелах можно усмотреть стилизованную форму коня с тонкой шеей, постепенно переходящей в туловище. Остальные три стелы сохранились не полностью, их верхние половины отбиты. Вокруг менгиров прослеживаются остатки жилищ и фундамент большого круглого очага, выложенного камнями, диаметром до 5 м. Его центральная часть сильно заросла травой и кустарником. На дне очага обнаружены толстый слой золы мощностью до 30 см и кости животных. Судя по всему, очаг имел только ритуальное значение.

Монументальностью отличается группа стел Аксай I, расположенная в долине р. Атасу, возле старой зимовки Тельжана, в 15 км к северо-востоку от центральной усадьбы совхоза «Актау» Жанааркинского района, в 18 км к западу от группы Сартабан и в 70 км к востоку от рудника Каражал (рис. 172).

Стелы расположены полукругом в направлении с юго-запада на северо-восток. Все три хорошо обработаны в четырехгранно-кубической форме с квадратным контуром в сечении. Стела 1, находящаяся в северо-восточном конце це-

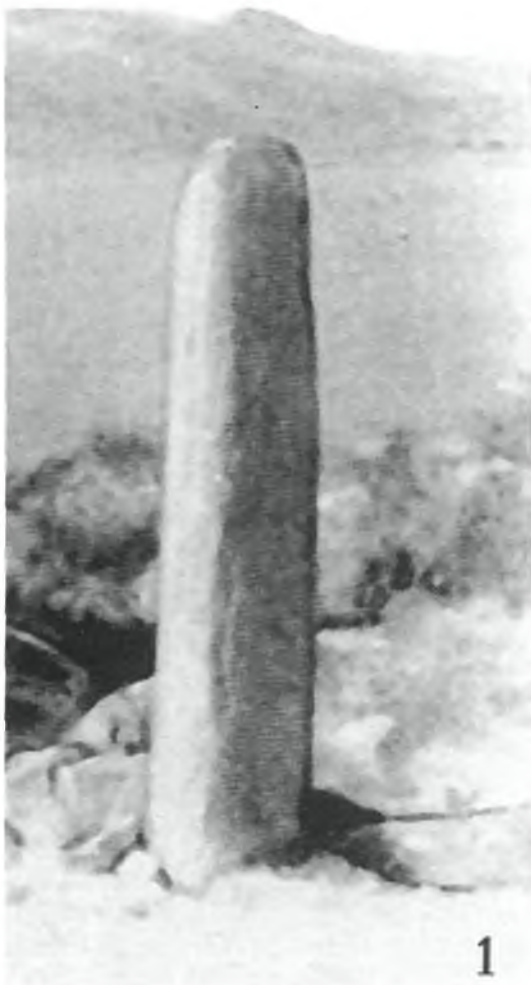

Рис. 170. Менгиры: 1 — на р. Токраун, Коунрадский совхоз Актогайского района; 2— в северо-восточной части долины у горы Кокчетау (Каркаралинский р-н);

почки, отличается зооморфной формой, схематически изображающей барана с поднятой вверх мордой. Высота стелы 2,9 м, размер в сечении 35x25 см. Стела, 2, стоящая посередине, имеет высоту 1,6 м, размер в сечении 16x26 см. Высота менгира 31,4 м, размер в сечении 30x24 см.

В 600 метрах севернее, в глубине широкой равнины, находится группа Аксай II (рис. 173).

Группа состоит из двух стройных и тщательно обработанных гранитных блоков четырехгранной формы, условно изображающих силуэты барана и коня, головы которых обращены вверх. Стела 1 своим массивным концом поставлена вверх. Высота ее 1,8 м, размер в сечении 38x34 см; размеры второй стелы соответственно 3,8 м, 40x36 см.

Значительное количество одиночных менгиров и стел (рис. 169, 4) находится в верхней долине реки Аксай (III), недалеко от старой зи-

мовки Сарсена, в 5 км к юго-западу от группы Сартабан. Менгиры малой и средней величины стоят в разных концах этой обширной долины. Рядом с ними находятся и высокие каменные изваяния гуннского времени, установленные в основании земляных курганов. Из одиночных менгиров выделяется камень, стоящий возле старой зимовки Сарсена, на левом берегу реки Аксай. Его высота около 2 м, размеры в сечении 46x36 см. Менгиры небольших размеров чаще всего встречаются в долинах рек Аксай, Дарат и вдоль берега реки Атасу (Мыржык-Жаргас, Сангру, Мынбай-Сай и т. д.).

На позднем этапе эпохи бронзы менгиры постепенно трансформируются, приобретая новую форму, стилизованные образы животных и прежде всего барана (рис. 208), коня, быка⁴, верблюда и медведя. При этом большое влияние на ваятеля, не-

3 – бараний камень из долины р. Шумек (Агадырский р-н); 4 – у древнего рудника Алайгыр (Шетский р-н)

сомненно, оказали образы наскального искусства предшествующего времени, нередко встречающиеся в пещерных стоянках Центрального Казахстана. Древнейшие наскальные изображения барана, быка и коня обнаружены в пещерах Улутау, Баянаула, Каркаралы, Северного Прибалхашья, в гротах Тесиктас на р. Шерубай-Нура и Теректы на р. Сарысу⁵.

Бык, олень и горный баран уже в эпоху камня были тотемами рода и племени. Условное изображение быка впервые описано финским ученым Аппельгрэн-Кивало в начале 30-х гг. нашего столетия⁶.

Стилизованные изображения барана широко распространены по всему Центральному Казахстану (Аккойтас, Кзыл-Арай, Канаттас, Атасу и

Актау). Однако каменные изваяния барана в форме круглой скульптуры встречаются очень редко, хотя они существовали раньше. Г. Ф. Миллер в своей работе, посвященной разбору памятников Семипалатинского Прииртышья, дает описание двух каменных изваяний – барана и медведя, обнаруженных им в Калбинских горах⁷.

Наибольший интерес представляют бараний камень саблевидной формы в урочище Коктас Актогайского района (рис. 169, 3), бараний камень из долины р. Шумек Агадырского района, близкий к типу округлых скульптур (рис. 170, 3), группа каменных баранов в долине р. Акбастау, на территории совхоза «Бесоба» Каркаралинского района (рис. 175). Многочисленная группа каменных изваяний барана находится в урочище

Рис. 171. Урочище Сартабан. Группа менгиров. Вид с юга

Рис. 172. Бараньи камни в долине Аксай, р. Атасу.
Группа I

Рис. 173. Схематическое изображение
барана и лошади в долине Аксай, р.
Атасу. Группа II

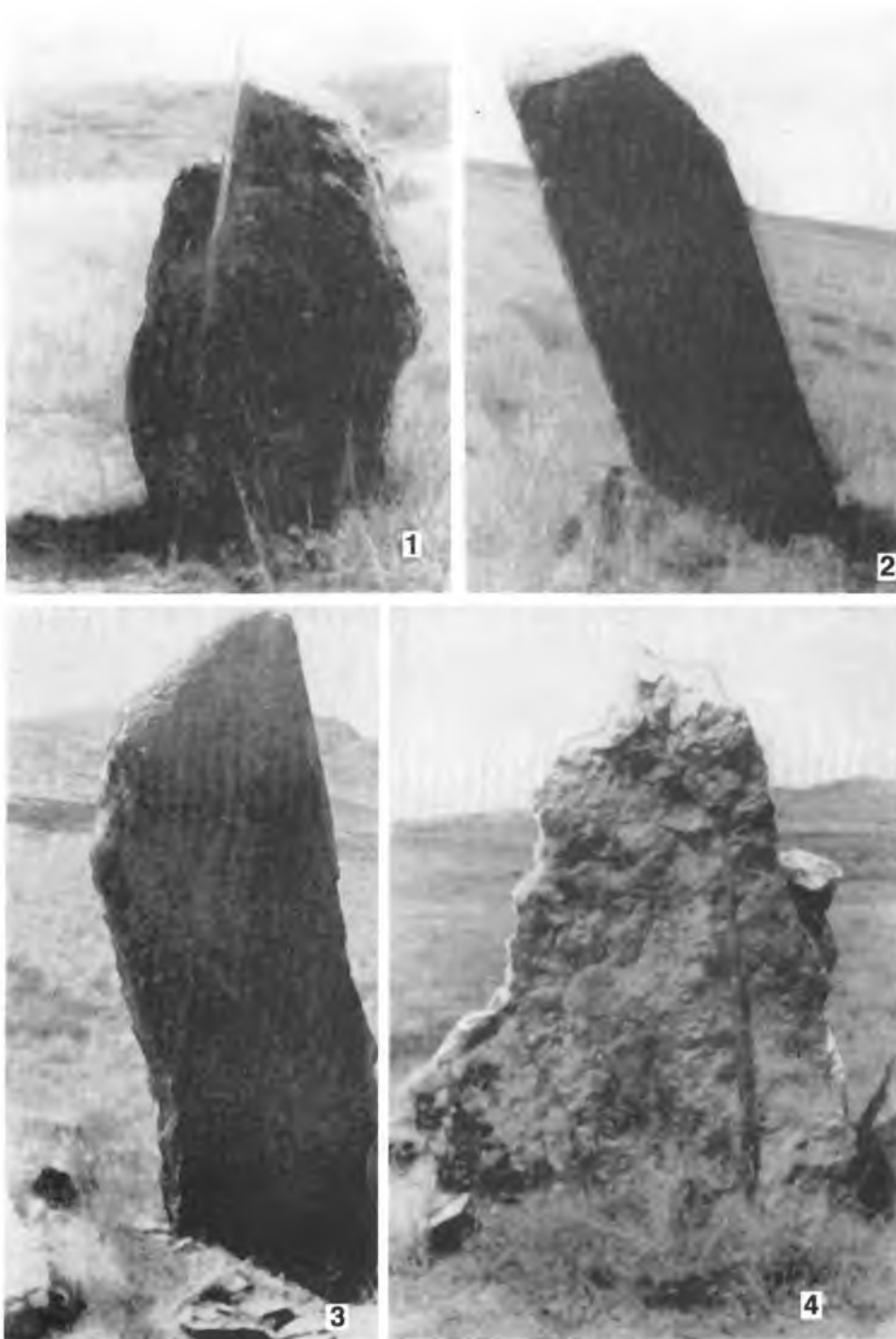

Рис. 174. Грубые изображения барана: 1, 2, — из долины р. Нуртай; 3 — из Бугулы III; 4 — из аллеи I урочища Кзылшоки

Койшоки, у юго-западного подножия горы Кызылтау, в 25 км к северу от верхней долины р. Атасу, на территории совхоза «Актау» Жанааркинского района. Для атасуских и актауских племен эпохи бронзы это место имело, несомненно, исключительное значение: здесь совершались ри-

туальные обряды. Бараньи камни расставлены вереницей в определенном порядке, в основном рядами, протянувшимися с северо-востока на юго-запад почти на 250 м, шириной 50—60 м. Мордами животные обращены на юг, юго-восток. Наиболее крупные и массивные изваяния установ-

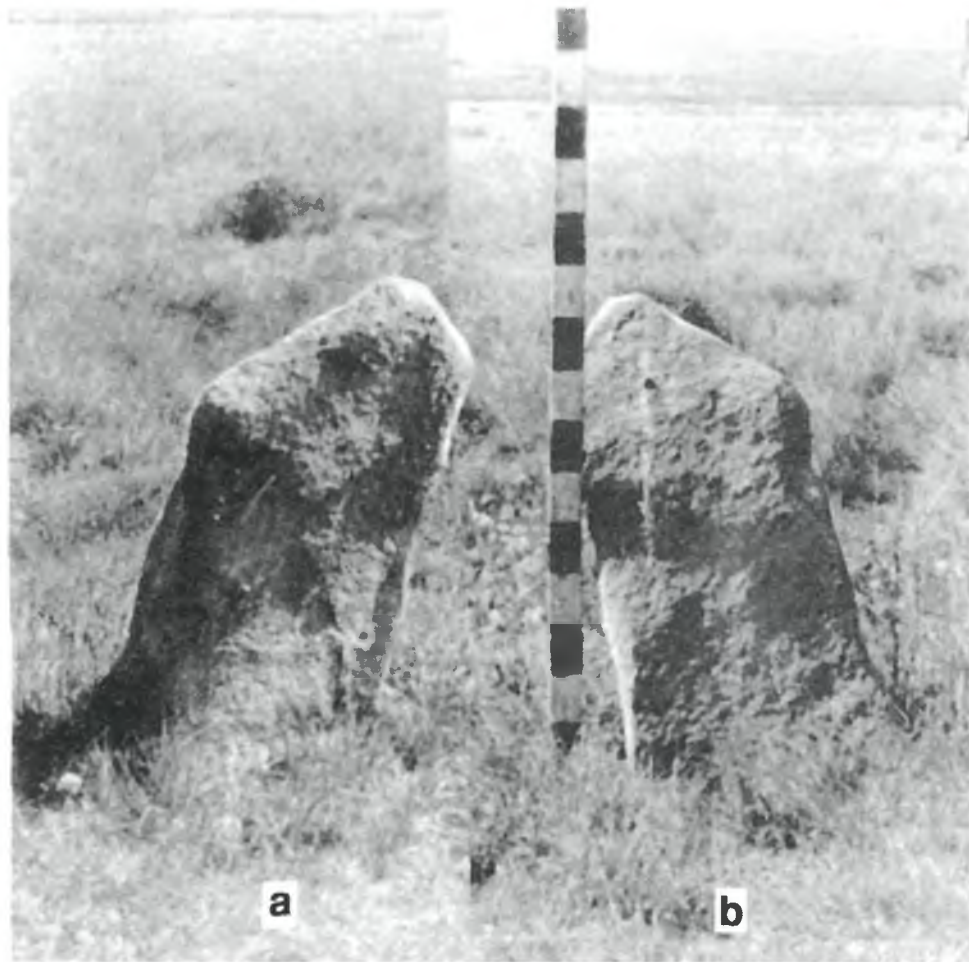

Рис. 175. Бараний камень на р. Акбастау. Бесобинский совхоз Каркаралинского района

лены в юго-западном конце площадки, ими обозначена головная часть вереницы. Точно такая же вереница стел обнаружена А. Н. Липским в Южной Сибири⁸.

В группе было не менее двух десятков изваяний. До нас дошли 12, большинство их погребено в земле. В первоначальном положении сохранились только головные изваяния и некоторые в центре вереницы (1, 7, 8, 9). Все они имеют саблевидную форму. Самое монументальное изваяние 1 стоит в западном конце цепочки. Изготовлено из розового гранита, выходы которого находятся рядом, у подножия горы Кызылтау. Изваяние представляет собой схематическое изображение барана с некоторым округлением спины и головы. В боках ясно очерчены большие спиральные рога, глаза, углублением намечена граница между шеей и головой. Размер в сечении 40x18 см, высота 1,6 м, длина головы 35 см, диаметр роговой спирали 20 см. Массивностью отличается и изваяние 2, условно

изображающее барана с мощным корпусом, туповатой мордой и курдюком в виде бугра. Общий контур фигуры передан в круглой манере, но рога и другие детали выветрились. Длина 3 м, ширина 44–46 см, толщина стелы 13 см. Стелы 4, 6, 7, 10, 11 отличаются друг от друга только размерами, сохраняя полное сходство форм. Подобные изваяния мы встречали в группах Сартабан, Аксай, Аккойтас, в предгорьях Кызыл-Арай (рис. 169, 2, 3), т.е. на обширном пространстве от р. Атасу до Чингисского хребта. Саблевидные формы с более поздним изображением человеческого облика встречены и на Енисее, в Абаканской степи.

Это совершенно круглая скульптура барана, из огромного куска гранита, с полной передачей основных деталей: головы, туповатой морды, глаз, больших спиральных рогов, сгорбленной спины с характерным нависающим курдюком. Поразительно точно передана осанка барана, его голова с могучими рогами, устрем-

Рис. 176. Бугулы II. Бараний камень. Вид с разных сторон

Рис. 177. Бараний камень на р. Кенгир близ мавзолея Домбаул

Рис. 178. Бугулы I. Скульптура медведя

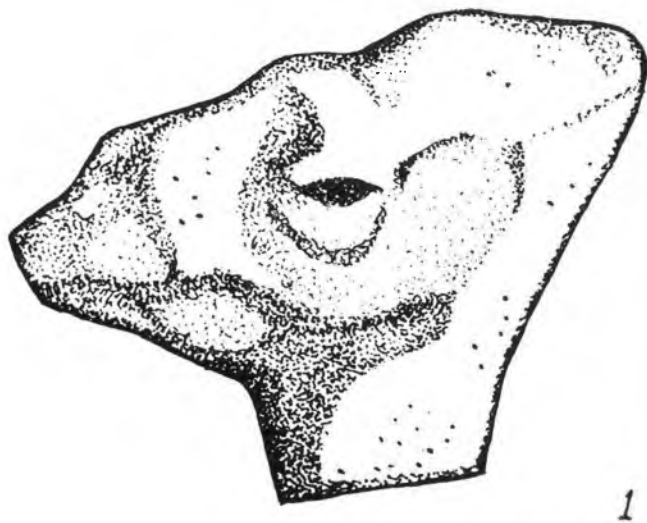

Рис. 179. Каменные скульптуры: 1— голова верблюда из долины р. Кусак; 2— верблюжьи горбы. Аксу-Аюлы

ленными вперед. Изваяние изготовлено из крупной глыбы гранита высотой 2,3 м, размером в сечении 60X18 см. Сходное каменное изваяние круглой формы обнаружено в урочище Темир-Астау, у северо-западного подножия горы Корпетай, недалеко от большой группы круглых в плане менгиров. У изваяния отбита голова. О форме барана ясное представление дает круглый, несколько сгорбленный хребет с выразительно нависающим курдюком.

Интересное каменное изваяние барана встречено в горах Бугулы Шетского района, близ поселения Бугулы II (рис. 176).

Оно стоит у восточной стены большой ограды и лицом обращено на ЮЮЗ. Изваяние тщательно вытесано из крупной глыбы мелкозернистого гранита в форме круглой скульптуры с мордой, шеей и круглой спиной с курдюком. От спиральных рогов сохранились лишь слабые следы. Высота изваяния 1,5 м, ширина 42 см, толщина 20 см. По форме оно аналогично скульптуре барана из Темир-Астау и каменному изваянию 3 из группы Койшоки. Скульптура барана, совершенно сходная с группой изваяний Койшоки, стоит на левом берегу р. Кенгир, около мавзолея Домбаул, в 46 км к северу от г. Джезказгана (рис. 177).

В группе Койшоки особо выделяется стела, сделанная из местного розового гранита. В верхней части ее очень скупыми средствами изображена геометризованная голова коня. Нижняя часть стелы представляет массивный прямоугольный столб с овальным сечением, высотой 3,2 м, шириной 42 см, толщиной 20 см. Кверху стела сходит на конус. В изображении головы коня ясно намечены геометризованная морда, уши в виде заштрихованного треугольника, угол подбородка, тонкая шея, которая отделена от хребта небольшим бугром, соответствующим месту холки. По манере моделировки изваяние с острой мордой, обращенной в небо, очень похоже на каменные жезлы с головой коня, хранящиеся в Семипалатинском музее и в археологическом музее Томского университета⁹. Разница между ними только в размерах. Еще одна скульптурная голова коня, сделанная из талькового сланца, известна с берегов Иртыша. По характеру исполнения она очень похожа на неолитических коней, запечатленных на потолке грота Теректы, в среднем течении р. Сарысу.

Из бугулинских изваяний особый интерес представляет каменная скульптура медведя, выполненная совершенно в реалистической манере. Она стоит на плоском холме у восточного подножия горы Бугулы, вблизи фермы Кенжебай Нураталдинского совхоза Шетского района (рис. 178).

Изваяние сделано из среднезернистого диорита, имеет высоту 1,5 м, размер в сечении 48x28 см. Очень скупое, но достаточно ясно переданы характерные черты животного: его гигантская фигура, мощный экстерьер, могучий хребет. Весьма выразительно показаны огромная гривастая шея, мощная голова с заостренными ушами и характерной толстой мордой, чуть приподнятой кверху. Достаточно выразительно изображены подмышечные ямы.

К интересным находкам недавнего времени относится скульптурная голова верблюда (рис. 179), найденная художником А. Мусатаевым в урочище Бидаик, на правом берегу р. Кусак, правого притока р. Токраун, Актогайского района Джезказганской области. Урочище находится в 40 км на юго-восток от некрополя Бегазы и, несомненно, указанная находка входит в этот пантеон. Голова сделана из мягкого и плотного камня буро-зеленоватого цвета — пагодита, выходы которого находятся в 20 км к северо-западу от урочища Бидаик, в долине р. Казангап, правого притока р. Кусак. По цвету и текстуре изваяние очень похоже на каменный пест с головой человека, который хранится в Эрмитаже (№ 1645/1). В скульптуре из Бидаика прослеживаются элементы более ранних традиций, основанных на геометрической стилизации тела животного. Голова верблюда передана в виде конуса с выпуклым лбом, остальные детали разработаны вполне реалистично, что характерно для периода поздней бронзы и особенно для раннескифского времени. Хорошо подчеркнут угол подбородка, рельефно показаны глазное яблоко, веко и слегка отбитый нос. Почти сходная голова верблюда (неизвестного происхождения), описанная В. И. Мошинской¹⁰, хранится в Омском музее. По определению П. Л. Драверта, она сделана из кварцевого песчаника, который происходит из Северо-Восточного Казахстана.

Район, где найдены скульптуры, замечателен тем, что здесь, в горах Калактас, примыкающих

к р. Казангап, много каолина, агальматолита, минерала желто-серого цвета с голубоватым отливом, который хорошо поддается обработке ножом и красиво полируется¹¹.

Казахи называют его калак-тас, или калып-тас. В древние времена из этого мягкого камня изготавливали статуи женщин, давшие название местности. Одна такая статуя под названием кыз-тас (девушка-камень) обнаружена на равнине, у юго-восточного подножия горы Калак-тас¹².

По определению геолога Н. И. Наковника, статуя изготовлена из белоснежного пагодита, состоящего из пиррофиллита, а может быть, из каолина. Мягкий пагодит (агальматолит) был лучшим материалом для создания фигур человека и животных в камне.

Таким образом, в Центральном Казахстане встречены два типа скульптурных изображений животных и людей. Первый тип носит условный характер. Головы людей и животных переданы в стилизованной форме, с тенденцией геометризации в виде острого треугольника — мотив, восходящий к более ранней традиции культуры бронзы. Это еще не скульптура, а очень слабое ее подобие в виде саблевидной стелы с сильно стилизованной головой животного (барана, коня, верблюда) на верхнем ее конце (Аккой-тас, Сартабан, Аксай, Койшоки).

Наиболее раннюю форму стилизации человеческого облика представляет группа каменных изваяний, открытых геологом Д. Х. Хайрутдиновым в Северном Прибалхашье, в горах Итмурынды, вблизи большого андроновского некрополя, недалеко от древнего рудника Тесиктас и в 65 км к западу от рудника Саяк¹³.

В группе около пяти изваяний, и все они различной степени обработки — от грубо подтесанных до хорошо полированных. Изваяния вертикально врыты в землю на одну треть. Весьма характерен принцип расстановки каменных изваяний — вереницей в меридиональном направлении, в интервале 5—6 м, и все лицевой стороной обращены на юг. Наиболее массивное изваяние стоит в южном конце, во главе вереницы, несколько обособленно. Оно сделано в виде четырехгранного конуса высотой 95 см, размером в сечении 30x28 см. Лицевая сторона каменных стел совершенно гладкая, человеческий облик обозначен условно, в виде овала с услов-

ными точками, которыми помечены места глаз, носа и рта. М. П. Грязнов и В. И. Мошинская¹⁴ отмечают, что условность изображений и стилизация головы человека более характерны для андроновского времени. Это подтверждается открытием группы стилизованных изваяний в комплексе памятников Тесиктас Северного Прибалхашья. По методу обработки эти антропоморфные фигурки совпадают с каменными изваяниями животных. Их объединяют изображение головы (как людей, так и животных) в виде острого треугольника, построенного на одном конце цилиндрического бруска, с разработкой всех деталей человеческого лица (морды животного). Так сделаны фигурка из плотного камня, найденная в Семипалатинской области, ныне хранящаяся в Эрмитаже, и скульптурная голова коня, хранящаяся в Семипалатинском музее. Такие фигурки чаще встречаются в южной части Каркаралинской степи и в Северном Прибалхашье, в пределах гор Кент, Темирши, Кызыл-Арай и Тесиктас.

Второй тип скульптур отличается вполне реалистическим изображением фигур животных, с более или менее подробной передачей их характерных черт. К нему относятся скульптуры барана из Койшоки, барана и медведя из Бугулы, Темир-Астау, голова верблюда из района Кызыл-Арай, каменные жезлы с головой коня, хранящиеся в Семипалатинском и Томском музеях. Подобные каменные изваяния Сибири подробно описаны М. П. Грязновым, Е. Р. Шнейдером и С. В. Киселевым¹⁵, которые считают их типичными для карасукского времени, следовательно, одновременными с каменными изваяниями Центрального Казахстана эпохи Бегазы-Дандыбая. С. В. Киселев утверждал, что «вне пределов Минусинской котловины такие изваяния не встречаются нигде»¹⁶. Однако этот вывод оказался преждевременным. Замысловатые рисунки на карасукских стелах по характеру больше связаны с древнешаманским культом и могли возникнуть несколько позже, чем сама стела с «характерной саблевидной, заостряющейся кверху формой»¹⁷, в которой можно видеть стилизованный образ барана или другого животного, как это наблюдается в Центральном Казахстане. Саблевидные стелы Центрального Казахстана отличаются от минусинских тем, что свободны от дополнительных изображений и

рисунков в виде антропоморфных символов. Каменная скульптура Центрального Казахстана совершенно самобытна, развивалась последовательно, от примитивной к более совершенной форме, от простого к более сложному (группа Койшоки). Такой вывод продиктован исследованиями памятников, как более ранних, еще связанных с геометрическим принципом построения, основа которого кроется в орнаменте традиционного андрона (Итмурынды), так и более поздних, близких к реалистическим скульптурам животных эпохи поздней бронзы (Бидак, Койшоки). Реалистическое изображение животных в Центральном Казахстане получает широкое распространение в бегазы-дандыбаевское время и переходит к ранним сакам.

Исследования показывают, что миниатюрные каменные фигурки в виде цилиндрического стержня с изображением на верхнем конце головы человека более характерны для Каркаралинской степи. Исходной формой этих изделий были песты — каменные орудия, широко распространенные в Центральном Казахстане. В эпоху

бронзы в Каркаралинской степи существовала вполне сложившаяся традиция скульптурного изготовления головы человека, основанная на использовании мягкого камня из месторождения Калактас (пагодит, агальматолит). Попытки изображения головы человека прослеживаются на огромном естественном валуне гранита, находящемся в долине р. Тасшоқыозен, на территории совхоза им. Орджоникидзе Шетского района. Валун этот находится недалеко от пещерной стоянки грота Тесиктас, на потолке которого целая галерея рисунков, выполненных красной минеральной краской. Сюжетом рисунков являются сцены охоты и изображение крупных животных типа бизонов с характерными рогами.

В картине предстает многоплановый и не во всем еще ясный мир представлений и религиозных обрядов, связанных с многочисленными языческими культами древности. Древние жители Центрального Казахстана, оставившие эти памятники, отразили в них свое миропонимание.

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., в 5-ти т. Т. 1, с. 112–114, 469–477, 480–482; Куфтин Б. А. Календарь и первобытная астрономия киргиз-казахского народа. — ЭО, 1918, № 3–4. кн. CXI–CXII, с. 126.

² Антипов И. А. Рудные и каменноугольные месторождения Киргизской степи. — ГЖ, 1892, т. 1, № 2, с. 320.

³ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 155, рис. 70.

⁴ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 168, 170.

⁵ Маргулан А. Х. и др. Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959, с. 9–11, табл. 1, 2.

⁶ Appelgren-Kivalo. Alt-Altäische Kunstlink mater. Hilsinki, рис. 130.

⁷ Miller G. Observations historicae, 1735. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 46, оп. 1888, д. 46, л. 64.

⁸ Липский А. Н. Новый вид каменного изваяния из Южной Сибири. — КСИИМК, 1955, № 59, с. 160, рис. 71.

⁹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 169, табл. XV, 1, 2.

¹⁰ Мошинская В. И. О некоторых каменных скульптурах Прииртышья.— КСИИМК, XLIII, 1952, с. 45–54.

¹¹ Наковник Н. И. Охотники за камнями. Л., 1966 с. 168–169; Прокопенко Н. М. Каратекинское месторождение каолина (калып-таш) в Джунгарском Алатау.— Доклады АН СССР, 1930, № 20.

¹² Там же, с. 168–169.

¹³ Хайрутдинов Д. Х. Древние каменные изваяния в Северном Прибалхашье.— Вестник АН КазССР, 1960, № 4, с. 85.

¹⁴ Грязнов М. П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами — СА, 1950, XII, с. 131; Мошинская В. И. О некоторых каменных скульптурах Прииртышья, с. 50.

¹⁵ Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р. Древние изваяния Минусинских степей.— МЭ, т. IV, вып. 2. Л., 1929; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 160–172.

¹⁶ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 166.

¹⁷ Кызласов Л. Р. Андроновские антропоморфные фигурки из Средней Азии.— КСИИМК, 1956, вып. 63, с. 20–21.

ГЛАВА 5

ИСКУССТВО ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Развитие металлургии и пастушеского скотоводства во второй половине второго тысячелетия до н. э. сопровождалось интенсивным развитием домашних ремесел. «Самыми важными из них, — указывал Ф. Энгельс, — были медь и олово, а также выплавляемая из них бронза; бронза давала пригодные орудия и оружие...»¹.

С появлением гораздо более совершенных орудий человек получил возможность тонко обрабатывать дерево, камень, кость, металл, т. е. развивать яркое самобытное искусство. В домашнем ремесле широко использовались бронзовые топоры, кельты, вислообушные шоты, тесла, долота, сверла и некоторые другие орудия. С помощью этих металлических инструментов древний мастер осуществлял рубку деревьев, обтесывал их, производил сверление и пригонку сопрягаемых элементов. Об этом достаточно выразительно говорят остатки срубных жилищ в поселениях Шортанды-Булак и Суук-Булак (Каркаралы III).

Строительное искусство

Высокого уровня в эпоху бронзы достигло строительное дело, хорошо представленное в сооружениях жилищ, монументальных надгробных и поминальных памятников, а также гидротехнических устройств, плотин.

Многолетними исследованиями выявлены остатки около ста древних поселений, в основной массе расположенных на территории Карагандинской, Джекказганской, Целиноградской, Павлодарской и Кокчетавской областей.

Во всех поселениях Центрального Казахстана планировка жилых строений совершенно тождественна. Это в основном квадраты и прямоугольники, опущенные в грунт на 30—40 см. Особенно внушительны остатки жилых строений в поселениях Атасу, Бугулы I, II, Аккезен, Бекберген (в горах Темирши), Тагибай-Булак. Важным достижением строительного дела эпохи бронзы являются стены: они построены из двух рядов каменной кладки с прочной забутовкой полого внутреннего пространства. Построенные из крупных валунов гранита или песчаника, они очень похожи на стены крепостных сооружений, отличаются большой толщиной и устойчивостью. Например, в большом жилище Атасуского поселе-

ния толщина каменной стены колеблется в пределах 1,4—1,8 м, в поселениях Бугулы I и II—1,5—2 м, Тагибай-булак —1,5—1,8 м, в жилищах Аккезена —1,4—1,7 м. Такие мощные стены характерны только для жилых и поминальных сооружений эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана.

Примитивные каменные стены существовали еще в эпоху энеолита и ранней бронзы. Однако только с атасуского этапа (средняя бронза) каменные конструкции приобретают преимущественное значение в строительном деле. Этому благоприятствовало обилие камня на территории Центрального Казахстана. В качестве строительных материалов в это время использовались гранит, диорит, песчаник, мергель, порфирит, сланцы, туфы и др. Начиная с конца средней бронзы получают свое развитие два принципа сооружения каменных конструкций. Первый, восходящий к более раннему времени, состоял в том, что стены жилого помещения возводились из двух рядов крупных плит и валунов гранита или песчаника, врытых вертикально в землю. Полое пространство между облицовочными плитами плотно заделывалось бутовой кладкой из крупных и мелких камней, смешанных с глиной. Этим способом созданы мощные каменные стены атасуского, бугулинского, тагибайбулакского и других жилищ, а также монументальные стены мавзолеев Бегазы, Бугулы III, Аксу-Аюлы и т. д. Второй тип каменных конструкций представлен в виде горизонтальной кладки из двух рядов с заполнением внутреннего полого пространства забутовкой из обломков камней на глиняном растворе. Для стен специально подбирались длинные каменные блоки одинаковой формы, часто близкие к прямоугольнику или параллелепипеду. Такие камни нередко подвергались легкой обтеске. Благодаря этому каменные стены всегда имеют ровную линию рядов и гладкую поверхность (стены каменного святилища Ортау, Комуттын-Карашоқысы, стены гробниц Аксу-Аюлы, Бегазы, мавзолей 1, Бугулы III и т. д.).

В эпоху поздней бронзы в жилых строениях широко применялась и деревянная конструкция. Там, где был лес, жители нередко отказывались от традиционного строительного материала — камня и об-

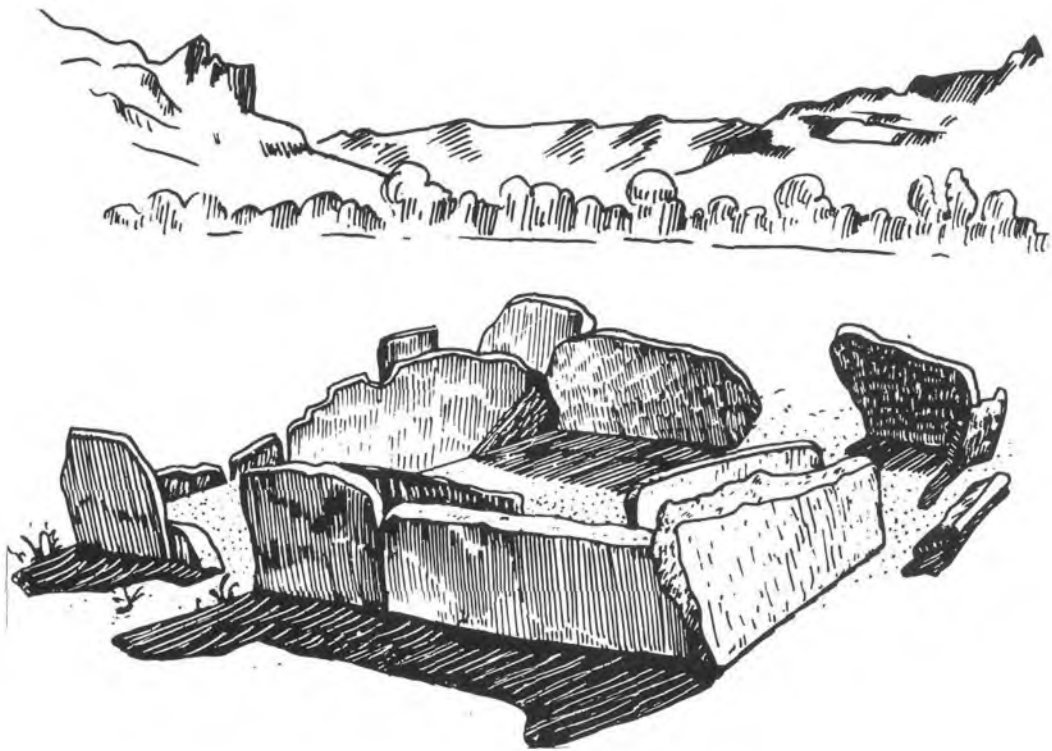

Рис. 180. Сангру III, ограда 6

ращались к более доступному для обработки материалу. Так, только из бревен построено жилище 14 Шортандыбулакского поселения, некоторые жилища в поселениях Каркаралы II и III (Суук-Булак). Кроме того, в Джекказгане встречаются очень плохо сохранившиеся следы глинобитных стен. Глинобитные стенки лучше сохранились в плавильных горнах Джекказгана.

Каменные стены поселений бегазинского времени частично имеют наземный характер. Более ранние жилые постройки представляли собой полуземлянки, опущенные в грунт на значительную глубину. Суровые условия зимы заставляли первых скотоводов и металлургов Центрального Казахстана погружать нижнюю часть жилища в землю, обкладывая ее дерном или засыпать землей в виде бруствера. Полуземлянки часто имели подпрямоугольную форму с закруглением углов. Их основная конструкция покоилась на каркасных столбах, обшитых плахами, плетенкой, обмазанной глиной (Шортанды-Булак, Жамбай-Карасу, Суук-Булак и др.).

Строительное искусство в эпоху бронзы достигло своего апогея при сооружении некрополей и мавзолеев. Благодаря тому, что памятники эти были сооружены из громадных валунов, крупных гранитных плит и засыпаны землей, они дошли

до нас в более или менее хорошей сохранности.

Надгробные сооружения эпохи поздней бронзы представляют собой обширные усыпальницы, часто занесенные песком или засыпанные землей, обычно расположенные недалеко от древних поселений и вблизи обширных рудников (Бегазы, Бугулы III, Сангру I, III, Аксу-Аюлы). Структура этих грандиозных сооружений имеет много общего с жилыми строениями того времени (рис. 180).

Поразительно сходны плановые основы жилищ 14 и 21 Шортандыбулакского поселения и бегазинских мавзолеев с тамбуром.

Одну из многочисленных и ранних групп надгробных сооружений Центрального Казахстана составляют так называемые цисты — небольшие строения в плане круглой, квадратной или прямоугольной формы, построенные горизонтальной кладкой из тонких сланцевых плит на глине (рис. 181, 182).

Облицованные могильные ямы — цисты на поверхности земли были окружены кольцевой выкладкой диаметром до 7—8 м с небольшой насыпью высотой до 30 см. Кольцевые выкладки бывают сдвоенные, строенные, вписанные одна в другую. На позднем этапе эпохи бронзы цисты увеличиваются в размерах, и кольцевая выклад-

Рис. 181. Гробница-циста периода средней бронзы: 1— Бугулы I; 2— Беласар

ка заменяется мощной прямоугольной или квадратной оградой, сложенной из плоских каменных плит, вертикально врытых в землю (Сангру, Аксу-Аюлы I, III).

Высшего расцвета каменная архитектура в Центральном Казахстане достигает в бегазыдандыбаевское время. Дошедшие до нас памят-

ники этого времени поражают крупными размерами, внушительным видом и нередко остроумным архитектурным решением (плиточные мавзолеи Бегазы, каменные усыпальницы Бугулы III, Аксу-Аюлы II, Сангру I, III, Ортау II, Айбас-Дарасы, Дандыбай, Аккойтас, Кзыл-Арай и др.) (рис. 218, 219).

Рис. 182. Памятники переходного и раннебегазинского этапов: 1, 2— Сангру III; 3— Коктас I; 4— Сангру I

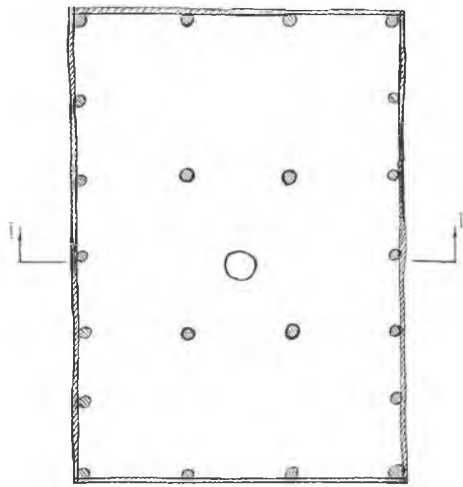
Наиболее ранние из них, гробницы Аксу-Аюлы и Ортау II, относятся к переходному периоду, или к раннебегазинскому времени (XIII—XI вв. до н. э.).

Гробница Аксу-Аюлы — одна из характерных. Открыта под толщей курганной насыпи, достигающей в диаметре 30 м, высотой около 2 м, и представляет собой подквадратное сооружение с закруглениями на углах. Оно обведено двойными каменными стенами, пространство между которыми шириной около 2 м служит обходным коридором. Обе стены в свою очередь заключены во внешнюю кольцевую ограду, сложенную из больших гранитных плит, установленных на ребро. Диаметр внешней кольцевой ограды 24,5 м, высота вертикально стоящих плит от 1,2 до 1,6 м. Внутренние стены выложены методом горизонтальной кладки из плоских и удлиненных каменных блоков, уложенных в два ряда прямо на грунт. Кладка удлиненными блоками осуществлена из сквозных тычков во всю толщину стены. Тычки даны через один-два ряда, но часто чередуются с ложковыми камнями в одном и том же ряду, создавая полную перевязку. Размеры внутренних стен (по внутреннему обмеру) 7х7,4 м и 4,46х3,4 м, толщина кладки соответственно 1,0—

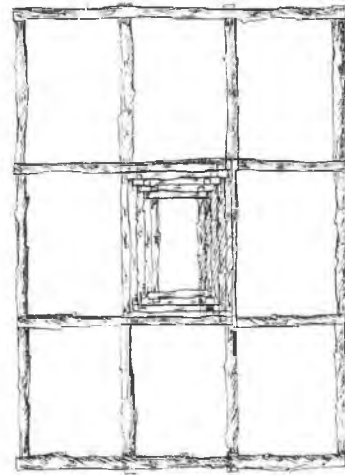
1,5 м. Перекрытие здания до нас не дошло. От него сохранились лишь следы в виде толстых обгорелых слоев древесины. Это позволяет заключить, что верхняя часть здания состояла из бревенчатой рамы.

Большие кольцевые курганы типа Аксу-Аюлы с двойными, тройными стенами в центре насыпи, широко распространенные по всему Центральному Казахстану, представляют собой дальнейшую трансформацию ранних кольцевых оград и в своей массе относятся ко второй половине средней бронзы (атасуский этап), главным образом к раннебегазинскому времени (XIII—XI вв. до н. э.). Они доминируют среди памятников конца средней — начала поздней бронзы. К более поздним типам сооружений относятся курганы-ограды группы Ортау I, Сангру I, III и Айбас-Дарасы — словом, те памятники, которые представляют классические образцы строительного искусства и являются продуктом древней могучей цивилизации, развившейся в Центральном Казахстане в эпоху средней и поздней бронзы.

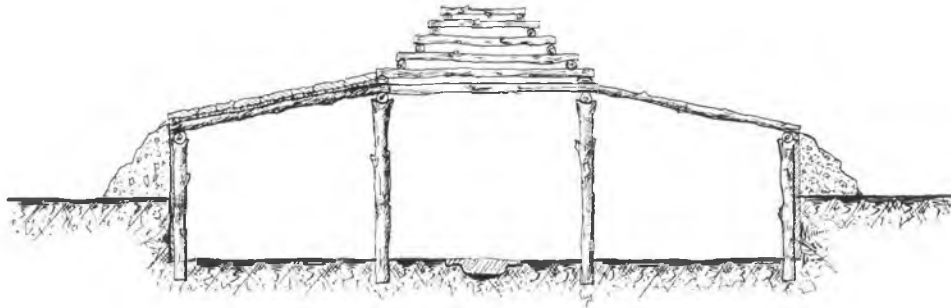
Особую группу архитектурных памятников, возникших в эпоху поздней бронзы (X—VIII вв. до н. э.) на основе дальнейшего развития каменной архитектуры, составляют мавзолеи Бегазы. Бе-

План основания

План перекрытия

Разрез 1-1

Рис. 183. Конструкция жилища эпохи бронзы

газинские мавзолеи (из всего семь) построены из больших глыб гранита, а потому отличаются особой монументальностью.

Они имеют много общего с сооружениями Аксу-Аюлы, Бугулы III, Сангру 7, Айбас-Дарасы, Аккойтас и др. Сходство это выражается в совпадении планов (особенно Аккойтас, Шортанды-Булак), конструкции стен, выполненных горизонтальной кладкой из длинных каменных блоков, слегка обработанных (плиточные мавзолеи 1, 2, 5). Отличие бегазинских мавзолеев от других подобных сооружений заключается в том, что поверх кладки они имеют мощную облицовку из огромных гранитных плит, установленных на ребро. Каменная кладка во всех сооружениях Центрального Казахстана эпохи поздней бронзы осуществлена по единому принципу: из двух рядов с забутовкой междурядного пространства оскол-

ками камней, смешанных с глиной. Толщина стен очень велика: в бегазинских мавзолеях 1,2—около 1,6—1,7 м, в сооружении Бугулы III—1,5 м, в Аксу-Аюлы—1,5 м, в Сангру I—1,5 м. Характерную черту всех каменных сооружений бегазыдандыбаевского времени составляет наличие опорных каменных столбов, на которых покоилось перекрытие, а также вспомогательных подпорок в виде длинных, часто обтесанных каменных блоков, которыми были укреплены стыки вертикальных облицовочных плит и слабые места в кладке стен. По своему устройству и назначению каменные опорные столбы в надгробных сооружениях напоминают опорные деревянные столбы, часто встречающиеся в жилых строениях эпохи бронзы. Каменные опоры представляют собой слегка обработанные каменные столбы с квадратным или прямоугольным сечением. Их вы-

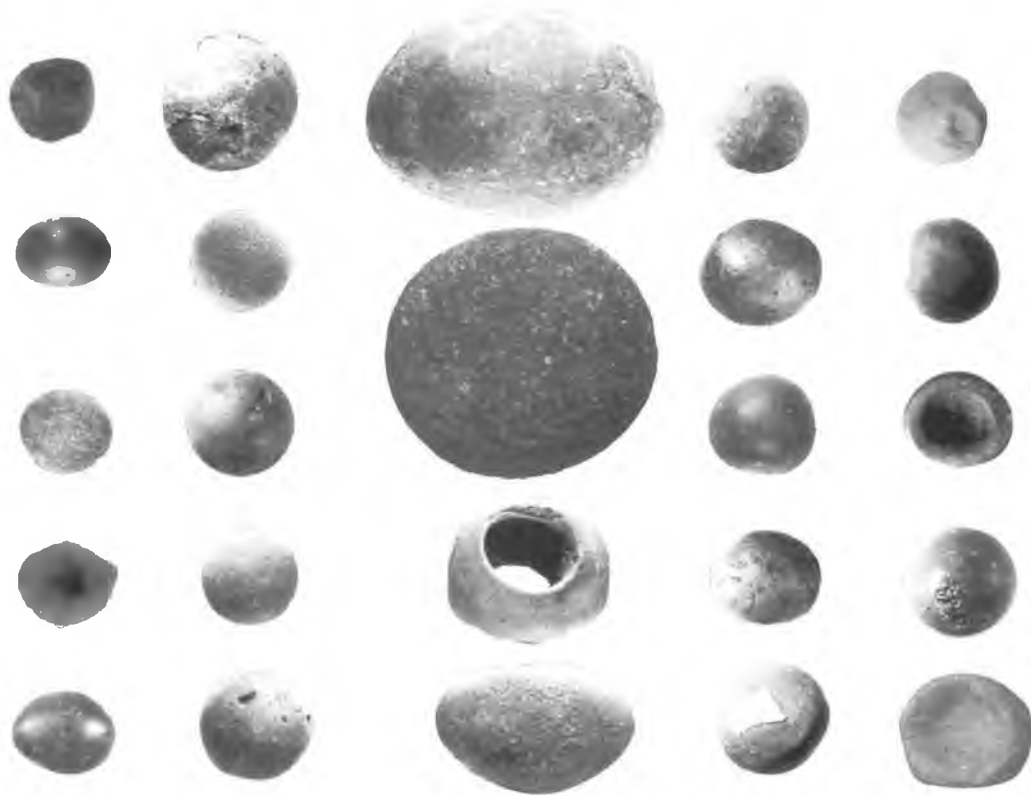

Рис. 184. Предметы каменотесного дела из поселения Зеленая Балка. (Коллекция Карагандинского музея)

сота несколько больше высоты каменных стен.

Одну из характерных особенностей бегазинских усыпальниц составляет длинный коридор, примыкающий к зданию с восточной стороны. У входа установлены две самые большие плиты. Наличие алтарного устройства в гробницах Бегазы (мавзолей 1), Бугулы III, Сангру I и Айбас-Дарасы говорит о том, что эти памятники одновременно служили местом поклонения и жертвоприношения. Об этом же свидетельствуют следы жертвенного огня и большие скопления костей животных.

Таким образом, анализ большой серии архитектурных памятников эпохи поздней бронзы показывает, как древние скотоводы и металлурги Центрального Казахстана совершенствовали строительное искусство, обогащая его новыми идеями и достижениями. Уникальные памятники типа Бегазы свидетельство тому. Накопление новых полезных сведений позволило древним мастерам познать пластические свойства глины, строительные качества дерева и камня, что обусловило появление разнообразных форм построек, создание мощных и устойчивых каменных сооружений. Материалы исследований показывают, что мощное развитие строительного дела,

доведение его до высот искусства в Центральном Казахстане относится к позднему этапу эпохи бронзы, когда были установлены главнейшие принципы и разработаны основы строительного искусства, созданы первые конструкции из глины, камня и дерева, не утратившие своего значения в последующие эпохи.

К достижениям строительной техники эпохи бронзы Центрального Казахстана следует отнести, прежде всего, решение объемно-пространственной задачи, разработку идеи опор путем устройства вертикальных каменных и деревянных столбов, решение конструкции потолка, часто основанной на принципах ложного свода или ступенчатой деревянной рамы. Разрабатывая основные идеи строительной техники, древние жители большое внимание обращали на постройку жилищ из камня (Атасу, Бугулы, Тагибай-Булак и др.), дерева и глины (Шортанды-Булак, Суук-Булак). В большинстве случаев бутовый камень был основным материалом в развитии архитектуры жилища (длинный дом-храм в поселении Ортау, каменные дома в поселениях Бугулы, Аккезен, Карамурын, Комуттын-Карашокысы в верховьях р. Нура и т. д.). Вместе с тем в строительстве жилищ роль леса и камыша была огромна. Это

установлено по материалам раскопок поселений Шортанды-Булак, Каркаралы II, III (Суук-Булак) и др. Дерево использовалось в виде жердей, бревен, плах и круглых столбов, из них состояла вся деревянная конструкция жилища эпохи бронзы (Шортанды-Булак, Суук-Булак) (рис. 183).

Возникновение архитектурно выдержанной деревянной конструкции в жилищах 14 и 21 Шортандыбулакского поселения связано с появлением острых металлических инструментов типа плоских топоров, тесел, долот, сверл и др.

Каменотесное искусство

Традиции каменотесного дела восходят к неолиту. К эпохе бронзы человек пришел с тысячелетней практикой работы над камнем. Обрабатывая куски кварца, халцедона, опала, яшмы и делая из них миниатюрные орудия, человек хорошо познал свойства камня. Племена бронзовой эпохи Центрального Казахстана продолжали развивать микролитическую индустрию, проявляя более тонкую изощренность при изготовлении кремневых орудий, чем их предки. Для этого использовались металлические орудия.

Искусство обработки камня в эпоху бронзы наиболее выразительно выступает в изготовлении высоких каменных стел-менгиров, в первых попытках воспроизведения облика людей и животных, в изготовлении каменных орудий рациональной формы, тщательно отесанных и хорошо зашлифованных. Особо выделяются горные рудодробильные орудия — каменные песты, молотки, терочки, ступки и др. Тщательностью обработки отличаются круглые и яйцевидные каменные шарики, находимые во множестве. Метательные каменные шарики для пращи с вырезанным на узком конце желобком для привязывания ременной петельки в большинстве случаев имеют яйцевидную форму. Миниатюрные круглые камешки, хорошо отшлифованные и часто лощеные, несомненно, предназначались только для игры. Отсутствие отверстий и желобков говорит о том, что они не могли быть украшениями (рис. 184).

Изящный вариант метательного каменного шарика найден при раскопках могильника Досан на территории совхоза «Бесоба» Каркаралинского района. Орудие выточено из камня плотной кристаллической породы в виде красивого октаэдрического шара. Весьма интересны метательные каменные шарики яйцевидной формы из поселения Шортанды-Булак с рельефным изображением солярного круга, имевшие значение талисмана. Шарик с изображением солярного кру-

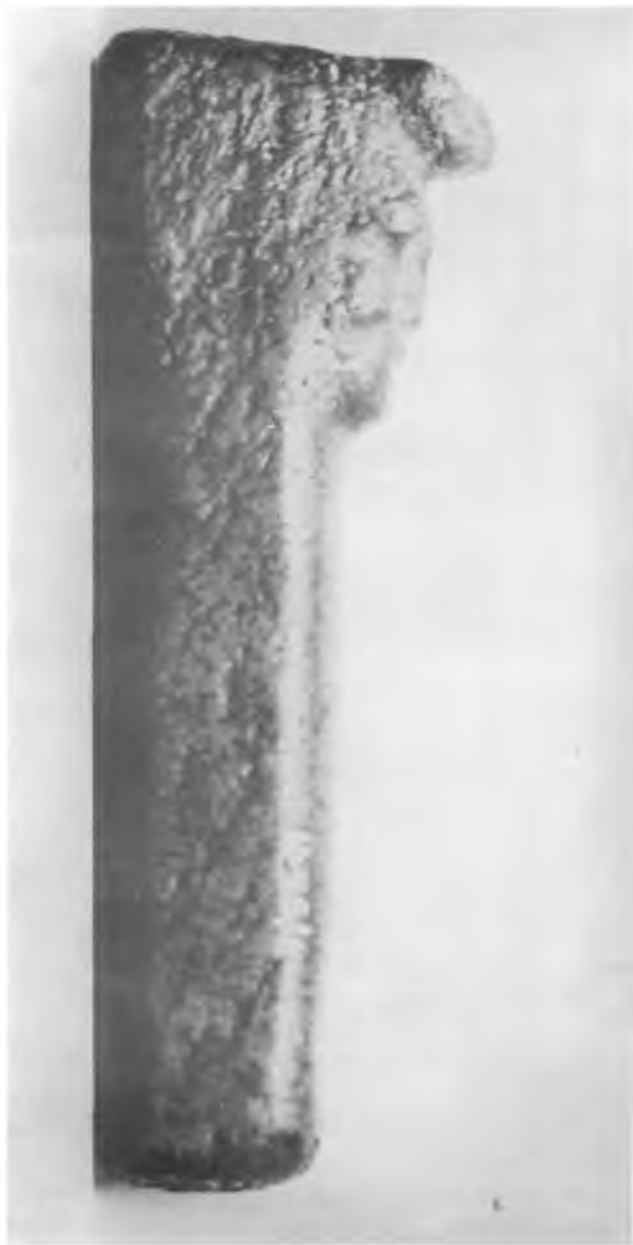

Рис. 185. Каменный жезл со скульптурной головой человека из Семипалатинской области. (Коллекция Эрмитажа)

га найден при раскопке жилища 1 Каркаралинского поселения II.

В предыдущей главе были подробно рассмотрены памятники камнерезного искусства: стелы и менгиры, два типа скульптурных изображений человека и животных. Помимо монументальных видов обращалось внимание и на малую каменную скульптуру типа жезлов с реалистическим изображением головы верблюда, коня, человека и т. д. (рис. 185, 186).

Рис. 186. Каменные скульптуры: 1 – пест с головой лошади; 2 – голова верблюда (Омский музей)

Недавно в культурном слое поселения Акколь найдено скульптурно выполненное на камне-гладилке изображение человеческого лица (рис. 187).

Гладилка ныне хранится в Музее искусств Казахстана (Алма-Ата). Надо отметить, что все скульптурные образы человека на камне выполнены весьма тщательно и реалистично. Особой четкостью отличается лицо аккольского человека с хорошо выраженными монголоидными чертами: широким лбом, узкими глазами, плоским треугольным носом.

Художественная обработка металла

Одним из главных занятий племен Центрального Казахстана эпохи бронзы была обработка металла. Эта отрасль производства развивалась на основе применения техникиковки, чеканки, тиснения и искусства литья. Бронзовые предметы обнаружены в Центральном Казахстане в обилии и повсеместно. Они представлены в виде орудий труда, предметов обихода и украшений. Следует отметить, что кузнечный способ обработки металла является изначальным и типичным для

всех этапов эпохи бронзы Центрального Казахстана. Наиболее ранняя техникаковки, тиснения и литья представлена в бронзовых изделиях, найденных в могильниках Акшатау, Бугулы I и Акмола. К ним относятся медные круглые бусы крупных размеров (Акшатау), литое бронзовое зеркало (Бугулы I), нашивные бляшки с тисненым (пуансон) орнаментом (Акмола) (рис. 188, 189).

В период средней (атасуский этап) и поздней бронзы (бегазы-дандыбаевская культура) не только происходит количественный рост, но и улучшается качество металлических изделий, создается основа подлинного искусства. Так, известны интересные экземпляры вислообушного топора из древних рудников Аркат-Альжан в Чингисских горах², окрестностей Семипалатинска³, Центрального Казахстана (Киргизская степь)⁴, Баянаула⁵, Калбинского хребта⁶, МаркаКуля⁷, Курчумского Алтая⁸, и т. д. К произведениям искусства относятся некоторые кельты, роскошно орнаментированные геометрическим узором, например, кельты из калбинского хребта и Курчумского Алтая⁹, Майкапчагая (Зайсанский район)¹⁰.

Рис. 187. Каменная гладилка с изображением лица человека из поселения у оз. Акколь (Тургайская обл.)

Изобразительные средства широко применяются для украшения кинжалов, ножей, наконечников стрел и копий, клевцов, боевых чеканов и др. Это либо скульптурное изображение животных, либо геометрические фигуры (ромбики, треугольники и кольца), либо роскошная орнаментация. Большую художественную ценность представляет нож, случайно найденный в долине р. Жумба Самарского района Восточно-Казахстанской области и ныне хранящийся в Иркутском

музее¹¹. Нож примечателен тонкой художественной обработкой навершия, состоящего из стилизованных фигур животных, обращенных тыловой стороной друг к другу. Высокохудожественной формой отличается бронзовый нож из Курчумского Алтая¹², ныне хранящийся в ГИМ в собрании М. Погодина, ножи из Каркаралинских поселений I, II, обломки массивных бронзовых ножей, найденные Г. Н. Щербой в древних рудниках Акжала (Семипалатинская область), Калбин-

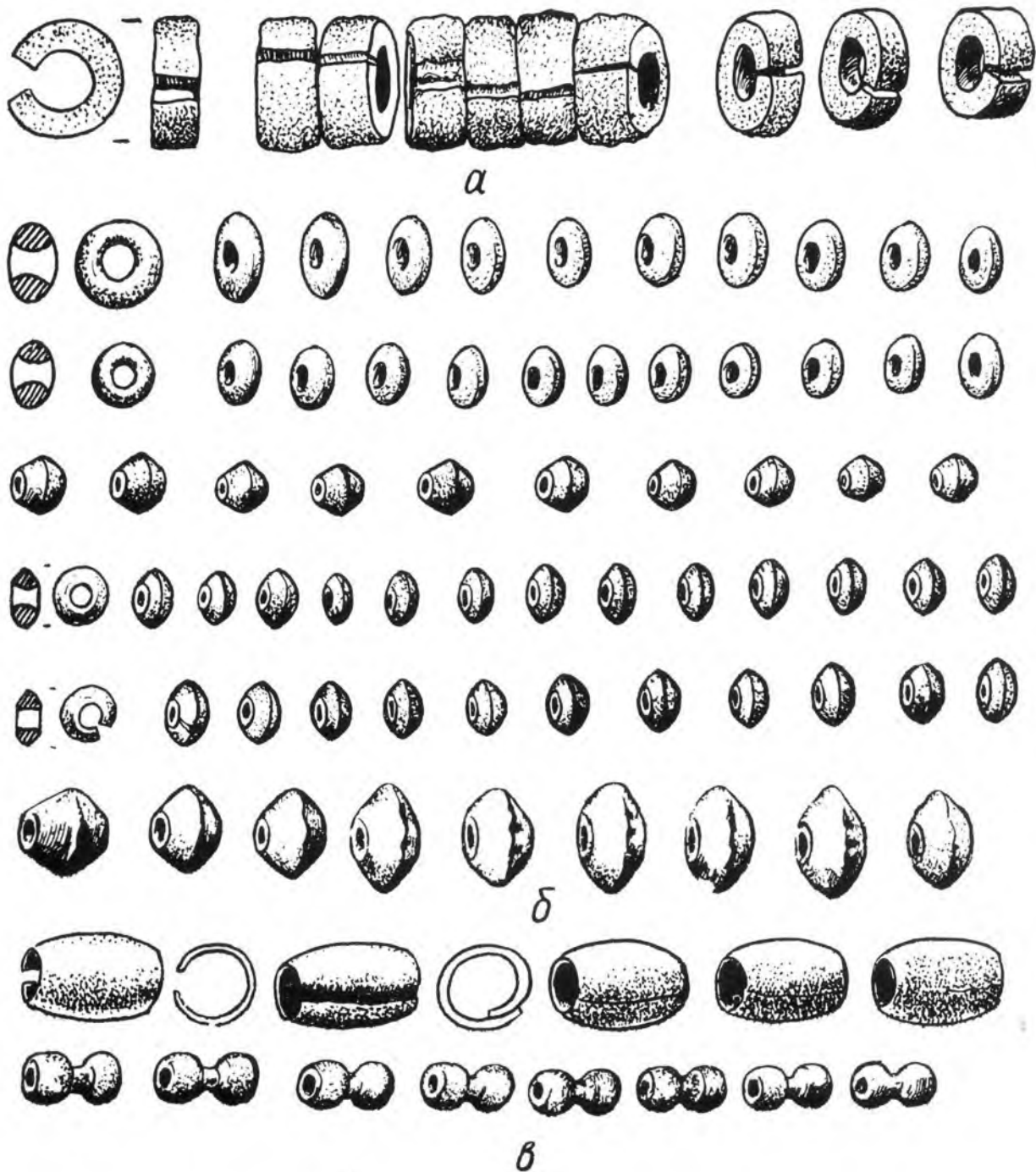

Рис. 188. Бронзовые бусы: а— эпохи ранней бронзы; б — средней бронзы; в — переходного этапа к эпохе раннего железа.

ского и Нарымского хребтов¹³, Бестобе, Степняка и Аксу. Большую группу из Центрального Казахстана составляют ножи с ажурными и прорезными рукоятками и кольцевым навершием¹⁴. Серия этих ножей была показана на выставке в одном из аулов Каркаралинского округа в 1868 г. Изобразительные мотивы в виде шипов, эфесов,

кольцевых и круглых наверший (колпачков) присутствуют и на кинжалах. Изящны и оригинальны бронзовые наконечники стрел, найденные во множестве в разных пунктах Центрального Казахстана (рис. 227).

В конце II тысячелетия до н. э. здесь изготовлялись два типа бронзовых наконечников стрел:

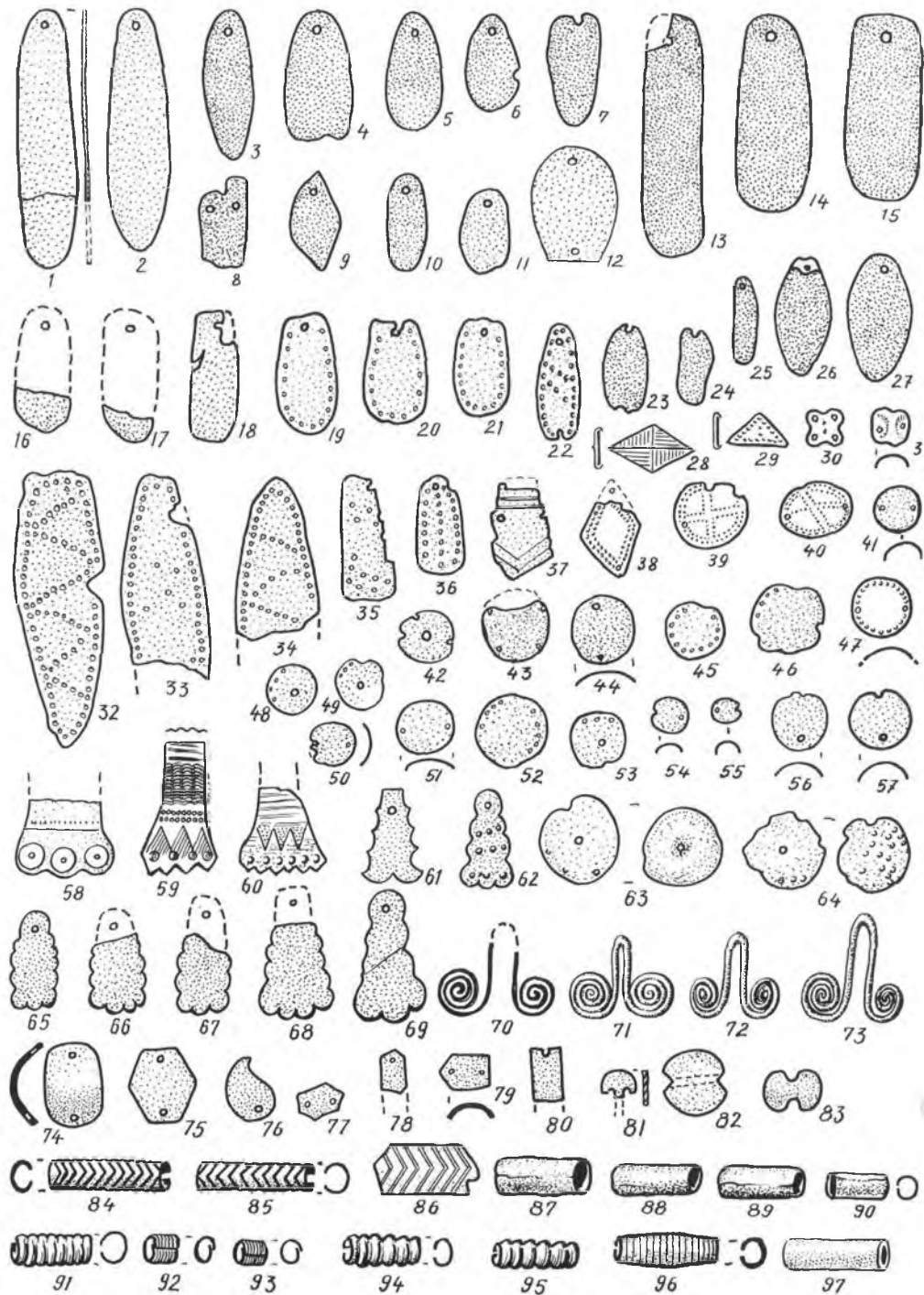

Рис. 189. Бронзовые украшения: 1–7, 9–11, 13–18, 24, 27— овалы́нные подвески с одним отверстием; 8, 12, 23, 74— овалы́нные подвески с двумя отверстиями; 19–22, 35, 36— овалы́нные подвески с пуансонным орнаментом; 28–31, 75–81— фигурные нашивные бляшки; 32–34 — бляхи с пуансонным орнаментом; 37— накладка с геометрическим орнаментом; 38— ромбическая нашивная бляшка; 39, 40— круглые нашивные бляшки; 58–62, 65–69— лапчатые привески; 70–73 — очковые привески; 82, 83— пуговицы; 84–86, 91–96— пронизки с орнаментом; 87–90, 97— пронизки; 1–3, 11, 37, 56, 57, 70, 74–90— Айшрак; 8–10, 62, 73, 94— Былкылдак; 4–7, 35, 36, 95— Бегазы; 13, 14, 65–67 — Аксу-Аюлы; 12, 15, 71, 91–93 — Киргельды; 16–21— Беласар; 22–25, 28–31, 38–40, 42–46, 48–55, 61— Боровое; 26, 27, 96— Карабие, 32–34, 60— Акмола; 41, 47, 59— Малый Койтас; 63–64 — Сангру II; 58— Мырзашо-кы; 68, 69— Байштын-Карашоқысы; 97— Бугулы I.

втульчатые и черешковые двуперой формы. Они поразительно сходны, отличаются строго традиционной формой. В бегазы-дандыбаевское время (X—VIII вв. до н. э.) формы бронзовых наконечников стрел становятся разнообразнее, создаются их варианты. Для втульчато-двуперых наконечников стрел этого времени характерно наличие шипов. Черешковые двуперые стрелы получают трехлопастную форму (Бегазы, Алепаул). Бронзовые наконечники стрел представляют собой произведения искусства не только по форме, но и по богатой орнаментации.

Художественная обработка металла особенно выразительно выступает в ювелирных изделиях. Судя по ним, в эпоху поздней бронзы среди жителей поселений Центрального Казахстана имелись превосходные ювелиры, мастера-умельцы. Характерно, что медные украшения эпохи ранней бронзы отличаются более крупными размерами. Например, сечение бронзовых бусин из групп Акмола, Акшатау и Бугулы I не менее 1 см, тогда как диаметр бусин атасуского этапа не превышает 5—6 мм. Другую характерную черту бронзовых украшений ранней бронзы Центрального Казахстана составляет яркая декоративная орнаментация, выполненная способом выдавливания изнутри, в виде рядов мелких ямок и их комбинаций.

Начиная с атасуского этапа, художественная обработка металла достигает расцвета. Бронзовые украшения характеризуются законченностью форм и тщательностью обработки, миниатюрностью и скульптурностью отдельных деталей. На смену декоративной, яркой орнаментации приходит пластика, скульптурная выразительность, отточенность геометрических фигур. На этой основе создаются многочисленные формы нашивных украшений, из которых доминирующими становятся круглые, полукруглые, овальные, прямоугольные, квадратно-фигурные, треугольные, ромбические, трапециевидные и другие бляшки, нередко богато орнаментированные традиционным пуансоном, рифлением, гофрировкой и т. д. (рис. 189)

Из фигурных бляшек особенно интересны лапчатые привески. На территории Центрального и Северо-Восточного Казахстана их обнаружено всего 9, из них самая ранняя (нуринский этап), шестипалая с ярким геометрическим узором, найдена в могильнике Акмола (павлодарское Прииртышье). Сходная с ней по узору четырехпалая привеска найдена в 1911 г. Каменским в Малом Койтасе, трехпалая — у Мырзашоки. По

орнаментации к ним близки лапчатые привески из Былкылдака III, Аксу-Аюлы и Байштын-Карашо-кысы (верховье р. Токраун). Кроме привесок из Акмолы и Мырзашоки, остальные относятся к атасускому этапу (XVI—XIV вв. до н. э.).

Большую художественную ценность представляют круглые нашивные бляшки с гофрированным орнаментом, выполненным способом тиснения на штампе-матрице (рис. 191).

Всего найдено 9 блях, из них 2 более ранние, гладкие, без орнамента — в группе Мырзашоки (близ г. Каркаралинска), 3 — 11. в комплексах Былкылдак I, III, 1 — в Айшраке и 3 — в Алексеевском поселении. За исключением блях Мырзашоки, в орнаментальном сюжете остальных господствует влияние солярно-астрального культа. Символы солнца особенно рельефно изображены на бляшках из Былкылдака I и Алексеевского поселения: в виде концентрического круга с расходящимися лучами; на бляшке из Айшрака изображены концентрические круги со звездой. Несомненно, эти солярные круги, нашитые на одежду, служили талисманом.

Большое умение древние ювелиры проявляли при изготовлении литых бронзовых бус оригинальной формы в виде пронизок и бисерных ожерелий, служивших основным украшением женщин. На территории Центрального Казахстана бронзовых бус найдено множество. Установлено четыре их типа: биконические, боченовидные, круглые, свернутые из медной проволоки, и их сдвоенные варианты. Кроме медных во множестве встречены стекловидные, пастовые (аргиллитовые) и из цветных камней (опала, халцедона, змеевика и др.). Бусы из цветных камней очень самобытны. Другие бусы аналогичны найденным в Южной Сибири и других районах. В тонкой манере сделаны бронзовые пронизки в форме цилиндра и ромба, сплошь покрытые рифлением, гофрировкой или традиционным пуансоном.

Яркими памятниками ювелирного искусства являются массивные бронзовые браслеты с конической спиралью в виде рельефных завитков с коническим завершением (рис. 192).

Самые массивные и интересные в художественном отношении браслеты с конической спиралью найдены в группах Сангру II (2), Айшрак (3), Беласар (4), Былкылдак (1), Алексеевском поселении (3). Еще больше найдено бронзовых пластинчатых браслетов. К редким изделиям относятся бронзовый пинцет, найденный в группе Сангру III, и четырехлепестковая (крестообразная) бронзовая накладка с круглыми концами,

обнаруженная в ограде 4 Сангру I. Аналоги этим предметам в культуре бронзы других районов Евразии нам неизвестны. Известен единственный сходный пинцет из древнеегипетских памятников.

Четырехлепестковые розетки в виде бронзовой накладки или орнамента появляются только в бегазы-дандыбаевское время. Лучшее композиционное построение накладки в виде резных крестообразных кружков мы видим в орнаменте сангрусского кувшина 1. Четырехлепестковые

кружки здесь соединены между собой общим центром и расположены осями взаимно перпендикулярно друг к другу. Аналогов сангрусской бронзовой накладки также нет.

Четырехлепестковые розетки в орнаменте или в виде металлических изделий переходят от бегазинцев к ранним кочевникам, в быту которых они получают еще более широкое распространение, особенно среди племен, обитавших на территории Казахстана, на Алтае, в Южной Си-

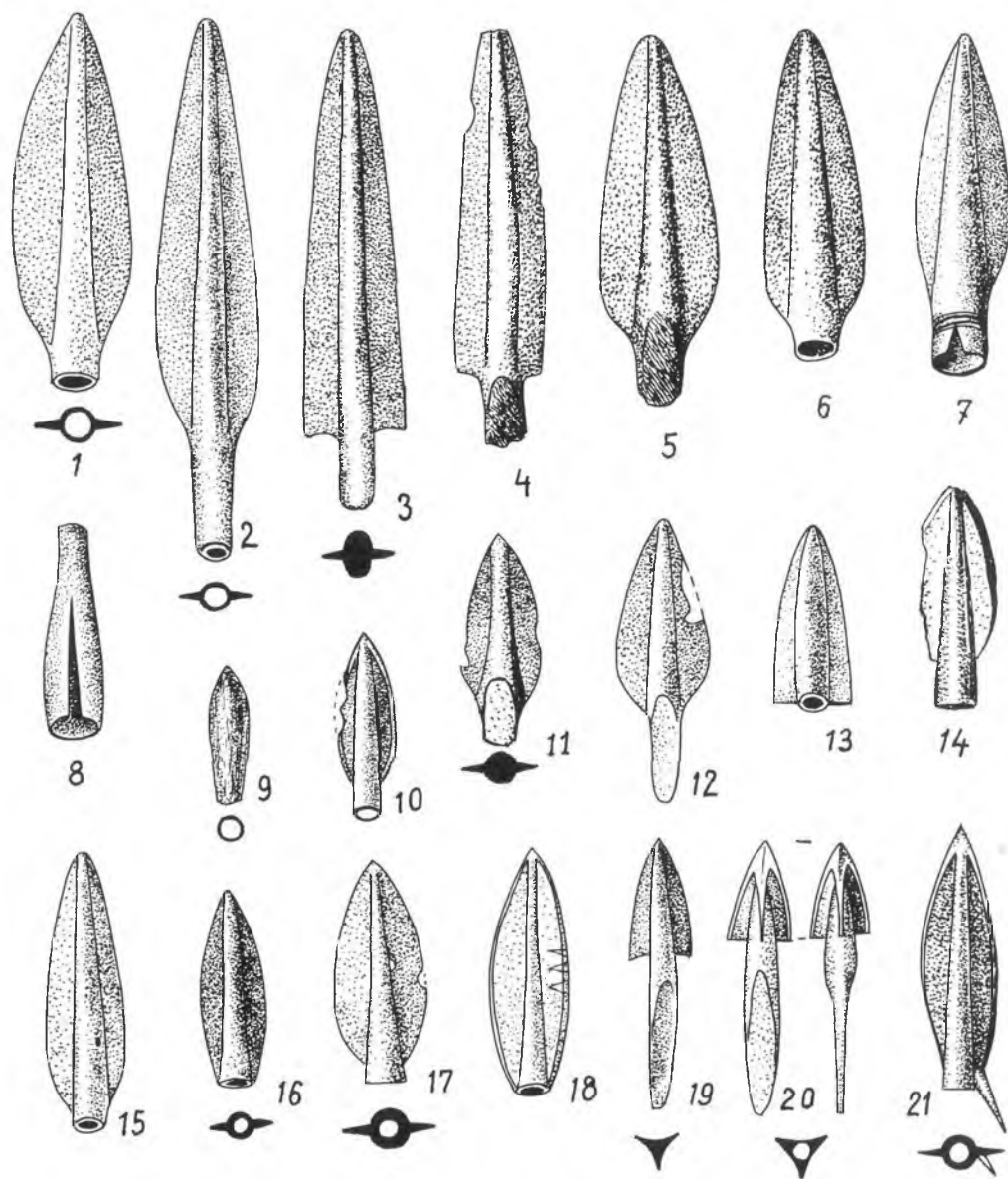

Рис. 190. Бронзовые наконечники стрел: 1, 2, 6, 7, 10, 13–18— двуперые втульчатые; 3–5, 11–12— двуперые черешковые; 8, 9— втоковидные; 19–20— трехперые с длинным черешком; 21— двуперый втульчатый с шипом; 1–3, 12, 13— Айшрак; 4–6— Ортау (Жаман-Узень II), ограда 2; 7, 15— из Каркаралинского р-на из коллекции Бахирева; 18— Сангру III; 8— Мырзашоқы, ящик 3; 9— аул Бесоба Каркаралинского р-на; 10, 14— близ г. Темиртау на р. Нура; 11, 16, 17— Шортанды-Булак, жилище 21

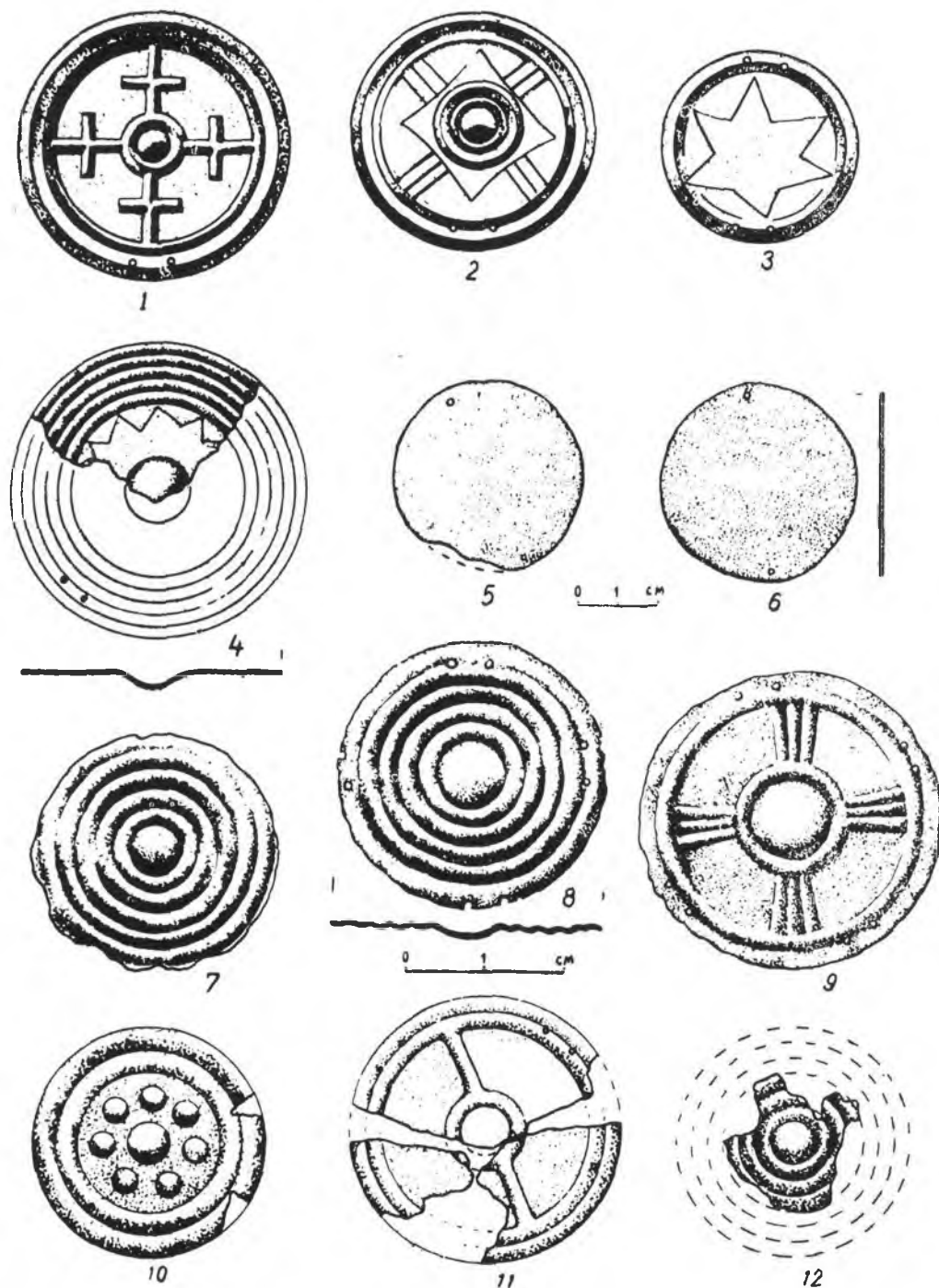

Рис. 191. Круглые фигурные бронзовые накладки с орнаментом: 1–2— Былкылдак I, ограда 8; 3— Былкылдак III, ограда 1; 4— Айшрак ограда 2; 5–6— Мырзашоки, ящик 1; 7–9— Алексеевское погребение 13; 10–12— Бугулы I

бири, Прикаспийской равнине и на Северном Кавказе. Это одно из звеньев, связывающих культуру ранних кочевников с культурой Бегазы.

Четырехлепестковая пластинка здесь встречается в разных вариантах и на разных материалах — войлоке, коже, дереве, глине, металлу, кости и т. д. В таком виде мы обнаруживаем ее в уникальных памятниках пазырыкских, башадарских и ноинулинских курганов. Деревянные и бронзовые украшения, покрытые листовым золотом и имеющие форму четырехлепестковой ро-

лаха — войлоке, коже, дереве, глине, металлу, кости и т. д. В таком виде мы обнаруживаем ее в уникальных памятниках пазырыкских, башадарских и ноинулинских курганов. Деревянные и бронзовые украшения, покрытые листовым золотом и имеющие форму четырехлепестковой ро-

зетки, найдены в башадарском кургане 2 на Алтае¹⁵

В пазырыкских памятниках четырехлепестковые розетки являются прежде всего украшением конской упряжи. В пазырыкском кургане 1, например, встречены вырезанные из кожи фигуры в виде четырехлепестковой розетки, нашитой на подхвостовые ремни седла¹⁶.

Известно роскошное седло из пазырыкского кургана 5 с богатым набором украшений, наполовину обшито узорами из четырехлепестковых розеток, причем эти розетки по форме тождественны с бронзовой пластинкой из ограды 4 Сангру I¹⁷.

Крестообразная фигура из четырех лепестков стала основной формой украшения предметов обихода. В этом значении мы видим ее на кожаном кошельке из пазырыкского кургана 2 и на ворсовом ковре из кургана 5 («четырёхлучевая звезда»)¹⁸. В археологической литературе немало данных о том, что розетки из четырех лепестков являлись доминирующим сюжетом декоративного искусства древних хуннов (гуннов). Этот мотив нередко встречается на вещах, сопровождавших подбойные погребения с деформированными черепами¹⁹.

О гуннской основе этого искусства прежде всего говорят находки из Шибэ, ноинулинских и пазырыкских курганов²⁰.

В курганах Ноин-улы встречено много пластинчатых фигур, разработанных в композиции четырехлепестковых розеток. Это пластинки из дерева, покрытые красным лаком и без него, по форме очень сходные с бронзовой пластинкой из Сангру I²¹.

Такие же фигуры, литые из бронзы и служившие украшением конской упряжи, найдены в ноинулинском кургане 6²².

В этом же кургане обнаружен уникальный настенный ковер, весь покрытый четырехлепестковыми розетками двух форм: одна очень близка к сангрусской пластинке, другая представляет собой несколько измененный вариант первой с концами в виде завитков (казахский кошкар муюз). Обе розетки занимают центральное поле большого настенного ковра. В гуннских курганах обнаружены варианты четырехлепестковой фигуры в виде квадратных нашивных бляшек, украшенных пятью выпуклостями: четыре — по углам, одна — в центре²³.

В позднегуннском искусстве появляются ажурные варианты этой пластинки²⁴, перешедшие впоследствии к кыпчакам²⁵, а также трех-, пяти-

лепестковые ее разновидности²⁶.

Интересный вариант гуннской пластинки, украшенной камнями на концах и в центре, описан М. П. Грязновым²⁷. Четырехлепестковая композиция впоследствии становится основным содержанием орнаментального искусства кыпчаков, затем казахов и кыргызов. В качестве украшения мы встречаем ее на металлических, деревянных, костяных и керамических изделиях, на коврах, где четырехлепестковая розетка составляет основу композиции центрального поля. Розетка из четырех лепестков с завитками на концах очень рельефно изображена на кыпчакских бронзовых зеркалах, одно из которых найдено на Караобе, в долине р. М. Узень в Западном Казахстане²⁸, второе хранится в Госэрмитаже, третье описано Г. А. Федоровым-Давыдовым.

Г. А. Федоров-Давыдов определяет как крестовидный усложненный орнамент. Автор описывает около полутора десятков металлических изделий, украшенных розетками из четырех лепестков, основная масса которых принадлежит поясному набору. Как свидетельствуют новые находки, среди бронзовых изделий существенное место занимали массивные бронзовые зеркала, составлявшие неотъемлемую часть женского туалета. На территории Центрального Казахстана обнаружены три типа бронзовых зеркал, изготовленных в разные периоды эпохи бронзы. Наиболее ранний тип круглой формы с петелькой найден в группе Бугулы I. Второй тип — квадратной формы с ясно выраженной петелькой на тыльной стороне. Два таких зеркала найдены — в Сангру I и на курорте Боровое. Третий тип, более поздний, имеет круглую форму с массивной ручкой; найден в группе Досан Каркаралинского района.

Происхождение бронзовых зеркал традиционно связывают с Северным Ираном и Месопотамией. Материалы исследований нашего времени убеждают в том, что памятники древнего искусства могли возникать независимо в разных регионах с развитой металлургией.

При раскопках поселений и могильников эпохи бронзы Центрального Казахстана обнаружено большое количество бронзовых орудий труда, доспехов и украшений из меди, бронзы и золота, изготовленных техникой литья,ковки, чеканки или тиснения. Эти приемы ювелирной техники широко распространены в бронзовой культуре Центрального и Северо-Восточного Казахстана, Южного Приуралья, Алтая, Енисея, Ниж-

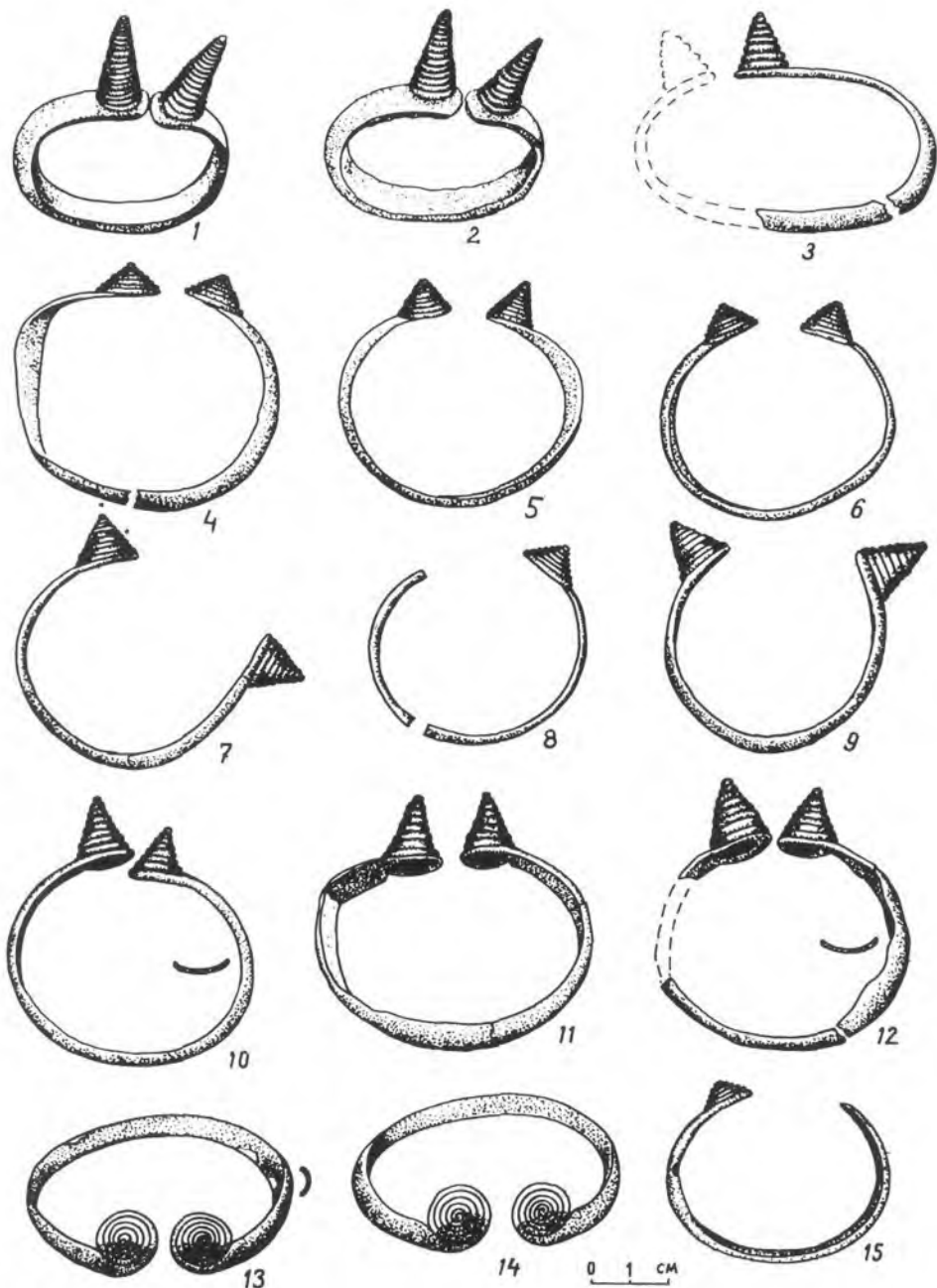

Рис. 192. Бронзовые браслеты с коническим завершением: 1, 2— Сангру II; 3, 7, 9, 10, 11, 12— Беласар; 4— Айшрак; 5, 6— Аксу-Аюлы; 8— Былкылдак III; 13, 14, 15— Алексеевское поселение.

него Поволжья и т. д. Особый интерес представляют многочисленные золотые украшения, изготовленные древними ювелирами эпохи поздней бронзы: кольца (рис. 193), золотые обоймы, служившие украшением ременных поясов, золотые серьги (круглые, спиральные и с раструбом), ожерелье из крученого золота (рис. 194), массивные браслеты. Массивный золотой браслет из Айбас-Дарасы изготовлен из прута в виде по-

лой трубочки со стержнем и одним утолщенным концом, куда вставлялся другой, более тонкий конец (рис. 194). На утолщенном конце — резной орнамент из заштрихованных треугольников.

Обильные находки бронзовых и золотых украшений свидетельствуют о том, что добыча золота и меди в центральных и северо-восточных районах Казахстана носила интенсивный характер, позволяя древним умельцам совер-

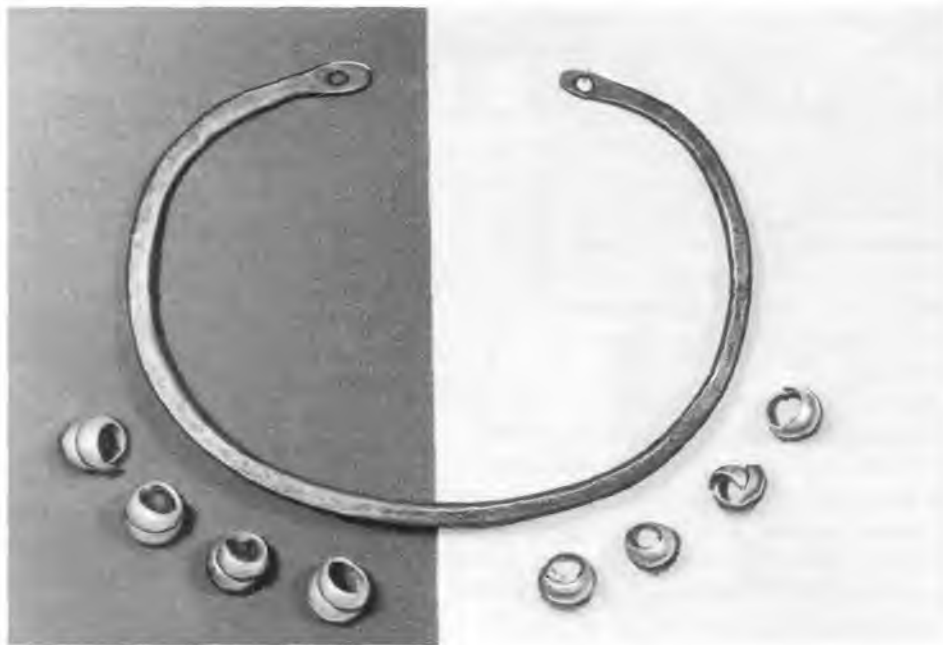

Рис. 193. Бронзовая гривна с золотыми кольцами (Жиланды)

шенствовать мастерство и создавать образцы древнего ювелирного искусства.

Косторезное дело

Наряду с другими видами искусства в эпоху поздней бронзы в Центральном Казахстане широкое развитие получает косторезное дело, ставшее неотъемлемой частью домашнего ремесла (рис. 195).

Привлекают своей оригинальной формой тщательно обработанные костяные псалии, найденные при раскопках поселений Атасу и Шортанды-Булак. Первые псалии, в виде изогнутой костяной трубочки с обломанными концами, найдены в культурном слое жилища 4, затем жилища 21 Атасуского поселения 1, датированного концом средней бронзы (XIV—XIII вв. до н. э.). Они имеют три отверстия: среднее, более крупное, прямоугольно-овальной формы и два боковых, круглой формы и меньших размеров. Сходный костяной псалий с одним обломанным концом обнаружен в культурном слое жилища 21 Шортандыбулакского поселения Шетского района (рис. 195, 33). По тонкости и тщательности обработки шортандыбулакский псалий превосходит атасуские. Самобытные и оригинальные типы костяных псалиев встречены и в других памятниках Казахстана, например, в поселении Тасты-Булак (Актюбинская область)²⁹. В большом количестве найдены мягко полированные костяные трубочки, застёжки, пронизки, бусы,

нередко покрытые сплошным узором из мотивов глазчатых concentрических кружков, треугольников и ромбиков. Так, костяные цурки (застёжки) овальной формы с полушарными выступами на концах сплошь покрыты резным орнаментом из мотивов concentрических кружков (Алексеевское поселение)³⁰.

Сходные костяные цурки овальной формы с круглыми выпуклостями на концах, орнаментированные зигзагами, встречены в плиточном мавзолее 2 Бегазы, более скромный экземпляр — в поселении Малая Красноярка³¹.

Другой тип костяной застёжки, ребристой формы, с гофрированными боками обнаружен в том же мавзолее. С ней очень сходна ребристая пронизка, найденная в ограде 7 группы Айшрак (рис. 195, 39). Для изготовления костяных пронизок часто употреблялись тонкие трубчатые кости птиц или мелких степных зверей, которые при тщательной обработке и мягкой полировке приобретали благородный вид. Такие костяные пронизки цилиндрической формы без орнамента найдены в мавзолее Бегазы, в группе Айшрак I, в Алексеевском поселении I, в Каркаралинском поселении II. Одна из каркаралинских пронизок имеет кружковый орнамент (рис. 195, 2).

Особенно примечательны костяные пронизки в виде вытянутой головы коня, сделанные в тонкой манере. Они найдены в культурном слое Алексеевского поселения³². В этом миниатюрном изделии характерные элементы конской го-

ловы — челка, грива и лоб — обозначены условными штрихами из рядов миниатюрных треугольников.

Среди костяных изделий есть немало предметов высокохудожественных. К ним относятся футляры-игольники из трубчатых костей животных, резные накладки, пластинки и др. Обращает на себя внимание метаподия лошади, украшенная резным орнаментом из ромбических и треугольных фигур. Она обнаружена в культурном слое жилища 14 Шортандыбулакского поселения (рис. 195, 38).

Образцом косторезного искусства является тонкая трубочка (игольник) из трубчатой кости птицы, вся покрытая циркульным орнаментом в виде рядов concentрических кружков с точкой посередине, выполненным острым инструментом. Резных кружков на ней 8. Найдена трубочка в плиточном мавзолее 5 Бегазы. Аналогичный игольник, украшенный резным кружковым орнаментом, обнаружен в культурном слое жилища 1 поселения Каркаралы II.

Очень тонкой полировкой отличается костяная пуговица полушарной формы с петелькой на тыльной стороне, найденная в культурном слое жилища 14 Шортандыбулакского поселения. По тщательной обработке видно, что вместе с застежками, описанными выше, она служила украшением одежды. Более поздние их варианты обнаружены в большереченских памятниках Верхней Оби³³.

Памятники искусства резьбы по кости наиболее ярко представлены в поселениях Атасу, Шортанды-Булак и Каркаралы II. Судя по находкам, наиболее искусными мастерами резьбы по кости были древние жители поселения Шортанды-Булак. В культурном слое жилищ 14 и 21 обнаружены уникальные предметы: уже упомянутый костяной псалий, костяная накладка прямоугольной формы, разработанная тонкой резьбой по бордюру с солярным concentрическим кругом в центре. Основным художественным средством для ее украшения служили традиционные треугольные мотивы с удлинненными вершинами, напоминающими клинописные знаки (рис. 195, 24—27). Назначение остальных трех предметов точно установить трудно, тем более что два из них найдены в обломках. Судя по форме, это обломки рукоятки какого-то инструмента или оружия (шила, штампа, кинжала). Третий предмет представляет собой костяной циркуль с раздвоенными острыми концами, из которых один длинный, другой короткий. Он, по-

видимому, служил для нанесения резного орнамента по мокрой глине, а также для измерения линий и вычерчивания кружков. Один конец костяного циркуля сделан в виде круглой ручки с тонкой выемкой для петельки. Все три предмета богато орнаментированы тонкой резьбой из рядов миниатюрных треугольников, вершины которых идут то вверх, то вниз.

Костяное острие дугообразной формы с одним заостренным, другим круглым концом для нанесения орнамента обнаружено в кургане-ограде 7 в группе Айшрак Б. Здесь же, в ограде 4, найден костяной круг-выпрямитель с широким отверстием в центре. Такие же костяные выпрямители и их заготовки найдены в комплексах Бегазы, Былкылдак и в поселении Каркаралы II (рис. 195, 21). Тщательно полированное кольцо встречено и в Алексеевском поселении под Кустанаем. Тонко обработанные костяные выпрямители были необходимым инструментом лучников, воинов и охотников. Большой редкостью является чарка цилиндрической формы, с плоским дном, прямыми стенками и тщательно полированной поверхностью. Она сделана из дистального конца трубчатой кости крупного животного и найдена в культурном слое жилища 14 Шортандыбулакского поселения.

Находки уникальных памятников резьбы по кости составляют исключительную особенность поселений Центрального Казахстана. Такие предметы, как циркуль, штамп, чарка, футляры, орнаментированные декоративным узором, характерны только для Центрального Казахстана.

Надо отметить, что костяные пластинки, орнаментированные геометрическими узорами, встречаются в памятниках более раннего времени (верхний палеолит, неолит)³⁴.

Художественная обработка трубчатых костей животных и особенно лошади приобретает широкое распространение в эпоху бронзы. Жители металлургических поселений Центрального Казахстана очень ценили трубчатые кости животных, особенно лошади. Метаподии с хорошо подтесанной поверхностью или в виде заготовок были найдены неоднократно на стоянках Джезказгана³⁵, в Садчиковском поселении³⁶, в поселениях Атасу I, II (8), Каркаралы (6), Шортанды-Булак (6), Бугулы II (3). Метаподии лошади со следами обработки обнаружены в поселении Малая Красноярка³⁷, в погребениях эпохи бронзы на Кольском полуострове³⁸, на Енисее³⁹.

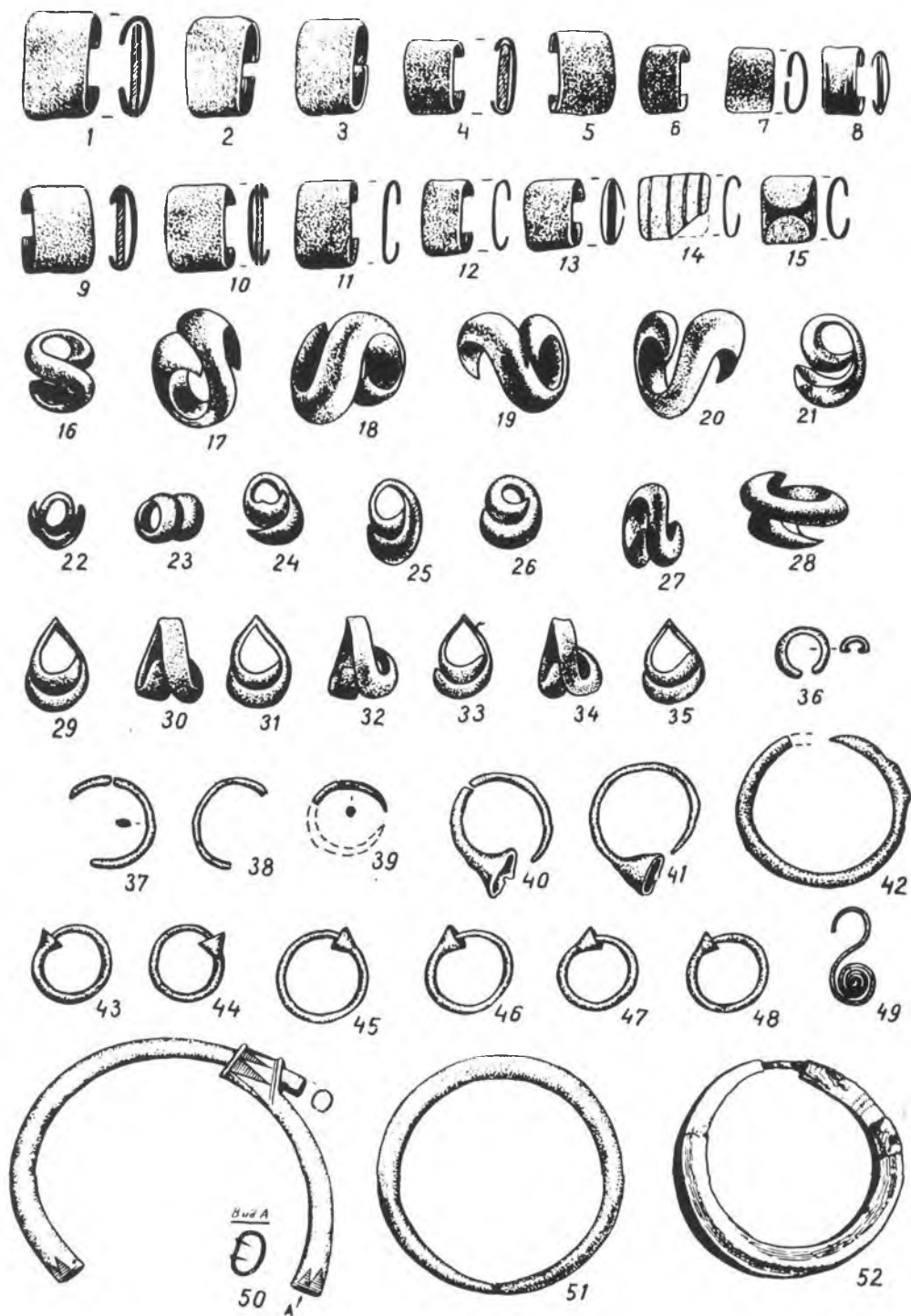

Рис. 194. Золотые украшения эпохи бронзы: 1–15 – обоймы в бронзовой основе, покрытые золотым листом (1–10, 14 – Айшрак; 11–13 – Аксу-Аюлы 1; 15 – Алексеевское поселение); 16–36 – бронзовые спиральные кольца, покрытые листовым золотом (16–20, 29, 31 – Айшрак; 21, 22, 36 – Жамбай-Карасу; 23 – Жиланды; 24–26 – Былкылдак; 27, 28 – Бегазы; 30, 32, 34 – Аксу-Аюлы; 33, 35 – Жанайдар); 37, 39 – золотые серьги малых форм (37, 38 – Айшрак; 39 – Бегазы); 42, 51, 52 – большие золотые серьги, закрученные на деревянной основе (42 – Бегазы; 51 – Боровое; 52 – Павлодарский музей); 40, 41, 43–48 – золотые серьги с раструбом (40, 41 – Сангру II; 43–48 – Боровое); 49 – золотая серьга со спиралью (Мырзашоки); 50 – золотой орнаментированный браслет (Айбас-Дарасы)

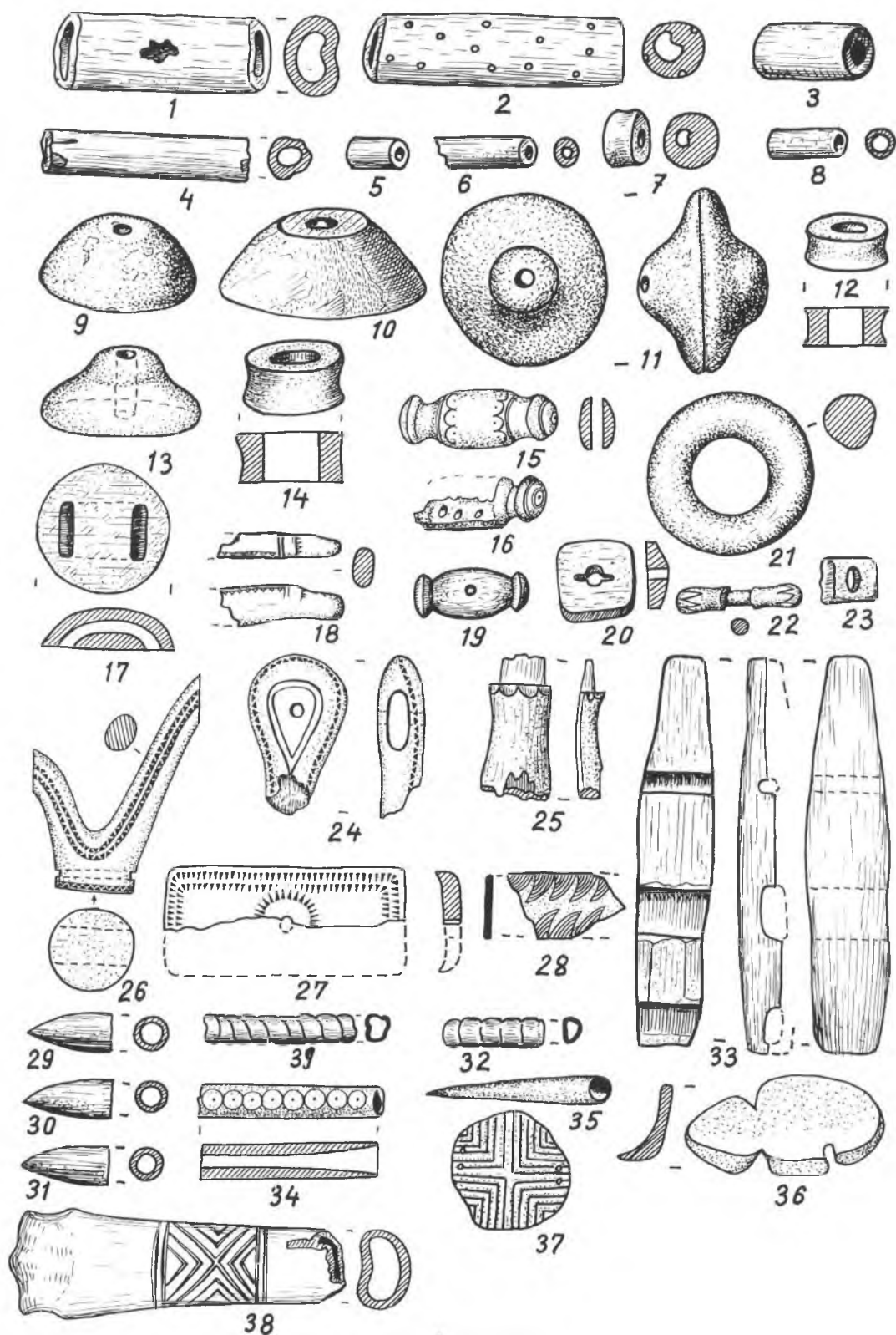

Рис. 195. Резьба по кости эпохи бронзы: 1, 2, 8, 9, 13 — Каркаралы; 1, 3, 5, 12, 14, 34 — Бегазы; 4, 6, 15, 16, 18, 21 — Алексеевское; 7, 11, 17, 24—31, 33, 38 — Шортанды-Булак; 10, 11, 32, 35, 36 — Айшрак; 20, 23 — Сангру; 22 — Дандыбай; 37 — Боровое

В заключение можно сделать вывод, что обработка кости и искусство резьбы по кости были одним из развитых ремесел в Центральном Казахстане в период наивысшего развития культуры бронзы, особенно на бегазы-дандыбаевском этапе (X—VIII вв. до н. э.). Дальнейшее развитие искусство резьбы по кости получило в раннесакское время (VII—VI вв. до н. э.). Конкретным примером этого являются находки резных костяных изделий, в том числе псалий из могильников Тасмола V и VI, зооморфных фигур из могильника Нурманбет II и т.д.

Керамика

О достижениях культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана наиболее яркое представление дает керамика, достигшая своего расцвета в бегазы-дандыбаевское время. При отсутствии письменных материалов керамика является верным источником, при помощи которого можно установить хронологические рамки исторических этапов, ибо керамика лучше сохраняет черты производства отдельных периодов⁴⁰.

Подобно архитектуре разных исторических этапов, керамика каждого периода бронзы характеризуется типологическим своеобразием, господствующей формой орнаментации и способом изготовления.

За последнее время накоплен огромный керамический материал, изучение которого позволяет выявить характерные черты не только керамического искусства, но и вообще культуры бронзы в Центральном Казахстане с конца эпохи неолита (V—IV тысячелетий до н. э.) до раннего железа. Исключительный интерес представляют открытие и изучение многочисленных неолитических стоянок и поселений эпохи бронзы, материалы которых хорошо отражают историю и хронологические рамки четырех основных этапов: неолита, ранней, средней и поздней бронзы.

Самая ранняя керамика, обнаруженная в Центральном Казахстане, относится к позднему неолиту и энеолиту. Значительное число этой керамики в виде отдельных фрагментов собрано на дюнных и речных стоянках Бетпакдала 2⁴¹, в частности на стоянках Касалбайдын-Табаны, Итольген, Нарольген, Тарозек, Коскудук, Шыбынды, Жаман-Айбат. Это, в основном, фрагменты небольших банкообразных сосудов ручной лепки с характерным ямочным и линейным орнаментом. Такие же обломки ранней (энеолитической) керамики найдены в дюнах Жеты-Конура, Карабу-

лака и Самен-Кума. Обе поверхности таких черепков желто-серого цвета, толщина стенок 6 мм. Сходная керамика грубой лепки вместе с кремневым инвентарем собрана на стоянках р. Сарысу (Борыбас, Туздысай, Басуйган ит. д.).

Энеолитическая керамика в значительном количестве собрана Н. В. Валукиным при обследовании стоянок Джекказгана (1945—1949 гг.)⁴², на участках Златоуст, Беловское, на стоянках 46, 47, на террасовых стоянках Кресто-Север, Петрохолм, на стоянках Милькудука. Преобладают фрагменты баночных сосудов с прямой стенкой и ямочным, гладким или линейным орнаментом. Совершенно сходный характер имеет керамика, собранная с энеолитических стоянок Зеленая Балка, Караганда 15 (нижний слой), 22, 27, 34, 35 стоянок на р. Сарысу (Борыбас, Борыайнак, Кудайменде), р. Шерубай-Нура⁴³, Каркаралы II, V, VI, VII⁴⁴.

Сравнительный анализ материалов показывает, что энеолитическая керамика Центрального Казахстана очень близка к керамике дюнных поселений Тургайской степи, станций Саксаульская⁴⁵, Малый Узень⁴⁶, дюнных стоянок Иртыша⁴⁷ и Верхней Оби⁴⁸.

Наиболее яркие типы керамики ранней бронзы представлены в культуре нуринского этапа Центрального Казахстана, в памятниках Акшатау, Байбала I, Бугулы I (Шетский район), Канатас (Актогайский район), Сангру II (р. Атасу)⁴⁹, Ботагара (на р. Нура), Бесоба (р. Нура), Бурлук (бассейн р. Ишим)⁵⁰, Боровое⁵¹, Акмола (Павлодарское Прииртышье)⁵² и т.д. Керамика нуринского этапа представляет собой изящные сосуды с четким профилем, хорошо выраженной шейкой и красивым коническим поддоном (Бугулы I, Сангру II, Бурлук I, Боровое). Боковые поверхности сосудов нередко до дна покрыты роскошным ковровым орнаментом, выполненным мелким гребенчатым или гладко-линейным штампом. Характерными мотивами украшений ранней керамики являются косые заштрихованные треугольники (по венчику), горизонтальные желобки, опоясывающие шейку, сложные меандры с фестонами (Бугулы I, Сангру II, Акмола, Бурлук, Боровое), зигзаги, елочки, ряды миниатюрных треугольных вдавлений, нанесенных гладкими оттисками палочки (Бугулы I, Акшатау, Сангру II, Боровое, Бурлук, Акмола) (рис. 196). Характерным элементом украшения керамики нуринского этапа является Z-образная фигура, часто встречающаяся в керамике Акшатау, Сангру II, Борового, Бурлука, Акмолы. Керамика описанного типа

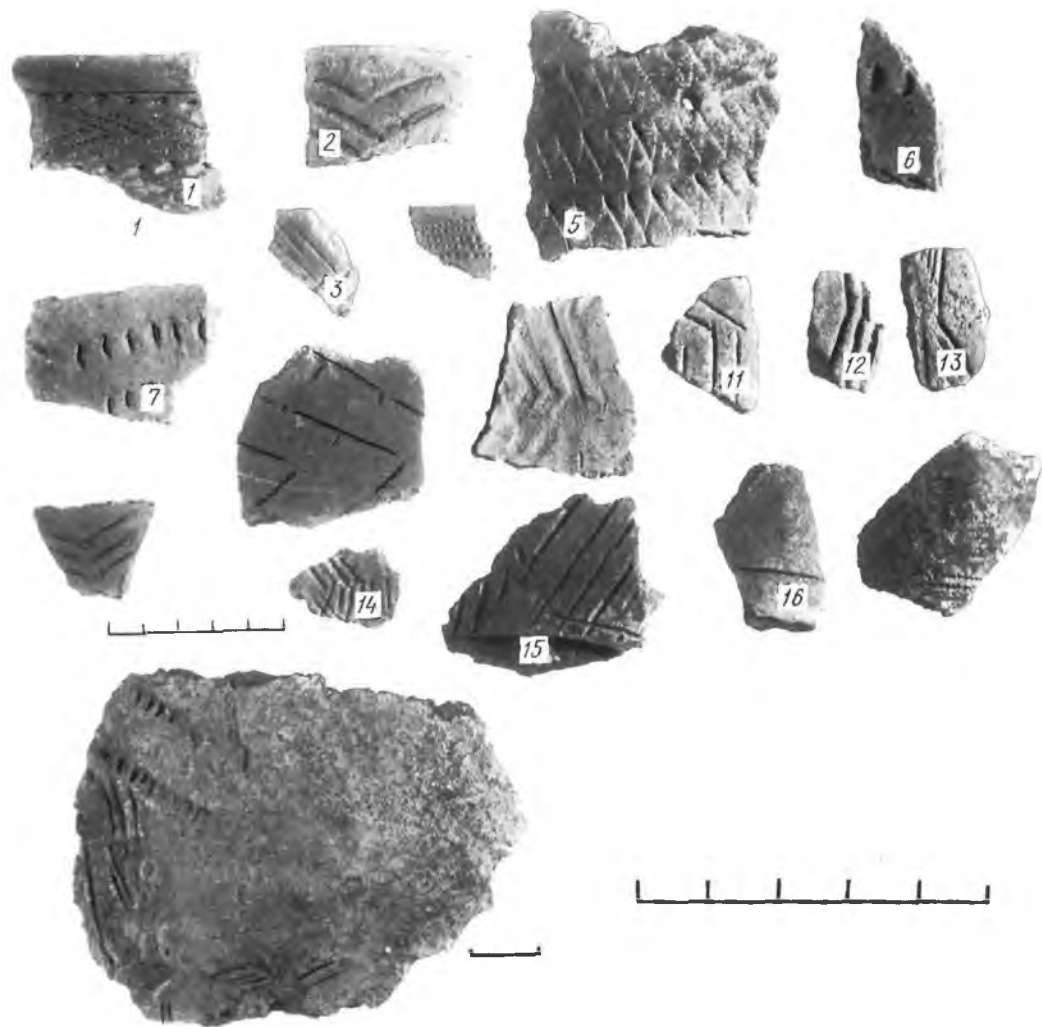

Рис. 196. Бугулы I. Керамика из жилища 28

совершенно самобытна, ранее ее формы неизвестны нигде, кроме Центрального, Северного и Восточного Казахстана. Более поздние встречаются в Юго-Восточном Приуралье, в районе лесостепей и в Сибири⁵³.

Керамика поздненуринского этапа наиболее ярко представлена в памятнике Сангру II Жанаркинского района. В этом регионе вообще преобладают памятники более позднего времени, т.е. атасуского и бегазы-дандыбаевского. Среди них Сангру II пока единственный, сохранивший черты культуры ранней бронзы, или поздненуринского этапа. Особенность керамики Сангру II состоит в том, что в ней имеются уже промежуточные типы, свидетельствующие о начале перехода от культуры эпохи ранней бронзы к культуре средней бронзы, т.е. к атасускому этапу⁵⁴.

Наряду с элегантными горшками с четким про-

филем, коническим поддоном и богатым орнаментом изготавливались горшки более скромные, с незатейливым орнаментом и без него. Промежуточные типы керамики прослеживаются и в группах Байбала, Былкылдак I и Канаттас. Примечательно, что такие же промежуточные типы керамики наблюдаются при переходе от атасуского (средняя бронза) к бегазы-дандыбаевскому времени (могильники Аксу-Аюлы, Балакулболды, Беласар, Айшрак Б, Егизек, Ортау II, Байбала II и т.д.). Этот факт дает поразительно точную картину последовательного развития культуры бронзы от простой к высшей форме.

Керамика атасуского этапа (XVI—XIII вв. до н. э.) отличается от керамики ранней бронзы многообразием форм, крупной величиной и значительной емкостью⁵⁵. В основном это горшки, банки, котлообразные сосуды. Самые крупные из

них имеют высоту 28—30 см, диаметр венчика 32—33 см, диаметр дна 12—15 см и больше; самые маленькие соответственно 12—14, 15, 7 см. Все сосуды обычно плоскодонные с выпуклыми плечиками, нередко изогнутой шейкой и кольцевым поддоном. Таким образом, в профиле горшков атасуского времени еще сохраняются пережиточные черты, восходящие к керамике ранней бронзы Центрального Казахстана⁵⁶.

Особый интерес представляет большой сосуд вытянутой формы с выпуклым плечиком, высоким коническим поддоном и короткой шейкой. В более позднее время эта форма становится моделью для скифских бронзовых котлов⁵⁷.

В атасуское время появляются зачатки напеленных валиков по шейке сосуда, которых в керамике ранней бронзы не было и которые становятся типичными для керамических сосудов бегазы-дандыбаевского времени. Оригинальный уступ, отделяющий шейку сосуда от тулова, характерен для большой серии остроребрых горшков с резко выступающими плечиками и хорошо выраженной шейкой. Этот тип сосудов имеет сравнительно ограниченное распространение. Аналоги его встречаются в керамике Юго-Восточного Зауралья, срубной культуре Нижнего Поволжья. На Енисее такой посуды нет. По сравнению с нарядной керамикой ранней бронзы атасуская выглядит скромнее и проще. В то же время она не лишена художественного достоинства: ей присущи строгие пропорции и тщательная отделка всей внешней и внутренней поверхности. Все сосуды хорошо сглажены и тщательно полированы специальным лощилом, обильное количество которых найдено при раскопках могильников Айшрак, Бегазы I. Беласар, Егизек, Жамбай-Карасу, поселений Атасу, Бугулы I, II и т.д. Орнамент, выполненный гладким и мелкогребенчатым штампом, покрывает всю верхнюю половину сосуда (венчик, шейку, плечо и часть тулова). Господствующим сюжетом рисунка являются геометрические узоры, часто прямоугольные и равнобедренные треугольники (по венчику, шейке), каннелюры, меандры (на шейке), зигзаги, сложные меандры и фестоны (по плечу и верхней части тулова)⁵⁸.

Более четкой формой и богатым орнаментом отличается керамика Каркаралинского, Прибалхашского (Карасай, Кзылшоқы) районов и бассейна р. Сарысу (Айшрак, Егизек, Ортау).

Хотя в своих главных чертах керамика атасуского этапа еще сохраняет традиции керамического производства ранней бронзы, в ней появляются новые элементы, представляющие собой

переходный тип от средней бронзы к поздней. Очень выразительные формы сосудов переходного типа, отличающиеся от подлинно андроновских по форме и орнаменту, обнаружены в группе Айшрак Б, курган-ограда 6, 11; в Аксу-Аюлы II, курган-ограда 3; в Балакулболды Б, курган-ограда 3; в группе Егизек II, ограда, 2, 23; Беласар, ограда 2, 6. Это приземистые, шаровидные кувшины с плоским и кольцевым дном, ярко выраженной шейкой, прямым венчиком, слегка срезанным сверху и отогнутым наружу. Как правило, в группе Айшрак Б диаметр сосудов больше высоты. Орнамент еще сохраняет андроновскую традицию и в то же время отличается выразительностью и большим тактом нанесения рисунка, введением элементов крупного гребенчатого штампа, более выразительных каннелюр, параболических, полукруглых вдавлений, орнаментальных мотивов типа метопов древнегреческих ордеров, прямоугольных волют и т.д. Словом, отчетливо проявляются законы гармонии.

Большим своеобразием отличается керамика групп Егизек I, II. Здесь впервые обнаружены мискообразные сосуды двух типов: приземистые шаровидные, на высоких конических поддонах, с ярко выраженной шейкой и слегка уплощенным венчиком, отогнутым наружу (Егизек I, ограда 23, сосуды 3, 4, 5), и очень нарядные, шаровидной формы, с коротким кольцевым поддоном (Егизек II, ограда 2, сосуды 6, 7). У всех мисок диаметр значительно больше высоты. Выразительно изогнутая шейка и узкий поддон придают мискам особую привлекательность, подчеркивая их изящный профиль. Орнамент выполнен крупными оттисками гребенчатого штампа. Выразительно сделаны каннелюры по шейке, а также параболические, полукруглые и треугольные вдавления, нанесенные специальным штампом. Их бытование в конце средней бронзы свидетельствует о появлении нового типа сосудов, по форме близкого к сосудам бегазы-дандыбаевского времени.

Высший расцвет культуры эпохи бронзы в Центральном Казахстане происходит на последнем ее этапе, в период поздней бронзы, на основе дальнейшего развития металлургии, продуктивного скотоводства и домашнего ремесла. Керамика этого времени отличается неповторимым своеобразием. Четкая формовка и богатый орнамент говорят о высокохудожественной работе керамистов Центрального Казахстана в предскифское время. Ими создана яркая керамика Бегазы, Сангру, Дандыбая, Айбас-Дарасы

и др. Она не имеет себе аналогов ни в керамике замараевского круга памятников, ни в срубной культуре Нижнего Поволжья, ни в керамике Верхней Оби и Томского могильника, ни в карасукской культуре Енисея. Это совершенно самостоятельная в своем развитии и своеобразная керамика.

Памятники керамического искусства бегазы-дандыбаевского времени представлены чрезвычайно богато в поселениях Атасу, Шортанды-Булак, Суук-Булак (Каркаралы III), Тагибай-Булак, а также в многочисленных надгробных сооружениях типа Бегазы. Наиболее значительные коллекции открыты в усыпальницах Бегазы, Сангру, Дандыбай (курган-ограда II), Айбас-Дарасы, Аксу-Аюлы, Беласар Б (курган-ограды 2 и 6), Бугулы II, III, Балакулболды Б, Егизек, Айдарлы, Кент, Былкылдак I Б, Айшрак и т.д. Обилие находок свидетельствует о значении керамических сосудов в быту в предскифское время. Их изготовление составляло одну из важных отраслей домашнего производства того времени.

Характерную черту керамики бегазинского этапа составляет большое разнообразие форм и орнамента. В каждом поселении или могильнике сосуды не повторяют друг друга, сделаны в особой манере. В условиях замкнутого домашнего производства каждый мастер лепил посуду по-своему, на свой лад. Все керамические сосуды изготовлены двумя способами ручной лепки. Плоскодонные формовались ленточным способом на плоской подставке: сначала кольцевое дно, а затем по восходящей линии его верхнее завершение. Среди многочисленного керамического материала сохранилось немало боковин с ясно выступающими следами спая кольцевых поясков. В качестве болванки использовался холщевый мешочек, наполненный песком. Об этом говорят отпечатки ткани на внутренних стенках некоторых сосудов.

Шаровидные и тонкостенные сосуды формовались способом выдавливания круглым камнем. Формовка сосудов способом выдавливания изнутри появляется в Центральном Казахстане на последних фазах атасуского и переходного этапов (шаровидные миски Айшрака Б, Балакулболды Б, Егизека) и широкое распространение получает в бегазы-дандыбаевское время. Формовка глиняных сосудов с помощью холщевого мешочка является особенностью Центрального Казахстана.

Другие два способа — ленточный и выдавливание из кома глины — распространены повсе-

стно в Казахстане, Сибири, на Урале и в Нижнем Поволжье.

Обширная серия керамических сосудов этого времени в основном делится на две группы: на тонкостенную столовую и на толстостенную кухонную посуду. Все тонкостенные сосуды вылеплены из тщательно приготовленной глины с примесью мелко измельченного гранитного песка.

Большинство тонкостенных сосудов имеет черный и красный цвет (Сангру 1, ограда 1, сосуды 1, 2, 3; Айбас-Дарасы, сосуды 1, 2, 3, 10; Бегазы, мавзолей 4, сосуд 4) и хорошо полировано гематитовым порошком. При изготовлении чернолощенной керамики часто использовался обугленный казеин, следы которого в виде органического вещества черного цвета сохранились на внешней поверхности изящных сосудов. Вполне вероятно, что после обжига сосуд еще в раскаленном виде погружался в жирное молоко, казеин обугливался, окрашивая сосуд в черный глянецовый цвет. Углем и гематитовой краской раскрашены горошины на некоторых сосудах Бегазы и одним горшке из Кентских гор Каркаралинского района⁵⁹.

Керамика, пропитанная черной краской, с глянцем найдена в гробницах Бегазы, Сангру, Айбас-Дарасы, Бугулы II и III. По сравнению с предыдущими этапами процесс изготовления гончарных изделий (выбор сырья, заготовка теста, формовка и обжиг) в это время стоял на более высоком уровне. Обжиг производился в особых горнах, устроенных в мастерских, остатки которых найдены в поселениях Атасу, Шортанды-Булак, Суук-Булак и т.д.

Кухонная посуда отличается более грубой лепкой, небрежным орнаментом или его отсутствием. Если толщина тонкостенных сосудов 3–5 мм, то толстостенных — 6–8 мм. В основном это котлообразные сосуды, различные типы гладкостенных горшков с шаровидным туловом и плоским дном (Бегазы, мавзолей 5, сосуд 4; Сангру 1, ограда 7, сосуды 1, 6; Сангру III, сосуд 2) (рис. 197). Характерным признаком кухонной посуды является присутствие на дне следов нагара пищи, копоти.

Разнообразием типов и необычайным богатством узоров отличается тонкостенная керамика, изготовленная с большим умением.

Основную типологическую группу тонкостенных сосудов составляют кувшины, вазы, миски, чашки, кубки (бокалы), чарки, плошки, горшки, сосуды типа чарок с ручкой, сосуды со сливным

носи́ком (Тагибай-Булак), сосуды в виде плоско-го конуса с прямым венчиком, круглым (Сангру I, ограда 7, сосуды 4, 5) или уплощенным дном (Дандыбай, сосуд 4). Множеством форм и вариантов выделяются элегантные кувшины с шаровидным туловом, прямым венчиком и плоским дном (Бегазы, мавзолей 5, сосуды 1, 2), кувшины шаровидной формы с высокой цилиндрической горловиной, уплощенным или круглым дном (Сангру 1, ограда 1, сосуд 2; Шортанды-Булак, жилище 21, сосуд 1). Различные варианты кувшинов шаровидной формы с хорошо выраженной шейкой, плоским, круглым или уплощенным дном встречены в мавзолее 3 Бегазы (сосуды 1, 2), мавзолее 4 (сосуд 4), в ограде 7 Сангру I (сосуды 2, 3), ограде 10 (сосуд 1), в кургане-ограде Айбас-Дарасы (сосуды 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 20, 22, 24), в кургане-ограде Бугулы III (сосуд 2), Дандыбай (сосуд 7) и т.д. Широко представлены сосуды типа ваз, украшенные самобытным, нарядным орнаментом. Среди них особо выделяется невысокая плоскодонная ваза, найденная в плиточном мавзолее 1 комплекса Бегазы. Ваза единственная в своем роде, поражает четкостью и красотой профиля, высокой, плавной шейкой, шаровидным туловом. Диаметр венчика и высота почти одинаковы. Орнамент в виде двух рельефных валиков идет вокруг шейки, между ними острием костяной пластинки тонко прочерчены горизонтальные волнистые линии. По плечу идут ряды жемчужного орнамента в виде четырех рельефно выступающих сосцевидных бугорков, сделанных налепом. Жемчужный орнамент окружен двумя concentрическими кругами из рядов мелких ямок.

Привлекает внимание еще одна ваза, найденная в ограде 1 Сангру I, с высоким цилиндрическим горлом, шаровидным туловом и уплощенным дном. Вся поверхность горла и тулова покрыта нарядным ковровым орнаментом, выполненным гребенчатым штампом, из узорных лент с косо́й штриховкой и круглым штампом, оставляющим оттиски в виде двойных concentрических кружков. Рисунок из узорных лент сделан ярко и выразительно. Штриховкой крупными оттисками гребенчатого штампа создан скромный, но очень привлекательный контрастный рисунок. Узорные ленты в виде трех параллельных линий опоясывают высокую шейку до ее основания и тулово в виде срезанных ромбов и треугольников. Гладкий фон ромбических и треугольных фигур заполнен глазчатыми кружками в виде горошин.

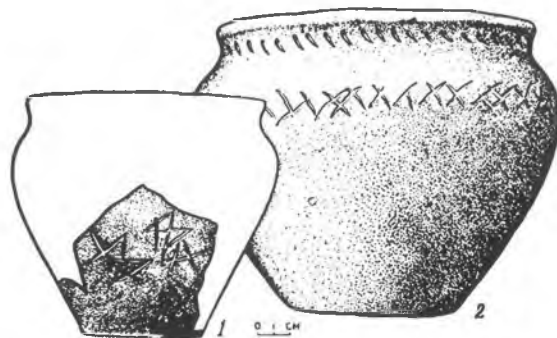

Рис. 197. Сангру III. Керамика из мавзолея 1: 1 — сосуд 2; 2 — сосуд 3

Интересна ваза, найденная в ограде 2 комплекса Беласар Б. Ваза яйцевидной формы с усеченными концами, четко выраженной короткой шейкой, налепным бортиком, сильно отогнутым наружу, рельефно выступающим коническим поддоном. Основным украшением ее служат глубокие параллельные желобки-каннелюры, из которых два опоясывают шейку сосуда, два — конический поддон и один — тулово. Последний делит сосуд на две равные части, по форме очень напоминающие две пиалы, сомкнутые устьями вместе. Значительное количество сосудов типа ваз найдено в памятниках Сангру III, Айбас-Дарасы, Бугулы II.

Довольно широко представлены емкие глиняные миски с характерным шаровидным туловом, низкой прямой или изогнутой шейкой, широким устьем с отогнутым наружу венчиком и плоским поддоном. Прототипы мисок с широким устьем встречаются в керамике конца атасуского этапа (Айшрак Б, Егизек) и получают распространение уже в памятниках переходного этапа (Беласар, Егизек II). Надо отметить, что миски из группы Егизек II, с широким горлом, вздутыми боками, изогнутой шейкой и кольцевым поддоном, носят архаические черты, восходящие к керамике нуринского этапа. Это проявляется, в частности, в профиле сосудов, в коническом поддоне и в орнаменте.

Высокохудожественные типы мисок обнаружены при раскопках памятников Сангру I (ограда 1, сосуды 1, 4; ограда 7, сосуд 2), Сангру III (ограда 1, сосуд 3), Бегазы (мавзолей 4, сосуды 1, 3), Айбас-Дарасы (сосуды 23, 26, 27). Самобытностью и новым принципом декора выделяется большая керамическая миска из Сангру I емкостью около 5 л, с четким профилем, высокой грациозной шейкой, налепным валиком треугольной

формы в сечении, характерным шаровидным туловом и плоским поддоном. Шейка плавно переходит в валик, слегка отогнутый наружу. За исключением венчика и донной части, поверхность сосуда сплошь покрыта великолепным ковровым орнаментом, выполненным гребенчатым штампом и гладким циркульным. Основным сюжетом рисунка являются прорезные крестообразные фигуры и горошины (по шейке), нарисованные на гладком фоне, а свободное пространство между ними заштриховано ромбической сеткой из пересекающихся линий. Ряды крестообразных фигур расположены в диагональном направлении, по три фигуры в каждом ряду, а начало каждого диагонального ряда отмечено рисунком горошины. Фоном здесь служит заштрихованное поле, по которому идет белый рисунок. Игрой тонов (белого и черного) достигается выразительность рисунка. Аналогов миска не имеет.

Большую серию тонкостенной керамической посуды бегазинского времени составляют малые ее типы, предназначенные для питья: кубки, чарки, сосуды типа пиалы (Шортанды-Булак), чашки. Все они изготовлены с большой тщательностью из тонкой глины и часто особым способом. Уникальные образцы кубков впервые найдены при раскопке памятника Дандыбай (курган-ограда 11). Оба оригинальных кубка, совершенно сходных по форме и орнаменту, формованы из глины, имеют высокий конический поддон и слегка отогнутый наружу валик. Конический поддон сделан отдельно, а затем соединен с основным корпусом сосуда⁶⁰. Орнамент выполнен мелким гребенчатым штампом в виде узорной ленты, опоясывающей сосуд восемью спиральными линиями. На поддоне кубка 2 тамгообразный знак, сделанный тем же гребенчатым штампом.

Очень широко представлены глиняные чарки — небольшие сосуды круглой формы с шаровидным туловом, круглым или уплощенным дном. Почти все чарки, как кубки и чашки, покрыты сплошным узором от шейки до дна. Орнамент выполнен разными штампами — гребенкой, ямочным, гладколинейным (лопаточкой) и др. Господствующим мотивом украшений являются узорные ленты и их комбинации, ряды круглых ямок-горошин, вертикальных зигзагов, создающих ряды елочек, сетки из косых пересекающихся линий, волнистые горизонтальные линии, треугольные вдавления, косые насечки и др. Чарки найдены в памятниках Бегазы (мавзолей 3, сосуды 1, 2, 3; мавзолей 4, сосуд 4), Сангру I (ограда 1, сосуды 3, 5; ограда 7, сосуды 4, 5; ограда 8,

сосуд 1), Айбас-Дарасы (сосуды 1, 3, 7, 10).

Сосуды типа пиалы встречаются сравнительно редко. Крупные фрагменты и один почти целый экземпляр найдены на дне жилища 14 поселения Шортанды-Булак, другой экземпляр — в мавзолее 4 комплекса Бегазы. Аналогичная шортандыбулакской пиала найдена М. П. Грязновым на выдувах Ближние Елбаны IV, относящихся к эпохе поздней бронзы⁶¹.

Чашки своей полусферической формой напоминают современную пиалу с расширяющимся кверху устьем, круглым или уплощенным дном, прямой шейкой, нередко с наlepным венчиком. Все чашки богато орнаментированы оттисками гребенчатого штампа. Орнамент состоит из узорной ленты, расцвеченной треугольными фигурками, кружками (горошины), ромбических сеток, зигзагов, горизонтальных линий, между которыми идут вертикальные оттиски короткого штампа, по форме напоминающие метопы греческого ордера (Айбас-Дарасы, сосуд 21; аул Кзылкент Каркаралинского района, сосуд 1). К редким памятникам керамического искусства эпохи бронзы Центрального Казахстана относится миниатюрный неглубокий сосудик-ковшик, или плошка, с прямой и уплощенной ручкой, найденный в могильнике Беласар (ограда 5, ящик 7). Сосудик без орнамента, с прямыми стенками, плоским дном и расширяющимся кверху устьем. Такие сосудики были широко распространены в скифское и гунно-сарматское время⁶².

Большое количество типологически различных керамических сосудов найдено в поселениях древних металлургов и скотоводов, особенно в культурном слое поселений Милькудук, Айнаколь, Соркудук, а также в древних карьерах Кресто, Златоуста, Беловского и Анненского⁶³. Большинство сосудов Джекказгана изготовлено из теста серо-желтого цвета с примесью песка. На поверхности ряда черепков сохранились следы сглаживания. Венчики прямые, закругленные сверху, нередко наlepные. Судя по обломкам боковин, часть лепных сосудов имела шаровидную форму, характерную для бегазы-дандыбаевского времени. В рисунках хорошо сохранились оттиски гребенчатого штампа, насечек, сложного меандра с E-образной фигурой на концах. Фрагменты тонкой лощеной керамики с гребенчатым штампом встречены на дне древнего жилища на участке Таскудук. Здесь же собраны обломки лепных сосудов, украшенных геометрическим узором. Судя по оттискам, орнамент был нанесен гребенчатым, ямочным, гладко-линей-

ным штампом. Налепные валики украшены насечками.

Среди множества фрагментов различных сосудов поселений Шортанды-Булак, Тагибай-Булак, Каркаралы II, III (Суук-Булак) и Атасу особо выделяются обломки шаровидных, острорезных и плоскодонных сосудов, часто с высокой шейкой и кольцевым поддоном, обломки сосудов с рельефным валиком по шейке. Большой интерес представляет встреченный впервые венчик сосуда с налипным ушком полукруглой формы. Сосуды с налипными ушками пока нигде не встречались, кроме Центрального Казахстана⁶⁴ (Атасу, Бугулы, Бегазы и Шортанды-Булак). Обильно представлены венчики с рельефным налипком, часто прямые, орнаментированные насечками каплевидной формы, обращенные тонким концом вниз; венчики прямые, высокие, украшенные особым штампом, оставляющим отпечатки лапчатой формы; венчики с двойным налипком и горизонтальными желобками; налипные венчики, прямые и высокие, орнаментированные косыми насечками, рядами косых прерывистых линий, сложной косоугольной сеткой и т.д. На обломках керамики сохранились отпечатки разных штампов: гребенки ямочного штампа, оставляющего отпечатки в виде горошин, ногтевые, полукруглые, линейные, фигурные. В рисунках доминируют ленточные узоры, косоугольные сетки, насечки, зигзаги, елочки, черно-белые полосы, имеющие тоновое значение. Кроме общеизвестных в керамике поселений Шортанды-Булак и Атасу встречены отпечатки совершенно неизвестных штампов, отсутствующих в других районах распространения бронзовой культуры. Это штампы двулапчатой и каплевидной формы, штамп, оставляющий круглые отпечатки в виде горошин.

Сходный штамп, сделанный из тонкой трубчатой кости птицы, с одним круглым, полым изнутри, и другим заостренным концом, был найден в Айшраке Б (кургане-ограде 7). Этот штамп был рассчитан на нанесение резных линий и круглых горошин. Встречены отпечатки еще ряда штампов, оставляющих Х-образные, полукруглые, подковообразные и ногтевые вдавления.

Типологически совершенно сходна с шортандыбулакской керамика поселений Суук-Булак (Каркаралы III) и Тагибай-Булак (Баянаульский район). В последнем больше встречаются обломки сосудов с высокой изогнутой шейкой, рельефным валиком и крупными насечками на них. В керамике поселения Тагибай-Булак доминируют толстые налипные венчики, часто отогнутые наружу, украшенные жемчужным орнаментом, или

рядами бугорков, выдавленных изнутри. Среди многочисленных фрагментов различных сосудов особо выделяется крупный обломок сосуда с хорошо выраженным сливным носиком конической формы, украшенный по шейке тем же жемчужным орнаментом. Сосуд со сливным носиком в керамике эпохи бронзы встречается впервые.

Вместе с тем керамика поселения Тагибай-Булак носит сильно деградированный характер как по форме, так и по орнаменту: она грубовата, в ней нет тонких, изящных и лощеных сосудов. Это более поздняя керамика (VIII—VII вв. до н. э.), отражающая конец эпохи бронзы и начало железного века. Основным видом орнамента являются налипные валики и бугорки, выдавленные изнутри концом круглой палочки (так называемый жемчужный орнамент). По орнаменту керамика поселения Тагибай-Булак очень сходна с керамикой поселения Ближние Елбаны I, большереченской культуры Верхней Оби⁶⁵.

Это дает основание заключить, что культура поселения Тагибай-Булак полностью совпадает с концом бронзовой эпохи и началом раннесакской культуры в Центральном Казахстане.

Керамику поселений и могильников бегазыдандыбаевского времени объединяет общность форм и орнамента: хорошо выраженные прямые шейки сосудов, шаровидные тулова, налипные венчики, сетчатые и бугристые орнаменты, не свойственные предыдущим этапам бронзовой культуры Центрального Казахстана. Во всех случаях основным средством украшения являются различные типы штампов, при помощи которых созданы весьма сложные сюжеты и композиции.

Как уже отмечалось, для керамики бегазыдандыбаевского времени характерны налипные валики одинарные, двойные и тройные, часто рельефные, украшенные косыми насечками, защипами, наклонными продолговатыми вдавлениями, косоугольной сеткой, рядами Х-образной фигуры (Бегазы, мавзолей 4, сосуд 3). Налепные валики чаще встречаются на шейке тонкостенных нарядных сосудов. Многочисленные варианты налипных валиков встречены в керамике поселений Суук-Булак, Шортанды-Булак, Тагибай-Булак, Каркаралы II и Улутау. Не менее рельефные варианты налипных валиков встречаются и в керамике из надгробных сооружений, что подтверждает одновременность существования поселений и могильников. Сосуды с налипными валиками встречены в памятниках Бегазы (мавзолей 1, сосуд 2; мавзолей 3, сосуд 1; мавзолей 4, сосуд 3; мавзолей 5, сосуды 1, 2),

Сангру I (ограда 1, сосуд 1; ограда 2, сосуд 4; ограда 7, сосуды 1, 2, 13; ограда 10, сосуд 1), Бугулы III (сосуд 2), Айбас-Дарасы (сосуды 10, 13, 27, 29) и т.д. Налепные валики являются наиболее надежными элементами для датировки керамики и вообще памятников бегазы-дандыбаевского времени. В атасуской керамике налепных валиков еще нет, вместо валиков украшением шейки сосудов служат желобки-каннелюры. Валики появляются лишь в памятниках переходного этапа от средней к поздней бронзе, например, в керамике Атасуского поселения и поселения Бугулы II (XIII—XI вв. до н. э.). Другими важными элементами для датировки памятников бегазы-дандыбаевского времени являются некоторые редкие штампы, характерные только для Центрального Казахстана. Это штампы, дающие оттиски лапчатой фигуры, кружков в виде горошин, окрашенных черной краской, жемчужный орнамент в виде налепного бугорка, выдавленного изнутри. Характерными элементами украшения керамики переходного периода (Ортау, Егизек, Беласар, Атасу) и бегазы-дандыбаевского этапа являются ногтевые, полукруглые, подковообразные, треугольные вдавления, часто залитые черной краской. Применение различных по типу штампов и других средств обогатило сюжет рисунков и оказало влияние на технику нанесения орнамента, что привело к появлению новых черт в композиции рисунка.

В керамике Центрального Казахстана заштрихованная лента появляется в конце атасуского этапа и широко применяется в переходное время. Более ранние изображения узорной ленты встречены в комплексе Былкылдак I⁵⁶ и в ограде 6 группы Беласар. Некоторые элементы украшений (меандр с волютой и Z-образные фигуры) глубоко архаичны, генетически восходят к форме украшений керамики нуринского этапа (т.е. ранней бронзы). В качестве элементов декора в бегазинской керамике часто используются мотивы в виде мозаик угловых и подковообразных штампов (Бегазы, Айбас-Дарасы, сосуды 7, 13), полукруглые и ногтевых вдавлений (Бегазы, мавзолей 2, сосуд 4; мавзолей 4, сосуд 1; мавзолей 5, сосуды 1, 2, 4), которые

создают целый композиционный сюжет, сплошной ковровый орнамент.

Полукруглые или треугольные вдавления, как один из основных элементов декора появляются в керамике также конца атасуского этапа и особенно в переходное время. Эти элементы мы видим уже в керамике Айшрак Б (курган-ограда 11, сосуд 3), в группе Егизек I (сосуд 3, 4, 5), Егизек II (сосуды 6, 7), в поселениях Атасу, Бугулы II, Каркаралы II⁵⁷.

Все описанные элементы декора создают богатый орнамент. Характерно, что в технике изображения большое значение имеет контрастирование двух тонов — белого и черного. Однако все богатство декора в керамике бегазы-дандыбаевского времени этим не исчерпывается.

В целом в бегазы-дандыбаевской керамике происходит большое обновление художественной отделки, традиционный геометрический орнамент претерпевает коренные изменения, создается новый тип декора, основанный на игре тонов, на применении новых средств нанесения узоров. Впервые возникает идея применения в декоре росписной техники. Мотивы узоров в виде горошин и крестообразных фигур, выполненных росписной и прорезной техникой, не характерны для керамики ранней и средней бронзы. Это не традиционный геометрический орнамент, господствовавший веками, а фигурно-изобразительный, в котором заложено стремление передать целый сюжет, взятый из быта. Анализ керамики бегазы-дандыбаевской культуры показывает, что по своей форме и декору она совершенно своеобразна и самобытна. Вопреки мнениям некоторых ученых, бегазы-дандыбаевская культура развивалась совершенно самостоятельно, независимо от карасукской культуры Южной Сибири. Вся сумма богатейших научных данных по материальной культуре Бегазы-Дандыбая глубоко убеждает нас в том, что истоки ее надо искать не в Южной Сибири, а здесь, в древних центрах металлургии, и что правильнее будет говорить о влиянии не Карасука на Центральный Казахстан, а наоборот.

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 161.
- ² Хранится в Семипалатинском музее, кол. 1020/3.
- ³ Армстронг И. А. Семипалатинские древности.— ИАО, т. II, вып. 4. Спб., 1861, с. 271, табл. 1, 3.
- ⁴ Хранится в МАЭ, кол. 35—11.
- ⁵ Хранится в Омском музее, кол. 54/6.
- ⁶ Госэрмитаж, кол. 1138—1.
- ⁷ Госэрмитаж, кол. 1136—59.
- ⁸ Госэрмитаж, кол. 1122—84.
- ⁹ Хранятся в Усть-Каменогорском музее.
- ¹⁰ Хранятся в Семипалатинском музее, кол. 1231/1—34.
- ¹¹ Ядринцев Н. М. Описание сибирских курганов и древностей.— Древности ТМАО, 1883, т. IX, вып. 2/3, с. 181.
- ¹² Черников С. С. Восточный Казахстан, табл. LXV, 1.
- ¹³ Музей ИГН АН КазССР, кол. 11/644.
- ¹⁴ МАЭ, кол. 35—16, 17, 20, 68, 3211—1188, 928.
- ¹⁵ Руденко С. И. Башадарские курганы.— КСИИМК, вып. XLV, с. 36, рис. 15, 2.
- ¹⁶ Грязнов М. П. Первый пазырыкский курган. Л., 1950, с. 69, рис. 27, 2, 7; Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, с. 181, рис. 111.
- ¹⁷ Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время, с. 213, рис. 128, табл. VII, 1.
- ¹⁸ Там же, с. 97, рис. 49, с. 352, рис. 192; с. 353, рис. 195.
- ¹⁹ Минаева Т. М. Археологические памятники на р. Гияляч в верховьях Кубани.— МИА, 1951, № 23, с. 286, рис. 13, 1; Ростовцов М. И. Курганные находки. Оренбург, с. 44, табл. II, 7.
- ²⁰ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М. 1951, с. 198—200.
- ²¹ Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.—Л., 1962, с. 35, рис. 27.
- ²² Там же, табл. XXXII, 3, 5.
- ²³ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 242, табл. XXXVII, рис. 13—25, 28—31; Грач А. Д. Археологические раскопки в Сут-холе и Байтайге.— «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1959—1960 гг.», М.—Л., 1966, с. 98.
- ²⁴ Вайнштейн С. И. Памятники Казылганской культуры.— Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1959—1960 гг., табл. VIII, 7.
- ²⁵ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 66, рис. 12.
- ²⁶ Вайнштейн С. И. Памятники Кызылганской культуры, табл. X, 1—2; Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы, с. 56, рис. 5; с. 66, рис. 12.
- ²⁷ Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии, с. 140, рис. 13.
- ²⁸ Сенигова Т. Н. Отчет о работе Западно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г.— Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1. Алма-Ата, 1956, с. 55, табл. 1.
- ²⁹ Акишев К. А. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре).— В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 53.
- ³⁰ Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение, с. 87, рис. 22, 3.
- ³¹ Черников С. С. Восточный Казахстан, с. 234, табл. XXXIX, 6.
- ³² Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение, с. 87, рис. 22, 4.
- ³³ Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби, табл. XIX, 1.
- ³⁴ Карагандинский музей, ф. 62, кол. В. Е. Ясенечкой. Каркаралинская стоянка № 28: Гвоздовер М. Д. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки.— МИА, 1953, № 39, с. 205, рис. 10.
- ³⁵ Валукинский Н. В. Дневник № 171, л. 36, 76.
- ³⁶ Кривцова-Гракова О. А. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.), с. 164, рис. 14, 6; с. 165, рис. 15, 1—6.
- ³⁷ Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, с. 233, табл. XXXVIII, 3.
- ³⁸ Гурина Н. Н. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова.— МИА, 1933, № 39, с. 269, рис. 17, 4.
- ³⁹ Грязнов М. П. Неолитическое погребение у с. Батени на Енисее.— МИА, 1953, № 39, с. 333, рис. 1—3.
- ⁴⁰ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, с. 326, рис. 19; с. 329, рис. 22, 23; с. 342, рис. 35; с. 397, рис. 62.
- ⁴¹ Коллекция В. Г. Григорьева хранится в Карагандинском и частично в Центральном музеях КазССР, коллекция А. А. Слудского — в музее ИИАЭ АН КазССР, А. В. Мухли, А. Х. Маргулана и М. Н. Клапчука — в Карагандинском музее; коллекция В. А. Селевина передана проф. М. Е. Массону (Ташкент).
- ⁴² Валукинский Н. В. Дневник № 171, л. 36, 36 об., 41, 41 об., 72 об.; № 176, с. 39, 90, 130; № 177, с. 82, 84, 87; Дзержазганский музей, инв. № 1207—12073, 12300—12395, 12816, 12817, 13404, 16301, 16751—16760, 18126.
- ⁴³ Клапчук М. Н. Отчет по открытию и охране археологических памятников Центрального Казахстана.— Архив ИИАЭ АН КазССР, ф. 220, с. 2, 5; Он же. Материалы к археологии Центрального Казахстана (Рукопись).— Архив ИИАЭ АН КазССР, ф. 185, табл. 33, 6—8; табл. 35, 12; Он же. Отчет об археологических исследованиях в Центральном Казахстане в 1967 г.— Архив ИИАЭ, ф. 248, с. 4.
- ⁴⁴ Карагандинский музей, кол. 61/34, 38; 62/1, 65/1, 66/6.
- ⁴⁵ Формозов А. А. Энеолитические стоянки Кустанайской области и их связи с ландшафтом.— БКИЧП, 1950, № 15, с. 64—75; Он же. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане.— КСИИМК, 1949, вып. 25, с. 49—58.
- ⁴⁶ Синицын И. В. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане.— КСИИМК, 1952, вып. XLV, с. 72—73.
- ⁴⁷ Чалая Л. А. Озерные стоянки Павлодарской области

ти. Пеньки 1,2 — В кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 163—181, рис. 7, 8, 10, 11.

⁴⁸ *Грязнов М. П.* Древняя история племен Верхней Оби.

⁴⁹ *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана, с. 62, табл. 1, 1—6; с. 71, табл. IV; с. 282, табл. X, 1—5, 9—10.

⁵⁰ *Зданович С. Я.* Могильник эпохи бронзы Бурлук I. — В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 158, рис. 2, 1—8; с. 159, рис. 3, 1—10, 15.

⁵¹ *Оразбаев А. М.* Северный Казахстан в эпоху бронзы. — ТИИАЭ, т. 5. Археология. Алма-Ата, 1958, с. 283, табл. I, 1—15.

⁵² *Кадырбаев М. К.* Акмола — памятник андроновской культуры. — В кн.: Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, с. 99, табл. I, 1—11, II, 1—12.

⁵³ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири, с. 74, табл. VIII, 6—8.

⁵⁴ *Кадырбаев М. К.* Могильник Сангру II. — “Труды ИИАЭ Ан КазССР”, т. 12, 1961, с. 61.

⁵⁵ *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана, с. 279, табл. LVIII, 1—15.

⁵⁶ Там же, рис. 3, 7, 9, 11—13.

⁵⁷ *Маргулан А. Х.* Комплексы Былкылдак. — В кн.: По

следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 183, рис. 15, 2.

⁵⁸ *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана, с. 66, табл. III, 1–13; табл. LVIII, 1–15.

⁵⁹ *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана, с. 281, табл. LIX, 5.

⁶⁰ *Грязнов М. П.* Памятники Карасукского этапа Центрального Казахстана, с. 157, рис. 5, 1, 2.

⁶¹ *Грязнов М. П.* История племен Верхней Оби. табл. VI, 10.

⁶² Там же.

⁶³ *Валукинский Н. В.* Дневник № 177, л. 21, 55, 56, 153; № 176, л. 33, 38, 38 об.

⁶⁴ *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана, с. 217, табл. XXVI, 19; XXX; *Грязнов М. П.* Памятники Карасукского этапа в Центральном Казахстане, с. 155, рис. 16, 1.

⁶⁵ *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби, табл. X, 1–6, 8–9; табл. XIII, 1, 3–7, 9–10; табл. XIV, 8–9, 11–13.

⁶⁶ *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана, с. 279, табл. LVIII, 15.

⁶⁷ Там же, табл. XXV, XXX, XXXI, XXXV, XXXVI, LIX, 5.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный монографический труд явился результатом многолетних археологических исследований. Центральный Казахстан предстал перед нами местом средоточия большого количества уникальных памятников эпохи бронзы. Перед автором стояла задача изучения ряда вопросов, связанных с возникновением и развитием полиметаллического производства (меди) в этом регионе. Раскопки поздненеолитических стоянок Джекказгана обнаружили значительную серию каменных очагов, сложенных из медистого песчаника. При высокой температуре медистый песчаник, содержащий значительную долю меди, расплавляется, давая отеки. Человек, наблюдая за отеком расплавленной меди в домашнем очаге, научился плавить медную руду сначала на костре, а затем в специальных горнах и сыродутных печах.

Археологические исследования позволили выяснить истоки культуры бронзы в эпохе энеолита (со второй половины III тысячелетия). Памятники эпохи бронзы подразделяются на следующие этапы: ранняя бронза — нуринский — XVII-XV вв. до н.э. и атасуский — XIV-XIII вв. до н.э., переходный этап от андрона к поздней бронзе (XII—XI вв. до н.э.) и бегазы-дандыбаевский — X-VIII вв. до н.э. Каждый из этих этапов оставил свой глубокий, неповторимый след в виде многочисленных памятников.

Создателями этих памятников на протяжении всей эпохи бронзы являлись одни и те же степные племена. Сходство орудий труда и быта, особенности и общее развитие форм погребальных сооружений, хозяйство и культ верований свидетельствуют о глубокой преемственности между культурами этой эпохи.

В отличие от карасукской бегазинскую культуру представляет обширная серия памятников: древние рудники Джекказган (Кресто, Петрохолм, Златоуст, Раймунд), Саяк, Алабуга, Урпек, Имантау, Кзылэспе, Коунрад, Шакпак и т.д.; древние медеплавильные центры Джекказган (Милыкудук, Соркудук, Айнаколь), Саяк III, IV, Суук-Булак, Тагибай-Булак, Атасу, Шортанды-Булак, Каркаралы I, II и т.д.; крупные поселения (Бугулы I, II, Атасу I, Шортанды-Булак, Аккезен, Каркаралы I, II); остатки гидротехнических сооружений в виде плотин, арыков и каналов, запруд и огражденных водных бассейнов площадью 60—80 га; обширные некрополи и усыпальницы племенных вождей (Бегазы, Бугулы II, III, Аксу-Аюлы II, Сангру I, Дандыбай, Айбас-Дарасы и др.); поминальные и культовые сооружения в виде аллей

менгиров; бараньих камней, изваяний медведя, лошади, верблюда, хищников (Бугулы, Карасай, Койшоки, Сартабан, Канаттас, Аккойтас, Байконур, Теректыаулие и т.д.).

Материалы археологических исследований свидетельствуют о том, что бегазы-дандыбаевская культура имела генетическую связь с предыдущими этапами, хорошо прослеживается преемственность и хронологическая последовательность этапов бронзы. Это позволяет сделать вывод, что бегазы-дандыбаевская культура есть закономерный результат последовательного развития культуры бронзы от простых к более совершенным формам. Если в этническом составе племен Центрального Казахстана не произошло каких-либо изменений, то в быту и культуре этих племен наблюдался существенный прогресс, особенно значительный в архитектурно-строительном искусстве, керамике, обработке металла.

Исключительную особенность бегазы-дандыбаевского этапа составляет высокоразвитая каменная архитектура. Обширная серия грандиозных комплексов-усыпальниц представляет собой кульминационный этап развития бронзовой культуры. Древние строители, применяя скальные глыбы при сооружении мавзолеев, достигли изумляющего эффекта. Общую черту всех бегазинских сооружений составляет четко разработанная идея строительной конструкции, прежде всего кладка стен с облицовкой их громадными гранитными плитами, забутовкой и мощным укреплением их нижней части, создание контрфорсов, подпорок для стен, вертикальных опорных столбов, решение идеи шатрового перекрытия.

Поразительное сходство с бегазинскими скальными мавзолеями имеют сырцовые памятники Тагискена на Сырдарье. Возникновение тагискенских мавзолеев в долине древнего Яксарта — свидетельство начального этапа меридиональных перекочевков племен между Сырдарьей и Центральным Казахстаном, результатом чего явилось появление однотипных памятников. Циркуляция получает особенно широкий размах в период саков, гуннов, усуней, канглов и поздних кочевников.

Племена, населявшие Центральный Казахстан в эпоху бронзы, жили оседло, селились в речных долинах и на равнинах предгорий, имели жилища типа полуземлянок, вели многоотраслевое хозяйство, основу которого составляли скотоводство, мотыжное земледелие, металлургия и домашние промыслы.

Интенсивное развитие скотоводства подготовило почву для перехода сначала к яйлажному, а затем кочевому скотоводству.

Поселения эпохи бронзы в Центральном Казахстане располагались густой сетью в долинах рек Токраун, Нура, Сарысу, Атасу, Ишим, Селеты, Шидерты, Тундук, Жарлы и их притоков. Поселения нередко встречаются и в отдаленных от указанных речных долин местностях, в Северной Бетпакдале, Северном Прибалхашье, Джекказгане. Водоснабжение в этих райо-

нах осуществлялось путем устройства многочисленных колодцев и водосборных бассейнов, остатки которых сохранились в поселениях Джекказгана (Милькудук, Айнаколь, Соркудук) и Улутау.

Структура жилищ определялась коллективной формой хозяйства и принципом родовой организации. Патриархальные семьи жили под общей кровлей с общим очагом. Общими были хозяйственные постройки. Возле жилища, в специально построенных тамбурах, а нередко внутри жилых строений находились мастерские для плавки и обработки металла. Там же были и гончарные мастерские.

В конце бронзовой эпохи человек стремился вынести свое жилище из подземелья, прослеживаются остатки прочных наземных каменных жилищ (поселения Атасу, Бугулы I, II, Тагибай-Булак, Бегазы, Ортау). Появляются многокамерные жилые постройки, т.е. разделенные на ряд помещений с отдельными очагами (Аккезен, Бугулы I, II, Ортау, Бесоба, Каратомар, Тагибай-Булак, Атасу, Суук-Булак). При постройке жилищ использовались те же строительные приемы, что и при постройке мавзолеев. При строительстве жилых сооружений использовался один из двух принципов каменных конструкций: первый, восходящий к более раннему времени, состоял в том, что стены жилищ возводились из двух рядов крупных плит и валунов гранита, врытых вертикально в землю. Вторым представлял горизонтальную кладку из двух рядов. В обоих случаях внутреннее пространство между рядами забутовывалось обломками камней на глиняном растворе. В эпоху поздней бронзы в жилых строениях широко применялась и деревянная конструкция (Шортанды-Булак, Суук-Булак). В Джекказгане встречаются следы глинобитных стен.

Наиболее интересными предстают Джекказганские поселения, расположенные вблизи рудников, карьеров, выработок, отвалов, медеплавильных печей, остатков многочисленных хозяйственных и ирригационных сооружений.

Новые виды хозяйственной деятельности — уход за скотом и охрана общественного стада, добыча руды и плавка металла — выдвинули в общественном производстве на первое место мужчину. Главенствующая роль мужчины в производстве материальных благ и в общиннородовых отношениях породила идею почитания, обожествления отца-патриарха, старейшины. На этой основе создается культ предков, выразившийся в сооружении грандиозных надгробных памятников, устройстве алтарей. Более ранней формой верований было поклонение небесным светилам. Некрополи Центрального Казахстана, языческие храмы-святилища хранят следы почитания огня и небесных светил в виде изображения Солнца, Луны, звезд (Желтау, Батпаксу), остатков жертвенных кострищ, следов очищения огнем погребальной камеры перед помещением в нее усопшего (Бегазы I, Бугулы III, Сангру I, Айбас-Дарасы). В каменных склепах часто встречаются красная охра и сверху кусочки древесного угля, символизирующие сти-

хию огня и солнца (Балакулболды, Беласар). Наиболее яркие следы поклонения огню — в языческих святилищах поселений Бугулы I, II, Шлым на р. Нура, Ортау, Балакулболды, в гробницах Бегазы I, Бугулы III, Сангру I, Айбас-Дарасы. К наиболее древнему типу мегалитических памятников относятся менгиры. Как места древнего культа, они сохранились во многих районах Центрального Казахстана. В древности менгирами обозначали места открытого алтаря и жертвоприношений, где устраивались поминки и религиозные представления. Это были языческие святилища. У менгиров происходили обряды древних скотоводов, связанные с весенним окотом, а также земледельческие обряды, относящиеся к посеву и сбору урожая. Эти каменные глыбы прямоугольного или округлого сечения, вертикально врытые в землю, достигают высоты 2–6 и более метров. Они встречаются стоящими одиночно и в виде каменных аллей.

Традиции каменотесного дела восходят к неолиту. К эпохе бронзы человек пришел с тысячелетней практикой работы над камнем. С появлением металлических орудий древние умельцы могли более искусно обрабатывать камень, что проявлялось в изготовлении менгиров, более удобных каменных орудий, в первых попытках скульптурного изображения облика людей и животных.

Одним из главных занятий племен Центрального Казахстана была обработка металла. Бронзовые предметы обнаружены в обилии и повсеместно. Они представлены в виде орудий труда, предметов обихода и украшений. Большое количество бронзовых орудий труда было найдено при раскопках поселений древних металлургов (Атасу, Шортанды-Булак, Каркаралы, I, II, Степняк, Бестобе и т. д.): бронзовые кирки, ломы, кельты, вислообушные топоры. Была обнаружена большая серия бронзовых наконечников стрел и копий. Эти предметы имели не только прикладной характер, но являются произведениями искусства как по форме, так и по богатой орнаментации.

Художественная обработка металла доходит до высот подлинного искусства при изготовлении ювелирных изделий. Бронзовые украшения характеризуются законченностью форм, тщательностью обработки, миниатюрностью и скульптурностью деталей. Создаются многочисленные формы нашивных украшений, нередко богато орнаментированные традиционным пуансоном, рифлением, гофрировкой и т. д. Большое искусство древние ювелиры проявляли при изготовлении бронзовых бус и браслетов с коническим завершением в виде рельефных завитков. В бегазы-дандыбаевское время появляются бронзовые накладки в виде четырехлепестковой розетки. Разные варианты четырехлепестковых розеток в орнаменте или в виде металлических изделий позднее широко распространились среди кочевников, стали основной формой украшения предметов обихода, впоследствии четырехлепестковая композиция становится центральным элементом орнаментального искусства кыпчаков, затем казахов и кыргызов.

Интересную часть ювелирного искусства составляют украшения из зо-

лота — золотой браслет (Айбас-Дарасы), золотая серьга, ожерелье из крученого золота (Жиланды). Обильные находки бронзовых и золотых украшений свидетельствуют о том, что добыча золота и меди носила в центральных и северо-восточных районах Казахстана интенсивный характер, позволив древним умельцам эпохи поздней бронзы создавать шедевры ювелирного искусства.

О достижениях культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана наиболее яркое представление дает керамика. При отсутствии письменных материалов керамика является верным источником установления хронологических рамок. Подобно архитектуре керамика каждого периода бронзы характеризуется типологическим своеобразием, господствующей формой орнамента и способом изготовления. Керамические сосуды изготовлены двумя способами ручной лепки. Плоскодонные формовались ленточным способом на плоской подставке — сначала кольцевое дно, а затем по восходящей линии его верхнее завершение. Шаровидные и тонкостенные сосуды формовались способом выдавливания изнутри. Формовка глиняных сосудов с помощью холщевго мешочка, наполненного песком, являлась особенностью керамики Центрального Казахстана. Обширная серия керамических сосудов этого времени делится на две группы: на тонкостенную столовую посуду и толстостенную кухонную. Кухонная посуда отличается грубой лепкой, небрежным орнаментом или его отсутствием. Характерным признаком кухонной посуды является присутствие на дне следов нагара пищи, копоти. Основную типологическую группу тонкостенных сосудов составляют кувшины, вазы, миски, чашки, кубки, чарки, плошки, горшки, сосуды со сливным носиком.

Керамику бегазы-дандыбаевского времени объединяет общность форм и орнамента: хорошо выраженные прямые шейки сосудов, шаровидные тулова, чуть отогнутые венчики, сетчатый и бугристый орнамент, не свойственный предыдущим этапам бронзовой культуры Центрального Казахстана. Керамика бегазинского этапа отличается самобытностью, неповторимым своеобразием.

В заключение необходимо сказать, что бегазы-дандыбаевская культура развивалась совершенно самостоятельно, независимо от карасукской культуры Южной Сибири. Вся сумма богатейших научных данных по материальной культуре Бегазы-Дандыбая убеждает в том, что истоки ее надо искать не в Южной Сибири, а здесь, в древних центрах металлургии, и что правильнее говорить не о влиянии Карасука на Центральный Казахстан, а наоборот.

ҚОРЫТЫНДЫ

Оқырманға ұсынылып отырған бұл монографиялық еңбек — көп жылдық археологиялық зерттеулердің нәтижесі. Орталық Қазақстан — қола дәуірінің сан алуан ғажайып ескерткіштері көп кездесетін өлке. Автордың алдында осы өлкедегі түсті металл(мыс) өндірісінің басталуы мен дамуының бірқатар мәселелерін шешу міндеті тұрды. Жезқазған өңіріндегі неолиттің соңғы кезеңіндегі бірқатар тұрақтарды зерттегенде мысты құмдақ тастардан қаланған ошақтар табылды. Ішіне от көп жанғанда бұл тастардан мыс аққан. Осыны көрген адамдар алғаш мысты үйдегі ошақта, кейіннен арнайы көрікпен үрлейтін пештерде қорытып алуды үйренді.

Археологиялық зерттеулер Орталық Қазақстандағы қола дәуірі мәдениеттерінің басталуы мен дамуын анықтауға мүмкіндік берді. Оны негізінен үш кезеңге топтастыруға болады. Алғашқы пайда болу кезеңі (б. з. б. III мыңжылдықтың аяғы мен б. з. б. XVII ғасыр арасы); ортаңғы, өркендеп дамыған кезеңі: екі сатыдан — Нұра (б. з. б. XVII—XV ғасырлар) және Атасу (б. з. б. XIV—XIII ғасырлар); соңғы кезеңі: ол да екі сатыдан — соңғы кезеңге өтпелі сәт (б. з. б. XII—XI ғасырлар) пен Беғазы-дәндібай мәдениетінен (б. з. б. X—VIII ғасырлар) тұрады. Бұл кезеңдердің әрқайсысынан қалған айқын белгілер бізге таңғажайып мол ескерткіштер түрінде жетті. Бұл ескерткіштердің барлығы да сол даланың тайпа мүшелерінің қолымен жасалынған.

Еңбек және тұрмыс құрал-жабдықтарының ұқсастығы, шаруашылығы мен діни сенімдері, жерлеу құрылыстарының дамуындағы ерекшеліктер мен ортақ белгілер қола дәуірі мәдениеттерінің түбірінің бір, өзара жалғастығының тамыры терең екендігін көрсетеді.

Беғазы-дәндібай мәдениеті кезеңін сипаттайтын ескерткіштер Орталық Қазақстан өңірінен көп табылды. Олар: Жезқазған (Кресто, Петрохолм, Златоуст, Раймунд, Шакпақ т. б.) көне кен орындары; Жезқазған (Милықұдық, Сорқұдық, Айнакөл), Саяқ III, IV, Суықбұлақ, Тағыбайбұлақ, Атасу, Шортандыбұлақ, Қарқаралы I, II және басқа мыс балқыту орталықтары; Бұғылы I, II, Атасу I, Шортандыбұлақ, Ақкезең, Қарқаралы I, II сияқты аса ірі қоныс, мекендері; аумағы 60—80 га-ға жететін тоғандар, бөгеттер, тоспалар, арықтар мен каналдар т. б. гидротехникалық құрылыстар; үлкен қорымдар мен тайпа көсемдері жерленген зәулім кесенелер (Беғазы, Бұғылы II, III, Ақсу-Аюлы II, Саңғыру I, Дәндібай, Айбас дарасы т. б.); бата жасап, табыну сияқты діни салттарды өткізу орындары — менгирлер тізбегі; қойтас, тұлпартас, түйетас және аютас т. б. үй жануарлары мен жыртқыш

аң мүсіндері, тас бетіндегі таңбалы суреттер (Бұғылы, Қарасай, Қойшоқы, Сартабан, Қанаттас, Аққойтас, Байқоңыр, Теректі әулие т.б.).

Археологиялық зерттеу материалдары Беғазы-дәндібай мәдениеті қола дәуірі алғашқы кезеңдерінің тікелей жалғасы екенін дәлелдейді. Олардан қола дәуірі кезеңдерінің өзара байланыстары мен жүйелі хронологиялық дамуы жақсы көрінеді. Демек, Беғазы-дәндібай мәдениеті қола дәуіріндегі мәдениеттердің қарапайым түрінен, күрделі, жетілген сатысына өткен заңды жалғасты жетістігі деп қорытындылауға мүмкіндік береді. Бұл тайпалар ішінде нәсілдік өзгеріс болмаса да, тұрмысы мен мәдениетінде ерекше алға дамығандық аңғарылады. Олар, әсіресе, сәулет-құрылыс өнерінде, керамика жасау, металл өңдеу кәсібі салаларында анық байқалады.

Беғазы-дәндібай ескерткіштері құрылымының күрделілігімен, көрнектілігімен, сәулет құрылыстарын салудың жоғары техникасымен көзге түседі. Кең тараған аса ірі, ғажайып бейіт құрылыстары — оба, кесенелер бұл кезең қола дәуірінің ең жетілген, жоғары дамыған кезеңі екенін көрсетеді.

Көне құрылысшылар кесенелерді ірі қақпақ тастармен салуда аса үлкен жетістіктерге жеткен. Беғазы құрылыстары сыртын қақпақ тастармен қаптаған қабырғаларын қалауда, олардың іргесін мықтап бекітіп, арасын ұсақ тастармен толтыруда, контрфорстар қоюда, тік ұстындар тұрғызу мен шатыр пішіндес төбесін жабуда қалыптасқан құрылыс тәсілін еркін меңгерген.

Сырдария бойындағы балшықтан салынған Түгіскен кесенелерінің құрылысы, Беғазы тас кесенелерімен қатты ұқсас. Бұл жағдай малшы тайпалардың Сарыарқа мен көне Яксарт аралығында осы кезден бастап көшіп-қонып жүргенін көрсетеді. Осының нәтижесінде бір типтес кесенелер тұрғызу қалыптасқан. Кейін сақтар, ғұндар, үйсіндер, қаңлылар және кейінгі көшпелілер кезінде осылай көшіп-қону кең дамыған.

Қола дәуіріндегі Орталық Қазақстан тайпалары отырықшы болған. Қоныстары өзен бойлары мен тау аңғарларында салынған. Жартылай жертөлелер мен жер бетіндегі тұрғын үйлерде тұрған. Малшылық, теселі егіншілік, металлургия және ұсақ үй кәсіпшілігі басым, сан-салалы кәсіппен айналысқан. Мал шаруашылығының қарқынды дамуы біртіндеп көшпелі малшылыққа өтуге қолайлы алғышарт жасаған.

Қола дәуірі қоныстары Тоқырауын, Нұра, Сарысу, Атасу, Есіл, Сілеті, Шідерті, Түндік, Жарлы т.б. өзендері мен олардың салаларының бойына жиі салынған. Кейде өзендерден алыс, суы аз Солтүстік Балқашта, Бетпақдаланың солтүстігінде, Жезқазған өңірінде де кездеседі. Бұл жерлерде суды құдықтардан, қолдан жасаған су қоймаларынан алған. Мұндай құрылыстар Жезқазған (Милықұдық, Айнакөл, Сорқұдық) және Ұлытау қоныстарында ұшырасады.

Тұрғын үй құрылысы, рулық ұйым принципі мен ұжымдық шаруашылық негізіне сәйкес салынды. Патриархалдық бірнеше отбасы ошағы ортақ бір

үйде тұрды. Шаруашылыққа арналған құрылыстар да тұрғын жаймен бірге тұрғызылды. Үй жанынан салынған тамбурларда немесе үй ішінде металл балқытып, оны өңдейтін және керамика жасау шеберханалары да болған.

Қола дәуірінің соңына қарай үй жер бетіне тастан қаланып салынған (Атасу, Бұғылы I, II, Тағыбайбұлақ, Беғазы, Ортау). Жеке-жеке ошақтары бар көп бөлмелі тұрғын үйлер пайда болады (Ақкезең, Бұғылы I, II, Ортау, Бесоба, Қаратомар, Тағыбайбұлақ, Атасу, Суықбұлақ). Бұл үйлерді салғанда кесенелерді тұрғызу кезіндегі екі түрлі құрылыс әдістері қолданылған. Біріншісі — үйдің қабырғасын аса ірі гранит тастар мен плиталарды жерге екі қатар етіп тігінен көміп тұрғызу. Бұл Беғазы-дәндібай мәдениетінің алғашқы кезеңіне тән еді. Екіншісі — әдейі іріктелген тақта тастардан көлденең қалау арқылы салу. Үй салудың екі әдісінде де қаланып қалған қаптамамен екі арадағы қуыс тастардың ұсақ сынықтарымен толтырылған, лай құйылып, әбден тығыздалған. Төбе ішкі үй тіректеріне сай келетін жалпақ тастармен, пирамидалы-сатылы жақтау түріндегі бөренелермен жабылған. Үй салуда ағаш кеңінен қолданылған (Шортандыбұлақ, Суықбұлақ). Жезқазған қонысында қабырғалары саз балшықтан да тұрғызылған үйлердің қалдықтары сақталған.

Жезқазған қонысының тұрғындары үй мен қора-қопсы қалдықтары, бейіт құрылыстары мен көне рудниктер, мыс балқытатын пештер және басқа көптеген ескерткіштер қалдырды.

Мал өсіру, кен өндіру мен металл балқыту сияқты шаруашылықтың жаңа түрлері қоғамдық өмірде ерлерді жетекші орынға шығарды. Материалдық байлық өндірісі мен қоғамдық саладағы ерлер беделінің басым болуы, патриархалдық — үлкендерге құрмет көрсету, тайпа көсемдерін пір тұту дәстүрін туғызды. Осының негізінде ата-бабаға табыну салты қалыптасты. Ру-тайпа көсемдеріне арнап ғажайып бейіт құрылыстары салынып, биік обалар тұрғызылған.

Діни нанымның алғашқы түрі күн мен айға, жұлдыздарға табыну болған. Орталық Қазақстандағы қола дәуірінің зираттарында отқа сиыну белгілері сақталған. Күн мен ай, жұлдыз бейнелері Желтау, Батпақсу қоныстарынан, құрбандық шалған жердегі от орындары, мәйітті қояр алдындағы көр ішін отпен аластау белгілері Беғазы I, Бұғылы III, Саңғыру I, Айбас дарасы қоныстарынан табылған. Тас қабір ішінен күн мен оттың сұрапыл күшін бейнелейтін қызыл охра, ағаш көмірінің үйіндісі жиі кездеседі (Балақұлболды, Беласар қоныстары). Осындай діни наным белгілері Бұғылы I, II, Шылым, Ортау, Балақұлболды қоныстарындағы арнайы табыну орындары мен Беғазы I, Бұғылы III, Саңғыру II, Айбас дарасындағы қорымдар ішінде сақталған. Ертедегі мегалиттік ескерткіштердің біріне менгирлер жатады. Мұндай тәңірге табыну орындары Орталық Қазақстанда жиі кездеседі. Ерте заманда менгирлердің жанында діни салт-жоралғылар өткізілген, ас беріліп, құрбандық шалынған және тәңірге табыну орны белгіленген. Менгирлер басында ертедегі малшылар көктемгі мал төлдетуге, күйек алуға

т.б. арналған салттарын, егіншілер егін егу, астық жинау сияқты салт-жоралғыларын жасаған. Менгирлер тігінен көмілген биіктігі 2—6 м мөлшеріндегі төрт қырлы немесе жұмыр тас бағандар түрінде орнатылған. Олар жеке немесе тізбектеліп тұрғызылған.

Тас өңдеу кәсібі негізінен неолиттен бастау алады. Адам қола дәуіріне тас өңдеу ісіндегі мыңдаған жылдық тәжірибемен келді. Оның үстіне металл құралдардың пайда болуы көне шеберлердің тасты аса жоғары шеберлікпен өңдеуіне жағдай туғызды. Осының нәтижесінде менгирлер, жетілген тас құралдар және тастан тұрпайы қашалған адам мен жануарлар мүсіндері пайда болды.

Орталық Қазақстан тайпаларының басты кәсібінің бірі металл өңдеу болғанын мұнан табылған қола заттар айқын аңғартады. Олар: құрал-сайман, қару-жарак, әшекей бұйымдары. Қола қайла, сүймен, шот, балта сияқты құрал-саймандар, көне металлургтер қоныстарын (Атасу, Шортанды-бұлақ, Қарқаралы I, II, Степняк, Бестөбе т.б.) қазғанда табылды. Қоладан жасалынған жебе ұштары мен сүңгі де ұшырасып отырады. Бұл заттар тұрмыстық қажеттілігімен қатар өнер туындысы ретінде де құнды. Оларды жасаушы ұсталар заттың әсем болуына да назар аударған.

Әшекей бұйымдарын жасауда металл өңдеу өнері жоғары дәрежеге жетті. Әшекей бұйымдар сыртқы пішінінің әдемілігі мен өңдеуінің тиянақтылығы, мүсіндік бейнелілігімен ерекшеленеді. Әдеттегі пуансон, бұдырлау, гофрировка т.б. тәсілдермен көптеген әшекей бұйымдар түрлері дайындалған. Көне зергерлер қола моншақтар мен екі басын құрама бұршақпен әшекейлеген білезіктерді асқан шеберлікпен жасаған. Беғазы-дәндібай мәдениеті кезінде төрт жапырақты розетка түріндегі жапсырма әшекейлер пайда болды. Төрт жапырақты розеткалардың әр қилы түрлері ертедегі көшпелілердің өрнектері мен металл бұйымдарын әшекейлеу ісінде кең тараған. Кейіннен төрт жапырақты композиция қыпшақтардың, онан соң қазақтар мен қырғыздардың өрнектеу өнерінің басты белгісіне айналады.

Зергерлік өнердің қайталанбас туындыларының бірі алтыннан жасалған әшекей бұйымдар — білезік (Айбас дарасы қонысы), сырға және иіп жасалған алқа (Жыланды қонысы). Алтын мен қоладан жасалынған құралдардың, әшекей бұйымдардың көп табылуы Қазақстанның орталық және солтүстік батыс аудандарында мыс пен алтын өндірудің қарқынды түрде дамығанын көрсетеді. Осының арқасында қола дәуірінің шеберлері ғажайып өнер туындыларын жасаған. Орталық Қазақстанның қола дәуірінің жарқын ескерткіштерінің бірі — керамика. Жазба деректер болмағандықтан, керамика қола дәуірінің мерзімін көрсететін бірден-бір дерек көзі болып саналады. Сәулет құрылыстары сияқты қола дәуірі әр кезеңінің керамикасы өзіндік түрімен, әшекейімен және жасалу тәсілімен ерекшеленеді. Керамикалық ыдыстар екі түрлі тәсілмен жасалған. Түбі жалпақ ыдыстарды, алдымен түбін жасап, одан жоғары қарай таспа тәрізді саз балшықпен

дөңгелете қабырғасын көтерген. Шар тәріздес және жұқа ыдыстарды ішінен ойып, қабырғасын сығымдап, қысып шығарған. Керамиканы құм толтырылған кенеп дорбамен қалыптау — Орталық Қазақстан тұрғындарына ғана тән шеберлік. Керамикалық ыдыстар пайдаланылуына қарай ас ішетін және тамақ дайындайтын болып екіге бөлінген. Ас дайындайтын ыдыстардың қабырғасы қалың, дөрекі жасалынған, ұқыпсыз өрнектелген немесе әшекейленбеген. Қабырғасы жұқа ас ішетін ыдыстар сан түрлі — тостаған, кесе, құмыра т.б. Беғазы-дәндібай кезіндегі қоныстар мен зираттардағы керамиканың түрі мен өрнектері негізінен бірдей. Құмыралар тік мойынды, шар тәрізді сәл қайрылған ернеулі, торша тәрізді және бедерлі өрнектелген болып келеді. Бұл белгілер Орталық Қазақстан қола дәуірінің ортаңғы және соңғы кезең керамикаларында басым кездеседі. Олар өзіндік қайталанбас белгілерімен үздік өнер туындылары саналады.

Қорыта келе, Беғазы-дәндібай мәдениетінің Оңтүстік Сібірдегі Карасук мәдениетінен бөлек, өзінше дербес дамығанын атап өтуіміз керек. Беғазы-дәндібайдың материалдық мәдениеті туралы аса бай ғылыми мәліметтер жиынтығы бұл мәдениеттің бастауын Оңтүстік Сібірден емес, Орталық Қазақстандағы көне металлургия орталығынан іздеу керек екенін және дәлірек айтқанда, оның Карасук мәдениетіне тигізген зор ықпалын айқын аңғартады.

THE CONCLUSION

The present monography is the result of many years' archaeological explorations. The Central Kazakstan is facing up to us as a center of a number of unique monuments of the Bronze Age. The Author investigated a wide range of subjects which were connected with the origination and the development of the nonferrous metallurgy in Central Kazakstan.

The explorations of the late paeolithic settlements of the Dzhezkazgan discovered a sufficient amount of the stone hearths which constructed of the cupreous sandstone. At the condition of high temperature the cupreous sandstone is melting into the copper drops. The ancient man watching this process studied the method of the producing the copper primarily in home hearth and then later in special horned over.

The routes and ways of development of Bronze Age Culture in the Central Kazakstan had being discovered and determined during the archaeological explorations. There were distinguished three periods: early bronze – the end to 3rd thousand years B.C. till XVIII c.B.C., the Middle Advanced Bronze Age that consists on two stages: Nurinskii – XVII-XV c.c. B.C. and Atasu – XIV-XIII c.c. B.C. These two stages are equal to the relicts of Fedorovskii and Alakulskii stage of the South Ural Culture. The Late Bronze Age also consists on two stages: the transitional stage XII-XI and Begazy-Dandybai stage X-VIII c.c. B.C.. All of those stages gave to us unique relicts and different monuments which made deep steps in History.

The creators of all those monuments were the same nomad tribes during the Bronze Age. The similarity of the working tools, households, and the traditions of burying mounds, type of economy and religious denominations prove their cultural succession from each other.

The Begazy Culture differs from Karasuk's one by the wide series of the relicts: – the ancient quarries in Dzhezkazgan region as Kresto, Petrokhalm, Raimund, Sayak, Alabuga, Urpek, Imantau, Kzylespe, Kounrad, Shakpak and so on, the ancient settlements of the metallurgy in Dzhezkazgan region as Milykuduk, Sorkuduk, Ainakul, Sayak II, IV, Suuk-Bulak, Tagibai-Bulak, Atasu, Shortandy-Bulak, Karkaraly I, II and so on, the main settlements as Buguly I, II, Atasu I, Shortandy-Bulak, Akkezen, Karkaraly I, II, and so on, the ruins of artificial dams and channels, water reservoirs and pools which had areas up to 60–80 hectares, wide necropolises and mausoleums of the nobles and tribe'chiets (Begazy, Buguly II, III, Aksu-Aiuly II, Sangru I, Dandybai, Aibas-Darasy and so on) the memorizing alleys of mengirs, stone lambs, sculptures

of bear, hourse, camel, predators (Buguly, Karasai, Koishoky, Sartaban, Kanattas, Akkoitas, Baikonur, Terektiaulie and so on).

The materials of the archeological explorations gave to us the evidences of the genetical connection between Begazy-Dandybai and previous cultures, chronological succession of all stages of the Bronze Age. This gave to us the conclusion that Begazy-Dandybai Culture was the logical result of the developement of the bronze culture from the simplest to the more complex forms. We might make a statement that if there were no ethnical changes in the nomad tribes in the Central Kazakstan, a great progress had been done in life and culture of those tribes, especially in architecture and construction, producing ceramic and metal household articles.

Definitely the exeptional achievements during Begazy-Dandybai Culture were reaced in high developed stone architecture of complex mausoleums which is the culmination point of the development of the Bronze Age. The ancient constructors achieved amazing effects, applying the stones and rock boulders for the building up mausoleums. The streight construction idea is very common for all Begazy buildings, first of all the rough walling with granit slabs decorations and supporting them by vertical pillars.

The monuments of Tagisken by the Syrdaria river have an amazing similarity with the Begazy rock mausoleums. The appearance of the Tagisken mausoleums in the ancient Yaksart valley is the illustration of begining the roaming of the nomadic tribes between Syrdaria and the Central Kazakstan which brought to the appearance of the similar pattern monuments. The roaming gain in wide scope during the times of saks, gunnes, usuns, kangles and latest nomads.

The tribes inhabited the Central Kazakstan during the Bronze Age had being settled in the rivers' valleys, foothills' plans, had dwellings like dug-outs and multybrand economy based on cattle farming, hoe agriculture, metallurgy and household trades.

The intensive development of the cattle breeding became a base for the transforming it into the nomadic type of the cattle-breeding.

The Bronze Age settlements in the Central Kazakstan had been established like a network in the volleys of rivers Tokraun, Nura, Sarysu, Atasu, Ishim, Selety, Shiderty, Tunduk, Zharly and their tributaries. The settlements had been found also rather far from these rivers like at North Betpakdala, North coast of Balkhash lake, Dzhezkazgan.

The water supply had been done through the water collectors, wells, reservoirs which still might be found in ruins at Dzhezkazgan settlements like Milykuduk, Ainakul, Sorkuduk and Ulutau.

The structure of dwellings were determined by the collective forms of economy and the tribal organizational principle. The patriarchaecal families lived under the common roof and with common stove and the house keeping

constructions like workshops for handcrafting articles from metal and porcelain belonged to all members of the commune.

At the end of the Bronze Age an ancient man aspired to build up his dwelling on the ground, ruins of steady stone houses were found in the settlements Atasu, Buguly I, II, Tagibai-Bulak, Begazy, Ortau. There appeared dwellings with a number of rooms i.e. separated onto different rooms with ovens and stoves (Akkezen, Buguly I, II, Ortau, Besoba, Karatomar, Tagibal-Bulak, Atasu, Suuk-Bulak). The modes of construction of the houses were same like in building up the mausoleums. One of the two modes of construction was applied when living areas were built up. One consisted on the previous tradition of construction the mausoleums and was that rough walling from two lines of large granite slabs was covered with roof, and the second was that walls were done from stones with clay mortar with wide application the wooden constructions (Shortandy-Bulak, Suuk-Bulak). In Dzhezkazgan the clay mortar walls ruins were found.

The most interesting and attractive are the Dzhezkazgan settlements located close to the quarries, mines, carriers, domes ovens and ruins of irrigational constructions.

New trades like cattle breeding, securing the herds and flocks of communes, extracting the raw cupreous sandstone and melting the metal put the ancient man in the first role in social life. The main role of man in the production of value and in the relations within the commune raised the reverence deification the father-patriarch, the Elder. On that base the reverence of fore-father came into existence.

The reverence of deification demanded the construction of mighty gave monuments, altars.

The earliest form of religious faiths was the reverences to heaven stars and planets. Necropolises of the Central Kazakhstan, heathen temples keep the reflects of reverence of fire and planets in shape of the petroglyphs of the Sun, the Moon, the stars (Zheltau, Batpaksu) traces of the sacrifice fires, sanctifying the grave cameras with fire before burying the body. Very often remains of rattle and wood coal are found in stone burial vaults as the symbols of the fire and the sun (Balakulboldy, Belasar).

There were found the general heathen temples in the settlements Buguly I, II, Shlym by the river Nura, Ortau, Balakulboldy. The most ancient type of monuments were the mengirs as places of ancient religious they were found all over the Kazakhstan. They identified the places of ancient open altars and sacrifice places, the funeral rites and religious ceremonies. They were the ancient sanctuaries for the traditional rites and ritual ceremonies which were connected with the spring lambing time, sowing and harvesting. They were rectangle or oval stone blocks plunged into the ground with height from 2 up to 6 mtrs. They were set as single and stone alleys.

The stone processing tradition originated from neolith and the ancient man came into the Bronze Age with his a thousand' years stone work practice. It

became easier for them to process stone with the appearance the metal tools that helped to sculpture mengirs, animals, humans.

The main occupation of the tribes inhabited the Central Kazakstan was the metal processing trade. The bronze articles were found in big amount all over the area. Tools, household articles, decorations and jewelry, axes, crowbars, arrows, lances made from bronze were found during explorations of ancient metallurgy settlements Atasu, Shortandy-Bulak, Karkaraly I, II, Stepniak, Bestobe. They had been skilfully made with a rich ornamentation and design.

The metal handicraft art reached the highest point in jewellery production. The bronze decorations had the perfect forms, accurate details, diminutiveness in shape and reliefs. The ancient jewellers showed a significant art in producing beads, bracelets with relief scrolls from bronze. In Begazy-Dandybai time the laid on decorations in shape of four leaves appeared and had been widely spread between nomads, they became the main decoration of household items and later the four leaves composition became the central element of ornamental art of kipchaks, then kazak and kyrgyz nations.

An attractive part of the jewellery art had been formed by golden decorations—gold bracelet (Aibas-Darasy), golden ear ring, necklace (Zhilandy). Plenty discovered bronze and golden decorations prove that gold and copper production in the Central and North-East Kazakstan had been intensive.

The bright evidences and imaginations regarding the achievements of Bronze Culture in the Central Kazakstan gave the ceramic and porcelain articles. In the absence of written documents ceramic is the real source for definition the chronological frames. The Bronze Age ceramic is typical by the decorations with ornaments, the ways of it been made. There were two main methods of making the ceramic porcelain-taping and forming patterns. The taping starts from the flat round bottom of vessel and then up to the neck. The ball vessels were forming by small bag of sand from inside that is very typical for the Central Kazakstan. The ceramic from the graves of Begazy-Dandybai culture is original by form and ornament, straight necks of vessels, ball form and relief ornaments which are peculiar only to Begazy-Dandybai culture of the Central Kazakstan.

In conclusion it's nesseeary to point out that Begazy-Dandybai culture existed and developed completely independly from Karasuk culture of South Siberia. All scientific data prove that its routes must be search not in the South Siberia but here in the ancient centres of metallurgy and it would be correct say it influences on Karasuk culture but not vice verse.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААН — Архив Академии наук СССР
- АМТУ — Археологический музей Томского университета
- АОВ — Акмолинские областные ведомости
- БИГН — Библиотека института геологических наук Академии наук КазССР
- ВАН КазССР — Вестник Академии наук КазССР
- ВГО — Всесоюзное географическое общество
- ВРГО — Вестник русского географического общества
- ВЦМК — Вестник Центрального музея Казахстана
- ГАОРСС — Госархив Октябрьской революции и Советского строительства (Ленинград)
- ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
- ГЖ — Горный журнал
- ГИМ — Государственный исторический музей
- ГИРЛСЖД — Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги
- ЕПСР — Естественно-производительные силы России
- ЗАО — Записки Археологического общества
- ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
- ЗЗСОРГО — Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества
- ЗМО — Записки Минералогического общества
- ЗРАО — Записки Русского археологического общества
- ЗРГО — Записки Русского географического общества
- ЗСПО — Записки Семипалатинского подотдела Русского географического общества
- ЗУОЛЕ — Записки Уральского общества любителей естествознания
- ИАК — Известия Археологической комиссии
- ИАН КазССР — Известия Академии наук КазССР
- ИАО — Известия Археологического общества
- ИВГРО — Известия Всесоюзного геолого-разведочного объединения
- ИГК — Известия геологического комитета
- ИГН — Институт геологических наук АН КазССР
- ИЗСО — Известия Западно-Сибирского отдела Русского географического общества
- ИАЭ — Известия АН КазССР. Серия истории, археологии и этнографии
- ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии Академии наук КазССР
- ИКФАН — Известия Казахского филиала АН СССР
- ИЛАИ — Известия лаборатории археологических исследований (Кемерово)
- ИРГО — Известия Русского географического общества
- ИТУ — Известия Томского университета
- ИЭФП — Известия АН КазССР, серия истории, этнографии, философии и права
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- КФАН — Казахстанский филиал Академии наук СССР
- ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
- ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории
- МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
- МВНИИ — Материалы Всесоюзного научно-исследовательского института
- МГПИК — Материалы по геологии и полезным ископаемым Казахстана
- МГРМК — Минералогия и геохимия рудных месторождений Казахстана
- МГРМПМГ — Материалы по геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии
- МГЦК — Материалы по геологии Центрального Казахстана. Издание АН СССР

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

МИИАЭ — Музей института истории, археологии и этнографии АН КазССР

МОКИСАР — Материалы Особого комитета по исследованию союзных автономных республик

МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции

НАА — Народы Азии и Африки

НИСГИ — Научно-исторический сборник Горного института

НМАЭ — Новые материалы по археологии и этнографии

ПАСА — Проблемы археологии Средней Азии

ПИМК — Проблемы истории материальной культуры

ПКСО — Памятная книжка Семипалатинской области

ПСГ — Проблемы советской геологии

ПСУПР — Полное собрание ученых путешествий по России

СА — Советская археология

САГУ — Среднеазиатский государственный университет

СВ — Сибирский вестник

СГ — Советская геология

СЗ — Советская золотопромышленность

СЛ — Современная летопись

СМА — Сборник географических, топографических

ких и статистических материалов по Азии

ТВГРО — Труды Всесоюзного геолого-разведочного объединения

ТВОРАО — Труды Восточного отделения Русского археологического общества

ТВЭО — Труды вольно-экономического общества

ТГВ — Томские губернские ведомости

ТГИМ — Труды Государственного исторического музея

ТИАЭ — Труды Института антропологии и этнографии АН СССР

ТИГН — Труды Института геологических наук АН КазССР

ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР

ТИРМ — Труды Института рудных месторождений АН СССР

ТЛОЕ — Труды Ленинградского общества естествоиспытателей

ТМАО — Труды Московского археологического общества

ТМО — Труды минералогического общества

УЗПИА — Ученые записки Педагогического института им.Абая

ЦГА — Центральный государственный архив КазССР

ЦКАЭ — Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово главного редактора	5
От редакционной коллегии по изданию Собрания сочинений академика А.Х. Маргулана	6
Жизнь и научная деятельность А. Х. Маргулана. Творческий образ ученого	8
Предисловие автора	15
Введение	17
Часть I	
Памятники эпохи неолита и андроновской историко-культурной общности	27
Глава 1. Истоки культуры бронзы Центрального Казахстана	29
Неолитические памятники Северо-Восточного Казахстана	31
Неолитические памятники Баянаульской и Каркаралинской степей и Северного Прибалхашья	32
Неолитические стоянки пустыни Бетпакдала	37
Неолитические стоянки бассейна р. Сарысу	41
Карагандинская группа стоянок эпохи неолита и бронзы	44
Джезказганские погребения и стоянки эпохи неолита	51
Глава 2. Памятники эпохи бронзы, предшествующие бегазы-дандыбаевской культуре	85
<i>Памятники переходного этапа от андрона к поздней бронзе (XII-XI вв. до н. э.) .....</i>	<i>87</i>
Айшрак Б	87
Егизек	90
Беласар Б	93
Балакулболды II, III	108
Байбала II	113
Памятники раннебегазинского времени Центрального Казахстана	114
Аксу-Аюлы II	116
Ортау II	125
Айдарлы	129
Кусмурун (Бугулы II)	131
Бегазы А (ранняя группа)	140
Часть II	
Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана	143
Глава 1. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры	145
Некрополь Бегазы	152
Мавзолей Бугулы III	180
Сангру I	189
Айбас-Дарасы	207

Дандыбай	216
Памятники переходного этапа от поздней бронзы к раннему железу (VIII—VII вв. до н.э.)	222
Былылдак I (подгруппа Б)	222
Кент	224
Глава 2. Поселения эпохи бронзы Центрального Казахстана	231
Атасу I	235
Бугулы I	250
Бугулы II	258
Аккезен	261
Байбала	263
Шортанды-Булак	264
Каркаралинская группа	279
Тагибай Булак	290
Джезказганская группа	294
Глава 3. Хозяйство и ирригация	311
Скотоводство	313
Ирригационные сооружения	317
Глава 4. Культовые камни	329
Глава 5. Искусство эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана	349
Строительное искусство	351
Каменотесное искусство	357
Художественная обработка металла	358
Косторезное дело	367
Керамика	371
Заключение	381
Заключение (на казахском языке)	386
Заключение (на английском языке)	390
Список сокращений	395

МАРГУЛАН АЛЬКЕЙ ХАКАНОВИЧ

Сочинения

ТОМ 1

**БЕГАЗЫ-ДАНДЫБАЕВСКАЯ
КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА**

Редакторы *М. Кул-Мухаммед, А. Прманов, С. Лилизо*

Художник *А. Искаков.*

Художественный редактор *М. Алимканова*

Технический редактор *Г. Азимкулова*

Корректор *Е. Кузнецова*

ИБ № 294

Сдано в набор 9.11.98. Подписано в печать 15.12.98. Формат 84x108¹/₁₆. Бумага мелов. Гарнитура «Гельветика». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 42,0. Усл. кр.-отт. 42,84. Уч.-изд. 30,71. Тираж 5000. Заказ 1359.

Издательство «Атамұра», 480091, г. Алматы, пр.Жибек жолы, 157.

Полиграфкомбинат корпорации «Атамұра» Республики Казахстан, 480002, ул. Макатаева, 41.